ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
Чебоксарское отделение Российского общества интеллектуальной истории

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Т.Н. ИВАНОВОЙ)

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 20–21 ноября 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 94(470)(082)
ББК 63.3(2)я43
И90

Рекомендовано к публикации на основании распоряжения
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
№150-общ от 16 октября 2026 г.

Рецензенты: **Бойко Иван Иванович**, д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования Чувашской Республики

Мягков Герман Пантелеймонович, д-р ист. наук, профессор ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»

Редакционная коллегия: **Широков Олег Николаевич**, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета, заведующий кафедрой истории и культуры зарубежных стран ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Идрисов Рустем Анатольевич, канд. ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Агеева Наталья Николаевна, канд. ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Краснова Марина Николаевна, канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

И90 **Историческая память как фактор национального возрождения и диалога культур: теоретическое осмысление, историографические дискуссии и социальные практики (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой)** : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 20–21 нояб. 2026 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2026. – 320 с. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-49-3

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Историческая память как фактор национального возрождения и диалога культур: теоретическое осмысление, историографические дискуссии и социальные практики (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой)» (Чебоксары, 20–21 ноября 2026 г.). Рассматривается широкий круг вопросов, посвященных теоретическому осмыслению концепта «исторической памяти», проблемам преподавания и ретрансляции исторической памяти, а также различным формам и практикам ее сохранения.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется данными проблемами.

Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 94(470)(082)
ББК 63.3(2)я43

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2026
© Чебоксарское отделение Российского общества интеллектуальной истории, 2026
© Издательский дом «Среда», оформление, 2026

ISBN 978-5-908172-49-3
DOI 10.31483/a-10929

ПРЕДИСЛОВИЕ

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксарское отделение Российского общества интеллектуальной истории представляют сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Историческая память как фактор национального возрождения и диалога культур: теоретическое осмысление, историографические дискуссии и социальные практики (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой)»**.

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященные теоретическому осмыслению концепта «исторической памяти», проблемам преподавания и ретрансляции исторической памяти, а также различным формам и практикам ее сохранения.

По содержанию публикации объединены в группы по направлениям:

1. Историческая память и ее функции в обществе: дискуссии в науке, теория и историография проблемы.
2. Проблемы преподавания и ретрансляции исторической памяти в средних и высших учебных заведениях.
3. Юбилейные даты как катализатор формирования исторической памяти.
4. Коммеморативные практики как механизм сохранения исторической памяти и роль в этом музеев, архивов, средств массовой информации, литературы и искусства.
5. Устная история как форма исторической памяти: поколения в памяти поколений.
6. Роль исторической памяти в патриотическом воспитании, формировании национальной идентичности и гражданском единении народов РФ.
7. Личность как символ эпохи и её роль в формировании исторической памяти.
8. «Войны памяти» и проблемы фальсификации истории: борьба за сохранение исторического суверенитета и информационной безопасности российского общества.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами России (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Барнаул, Биробиджан, Владивосток, Дзержинск, Иваново, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Краснодар, Нижний Новгород, Новороссийск, Омск, Рязань, Самара, Симферополь, Смоленск, Сыктывкар, Томск, Туймазы, Тюмень, Хабаровск, Чебоксары) и Республики Беларусь (Гродно).

Среди образовательных учреждений авторов статей выделяются следующие группы: академические учреждения (Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного Министерства обороны Российской Федерации, Нижегородская академия МВД России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Алтайский государственный педагогический университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Дальневосточный федеральный университет, Ивановский государственный университет, Институт деловой карьеры, Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП), Краснодарский университет МВД Российской Федерации, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Кубанский государственный университет» в г. Новороссийск, Кубанский институт профессионального образования, Марийский государственный университет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Новосибирское высшее военное командное училище, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российский государственный социальный

университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский государственный университет туризма и сервиса, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова, Санкт-Петербургский университет МВД России, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Смоленский государственный институт искусств, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Чувашский государственный аграрный университет, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова), а также Республики Беларусь (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели вузов, ассистенты, аспиранты, магистры и магистранты, студенты.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными наработками, результатами собственных исследований, включив их в материалы сборника Всероссийской научно-практической конференции с международным участием **«Историческая память как фактор национального возрождения и диалога культур: теоретическое осмысление, историографические дискуссии и социальные практики (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой)»**, содержание которого не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Научный редактор
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
Н. Н. Агеева

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В ОБЩЕСТВЕ: ДИСКУССИИ В НАУКЕ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Грошева Л.И., Грошев И.Л., Грошева И.А. Особенности проактивного формирования исторической памяти в условиях виртуализации образовательного пространства 9

Демидова М.В. Значение сохранения и транслирования исторической памяти в обществе символического капитализма 11

Дубова С.И. Историческая память в системе современной российской идеологии 15

Ерохин В.Н. Формирование публичной истории как направления в современном историческом знании 19

Иванова Т.Н., Тюнтеров О.С. Проблемы терминологии и классификации в «memory studies»: память историческая, культурная или культурно-историческая? 22

Корзун В.П., Кротт И.И. О жизненных циклах научных школ: осмысление опыта Омской историографической школы 26

Леонтьева О.Б. Память научного сообщества как историографическая проблема в современной отечественной науке 32

Максимова Е.В. Культурный код политической идеологии в России: исторические вехи развития через искусство как инструмент укрепления власти 36

Мягков Г.П. Антрополого-социокультурный поворот в историографии: вклад профессора Т.Н. Ивановой в исследование истории научных коммуникаций 40

Никишкин А.В. Исторический очерк о родном крае (деревня Ижора) 47

Рахов Д.Д. Память о восстановлении замка Сафед в трактате «De constructione castri Saphet» 50

Трофимов А.В., Широков О.Н. Проблемы становления и функционирования Чебоксарской хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрики в 1941–1945 гг. 54

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И РЕТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Беляева С.В. Традиции преподавания истории во Франции 58

Бойко И.И., Харитонова В.Г. Студенты Чувашской Республики об истории России и ее лидерах ... 60

Желобанов А.В. Специфика политической учебы и изменение учебных программ совпартшколы II ступени Чувашской автономии в первой половине 1920-х гг. 64

Иванов В.В. Особенности преподавания дисциплины «Основы российской государственности» в аграрном вузе (на примере иркутского ГАУ) 67

Идрисов Р.А. Методы систематизации знаний по истории родного края в школьных учебниках Т.Н. Ивановой 74

Казаков Н.А., Дружинина С.А., Никитина Е.А., Харитонова Е.М. Подготовка кадров для архивной деятельности высшими образовательными учебными заведениями Чувашской Республики 76

Кошокова С.Я. Актуализация исторической памяти в рамках преподавания обществоведческих дисциплин в КубГАУ 80

Курдубова В.В., Регонаха Фортунатус К.Ф. Исторический опыт развития военной радиосвязи Центральноафриканской Республики в профессиональной подготовке иностранных курсантов... 83

Курило В.Ю., Кошокова С.Я. Историческая память о Гражданской войне в современной России 87

Ласточкин В.Б. Социальные и волонтерские практики в системе гражданского воспитания и профессиональной подготовки студентов 90

Ратникова А.Р. Реализация историко-культурного и национально-регионального компонентов на уроке истории: из опыта преподавания дисциплины «История России» в системе среднего профессионального образования 93

Рытова А.С. Политическая социализация советской молодёжи в 1960-е гг.: механизмы, формы и противоречия (на материалах Ивановской области) 96

Сапенок О.В. Место и роль истории науки в аспирантском курсе «История и философия науки» .. 100

Ступина Д.С. Детские дома Ивановской области в годы Великой Отечественной войны: некоторые аспекты повседневности на материалах Ивановской области 103

Чернякова Н.С. Прошлое как основа настоящего и объект исторического познания 106

Широков О.Н., Матвеева Н.С. Педагогическая деятельность Народного учителя СССР П.Н. Чернова в контексте образовательной политики Чувашской АССР в 1960–1980-е гг. 108

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ КАК КАТАЛИЗАТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Бычкунова Е.Б., Лаврентьев М.В., Ходоскина Е.П. Анна Федоровна Жидкова – боец, доцент и родная сестра героя Гражданской войны 111

Дмитриева О.О. Становление научной школы изучения феномена исторической памяти в ЧГУ им. И.Н. Ульянова (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой) 114

Касимов Е.В. Юбилейные даты из истории Чувашского государственного института гуманитарных наук как катализатор развития исторических знаний 116

Краснова М.Н., Агеева Н.Н. «Учитель, ученый, наставник»: Т.Н. Иванова глазами выпускников исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова 120

Краснова М.Н., Григорьева А.А. «Главное, ребята, сердцем не стареть»: образ Т.Н. Ивановой по воспоминаниям выпускников историко-географического (исторического) факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова 124

Краснова М.Н., Щербакова Е.А. «Педагог, исследователь, наставник»: А.П. Данилова глазами выпускников исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова 127

Русанова В.С., Закирова Р.К. Русская карикатура Отечественной войны 1812 г. как инструмент формирования исторической памяти в современных образовательных практиках 130

Титкова Е.Г. Первая годовщина освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков как индикатор формирования и сохранения исторической памяти 133

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РОЛЬ В ЭТОМ МУЗЕЕВ, АРХИВОВ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Андреев О.В., Каталов И.А., Федотова Т.Ю. К вопросу о судьбах советских воинов, прошедших через фашистский плен 136

Винокуров А.И. Социокультурная трансмиссия в исторической динамике культуры Смоленщины (конец XIX – первая четверть XXI века) в трудах Е.А. Сикорского 142

Ефремов Е.А. Трансформация индустриального образа Юго-Западного района г. Чебоксары в 1970-е гг. 145

Журавлева Н.Б. Роль культурной памяти в формировании национальной идентичности 148

Иванова Т.Н., Рыбакова П.С. Проблема изучения в историографии социальной политики по поддержке семей военнослужащих в Чувашской АССР (1941–1945 гг.) 151

Миротворская И.В. Историческая память и архивное наследие: служба технической инвентаризации города Чебоксары в XX – начале XXI века 154

Овчинникова Н.П. Художественная литература на уроках истории: материалы для интегрированного урока-дискуссии «Оценки Октября 1917 года» 156

Павленко Н.В. Специфика коммеморативных практик в белорусской живописи первой четверти XXI века 160

Ткаченко В.Г., Ткаченко Е.В. Материалы ревизий симбирских губернаторов как источник по истории учебных заведений на территории Чувашии во второй половине XIX века 163

Федотов М.А. Коммеморативные практики и культурное наследие: как «Фамильная пинакотека» способствует их сохранению 167

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОКОЛЕНИЯ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

Варенцова Л.Ю. Подвиг Второго народного ополчения 1612 г. в исторической памяти нижегородцев 171

Дударева А.Е. Семейный уровень исторической памяти в системе сохранения культурного наследия: причины выпадения из учёта и условия возвращения 174

Казимиров М.С. О некоторых особенностях устно-исторических исследований этнорелигиозных процессов в Чувашии конца XX – начала XXI в. 178

Обжогина А.А. Волжская иконография как источник по истории и культурному наследию республик Среднего Поволжья и Приуралья 181

Папян А.В. Историческая память и языковая идентичность армянской эмиграции: дискуссия на страницах газеты «Арач» (1925 г.) 187

Федулов М.И. Джучидские монеты с территории средневековых селищ Чувашского Присурья 190

Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Р.Ю. Виппер в дискуссии о всемирно-исторической точке зрения: анализ коммуникативной ситуации 194

Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б. Предельные сроки ведомственного хранения документов Архивного фонда Российской Федерации: нормативное регулирование и права исследователей 198

Ярыгин А.А., Яковлев М.А. Исследовательская экспедиция Уилкса (1838–1842) как часть подготовительного этапа по присоединению территории Орегона к США 202

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ, ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНЕНИИ НАРОДОВ РФ

Боярчук Т.Н. Феномен этнонациональной идентичности в контексте исторической памяти 206

Коптева Г.Г. Дон Аминадо. Воспоминания (в эмиграции) 209

Литвяк Л.Г., Смирнова К.С., Видякина С.А. Урбанистическая история (или историческая урбанистика) изучения города как социально-пространственного феномена 213

Обидина Ю.С. Биографическая память как источник гражданского действия: от личной утраты к национальному возрождению 222

Пеструилов А.С. О роли сотрудников НКВД в деятельности партизанского движения в Краснодарском крае во время Великой Отечественной войны 224

Пушкин А.С. Национальный состав партийных кадров Чувашии в 1920-е гг.: особенности формирования и динамика изменений 227

Титова Е.В. Александр Невский как символ национальной идентичности: историческая память, историографические споры и межкультурный диалог 232

Хитрый В.Г. Формирование образа красных дальневосточных партизан Гражданской войны в исторической памяти поколений на современном этапе 237

Щербаль С.С. Региональный проект «перезагрузки» исторической памяти в контексте реконструкции социокультурной идентичности кубанского казачества 240

ЛИЧНОСТЬ КАК СИМВОЛ ЭПОХИ И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Захарченко О.В. Личность в исторической памяти: научное наследие и проблемы национальной идентичности 251

Карамаликова М.А., Шевченко И.М. Роль Т.Н. Ивановой в организации «Вечернего семинария» на историческом факультете (по данным устных источников) 254

Кодыбайкин С.Н. Вклад И.П. Прокопьева в создание Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова 258

Козина Н.Г. «Личное о Личности»: роль учителя в судьбах его учеников (к юбилею профессора Татьяны Николаевны Ивановой) 261

Кульчейко И.С. Роль Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в развитии государственно-церковных отношений (1946–1961) 268

Курдубова В.В., Сума Щейк Ф.М. Научное наследие А.С. Попова в исторической памяти и профессиональной подготовке военных связистов 273

Лежнина Е.В. Образ «гэльского христианства» в работах Чарльза О'Коннера (1710–1791) 276

Минеева Е.К., Зыкина А.П. К юбилею доктора исторических наук Ивановой Татьяны Николаевны 281

Самылкин Н.О. Образ В.И. Чапаева в пространстве исторической памяти: от символа эпохи к музейной репрезентации 285

Таймасов Л.А. От фронтового опыта к исторической памяти: воспоминания профессора В.Д. Димитриева 288

Харитонов А.Ю., Никонорова И.В. Научное наследие Ю.Р. Архипова и сохранение памяти о выдающемся географе 293

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» И ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Данилова А.И. Историческая память и вызовы в её сохранении 296

Идрисов Р.А. Борьба с нацистской пропагандой в СССР в период Великой Отечественной войны 298

Колпащиков М.С. Советская американистика 1940–1970-х годов: изучение внешней политики В. Вильсона в отношении стран Центральной и Южной Америки 301

Назаров В.А., Крупа Т.А. Японские военнопленные в СССР: характер труда и основные функции 306

Рыхтик М.И. Память в современной исследовательской повестке межнациональных отношений 309

Сумкина Н.А., Ефремов Е.А. Влияние медиа на формирование образа жертвы в общественном сознании 312

Тайгильдин А.В. Война с историей как поиск новой идентичности: на примере США 315

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В ОБЩЕСТВЕ: ДИСКУССИИ В НАУКЕ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Грошева Любовь Игоревна
канд. социол. наук, доцент
ФГК ВОУ ВО «Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова»
г. Тюмень, Тюменская область

Грошев Игорь Львович
канд. социол. наук, профессор
ФГК ВОУ ВО «Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова»
г. Тюмень, Тюменская область

Грошева Ирина Александровна
канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой
Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры»
г. Тюмень, Тюменская область

ОСОБЕННОСТИ ПРОАКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: *в статье рассматривается специфические черты формирования исторической памяти в условиях высокой интенсивности обновления данных, а также превалирования виртуальных коммуникативных практик над реальным взаимодействием. Авторами сформулирована проблема затруднительности закрепления внимания аудитории в отношении событий прошлого, которые не могут быть восприняты в системе современных стандартов. Представлены данные авторского исследования, отражающие преимущество проактивного подхода к усвоению исторических данных.*

Ключевые слова: *историческая память, культурное наследие, обучение молодёжи, коммеморативные практики, молодёжь.*

Формирование исторического знания в условиях виртуализации образовательного и коммуникативного пространства требует от авторов контента максимальной вовлечённости в современные технологии предоставления данных и их актуализации в условиях недоступности принципа синкретизма для современной молодёжи. Проблемное поле информирования населения об исторических фактах в значительной мере сопряжено с качественным подходом к освещению частных сведений и личностных характеристик известных деятелей. Совокупность представителей неформального сегмента информирования, представленные сообществом блогеров, инфлюэнсеров и членами общественных объединений, в ряде случаев могут оказывать разнонаправленное воздействие на аудиторию, что содержит конфликтный информационный повод для деструктивной дискуссии.

Исследователи отмечают, что затруднения в актуализации и сохранении исторической памяти заключаются в её системной неоднородности и высокой зависимости от контекстуальных аспектов восприятия отдельных событий или личностей. Смена трендов в социальной оценке значимости исторических событий (Победа в ВОВ, значение революции) становится основанием для пересмотра трактовок поступков деятелей прошлого, а также для искажения изначально закладываемого в феномен смысла. Таким образом, в структуре памяти образ остаётся практически неизменным, в то время как такие компоненты как содержание, социальное значение, рациональность и соответствие запросам общественности могут изменяться в зависимости от современных аспектов технологического прогресса [2, с. 9].

В исследованиях А.В. Баранова, В.В. Касьянова, П.С. Самыгина подчёркивается, что система ретрансляции данных должна основываться на создании устойчивых когнитивных основах, которые по своей сущности имеют объективное значение, непротиворечивую природу и однозначность восприятия поступка. В таких ситуациях внешняя смысловая оболочка, формируемая под давлением актуальных социальных стандартов и стереотипов, не позволяет деформировать смысловое ядро исторических нарративов [1, с. 12].

В связи с этим Рудаков С.И. и Солодовникова Т.Г. поднимают вопрос о переходе с объективного изложения исторической информации к субъективному присвоению исторического наследия через связь с семейной памятью и возможность приобщения к формированию нового знания, дополняющего уже имеющиеся факты [3, с. 14]. Таким образом, многообразие общественных движений, волонтёрских акций, поисковых отрядов и сообществ реконструкторов исторических событий становится форматом проактивной деятельности молодёжи, позволяющим трансформировать статичные артефакты, в собственное достижение и вклад в богатство исторической науки.

Риски подобной проактивности, по мнению Д.А. Феоктистова, заключаются в специфике создаваемых форм исторической памяти и их чрезмерной зависимости от системы конкретного субъекта, значение результата для которого является объективно установленным, в то время как в системе восприятия группы или общества в целом, ценность сформированного знания или зафиксированного артефакта, может быть нестабильной [4, с. 35]. Несмотря на вероятность чрезмерной субъективизации исторической памяти именно проактивные форматы изучения и усвоения историко-культурного наследия считаются наиболее оптимальными в условиях перманентного потока различного рода данных.

Историческая память в условиях виртуализации коммуникативного пространства как правило сталкивается с рядом барьеров, препятствующих полноценному восприятию значения истории. Первая проблема заключена в высокой насыщенности массивов данных, предлагаемых к ежедневному изучению в рамках тематических сообществ. Избыток информации приводит к стихийному игнорированию данных исходя из принципа их актуальности и необходимости для решения конкретных задач. Учитывая специфику истории, подобные сведения зачастую становятся периферийным информационным полем. Повторяемость воспроизведения отдельных исторических фактов (празднование Победы) обуславливает риск рутинизации и монотонии практик, что снижает интерес со стороны молодёжи.

С целью анализа качественных характеристик усвоения исторического наследия в его проактивной форме, выраженной через деятельность поисковых отрядоов, волонтёров и реставраторов, занятых поиском артефактов, проведением мероприятий или инициацией исторических проектов, авторы статьи в декабре 2025 г. – апреле 2026 г. провели исследование методом фокус-групп (N = 21 по 7–9 человек). В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте 16–35 лет, чья деятельность соответствует вышеуказанным критериям.

Молодые люди отметили, что возможность участия в мероприятиях, в ходе которых может быть получен новый артефакт или знание способствует повышению мотивации к изучению конкретного периода истории. Участники подчёркивали, что анализ позволяет им сформировать чёткое представление о собственном вкладе в общественную историю. Наличие положительных стереотипических установок вероятности бессрочного хранения артефактов в свою очередь усиливает их восприятие собственной значимости и запоминание тех фактов, с которыми связан полученный результат.

Также мотивирующим механизмом, способствующим запоминанию событий прошлого, выступает возможность сделать консолидированный вклад в социальную или «народную» память. Подобный механизм был реализован на базе платформ движений «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» в формате шествия, а также создания баз данных участников сражений, основанных на консолидированном вкладе граждан в виде отображения личных вещей, историй и мемуаров участников событий, являвшихся членами семьи.

Молодые люди достаточно болезненно воспринимают факты атак или некорректного использования подобных баз, выраженных в подлоге информации, использовании сторонних или искусственно сгенерированных фотографий. Информанты отмечали, что подобные

деструктивные акты нивелируют ценность общих усилий по обогащению знаний и сохранению истории, однако частота деструктивных поступков в сети интернет, заставляет молодёжь в ряде случаев отказываться от участия в создании социальной памяти из опасения возможности искажения их семейной истории.

Треть опрошенных отметили уверенность в значимости поисковых отрядов, реконструкции и других форм активности, позволяющих прочувствовать историческую эпоху и визуально приблизить её реалии для современного зрителя. Таким образом, все возможные виды активности, носящие деперсонифицированный характер воспринимались однозначно конструктивно. В то же время ресурсы для сбора данных об участниках сражений и тружениках тыла вызывают у информантов смешанные чувства. Среди наиболее упоминаемых барьеров отмечалась возможность обнаружения обстоятельств или фактов, не соответствующих изложенным первоисточником, что могло бы послужить причиной для исчезновения семейного героя или поведенческого стандарта ввиду факта искажения сведений. Часть молодых людей отметила, что формируемые знания о близких в открытых системах могут послужить основой для коммерционализации образа посредством технических средств (ИИ).

Таким образом, молодые люди продемонстрировали высокий интерес к проактивным формам восприятия и сохранения исторического наследия, однако, предпочитали те виды деятельности, которые могут дать краткосрочный результат и социальную оценку, а также не представляют опасности для имиджа семьи и собственных ценностей.

Список литературы

1. Баранов, А. В. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения / А. В. Баранов, В. В. Касьянов, П. С. Самыгин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 2 (83). – С. 9–19.

2. Кудинова, А. В. Историческая память: структура и типология / А. В. Кудинова, С. А. Морозов, П. В. Прохода // Культурная жизнь Юга России. – 2024. – № 4. – С. 7–14.

3. Рудаков, С. И. Историческая память как основополагающий компонент культуры / С. И. Рудаков, Т. Г. Солодовникова // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. – 2024. – Т. 23, № 25. – С. 12–16.

4. Феоктистов, Д. А. Формы исторической памяти / Д. А. Феоктистов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 8–2 (83). – С. 34–37.

Демидова Марина Владимировна
канд. филос. наук, эксперт
ООО «Аспект»
г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-171425

ЗНАЧЕНИЕ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Аннотация: *с целью определения значения сохранения и транслирования исторической памяти в обществе символического капитализма изучена специфика его формирования. Выявлена значимость исторической памяти как временного фактора развития национального менталитета, содержащего информацию о социальных, политических и других диспозициях, существовавших в истории того или иного общества. Исследование проведено в синергетической и рекурсивной парадигмах, применён диалектический подход. Даны практические рекомендации по применению полученных результатов.*

Ключевые слова: *символический капитал, доверие, Бурдье, социальные диспозиции, историческая память, символический капитализм.*

В XX веке человечество вступило в новую фазу своего развития, характеризующуюся новым для всего мира явлением – глобализацией. Сначала она происходила преимущественно

по экономическому пути, но постепенно у взаимодействующих обществ появились другие интересы, поэтому этап глобализации периода начала XXI века по настоящее время осуществляется не только по экономическому, но также политическому, культурному и другим направлениям своего развития. А это значит, что общество в глобальном масштабе перешло к новому этапу в движении капитализма – символическому капитализму, основным способом производства которого является символический капитал, охарактеризованный французским философом П. Бурдье (1930–2002) как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [2, с. 231]; клиентела – это «социальные отношения зависимости» [3, с. 272], строящиеся на основе стратегии накопления доверия, то есть символический капитал есть кредит доверия.

Другими словами, в эпоху символического капитализма любое взаимодействие между современными обществами как на глобальном, так и на локальном и глокальном уровнях осуществляется в случае наличия доверительных отношений между социальными акторами и приносит им не только финансовые, но и символические выгоды: политические, социальные, культурные и другие [6; 8].

В такой ситуации большое значение приобретают ценности каждого из взаимодействующих обществ, так как они являются чаще всего ориентирами и целями социального взаимодействия. Ценности каждого общества формируются, хранятся и транслируются на протяжении истории и зафиксированны в традициях, обычаях, нормах, идеалах и содержатся в исторической памяти как отдельного человека, так и конкретного общества. На уровне личностного развития ценностные установки зафиксированы в архетипах как моделях поведения, реализуемых в определённых ситуациях. Согласно современным исследованиям, понятие «архетип» можно применять не только к исследованию поведения отдельной личности, но и отдельного народа, общества, чаще всего в этом случае этнокультурные особенности понимаются как результат реализации моделей поведения, свойственных конкретному этносу или государству, они есть результат исторического опыта, зафиксированного в исторической памяти [13]. В связи с этим, как отмечают исследователи [19], большое значение приобретает система сохранения и транслирования ценностей общества, другими словами, система образования и воспитания детей и молодежи является основой для дальнейшего развития того или иного общества в заданном направлении.

Историческая память, играет в этом процессе особую роль: будучи связующим звеном между прошлой, настоящей и будущей жизнями как отдельных людей, так и конкретных обществ, она транслирует информацию и знания о развитии общества и тем самым способствуют сохранению и поддержанию его единого духовного пространства. История общества – это течение и смена событий. В российской системе образования дисциплина «История России» предполагает транслирование истории политических преобразований, а политика, как известно, представляет собой искусство управления, основанное на отношениях зависимости и подчинения, предполагающее осуществление социальных диспозицией: управляющий-управляемый или зависимый-независимый.

На концепции социальных диспозиций как концепции о соотношении противоборствующих сил, в котором есть зависящие и зависимые стороны, построена теория символической власти, разработанная П. Бурдье: символическая власть представляет собой невидимую власть авторитета, за который ведётся борьба, опосредованная символическим капиталом как кредитом доверия [5]. Другими словами, власть принадлежит наиболее авторитетной из сформированных диспозиций, так как авторитет есть категория социального отношения между взаимодействующими сторонами, с помощью которой определяется ценность социального актора, наделяемого наиболее взыскательными характеристиками: уважением, высоким уровнем профессионализма, положительным жизненным опытом, порядочностью, вызывающими доверительное отношение со стороны людей.

В контексте теории символического капитализма политическое взаимодействие не на физическом, а на информационном или символическом уровнях представляет собой систему

кредитных отношений как диспозицией, понимаемую не в узком экономическом, а в широком символическом смысле, то есть как отношения долга и обмена в целом. Здесь имеются ввиду и социальный, и культурный, и другие виды долговых и обменных отношений: долг перед Родиной, обществом, родителями, друзьями, партнёрами и другими субъектами взаимодействия.

Как известно, кредит есть отсроченный долг, а кредитные отношения, будучи отношениями долга, являются отношениями зависимости, а значит отношениями власти и подчинения. В современном мире наблюдается тенденция к демократизации власти в большинстве государств, а в масштабе мирового взаимодействия она становится более эффективной в случае применения странами стратеги «символический капитал» как стратеги достижения общих интересов путем достижения консенсуса, а не путем подчинения и порабощения участников взаимодействия. В этом процессе большое значение приобретает историческая память как ценностная категория, необходимая для развития глобального общества, формирование которого неминуемо и требует сегодня создания общих норм и принципов сотрудничества государств, а общие ценности могут стать основой для формирования новой системы глобального взаимодействия.

Современные социальные и гуманитарные науки накопили большое количество исследований, посвящённых проблеме исторической памяти, изученной в различный аспектах: преимущественно политическом, социальном и культурном. В основном данные исследования посвящены изучению механизмов трансляции исторической памяти, а также культурному и политическому значению её сохранения [1; 10–12; 14; 18; 20; 21]. Но неизученным остаётся вопрос значения сохранения исторической памяти для процессов формирования символического капитализма, то есть зачем хранить информацию о прошлом в современном глобализирующемся обществе?

Теоретические ответы на этот вопрос сводятся к объяснению механизмов сохранения национальной идентичности [4] или выражению благодарности к предкам за усилия, часто героические и несомненно важные для последующих поколений, что конечно же справедливо и требует уважительного отношения к этим героическим людям, много сделавшим для продолжения нашей жизни. Однако, считаем, что данные справедливые теоретические объяснения смысла сохранения исторической памяти не в полной мере характеризуют место и значение исторической памяти для практической жизни людей, выраженной в политической, экономической и социальной сферах деятельности. А они очень важны, поскольку, на наш взгляд, историческая память содержит не только информацию о достижениях предков, но и, самое главное, информацию о социальных и политических диспозициях и способах преодоления зависимости, то есть способах сохранения государственного суверенитета!

Другими словами, благодаря сохранившейся информации о прошлом, мы можем в настоящем понимать, кто был или есть враг или друг для нас и для другого окружения (в международном смысле), а это значит, если трактовать это обстоятельство в контексте теории общества символического капитализма, понимать, с кем стоит сотрудничать, а кого лучше остерегаться, просто не доверять по причине вероятности сохранения у прошлого врага его прошлых намерений, а возможно и готовиться дать отпор историческим противникам.

Ведь, как показывает история, побеждённый враг, будь он принадлежащим к далекому или близкому прошлому, как правило, стремиться взять реванш, может к нему долго и тщательно готовиться и даже вести стратагемную политику по отношению к своему победителю, то есть, говоря простыми словами, притворяться другом. На эти особенности психологии побеждённого указывают также и современные учёные: «побежденные, если они психологически не сломлены поражением, ориентированы на реванш, что предполагает их нацеленность на продолжение конфликта» [9, с. 22–23; 16; 17]. Недавний конфликт между Ираном и Соединёнными Штатами Америки стал победным для Ирана во многом благодаря долгой и тщательной подготовке этой страны к предполагаемому реваншу США, которого так и не случилось.

Вероятно, такими стратагемными (обманными) отношениями было сотрудничество России и западно-европейских стран в течение нескольких последних десятилетий: совместные

проекты могли быть просто разведывательными, контролирующими, а может быть и потенциально деструктивными по отношению к нашей стране: это многие научно-технические, управленческие, экономические, образовательные и другие проекты.

Например, Болонский процесс в российском образовании оценён очень многими отечественными учёными негативно, так как не только снижал качество образования, но и «имел явственно экспансионистские черты...» [15, с. 205], поскольку возводил определённые европейские стандарты, а также обязательность для учёных транслировать основные результаты исследований на английском языке в случае размещения научных работ в базах Scopus и Web of Sciente: «то есть международное сотрудничество с Западом в сфере науки и образования становится дорогой с односторонним движением, отличительной чертой которого является языковой неоколониализм» [15, с. 206–207]. Понимая, что в современном мире наука и образование – это один из основных двигателей прогрессивного развития, такое одностороннее «сотрудничество» можно расценивать как стратагему, направленную на ознакомление с новейшими научными исследованиями стран, входящих и ранее входивших в Болонскую систему образования. Можно оценить положительно отказ России от данной системы и надеяться на то, что этот отказ будет полным и скорым.

Таким образом, историческая память, являясь временным фактором развития национального менталитета, содержит информацию о социальных, политических и других диспозициях, существовавших в истории того или иного общества. Её значение для процессов формирования общества символического капитализма состоит в обязательном и активном сохранении и транслировании исторического опыта в масштабах государства с целью формирования представлений, необходимых для понимания современных глобальных и национальных трансформаций, и для осуществления социального взаимодействия как на локальном, глокальном, так и глобальном уровнях формирующегося общества символического капитализма.

Список литературы

1. Бегунова, Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике / Е. А. Бегунова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 50–55.

2. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье. – Санкт-Петербург, 2001. – 562 с.

3. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. – Санкт-Петербург, 2005. – 576 с.

4. Гончарова, А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности / А. В. Гончарова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 134–141.

5. Демидова, М. В. Символическая власть и правящая элита: социально-философский анализ / М. В. Демидова // Инновации в науке. – 2012. – № 14–2. – С. 6–15.

6. Демидова, М. В. Символический капитал: интерпретации и виды / М. В. Демидова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40. – С. 392–403.

7. Демидова, М. В. Социальное взаимодействие в условиях символического капитализма / М. В. Демидова // Социальные и культурные практики в современном обществе: инициатива, партнерство, стратегии развития : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Великой Победы и приуроч. к 90-летию Новосибирского государственного педагогического университета : в 2 ч. – Новосибирск, 2025. – С. 47–52.

8. Демидова, М. В. Социально-философское обоснование теории символического капитализма / М. В. Демидова // Философия права. – 2015. – № 4 (71). – С. 20–23.

9. Ипполитов, Г. М. Победа, поражение, эйфория, демобилизация победителей, мобилизация побеждённых как военно-исторические феномены в зеркале исторической психологии: непростая диалектика (дискуссионные заметки) / Г. М. Ипполитов, Т. В. Филатов // Самарский архивист: научный альманах. – 2025. – № 2 (10). – С. 22–29.

10. Калачёва, И. И. Историческая память в коммуникации старших и младших поколений: теоретическое измерение / И. И. Калачёва, Н. В. Ефимова, И. В. Пинчук // Современная молодежь и общество. – 2022. – № 10. – С. 16–23.

11. Колосова, Н. Н. Понятие «историческая память»: современные концепты / Н. Н. Колосова // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. – 2022. – № 2. – С. 46–52.

12. Коваленко, В. В. Историческая память: сущность, основные формы, роль в обществе / В. В. Коваленко // Парадигмы истории и общественного развития. – 2017. – № 5. – С. 35–37.

13. Меркулов, К. К. Сравнение культурных архетипов народов России и Китая: обзор источников / К. К. Меркулов // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – Москва : ИКСА РАН, 2022. – С. 65–93.

14. Сунь, М. Концептуальное осмысление понятия «историческая память» в трудах китайских ученых / М. Сунь, Н. С. Кондакова, Т. Н. Кучинская // Российские исследования. Культура и общество. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 139–156.

15. Филатов, Т. В. Участие России в Болонском процессе как негативный опыт международного сотрудничества в сфере образования / Т. В. Филатов // Международное сотрудничество: историко-психологические аспекты : материалы LII Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 203–208.

16. Филатов, Т. В. К вопросу о диалектической интерпретации понятий победы и поражения / Т. В. Филатов // Феномен Победы как историко-психологическое явление : материалы 57-й Междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 74–76.

17. Фрёнд, Ж. Победа и поражение / Ж. Фрёнд // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2008. – № 6. – С. 58–66.

18. Шендрикова, С. П. Понятие исторической памяти в отечественной историографии / С. П. Шендрикова, М. А. Царина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4 (56). – С. 147–153.

19. Шмелева, О. Е. Система образования в Российской Федерации как механизм формирования образа современного российского государства в сознании школьников / О. Е. Шмелева // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 152–161.

20. Шумкина, Т. Г. Проблема исторической памяти в современной российской историографии (по материалам сборника научных трудов «История и историческая память») / Т. Г. Шумкина // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2014. – № 16. – С. 282–293.

21. Эскерханова, Л. Т. Сравнительный анализ понятий «культурная память» и «историческая память» в контексте международных и российских гуманитарных исследований / Л. Т. Эскерханова // Культурная память и формирование гражданской идентичности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Грозный, 2024. – С. 96–102.

Дубова Светлана Игоревна
соискатель
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Москва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация: *статья посвящена вопросу о том, какое место занимает историческая память в системе ценностных ориентиров, на которые опирается государственная политика современной России. Поскольку Конституция РФ запрещает устанавливать государственную идеологию, понятие «идеология» используется в широком значении. На материале нормативных актов 2020–2025 гг. показано, как память о прошлом становилась объектом государственной политики: от конституционной нормы о защите исторической правды до Основ государственной политики в области исторического просвещения. Рассмотрены основные каналы реализации этой политики (школа и вуз, памятные даты, музеи и исторические общества), а также ее региональное измерение на примере Чувашии. Сделан вывод, что результативность политики памяти зависит прежде всего от того, насколько она опирается на профессиональное историческое знание и учитывает исторический опыт разных народов России.*

Ключевые слова: *историческая память, политика памяти, символическая политика, традиционные ценности, историческое просвещение, общероссийская гражданская идентичность.*

Введение.

Еще полтора-два десятилетия назад историческая память в России воспринималась главным образом как предмет научного интереса историков, социологов и культурологов.

Сегодня о ней говорится в Конституции и целом ряде документов стратегического планирования, у нее появились собственные институты и государственные проекты. Перечень таких актов за последние годы заметно расширился: поправки к Конституции 2020 г., Стратегия национальной безопасности 2021 г., Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г., Основы государственной политики в области исторического просвещения 2024 г [3; 8–10]. С 1 января 2026 г. действует новая Стратегия государственной национальной политики, а сам 2026 г. объявлен Годом единства народов России [6; 7].

Говорить в этой связи об «идеологии» можно лишь с оговоркой. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [3]. Поэтому мы используем этот термин в широком значении, понимая под ним совокупность ценностей и смысловых установок, которые лежат в основе государственной политики и воспроизводятся через образование, культуру, публичные выступления первых лиц. В отечественной науке близкое содержание чаще передается понятиями «символическая политика» и «политика памяти» [4; 11], и в дальнейшем мы будем опираться на наработки авторов, которые ими пользуются.

Задача статьи состоит в том, чтобы проследить, как историческая память встраивается в эту систему ценностей, какие функции ей при этом отводятся и через какие каналы она передается обществу.

Историческая память как предмет исследования.

Отправной точкой для большинства работ о коллективной памяти по-прежнему остается концепция М. Хальбвакса. Французский социолог показал, что даже сугубо личные воспоминания складываются в «социальных рамках», то есть опираются на язык, представления и ценности тех групп, к которым принадлежит человек [14]. Позднее П. Нора предложил понятие «мест памяти», к которым отнес памятники, праздники, символы и тексты, в которых сообщество фиксирует значимое для себя прошлое. Он же довольно резко развел память и историю: первая эмоциональна и избирательна, вторая по своей природе критична [5]. Для нашей темы полезно и различение, которое проводит Я. Ассман. Коммуникативная память охватывает опыт трех-четырех одновременно живущих поколений и уходит вместе с ними; культурная же закрепляется в институтах и ритуалах и способна существовать столетиями [2]. А. Ассман, развивая эти идеи, обратила внимание на то, как государство и общество выстраивают мемориальную культуру, в том числе в отношении травматического прошлого [1].

Отечественные исследователи активно включились в эту проблематику на рубеже XX–XXI вв. Л.П. Репина определяет историческую память как совокупность научных и вненаучных знаний и массовых представлений общества об общем прошлом [12]; Ж.Т. Тощенко делает акцент на ее роли в организации, сохранении и воспроизведении прошлого опыта народа [13]. Политологический ракурс представлен прежде всего в работах О.Ю. Малиновой, которая рассматривает политику памяти как часть символической политики, то есть сферы, в которой политические акторы конкурируют за утверждение своих интерпретаций прошлого [4]. Сравнительный материал по России и странам Восточной Европы собран в коллективной монографии под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко, где подробно разобраны акторы, институты и нарративы политики памяти [11].

Для дальнейшего изложения из этого краткого обзора существенно одно: память о прошлом конструируется обществом и всегда несет ценностную нагрузку. Неудивительно, что государство, заинтересованное в общественном согласии, рано или поздно начинает считать ее сферой собственной ответственности.

Нормативное закрепление исторической памяти.

Переломным в этом отношении стал 2020 г. В новой ст. 67.1 Конституции РФ говорится о Российской Федерации, «объединенной тысячелетней историей», которая сохраняет память предков и преемственность в развитии Российского государства (ч. 2). Часть 3 той же статьи закрепляет, что государство чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту

исторической правды, а умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается [3]. Примечательно, что само словосочетание «историческая память» в ст. 67.1 не употребляется: речь идет о «памяти предков», «памяти защитников Отечества» и «исторической правде». Как самостоятельная категория оно появляется годом позже в Стратегии национальной безопасности, где защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти отнесена к стратегическим национальным приоритетам [8]. Сдвиг, на наш взгляд, принципиальный: память начинает рассматриваться как объект защиты, а попытки фальсификации истории попадают в ряд угроз национальной безопасности.

Указ Президента РФ №809 (2022) включил в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей «историческую память и преемственность поколений» [9]. Обратим внимание на саму эту связку. Память здесь понимается прежде всего как способ передачи ценностей от старших поколений к младшим, и в этой формуле уже заложена та просветительская и воспитательная логика, которая через полтора года получила развитие в специальном документе.

Им стали Основы государственной политики в области исторического просвещения, утвержденные Указом №314 от 8 мая 2024 г., то есть накануне Дня Победы [10]. Среди целей в документе названы формирование общероссийской гражданской идентичности, сохранение памяти о значимых событиях отечественной истории, патриотическое воспитание и недопущение умаления подвига народа при защите Отечества. Круг субъектов очерчен широко: помимо органов публичной власти сюда отнесены научные и образовательные организации, учреждения культуры, СМИ, общественные объединения и НКО. Хотелось бы отметить и то, что исторические знания, которые предлагается распространять, документ характеризует как достоверные и научно обоснованные; к этому положению мы еще вернемся.

В актах последних двух лет эта тенденция продолжается. Так, Стратегия государственной национальной политики до 2036 г. (Указ №858 от 25 ноября 2025 г.) связывает укрепление общероссийской гражданской идентичности с сохранением этнокультурного и языкового многообразия и прямо указывает среди задач сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне [7]. Указом №962 2026 г. объявлен Годом единства народов России [6]. Если подытожить сказанное, то за пять лет в России сложилась достаточно цельная система ценностных ориентиров государственной политики, хотя формально государственной идеологии у нас нет. Историческая память занимает в этой системе далеко не последнее место.

Функции памяти и каналы ее передачи.

Какие задачи решает государство, обращаясь к прошлому? На основании рассмотренных документов можно выделить несколько функций исторической памяти, хотя на практике они, разумеется, переплетаются. Первая и, пожалуй, главная из них связана с идентичностью: в стране, где проживает более 190 народов, память об общем прошлом служит одним из ключевых оснований общероссийской гражданской идентичности. С ней тесно связана легитимирующая функция, поскольку формула о «тысячелетней истории» и преемственности государства позволяет представить современный государственный порядок как продолжение длительной исторической традиции. Память о совместно пережитых испытаниях, и прежде всего о Великой Отечественной войне, выполняет консолидирующую роль, особенно заметную в периоды внешнего давления. Наконец, в документах последних лет на первый план отчетливо выходят воспитательная функция и защитная, под которой понимается противодействие фальсификации истории, в том числе правовыми средствами.

Основной канал передачи памяти – образование. С сентября 2022 г. в школах проводятся внеурочные занятия «Разговоры о важном», с 2023 г. старшеклассники учатся по единым учебникам истории, а студенты вузов осваивают курс «Основы российской государственности». Не меньшую роль играют коммеморативные практики. Здесь показательно привести в пример логику тематических годов: Год памяти и славы (2020) был приурочен к 75-летию Победы, а Год защитника Отечества пришелся на 2025 г., когда отмечалось ее 80-летие. Сюда же относятся акции «Бессмертный полк» и «Свеча памяти». Наконец, заметную часть работы

берут на себя Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество, музеи и архивы, сеть исторических парков «Россия – моя история». К этому же ряду относятся крупные проекты вроде «Без срока давности», посвященного памяти мирных советских граждан, погибших от рук нацистов.

В многонациональной стране общероссийская память неизбежно соседствует с региональной и этнической. На наш взгляд, именно на этом уровне политика памяти оказывается наиболее «живой», ведь она опирается на семейные истории и знакомые каждому места. Удачным примером здесь является Республика Чувашия. Указом главы республики, подписанным 9 мая 2020 г., 2021 г. был объявлен Годом трудового подвига строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, а 1 июля 2022 г. в с. Байгулово Козловского района открылся мемориал «Строителям безмолвных рубежей», ставший первым в России мемориальным комплексом в честь тружеников тыла. Подобные инициативы, как представляется, вполне вписываются в общероссийский нарратив и при этом наполняют его конкретным содержанием, узнаваемым для жителей региона.

Вместе с тем в научной литературе давно обсуждаются и проблемные стороны политики памяти. Напряжение между памятью и историей, о котором писал П. Нора, никуда не исчезает: память «отбирает и оценивает», наука же обязана проверять факты и допускает несколько толкований одного события [5; 12]. Исследователи предупреждают и о риске чрезмерной политизации прошлого, которая в международных отношениях нередко оборачивается «войнами памяти» [11]. Думается, частичный ответ на эти вызовы содержится в тех же Основах исторического просвещения с их акцентом на научно обоснованное знание. Представляется, что политика памяти становится устойчивой тогда, когда государство задает общие ориентиры, а профессиональное сообщество историков сохраняет самостоятельность в исследовании и интерпретации прошлого.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова / А. Ассман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

4. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 190 с.

5. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

6. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России : Указ Президента РФ : от 25.12.2025 №962 // Официальный интернет-портал правовой информации.

7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента РФ : от 25.11.2025 №858.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ : от 02.07.2021 №400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ : от 09.11.2022 №809 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента РФ : от 08.05.2024 №314.

11. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

12. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.

13. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

Ерохин Владимир Николаевич
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина»
г. Рязань, Рязанская область

ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Аннотация: *в статье представлена характеристика публичной истории и исторической политики как подходов к репрезентации прошлого, используемых для популяризации исторического знания историками, различными общественными группами и движениями, и ставших также инструментами в деятельности органов государственной власти. Публичная история и историческая политика, как отмечается автором, имеют также потенциал для репрезентации полученного историками знания в историческом регионоведении и историческом краеведении.*

Ключевые слова: *публичная история, историческая политика, историческое регионоведение, краеведение.*

Термин «публичная история» описывает совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе, медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики. Публичная история рассматривает вопрос о том, что происходит с историческим знанием и, шире, с прошлым в процессе его публичного осмысления и продвижения исторического академического знания в публичное пространство, и какие инструменты при этом используются.

В качестве формы специализированной деятельности, а также в виде учебной дисциплины в структуре исторического образования публичная история оформилась в середине 1970-х годов в США. К этому привело стечение ряда обстоятельств. Интеллектуальная атмосфера, благоприятствовавшая возникновению публичной истории, стала складываться в результате активизации демократического, молодежного, студенческого движения на Западе в середине и второй половине 1960-х годов. На рубеже 1960–1970-х годов стал заметно проявляться кризис основных политических идеологий и связанных с ними исторических метанарративов, представлявших общий ход понимания общественного развития. Социалистическая идея и социалистическое общество в его административно-командном варианте многими интеллектуалами стали рассматриваться как репрессивные по отношению к личности. Либеральная же идея, функционирование рыночной экономики тоже вызывали разочарование тем, что основанное на них капиталистическое общество оказывалось неспособным преодолеть сильнейшие имущественные различия, безработицу, отчуждение индивида от власти, диктат бизнеса и финансового капитала, который тоже способен подавлять личность, пусть, в первую очередь, экономическими методами (но в принципе способен на любые действия). Так что и социалистическое общество, и парламентская демократия западного типа стали проблематизироваться как социально-политические идеалы. В целом явления в области культуры и историописания второй половины XX века – разочарование в установках модерна, развитие мемориальной культуры, усилия по диверсификации нарративов и привлечению внимания к прежде маргинализированным социальным группам – способствовали росту интереса к прошлому [1, с. 9].

Возник кризис в понимании того, к чему же следует стремиться в общественном развитии, проблематизировалось, в определенной мере, даже линейно-векторное понимание истории и представление о том, что история движется в направлении какой-то цели. Появление публичной истории оказалось также связанным с экономическим кризисом середины 1970-х годов на Западе, повлекшим за собой сжатие рынка труда для профессиональных историков, не находивших для себя трудоустройства в университетской системе. Вместе с тем,

возникновению публичной истории способствовал также возросший к 1970-м годам встречный спрос на историю со стороны все более широких слоёв населения.

В результате стали складываться предпосылки для академической институциализации публичной истории. Осенью 1976 года в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре по инициативе историка Роберта Келли впервые был открыт приём студентов на бакалавриат по специальности «публичная история». Далее осенью 1978 года в США вышел в свет первый номер научного журнала «The Public Historian», а в 1979 году был учреждён Национальный совет США по публичной истории.

На сегодняшний день публичная история наиболее институционализирована как дисциплина в США и других англосаксонских странах. В США действует Национальный Совет по публичной истории (National Council on Public History) и ещё целый ряд организаций. Соответствующие курсы входят в программы более чем ста пятидесяти североамериканских университетов по всей стране, выходит целый ряд периодических изданий, таких, как «The Public Historian» и ежеквартальный вестник «Public History News». Национальный Совет, кроме всего прочего, демонстрирует расширение методов воздействия исторического знания на общественное сознание и ведёт довольно содержательный блог «History@Work» [2]. Специалисты по проблематике публичной истории к настоящему времени в США работают в музеях, в правительственных организациях разного уровня, а также в университетах и колледжах.

Вслед за США публичная история завоевала себе место среди академических дисциплин в других странах (Канада, Австралия, Великобритания). В Канаде институционализация публичной истории произошла после кризиса 1970-х годов. Курсы по публичной истории преподаются во многих университетах, наиболее давние традиции в этом отношении – у Университета Западного Онтарио.

Специфика развития публичной истории в Австралии вызвана, не в последнюю очередь, тем, что постиндустриальная трансформация городов в этой стране наложилась на постколониальное переосмысление истории и поиски новых, более широких рамок национальной идентичности. Публичная история оформилась в Австралии позднее по сравнению с США (австралийский научный журнал «Public History Review» издаётся с 1992 года). Публичная история преподаётся, по крайней мере, в пяти университетах, а в составе Университета им. Джона Монаша существует с 2004 года Институт Публичной Истории [3, p. 83–93].

В Великобритании 1970-е годы были временем интенсивных публичных дебатов о мемориальном наследии, толчок к которым дала развернувшаяся после 1968 года борьба за сохранение аристократических усадеб. До середины 1990-х годов предпринимавшиеся время от времени попытки институционализации публичной истории не имели особого успеха, и до самого конца девяностых в Великобритании такая деятельность именовалась «история в широкой перспективе» (history at large).

В Великобритании Комитет по Публичной Истории действует с мая 2009 года. При Университете Йорка функционирует Институт общественного понимания прошлого (Institute for the Public Understanding of the Past). Журналы «History Workshop Journal» и «The Journal of the Oral History Society» имеют в своём составе рубрики, посвящённые публичной истории. Профильные программы преподаются во многих университетах, однако самой известной и первой в Великобритании является магистерская программа Колледжа Раскин Оксфордского университета, деканом которого долгое время была Хильда Кин (Hilda Kean) (р. 1949), автор нескольких книг по публичной истории.

В континентальной Европе подход к публичной истории отличается от принятого в англосаксонских странах, а сама дисциплина оказалась институционализирована позже. Собственно, сам термин ещё не до конца укоренился в академической практике, и в Германии, например, по сей день конкурирует с термином «прикладная история» (нем. Angewandte Geschichte). На протяжении 1980-х годов в академической среде в западноевропейских странах происходило не развитие публичной истории, а дебаты вокруг её концептуальных рамок и методологии. В Германии серединой 1970-х годов датируется активизация протестов

против замыкания истории и историков в академической среде и против чрезмерного влияния государственных институтов на производство исторического знания. В результате появилось «Новое историческое движение» (нем. Neue Geschichtsbewegung), сформировавшееся в Германии во внеуниверситетском контексте.

Ситуация в Германии в 1980-е годы вызвала к жизни также появление еще одного находящегося сейчас на слуху понятия: «историческая политика». Понятие «историческая политика» (Geschichts politik) возникло в Германии в первой половине 1980-х годов и было связано с попыткой пришедших к власти христианских демократов пересмотреть сложившуюся вокруг «негативной памяти» о Холокосте традицию «проработки прошлого» в таком духе, чтобы национал-социалистическое прошлое перестало быть призмой, через которую воспринималась бы теперь вся немецкая история: заявлялось о том, что у Германии достаточно долгая и насыщенная история вне всякого влияния национал-социализма. Развернулась напряженная полемика (получившая название «спора историков», Historikerstreit) между активизировавшимися сторонниками пересмотра немецкой национальной идентичности, возникшей за десятилетия после окончания Второй мировой войны, и теми, для кого нередуцируемым ядром немецкой идентичности оставался категорический императив признания коллективной вины за Холокост [4, с. 7].

Институционализация германского аналога публичной истории в последние годы идет быстрыми темпами. Соответствующие программы предлагают Цюрихский университет в Швейцарии, Католический университет Айхштет-Ингольштадт и Университет Мангейма, Свободный университет Берлина и Гейдельбергский университет. Публичная история встречает в Германии до сих пор противодействие со стороны академического сообщества [5].

В России летом 2012 года Московская высшая школа социальных и экономических наук первой открыла приём на магистерскую программу «Public history». Историческое знание в современном обществе», научным руководителем которой является известный российский историк и литературовед Андрей Леонидович Зорин (р. 1956). К настоящему времени магистерские программы по публичной истории открыты еще в Высшей школе экономики в Москве и в Казанском (Приволжском) федеральном университете [6, с. 27].

Из проблемных полей в рамках публичной истории большое внимание в настоящее время привлекают к себе исследования исторической памяти и исторической политики. Историки в контексте публичной истории выступают, с одной стороны, «поставщиками» знания о прошлом, на основе которого создаются его публичные репрезентации, а с другой – своего рода регуляторами, призванными стоять на страже таких репрезентаций: критиковать, исправлять, корректировать их.

Список литературы

1. Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. – Москва : Новое издательство, 2021. – 448 с.

2. What Does History@Work Publish? // National Council on Public Histo-ry. – URL: https://ncph.org/history-at-work/guidelines/ (date of access: 04.07.2026). – Текст : электронный.

3. Liddington, J. What is Public History? Publics and Their Pasts, Meanings and Practices / J. Liddington // Oral History. – 2002. – Vol. 30, No. 1. – P. 83–93.

4. Историческая политика в XXI веке : сборник статей / науч. ред. А. И. Миллер, М. Липман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.

5. What is Public History Globally? Working with the Past in the Present / ed. by P. Ashton, A. Trapeznik. – London. – New York, 2019. – 392 p.

6. Публичная история: между академическим исследованием и практикой / А. И. Завадский, Е. М. Исаев, А. В. Кравченко [и др.] // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2017. – № 2 (112). – С. 22–34.

7. Публичная история // Википедия : свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Публичная_история (дата обращения: 13.11.2026). – Текст : электронный.

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
Тюнтеров Олег Сергеевич
аспирант, преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-169753

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ В «MEMORY STUDIES»: ПАМЯТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНАЯ ИЛИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ?

Аннотация: *в статье проанализирован опыт развития историографии «memory studies», выделены этапы и подходы «мемориального поворота» в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Рассмотрены семантические поля трактовок понятий «культурная память», «историческая память» и «культурно-историческая память». Сделан вывод о достаточно близком значении и интерференции этих и смежных с ними концептов в работах ученых. Проанализированы дальнейшие возможности для сравнения и оценки терминологического базиса мемориальной парадигмы в конкретно-исторических исследованиях.*

Ключевые слова: *историческая память, культурная память, культурно-историческая память, memory studies.*

«Мемориальный поворот» в отечественной науке привёл к многочисленным дискуссиям о роли памяти в гуманитарных науках и о различных понятиях, связанных с этой проблемой. Сложилось обширное междисциплинарное поле, обозначенное как «memory studies», которое включает в себя исследования историков, культурологов, филологов, социальных психологов, искусствоведов и представителей других гуманитарных наук. В силу своей обширности и междисциплинарности данное научное направление, к сожалению, ещё не получило в отечественной науке общепринятого русскоязычного термина. Встречаются определения «меморативистика», «мнемоника», «меморавистика», «мемориальная наука» и т. д. Многозначными являются и основные концепты «memory studies». В разных исследованиях встречаются понятия: cultural memory (культурная память), social memory (социальная память), collective memory (коллективная память), historical memory (историческая память) и их сочетания. Попробуем проследить историю становления «memory studies».

Родоначальником концепции принято считать представителя французской социологической школы М. Хальбвакса (1877–1945), который в своё время дал определение коллективной памяти, обратился к раскрытию её социальной природы, указал на границы (рамки) памяти как общественного явления [22].

Можно выделить три этапа в становлении нового направления. Первый этап «memory studies» (начало XX – 1945 г.) – введение в социологию категории «памяти» М. Хальбваксом и идей о социальной природе памяти, выделивших память из наук о физиологии. Следующий этап (вторая половина XX века) – время «памяти-государства» (осмысления роли государства в созидании коллективной памяти), идей национальной памяти. При этом работа П. Нора «Франция-Память» (1980-е гг.) придала ключевое внимание именно механизмам сохранения, превратив «места памяти» в основное понятие мемориальных процессов [12]. В недрах второй волны вызревают первые симптомы транснациональных дискурсов прошлого. Третий этап (начало XXI века – этап «космополитической», транснациональной памяти при решающей роли мультимедийных, цифровых технологий [24, с. 50]. Последнее подтверждает ряд публикации, останавливающихся на роли цифровых технологий в создании и, в то же время, искажениях (переформатированиях) памяти. Приведённые этапы весьма условно

отражают динамику складывания за рубежом «memory studies». При этом каждый новый этап вовсе не означал исчезновения предшествующих концепций.

В послевоенные десятилетия, особенно с 1980-х гг., на фундаменте идей Дюркгейма и Хальбвакса, а также представителей школы «Анналов» наблюдалось осмысление памяти как культурного и исторического феномена, появились термины «культурная память», «историческая память», «коммеморация», велись дискуссии об их соотношении. При этом А. Ассман и Я. Ассман ввели понятие культурной памяти как совокупности представлений о прошлом, которое передаётся через вневременные структуры литературу, искусство, архитектуру, образовательные практики, ритуалы и церемониальное общение [2; 3]. Волны деколонизации, появления новых идентичностей во второй половине XX – первой четверти XXI вв. провоцировали «мемуарный бум», в рамках которого зарубежными учёными стала выделяться роль символов, «мест памяти», вырабатывалась база перехода от изучения национальной памяти в сторону транснациональных тематик (темы войны, Холокоста и т. д.). На почве постимперских, постколониальных, посттравматических проблем теорией «memory studies» был начат непрерывно идущий диалог с такими важными для неё концептами, как «травма памяти», «забвение памяти», «соперничающие нарративы», «избирательная коммеморация», говорилось о конфликтности официальной и народной коммемораций, ставился вопрос о влиянии исторической политики на трансформацию «мемориальных культур» [2; 17; 27; 28].

Отмеченные процессы сопровождались обнаружением всё новых граней мемуаристики. Э. Хобсбаум предложил идею «изобретенных традиций» (1983 г.) для раскрытия спекулятивной природы некоторых из них [23]. Д. Лоуэнталь подчеркнул парадоксы сохранения памяти, неизбежность её искажений, пути проникновения в прошлое через память, научный анализ и материальные останки (реликвии), ввёл разграничение между понятием «наследие», приручаемым к настоящему, и «беспристрастной» историей [10]. Уникален подход М. Хирш, на выделение «постпамяти» (термин введён в 1992 г.) или вторичной памяти младших поколений, унаследовавших под воздействием катализатора «настроенности» (кинематографа, искусства, идеологии, нарративов семьи) память о событиях и образах прошлого [25]. Работа П. Рикёра «Память, история, забвение» (2000 г.) исследует герменевтический круг памяти, процессы производства, переосмысления прошлого, в контексте которых центральное место занимает идея учёного о «справедливой памяти», открытой переформатированию границ для исторической репрезентации, позитивного и отрицательного забвения [17]. Ярким примером анализа практик верификации знания о прошлом является труд А. Мегилла «Историческая эпистемология» (2007 г.), пример научного понимания этапов развития знания о прошлом с учётом разных концепций и дисциплин историописания [11]. Сегодня, в условиях растущей медиатизации, сфера «memory studies» характеризуется активным вниманием зарубежных авторов к цифровым технологиям.

В нашей стране, интерес к данному направлению проявился в 1980-е гг. Статья Ю. В. Лотмана «Память в культурологическом освещении» (впервые опубликована в 1985 г.) и его работы по семиотике культуры дали старт этим новым изысканиям [9]. Несмотря на сравнительно позднее обращение к мемориальным концептам, отечественная гуманитаристика не только сумела за небольшой промежуток времени проанализировать основные труды представителей этого направления, но и предложить собственные уникальные подходы и решения.

Применительно к российской историографии memory studies можно говорить о двух её этапах: 1) 1990-е-2010-е гг. – формирование фундамента; 2) с 2010-х гг. по настоящее время – прикладная реализация теории и выход её на более широкий междисциплинарный уровень научного осмысления.

Представителями первого этапа memory studies в российской науке (1990–2000-е гг.) – Л. П. Репиной, О. Б. Леонтьевой, И. Н. Гориным и др. рассматривались вопросы соотношения исторического сознания и памяти [5; 8; 15; 16]. В отечественной традиции эти ученые одними из первых подошли к проблемам дефиниций культурной / коллективной /

социальной, исторической памяти, структурам и классификациям памяти, связям её с ментальностью, реликвиями, символами.

Достигнутый на первом этапе российской наукой опыт стимулировал дальнейшие шаги по конкретизации освоенных подходов и методик при решении частных научных задач. Второй этап российской историографии memory studies (с 2010-х гг. по настоящее время) показывает наглядные тому примеры в виде диссертационных исследований Н. А. Антипина, О. О. Дмитриевой, Н. О. Самылкина и др. [1; 6; 18]. Обилие работ, связанных с коммеморацией и памятью на втором этапе, существенно подняло важность появления в российских социально-гуманитарных науках трудов специального обзорного, историографического плана. Среди таких исследований примечательна монография А. В. Святославского, в которой анализируются проблемы отечественной меморативистики, сопоставлен зарубежный и российский опыт, представлены интенции памяти на конкретных примерах мемориальной культуры [19].

Однако в отечественной историографии ситуация привела к широкому семантическому разбросу в исследованиях, когда понятия стали взаимозаменять друг друга без надлежащей проверки [4]. При этом можно отметить определенную интерференцию и наложение близких друг к другу терминов. Исследователь Н. У. Ярычёв предлагает решить терминологическую путаницу через применение выделяемого им термина «мемориальная культура» [26]. Но правомернее, всё же, считать, что концепт «мемориальная культура» находится в семантическом поле более объёмного понятия, такого как «культурно-историческая память», собственно, являясь одним из его инструментов. Определённым подходом к сближению исторической памяти с памятью культурной можно считать монографию О. Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.», в которой предложено изучение концепта «образов прошлого» для понимания процессов превращения реальных исторических фактов в художественные произведения [8]. Свидетельством актуальности обращения к данной проблематике можно считать международную научно-практическую конференцию «Культурно-историческая память как объект изучения гуманитарных наук», проходившую в Екатеринбурге 14–15 ноября 2025 г. В ходе конференции обсуждалось понимание культурно-исторической памяти как системы представлений общества о прошлом, закрепленной в памятниках культуры и социальной традиции [13].

Таким образом, по мнению Л. П. Репиной, историческая память – это определённая структура организации исторического опыта, с присущей ей динамикой реконструирования прошлого [15; 16]. Культурная память, по мнению Т. Э. Рагозиной, выступает философским понятием, выражающим рефлексию социокультурного организма по сохранению себя во всех модификациях [14, с. 14]. Есть зарубежные исследования, пытающиеся сблизить эти концепты, например, статья зарубежных исследователей Е. Понятовска и С. Перес («Память и идентичность: некоторые историко-культурные заметки») [29]. Однако единой формы в дефинициях зарубежная мысль так и не выработала, но, как и российская наука, заинтересована в решении этого вопроса. Ярким примером следует назвать концепцию «габитуса культурно-исторической памяти». По мнению К. В. Филенко, этот габитус выступает механизмом адаптации памяти к новым реалиям через социальные, политические, культурные и исторические факторы, взаимодействующие между собой в процессе выработки представлений людей о своём прошлом и настоящем [20, с. 6].

Наиболее удачное осмысление концепта «культурно-исторической памяти» представил коллектив авторов (В. В. Николина, А. А. Лощилова, С. В. Фролова, С. И. Аксёнов) предложивших следующий вывод: «культурно-историческая память предполагает коллективную сопричастность общества к истории и судьбе своего народа и государства, единство ощущения исторической эмпатии; процесс сохранения в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого (коммеморации) и в то же время пересмотр и переосмысление способов сохранения обществом исторических событий, переоценку исторических событий и роли личности в них» [21].

На наш взгляд, семантические поля терминов «историческая память», «культурная память», «культурно-историческая память» различаются, но достаточно близки к друг другу и их положение приводит к появлению интерференции понятий, новых сопоставлений и обобщений и новых граней меморативистики в зависимости от решения той или иной проблемы.

Так, в наших конкретных исследованиях об увековечивании памяти чувашского просветителя И. Я. Яковлева логичнее говорить о культурно-исторической памяти Память об И. Я. Яковлеве в современной России (с памятниками патриарху, учебными заведениями, музеями, продолжающими его дело, живыми субъектами, ассоциирующими себя с продолжателями яковлевских традиций) демонстрирует признаки коллективной исторической эмпатии российского общества к образам и символам, связанными с выдающимся чувашским педагогом [7]. И, как указано в определении культурно-исторической памяти, они подвержены как процессам сохранения, так и пересмотру, переосмыслению в пользу иных форм, способов, что наблюдалось неоднократно. Говорит в пользу культурно-исторического осмысления И. Я. Яковлева масштаб оставленного им наследия, продолжающиеся традиции обращения к нему. Исследователи отмечают многомерную природу указанного ими феномена, его наличие как непременное условие общественного порядка, трансляции культуры, единства прошлого-настоящего-будущего.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. А. Антипин. – Челябинск, 2013. – 248 с.

2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

3. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

4. Бегунова, Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике / Е. А. Бегунова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 55–60.

5. Горин, И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Меньщиков // Историко-педагогические чтения. – 2007. – № 11. – С. 74–78.

6. Дмитриева, О. О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века) : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. О. Дмитриева. – Чебоксары, 2019. – 226 с.

7. Иванова, Т. Н. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев в исторической памяти российских обществ / Т. Н. Иванова, О. С. Тюнтеров // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2026. – Т. 168, № 3. – С. 51–65.

8. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв / О. Б. Леонтьева. – Самара : Книга, 2011. – 448 с.

9. Лотман, Ю. М. Избранные статьи в трех томах / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра. – 1992. – 479 с.

10. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Владимир Даль : Русский Остров, 2004. – 624 с.

11. Мегилл, А. Историческая эпистемология : монография / А. Мегилл. – Москва : Канон+, 2007. – 478 с.

12. Нора, П. Франция-память / П. Нора ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 1999. – 328 с.

13. 14–15 ноября 2025 г., г. Екатеринбург Международная научно-практическая конференция (XX Колосницынские чтения): «Культурно-историческая память как объект изучения гуманитарных наук» // Пост группы «Российское культурологическое общество» во «Вконтакте». – URL: https://vk.ru/wall-220097443_2230?ysclid=ms7jntly1m179479764 (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.

14. Рагозина, Т. Э. Культурная память versus историческая память / Т. Э. Рагозина // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12–21.

15. Репина, Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 9–15.

16. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с.

17. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

18. Самылкин, Н. О. В. И. Чапаев в исторической памяти российского общества: формирование и развитие коммеморативных практик о герое Гражданской войны (1919–2024 гг.) : дис.... канд. ист. наук : 5.6.1 / Н. О. Самылкин. – Чебоксары, 2026. – 253 с.
19. Святославский, А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – Москва : Древлехранилище, 2013. – 592 с.
20. Филенко, К. В. Понятие культурно-исторической памяти в междисциплинарном дискурсе / К. В. Филенко // Актуальная культура. – 2024. – № 4. – С. 1–12.
21. Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодёжи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации / В. В. Николина, А. А. Лощилова, С. В. Фролова, С. И. Аксенов // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 4 (45).
22. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст.: С. Зенкин. – Москва : Новое издательство. – 2007. – 348 с.
23. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
24. Цымбал, А. Г. Коммеморативные практики в эпоху цифровизации: влияние технологий на историческую память / А. Г. Цымбал // Вестник Самарского государственного технического университета Серия «Философия». – 2025. – Т. 7, № 1. – С. 49–58.
25. Что такое постпамять / пер. статьи М. Хирш // ПРБОО «Центр исторической памяти». – URL: http://pmem.ru/index.php?id=7364&ysclid=mnbnncang15005013 (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.
26. Ярычёв, Н. У. Мемориальная культура как актуальный исследовательский тренд / Н. У. Ярычёв // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 2 (74). – С. 33–40.
27. Ballinger, P. The Culture of Survivors: Post-Traumatic Stress Disorder and Traumatic Memory / P. Ballinger // History and Memory. – 1998. – Vol. 10, No. 1. – P. 99–132.
28. Marschall, S. Collective Memory and Cultural Difference: Official vs. Vernacular Forms of Commemorating the Past / S. Marschall // Safundi. – 2013. – Vol. 14, No. 1. – P. 77–92.
29. Poniatowska, E. Memory and Identity: Some Historical-Cultural Notes / E. Poniatowska, C. Pérez // Latin American Perspectives. – 1992. – Vol. 19, No. 3. – P. 67–88.

Корзун Валентина Павловна
д-р ист. наук, профессор
Кротт Иван Иванович
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
г. Омск, Омская область

О ЖИЗНЕННЫХ ЦИКЛАХ НАУЧНЫХ ШКОЛ: ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: *в фокусе внимания авторов проблема зарождения и развития омской историографической школы. Школа рассматривается как неформальное сообщество, возникшее на базе официальной институции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Основываясь на подходах социологии науки к научным сообществам, выделены фазы/ жизненные циклы развития научной школы – становление/оформление, подъема, стабилизации, институционального сбоя, «пересборки». Сделан вывод, что на сегодняшний день мы имеем дело с гетерогенным и мозаичным сообществом. Выявлены факторы как объективного, так и субъективного плана, повлиявшие на судьбу научной школы.*

Ключевые слова: *историография, научная школа, омская историографическая школа, научное сообщество, меняющееся коммуникативное пространство, публикационное пространство, научная политика университета, складывание и разрыв научных школ.*

К постановке проблемы. Схоларную проблематику можно считать своеобразным маркером современной историографии. В отечественной традиции, она пережила свое второе рождение в 1990–2000-е годы. Научные школы были представлены в различных измерениях: институциональном, антропологическом, культурологическом, коммуникативном. Но

исследовательский объектив был направлен преимущественно в прошлое в жизни научных сообществ, с подчеркиванием роли научных школ в «творении исторической памяти, как важного фактора вышколивания» и самоидентификации. Это время, своего рода «золотые десятилетия» схоларного историографического торжества. Сквозной темой, придававшей внутреннее напряжение историографическому сообществу, была тема определения дефиниции «научная школа» и выявление индогенных и экзогенных факторов зарождения школ в науке, вырисовывалась портретная галерея отцов – основателей, актуализировались исследования типологизации школ. Основные характеристики данного историографического процесса отражены в совместных публикациях Г.П. Мягкова и одного из авторов этой статьи В.П. Корзун [7; 8]. Такую ситуацию в науке мы назвали – «схоларным куражом» [8, с. 379]. Но уже в этот период проявляются ноты, диссонирующие с общим пафосом отношения как к схоларным исследованиям, так и роли научных школ в истории науки, что наиболее ярко, с известной долей провокации, представлено в монографии Г.Ю. Любарского, посвященной истории зоологического музея в МГУ [4]. По Любарскому – школа в науке – символ авторитаризма, феодализм в науке. И соответствующий прогноз – в исторической перспективе угасание научных школ. Аналогичная деструкция характерна для работ В.В. Ващенко. Оппозиция апофеозу научных школ проблематизирует изучение их жизненных циклов. Сошлемся на исследования Корзун В.П. и Мягкова [8, с. 406–408], С.Б. Криха [10], Сыченковой [12] и др. Наша статья – опыт самопознания «жизни и смерти» или перерождения омской школы историографии. Представляется важным сделать несколько вводных ремарок. Мы не самозванцы, объявившие себя школой. Это определение сложившегося в Омске историографического сообщества, появилось в начале 2000 годов как признание извне, и в определенном смысле оно несколько диссонировало с процессом внутренней самоиндентификации, но придало нам уверенности и определенной программности действий.

Следующая ремарка – пояснение степени участия авторов статьи в жизни школы. Один из авторов, В.П. Корзун, стояла у истоков омской историографии, являлась активным координатором этого процесса. Другой, И.И. Кротт, на протяжении многих лет был ученым секретарем диссертационного совета по специальности 07.00.09. Такая укорененность в живую ткань «творения историографов» оправдывает нашу попытку самоописания феномена омской научной школы.

Мы исходим из общего науковедческого посыла, раскрывающего логику развития любого сообщества, переживающего фазы становления/оформления, подъема, стабилизации, возможного институционального сбоя и его «пересборки». Методологическая основа статьи носит междисциплинарный характер, она сформирована на пересечении интеллектуальной истории, социологии науки и историографии. Избранный ракурс позволяет рассматривать омскую историографию не как набор отдельных сюжетов, а как динамическую систему, чувствительную к внешним и внутренним вызовам.

Под историографической школой понимается устойчивая форма научной кооперации, обладающая рядом взаимосвязанных признаков: наличием признанного лидера (хотя речь может идти и о безлидерных школах) и исследовательской программы; общей проблематики, связанной с историей исторического знания; практиками подготовки кадров, включающей руководство дипломными и аспирантскими работами («вышколивание»); регулярными коммуникативными площадками – конференциями, семинарами, сборниками; идентичностью участников, осознающих свою принадлежность к данному направлению, наконец, признанием со стороны исторического сообщества. Выбирая срединную трактовку научной школы (между двумя крайностями признания ее неформальной организацией или формальной, институционально привязанной к учебному заведению, кафедре), мы к выше перечисленным признакам, добавим, что это «неформальная социальная группа профессиональных ученых, существующая в рамках <… > официальных институций [11, с. 33].

Историографический десант. Точкой роста историографии и складывания научного историографического сообщества становится открывшийся в 1974 году Омске классический университет. Некоторые особенности его открытия в силу случайных обстоятельств, явились благодатной почвой для взращивания историографического ростка. Во-первых, университет организовывался «с чистого листа», а не на базе пединститута, как было типично для того времени, с приглашением специалистов, представляющих различные университетские культуры. Так из университетского Томска, с уже известной в стране историографической школой, в Омске оказался Г.К. Садтретдинов, незадолго до этого защитивший кандидатскую диссертацию по историческим взглядам А. Пиррена. Он же был тесно связан и с казанской историографической школой. А В.П. Корзун приехала в Омск после окончания аспирантуры Ростовского университета, где сложилась школа источниковедения проф. А.П. Пронштейна и утверждался захватывающий науковедческий контент через репрезентацию творчества В.И. Вернадского и социологию и философию науки в работах Томаса Куна, тогда еще не переведенного на русский язык, Имре Лакатоса, Карла Поппера, что популяризировалось ректором университета членом-корреспондентом АН СССР Ю. А. Ждановым. Садретдинов и Корзун стали читать курсы по историографии отечественной истории и по историографии всеобщей истории, разрабатывая собственную историографическую тематику, осуществляя руководство дипломными и аспирантскими работами по историографии. Историография – сфера их научной деятельности. Как видим, формирование омской историографической школы было связано с несколькими факторами: переносом исследовательских традиций из Томска, Казани и Ростова-на-Дону; наличием активных ученых, способных не только читать курсы, но и формировать исследовательскую программу; институциональной поддержкой со стороны руководства университета; наконец, стихийной самоорганизацией исследователей, стремившихся к адаптации в новых условиях в общем негуманитарного города, к преодолению профессиональной изоляции. Именно сочетание «внешнего» импульса и «внутренней» потребности в коммуникации позволило превратить историографию из учебной дисциплины в поле научного творчества. В этом смысле омский случай демонстрирует, что региональная научная школа возникает не только и не столько благодаря административным решениям, но и в результате неформальных интеллектуальных сетей, «невидимого колледжа», который постепенно обретает институциональные формы.

Меняющийся институциональный и интеллектуальный ландшафт.

Процесс становления омской историографии совпал с изменениями в дисциплинарной и организационной структуре советской исторической науки, когда иерархия «центр – провинция» была поколеблена, а местами и разрушена уже к середине 1980-х гг., и появилась большая возможность для переформатирования поля науки, что объективно способствовало интеллектуальной самоорганизации исторического сообщества и всплеску творческого производства идей.

Обратим внимание и на меняющийся институциональный ландшафт в хронологическом пространстве на протяжении более чем тридцати лет. Период конца 1980-нач. 2000-х гг. в развитии историографии условно назван романтическим [1, с. 144]. На переломе эпох институциональное поле исторической науки расширяется за счет появления принципиально новых для г. Омска научных институтов. Крупнейшим из них является Омский филиал Института археологии и этнографии сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН), который был создан в 1991 г. как Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии СО РАН (далее – ОФ ОИИФФ СО РАН [9, с. 24]. Практически одновременно с ним был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии. Институциональная карта исторической науки в масштабах города включает в себя музеи и архивы различной ведомственной принадлежности. Омская ситуация не является уникальной в общероссийском масштабе. Сходные процессы – ослабление иерархии «центр – провинция», рост региональных историографических сообществ, поиск новых форм идентичности – наблюдались в Томске,

Казани, Перми, Екатеринбурге, Новосибирске. Однако омский случай обладает важной спецификой: здесь историографическая школа формировалась 1) не на базе старейшего университета, а в условиях «с чистого листа» открывавшегося классического университета (о чем мы уже упоминали выше), что придало ей большую мобильность, открытость к междисциплинарным заимствованиям и ориентацию на коммуникативные эксперименты и 2) в едином пространстве «отечественников» и «всеобщников».

С середины первого десятилетия 2000-х гг. обозначается новый этап, названный «компрессионным», связанный с реформированием системы высшего образования сверху [1, с. 145]. Институциональное поле исторической науки сжимается. Этот этап характеризуется закрытием ряда гуманитарных факультетов, диссертационных советов, значительным сокращением финансирования академических структур гуманитарного профиля, переформатированием исследовательского института культурологии, сокращением филиала академического института до одной лаборатории, существенным уменьшением набора студентов на исторические факультеты, отказом от ряда инноваций в вузовской сфере, закрытием научных периодических изданий. Но в тоже время в 2004 г. был открыт диссертационный совет в ОмГУ, просуществовавший до 2007 года, а в январе 2014 г. открыт объединенный диссертационный совет на базе ОмГПУ по специальностям «Отечественная история», «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Первое десятилетие этого этапа оказалось противоречивым, но, как это не парадоксально, весьма продуктивным для омской историографии.

Пик и стабилизация: коммуникативное плато.

Именно с середины первого десятилетия XXI века в научном сообществе заговорили об омской историографической школе. За это время было защищено как в омских Советах, так и в других историографических центрах, 8 докторских диссертаций и 22 диссертации на степень кандидата наук по специальности 07.00.09., из них 8 защищено в объединенном совете. Важным консолидирующим фактором сообщества стало издание историографического сборника «Мир историка». С 2005 по 2019 гг. издано 12 томов. Данная коммуникативная площадка объединила историографов – «всеобщников» и «отечественников», – озадаченных проблематикой профессии историка в длительной ретроспективе и перспективе и дисциплинаризаии историографии с пристальным интересом к эгоисточникам. По определению одного из современных авторов, «Мир историка», издание, определяющее лицо «омской историографической школы», показало многочисленные и неизведанные до той поры темы и грани историографического исследования» [5, с. 163]. Анализ тематики и авторского состава двенадцати томов «Мира историка» показывает, что издание выполняло одновременно несколько функций: научно-исследовательскую, коммуникативную, мнемоническую и идентификационную. На его страницах представлены как традиционные проблемы истории исторической науки, так и новые для историографии сюжеты – коммуникационные практики историков, каналы трансляции профессорской культуры, профессорская семья, конфликты в научной среде, интеллектуальный быт, биографика, дисциплинарные трансформации [6, с. 26–27]. Каждый том включал публикацию преимущественно эго-источников и интервью с историками. География авторов – от Москвы и Казани до Принстона и Йеля – свидетельствует о том, что локальный сборник смог выйти за рамки регионального издания и стать площадкой общероссийского и отчасти международного диалога. Тем самым «Мир историка» может рассматриваться не только как источник, но и как самостоятельный фактор институционализации омской историографической школы [6, с. 12–28]. По О.Б. Леонтьевой «Мир историка» стал не просто площадкой интеллектуального взаимодействия ученых, связанных общими интересами, но пространством научной рефлексии» [3, с. 17].

Работая командой над сборником, напряженное говорение об историографической проблематике, особенно на научных конференциях, стало фактором и внутренней самоидентификации школы. В ядро команды входили – С.П. Бычков, А.Г. Быкова, В.Ю. Волошина, В.П. Корзун, Н.В. Кефнер, С.Б. Крих, М.А. Мамонтова, Б.А. Осадченко,

В.Г. Рыженко А.В. Свешников. Историографическому взлету мы безусловно обязаны Всероссийскому Обществу интеллектуальной истории под руководством члена-корреспондента АН РАН, профессора Л.П. Репиной.

К концу второго десятилетия XXI в. наблюдается институциональный сбой в организации омских историографических исследований. Внешнее выражение этого процесса – реорганизация кафедры Отечественной истории и историографии ОмГУ. Из наименования кафедры исчезает предмет наших исследований – историография, прекращается издание «Мира историка», меняется кадровый состав кафедры, манифестируется позиция – «Кому нужна эта историография». Историографы вытесняются из университета. В это время уходят из жизни (несколько ранее) Г.К. Садретдинов, в 2021 году на пике своего творчества – А.В. Свешников. Вытесненная на периферию историография продолжает существовать на иных коммуникативных площадках. Молодые историографы к.и.н. Ольга Метель и к.и.н. Артем Клюев в 2021 году создают подкаст по истории исторической науки. В феврале 2023 года А.И. Клюев заявляет семинар «Феномен русской медиевистики: люди, концепции, институты», который вскоре по составу участников и слушателей становится общероссийским. Подкаст и регулярный онлайн-семинар могут быть описаны в терминах «невидимого колледжа» и «распределённой научной коммуникации». Они компенсируют дефицит формальных институций, обеспечивая регулярный обмен идеями, поддержку молодых исследователей и выход на общероссийскую аудиторию. В отличие от традиционного сборника, эти форматы обладают большей гибкостью, скоростью реакции и доступностью, однако они же ставят перед сообществом новые вопросы: как обеспечивается экспертиза, как фиксируется научный результат, как сохраняется преемственность. Таким образом, цифровые и внеинституциональные формы коммуникации не отменяют историографическую традицию, а проблематизируют её границы, требуя сочетания классических и новых способов научного производства. Но факт остается фактом: существование «Университета на обочине» оказалось недолгим. Молодое поколение омских историографов оказывается востребованным в московских вузах и академических учреждениях столицы и покидает Омск (В.С. Груздинская, О.В. Метель, А.И. Клюев).

Подведение итогов. В какой же фазе оказалась омская историографическая школа? Институциональный сбой конца 2010-х – начала 2020-х гг. не следует интерпретировать исключительно как локальную неудачу или следствие исключительно кадровых решений, которые, безусловно, оказывают огромное влияние на интеллектуальную атмосферу, на процесс продуцирования научного знания, на целостность научной школы. В логике жизненного цикла научной школы сбой представляет собой в известном смысле, закономерную фазу, на которой прежние механизмы воспроизводства – кафедра, диссертационный совет, печатный сборник – перестают обеспечивать устойчивость сообщества. Но кризис институциональных форм не тождествен кризису исследовательской программы. Перемещение историографической активности в подкасты, онлайн-семинары, музеи и академические лаборатории свидетельствует о том, что дисциплина не исчезает, а меняет способы своего существования. Это позволяет говорить не о «смерти» школы, а о фазе её «пересборки» в новых коммуникативных и институциональных условиях, другое дело – худших или просто иных и состоится ли она.

Что же остается в сухом остатке? Отсутствие насыщенного интеллектуального бульона в поредевшем сообществе, разрозненность «историографических внуков», гетерогенное, мозаичное сообщество. Перспективы этого сообщества зависят от способности соединить интроспективную и прогностическую функции историографии: с одной стороны, сохранить память о собственной истории, с другой – предложить инструменты анализа новых вызовов науки. В этом контексте особая роль принадлежит личностному фактору, эпистемическим добродетелям исследователя и готовности «зажигать звезды» здесь и сейчас, к формированию мобильных коллабораций, способных выходить за пределы локальной изоляции. В теоретическом плане, в известном смысле ответом на эту проблему, является зарождение нового

проблемного поля – рассмотрения института наставничества в высшей школе, как в рамках схоларной проблематики, так и в рамках университетских преподавательских практик, направленных на формирование научных ценностей в отношении науки и акцентации корпоративной памяти. Абрис этого поля блистательно представлен в статье Т.Н. Ивановой «Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке» [3, с. 300–310]. Статью можно рассматривать как своего рода ответ на современный скепсис в отношении научных школ, и как актуализацию концепций личностного знания.

Окончим нетрадиционно для классической статьи – поздравлением в адрес Татьяны Николаевны Ивановой с юбилеем, с пожеланием творческого накала и с благодарностью за новые идеи. Наука – это бесконечное удивление…

Список литературы

1. Груздинская, В. С. Омские историки на рубеже XX – XXI веков: штрихи к коллективному портрету / В. С. Груздинская, В. П. Корзун // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 2 (45). – С. 142–154.

2. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – 2025. – № 92. – С. 300–310.

3. Леонтьева, О. Б. Историографическая симфония профессора В.П. Корзун / О. Б. Леонтьева, Г. П. Мягков, Л. П. Репина // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2023. – Т. 84. – С. 5–25.

4. Любарский, Г. Ю. История зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры / Г. Ю. Любарский. – Москва : Товарищество науч. изд. КМК, 2009. – 743 с.

5. Клюев, А. И. Двадцать пять заседаний научного семинара: «Феномен русской медиевистики: люди, концепции, институты» / А. И. Клюев // Средние века. – 2026. – № 2. – С. 160–170.

6. Корзун, В. П. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» / В. П. Корзун, С. П. Бычков, С. Б. Крих // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 10. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 12–52.

7. Мягков, Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / Г. П. Мягков, В. П. Корзун // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.

8. Корзун, В. П. Научные школы в российской исторической науке: (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / В. П. Корзун, Г. П. Мягков // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.

9. Корусенко, С. Н. Жизнь & наука: к 25-летию Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН / С. Н. Корусенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 3. – С. 24–42.

10. Крих, С. Б. Как в СССР не сложилась научная школа древней истории: казус Н.М. Никольского / С. Б. Крих // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2025. – Т. 92. – С. 227–239.

11. Свешников, А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества : монография / А. В. Свешников ; М-во образования и науки Российской Федерации, Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. – 406 с.

12. Сыченкова, Л. А. Образ Иеремии Исаевича Тоффе в письмах и воспоминаниях родственников и учеников / Л. А. Сыченкова // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова. – Москва : Аквилон, 2022. – С. 209–233.

Леонтьева Ольга Борисовна
д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева»
г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-170750

ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние поворота к изучению коллективной памяти на разработку проблем истории исторической науки в трудах современных российских исследователей. Показано, что в начале XXI в. проблематика, связанная с изучением коллективной памяти научных сообществ, органично вошла в контекст современной истории научных школ, историографической биографики, институциональной и дисциплинарной истории исторической науки, а также вызвала к жизни ряд проектов эго-истории в жанрах мемуаристики и интервью. Исследования коллективной памяти способствуют формированию нового образа исторической науки: социальное поле науки воспринимается как пространство, включающее в себя множество коммуникативных сетей, а коллективная память рассматривается в качестве одной из сил, способствующих постоянному возобновлению этих взаимосвязей.*

Ключевые слова: *история исторической науки, историография, мемориальный поворот, историческая память, научные школы, мемуары историков.*

В числе методологических поворотов, которые изменили облик исторической науки во второй половине XX – начале XXI в., исследователи особо выделяют «мемориальный поворот» – поворот к изучению социальной, коллективной памяти [10]. За исторически краткий срок сложилось новое междисциплинарное направление научных исследований – «memory studies», предметом изучения которого стала сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции. Исследования, посвященные проблемам коллективной памяти и коммеморативных практик, стали неотъемлемой частью современного научного ландшафта не только в исторической, но и в других социальных и гуманитарных науках.

Важнейшим результатом и мощным стимулом дальнейших исследований стало осознание нерасторжимой связи памяти и идентичности – как на индивидуальном, так и на коллективном уровне; идентичность при этом трактуется не как нечто изначально данное, а как находящееся в процессе созидания, нуждающееся в постоянном поддержании, подвластное конструированию. Одним из ключевых условий осознания и сохранения целостности сообщества, согласно выводам современных исследователей, является наличие у него общих «мест памяти» (пантеона героев, календаря памятных дат и т. д.), социально одобряемых коммеморативных практик и ритуалов, устойчивых представлений о прошлом в массовом сознании.

Предметом изучения в современных исследованиях становится память, конструируемая «сверху», усилиями политических или культурных элит – и память разнообразных социальных групп и сообществ (этнических, локальных, профессиональных, поколенческих и др.), формирующаяся «снизу», в ходе трансляции традиционных или стихийно возникающих коммеморативных практик [11].

Правомерно поставить вопрос: воздействует ли «мемориальный поворот» на развитие историографии – специальной исторической дисциплины, которая выполняет функцию самоанализа по отношению к исторической науке? Проявляется ли «мемориальный поворот» в этой сфере науки – и если да, то что нового он привнес в практику отечественных историографических исследований?

Для ответа на этот вопрос обратимся к трудам по истории российской исторической науки, увидевшим свет в конце XX – первой четверти XXI в.

Предвестием «мемориального поворота» в исторической науке стал своеобразный «мемуарный взрыв» 1990–2000-х гг.: в это время были опубликованы мемуары ряда видных российских историков, как правило, представителей тех поколений, чье профессиональное становление пришлось на середину XX в. – Е.В. Гутновой, А.Я. Гуревича, А.А. Зимина, М.Г. Рабиновича и многих других. (Важно отметить, что параллельно осуществлялась публикация мемуаров историков, созданных в 1920–1930-е гг. и посвященных переломному этапу отечественной истории – последним годам существования императорской России и революции 1917 г.). Благоприятную среду для опытов самопознания в исторической науке создал «антропологический поворот», поскольку он кардинально изменил отношение к эго-источникам: для современных историков представляет ценность именно «субъективность» таких источников, считавшаяся прежде их ключевым недостатком.

Безусловно, сам факт появления мемуаров, созданных нашими старшими современниками, – «эго-историй», «историй историков», – был связан со сменой исторических и историографических эпох; зачастую мемуаристами руководило стремление не только рассказать о своем жизненном пути, но и зафиксировать стремительно уходящий в прошлое социальный опыт и «историографический быт» советского научного сообщества историков. Как сформулировал в своих воспоминаниях Р.Ш. Ганелин, «для подлинно научных оценок историографии важны реалистические представления об условиях, в которых жили создававшие ее люди... Не только быт в узком смысле этого слова (в какой квартире жили и т. д.) имеется при этом в виду, но и житейские обстоятельства в отношениях между различными частями исторической корпорации, между историками и властью» [2, с. 23]. Стержневые темы современных мемуаров историков – тема взаимоотношений власти и науки, науки и идеологии; практика социальных взаимодействий в повседневной научной работе и в ситуациях конфликта; сохранение (или, напротив, деградация) профессиональной культуры в условиях меняющихся «правил игры»; наконец, тема обретения Учителей и поиска собственного пути в науке. Однако, хотя сам факт публикации мемуаров известных историков вызвал волну рецензий и даже острых дебатов по вопросам научной этики, аналитическое изучение этого интереснейшего массива эго-источников (в том числе в свете исследований исторической памяти, социальной антропологии и социологии науки) пока лишь начинается.

Потребность в самопознании научного сообщества также проявилась в начале XXI в. в целом ряде проектов по интервьюированию историков [12; 13]. При всем различии целей и приоритетов инициаторов таких проектов можно отметить, что задаваемые вопросы побуждают респондента к рефлексии не только в отношении собственного жизненного пути и профессионального выбора, но и в отношении статуса исторической науки в современном мире. В программах интервью, как правило, присутствуют вопросы, связанные с оценкой роли исторического знания в жизни современного общества, с ключевыми эпистемологическими проблемами исторического знания, с темами научной преемственности и интеллектуальных влияний. Аспекты личной, биографической памяти и профессиональной идентичности переплетаются здесь неразрывно.

Таким образом, в настоящее время формируется массив эго-источников по истории исторической науки, который в перспективе может послужить основой для изучения современного образа исторической науки – совокупности представлений ученых-историков «о сущностных характеристиках исторической науки, имманентных и социальных факторах ее развития, о ее связи с национальной культурной традицией – представлений, включенных в систему корпоративных ценностей и реконструируемых через анализ историко-научных концепций» [8, с. 23].

Проблематика, связанная с изучением коллективной памяти, органично вписалась в русло научного подхода, сформировавшегося в отечественной историографии в конце XX века и с тех пор значительно укрепившего свои позиции: схоларного подхода, в рамках которого именно научные школы – а не «течения» или «направления» – рассматриваются как

важнейшие структурные единицы истории гуманитарных наук [9]. Особенностью схоларного подхода к истории исторической науки стало то, что он формировался под сильным воздействием, во-первых, интеллектуальной истории, объединившей историю идей с историей условий и форм интеллектуальной деятельности; во-вторых, под влиянием социологии и философии науки, обогативших проблемное поле и исследовательский инструментарий историографии такими концептами, как «научный этос», «социальное пространство науки», «культурный капитал», «интерактивные ритуалы», «личностное знание» и т. д.

В современной российской историографии существуют два подхода к определению феномена научной школы. Согласно одному из них, под научной школой понимается «социальный институт в университетском пространстве, внутри которого молодыми учеными, входящими в науку, приобретается особый профессиональный опыт» [14, с. 16]; в таком случае история научной школы прочно привязывается к истории организационных структур в сфере высшего образования и науки. Согласно другому определению, более широкому и гибкому, научная школа рассматривается как неформальное сообщество ученых, связанное общностью научной парадигмы и исследовательской программы, коммуникативными узами и стилем научного общения, общим научным этосом и групповой идентичностью [7]; такое научное сообщество является динамичной структурой, которая конституируется и утверждает свое существование благодаря возобновляющимся коммуникациям ее участников, заинтересованных в поддержании научного и личностного общения.

Очевидно, что и для институциональных, и для неформальных научных сообществ вопросы формирования и сохранения коллективной идентичности являются, без преувеличения, жизненно важными: имя, научная репутация, узнаваемость в профессиональной среде становятся частью «культурного капитала» сообщества и делают его привлекательным для новых членов – представителей следующих научных генераций. Достижению этой цели служит сохранение корпоративной памяти сообщества, формирование «мест памяти» и практик коммеморациий – и современные исследователи, обращаясь к истории научных сообществ, уделяют все большее внимание этим аспектам их бытия. Предметом изучения в современных историографических исследованиях становятся разнообразные коммеморативные практики научных сообществ: празднования юбилеев научных учреждений и авторитетных ученых, чествование памяти деятелей науки, публикации юбилейных сборников и сборников in memoriam. Такие практики рассматриваются современными исследователями как «ритуалы взаимодействия», поддерживающие ощущение солидарности и сопричастности общему делу, и – в более широком плане – как показатели развития самосознания научного сообщества.

Трудно назвать в наши дни такую область исследований в рамках истории исторической науки, которая не вобрала бы в себя в той или иной мере проблематику, связанную с коллективной памятью научного сообщества. Так, в исследованиях, посвященных судьбе видных ученых, предметом исследовательского интереса становится не только их вклад в изучение той или иной предметной области и непосредственная роль в профессиональном становлении учеников, но и их «посмертная судьба» – тот долговременный след, который они оставили в памяти научного сообщества [6]. В свою очередь, труды по схоларной проблематике могут содержать разделы, посвященные образу той или иной научной школы в исторической памяти – «своего рода ее биографии, отложившейся в представлениях различных сообществ»: в коллективной памяти учеников и коллег, в восприятии широких слоев общества и в научных трудах последующих поколений исследователей [3]. Институциональная и дисциплинарная история исторической науки также обогащаются новыми гранями благодаря обращению к проблематике коллективной памяти сообщества. Так, изучение становления диссертационной культуры (культуры подготовки и защиты диссертаций) в российском историко-научном сообществе включает в себя обращение к отдельно взятым «диссертационным историям» как объектам коммеморации [5]. В исследованиях о развитии историографии как научной дисциплины подробно рассматриваются специфические практики воспоминания и забвения: процессы «классикализации» (возведения того или иного ученого в ранг классика

исторической науки), а также «развенчания» и «реабилитации» былых классиков [4]. Сюжеты, связанные с корпоративной памятью, мифами, традициями и ритуалами университетского сообщества, стали неотъемлемой чертой современных исследований по отечественной университетологии – истории университетов в ее институциональном, социокультурном и антропологическом измерениях [1].

Как показывает анализ современных исследований, «мемориальный поворот» в историографии оказался тесно связан с поворотом к изучению социальной истории науки: одной из стержневых проблем современных историографических исследований, объединяющей множество предметных полей истории исторической науки, можно назвать проблему научной преемственности, разработка которой была бы невозможна без обращения к вопросам коллективной памяти.

Можно заключить, что интерес к коллективной памяти как мощному средству формирования групповой идентичности и действенному способу сплочения научного сообщества не просто обогащает проблематику историографических исследований, но и способствует формированию нового образа исторической науки – на страницах трудов по истории исторической науки, в воспоминаниях историков, в текстах интервью. Социальное поле науки предстает в современных исследованиях как пространство, сотканное из бесчисленных линий межличностных, межпоколенческих и межинституциональных взаимодействий, коммуникативных сетей и «интеллектуальных цепочек»; личная и коллективная память рассматривается в качестве одной из тех сил, которые способствуют постоянному возобновлению этих взаимосвязей. И в этом плане сами современные историографические исследования выступают как форма профессиональной рефлексии, побуждая нас заострять свое внимание на проблемах коллективной памяти и идентичности не только тех научных сообществ, которые являются предметом нашего изучения, но и тех, к которым принадлежим мы сами.

Список литературы

1. Вишленкова, Е. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. – 498 с.

2. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах / Р. Ш. Ганелин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. – 213 с.

3. Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – 288 с.

4. Груздинская, В. С. Мастерская историографии. Развитие научной дисциплины в пространстве Академии наук СССР / В. С. Груздинская. – Саратов : Техно-Декор, 2025. – 316 с.

5. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практики подготовки и защит диссертаций. XIX – начало XX в. : коллективная монография / Н. Н. Алеврас, К. М. Белик, О. В. Богомазова [и др.] ; под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – Москва : Нестор-История ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 462 с.

6. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: Портрет российского педагога и организатора образования России / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2009. – 382 с.

7. Иванова, Т. Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – Москва : ИВИ РАН, 2013. – С. 165–185.

8. Корзун, В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX-XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / В. П. Корзун ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2002. – 39 с.

9. Мягков, Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования / Г. П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – Москва : ИВИ РАН, 2011. – С. 206–214.

10. Репина, Л. П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России / Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева // Историки в поисках новых перспектив : коллективная монография / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. – Москва : Аквилон, 2019. – С. 274–317.

11. Ростовцев, Е. А. Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. . – Сер. 2, Вып. 2. – С. 106–126.

12. «Ты идёшь в храм науки…» : интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН. К 85-летию ИРИ РАН / авт.-сост. В. Н. Круглов (отв. ред.), В. В. Тихонов, Ю. С. Филина: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2021. – 480 с.

13. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут ; Московский гос. пед. ун-т, Адыгейский гос. ун-т. – Москва, 2010. – 702 с.

14. Цыганков, Д. А. Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века : в 3-х т. : дисс. ... д-ра ист. наук. 5.6.1. Т. 1 / Д. А. Цыганков. – Москва, 2023. – 364 с.

Максимова Елена Валерьевна
канд. социол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
дп Черкизово, Московская область

DOI 10.31483/r-170868

КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛАСТИ

Аннотация: *понятие «культурный код» прочно вошло в общественно-политический дискурс и отечественный научный оборот. Это понятие охватывает совокупность ценностных ориентиров, устойчивых смыслов, культурных символов и архетипов, которые формируют идентичность нации и определяют способы её политической саморепрезентации. Целью исследования является выявление механизмов, при помощи которых практики искусства участвуют в конструировании и поддержании политического авторитета. Анализируется трансформация механизмов при переходе от религиозно-символической к светской модели власти в России. В процессе создания статьи использовались сравнительный, историко-культурный и семиотический подходы. Особо внимание уделяется преемственности секуляризации от сакральной до светской модели власти. Делаются выводы, что история российского искусства характеризует сочетание устойчивых механизмов легитимизации и их исторической перекодировки на разных этапах от функций символизации и ритуализации до эстетизации власти.*

Ключевые слова: *политическая идеология, искусство как инструмент укрепления власти, культурный код, сакральность.*

На протяжении столетий взаимоотношение власти и искусства относится к проблематике культурно-исторического знания. Причины этого заключаются в том, что власть нуждается в символическом и визуальном оформлении. Власть легитимируется через уподобление божественному порядку. В древней Руси через иконографию святых князей власть входила в сакральное пространство. В настоящем исследовании исходной точкой анализа стало не разделение «политического» и «сакрального», а их исходный синкретизм. В древних и средневековых обществах власть узаконивалась через божественный порядок и искусство было основным инструментом. Как отмечал в свое время М.В. Алпатов: «Иконопись – это в известной степени ритуальное искусство.» [1, с. 6]. Правитель представлялся как образ всевышних сил, а художественные изображения возводили это в традицию.

Художественное искусство на протяжении долгих столетий на Руси выполняло определенную цель, направленную на укрепление религиозного мировоззрения, воссоединенного с княжеской и царской властью. Принципиальным моментом стоит отметить иконическую модель между царем и Богом в иконописи. К примеру, древнейшие парные изображения князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (фреска Спасо-Преображенской церкви Ефросиниевского

монастыря в Полоцке, приблизительно 1161 г.) представляют князей как носителей княжеского достоинства. На фресках они изображены с мечем и крестом – атрибутами воинской доблести и мученичества. А в Новгородской иконе из Савво-Вишерского монастыря (XIII в.) акцент смещается с темы страдания на мотив силы и заступничества, создавая в лице князей образ защиты православной Руси. На рис. 1 представлены образы Святых князей Бориса и Глеба.

Рис. 1. Пост. В 1913 из коллекции Н.П. Лихачева.
Источник: Русский музей Дополненная реальность.
URL: *https://rmgallery.ru/ru/509* (дата обращения 11.11.2026)

Таким образом, сакральный образ представляется как политический аргумент – власть князя освещена его святостью, а защита земли русской получает небесное обоснование.

В Московском царстве такая логика достигла зрелости и становится особой художественной программой, в которой утверждались святость царского рода и законность права на царский венец. Сакрализация власти и идея богоизбранности Русского государства развивается на протяжении всего царствования государей. Появляется традиция «мерных икон», писавшихся в меру роста новорожденного наследника и придававших статус реликвии царского рода. Характерной особенностью является тот факт, что при Иване IV (Грозном) портретов не писали, а распространение получают иконы небесного покровителя Ивана IV – Иоанна Предтечи («истового и сурового аскета в рубище»). По мнению Ворошина С.Д.: «Задачей Ивана Грозного было не просто выживание страны на мировой арене, но и утверждение своего высокого царского величия, а значит, и всего государства, опирающегося на богоизбранность и древность рода.» [3, с. 987]. Таким образом, власть представляет себя не через главенствующее лицо, а через сакральный прототип, который стал базовой моделью, из которой развивается светская репрезентация.

Приблизительно в период с последней трети XVII века и весь XVIII век «иконический принцип моделирования» использовался в пропагандистских и идеологических целях. Царственные особы и Россия изображались, как политизированная икона небесного мира, что подразумевало возвращение земного рая под руководством русского царя. Такой процесс прослеживался и в русском искусстве начиная с XVI века. В художественных школах того времени складывается особое направление, которое подготовило почву для появления светского изобразительного искусства. Оно прославляло царскую власть и государство. Можно сделать вывод, что сакральный образ не просто предшествует светскому триумфу, – он формирует исходную базу для возвеличивания и эмоционального воздействия.

Переход к светским формам репрезентации власти вовсе не означает разрыва с сакральной моделью. Скорее происходит перенос с церковного культа на гражданский церемониал. В период правления Петра I при его участии создаётся определённый ритуал, когда стихотворцы и публицисты, типографы и гравёры создают листки, дифференцированные на триумфы. Например, Иосиф Туробойский описывая триумфальный въезд в 1704 году Петра I в Москву после завоевания Ливонии, пояснял, что такая церемония не является религиозной,

а всего лишь особое гражданское торжество. Искусство в этом ритуале становится инструментом прославления побед отечества и дел государя [4, с. 23].

Гравюры и портрет также были поставлены на службу государственной идеологии. Портреты монарха утверждали новое понимание власти. Император теперь не иконописный образ, а светский государь, чьё величие измеряется военными победами, основанием городов и покровительством наукам и художествам. Екатерина II продолжила эту линию и использовала гравюру как инструмент культурного и социально-политического влияния, через тираж собственного изображения. Создавался образ «совершенного человека» – мудрая законодательница и покровительница искусств. Скульптура и монументальная пропаганда также вошли в арсенал власти. Эрмитаж, основанный Екатериной, был политическим жестом, символизирующим приобщение России к сокровищам мировой культуры.

В XIX веке закрепляется монументальная форма культурного кода политической идеологии через создание скульптур и архитектурных ансамблей. В этот период архитектура и скульптуры символизируют имперскую власть, превращая политический порядок в символы незыблемости монархической династии. Своеобразный каменный отчет власти перед историей, изображавший важные события царствования. Примером, как архитектура может повествовать о власти является Исаакиевский собор (1818–1858), Храм Христа Спасителя (1837–1883), Большой Кремлёвский дворе (1839–1849), которые воспринимаются не только как мемориалы, но и как отражение идеологической программы николаевского царствования. Показательно, то, что церковная архитектура этого периода реализовала идею национальности и оставалась символом российской монархии и империи до революции. Другие ансамбли России, например, Губернские резиденции в провинции или здание Главного штаба (1819–1829) демонстрируют туже логику в градостроительном масштабе. В целом всё архитектурное воплощение официальной имперской идеологии выражается в триаде «православие – самодержавие – народность». Другими словами, архитектура XIX века не просто украшала власть – она производила её зримость, вписывая монархию в сакральный, исторический и национальный порядок одновременно.

Установление советской власти в начале XX столетия привели к очередной перестройке символического языка. Происходит радикальное разрушение старой государственности и построение новой системы политической символики, заменяющей религиозную и монархическую. Одним из масштабных, стал план о монументальной пропаганде (Декрет Совнаркома «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г.). Цель плана была направлена на то, чтобы перенести символику власти в художественную культуру и запустить процесс политизации искусства. Деятелей искусства (архитекторов, живописцев, литераторов, музыкантов, кинематографистов) направляли в творчестве на «идейную чистоту», партийность и народность. Кинематограф, литература и музыка были поставлены на службу идеологии. По мнению Жмуровой С.С. и Анисимовой Ю.А.: «Кино является важной частью культуры любой страны. Еще В.И. Ленин подчеркивал важность киноискусства для строительства коммунизма и пропаганды социалистических идеалов. … Советская власть активно использовала кино для популяризации идей революции, классового сознания и построения справедливого общества. Руководство страны, уже в этот период осознавало, что киноискусство является мощным инструментом влияния на массы, способствующим эффективному формированию общественного сознания.» [2, с. 532]. В целом искусство превращается в инструмент идеологического воспитания и политической мобилизации. Другим ярким примером идеологизации искусства, можно считать архитектуру сталинского периода (1930–1950 гг.). Советский монументальный классицизм был призван на продвижение достижений Советского союза и коммунистического строя. Архитектура становилась не просто утилитарной, а триумфальной. Она демонстрировала незыблемость и величие советской власти.

Тоталитарные режимы первой половины двадцатого столетия антагонизировали между фашизмом и коммунизмом, разворачивая идеологию политической легитимизации через художественную репрезентацию. Сознательно использовалось изобразительное искусство для пропаганды, политической агитации и создания идеологического образа на культурном

уровне. В советской России логика отчетливо приобретает сакральный подтекст, формируя идеологически-творческую цель – создание образов «идеальных творцов социализма». Оформляется иконография вождей – Ленина и Сталина, их соратников (рис. 2). В целом происходит процесс сакрализации власти через политическую иконографию, когда на место сакрального образа возводится канонизированный портрет вождя.

Рис. 2. Плакаты СССР – Выше знамя Маркса, Энгельса,
Ленина и Сталина (Клуцис Г.) 1936. Источник: Музей Галерикс.
Старые картины. URL: *https://gallerix.ru/storeroom/1973977528/N/49129465/*
(дата обращения 12.11.2026)

Таким образом, культурный код советской политической идеологии впитал в себя как революционный мессианизм ранних лет, так и имперскую монументальность сталинской эпохи, создав гибридную символическую систему.

В постсоветский период отказавшись от коммунистической идеологии, начинается поиск новых оснований для национальной идентичности. Президент В.В. Путин неоднократно подчёркивал, что культура является «общенациональным цивилизационным кодом», а сохранение культурной самобытности и укрепление собственных культурно-нравственных ценностей составляет основу государственной самобытности. Одним из показательных проектов последних лет стал «Русский стиль», представляющий собой соединение националистических и империалистических сегментов с опорой на традиционные ценности. По мнению Корнющенко-Ермолаевой Н.С.: «Коллективная память, фиксирует и формирует образы исторических событий в форме различных культурных стереотипов, символов и мифов.» [5, с. 36]. Новый культурный код страны охватывает архитектуру, визуальную коммуникацию, средовой дизайн, типографику и многое другое. Таким образом, в современных культурно-исторических реалиях искусство в контексте цивилизационной самобытности, сохраняет функцию легитимизации власти через исторические символы, способные воздействовать на коллективную память [6, с. 100]. Современное российское государство активно использует культурное наследие для продвижения своих политических целей. Это означает, что сакральное измерение власти не исчезает в эпоху цифровизации, оно мигрирует из религиозного культа в политический ритуал – от иконы к экранному образу, от триумфальной арки к медийной церемонии.

Заключение.

Анализируя искусство как инструмент укрепления власти с древнейших времен до современности в целях понимания культурно-исторического процесса необходимо отметить несколько значимых логических выводов. Во-первых, приход гражданских церемоний на смену церковным обрядам не изменил парадигму священного ореола власти. Просто изменились формы восприятия. То, что ранее выполняли иконы и культовые архитектурные строения, в настоящее время воспроизводит церемониал и экранные образы. Сакральное не исчезло, оно изменило «носителя». Во-вторых, искусство относительно политической власти, это не что-то внешнее, а часть самого механизма власти. С момента появления государства искусство помогает власти позиционировать себя обществу через символы, образы, зрелища. В-третьих, искусство способно, как укреплять власть, делая ее привлекательной, так и

критиковать, подрывая основы. Следовательно, искусство – это одновременно и пространство сопротивления, и инструмент господства. Именно такое противостояние, а не просто соподчиненность искусства политике, создает продуктивные отношения власти и искусства для понимания культурно-исторического процесса в целом.

Список литературы

1. Алпатов, М. В. Древнерусская иконопись = Early Russian icon painting : альбом / М. В. Алпатов ; цв. съемка Э. Стейнерта. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1978. – 331 с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007766303 (дата обращения: 04.11.2026). – Текст : электронный.

2. Анисимова, Ю. А. К вопросу регулирования сферы кинопроизводства / Ю. А. Анисимова, С. С. Жмурова // Образование и право. – 2025. – № 6. – С. 523–527.

3. Ворошин, С. Д. Трансляция стержневых концептов культуры в монументальной живописи Благовещенского собора Московского Кремля / С. Д. Ворошин // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2026. – № 19 (5). – С. 983–996.

4. Коваленская, Н. Н. История русского искусства XVIII века / Н. Н. Коваленская. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 285 с. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01006308764 (дата обращения: 04.11.2026). – Текст : электронный.

5. Корнюшенко-Ермолаева, Н. С. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре / Н. С. Корнюшенко-Ермолаева // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3 (38). – С. 32–51.

6. Сухоплюев, П. А. Концепция внешней политики Российской Федерации (философский аспект) / П. А. Сухоплюев // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 3 (15). – С. 98–105.

Мягков Герман Пантелеймонович
д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
профессор
ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

АНТРОПОЛОГО-СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ: ВКЛАД ПРОФЕССОРА Т.Н. ИВАНОВОЙ В ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается становление «коммуникативной историографии» в рамках антрополого-социокультурного поворота конца XX – начала XXI века и оценивается вклад доктора исторических наук, профессора Т.Н. Ивановой в изучение истории научных коммуникаций. На примере исследовательского пути ученого прослеживается эволюция подходов к анализу научной школы В.И. Герье: от ранних работ о начале изучения Великой французской революции в России до создания фундаментальной трудов о роли В.И. Герье и его школы в формирование науки всеобщей истории в России. Особое внимание уделяется «антропологической» модели научной школы, разработанной Т.Н. Ивановой на базе широкого корпуса архивных источников и переписки. Через реконструкцию коммуникативных практик (семинаров, селекции, протекции и личного взаимодействия учителя и учеников) раскрывается процесс воспроизводства и преемственности научного сообщества. Отмечается также собственная педагогическая и организационная деятельность Т.Н. Ивановой, приведшая к складыванию ее научной школы.*

Ключевые слова: *антрополого-социокультурный поворот, коммуникативная историография, научные коммуникации, научная школа, герьеведение, интеллектуальная история, историографический быт, преемственность в науке.*

Все мы в большей или меньшей степени являемся свидетелями и даже участниками глубокой внутренней трансформации исторической науки [24, с. 75]. Долгое время историю

отечественной историографии изучали как процесс смены идейно-политических течений. Кафедры, университетские уставы, параграфы монографий, идейно-политические установки… Из этой макрооптики часто выпадал сам творец знания. Однако антрополого-социокультурный поворот конца XX – начала XXI века кардинально изменил ситуацию. Фокус внимания сместился на «мир историка» – его повседневность, ментальность, стратегии поведения и, самое главное, на его связи с коллегами. Развернувшееся интенсивное изучение научных сообществ в российском интеллектуальном пространстве позволило пролить свет на коммуникативную структуру науки, выяснить степень ее разнородности, особенности научных / интеллектуальных коммуникаций, механизмы передачи информации, их роль в подготовке новых кадров, в формировании и поддержке научных сообществ с присущими им типами поведения, системами ценностей, сетевой структурой организации и т. д.

При этом процесс коммуникативного поворота был стремителен. Имея корни в трудах философов и науковедов 1970 – 1980-х годов, он проявился в исследованиях историографов только на рубеже веков. Важную роль на этом пути, по признанию историков науки, сыграли исследования И.Л. Беленького, Б.С. Кагановича, В.П. Золотарева, С.И. Михальченко, М.П. Мохначевой, Б.Г. Могильницкого, В.М. Панеяха, Б.Г. Сафронова, А.Н. Цамутали и др. Но собственно к выявлению социально-организационной структуры и характеристике и роли коммуникативных связей в числе первых обратились В.П. Корзун, Л.П. Репина, Г.П. Мягков, Н.Н. Алеврас, С.И. Маловичко, Н.В. Ростиславлева, Е.А. Ростовцев, А.В. Антощенко, А.В. Свешников, В.Г. Рыженко, С.Б. Крих, А.А. Кузнецов, Н.В. Гришина, М.А. Мамонтова, Д.А. Цыганков, В.А. Филимонов, Ю.С. Никифоров и др. Важную роль в истории коммуникативного поворота сыграли «омские» конференции (проводились в 1993–2012 гг. Их бессменными руководителями были профессора В.Г. Рыженко, В.П. Корзун, Н.А. Томилов и др. [25]) и состоявшаяся в 2002 г. в Саратове конференция «Историк на пути к открытому обществу», на которой одной из центральных обсуждаемых тем стала «Историко-научное сообщество. Центры, коммуникационные связи, школы, учителя и ученики». Происходит взлет схоларной проблематики [3; 19] и разворачивается процесс формирования «коммуникативной историографии» [1]. Именно тогда созданные такие институции, как Центр интеллектуальной истории (ИВИ РАН) (1), РОИИ с его подлинно всероссийской сетью отделений (2), альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем» (3), становятся модераторами и трансляторами интеллектуальной истории как исследовательского проекта, изменяющего историографическую культуру. В результате осуществляемая в РОИИ разработка целой программы историографического осмысления схоларной проблематики [24, с. 124] способствовала продвижению изучения коммуникативных практик в фокус внимания историков. В науку вступила целая плеяда исследователей, создавших монографические исследования и защитивших диссертации, посвященные изучению, скажем обобщенно, коммуникативно-схоларного процесса в истории исторической науки в России и СССР в XIX – начале XXI вв.

В этом процессе формирования «коммуникативной историографии» фундаментальное место занимают труды доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Ивановой. Ее исследования не просто расширяли знания, они открывали новую оптику изучения научных сообществ через призму теории коммуникаций.

Каким был путь Татьяны Николаевны к теме, исследование которой прежде всего определило ее место в науке? Полагаю, что на этом пути по меньшей мере можно выделить две реперные точки.

Первая – время обращения тогда еще вступающего в науку ученого к фигуре В.И. Герье, к изучению его жизни и творчества. Это было связано с определением темы кандидатской диссертации при поступлении в аспирантуру по кафедре нового и новейшего времени Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета, возглавляемую профессором В.Г. Ревуненковым [5]. Поступая в аспирантуру, Татьяна Николаевна намеревалась продолжать тему дипломной работы о В.И. Герье, избранную по совету и выполненную под руководством А.П. Даниловой (Данилова Антонина Петровна, к.и.н., доцент, зав. кафедрой

всеобщей истории (1988–2002) Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, в 1979 г. защитила в МГУ диссертацию «Р.Ю. Виппер как историк античности» (научный рук. д.и.н., проф. В.И. Кузищин)). И хотя труды самого В.Г. Ревуненкова вызвали бурную полемику в советской науке, под крышей руководителя такого ранга исследование о В.И. Герье как историке, начавшем в России изучение Великой французской революции, было успешно выполнено и защищено в 1984 г. в диссертационном совете Ленинградского университета [7].

Говоря о значении этого исследования, отметим, что замысел монографического изучения биографии и исследовательской практики В.И. Герье одновременно возник в начале 1980-х годов – и смог реализоваться – в дискурсивном пространстве двух школ: томской, руководимой профессором Б.Г. Могильницким, и школы В.Г. Ревуненкова в Ленинградском университете. Тогда в советской историографии о В.И. Герье было принято говорить только как о «фигуре второго плана», к тому же находившемся в конфронтации с прогрессивными течениями в русской исторической науке. В этой ситуации и были осуществлены исследования Е.С. Кирсановой [17] и Т.Н. Ивановой. Они отразили тенденцию размывания жесткого монизма советского марксизма, открывавшую новое мыслительное пространство. В свете поставленной нами в данной статье темы, укажем и то, что, изучив труды Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина, Р.Ю. Виппера, П.Н. Ардашева и др., Т.Н. Иванова пришла к выводу о явном влиянии концепции революции учителя на ранние работы и лекционные курсы по истории Франции XVIII в. его учеников.

Мое знакомство с Татьяной Николаевной произошло «заочно»: в 1989 г. я получил в дар ценный подарок – книгу «Великая французская революция и Россия» (М., 1989) от ее редактора, профессора МГУ Анатолия Васильевича Адо. В этом фундаментальном издании была опубликована статья Татьяны Николаевны «В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье)» [8]. А ровно через год мы встретились и познакомились на организованной нашей кафедрой (кафедрой всеобщей истории КГУ) конференции «Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль». Тогда же я получил в дар от Татьяны Николаевны сборник статей «Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии», подготовленный к 200-летнему юбилею революции в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. В опубликованной в нем статье Татьяны Николаевны «Оценки книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» русской буржуазно-либеральной историографией второй половины XIX – начала XX в.» [13] уже слышались новые мотивы и выдвигались идеи, порождаемые временем расставания с господством моноидеологии.

На конференции мы работали в одной секции «Великая французская революция: новые и старые пути в историографии». Ею руководил профессор А.В. Адо. Зная, что я буду писать отчет о работе конференции, он мне передал свои записи-заметки. Среди них читаем: «Русская и советская историография. Классический сюжет – русская школа. 3 сообщения и все дали новое. Татьяна Николаевна Иванова – к истокам = как формировали в русских ун-х в 70–80-е г. специалистов-историков, в т.ч. области Французской революции! (лекции, семинары)». Далее следовали заметки о выступлениях В.П. Золотарева и Г.П. Мягкова. Кроме того, были даны характеристики докладов и других участников: С.Н. Короткова, А.В. Чудинова, З.А. Чеканцевой, Л.А. Пименовой, С.Ф. Блуменау и др. Завершил обзор Анатолий Васильевич словами: «Уезжаю обогащенным. Надежда – на подъем и расцвет…». И верно. Из 19 докладчиков 14 стали докторами наук, среди них и Татьяна Николаевна Иванова.

Но должны были пройти годы, чтобы после более чем 15-летнего перерыва ученый вернулся к теме, связанной с творчеством В.И. Герье. Свое значение сыграла конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики», прошедшая в Казанском университете 5–7 октября 2006 г. Здесь, как говориться, звезды сошлись. В разговорах мы обнаружили готовность и заинтересованность в сотрудничестве в работе над темой о В.И. Герье.

Мои мотивы были связаны с тем, что на первом этапе работы над темой о «русской исторической школе» в те же годы, что и Татьяна Николаевна (мы защитили свои диссертации в один год – 1984) я исходил из господствовавших в марксистской парадигме идеи о стержневой роли для определения принадлежности ученого к школе его теоретико-методологических позиций. И, как известно, на этом основании В.О. Ключевскому отказывали в праве быть основоположником школы, собравшей под свои знамена историков-позитивистов [4, с. 27–66], а В.И. Герье – в принадлежности к «русской исторической школе» [22, с. 63–65, 81–85; 14; 15, с. 534–536]. Переход на позиции антропо-социокультурной парадигмы, осуществленный во второй половине 1990-х гг., привел меня к выводу о иной конфигурации «русской исторической школы», а на этой основе – к новому видению роли и места В.И. Герье в истории русской науки [22, с. 201–207].

В результате сделанные наблюдения и выводы о проблеме лидерства В.И. Герье в «русской исторической школе» были одобрены оппонентами (Г.И. Зверева, Л.П. Репина, Р.М. Валеев, А.Н. Цамутали) в процессе защиты докторской диссертации (2000) и рецензентами книги «Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» Г.И. Зверева, Л.П. Репина) [6]. Но в то же время было подчеркнуто: «…нельзя не отметить, что в некоторых, хотя и исключительно редких случаях имеют место довольно зыбкие допущения. Так, например, нам представляется, что тезис о «лидерстве В.И. Герье» *нуждается в дополнительных доказательствах*: примечательно, что сам автор посчитал нужным снабдить его целым рядом оговорок. Но именно такое решение вопроса о лидерстве оказывается очень важным для последующего объяснения… Тезис работает на авторскую концепцию, а значит, *его система доказательств должна быть существенно укреплена*» [6, с. 369; выделено мною. – *Г.М.*]. Лучшего обоснования темы о В.И. Герье как о «родоначальнике «русской школы» (определение В.П. Бузескула) – научной школы всеобщих историков в России не найти!

Интерес к творчеству В.И. Герье продолжал развиваться, в частности, в связи с предложением редакции «Диалога со временем» дать рецензию на увидевшую свет в 2003 г. книгу Е.С. Кирсановой «Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье» [18]. Автор книги в полной мере испытал негативное отношение старших коллег к В.И. Герье при утверждении темы кандидатской диссертации, и только принципиальная позиция ее научного руководителя, проф. Б.Г. Могильницкого, открыла путь к ее изучению. В момент работы над рецензией (2003 г.) я вынужден был констатировать как актуальную задачу возвращение В.И. Герье заслуженного положения в русской науке. На ее решение в тот момент работала, кроме трудов Е.С. Кирсановой и Т.Н. Ивановой, пожалуй, только опубликованная в 2002 г. статья Д.А. Цыганкова «Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919)» [28]. Высоко оценивая монографию Е.С. Кирсановой, я вынужден был отметить «узость круга персоналий», фигурировавших, наряду с В.И. Герье, в русской историографии, среди них не было и учеников ученого [21, с. 380].

Встреча с Татьяной Николаевной имела следствием то, что стала возможной постановка, безусловно, научно значимой темы, которая в итоге обрела такую формулировку: «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века»).

Последовали годы напряженного исследовательского труда. Татьяна Николаевна успешно проделала тот же путь выхода из «шинели» советской историографии», что и автор этого текста [2]. Мы переживали, по определению Н.Н. Алеврас, «взаимосвязанную цепь интенсивно-происходивших перемен в институциональных и теоретико-методологических сферах исторического и историографического знания» [2, с. 54]. Хронологически этот период (микро-момент) я бы определил первым десятилетием XXI в., к завершению которого изучение коммуникативных практик достигло такого положения, что стало «традиционным сюжетом историографических конференций» [27]. Это заключение было сделано относительно проходившей 7–8 октября 2011 года в Челябинске конференции «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI вв.», а 24 ноября 2011 г. на заседании диссертационного совета в Казанском университете состоялась защита

докторской диссертации Т.Н. Ивановой [9]. Оппонентами выступали Л.П. Репина (ИВИ РАН), И.Г. Воробьева (Тверь), О.В. Синицын (Казань), внешний отзыв давал Омский университет (В.П. Корзун).

Каковы же итоги огромного исследовательского труда Татьяны Николаевны? «Материально», кроме «кирпича»-диссертации, они явили немалую сумму – 55 опубликованных текстов, в том числе две монографии объемом 44 п.л. [10; 12]. Из этого числа публикаций до определения темы докторской диссертации (1984–2005) было издано 15 работ. Понятно, что исследование захватило ученого, но важны были и огромная работоспособность, и высокая исследовательская культура, и наличие накопленных еще в аспирантские годы архивных материалов, которые неустанно пополнялись. Татьяна Николаевна с максимальной полнотой использовала возможности, открывавшиеся для участия в дискуссиях на конференциях, организованных РОИИ и проходивших на «площадках» ИВИ РАН, МГПУ (Москва), региональных центров (Казань, Ижевск, Пермь, Йошкар-Ола, Омск, Челябинск, Нижний Новгород и др.).

Особо отмечу присущий Татьяне Николаевне свой, авторский, подход к методологии исследования. В числе первых она, решая задачи реконструкции коммуникативных сетей в сообществе дореволюционных историков, почувствовала и реализовала эвристический потенциал теорий М. Полани, Л. Тевено, разрабатываемых коллегами концептов «историографического быта», «школообразующих практик», переакцентировала под влиянием схоларного подхода исследовательский интерес на преподавательскую работу ученого, «на его деятельность в качестве лидера научной школы, учителя и наставника» [20, с. 156–157] и т. п. Именно в эти годы такие понятия, как «коммуникация», «коммуникативное поле», «коммуникативное пространство», «коммуникативный подход в историческом познании» и т. п. из маргинального или вспомогательного инструментария переходят в состав ключевых методологических подходов в российской историографии.

Попытаюсь выделить те новаторские результаты исследований Т.Н. Ивановой именно в изучении проблемы научных коммуникаций, учитывая, что и последовавший после 2011 года период был плодотворным, что он отмечен не только новыми трудами, но и организацией исследований уже собственных учеников, складыванием основ научной школы.

Методологическое самоопределение, разворот интереса к коммуникативным практикам, к вопросам классификации научных сообществ привели Т.Н. Иванову к выработке «антропологической» модели научной школы, в которой коммуникации рассматриваются не в качестве фона, а «инструментом», позволяющим вскрыть инфраструктуру научного сообщества, формирующую его сеть межличных связей. На конкретном примере показано, что начало процесса формирования школы Герье было связано с профессионализацией русской исторической науки: в 1870-е годы острый недостаток квалифицированных кадров по всеобщей истории для расширяющейся сети университетов побудил Герье избрать курс на подготовку энциклопедически образованных профессоров-универсалов. А ведь именно этот поворот провидчески усмотрел и одобрил в докладе Татьяны Николаевны в 1990 г. Анатолий Васильевич Адо.

Особым сегментом изысканий ТН. Ивановой стали вопросы «механики» воспроизводства научной школы. Мне доставляло особое удовольствие читать страницы с описанием работы Герье с учениками, прослеживать вместе с автором этапы этой работы – селекции – отбора из студенческой массы, протекции – помощь тем, кого в последующем видел Герье способными к профессорской кафедре, личные отношения учителя и учеников, особенно в период написания ими диссертаций [10, с. 212 и сл.]. Описанный Татьяной Николаевной алгоритм, который был выработан В.И. Герье для подготовки молодых ученых, имеет, без сомнения, практическое значение и в условиях XXI в [15, с. 41]. При этом во главу угла ставится такое общение, при котором и посредством которого передавалась определённая научная традиция, в первую очередь идея всеобщей истории, восходящая к Т.Н. Грановскому. Коммуникации без концептуального содержания недостаточны. Разделяя т.н. триединую модель научной школы, согласно которой школа является и носителем определенной научной концепции [22],

Т.Н. Иванова самое пристальное внимание уделяет содержательной стороне наследия Герье, его вкладу в изучение проблем всеобщей истории [10, гл. 2; 12, гл. 2, 3].

Фундаментальность исследований Т.Н. Ивановой определяется прежде всего источниковой базой. Меня поражали результаты находок, объемы выявленных и, соответственно, введенных в научный оборот архивных материалов, что позволило уверенно утверждать, что Герье как педагог и организатор науки реализовал в Московском университете «школообразующую» традицию, восходящую к реформам 1860–1870-х годов. Вот и переписка в работах Ивановой – не биографический фон, а ценнейший источник изучения научной коммуникации: по ней восстанавливаются маршруты трансляции задач, методов и самого статуса «учеников» и т. п.

Другой опорой исследований служат материалы, отнесенные историографом Ивановой к глубоко исследуемой и означенной ею традицией «герьеведения». В результате историография школы сама предстает как история коммуникаций. В свете таких подходов и сделанных наблюдений можно сформулировать вывод, значимый для коммуникативной модели: научная школа существует не как формальная оболочка, а как действующий канал преемственности, и когда коммуникации обрываются, «школа» распадается даже при сохранении всех формальных признаков. Иными словами, научная, тем более научно-педагогическая школа жива, пока живы практики – семинары, переписка, протекция, издания, научные кружки, сообщества и прочие формы взаимодействия, и умирает вместе с ними. Полагаю, что в этой плоскости лежат проблемы и неудачи современных «опытов» по созданию школ, когда бездумно тасуют учебные планы, награждая лекционными курсами, одновременно лишают профессоров права вести семинары, в погоне за модными «курсами» уничтожают фундаментальную подготовку.

Наконец, не могу не отметить, что так глубоко понять и раскрыть методику работы В.И. Герье с учениками мог только человек, который сам переживал проблемы и радости подобного труда. Поэтому на этом трудном пути Татьяна Николаевна на всех этапах своей педагогической работы обращалась / «советовалась» со своим героем, опиралась на открытый ею опыт. С первых шагов своей учебной и научной деятельности Татьяна Николаевна имела самый разнообразный опыт быть «встроенной» в разнообразные действующие коммуникативные инфраструктуры. Поэтому в ее исследовании научной школы В.И. Герье мы можем видеть случай саморефлекторного исследования. Поскольку мне он близок, могу говорить, что в методике реконструкции научной школы важно понимать коммуникативную логику, по которой организовано профессиональное сообщество самого исследователя. Спасибо нашим учителям, нашим коллегам, которые демонстрировали такие практики.

Описанная саморефлекторность в жизни и деятельности профессора Т.Н. Ивановой имеет и конкретное персональное измерение. Она воспитала уже не одно поколение историков. Среди них – защитившие под ее руководством кандидатские диссертации ученики: А.Н. Зарубин (2012), Н.Н. Агеева (2016), О.В. Захарченко (2018), О.О. Дмитриева (2019), Н.О. Самылкин (2025), что позволяет говорить о создании ею научной школы. Но это лишь звено, в котором воспроизводится посредством коммуникации предыдущее звено.

Решимся вписать творчество Т.Н. Ивановой и ее учеников в систему коммуникаций отечественной исторической мысли. В свое время наш коллега, авторитетный исследователь творчества В.И. Герье и Московской школы, имеющий свою концепцию развития научных школ, Д.А. Цыганков рассказал в книге «В.И. Герье и Московский университет его эпохи» [27] о теории «трех рукопожатий» между современными историками университета и В.И. Ключевским с В.И. Герье, которые позволяют ощутить традиции общения разных поколений [27, с. 6]. Пожалуй, именно столько могло быть «рукопожатий», связывающих Т.Н. Иванову с одним из основоположников «русской исторической школы» И.В. Лучицким, если учесть ее прямое ученичество у проф. В.Г. Ревуненкова, который был учеником профессора Е.В. Тарле – ученика И.В. Лучицкого. В таком же количестве «рукопожатий» Татьяна Николаевна находится и от своего любимого героя – Владимира Ивановича Герье, если учесть, что В.Г. Ревуненков был также прямым учеником Я.М. Захера (1893–1963) – ученика Н.И. Кареева, который был первым в плеяде ученых, воспитанных В.И. Герье.

Признавая связанность научной деятельности Татьяны Николаевны с Казанским университетом, с кафедрой всеобщей истории, с ученичеством у автора этих строк [11, с. 302–303], правомерно видеть принадлежность ее и к казанской ветви историографической науки всеобщей истории. Она восходит через моего дорогого учителя, «учителя всех учителей» Казани и Татарстана (определение В.С. Королева) доцента Василия Ивановича Адо (1905–1995), школившегося у профессора С.П. Сингалевича (1887–1954) и профессора В.Т. Дитякина (1896–1956), к их учителю – профессору Казанского университета с 1900 г. М.М. Хвостова (1872–1920), который слушал лекции и прошел через семинары В.И. Герье, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера в период обучения в Московском университете в 1891–1995 гг.

Обращая внимание наших учеников на такие генеалогические линии в развитии науки и обучая видеть цепочки наставничества, передачи знаний от учителя к ученику, представлять последовательность и преемственность идей и научных школ, возможно, удастся найти пути решения «важной проблемы» – понимания того, «как именно выстраивается интеллектуальная генеалогия и создается образ научной школы…» [24, с. 126].

Поздравляя профессора Татьяну Николаеву Иванову с юбилеем, с чувством благодарности повторяю слова, которые напомнил Л.Н. Толстой в «Мыслях мудрых людей на каждый день»: «Многому я научился у своих наставников, еще более у своих товарищей, но более всего у своих учеников». Желаю радости от новых научных свершений, искренней и преданной любви учеников.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. Историографические исследования в уральских научных центрах: актуальная проблематика и перспективы коммуникаций историографов в начале XXI века / Н. Н. Алеврас // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1.

2. Алеврас, Н. Н. Как выйти из «шинели» советской историографии: опыт перехода историка Г.П. Мягкова глазами его современницы (в стиле эссе) / Н. Н. Алеврас // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской. – Москва : Аквилон, 2022. – С. 49–61.

3. Беленький, И. Научные школы в отечественной исторической науке / И. Беленький // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. – Москва, 2011. – С. 371–376.

4. Гришина, Н. В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск, 2010. – 288 с.

5. Евдокимова, Н. П. В.Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке / Н. П. Евдокимова, А. А. Петрова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Сер. 2, вып. 2. Университет: история и историки.

6. Зверева, Г. И. Научные школы в историческом контексте: новая книга о «русской исторической школе» / Г. И. Зверева, Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 6. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 364–370.

7. Иванова, Т. Н. В.И. Герье и начало изучения Великой Французской революции в России : дис.... канд. ист. наук / Т. Н. Иванова. – Ленинград, 1984. – 243 с.

8. Иванова, Т. Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) / Т. Н. Иванова // Великая французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо, В.Г. Сироткина. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 153–164.

9. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) : автореф. дис.... д-ра ист. наук / Т. Н. Иванова. – Казань, 2011. – 48 с.

10. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2009. – 381 с.

11. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – Вып. 92. – Москва : Аквилон, 2025. – С. 300–310.

12. Иванова, Т. Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2010. – 381 с.

13. Иванова, Т. Н. Оценка книги А. Токвиля «Старый порядок и революция» русской буржуазно-либеральной историографией второй половины XIX – начала XX в / Т. Н. Иванова // Эпоха французской революции: проблемы историографии. К 200-летнему юбилею революции. – Чебоксары : Изд-во ЧувГУ, 1989. – С. 26–39.

14. Иванова, Т. Н. Анализ дискуссий о научной школе В.И. Герье в современной историографии / Т. Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 31–37.

15. Иванова, Т. Н. Становление науки всеобщей истории в России: В.И. Герье и его учителя / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 532–571.
16. Иванова, Т. Н. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 572–644.
17. Кирсанова, Е. С. Историко-теоретические взгляды В.И. Герье : автореф. дис.... канд. ист. наук / Е. С. Кирсанова. – Томск, 1982.
18. Кирсанова, Е. С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье / Е. С. Кирсанова. – Северск : Изд-е СГТИ, 2003. – 210 с.
19. Корзун, В. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт осмысления последних десятилетий) / В. П. Корзун, Г. П. Мягков // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.
20. Леонтьева, О. Б. Научная проблема как историографическая проблема / О. Б. Леонтьева // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой. – Москва : ИВИ РАН, 2022. – С. 149–184.
21. Мягков, Г. П. Как соединить несоединимое: опыт «консервативного либерализма» В.И. Герье в оценке новейшей историографии / Г. П. Мягков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 12. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 373–380.
22. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. – 298 с.
23. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографические практики / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с.
24. Репина, Л. П. Проблема идентификации научных школ в трансдисциплинарном пространстве современной науки / Л. П. Репина // Диалог со временем. – Вып. 92. – Москва : Аквилон, 2025. – С. 122–130.
25. Томилов, Н. А. Омские научные форумы исторического прошлого (юбилейные даты) / Н. А. Томилов // Исторические науки в Омске. – 2023. – Вып. 2 (10). – С. 15–16.
26. Фокин, А. Научное дерби в Челябинске. «Смеховая культура в России XVIII – XX вв. (Междисциплинарные подходы, проблемы, перспективы)» / А. Фокин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 115. – URL: https://web.archive.org/web/20130124121523/http://magazines.russ.ru/nlo/2012/115/ (дата обращения: 25.11.2026). – Текст : электронный.
27. Цыганков, Д. А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. А. Цыганков. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 256 с.
28. Цыганков, Д. А. Профессор Московского университета В.И. Герье (1837–1919) / Д. А. Цыганков // Новая и новейшая история. – 2002. – № 5.

Никишкин Александр Владимирович
канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент
Российская академия естественных наук (РАЕН), полковник полиции
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О РОДНОМ КРАЕ (ДЕРЕВНЯ ИЖОРА)

Аннотация: *в статье рассматривается история деревни Ижора, расположенной в северо-западной части Гатчинского муниципального округа Ленинградской области. На основе картографических, статистических, административных и демографических источников прослеживается эволюция населённого пункта с первого упоминания в 1831 г. до настоящего времени.*

Ключевые слова: *деревня Ижора, топографическая карта, подушная подать, гардеробмейстер, этнографическая карта, ингерманландцы – савакоты, Дылицкий Владимирский приход, лютеранский приход Спанккова, крестьянский двор, ветряная мельница.*

Деревня Ижора территориально принадлежит Елизаветинскому территориальному управлению администрации муниципального образования Гатчинский муниципальный округ Ленинградской области. Она расположена в северо-западной части округа на автодороге 41К-506 «Холоповицы – Шпаньково». Расстояние до посёлка Елизаветино (бывшего

административного центра Елизаветинского сельского поселения) составляет полтора километра, до ближайшей железнодорожной станции «Елизаветино» – два километра.

Рис. 1. Герб Елизаветинского сельского поселения

Первое упоминание о деревни Ижора зафиксировано на «Топографической карте окрестностей Санкт-Петербурга» Фёдора Фёдоровича Шуберта в 1831 году, где она упоминается, как «деревня Ижоры, состоящая из двенадцати крестьянских дворов».

В 1838 году, по ревизии (перепись населения, необходимая для исчисления подушной подати) деревня принадлежит генерал-майору Шкурину Павлу Сергеевичу (в 1762 году Екатерина II, жена будущего императора Павла III, дарует имение своему гардеробмейстеру Василию Григорьевичу Шкурину, после прихода к власти, в благодарность за участие в перевороте), и в ней проживает двадцать шесть мужчин и двадцать пять женщин.

В 1848 году в пояснительном тексте к этнографической карте Санкт-Петербургской губернии Петра Ивановича Кёппена (1849 года) деревня записана как Ishora (Ижора). В ней живут ижоры (двадцать три мужчины и тридцать женщин, всего пятьдесят три человека) и ингерманландцы – савакоты (двадцать семь человек). Ижоры относились к православному Дылицкому Владимирскому приходу, савакоты – к лютеранскому приходу Спанккова.

В 1850 году, согласно 9-й ревизии, деревня называется Ижоры и остаётся в собственности генерала Шкурина П.С.

В 1856 год деревня переходит к княгине Трубецкой Елизавете Эсперовне (Белосельской-Белозерской), в исторических документах отмечается, что деревня располагается «по просёлочной дороге, и в ней насчитывается девять дворов и двадцать три мужчины».

В 1860 году согласно сведениям из Топографической карты частей Санкт-Петербургской и Выборгской губерний, в деревне имеется десять крестьянских дворов.

В 1862 году во «владельческой» деревне при колодцах проживает двадцать мужчин и тридцать две женщины в десяти дворах.

В 1885 года план деревни Ижоры фиксирует те же десять дворов.

Рис. 2. План деревни Ижоры. 1885 год

В конце девятнадцатого века деревня административно относится к Губаницкой волости 1-го стана Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии, в начале двадцатого – 2-го стана и входит в Дылицкое сельское общество.

В конце 1913 года количество дворов увеличивается до четырнадцати.

С 1 марта 1917 года по 31 января 1923 года деревня входит в состав Елизаветинского сельсовета Губаницкой волости Петергофского уезда. С февраля 1923 года – в состав Венгисаровской волости Троцкого уезда. С августа 1927 года – в состав Красногвардейского района Ленинградской области.

Согласно данных переписи населения СССР 1926 года в деревне Ижоры Елизаветинского совета Венгисаровской волости Троицкого уезда проживает шестьдесят два человека – русские и эстонцы.

В 1931 году по топографической карте в деревне (название в документе – Ижоры) насчитывается восемнадцать дворов, здесь имеется действующая ветряная мельница.

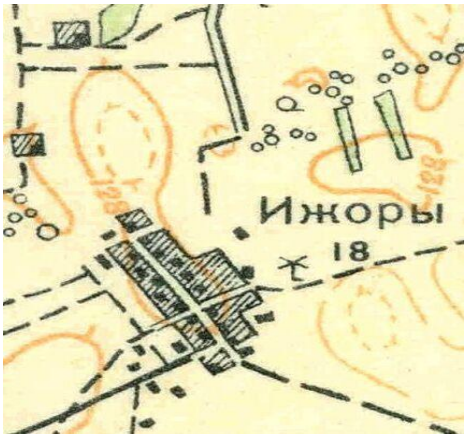


Рис. 3. План деревни Ижоры. 1931 год

С 1933 года по административным данным деревня называется Ижора и входит в состав Елизаветинского сельсовета Красногвардейского района. По данным переписи населения 1939 года, в деревне проживает сто человек.

С 1 августа 1941 года по 31 декабря 1943 года деревня находилась под германской оккупацией.

В 1958 году, по данным справочника по истории административно-территориального деления Ленинградской области, в деревне проживает семьдесят два человека. По данным сельсоветского учёта на 27 февраля 1958 года в деревне Ижора числится двадцать пять жилых строений, тридцать пять хозяйств и восемьдесят пять человек наличного населения.

Согласно данным переписи населения СССР в 1959 года, в деревне Ижора Елизаветинского сельсовета насчитывается семьдесят человек наличного населения. Численно преобладающая национальность – русские. В 1970 году, в деревне постоянно проживают тридцать восемь человек (тринадцать мужчин и двадцать пять женщин). По данным сельсоветского учёта на 1 января 1975 года в деревне Ижора числятся тридцать два человека наличного населения.

Согласно данным переписи населения в СССР 1979 году, в деревне Ижора постоянно проживает тридцать один человек (тринадцать мужчин и восемнадцать женщин). По всем: административно-экономическое значение – сельскохозяйственное, численно преобладающая национальность – русские. В 1989 году, в деревне Ижора Елизаветинского сельсовета постоянно проживают десять человек (трое мужчин и семь женщин). Численно преобладающая национальность – русские.

По статистическим данным 1966, 1973 и 1990 годов, деревня Ижора также входит в состав Елизаветинского сельсовета. По данным переписей населения, в 1997 году в деревне проживали одиннадцать человек, в 2002 году – семь человек (все русские), в 2007 году – семь. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2021 года в деревне проживали восемьдесят шесть человек, из них: русские – восемьдесят пять, таджики – один человек.

Рассмотрев административно-территориальные и демографические изменения, произошедшие с момента первого упоминания о населённом пункте (Ижоры) до наших дней, можно отметить, что данный населённый пункт имеет давнюю и великую историю и находится на Ижорской земле, которая когда-то имела красивое название Ингерманландия.

Список литературы

1. Топографическая карта окрестностей Санкт-Петербурга, снята под руководством генерал-лейтенанта Шуберта и гравирована при военно-топографическом депо. – 1831.

2. Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. – Санкт-Петербург: Губернская типография, 1838. – 144 с.

3. Списки населённых мест Российской Империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXXVII. Санкт-Петербургская губерния. По состоянию на 1862 год. – Санкт-Петербург, 1864. – С. 146.

4. Дубина, А. С. Справочник по истории административно-территориального деления Ленинградской области / А. С. Дубина.

5. Рыкшин, П. Е. Административно-территориальное деление Ленинградской области / П. Е. Рыкшин ; Адм. комиссия Ленингр. обл. исполн. ком-та. – Ленинград : Изд-во Ленингр. облисполкома, 1931. – 107 с.

Рахов Денис Дмитриевич
аспирант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ПАМЯТЬ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЗАМКА САФЕД В ТРАКТАТЕ «DE CONSTRUCTIONE CASTRI SAPHET»

Аннотация: *анонимный латинский трактат XIII века о восстановлении Сафеда интересен тем, как в нём выстроено представление о прошлом. Автор разбирает композицию памятника, речи персонажей и авторские оценки и показывает, что рассказ о строительстве закрепляет заслуги епископа Бенедикта д'Алиньяна и тамплиеров. Образ основателей ордена возникает не случайно, он связывает восстановление замка с продолжением их служения, а упоминание святых мест придаёт этому событию общехристианское значение. Из этого следует вывод, что сохранение памяти о строительстве служит в трактате обоснованием для дальнейшей поддержки крепости. Текст даёт возможность реконструировать авторский замысел. Судить по нему о том, как сильно он подействовал на современников, нельзя.*

Ключевые слова: *историческая память, Сафед, De constructione castri Saphet, тамплиеры, Бенедикт д'Алиньян, Иерусалимское королевство, крестовые походы, святые места, средневековый нарратив.*

Восстановление замка могло становиться событием, память о котором определяла оценку его строителей и последующего содержания. Такой случай представлен в анонимном латинском трактате «De constructione castri Saphet» («О строительстве замка Сафед»). Рассказ посвящён восстановлению тамплиерской крепости в Галилее, начатому, согласно принятому в издании источника чтению, в декабре 1240 г [2, с. 38–39]. Цель статьи – выяснить, какими повествовательными средствами автор закрепляет значение этого события и связывает его с

необходимостью поддержки замка. Основное внимание уделяется распределению заслуг, обращению к прошлому ордена и включению Сафеда в священную историю.

Анализ выполнен по критическому изданию Р. Б. К. Хёйгенса. Исследователь отвергает прежнюю атрибуцию трактата епископу Марселя Бенедикту д'Алиньяну: епископ является центральным персонажем, однако автор текста остаётся неизвестным. Время составления определяется возвращением Бенедикта в Святую землю в 1260 г. и утратой Сафеда христианами в 1266 г [2, с. 10–11]. Следовательно, перед нами ретроспективное повествование о событиях примерно двадцатилетней давности. Оно описывает ещё действующий замок и оценивает его полезность для современников автора.

Понятие памяти используется здесь для анализа отбора и осмысления событий внутри повествования. Я. Ассман различает память, существующую в общении современников, и культурную память, закрепляемую в устойчивых символических формах, включая тексты и ритуалы [1, с. 110–113]. Это различение помогает поставить вопрос о том, как недавний опыт получает письменную форму и связывается с образцами более отдалённого прошлого. Вместе с тем наличие трактата само по себе не доказывает существования устойчивой общественной традиции воспоминания о Сафеде. В статье исследуются композиция, оценочная лексика, речи персонажей и авторские указания на назначение рассказа.

Вопрос о направленности произведения уже поднимался в историографии. Х. Кеннеди допускает, что текст мог создаваться ради сохранения памяти о деятельности епископа, хотя сам склоняется к другому объяснению, поскольку считает более вероятной связь с привлечением средств на содержание крепости. Возможное использование текста при чтении, в проповедях и обращениях за помощью он формулирует лишь как предположение [4, с. 190]. Эти два объяснения не исключают друг друга, а скорее дополняют, ведь прославление прежних усилий вполне могло подкреплять призыв продолжать начатое дело. Поэтому важно проследить, как именно повествование соединяет воспоминание с побуждением к действию.

Сам трактат даёт прямое основание для такого прочтения. Автор, переходя от описания укреплений к расходам, поясняет: столь значительные труды нельзя обходить молчанием, а рассказ должен пробуждать в читателе благочестие и сочувствие к верующим. Эта задача получает уточнение применительно к ордену Храма и Сафеду [2, с. 41]. Сообщаемые сведения заранее получают практическое назначение. Они призваны сделать усилия строителей достойными внимания и участия тех, кто знакомится с рассказом. Память здесь служит способом обосновать не угасающую потребность в помощи.

Первый эпизод задаёт нравственные критерии оценки участников. Трактат начинается с неудачи части крестоносной знати: пренебрегшие советами тамплиеров, госпитальеров и местных знатных людей бароны терпят поражение. Автор объясняет его самонадеянностью и стремлением присвоить славу победы, принадлежащую Богу. Решение восстановить Сафед должно смягчить пережитое бесчестие. Однако обещания выделить семь тысяч марок и обеспечить присутствие войска при строительстве остаются невыполненными [2, с. 34–35]. В таком изложении восстановление крепости становится мерой ответственности за общее дело, а забвение обещаний – основанием для осуждения.

На этом фоне последовательно раскрывается роль Бенедикта д'Алиньяна. Он собирает сведения о значении Сафеда, осматривает местность, убеждает магистра Армана де Перигора и обращается к орденскому совету. В переданной автором беседе епископ утверждает, что больной магистр способен сделать больше, чем многочисленное войско, если обеспечит решимость братьев [2, с. 36–37]. Речь позволяет сопоставить военные ресурсы и действенную волю к строительству. Её следует рассматривать как часть авторской характеристики персонажей: трактат не даёт оснований считать диалог дословной записью разговора.

Начинает Бенедикт с обращения к основателям ордена, и этот ход в его послании особенно значим. Епископ напоминает о первых рыцарях – тех, кто посвятил себя защите христиан и борьбе с их противниками, – и призывает нынешних тамплиеров следовать этому

примеру [2, с. 37]. Так история восстановления Сафеда встраивается в историю орденского служения: сначала прошлое основателей превращается в обязательный образец для решения конкретной задачи, а затем на этой основе выстраивается будущее воспоминание. Поддержав строительство, братья подтверждают преемственность между собственными поступками и почитаемым началом ордена.

Описание закладки первого камня закрепляет за епископом особую роль. После мессы и краткой проповеди Бенедикт совершает благословение, закладывает камень и приносит позолоченную серебряную чашу с деньгами на дальнейшие работы [2, с. 38–39]. Последовательность действий придаёт строительству характер религиозно значимого начинания. При этом трактат сохраняет сведения о вполне материальном вкладе: перед отъездом епископ оставляет замку своих животных, палатки и имущество [2, с. 39]. Его заслуга представлена через личное участие и передачу средств, а не только через произнесённые наставления.

Автор объясняет и символический смысл места, выбранного для епископских палаток, связывая его с прежним расположением синагоги и мечети. По его толкованию, такой выбор выражает утверждение христианской веры [2, с. 38]. Для исследования памяти здесь существенно, как предшествующее использование пространства включается в рассказ о его преобразовании. Перед нами свидетельство авторской религиозной интерпретации, и устанавливать по нему точную топографию более ранних сооружений без дополнительных данных нельзя. Образ восстановления предполагает и возвращение военной силы, и изменение публичного значения места.

Композиция позволяет увидеть результат начинания через повторное посещение замка Бенедиктом в 1260 г. Ранее епископ находил на месте крепости груду камней; теперь перед ним возникает сооружение, вызывающее восхищение. Автор связывает достигнутое с Божиим промыслом, усердием и щедростью тамплиеров, после чего подробно описывает укрепления [2, с. 36, 39–40]. Возвращение одного и того же персонажа соединяет начало и результат строительства. Личная инициатива епископа получает материальное подтверждение, а орден выступает исполнителем и продолжателем предпринятого дела.

Впрочем, повествование усложняет собственную схему религиозного противостояния одним эпизодом. Когда замку не хватает воды, пожилой мусульманин за обещанную одежду показывает служителю епископа место, где под развалинами скрыт колодец. Служители расчищают завал и находят источник, который обеспечивает замок водой [2, с. 39]. Так рассказ сохраняет память о человеке, помогавшем крепости, хотя он и не принадлежал к христианской общине. Его участие вплетается в историю успешного восстановления, пусть имя помощника автор и не называет. Общих выводов о межконфессиональных отношениях этот эпизод не даёт, зато показывает, что среди действующих лиц есть не только прославляемые руководители.

Ценность совершённого автор доказывает через перечисление расходов и ресурсов. Он называет затраты на строительство и ежегодное содержание, сообщает численность людей, получающих продовольствие, упоминает потребности гарнизона – и ссылается при этом на сведения, полученные от старших братьев ордена и через их посредство [2, с. 41]. Благодаря такой ссылке рассказ приобретает вид осведомлённого свидетельства. Дальше идёт описание плодородия округи, водоснабжения, мельниц, возможностей обороны. Зачем эти подробности, автор объясняет прямо: они должны снять впечатление, будто сооружение чрезмерно обременительно или бесполезно [2, с. 42]. Хозяйственные детали здесь работают как довод за сохранение результата прежних трудов.

Завершающая часть расширяет значение Сафеда посредством перечисления святых мест. Источник связывает окрестности замка с ветхозаветными и евангельскими событиями, упоминает Капернаум, места чудес Христа, Назарет, Фавор и Кану Галилейскую. Возможность посещать их более свободно и безопасно объясняется восстановлением крепости [2, с. 43–44]. Таким образом, рассказ о недавнем строительстве соединяется с религиозной памятью гораздо

большей временной глубины. Заинтересованность в замке выводится за пределы орденских владений: его сохранение представлено как условие доступа к почитаемому прошлому.

Авторская аргументация и реальная оценка защищённости перечисленных мест – вещи разные, и смешивать их не стоит. А. Хаберлин замечает, что этот раздел носит прославляющий Сафед характер, поэтому сомневается, можно ли распространять его защиту на такие удалённые пункты, как Назарет [3, с. 182]. Перечень святынь важен тем, что он очерчивает предполагаемый круг интересов читателя. Но заменить самостоятельное исследование маршрутов, гарнизонных возможностей и политической обстановки он не может. Поэтому описание разорительных набегов из Сафеда на земли противника нельзя убирать из анализа только ради того, чтобы сохранить исключительно оборонительный образ крепости [2, с. 43].

Трактат удерживает память о восстановлении Сафеда через нравственную оценку поступков, через заслуги епископа и ордена, через описание обряда закладки и итогов строительства. Обращение к первым тамплиерам и библейским местам роднит недавнее событие с признанными образцами религиозного прошлого. Автор обосновывает этой памятью необходимость дальнейшей поддержки крепости. А вот вопрос о том, как устроено само повествование, требует осторожности. Чтобы понять его распространение, использование в проповеди и влияние на пожертвования, нужны отдельные свидетельства, которых пока нет. Поэтому «De constructione castri Saphet» позволяет изучить прежде всего другое, а именно каким автор хотел сделать воспоминание о строительстве и какое действие рассчитывал с ним связать.

References

1. Assmann, J. Communicative and Cultural Memory / J. Assmann // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2008. – P. 109–118.

2. De constructione castri Saphet: Construction et fonctions d'un château fort franc en Terre Sainte / éd. R. B. C. Huygens. – Amsterdam ; Oxford ; New York : North-Holland Publishing Company, 1981. – 47 p. – URL: https://dwc.knaw.nl/DL/publications/PU00010236.pdf (date of access: 16.11.2026).

3. Haberlin, A. The Infrastructure and Mechanics of Pilgrimage to the Latin East in the Twelfth and Thirteenth Centuries : PhD thesis / A. Haberlin ; University of Glasgow. – Glasgow, 2018. – 263 p. – URL: https://theses.gla.ac.uk/30916/ (date of access: 16.11.2026).

4. Kennedy, H. De constructione castri Saphet (translation) / H. Kennedy // Crusader Castles. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. 190–198.

Трофимов Александр Владимирович
аспирант
Широков Олег Николаевич
д-р ист. наук, декан, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧЕБОКСАРСКОЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРЯДИЛЬНО-ТКАЦКОЙ ФАБРИКИ В 1941–1945 гг.

Аннотация: *анализ становления и развития текстильной промышленности Чувашии представляет научный интерес для реконструкции и понимания принципов действия советской экономической системы. Цель статьи – исследование проблем становления и функционирования Чебоксарской хлопчатобумажной прядильно-ткацкой фабрики в 1941–1945 гг. в контексте формирования текстильной отрасли промышленности Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Источниковая база исследования – материалы Госархива Чувашии, методология – традиционный источниковедческий анализ. В 1941–1945 гг. становление Чебоксарского хлопчатобумажного предприятия сопровождалось производственными трудностями. Невыполнение плана было вызвано дефицитом электроэнергии, материалов, кадров и помещений. Кадровый кризис, спровоцировавший дезертирство и низкую дисциплину из-за простоев усугубил ситуацию. Кризис на фабрике был обусловлен совокупностью экзогенных факторов и эндогенных управленческих дисфункций.*

Ключевые слова: *эвакуация промышленного оборудования, становление текстильной индустрии в Чувашской АССР, Чебоксарская хлопчатобумажная прядильно-ткацкая фабрика.*

Исследование текстильной индустрии Чувашской АССР важно для анализа советской экономики. Объективность обеспечивается введением в научный оборот рассекреченных архивов, которые позволяют достоверно оценить историю региональных предприятий, не получившей должного отражения в советской историографии в силу идеологических ограничений.

Целью статьи является анализ становления и функционирования Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики в контексте формирования текстильной промышленности Чувашской АССР в период 1941–1945 гг.

В историографии тема отражена в работах Суховой «Текстильная промышленность Чувашии в годы Великой Отечественной войны» [6], Трифоновой З. А. «Текстильная промышленность» [7], Каховского В.Ф, Ахмеева С.Н., Иванова Л.А. «Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат» [5], Трофимова А. В., Широкова О. Н. Проблемы размещения и ввода в эксплуатацию оборудования предприятий текстильной и легкой промышленности, эвакуированных в Чувашию в 1941 – 1942 гг. [8].

Анализ профильных публикаций и архивных документов показывает отсутствие комплексного научного исследования истории Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики. Основной источниковой базой служат материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики. Методология исследования основана на традиционных исторических подходах и методах источниковедения.

В 1941–1942 гг. в Чувашской АССР в результате эвакуации были созданы крупные предприятия текстильной промышленности: Чебоксарские чулочно-прядильная и хлопчатобумажная прядильно-ткацкая фабрики, а также производства в Цивильске, Канаше, селе Большой Сундырь и специализированное текстильно-галантерейное производство – фабрика «Басон» [6, с. 188–189]. В 1944 г. фабрика «Басон» была образована путем слияния Альгешевской плетельной и Чебоксарской технoткацкой фабрик [7, с. 203].

Тревожной осенью 1941 г. на станцию Чебоксары из прифронтового Вышнего Волочка Калининской области прибыли эшелоны с оборудованием прядильно-ткацкой фабрики. Это было второе, после электроаппаратного завода, крупное предприятие, эвакуированное в г. Чебоксары [5, с. 8].

В 1941 г. наркомат определил производственную мощность будущей фабрики: 10 тыс. веретен и 230 ткацких станков. По расчетам Средне-Волжского проектного бюро №3, оптимальная загрузка составляла 8 180 веретен и 259 станков.

Оборудование прядильного производства разместили трехэтажном корпусе сельскохозяйственного института, а ткацкий цех занял два здания: 100 станков установили в бывшем общежитии сельхозинститута, 159 – в здании кооперативного техникума. станков. Эксплуатация зданий началась после ремонта и усиления перекрытий [8, с. 39].

Производственная мощность фабрики по проекту составляла 2 400 кг пряжи и 15 тыс. м тканей за две смены. Технологическое оборудование поступило в конце сентября по ноябрь 1941 г. ремонтно-строительные работы, начатые силами предприятия, с 16 октября продолжили специалисты Чувашского строительного треста. По договору работы должны были завершиться к 16 ноября 1941 г., но из-за нехватки материалов, транспорта и кадров сроки были сорваны.

Анализ технического оснащения прядильного производства выявил отсутствие поставок уточных ватеров на 4 000 веретен из г. Вышний Волочек. Их заменили модернизированными машинами с новыми кольцевыми элементами. Кроме того, некомплектно прибыл один толстый банкаброш и отсутствовали два ленточных станка (по 12 выпусков). Из-за несоответствия габаритов прибывшее оборудование не удалось разместить по проекту. В результате в этаже функционировали только два ленточных станка для одного аппарата, а второй остался без необходимого оснащения.

В ткацком производстве не хватало 40 станков. В энергетическом оборудовании отсутствовали двигатели, трансформаторы и электротехника [3. Д. 16. Л. 22].

Неблагоприятная ситуация на Чебоксарской фабрике сложилась и со снабжением стройматериалами. Через Главновхлоппром и НКТП СССР наряды на их получение не были выделены. Острая нехватка наблюдалась по строительному крепежу, цементу, металлоизделиям, стеклу, трубной и кабельной продукции, арматуре и электропроводящим материалам. Также требовались и монтажные материалы: наждачная лента, опоек, сукно, химические реагенты и инструментальная оснастка.

Проектная мощность Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики составляла 23 784 прядильных веретена и 701 ткацкий станок. В мирное время при двух 11-часовых сменах планировался выпуск бязи, миткаля и сатина. Прядильное производство (2025,3 т пряжи в год) должно было обеспечивать ткацкие фабрики, включая Сундырскую (214 т). ткани предназначались для покрытия потребностей населения Чувашской АССР. в изделиях бельевого и платьевого назначения. В военное время выпускалась только бязь.

Размещение в центре города было обосновано готовой инфраструктурой (коммуникации, котельная, механический цех) и возможностью объединения цехов. Близость к планируемой железнодорожной ветке сокращала расстояние до нее с 4 до 1 км [2. Д. 16. Л. 24].

Запланированная общая численность персонала: 556 человек на первом этапе и 580 на втором, суммарно – 1136 человек. Распоряжением Главного управления хлопчатобумажной промышленности НКТП РСФСР от 8 сентября 1941 г. начальник управления Коровкин назначил директоров вновь созданных фабрик: в г. Чебоксары – Логинова, в поселке Сосновка – Шевалина П. И., в г. Цивильск – Митюрева Л. П., в г. Канаш – Пигасина В. М., в с. Большой Сундырь – Иванову В. И.

В 1943 г. Чебоксарская хлопчатобумажная фабрика выполнила производственный план лишь на 14,2% по пряже (72,9 т) и на 11,3% по ткани (390 400 м²) из-за дефицита электроснабжения, вызвавшего простои до 83,6%. Причинами также стали переработка низкосортного сырья (около 60% от общего объема) и завышенный плановый показатель выхода

продукции в 90%, который был невыполним из-за отсутствия угарного оборудования. Качество хлопка было низким из-за неправильного хранения в 1941–1942 гг.: значительная часть сырья имела порчу от 6 до 25%, а партия весом 19,8 т была полностью сгнившей. Это привело к увеличению количества угаров (текстильных отходов).

В 1943 г. были введены в эксплуатацию 2 718 прядильных веретен и 92 ткацких станка. среднегодовая производительность оборудования составила 82,3% по прядению и 87,8% по ткачеству. Основной причиной простоев (80%) стал недостаток электроэнергии; на все остальные виды простоев пришлось 1,4%.

Фабрика, помимо основного ассортимента, выпускала пряжу для бязи, ремней и ватерного шнура, что составляло 2% от общего объема. Качество пряжи: первый сорт – 95,2%, второй – 3,84%, брак – 0,96%. Производительность труда составила 78,6% в прядении и 76,8% в ткачестве из-за невыполнения плана по эффективности оборудования. средняя зарплата работников находилась в диапазоне от 8 до 11 руб. [3. Д. 16. Л. 25].

Анализ развития Чебоксарского предприятия в военное время выявил ряд типичных трудностей. Ключевыми проблемами стали: неподходящие помещения, нехватка строителей и материалов, а также срыв подрядов Трестом №3 Текстильстроя. Существенную роль играли дефицит автотранспорта и электроэнергии, вызывавший простои оборудования. На фабрике наблюдался значительный перерасход топлива, вызванный эксплуатацией парогенераторной установки на открытом воздухе, которую нельзя было останавливать. Высокая стоимость транспортировки древесного сырья была связана с переправой дров через Волгу на устаревших баржах и паромах [3. Д. 16. Л. 26].

На невыполнение производственного плана повлиял кадровый вопрос, особо выделялась неудовлетворительная трудовая дисциплина. В военное время на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., материалы о нарушениях (опоздания, появление в нетрезвом виде, растрата времени) направлялись в суд. Табельщик обязан был немедленно докладывать руководству о любом нарушении, а при опоздании свыше 20 минут руководитель подразделения передавал дело в юридический отдел для обращения в суд в течение 24 ч.

В 1942–1943 гг. за дезертирство с рабочих мест выносились суровые приговоры. Например, 26 ноября 1942 г. четверо сотрудников фабрики были осуждены на 5–6 лет заключения, а 13 января 1943 г. рабочий Ченахов С. С. получил 8 лет тюрьмы за самовольный уход. Военный трибунал массово приговаривал нарушителей к 5–8 годам лишения свободы. Среди осужденных – Григорьева А. И. (6 лет), Диденко С. В., Иванова Е. И., Воробьева Н. И. (по 5 лет), а также Строговец П. М. и Богомолов М. Ф. (7 лет). Аналогичные сроки получили граждане из разных регионов СССР. В некоторых случаях применялись условные наказания. Работницы Степанова С. В., Мухарова О. И. и Трифонова Н. С. получили по 5 лет условно с возвращением на фабрику. Работница Григорьева А. Г. из Чувашии была признана невиновной, так как отсутствовала по причине отпуска и не была уведомлена о возобновлении работы [3. Д. 16. Л. 28].

Основной причиной дезертирства на фабрике являлись систематические простои из-за перебоев с электроснабжением и суровые условия труда. В качестве примера приведем Постановление СНК СССР от 9 августа 1943 г., по которому женщинам с детьми до 8 лет предоставлялся лишь один выходной в неделю, а кормящим матерям при 8-часовом рабочем дне – два 30-минутных перерыва на кормление. Статистика дезертирства: 22 человека (январь-июль 1943 г.), 8 (июль), 7 (август). В связи с этим и.о. директора фабрики Иванов просил Военный трибунал войск НКВД Чувашской АССР провести показательный суд, что свидетельствует о невозможности удержать работников иными методами.

На Чебоксарской хлопчатобумажной фабрике в 1941–1945 гг. наблюдалась высокая ротация директоров (Логинов, Наумова, Иванов. Шустерман) из-за сложности выполнения плана. Невыполнение производственных показателей приводило к выговорам и жестким кадровым решениям со стороны НКТП СССР.

Помимо управления директора решали жилищно-бытовые и социальные вопросы. Секретный приказ НКТП №32с от 30.01.1943 г. фиксировал случаи незаконного выселения семей военнослужащих и завышения платы за жилье. Указание Наркома №870-сс 03.03.1943 г. критиковало неудовлетворительные бытовые условия: отопление, санитарию, работу столовых и магазинов. Директорам предписывалось лично контролировать выдачу продуктов по карточкам, пресекать хищения, организовывать пошивочные мастерские, подсобные хозяйства и политико-воспитательную работу. В связи с незаконным хранением оружия эвакуированными лицами, предприятиям предписывалось создавать секретные отделы для его приемки. Для борьбы с хищениями СНК СССР постановлением №997–299с от 15.09.1943 г. предоставил директорам право проводить обыски в цехах.

В 1943 г. на территории Чебоксарской хлопчатобумажной фабрики произошли возгорания, после которых были усилены меры противопожарной безопасности. Ключевым направлением стала поддержка фронта через создание комсомольско-молодежных бригад, основную часть которых составляли женщины. Их самоотверженный труд стал примером героизма в тылу, что подтверждается перевыполнением плана бригадой Л. Анисимовой [4, с. 43].

В тяжелейших условиях Чебоксарская хлопчатобумажная фабрика проявила трудовой героизм, преодолев нехватку сырья, перебои в снабжении и дефицит кадров. Перестройка промышленности Чувашии на военный лад завершилась к концу 1942 г., а к 1944 г. валовая продукция выросла в 2,6 раза по сравнению с 1940 г [2, с. 19]. Довоенный уровень текстильной промышленности был превзойден лишь в годы четвертой пятилетки. В условиях дефицита сырья легкая промышленность наладила массовый выпуск тканей для парашютов и самолетов, технических сукон и кирзовых сапог [1, с. 69].

Кризис на Чебоксарской хлопчатобумажной фабрике был вызван совокупностью внешних (энергетический дефицит, нехватка ресурсов) и внутренних (управленческие дисфункции) факторов. К ним относились трудности с монтажом оборудования, нехватка стройматериалов, топлива и кадров, а также низкое качество энергоподачи. Эти проблемы были типичны для текстильных предприятий Чувашии, созданных на базе эвакуированного оборудования. Особо отмечаем проблему электроснабжения предприятий, с которой столкнулась вся промышленность Поволжья в начале великой Отечественной войны. Она приводила к простоям, падению трудовой дисциплины и росту дезертирства на фабрике.

Список литературы

1. Бутаков, П. В. Промышленная политика СССР в годы Великой Отечественной войны / П. В. Бутаков // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. – 2013. – Т. 6, № 4 (30). – С. 61–73.

2. Видяйкин, С. В. В едином строю защитников Отчизны. Форсирование промышленного производства Поволжья для нужд фронта / С. В. Видяйкин // Центр и периферия. – 2010. – № 2. – С. 14–22.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 1324. Оп. 2.

4. Григорьев, А. Д. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) / А. Д. Григорьев, С. Б. Харитонова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 4. – С. 40–48.

5. Каховский, В. Ф, Ахмеев С.Н., Иванов Л.А. Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат / В. Каховский. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1979. – 200 с.

6. Сухова, Е. В. Текстильная промышленность Чувашии в период Великой Отечественной войны / Е. В. Сухова // Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект. – Чебоксары, 2003. – С. 188–194.

7. Трифонова, З. А. Текстильная промышленность / З. А. Трифонова // Чувашская энциклопедия: : в 4 т. Т. 4. – Чебоксары. 2011. – С. 202–203.

8. Трофимов, А. В. Проблемы размещения и ввода в эксплуатацию оборудования предприятий текстильной и легкой промышленности, эвакуированных в Чувашию в 1941 – 1942 гг. / А. В. Трофимов, О. Н. Широков // Центр и периферия. – 2026. – Т. 21, № 2. – С. 35–42.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ И РЕТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Беляева Светлана Владимировна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет»
г. Барнаул, Алтайский край

ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВО ФРАНЦИИ

Аннотация: *в статье анализируется становление французской школьной традиции изучения истории как автономной учебной дисциплины, являющейся опорой французской гражданской идентичности и воспитания патриотизма. Методологической базой исследования являются труды классической французской историографии таких авторов как Анни Брютер, Патрик Гарсия, Жан Ледюк, Бенуа Фалез, Эвелин Эри (Annie Bruter, Patrick Garcia, Jean Leduc, Benoît Falaize, Évelyne Héry).*

Ключевые слова: *история, историография, школьное обучение, патриотическое воспитание.*

Долгое время считавшаяся вспомогательным элементом классических гуманитарных наук, сегодня история занимает центральное место во французской системе образования Франции. Современное понимание истории как школьной дисциплины тесно связано с такими понятиями как формирование гражданина и развитие критического мышления и является плодом долгого процесса становления. Возникновение и развитие школьной дисциплины, понятия, определенного Андре Шервелем как обладающего своими целями, методами и содержанием [1, с. 13], не сводится к простой популяризации исторической науки, но отвечает политическим, культурным и социальным вызовам, свойственным каждой эпохе.

Каким образом история постепенно эмансипировалась от классических гуманитарных наук, чтобы утвердиться в качестве автономной школьной дисциплины, являющейся опорой французской идентичности, а затем трансформировалась под влиянием демократизации школы, реформы и дидактического обновления – отвечая на этот вопрос, в ходе нашего анализа мы рассматриваем три основных этапа становления истории: от периода Старого порядка до Империи, период Третьей республики, вторую половину XX века [5, с. 3–15].

В период с XVII-го века по 1870-е годы), который часто называется Старым порядком *(Ancien Régime)*, в коллежах (в частности, у иезуитов) история не рассматривалась как самостоятельный предмет. Как показывают исследования Анни Брютер [1, с. 69], история была интегрирована в изучение латыни и риторики: греческую и римскую античность изучали для того, чтобы черпать нравственные примеры *(exempla)* и овладевать красноречием.

В период Французской революции была предпринята попытка ввести гражданскую историю, призванную воспитать гражданина, однако этот опыт оказался недолгим. С созданием лицеев Наполеоном в 1802 году история появляется в учебных программах, но преподается учителями словесности и подвергается строгому политическому контролю [5, с. 23–44].

Значимые изменения происходят в эпоху Июльской монархии и Второй империи, когда Франсуа Гизо, министр просвещения и крупнейший историк этого периода, в 1833 году вводит элементы истории в повышенное начальное образование, когда Виктор Дюрюи, министр народного просвещения при Наполеоне III, в 1863 году делает преподавание новейшей истории всеобщим в лицеях и создает корпус преподавателей истории и географии, имеющих учёную степень, заложив тем самым основу дальнейшего развития этих дисциплин [5, с. 48–53].

С принятием школьных законов Жюля Ферри (1881–1882) история становится обязательным предметом в начальной школе, на неё возлагается важная миссия воспитания у

школьников чувства национального единства и легитимизации республиканского строя Третьей республики [6, с. 112–119].

Под влиянием университетских историков, вовлеченных в педагогическую реформу, таких как Эрнест Лависс, известный как «наставник Нации» *(l'instituteur national)*, складывается непрерывное и систематизированное обучение истории. По школьным учебникам (знаменитому «Малому Лависсу») школьники открывают для себя галерею героев-основателей (Верцингеторикс, Жанна д'Арк, Генрих IV), связывающих древнюю Галлию с Республикой. В эпоху становления Третьей республики Лависс поставил задачу привить детям любовь к Родине и республиканским ценностям. По его убеждению, если школьник не вынесет из школы живого воспоминания о своей стране, учитель зря потратил время. Учебники отличались ясным, образным языком, множеством гравюр и четкими моральными выводами. К концу каждого урока прилагались краткие выводы *(résumé)*, которые ученики должны были заучивать наизусть. Учебники Лависса переиздавались вплоть до 1950-х годов, разойдясь десятками миллионов экземпляров и став символом классической республиканской школы.

Как отмечает Эвелин Эри [6, с. 220], дисциплина закрепляет собственные педагогические каноны: лекционный курс с опорой на хронологию в средней школе и нравственный, иллюстрированный «урок истории» в начальной школе, сопровождаемый заучиванием кратких выводов и рассматриванием настенных гравюр.

Начиная с 1960–1970-х годов, развитие такого явления как массовизация *(massification)* школьного образования и влияние историографии школы «Анналов экономической и социальной истории» *(Annales d'histoire économique et sociale)*, основанную Марком Блоком и Люсьеном Февром, ставят под сомнение традиционную событийную и политическую историю. Это направление изменило представление о том, что такое история, как её нужно изучать, перенеся фокус с исторических личностей, войн и дипломатии на жизнь обычных людей, экономику, демографию, быт, религию, психологию и коллективное сознание. В начальной школе вызванная этими тенденциями реформа «пробуждения» (1969) временно растворяет историю в комплексном изучении окружающей среды, что вызывает общественные дискуссии об утрате хронологических ориентиров [6, с. 262].

Уже в 1980-е годы под влиянием дидактических исследований Анри Моньо и Николь Лотье дисциплина перестраивается вокруг приобщения учащихся к методам работы историка: ученика следует научить задавать вопросы документам (текстам, картам, иконографии), чтобы не просто заучивать готовое изложение фактов, но работать с источниками информации, находить материалы, анализировать прошлое [7, с. 102–103].

В этот же период формируется дидактика обучения истории, исследования которой, опирающиеся на модель школьной дисциплины, постулируют автономию практик и текстов школьной истории по отношению к научной истории; другие опираются на педагогические эксперименты с целью наблюдения за процессами конструирования знаний; третьи концентрируются на сборе данных за пределами класса с помощью интервью и анкетирования [3, с. 120–121].

С конца XX века в преподаваемой во Франции истории рассматриваются такие исторические явления современности как Холокост, Алжирская война, деколонизация европейского и мирового измерений. На современном этапе своего развития истории приходится принимать во внимание важные общественные запросы, сохраняя при этом своё первоначальное предназначение – гражданское воспитание и развитие критического мышления учащихся.

Становление истории как школьной дисциплины во Франции иллюстрирует постоянное напряжение между требованиями научной достоверности и гражданским предназначением. Будучи сначала нравственным инструментом на службе классических гуманитарных наук, затем проводником национальной идентичности и сплоченности в эпоху Третьей республики, она утвердилась как оригинальная школьная дисциплина.

Хотя педагогические методы претерпели глубокую эволюцию – от заучивания наизусть героического повествования до критического анализа документальных источников, – во

Франции эта дисциплина сохраняет особую социальную функцию: описывать и объяснять прошлое и настоящее и формировать гражданское сознание учащихся.

Список литературы

1. Bruter, A. L'Histoire enseignée au Grand Siècle : naissance d'une pédagogie / A. Bruter. – Paris : Belin, 1997. – 237 p.
2. Chervel, A. La Culture scolaire. Une approche historique / A. Chervel. – Paris : Belin, 1998. – 238 p.
3. Doussot, S. La didactique de l'histoire dans l'espace francophone. Analyse des développements d'une discipline scientifique / S. Doussot, N. Fink // Éducation et didactique. – 2022. – Vol. 16, No. 3. – P. 115–135. – URL: https://journals.openedition.org/educationdidactique/10773 (date of access: 15.11.2026). – Текст : электронный.
4. Falaize, B. L'histoire à l'école élémentaire depuis 1945 / B. Falaize. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2016. – 336 p.
5. Garcia, P. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours / P. Garcia, J. Leduc. – Paris : Armand Colin, 2003. – 320 p.
6. Héry É. Un siècle de leçons d'histoire : l'histoire enseignée au lycée, 1870–1970 / É. Héry. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 1999. – 436 p.
7. Lautier, N. La didactique de l'histoire / N. Lautier, N. Allieu-Mary // Revue française de pédagogie. – 2008. – No. 162. – P. 95–131. – URL: https://journals.openedition.org/rfp/926 (date of access: 15.11.2026). – Текст : электронный.

Бойко Иван Иванович
д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник
Харитонова Валентина Григорьевна
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СТУДЕНТЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОБ ИСТОРИИ РОССИИ И ЕЕ ЛИДЕРАХ

Аннотация: *в статье рассмотрен опыт исследования исторических представлений студенческой молодежи Чувашии. В первой половине 2020-х годов проводились социологические опросы в трех чебоксарских вузах, в ходе которых около 500–600 респондентов делились своими знаниями и оценками, характеризующими важные исторические периоды истории России и ее лидеров. Итоги опроса показали, что на мнения молодых людей в определенной мере оказывают влияние актуальные события современности.*

Ключевые слова: *студенческая молодежь, социологические опросы, исторические представления, Чувашская Республика.*

Отношение к истории, прежде всего молодого поколения, оказалось в нашей стране особенно актуальным, в том числе и в связи с попытками её международной изоляции. Не снижается уровень резкой критики российского варианта отечественной истории, прежде всего советского периода. Особенно активно ведутся попытки пересмотреть причины, ход и итоги Второй мировой, в первую очередь её важнейшей составляющей – Великой Отечественной войны. Понятно, что эта ситуация важна не только с научной, но и с политической, идеологической точек зрения. В то же время это обязывает и представителей российской науки активнее включаться в решение не только спорных вопросов прошлого, но и методологических вопросов подобного анализа. С этой точки зрения следует отметить, что вклад российских историков, социологов, этнологов и др. в разработку важнейших сюжетов исторического сознания, исторической памяти весьма велик. Плодотворно работает в этом направлении Л. П. Репина, которая в начале XXI в. опубликовала проблемную историографическую статью [6]. Отметим труды В. А. Шнирельмана, в частности его теоретическую работу в

сборнике об исторической памяти и российской идентичности [11]. Значителен вклад в исследование исторической памяти внесли социологи [8]. Ж. Т. Тощенко также поставлены важные вопросы об исторической памяти о Великой Отечественной войне [9]. Некоторое обобщение работ социологов в данном направлении предпринял П. В. Фадеев [10].

Список трудов, раскрывающих различные аспекты усилий исследователей в этом направлении, весьма значителен; отметим, что в российских регионах этот вопрос также изучается. Например, в 2010-х – первой половине 2020-х гг. сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук вместе с преподавателями Чувашского государственного университета проводили опросы студенческой молодёжи республики, в ходе которых пытались выяснить её представления о важных периодах истории России, её оценку некоторых лидеров государства. В опросах участвовали студенты разных специальностей, которых условно можно свести к трём категориям: «технари» (инженеры разных направлений обучения, физики, математики, строители и др.), «естественники» (биологи, химики, географы, врачи и др.) и «гуманитарии» (историки, филологи, экономисты, юристы, журналисты и др.). Примерно равномерным было распределение по курсам обучения. Некоторые результаты подобных обследований нашли отражение в ряде публикаций. Взаимосвязь исторической памяти и патриотических настроений рассмотрели О. В. Василенко, О. В. Карпова и М. Ю. Харитонов [2]. Представления студенческой молодёжи о событиях октября 1917 г. также проанализированы в статье преподавателей университета [4]. В другой статье эти же авторы обратили внимание на историческую память студентов вузов Чувашии о Великой Отечественной войне [5]. Автор настоящей статьи привёл сведения об опросе свыше 500 студентов трёх вузов Чувашии, которые поделились своими представлениями об особенностях развития России в различные периоды советской истории [1].

Далее рассмотрим уровень оценок различных периодов истории России с точки зрения учащейся молодёжи (табл.). Следует отметить, что, по крайней мере, с точки зрения хронологической протяжённости они несравнимы, но их выбор базировался на факте достаточно обоснованной самостоятельности в учебниках и монографиях по российской истории. Мы пошли на такой шаг в значительной мере для удобства студентов при выборе ответов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Укажите,
какой период в истории России в наибольшей степени соответствует
Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия»?
(%, можно было выбрать до трёх вариантов ответов)

Варианты ответов	2020	2021	2022
Российская империя до 1917 г.	14	11	9
СССР в период нэпа (1920-е гг.)	5	6	4
СССР в период Сталина, 1930–1950 гг.	10	12	12
«Политическая оттепель» конца 1950 – начала 1960 гг., эпоха Хрущёва	7	10	10
СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг., эпоха Брежнева	11	13	12
Период перестройки (М. С. Горбачёв)	5	6	6
Период преобразований 1990-х годов (Б. Н. Ельцин)	6	4	7
Современный период жизни, «путинская эпоха»	30	29	46
Ни один из них	23	25	16
Другой период	2	2	-
Затрудняюсь ответить	21	19	15

Обратим внимание на тот факт, что в 2020 и 2021 гг. 44% респондентов не выбрали определённый период истории в качестве наиболее предпочтительного для страны («ни один из них», «затрудняюсь ответить»). В то же время не следует подвергать сомнению важность осведомлённости о прошлых событиях, явлениях, личностях в самоидентификации молодёжи, хотя частота ответов не очень значительна. В этом случае мы ведём речь не о конкретных знаниях, а в большей степени о некоторых стереотипах, установках, которые

сформировались не только в учебных заведениях, но и на основе просмотренных кинофильмов, дискуссий в социальных сетях и т. п.

Распределение ответов при выборе отдельных периодов советского времени показывает, что для студентов они не имеют заметных отличий, хотя дистанция в несколько процентных пунктов отличает в положительную сторону весь имперский период, а также «время Сталина» и «эпоху Брежнева».

Вполне закономерно, что в ходе прошлых опросов наиболее часто молодые люди отдавали предпочтение современному периоду жизни, и это вполне объяснимо, поскольку этот период – время социализации абсолютно всех респондентов, и они своей судьбой связаны с первыми десятилетиями XXI века. В 2022 г. заметно снизились частоты выбора ответов, содержащих неопределённость или отказ от конкретного варианта. С другой стороны, заметно увеличилась доля предпочтений в пользу современности, то есть «эпохи Путина». К сказанному выше следует добавить, что опрос проводился в марте-апреле 2022 г., то есть после начала специальной военной операции. Следует учесть, что в периоды серьёзных изменений в жизни отдельных стран, меняющих привычный образ жизни и влияющих на судьбы современников, происходит мощный импульс к изменениям в восприятии образов и оценок значимости исторических лиц и исторических событий [7, с. 84–85]. Эта закономерность отчётливо проявилась и при оценке отдельных лидеров страны, но об этом немного ниже.

В 2021 г. молодым людям было также предложено охарактеризовать что-то положительное в названных периодах истории, что гипотетически можно было бы использовать и в настоящее время. В данном случае мы воспользовались методикой, изложенной в монографии известных социологов М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [3]. Отдельная глава данного исследования посвящена историческому сознанию молодёжи. Остановимся на положительных оценках, относящихся только к двум периодам, применительно к которым у молодёжи они были: дореволюционная империя (18% таких оценок от полученных по всем периодам) и время, когда «у руля» находился И. Сталин (24%). Применительно к дореволюционной эпохе респонденты писали о таких, по их представлениям, положительных характеристиках, как «постоянное развитие, грандиозные цели, прогресс страны, решительность, принятие нововведений, стойкость, целостность России, расширение территорий и укрепление Российского государства, понятие о долге и чести, благородство, преданность Родине, стабильность». Незначительная часть студентов выделила в развитии государства правление Петра I и Екатерины II.

Из времени, когда во главе СССР находился И. Сталин, молодые люди посчитали важным воспользоваться такими явлениями, как «политика Сталина в целом, целостность страны, сверхдержава, скорость в развитии, использование всех ресурсов на улучшение состояния страны, социальная и экономическая политика, уверенность в завтрашнем дне, честность по отношению к народу, стабильность».

Кроме того, отмечалось положительное в отдельных сферах жизни государства: в экономике, государственном и социальном устройстве, идеологии, духовности, культуре, науке, международных отношениях, армии. Объём статьи не даёт возможности писать полно об этой стороне исследования. Но то, что приведено нами, уже даёт основания отметить, что не всё высказанное студентами в качестве успешных практик государства может быть принято бесспорно. Но перед нами стояла задача не выявления конкретных знаний, соответствующих изложенным в учебных пособиях, а представления учащейся молодёжи об определённых периодах истории России.

Далее – об оценке отдельных исторических и политических персонажей. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Кто из деятелей прошлого и настоящего более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных ожиданий». В ходе обследований 2020–2023 гг. лидерами предпочтений молодых людей были 4–5 политических и государственных деятелей. При этом в 2020–2021 гг. на первом месте оказывался Пётр I (38 и 45%), за которым следовали Ленин (33 и 38%), Путин (29 и 23%) и Сталин (24 и 23%). В 2022 г. бесспорным лидером оказался В. В. Путин (49%), который в 2023 г. ещё более

укрепил свои позиции (53%). При этом можно предполагать, что обращение половины участников опроса к личности Президента России в качестве лидера, способствующего массовым народным ожиданиям, означает одобрение сложившейся ситуации, складывающейся с началом СВО. С этой точки зрения следует обратить внимание и на факт снижения на несколько процентных пунктов доли тех, кто затруднился ответить на этот конкретный вопрос (с 17–19 до 10–12%). Подчеркнём также, что выбор Петра I, Ленина и Сталина остался практически на прежних позициях, но заметным оказалось увеличение доли тех, кто увидел в роли необходимого лидера Сталина (28 и 34% в 2022 и 2023 гг. соответственно), и снижение доли сторонников Ленина (35 и 33%). Кроме того, отметим тех, кто видел среди приемлемых руководителей государства Екатерину II (17, 21, 25 и 28% во все годы опросов). Есть упоминания и декабристов как известных исторических личностей, с понижающим трендом в двух последних опросах (14, 18, 9 и 7%). Все руководители государства, находившиеся у власти после Сталина, а также С. Шойгу, С. Лавров и М. Мишустин вызвали признание не более чем у 2–9% респондентов.

В заключение отметим, что сведения, характеризующие исторические представления студентов, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что конкретные знания в этом направлении не являются сильной стороной молодых людей. Но трудно ожидать этого от молодых людей, стремящихся стать строителями, инженерами, врачами и т. д. Повторимся, что в нашей задаче этот вопрос не ставился. Полученный материал больше фиксирует впечатления молодых людей о кинофильмах, телесериалах, обсуждениях в социальных сетях и т. д. Наверное, важно понимать представления молодёжи о ключевых и принципиальных сюжетах истории страны, например о проблемах Великой Отечественной войны. При этом необходимо доносить до молодых правдивые знания, не скрывая тяжёлых страниц из жизни не только всего государства, но и отдельных граждан.

Список литературы

1. Бойко, И. И. Студенты Чувашии об истории России / И. И. Бойко // Чувашский гуманитарный вестник. – 2022. – № 17. – С. 61–78.

2. Василенко, О. В. Историческая память и представления студентов о патриотизме (опыт исследования читательских интересов) / О. В. Василенко, О. В. Карпова, М. Ю. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 21–36.

3. Горшков, М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

4. Григорьев, А. В. Революция 1917 года в представлениях молодежи (на материале социологического исследования среди студентов ЧГУ им. И.Н. Ульянова) / А. В. Григорьев, А. В. Карпов, О. В. Карпова // 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 октября 2017 г.) : сборник статей. – Чебоксары : ЧГИГН, 2018. – С. 108–115.

5. Григорьев, А. Д. Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии / А. Д. Григорьев, А. В. Карпов, М. Ю. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 28–35.

6. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.

7. Репина, Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // Новое прошлое. – 2016. – № 1. – С. 82–99.

8. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

9. Тощенко, Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 18–22.

10. Фадеев, П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы / П. В. Фадеев // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 36–54.

11. Шнирельман, В. А. Социальная память: вопросы теории / В. А. Шнирельман // Историческая память и российская идентичность. – Москва : РАН, 2018. – С. 12–34.

Желобанов Артемий Владимирович
аспирант, ассистент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ И ИЗМЕНЕНИЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ СОВПАРТШКОЛЫ II СТУПЕНИ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Аннотация: *в статье рассматривается проблема подготовки управленческих кадров в Советской России в первой половине 1920-х гг. на примере Чувашской автономной области. Показано, что формирование квалифицированного партийного и государственного аппарата требовало организации системы политического просвещения и партийной учёбы. Исследование выполнено на основе открытых источников – сборников правовых документов РКП(б) и публикаций заведующего Чувашской совпартшколой М.А. Ананьева в издании «Пирён юлташ (Наш товарищ)», а также закрытых материалов Государственного архива современной истории Чувашской Республики. Анализируется критика М.А. Ананьевым недостаточного внимания партийного руководства автономии к подготовке управленцев и низкой эффективности обучения, связанной с некомпетентностью педагогического состава. Публикация учебного плана по политической экономии рассматривается как пример адаптации оригинальной учебной программы к местным условиям.*

Ключевые слова: *Чувашская совпартшкола, справочник партийного работника, подготовка управленческих кадров.*

После начала Специальной военной операции, призванной прекратить геноцид населения Донецкой и Луганской народных республик со стороны неонацистского киевского режима [8], Президент РФ Владимир Путин инициировал создание образовательной программы «Время героев». Будучи комплексным предприятием, оно направлено на подготовку квалифицированных руководителей, пройти которую могут только ветераны СВО [9]. Учитывая масштабный характер подбора слушателей грядущего III потока программы [16], ее перспективным результатом может стать постепенное обновление управленческого контингента РФ. Пристальное внимание Владимира Путина к данному учебному курсу (выражаемое в том числе и в предоставлении возможности участия в нем ветеранам без законченного высшего образования [12], фактически означая замену вузовскому) свидетельствует о большом государственном значении подготовки государственных служащих.

Материалами настоящего исследования послужили открытые и закрытые источники. К первой категории следует отнести выпуски периодического издания «Пирён юлташ (Наш товарищ)» и сборники партийной правовой документации «Справочник партийного работника». Ко второй – данные фонда П-1818/373 Государственного архива современной истории Чувашской Республики, посвященного Чувашской советской партийной школе.

Подготовка специалистов для партийного и государственного аппарата из местного населения в 1920-е гг. также являлась одним из магистральных направлений работы Советского государства. Основной причиной такого внимания Центра к политическому образованию являлась нехватка профессиональных руководителей [7, с. 98]. Аналогичная ситуация была и в образованной Чувашской автономной области (ЧАО), органы власти в которой страдали недокомплектом [5, с. 47]. Вместе с тем дефицит квалифицированных управленцев из чувашского народа проистекал из-за подавляющей безграмотности титульного населения автономии, которая, по подсчетам Е. К. Минеевой, к 1917 г. составила 91% [6, с. 104]. С начала 1920-х гг. формируется система партийного образования в форме советских партийных школ III ступеней [17, с. 71]. С точки зрения нашей темы интерес представляет совпартшкола II ступени, каковой безусловно являлась Чувашская областная совпартшкола, появившаяся в Чувашской автономии осенью 1920 г. Целью

ее деятельности являлась подготовка курсантов для последующей работы в волостных и уездных партийных и государственных учреждениях [2, с. 32].

Полная учебная программа советских партийных школ фиксируется «Справочником партийного работника», представляющим собой сборник актуальных на момент публикации партийных документов, 25 ноября 1920 г. под названием «Проект программы губернской партийно-советской школы» [13, с. 59]. Как следует из сноски, настоящий курс был нацелен на апробацию в региональных совпартшколах, после чего мог в дальнейшем претендовать на утверждение в качестве общеобязательного [13, с. 59]. Предлагаемая программа предполагала прохождение курсантами 20 дисциплин общественно-экономического содержания [13, с. 59–63]. Таким образом, учебная программа подготовки политических руководителей изначально формировалась как единый и общепринятый стандарт обучения, при этом не исключавшей творческой переработки педагогическими силами региональных совпартшкол. При этом стоит заметить, что значение образовательной программы для данных школ подчеркивается в дальнейших циркулярах ЦК РКП(б). Например, в одном из правовых документов отмечалось, что «постановка школ на местах не находится на должной высоте» [14, с. 96].

Такой же негативной оценки состояния работы не только совпартшкол, но и политического просвещения в целом в ЧАО удостаивается от М. А. Ананьева – заведующего Чебоксарской областной совпартшколы [3, с. 106]. Его точка зрения прослеживается по заметкам выпусков журнала «Пирён юлташ (Наш товарищ)», являвшимся ежемесячным периодическим изданием Чувашского обкома РКП(б) в 1922–1923 гг [4] Например, в статье «О компросвещении в нашей области» [10, с. 25–27] выпуска №1–2 за январь-февраль 1923 г. можно найти следующие строки: «Члены нашей городской [партийной] организации как будто и не хотят знать о существовании Совпартшколы. Что она там делает, как работает, какие недостатки, никто не интересуется» [10, с. 26]. Причем обвинение в отсутствии контроля за улучшением образования в стенах Чувашской областной совпартшколы М. А. Ананьев звучит не только по отношению к партийным работникам в целом, но и относительно тех, кто работал в сфере образования в частности. Халатной признавалось заведующим совпартшколы и работа молодых педагогов курируемого им учреждения, которые, ввиду своей неопытности, не сумели завершить выполнение учебного плана [10, с. 26].

Архивные данные позволяют убедиться в том, что спустя приблизительно полгода после публикации заметки положение с лекторским составом не выправилось. Об этом свидетельствует отчет за август-сентябрь 1923 г [1, Д. 36. Л. 2] Согласно приводимым данным, всего числилось 5 лекторов [1, Д. 36. Л. 2], самому старшему из которых было около 30 лет, самому младшему – примерно 22 года. Подавляющее большинство имело низшее образование (4 человека), за исключением одного педагога со средним образованием [1, Д. 36. Л. 4]. Такое состояние дел следует характеризовать как катастрофическим, поскольку еще в сентябре 1921 г. стараниями основателя совпартшколы Николая Христофорова из Москвы удалось получить выпускников Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, ставших преподавать «почти все предметы[,] по которым не читались за неимением работников» [1, Д. 1. Л. 36]. Судя по сведениям М. А. Ананьева, Чувашская совпартшкола к 1923 г. лишилась ценных сотрудников с высшим образованием. Ввиду новых сложившихся условий предстояло учитывать возможности не только учащегося контингента, но и нового педагогического состава. Поскольку преподавание было слабо поставлено не только в Чувашской, но и в других совпартшколах, как следует из циркуляра от 16 февраля 1922 г [15, с. 155–156], данная проблема носила общесоюзный характер. Поэтому требовалось более внимательное отношение к составляемой программе.

В этой связи большой интерес представляет «Вопросник для слушателей совпартшколы II ст., составленный преподавателем Обсовпартшколы т. Ананьевым», помещенный в выпуск №4–5 за ноябрь-декабрь [11, с. 31]. Ниже заглавия отмечалось следующее название: «Теория капиталистического общества» [11, с. 31]. Точно такое же наименование можно найти в разделе «Программы для губернских партийно-советских школ» [13, с. 60], из чего делается

элементарный вывод о том, что М. А. Ананьев составил программу по указанной дисциплине. Поскольку аналогичных программных документов по совпартшколе в изданиях «Пирён юлташ (Наш товарищ)» обнаружить не удалось (более того, приведенный выше циркуляр 1921 г. с перечнем учебных дисциплин оказался единственным образцом курса для совпартшкол II ступени, поскольку выявить в других выпусках «Справочника партийного работника» полный детализированный план учебного курса не получилось), постараемся сличить имеющийся материал.

Согласно «Справочнику…», предмет по «Теории капиталистического общества» иначе назывался «Политической экономией», который включает 32 темы [13, с. 60]. Программа М. А. Ананьева содержит 17 лекций, охватывающих множество вопросов [11, с. 36]. Если исходная программа была предельно лаконична, то вопросник заведующего школы более подробный. Так, у М. А. Ананьева имелась так называемая «Вступительная лекция», где разбирались ключевые аспекты политической экономии, ее предмет, методы, а также общефилософские методы (дедукция, индукция, абстрактно-аналитический) [11, с. 31]. Такое внимание делает честь М. А. Ананьеву, применившего научный подход к составлению плана курса. Если в «Справочнике…» изучение политэкономии начиналось с разбора темы про товарное производство [13, с. 60], то все иначе у М. А. Ананьева, вторая лекция которого посвящена теории стоимости. Более того, М. А. Ананьев приводил в рамках теории стоимости, которая фигурирует у него как название лекции [11, с. 31], положения, отмечающиеся в «Программе…» в качестве самостоятельных тем: товарный фетишизм, товарное производство, потребительская ценность и др. [13, с. 60]

Знание первоначальной программы позволяло Ананьеву творчески подходить к ее обработке. Так, лекция 11 и 12 про финансовый капитализм [11, с. 34] в оригинальном виде представляла собой отдельную дисциплину [13, с. 60]. Аналогичная ситуация с лекцией 14 про империализм и 15 про крах капитализма [11, с. 35]: в «Программе…» была дисциплина «Война, государственный капитализм, крах капитализма» и «Финансовый капитализм и империализм» [13, с. 60].

Таким образом, можно сделать выводы. Подготовка управленческих кадров для Чувашской автономии в первую половину 1920-х гг. была сопряжена с рядом сложностей. Во-первых, как следует из критической заметки заведующего Чебоксарской совпартшколы М. А. Ананьева, политической учебе в целом и профильному учебному учреждению в частности руководство ЧАО уделяло недостаточное внимание. Во-вторых, снижение эффективности подготовки будущих руководителей в областной совпартшколе проистекало из-за некомпетентного педагогического состава. В-третьих, программу М. А. Ананьева по политической экономии, сочетавшей темы из разных общественно-экономических предметов губернских совпартшкол, в свете имевшихся проблем, следует расценивать как попытку дать курсантам хотя бы необходимый образовательный минимум. В-четвертых, материал вопросника заведующего совпартшколы, можно считать как редкий пример открытых источников по истории политического просвещения, доступный современным исследователям без обращения к архивным сведениям. В заключение хотелось бы отметить, что тема настоящего исследования требует более углубленного изучения.

Список литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф.П-1818/373. Оп. 1.

2. Желобанов, А. В. Подготовка управленческих кадров в Чувашской автономии в 1920-е гг / А. В. Желобанов, Е. К. Минеева // Центр и периферия. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 30–37.

3. Желобанов, А. В. Чебоксарская совпартшкола 1920-х гг. глазами современников: сборник трудов конференции / А. В. Желобанов // История Чувашии в советский период (1920–1991 гг.): институты, практики, дискурсы : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (Чебоксары, 29 сент. 2026 г.) / редкол.: М. Ю. Харитонов [и др.]. – 2026. – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 103–115.

4. История на страницах периодики // Цифровая библиотека чувашского наследия «Наследие Чувашии». – URL: https://xn--80aafhebudawu3c5a9cs.xn--p1ai/russian/category/istoriya/istoriya-v-periodike/ (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.

5. Клементьев, В. Н. История национальной государственности чувашского народа. В 2 кн. Кн. 2: Создание чувашской государственности, 1920–1925 / В. Н. Клементьев. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 382 с.
6. Минеева, Е. К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 гг.) / Е. К. Минеева. – Чебоксары : Изд-во Л.А. Наумова, 2007. – 182 с.
7. Нагиева, М. К. Подготовка национальных кадров в Дагестане в 1920-е гг / М. К. Нагиева // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 29 (68). – С. 97–106.
8. О специальной военной операции России на Украине, 28 февраля 2022 года // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. – URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/o_spetsialnoy_voennoy_operatsii_rossii_na_ukraine_28_fevralya_2022_goda/ (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.
9. Программа «Время героев». Главная страница. – URL: https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.
10. Пирён юлташ : ежемесячный журнал Обкома РКП Чувашской Автономной Области/ отв. ред. А. Михайлов. – Чебоксары, 1923. – 52 с.
11. Пирён юлташ : ежемесячный журнал Обкома РКП Чувашской Автономной Области/ отв. ред. А. Михайлов. – Чебоксары, 1923. – 69 с.
12. Путин: «Времени героев» нужно направление для бойцов СВО без образования. 5 ноября 2026 г // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20261105/putin-2129456676.html (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.
13. Справочник партийного работника. Выпуск 1. – Москва, 1921. – 216 с.
14. Справочник партийного работника. Выпуск 2. – Москва, 1922. – 336 с.
15. Справочник партийного работника. Выпуск 3. – Москва, 1923. – 304 с.
16. Султанова, А. Более 15 000 заявок поступило на третий поток программы «Время героев» / А. Султанова // «Ведомости» – ведущее деловое издание России. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2026/11/15/1245448-bolee-15–000 (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.
17. Туфанов, Е. В. Становление системы партийного образования в начале 1920-х гг. (на материалах Ставрополья и Терека) / Е. В. Туфанов, И. Н. Кравченко, О. Н. Шматько // Вестник Калмыцкого Университета. – 2017. – № 2 (34). – С. 69–76.

Иванов Вячеслав Владимирович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского»
г. Иркутск, Иркутская область

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В АГРАРНОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО ГАУ)

Аннотация: *статья посвящена опыту преподавания дисциплины «Основы российской государственности» в аграрном вузе на примере Иркутского ГАУ. Рассматриваются особенности преподавания предмета студентам аграрных специальностей, необходимость восполнения пробелов в их знаниях, изучения современной государственной политики и формирования патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей. Отдельное внимание уделяется роли сельского хозяйства в содержании дисциплины и реакции студентов на предложенные задания.*

Ключевые слова: *аграрная сфера, АПК, ИрГАУ, история, Основы российской государственности, патриотизм, преподавание, Сибирь, сельское хозяйство, студенты, традиционные духовно-нравственные ценности.*

С 2023 г. в системе российского высшего образования действует курс Основы российской государственности, Данная дисциплина направлена на формирование у студентов знаний о России как самобытной цивилизации. Содержание курса предполагает изучение

географического положения России, ее экономического потенциала, политического устройства, а также основных направлений современной государственной политики. Особое место в структуре дисциплины занимает формирование гражданской идентичности и патриотического мировоззрения молодежи и приобщение студентов к традиционным духовно-нравственным ценностям [2, с. 7]. Главным нормативным ориентиром в данном направлении выступает Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. за №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», положения которого раскрывают ценностные основы государственной политики и задают направления воспитательной работы в образовательной среде.

Дисциплина «Основы российской государственности» в аграрных вузах является одним из главных междисциплинарных предметов, направленных на формирование патриотического мировоззрения студентов и устранение имеющихся пробелов в знаниях обучающихся о ключевых фактах географии, истории, экономики и политического устройства России, основных направлениях современной государственной политики и традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Преподавание данного курса в аграрных вузах имеет свою специфику.

При ведении курса ОРГ преподаватели Иркутского ГАУ сталкиваются с некоторыми трудностями. Большинство студентов, обучающихся в данных образовательных учреждениях прибывают из сельской местности. По ряду причин (нехватка квалифицированных кадров в сельских школах, низкий уровень технического оснащения школ) выпускники сельских школ имеют фрагментарные знания по истории, географии и экономическом развитии России. Кроме того, следует учитывать, что студенты ИрГАУ активно используют интернет как один из основных источников получения информации, в том числе по вопросам общественно-политической жизни страны. При этом получаемая информация не всегда отличается достоверностью и полнотой, что может формировать у обучающихся поверхностные или искажённые представления о современной государственной политике [4, с. 94]. Преподаватели в рамках преподавания дисциплины должны в короткие сроки устранить имеющиеся у обучающихся пробелы в знаниях о ключевых аспектах развития России, а также донести до студентов основные сведения о современной внутренней и внешней государственной политике с позиций государственных интересов и патриотических ценностей.

Основные сведения о России, её географическом положении и социально-экономическом развитии студенты получают в рамках лекционного курса при изучении раздела «Что такое Россия?». На семинарских занятиях преподаватель совместно со студентами кратко рассматривает ключевые испытания, которые Россия преодолевала на протяжении своей истории: ордынское владычество, Смутное время, петровские реформы, революцию и Гражданскую войну, Великую Отечественную войну, кризис 1990-х годов [5, с. 31].

Особое внимание на семинарских занятиях уделяется Великой Отечественной войне как одному из наиболее масштабных и тяжёлых испытаний в истории нашей страны. Студенты выполняют групповые проектные задания по следующим темам: «Великая Отечественная война – ключевое событие российской истории: борьба с фальсификацией исторической памяти», «Сибирские дивизии в годы Великой Отечественной войны», «Тыл СССР в годы Великой Отечественной войны».

В рамках подготовки докладов, посвящённых советскому тылу, студенты подробно рассматривают социальное положение рабочих и крестьян в военный период, знакомятся с повседневными трудностями и лишениями, с которыми сталкивались рабочие и колхозники, а также изучают трудовой подвиг граждан СССР. Особое внимание преподаватель обращает на то, что, несмотря на тяжелейшие условия военного времени, советские граждане проявили стойкость и самоотверженность, своим трудом обеспечивали Красную армию всем необходимым и внесли огромный вклад в общую Победу [9, с. 230].

Рассмотрение этой темы имеет не только историко-познавательное, но и воспитательное значение. Преподаватель подчёркивает, что пример поколения военных лет сохраняет

актуальность и сегодня: перед лицом серьёзных испытаний граждане не должны оставаться в стороне, а должны осознавать свою ответственность за судьбу страны.

На семинарских занятиях студенты также рассматривают социально-экономический кризис в России 1990-х годов, последующее восстановление и развитие экономики в 2000-е годы, а также адаптацию российской экономики к санкционному давлению, введённому в 2014 и 2022 годах. Отдельное внимание уделяется роли Сибири в социально-экономическом развитии страны и реализации государственной политики, направленной на «поворот на Восток».

Поскольку студенты Иркутского ГАУ обучаются в аграрном вузе, особое место в рамках дисциплины занимает изучение развития агропромышленного комплекса России. Преподаватель обращает внимание на возросшую роль АПК в отечественной экономике, а также на позиции России на мировом рынке сельскохозяйственной продукции, в частности на её место среди ведущих мировых экспортёров пшеницы [3, с. 9].

На семинарских занятиях студенты также рассматривают социально-экономический кризис в России 1990-х годов, последующее восстановление и развитие экономики в 2000-е годы, а также адаптацию российской экономики к санкционному давлению, введённому в 2014 и 2022 годах. Отдельное внимание уделяется роли Сибири в социально-экономическом развитии страны и реализации государственной политики, направленной на «поворот на Восток» [6, с. 269].

Важное место на семинарских занятиях занимает изучение биографий выдающихся государственных деятелей и военачальников России. Студенты знакомятся с деятельностью Г. А. Потёмкина, П. А. Столыпина, В.М. Молотова, А. Н. Косыгина, а также А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Такой подход позволяет через биографии исторических личностей раскрыть особенности государственного управления, проводимых реформ, развития страны и защиты её национальных интересов на различных этапах истории.

На семинарских занятиях второго раздела дисциплины ОРГ, посвященному особенностям России как государства-цивилизации, мы стараемся не углубляться в теоретические споры, подробно не рассматриваем отдельные концепции, их достоинства и недостатки, а стремимся просто, коротко и ясно донести до студентов основные положения цивилизационного подхода и объяснить, почему современная Россия позиционирует себя в качестве отдельной цивилизации. Важно подчеркнуть, что цивилизационный подход на фоне текущих событий мировой истории показал свою логичность и состоятельность, а концепция «Конца истории» Ф. Фукуямы не получила подтверждения в современных международных процессах. Мы также подчёркиваем студентам, что Россия является отдельной самобытной цивилизацией. Об этом писали и зарубежные исследователи. В частности, американский политолог С. Хантингтон относил Россию к православной цивилизации и называл её «стержневым государством» этой цивилизации [10, с. 210]. Американский историк Ричард Пайпс, несмотря на то что был сторонником сближения России с Западом, указывал на глубокие корни консерватизма в российской политической культуре, он подчёркивал, что Россия – консервативная страна, а её общественные установки меняются медленно [8, с. 17]. Эта тема, несмотря на свою сложность и дискуссионный характер некоторых положений, вызывает бурный интерес у значительной части студенческой аудитории.

На семинарских занятиях, посвященных третьему разделу предмета, мы переходим к обсуждению сложной проблемной и актуальной – темы российское мировоззрение и традиционные ценности. В учебном пособии по ОРГ традиционные ценности рассматриваются как важнейшая основа российского мировоззрения, что определяет особое место данной темы в содержании дисциплины [7, с. 265]. Преподаватель предлагает студентам проектные задания, связанные с изучением кризиса современной культуры.

Студенты аграрии подробно изучают феномен кризиса массовой культуры, про который говорили многие философы и мыслители такие как О. Шпенглер, Й. Хейзинга и другие. В ходе работы им предлагается ответить на вопросы: почему в современной массовой культуре

нередко встречаются грубость, пошлость, насилие, агрессия, ненормативная лексика и стремление вызвать скандал? Чем обусловлены подобные явления? Следует ли регулировать содержание культурного контента и, если да, то в каких пределах?

Отдельный пункт проектного задания посвящён изучению феномена так называемой «культуры отмены» в западных странах. Студенты рассматривают, как подобная практика может влиять на художественное творчество, свободу самовыражения и общественную жизнь. Кроме того, они разбирают примеры деструктивного контента в интернете, в том числе кибербуллинг и мошенничество, а также способы противодействия этим явлениям.

Данная тема вызывает дискуссии в студенческой аудитории, большинство студентов выступает против жестких цензурных и ограничительных мер в культурной сфере, по их мнению, многие фильмы или произведения искусства, подвергающиеся критики вряд ли следует считать деструктивными. В частности, студенты выступают против запрета нашумевшего сериала «Слово пацана», рассматривая его как криминальную сагу, отражающую реалии молодёжной криминальной среды 1990-х годов. Студенты также считают, что необходимо развивать собственный качественный культурный контент, не прибегая к жёстким запретам всего иностранного.

Преподаватель отмечает, что только одними запретами не удастся добиться нравственного воспитания молодежи и обогатить отечественную культуру. Государству необходимо оказывать финансовую поддержку проектам, направленным на продвижение традиционных ценностей. При этом такие проекты должны быть понятны и интересны современному зрителю, соответствовать современным требованиям качества. Именно создание востребованного отечественного культурного контента, а не одни лишь запреты, способно повысить интерес молодёжи к собственной культуре.

Другое проектное задание предлагает студентам изучить понятие традиционные ценности и указ президента №809, выступающие докладчики должны ответить на вопросы почему важно сохранять и укреплять традиционные ценности среди населения, почему важно сохранять память о своей истории, особенно о Великой Отечественной войне и ее героях, а также ответить на вопрос, что такое искажение и фальсификация исторических событий, как российское государство сохраняет историческую память и ведет борьбу с навязыванием деструктивных исторических мифов.

Также в ходе задания учащиеся должны кратко проанализировать некоторые современные произведения российской культуры, которые популяризируют традиционные ценности. В частности, студентам предлагается сделать краткий анализ современных сказок и семейного кино такого как: «Колобок», «Иван», «Чебурашка», а также военно-патриотические фильмы такие как «Воздух», «Подольские курсанты», «Позывной «Малыш», сериал «2022». Докладчики должны ответить на вопрос: каким должно быть российское культурное содержание, чтобы оно было интересным и понятным зрителю и отражало традиционные ценности?

Эта тема вызывает большой интерес у студентов. При этом они отмечают, что современный культурный контент должен быть понятным и креативным, отвечать требованиям качества и быть доступным массовому зрителю. Патриотическое воспитание, по их мнению, чтобы быть эффективным, должно проходить интересно и ненавязчиво.

На другом семинарском занятии студентам предлагается проанализировать понятия экстремизм и терроризм, как террористы и экстремисты пытаются вовлечь людей в опасное сообщество. Студенты подробно изучаются антиэкстремистское законодательство РФ, в частности какие последствия могут наступить за противоправные публикации в интернете, осквернение памятников истории и культуры, а также диверсии на железнодорожных путях. Докладчики должны ответить на вопрос как распознать противоправные предложения вербовщиков и не вовлекаться в противозаконные действия.

Другое проектное задание предлагает подробно рассмотреть вопросы патриотического воспитания, волонтёрства и общественной деятельности при поддержке государства.

Студенты должны ответить на вопрос, как сделать участие молодёжи в общественной жизни полезным и интересным.

Также в рамках этого задания докладчики рассматривают проблему трудоустройства выпускников вузов. Им предлагается ответить на вопрос, как помочь выпускнику успешно начать работу по специальности и стать опытным специалистом. Студенты анализируют трудности, с которыми сталкивается молодой специалист, рассматривают институт наставничества и обсуждают, может ли опытный работник помочь молодому коллеге освоить профессию и преодолеть возникающие трудности.

В качестве примера учащимся предлагается рассмотреть биографию выпускника нашего вуза (в прошлом ИСХИ) Александра Ежевского, прошедшего путь от инженера до министра. Его профессиональная и карьерная биография рассматривается как пример успешного трудового пути [1, с. 35].

Данные проектные задания вызывают живой интерес, но в то же время порождают дискуссии в студенческой аудитории. Часть студентов считает, что волонтёрство и общественные движения в нашей стране развиты недостаточно. Некоторые отмечают формализм и показной характер при проведении общественно значимых мероприятий, другие обращают внимание на отдельные недостатки волонтёрского движения. Тема адаптации молодых специалистов на производстве также вызывает обсуждение. Многие студенты считают низкие зарплаты начинающих специалистов серьёзной проблемой и полагают, что государству и работодателям необходимо уделять больше внимания улучшению условий труда и поддержке молодых работников.

Преподаватель в ходе занятий отмечает, что трудности в экономике и на производстве действительно существуют, однако их преодоление требует не только усилий государства и работодателей, но и личной ответственности самих молодых специалистов. Молодёжь должна стремиться осваивать профессию, проявлять инициативу, трудолюбие и выдержку, не рассчитывая на то, что все проблемы будут решены кем-то другим. Важно понимать, что развитие страны зависит не только от государственной политики, но и от добросовестного труда, профессионализма и активной гражданской позиции каждого человека.

Другое проектное задание предлагает студентам рассмотреть вопросы семьи и демографического развития. Докладчики должны проанализировать основные цели государственной демографической политики, рассмотреть меры поддержки семей с детьми со стороны государства, а также политику по укреплению традиционных семейных ценностей. Учащиеся должны ответить на вопрос: как укрепить семью и создать условия для рождения и воспитания детей?

Данная тема вызывает жаркие споры и дискуссии среди студентов. Многие выступают против того, что считают навязчивой пропагандой деторождения со стороны государства. Студенты отмечают недостаточность мер поддержки семей с детьми, а также сложности с решением жилищного вопроса. По их мнению, государству следует не столько призывать к повышению рождаемости, сколько создавать благоприятные условия для жизни людей: повышать зарплаты, делать жильё более доступным и улучшать материальное положение семей. Только после улучшения качества жизни, считают студенты, демографическая ситуация будет постепенно улучшаться.

Преподаватель отмечает, что государство уделяет большое внимание поддержке молодых семей, однако решить демографическую проблему только за счёт денежных выплат невозможно. Конечно, материальная поддержка, доступность жилья и создание нормальных условий для воспитания детей очень важны. Но опыт развитых западных стран показывает, что высокий уровень жизни сам по себе ещё не гарантирует высокой рождаемости. Например, во многих странах Западной Европы рождаемость остаётся низкой. Показателен и пример Южной Кореи, где, несмотря на значительные расходы на поддержку семей, уровень рождаемости также остаётся одним из самых низких в мире.

Поэтому демографическая политика не должна ограничиваться только материальной поддержкой. Не менее важно укреплять традиционные российские семейные ценности, повышать авторитет семьи, материнства и отцовства, воспитывать у молодёжи ответственное отношение к созданию семьи и рождению детей. Молодые люди должны понимать ценность семьи и важность воспитания детей. Задача государства заключается не только в оказании материальной помощи, но и в создании такой общественной атмосферы, в которой крепкая и многодетная семья будет восприниматься как важная жизненная ценность.

На семинарских занятиях, посвящённых четвёртому разделу дисциплины, студенты разбирают политическое устройство России. Одно из проектных заданий посвящено основам конституционного строя России и особенностям российского федерализма. Докладчики должны ответить на вопрос: как федеративное устройство помогает объединять разные народы и территории России, сохраняя их культурные и исторические особенности? Другое задание предлагает студентам изучить систему государственной власти России и разобраться, какие задачи решают её основные органы.

Третье задание посвящено местному самоуправлению и жизни людей на местах. Студенты изучают работу органов местного самоуправления и способы решения местных проблем. Один из вопросов задания касается актуальных проблем сельских территорий Иркутской области. Студенты должны ответить на вопрос, что можно сделать для улучшения жизни в сёлах и небольших населённых пунктах.

Эти вопросы вызывают большой интерес у учащихся, поскольку они актуальны для будущих специалистов аграрной сферы и позволяют лучше узнать проблемы территорий, с которыми многие из них непосредственно связаны. Кроме того, выполнение таких заданий способствует повышению политической грамотности студентов и помогает им лучше понимать устройство государства и работу органов власти.

Подходя к заключительному, пятому разделу курса ОРГ, мы предлагаем студентам проектные задания, которые выполняются в ходе практических занятий.

Одно из заданий посвящено глобальным экологическим проблемам и угрозам здоровью человечества. Студенты рассматривают основные экологические проблемы, а также такие глобальные вызовы, как пандемия коронавируса и распространение ВИЧ/СПИДа. Докладчики должны ответить на вопрос, как Россия участвует в охране окружающей среды и развитии медицины.

Другое проектное задание посвящено проблемам глобализации, мировой экономики и продовольственной безопасности. Большое внимание уделяется проблеме голода в мире и участию России в её решении. Учащиеся также должны ответить на вопрос, почему развитие отечественного сельского хозяйства и обеспечение продовольственной независимости так важны для страны. Эти вопросы особенно актуальны для студентов аграрного университета и близки им по будущей профессии.

Ещё одно проектное задание посвящено украинскому кризису, расширению НАТО и формированию многополярного мира. Докладчики должны изучить историю украинского кризиса, начиная с Евромайдана, рассмотреть такие события и вопросы, как воссоединение Крыма с Россией, война на Донбассе, трагедия в Одессе, положение русского языка на Украине, распространение неонацистских идей, а также начало СВО и расширение НАТО. Студенты должны понять, почему расширение НАТО вызывает обеспокоенность российской стороны с точки зрения национальной безопасности. Кроме того, учащиеся изучают концепцию многополярного мира, которую предлагает Россия, и разбирают, почему российское руководство рассматривает её как более справедливую систему международных отношений по сравнению с доминированием одной страны.

Последнее проектное задание посвящено вызовам и угрозам будущего, стоящим перед российской цивилизацией. Студенты должны ответить на вопрос, какие основные проблемы стоят перед Россией сегодня. Докладчики подробно рассматривают пять вызовов российского общества, выделенных Александром Харичевым в статье «Кто мы?» (2025 г.) [11].

Также они изучают, какие меры государство принимает для ответа на эти вызовы, какие преимущества есть у России для дальнейшего развития и какую роль в будущем страны должны сыграть молодёжь, наука и образование. Отдельно студенты отвечают на вопрос о значении сельского хозяйства для развития России в будущем.

Последние темы вызывают большой интерес у студентов. Предложенные задания выполняются достаточно быстро и, как правило, не вызывают споров, дискуссий и серьёзных разногласий в аудитории.

Предмет «Основы российской государственности» позволяет студентам аграрного вуза восполнить имеющиеся пробелы в знаниях о ключевых фактах географии, истории и экономики России, ознакомиться с основными направлениями современной государственной внутренней и внешней политики, способствует духовно-нравственному и патриотическому воспитанию. Кроме того, изучение дисциплины помогает учащимся осознать роль сельского хозяйства в истории России и значение аграрного сектора в обеспечении продовольственной безопасности страны на современном этапе.

Список литературы

1. Азербаев, А. Г. Герои трудового фронта / А. Г. Азербаев, В. И. Покорский. – Иркутск : Рекламаград, 2016. – 400 с.

2. Бондаренко, О. В. Российская идентичность и межкультурные коммуникации(модуль традиционные духовно-нравственные ценности – основа России как государства цивилизации) / Учебное пособие для магистрантов / О. В. Бондаренко, Л. А. Жукова. – Молодежный, 2025. – 112 с.

3. Основы российской государственности. Курс лекций : учебное пособие / сост. Т.М. Зуева. – 2-е изд. доп. для бакалавров и специалистов инженерных и экономических направлений подготовки. – Зерноград : Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, 2025. – 137 с.

4. Иванов, В. В. Общее и особенное в патриотическом воспитании сту-дентов аграрных вузов (на примере ИрГАУ) / В. В. Иванов // Патриотиче-ское воспитание в системе высшего образования : материалы V Всероссий-ской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 83-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Москва, 4–05 декабря 2025 г.). – Москва : Национальный исследователь-ский технологический университет «МИСИС», 2025. – Т. 2. – С. 92–100.

5. Иванов, В. В. Основы российской государственности (с учетом материалов Сибирского региона) : учебное пособие / В. В. Иванов. – Молодежный : Изд-во Иркутского ГАУ, 2024. – 263 с. – URL: http://195.206.39.221/fulltext/i_033848.pdf (дата обращения: 17.11.2026). – Текст : электронный.

6. Иванова, А. П. Роль ВСОРГО в изучении Сибири / А. П. Иванова, М. Г. Бодяк // В единстве народа – будущее России : материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и преподавателей с международным участием, посвященной Году единства народов России. – Молодежный, 2026. – С. 269–275.

7. Харичев, А. Д. Основы российской государственности: учебное пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнёва. – Москва : Дело ; РАНХиГС, 2024. – 448 с.

8. Пайпс, Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры / пер. с англ. И. Павловой ; ред. А. Халтурин / Р. Пайпс. – Москва : Новое издательство, 2008. – 250 с.

9. Сомов, В. А. Потому что была война…: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : монография / В. А. Сомов. – Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – 234 с.

10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Ю. Новикова. – Москва ; Санкт-Петербург : АСТ: Terra Fantastica, 2003. – 603 с.

11. Харичев, А. Д. Кто мы? / А. Д. Харичев // Государство. – 2025. – Вып. 2. – С. 16–25. – URL: https://runivers.ru/upload/iblock/a5a/t80m0mcd0mur75xmyhtw38babr4x5bxi/Gosudarstvo2_inet_%C6%92_.pdf (дата обращения: 17.11.2026). – Текст : электронный.

Идрисов Рустем Анатольевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МЕТОДЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ ПО ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ Т.Н. ИВАНОВОЙ

Аннотация: *в статье анализируются учебники по истории родного края, подготовленные доктором исторических наук, профессором Т.Н. Ивановой в соавторстве с А.П. Даниловой и В.Д. Даниловым. Рассматриваются методические принципы построения учебных изданий, их содержание, структура и способы подачи исторического материала. Особое внимание уделено использованию хронологического, тематического, географического, проблемного и историко-генетического подходов, а также междисциплинарных связей, наглядных материалов, ключевых понятий и творческих заданий. Показано, что учебники способствуют формированию у школьников исторических знаний, познавательного интереса, патриотических чувств и ценностного отношения к родному краю. Отдельно характеризуется участие Т.Н. Ивановой в создании учебника «История нашего края. Чувашия», подготовленного в рамках федерального проекта в 2024–2025 гг.*

Ключевые слова: *учебник и учебное пособие, методы систематизации исторических знаний, история родного края.*

Подготовка и написание школьных учебников является важнейшим направлением учебно-методической деятельности современного ученого и педагога. Способность донести профессиональные исторические знания до обучающихся требует обладания высокой степенью мастерства как в области академической науки, так и в сфере практического обучения. Не случайно, что многие из прославленных научных работ корифеев исторического знания начинались как курс лекций, обобщенных в результате многолетнего опыта и позже изданных в форме самостоятельных исследований. В свою очередь исторические исследования проходят неоднократную апробацию и доработку в ходе учебных занятий. Подобный характер взаимосвязи научной и педагогической деятельности имели труды Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.И. Герье и многих других классиков российской исторической мысли.

На стыке науки и преподавания в высшей школе многие годы трудится и профессор, доктор исторических наук Т.Н. Иванова. Имея за плечами значительный опыт обучения не только студентов, но и школьников, она реализовала его в том числе в написании значительного числа учебников по истории родного края [1–9]

Перечисленные в прилагаемом ниже списке литературы учебники обладают рядом несомненных достоинств. Прежде всего это строгое соблюдение академических методов систематизации исторических знаний: хронологического, тематического и географического. Излагаемый в учебниках материал всегда имеет четкое и логичное обоснование, опирающееся на последовательности описываемых событий и раскрытии их причинно-следственных связей. Отдельные темы в тексте выделяются по проблемному принципу, рассматривая суть исторических явлений и процессов.

При этом формулировки самих тем не содержат однообразных и скучных для современных школьников шаблонов, учитывают возрастные особенности обучающихся. Так например, подбор тем, предназначенных для учеников 5–6 классов, основан на знакомстве с улицами столицы Чувашской Республики [1; 5; 6] Их содержание не только знакомит с историей города и его замечательными людьми, но и включает в себя знания по географии, топографии, экологии, статистике города Чебоксары. Подобный междисциплинарный подход позволяет добиться не только обучающего результата, но и воспитательного. Изучив такой учебный материал, ребенок становится не только образованным человеком, но и настоящим патриотом, влюбленным в историю своей Родины.

Темы из учебников для 7-го класса озвучены в форме вопросов: «Сколько лет Чебоксарам?», «Как выглядела Чебоксарская крепость?», «Кто управлял городом в XVI-XVII веках?»

и др. [2; 7] Подобный подход позволяет сконцентрировать внимание учеников на конкретных аспектах истории города, усилить, или даже спровоцировать, их интерес к изучаемой теме как к некоей научной загадке.

Учебник для 8 класса выстроен по принципу некоего сборника новелл, позволяющих авторам рассмотреть различные стороны выделенной темы [8] В данном случае формированию интереса к истории способствуют даже названия тем: «Волжская Атлантида»: расцвет Чебоксар в XVIII веке», «Чебоксарская загадка: дом Зелейщикова или или дом Кадомцева?», «Исчезнувшие церкви «Китеж-града». Внутри самих тем мы встречаем описания фактов, событий и процессов, мнения ученых-исследователей по спорным вопросам, выдержки из документов, биографии выдающихся представителей города и края в прошлом и многие другие необходимые элементы исторического знания.

Не менее интересным и насыщенным представляется и содержание учебника для 9 класса «Портреты старых Чебоксар» [3; 9] В соответствии с указанным названием он содержит именно некие темы-портреты: «Общий портрет Чебоксар: застройка, основные районы, благоустройство», «Портрет купца Прокопия Ефремовича Ефремова», «Портрет крестьянина Степана Гаврилова и его внука Василия Ивановича Чапаева» и др.

При этом выделение отдельных тем и аспектов истории Чебоксар не носит случайно характера. Оно подчинено историко-генетическому методу, позволяющему обучаемому осознать сквозной взаимосвязанный характер событий и процессов, происходивших на родной земле. Текст учебников великолепно визуализирован, включая в себя иллюстративный ряд, ориентированный на различные возрастные группы (таблицы, схемы, карты, фотографии). В этом отношении особенно следует выделить учебники изданные в период 2019–2021 гг., снабженные цветными иллюстрациями высокого полиграфического качества.

Следующим методологическим достоинством описываемых учебников является широкое использование ключевых понятий и терминов, снабженных понятными ученикам разъяснениями. Разговаривая на естественном для обучающихся разных возрастов языке, авторы смогли при этом соблюсти все необходимые академические требования. Кроме этого учебники, предназначенные для старших школьников 8–9 классов снабжены списками основных дат в истории Чебоксар в рамках рассматриваемых периодов XVIII, XIX, XX вв.

Соблюден в данном случае и деятельностный метод, основанный на необходимости выполнения учащимися разнохарактерных творческих заданий, учитывающих особенности различных возрастных категорий учеников. Многие из этих заданий опираются на большое число дополнительных материалов: выдержек из исторических документов и исторических исследований соответствующей тематики. Все перечисленные элементы позволяют существенно расширить возможности систематизации и углубления исторических знаний у обучаемых.

Следует отметить, что рассмотренные выше учебники стали результатом работы не только лично Т.Н. Ивановой, но и известных в республике, авторитетных ученых-историков, профессоров А.П. Даниловой и В.Д. Данилова.

Деятельность же самой Т.Н. Ивановой в данном направлении не заканчивается. Уже в 2024–2025 гг. она являлась руководителем и непосредственным автором нового учебника «История нашего края. Чувашия», подготовленного в рамках федерального проекта [10] В списке литературы приведены данные по сигнальному экземпляру учебника, но можно надеяться, что уже в ближайшем будущем будет возможность ознакомиться с ним в классическом бумажном формате. Ряд авторов, вошедших в состав коллектива его разработчиков, в прошлом являлись студентами самой Татьяны Николаевны, что позволяет надеяться на сохранение преемственности методологии в таком важном аспекте деятельности современного историка, как написание школьных учебников по истории.

Список литературы

1. Данилова, А. П. Мой город. Путешествия по Чебоксарам : эксперим. учебник для 5 класса / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – Чебоксары, 2000. – 124 с.

2. Данилова, А. П. Мой город. 25 вопросов по ранней истории Чебоксар : эксперим. учебник для 6–7 классов / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – Чебоксары, 2001. – 128 с.

3. Данилова, А. П. Мой город. Портреты старых Чебоксар : эксперим. учебник для 8 класса / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – Чебоксары, 2003. – 216 с.
4. Данилова, А. П. Мой город. Паспорт юного чебоксарца : эксперим. учебник для 9 класса / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – Чебоксары, 2004. – 205 с.
5. Данилова, А. П. Мой город. Путешествия по Чебоксарам : учебник для 5 класса / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Чебоксары : Чувашский республиканский институт образования, 2004. – 156 с.
6. Данилова, А. П. Мой город. Путешествия по Чебоксарам : учеб. пособие для 6 класса / А. П. Данилова, Т. Н. Иванова, В. Д. Данилов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2019. – 191 с.
7. Данилова, А. П. Мой город. 16 вопросов по ранней истории Чебоксар : учеб. пособие для 7 класса / А. П. Данилова, Т. Н. Иванова, В. Д. Данилов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2020. – 167 с.
8. Данилова, А. П. Мой город. Исторические новеллы о Чебоксарах XVIII века : учеб. пособие для 8 класса / А. П. Данилова, Т. Н. Иванова, В. Д. Данилов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2020. – 135 с.
9. Данилова, А. П. Мой город. Портреты старых Чебоксар : учеб. пособие для 9 класса / А. П. Данилова, Т. Н. Иванова, В. Д. Данилов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2021. – 175 с.
10. История нашего края. Чувашия : 7 класс : учебник / Т.Н. Иванова, Р.А. Идрисов, С.Н. Кодыбайкин [и др.]. – 2025. – 201 с.

Казаков Николай Александрович
канд. геогр. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
Дружинина Софья Андреевна
специалист
Никитина Елена Алексеевна
магистр, ассистент
Харитонова Екатерина Михайловна
магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности подготовки кадров для архивной деятельности в высших учебных заведениях Чувашской Республики. Анализ проводится в аспекте состава контингента обучающихся: уровня довузовской подготовки поступающих на первый курс, гендерного состава студентов и географии рекрутирования. Выявленные характеристики позволяют оценить кадровый потенциал региональной системы подготовки специалистов архивной сферы и определить направления совершенствования образовательной деятельности вузов.*

Ключевые слова: *архивная деятельность, высшее образование, Чувашская Республика.*

Введение. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» определяет архивное дело как «…деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов…», т.е. таких документов (материальных носителей информации), которые надлежит

хранить в силу значимости их самих и содержащейся в них информации «…для граждан, общества и государства…» [7].

В Чувашской Республике архивное дело находится в ведении Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, структурным подразделением которого непосредственно отвечающим за реализацию «…государственной политики в области архивного дела и документационного обеспечения управления…» является сектор архивов. Министерству напрямую подчинены БУ «Госистархив Чувашской Республики» и БУ «Госархив современной истории Чувашской Республики» и опосредованно архивы муниципальных округов и ряда городов Чувашии [8]. Кроме того, в Чувашской Республике действует около 19 тысяч организаций и предприятий (из них около 16 тысяч находится в частной собственности) [5], которым в процессе их «уставной деятельности» требуются специалисты, в т.ч. имеющие высшее профессиональное образование, способные организовать текущий ведомственный документооборот и архивное хранение необходимых документов. В структуре (перечне направлений) высшего образования для подготовки профильных специалистов по организации и управлению документационным оборотом и архивной деятельностью специально созданы направления подготовки 46.03.02 (бакалавриат) и 46.04.02 (магистратура) «Архивоведение и документоведение», входящие в укрупнённую группу «История и археология» гуманитарных наук [4].

Цель исследования. Целью данного исследования является изучение особенностей подготовки кадров для архивной деятельности высшими образовательными учебными заведениями Чувашской Республики в аспекте состава контингента обучающихся.

Материалы и методы исследования. Вопросы подготовки кадров для архивной деятельности в России и Чувашии поднимались в работах Бурангулова Б.В., Кармазиной Н.В. [3], Сычевой Т. А., Харитонова М.Ю. [1; 10], Широкова О.Н. [11] и др. Информационной базой исследования послужили данные официальных информационных сайтов учебных заведений Чувашской Республики [6], а также информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [2]. При анализе и визуализации данных использовались дескриптивные, статистико-математические, графоаналитические приёмы и методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В настоящее время в Чувашской Республике из девяти действующих организаций высшего образования (исключая Алатырский филиал ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова») только Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова осуществляет подготовку кадров по направлениям 46.03.02 (бакалавриат) и 46.04.02 (магистратура) «Архивоведение и документоведение».

По данным образовательным программам в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, а соответственно и во всей республике в настоящее время обучается 118 человек, из них в бакалавриате 82% (97 человек), в магистратуре 18% (21 человек). В основном обучаются очно (62% в бакалавриате и 95% в магистратуре, в среднем 68%) и за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета (60% в бакалавриате, 81% в магистратуре, в среднем 64%). В структуре приведённого контингента обучающихся университета доля обучающихся по программам «Архивоведение и документоведение» составляет менее 0,5% (по программам клинической медицины почти 45%, юриспруденции – 5,7%, экономике и управлению – 6,1%). На историко-географическом факультете, где, собственно, и ведётся подготовка будущих специалистов по документообороту и архивному делу, их доля в приведённом контингенте обучающихся хотя и значительно выше, чем в университете, но относительно прочих направлений подготовки тоже не велика, будущих бакалавров 9%, будущих магистров 3,6%.

Среди абитуриентов направления подготовки «Архивоведение и документоведение» не пользуются особой популярностью, но и не являются аутсайдерами. Конкурс 7 – 8 человек на бюджетное место, проходные баллы около 200. Эти значения существенно меньше, чем

конкурс и проходные баллы на юриспруденцию, стоматологию (более 30 человек на место, проходные баллы выше 250), но существенно выше, чем на «Географию» или «Радиотехнику» (рис. 1).

В Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова по направлениям подготовки «Архивоведение и документоведение» обучаются не только граждане Российской Федерации, но иностранных государств. В данном случае одного государства – Туркменистана (5 человек (в т.ч. 1 в магистратуре)). Они составляют 8% от числа обучающихся иностранных граждан на историко-географическом факультете и 0,2% от числа обучающихся иностранных граждан в университете.

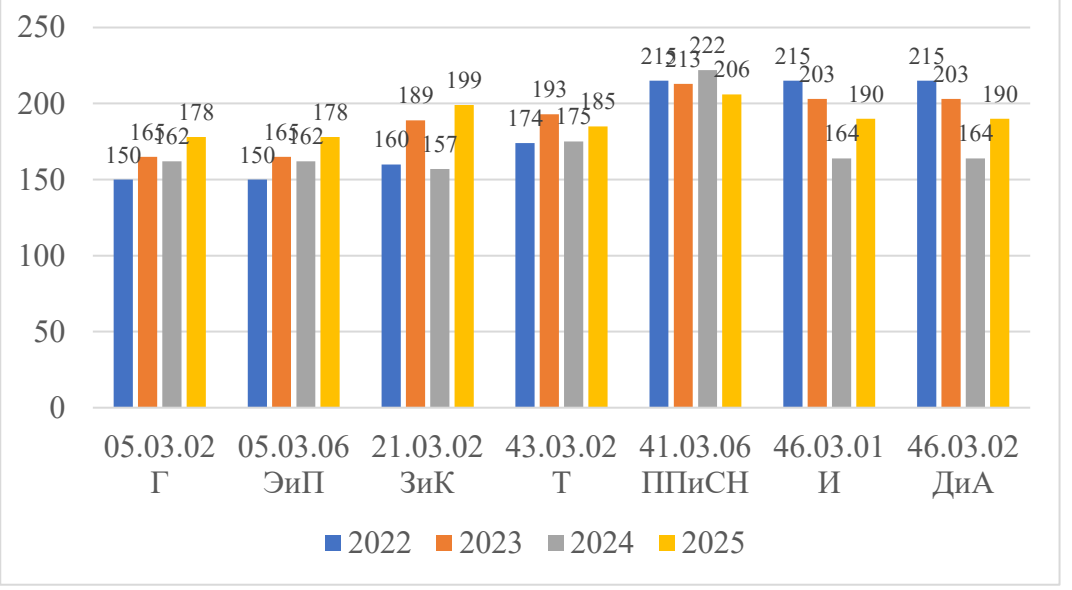


Рис. 1. Проходные баллы при приёме на бакалавриат
на направления подготовки, реализуемые
на историко-географическом факультете

Среди граждан России, обучающихся по направлениям подготовки «Архивоведение и документоведение» преобладают жители Чувашской Республики (почти 75%), но встречаются и выходцы из граничащих с Чувашией регионов, а также Башкортостана, Коми, Кировской Саратовской областей, Пермского края, Ямало-Ненецкого АО и даже Приморского края (рис. 2). Среди жителей Чувашии и среди очников и заочников абсолютно доминируют постоянно проживающие в муниципалитетах, входящих в Чебоксарскую агломерацию, в первую очередь Чебоксарского городского округа (рис. 3).

Оценивая половой состав обучающихся по направлениям подготовки «Архивоведение и документоведение», следует отметить заметное преобладание лиц женского пола в бакалавриате (74%) и существенное падение их доли в магистратуре (до 38%), что связано с особой заинтересованностью обучаться в магистратуре для лиц мужского пола, в связи с возможностью получить отсрочку от срочной военной службы ещё на два года.

Рис. 2. Распределение обучающихся очной формы
по регионам Российской Федерации

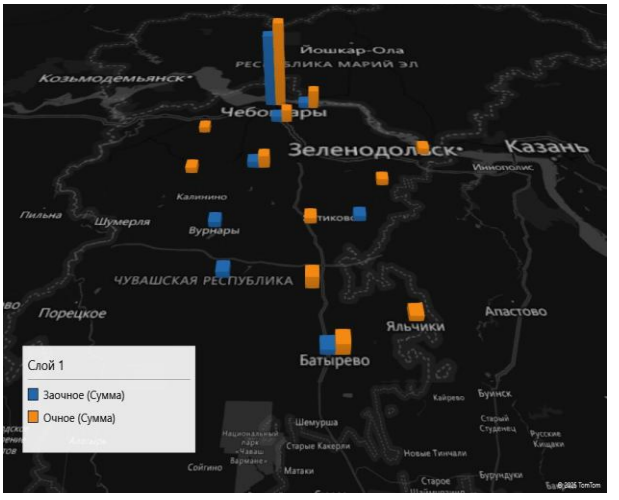


Рис. 3. Распределение обучающихся по муниципальным образованиям
Чувашской Республики

Выводы. Таким образом в настоящее время в Чувашской Республике только Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова готовит кадры с высшим образованием для организации и управления документооборотом и архивной деятельностью. На каждого обучающегося приходится около 160 коммерческих и некоммерческих региональных организаций, в которых они после получения диплома могли бы вести свою дальнейшую профессиональную трудовую деятельность. Однако, направления «Архивоведение и документоведение», реализуемые на историко-географическом факультете готовят кадры не только для Чувашии, но и для других регионов России (в первую очередь сопредельных с Чувашской Республикой) и для зарубежных стран (Туркменистана).

Список литературы

1. Историко-педагогические аспекты документоведения и архивоведения / С. Ю. Михайлова, А. Л. Музякова, М. Ю. Харитонов, М. С. Николаева // Развитие современного образования в контексте педагогической компетенциологии: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 27 февраля 2023 г.) / ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары : Среда, 2023. – С. 223–228.

2. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. – URL: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

3. Кармазина, Н. В. К вопросу о системе непрерывного профессионального образования в области документоведения и архивоведения / Н. В. Кармазина // Научный вестник Крыма. – 2016. – № 4 (4). – С. 10–14.

4. Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования : Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. №1061 (с изменениями и дополнениями). – URL: https://base.garant.ru/70480868/ (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

5. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2025 : стат. сб. / Чувашстат. – Чебоксары, 2025. – 296 с.

6. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». – URL: https://www.chuvsu.ru/sveden/ (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

7. Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22.10.2004 №125-ФЗ (ред. от 13.12.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/0e9fa1dc6ec40a410f73018a04693b1c45100f76/ (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

8. Чувашская Республика. Портал «Архивы России». – URL: https://rusarchives.ru/respubliki-rf/chuvashskaya-respublika (дата обращения: 18.09.2026). – Текст : электронный.

9. Харитонов, М. Ю. Тенденции развития образовательного пространства региона на рубеже XX-XXI веков (на примере высшей школы Чувашии) / М. Ю. Харитонов, О. В. Василенко // Проблемы управления качеством образования : Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 15 ноября 2013 г.). – Пенза : Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, 2013. – С. 105–109.

10. Широков, О. Н. Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.) / О. Н. Широков, М. Ю. Харитонов // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сборник трудов Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 22 марта 2019 г.) / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 52–56.

Кошокова Саньят Январбиевна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В КУБГАУ

Аннотация: *в статье рассматриваются возможности дисциплин исторического блока Кубанского государственного аграрного университета в формировании исторического сознания, исторической памяти и активной гражданской позиции студентов. Показаны изменения содержания и структуры исторической подготовки, связанные с обновлением федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, введением дисциплин «Основы российской государственности», «История и культура казачества» и «Великая Отечественная война: без срока давности». Особое внимание уделено интерактивным и практико-ориентированным методам обучения: квестам по памятным местам Краснодара и Екатеринодара, работе с электронными базами данных «Подвиг народа» и «Память народа», посещению музеев, обсуждению кинофильмов, участию студентов в научной, волонтёрской и общественной деятельности. Делается вывод о значении сочетания аудиторной, внеаудиторной и исследовательской работы для сохранения исторической памяти и воспитания гражданственности.*

Ключевые слова: *историческая память, преподавание, методы, актуализация.*

В Кубанском государственном аграрном университете за несколько последних лет существенно изменилась ситуация, связанная с историческим блоком. С 1 сентября 2023 г. в соответствии с приказом Минобрнауки были внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Основная дисциплина блока изменила

название с «История (история России, всеобщая история)» на «История России» [3]. Кроме этого, существенно было увеличено количество часов на ее изучение, с 108 до 144.

Так же в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 №662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» и во исполнения подпункта «а» пункта 11 перечня поручений Президента Российской Федерации от 29.01.2023 г. № Пр173ГС о разработке и включении в образовательные программы высшего образования модуля «Основы российской государственности», а также в связи с членством Кубанского государственного аграрного университета в Ассоциации казачьих вузов России, введены новые учебные дисциплины «Основы российской государственности» и «История и культура казачества» [4; 6]. В 2022–2023 учебном году на факультете государственного и муниципального управления была введена учебная дисциплина «Великая Отечественная война: без срока давности» [2].

В рамках преподавания данных дисциплин существуют большие возможности для формирования и сохранения исторической памяти студентов. Преподавателями кафедры истории и политологии КубГАУ используются разные методы. Например, разработаны квесты по г. Краснодар, позволяющие закреплять изученный материал на местности. Так квест, посвященный Великой Отечественной войне, позволяет пройти студентам по местам боев и зверств над мирным населением в период оккупации. Или квест по объектам предпринимательской деятельности г. Екатеринодара конца XIX в [1]. Студенты получают описание объекта и связанные с ним события, должны правильно определить его и сфотографироваться на его фоне.

Активно используются электронные банки данных «Подвиг народа» и «Память народа», позволяющие студентам находить информацию о своих родственниках. Обнаружение сведений, связанных с дедом или прадедом, наградных листов, списков выбывших в связи с гибелью, производит неизгладимое впечатление на студентов. Также на кафедре создан сайт, посвященный героям войны, на который студенты могут загружать информацию о своих предках [5; 7].

История казачества также закрепляется через квесты по памятным местам, посещение Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, в котором представлены выставки «Град Екатеринодар», «Святыни земли Кубанской», «История Кубани: земляки и соседи», «Регалии и реликвии Кубанского казачьего войска». Кроме этого, в вузе создана «Казачья сотня», в которую вступают студенты – потомки казаков. Они участвуют в различных мероприятия: фестивалях, смотрах, научных конференциях. Три года подряд проходят в строю кубанских казаков на Параде Победы в Москве.

В рамках дисциплины «Основы российской государственности» речь идет, в первую очередь, о современной России. Но всегда делается связка с прошлым, подчеркивается, что без знания прошлого невозможно понять настоящее. Студенты делают доклады о прошлом и настоящем своих населенных пунктов. Учитывая, что в последние годы увеличилась мобильность студентов, звучат доклады не только о городах и станицах Краснодарского края, но и о многих других субъектах, в том числе отдаленных. Это позволяет познакомится с Россией во всем многообразии, причем из первых рук, от своих ровесников, которые могут поделиться тем, что изменилось в лучшую сторону, какие проблемы остались, сравнить «плюсы» и «минусы» разных регионов. Это более действенно и наглядно, чем просто где-то прочитать или прослушать на лекции.

Обращение к советской и российской киноклассике, а также знакомство с новинками киноиндустрии, тоже дает хорошие результаты. Современные студенты не всегда знакомы с фильмами советской эпохи и знакомство с ними становится для них откровением. На семинарских занятиях могут обсуждаться наиболее интересные моменты, замысел режиссера, влияние фильма на формирование исторического сознания и памяти. Можно обсуждать фильмы на предмет их исторической достоверности и художественной ценности. Практикуются совместные походы студентов с преподавателями в кинотеатр, с последующим обсуждением.

Кафедрой проводятся конкурсы, например, на лучший туристический логотип России и Краснодарского края. Проводятся акции по посещению и помощи собачьему приюту, очистке парковых территорий, высадке новых деревьев. В рамках всех рассмотренных дисциплин студенты привлекаются к научной деятельности: пишут статьи, участвуют в научных конференциях, конкурсах, олимпиадах.

Таким образом, дисциплины исторического блока дают большие возможности для формирования исторического сознания, исторической памяти и активной гражданской позиции.

Список литературы

1. Жабчик, С. В. Квест-игра как одна из форм учебного процесса / С. В. Жабчик // Высшее аграрное образование: состояние, проблемы и перспективы : сборник статей по материалам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 1 марта 2025 г.). – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2025. – С. 432–434.

2. Кошокова, С. Я. Методика преподавания дисциплины «Великая Отечественная война: без срока давности» в КубГАУ / С. Я. Кошокова // Социально-гуманитарный вестник : Всерос. сборник научных трудов. – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2024. – С. 165–168.

3. Кошокова, С. Я. Перспективы реализации новой концепции преподавания истории России в КубГАУ / С. Я. Кошокова // Кубанские исторические чтения : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 02 июня 2023 г.). – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 140–143.

4. Салчинкина, А. Р. Изучение мемориального наследия кубанских казаков в процессе преподавания дисциплины «История и культура казачества» / А. Р. Салчинкина // Высшее аграрное образование: состояние, проблемы и перспективы : сборник статей по материалам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 1 марта 2025 г.). – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2025. – С. 450–454.

5. Салчинкина, А. Р. Применение цифровых технологий в изучении истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в рамках вузовской дисциплины «История (история России, всеобщая история)» / А. Р. Салчинкина // Кубанские исторические чтения : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 июня 2022 г.). – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 108–112.

6. Салчинкина, А. Р. Реализация дисциплины «Основы российской государственности» в Кубанском государственном аграрном университете / А. Р. Салчинкина, Е. М. Харитонов, С. В. Хоружая // Социально-гуманитарный вестник : Всерос. сборник научных трудов. – Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 109–113.

7. Салчинкина, А. Р. Электронные банки данных «Подвиг народа», «Мемориал» и «Память народа» в цифровой среде исторической науки / А. Р. Салчинкина // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год : материалы Юбилейной науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кубанского ГАУ (Краснодар, 06 апреля 2022 г.) / отв. за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. – С. 629–632.

Курдубова Варвара Вениаминовна
канд. пед. наук, доцент
Регонаха Фортунатус Крист Фернандес
курсант

ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза
С.М. Буденного» Министерства обороны Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ РАДИОСВЯЗИ ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ

Аннотация: *в статье раскрываются возможности использования истории развития военной радиосвязи Центральноафриканской Республики в процессе подготовки иностранных курсантов российского военного вуза. Рассмотрена взаимосвязь национальной исторической памяти, профессиональной идентичности и межкультурного образовательного взаимодействия. На основе анализа исследований по истории Центральноафриканской Республики, теории социальной памяти и методике контекстного обучения предложен подход к отбору и изучению историко-технического материала. Обоснована необходимость разграничивать документально подтверждённые сведения о развитии государства и иллюстративные примеры радиотехнических средств разных поколений. Описаны этапы работы с источниками, сравнительные задания и критерии оценивания результатов. Сделан вывод о том, что историко-технический материал может содействовать ретрансляции национальной памяти при условии критической проверки источников и уважительного диалога культур.*

Ключевые слова: *историческая память, Центральноафриканская Республика, иностранные курсанты, военная радиосвязь, межкультурный диалог, профессиональное обучение, историко-технические источники.*

Подготовка иностранных военнослужащих в российском военном вузе предполагает освоение специальных дисциплин в условиях межкультурного взаимодействия. При изучении средств связи курсант знакомится с техническими системами, разработанными в разных странах и в различные исторические периоды. Однако история развития техники может выполнять не только познавательную, но и культурно-образовательную функцию: она позволяет осмыслить опыт собственных вооружённых сил, увидеть связь между изменениями в государстве и развитием профессиональной деятельности, сопоставить национальные традиции с международным инженерным опытом.

Особый интерес представляет обращение к истории радиосвязи в Центральноафриканской Республике (ЦАР). Её развитие происходило на фоне обретения независимости, неоднократных политических кризисов и изменявшихся форм международного сотрудничества. Поэтому история организации военной связи не может быть убедительно изложена только как смена поколений радиостанций. Важны институциональные условия эксплуатации техники, подготовка специалистов и сохранение профессиональных знаний. Историко-политический контекст развития страны раскрыт в исследованиях Т. Карайаннис, Л. Ломбард и других авторов [4; 5].

Цель статьи – обосновать методические возможности использования истории военной радиосвязи ЦАР для ретрансляции исторической памяти иностранных курсантов в условиях российского военного вуза. В качестве методов применены анализ научной и педагогической литературы, историко-сравнительное рассмотрение технологических этапов и проектирование учебных заданий.

Историческая память представляет собой не простую сумму фактов о прошлом, а социально обусловленное представление об историческом опыте, значимом для определённого сообщества. В работах М. Хальбвакса показано, что память поддерживается системой социальных связей и общими способами интерпретации событий [3]. А. Ассман обращает внимание на значение культурных форм сохранения прошлого и на различие между переживаемой памятью и её документальным осмыслением [1]. Применительно к военному образованию это означает, что технические предметы, профессиональные традиции и рассказы о службе могут становиться носителями памяти лишь при включении в более широкий исторический контекст.

Для иностранного курсанта обращение к истории связи собственной страны имеет дополнительное значение. В учебной аудитории он осваивает новую терминологию, сопоставляет методы организации связи, принятые в разных национальных школах, и одновременно выступает носителем представлений о своём историческом опыте. При уважительном построении диалога это способствует осмыслению культурных различий без противопоставления участников образовательного процесса. Подходы ЮНЕСКО к развитию межкультурных компетенций предполагают сочетание знания о культурах, уважительного отношения к ним и навыков взаимодействия [6].

При этом личные воспоминания, семейные рассказы, сообщения средств массовой информации и исторические исследования обладают разным источниковым статусом. Использование любого из перечисленных материалов возможно, если курсант понимает его происхождение и ограничения. Например, личный рассказ о конкретной радиостанции является ценным свидетельством, но сам по себе не подтверждает масштаб её распространения во всех вооружённых силах страны. Формирование культуры такого различения одновременно поддерживает национальную историческую память и развивает профессиональную исследовательскую добросовестность.

Отправной точкой рассмотрения истории радиосвязи ЦАР служит 1960 год, когда страна получила независимость. Начальный этап формирования национальных государственных институтов неразрывно связан с наследием колониального периода. Для вооружённых сил это означает необходимость учитывать унаследованную организационную структуру, внешние источники подготовки специалистов и зависимость сложной техники от условий обслуживания. Эти обстоятельства важны для изучения истории национальной военной связи, хотя сами по себе не позволяют установить точный состав радиопарка отдельного периода [4].

В последующие десятилетия развитие государственных институтов ЦАР происходило неравномерно. Исследователи отмечают влияние военных переворотов, мятежей и конфликтов на функционирование органов власти, особенно в конце XX и начале XXI века [4; 5]. Кризис 2012–2013 годов стал одной из наиболее заметных вех новейшей истории страны. Для учебного анализа существенен вопрос о том, как социально-политическая нестабильность может отражаться на сохранении материальной части, системе обучения операторов и передаче технических навыков между поколениями военнослужащих. Однако конкретные сведения о потерях аппаратуры, её поставщиках и датах переоснащения требуют специальных архивных или официальных подтверждений.

Для объяснения технологических изменений уместно рассматривать типовые поколения аппаратуры: ламповые переносные радиостанции, транзисторные устройства, аналоговые средства УКВ-связи, гражданские программируемые станции и современные цифровые системы, в том числе программно-определяемое радио (SDR). В учебном материале могут фигурировать, например, модели AN/PRC-10, TR-PP-11, P-105M и современные цифровые терминалы как характерные объекты своих технологических поколений. При этом наличие описания модели не является доказательством её массового применения в вооружённых силах ЦАР. Такое разграничение необходимо сохранять и в тексте учебного задания, и в устном выступлении курсанта.

Историко-техническая реконструкция должна опираться на несколько типов свидетельств: государственные и ведомственные документы, доступные каталоги техники, материалы специализированных музеев, научные исследования, воспоминания участников событий и визуальные источники с установленным происхождением. Если документальных свидетельств недостаточно, корректнее формулировать исследовательский вопрос, а не восполнять пробел предполагаемой датой или названием поставщика. Важным результатом обучения становится осознание того, что отсутствие надёжных данных тоже имеет историко-исследовательское значение.

Представление истории радиосвязи лишь как линейного технического прогресса или череды внешних поставок обедняет историческую память. Значение имеют сохранение техники, подготовка специалистов, организация ремонта и передача профессиональных знаний. Эти аспекты связывают историю средств связи с историей людей и институтов.

Отбор содержания следует начинать с материала, который имеет одновременно историческое значение и понятную связь с будущей специальностью курсанта. На основе контекстного подхода А. А. Вербицкого учебную деятельность целесообразно приближать к задачам будущей профессии [2]. В истории военной радиосвязи подобной задачей может быть анализ причин устойчивости или нарушения связи в определённых организационных условиях, выбор способа документирования технического опыта, подготовка исторической справки для учебного подразделения.

Первый этап работы – установление исторического контекста. Курсанты составляют краткую хронологию ключевых событий в истории государства, используя научные публикации, и отделяют общеполитическую историю от специальных сведений об организации связи.

Второй этап – источниковедческий: сравнение доступных документов, фотографий и описаний техники, определение даты, автора и назначения материала.

Третий этап – профессионально-исторический: обсуждение того, какие инженерные задачи решались на соответствующем технологическом уровне. Четвёртый этап – рефлексивный: осмысление значения полученных знаний для национальной профессиональной памяти и для общения с представителями другой военной школы.

Важным условием служит отсутствие заранее заданной «правильной» оценки исторического опыта. Если курсанты из разных стран по-разному интерпретируют одно и то же событие, преподаватель организует сопоставление аргументов и источников, а не соревнование национальных нарративов. Роль преподавателя заключается также в том, чтобы не допускать переноса оценок политических событий на личность обучающегося. Такая организация соответствует задаче формирования межкультурной компетентности, в которой уважение и критическое мышление не противоречат друг другу [6].

Таблица 1

Работа с историей военной радиосвязи ЦАР
в подготовке иностранных курсантов

Этап	Содержание учебной деятельности	Планируемый результат
Исторический	Хронология независимости, кризисов и развития государственных институтов	Установление контекста истории связи
Источниковедческий	Сопоставление документов и описаний аппаратуры, проверка происхождения сведений	Различение факта, свидетельства и гипотезы
Профессиональный	Сравнение поколений радиостанций и условий их применения	Понимание преемственности инженерных задач
Рефлексивный	Обсуждение национального опыта в межкультурной группе	Уважительный диалог и аргументация

В качестве задания может использоваться «Исторический паспорт средства связи». Курсант фиксирует разработчика типового образца, период создания, принципы действия, технические

ограничения и источники сведений. Отдельно проверяется, существуют ли документы о применении данной модели в ЦАР. Если таких данных нет, образец описывается лишь как иллюстрация технологической эпохи, а не как установленное вооружение страны. Это закрепляет различие между подтверждённым историческим фактом и технической аналогией.

Второе задание – сравнительная историческая карта профессиональных задач. Обучающиеся соотносят технологические поколения радиосвязи с проблемами питания, устойчивости радиоканала, обслуживания и подготовки операторов. Затем объясняют, какие из этих проблем сохраняют актуальность в цифровую эпоху и почему техническое совершенствование не устраняет потребности в квалифицированном персонале. Такое сопоставление показывает различие между историей конкретного оборудования и более устойчивой историей профессиональных компетенций.

Устные свидетельства о службе связистов могут использоваться только добровольно, с согласия рассказчика и указанием времени интервью. Они передают индивидуальный опыт и требуют сопоставления с письменными источниками. Это способствует бережному отношению к личным историям без отказа от исторической проверки.

Результаты обучения предлагается оценивать по четырём критериям: достоверность хронологии, качество ссылок на источники, корректность технических объяснений и культура межкультурного обсуждения. Для каждого критерия можно применять уровни «выполнено», «частично выполнено», «требует уточнения». При этом предметом оценивания не должны становиться личные исторические убеждения или национальная принадлежность курсанта. Вывод об эффективности предложенной методики возможен только после её апробации и сопоставления результатов учебной деятельности; в данной статье такая апробация не заявляется.

История развития военной радиосвязи Центральноафриканской Республики может служить содержательной основой для ретрансляции национальной исторической памяти иностранных курсантов. Её педагогический потенциал проявляется в возможности связать события истории государства с профессиональным опытом военнослужащих, показать значение технических знаний и организационной преемственности, организовать уважительное сопоставление разных инженерных традиций.

Предложенный подход опирается на контекстное обучение, источниковедческую проверку фактов и межкультурный диалог. Наиболее перспективными формами работы представляются анализ исторических источников, сопоставление поколений средств связи и подготовка самостоятельных историко-технических материалов. Принципиальное условие заключается в разграничении подтверждённых фактов, свидетельств участников событий и учебных иллюстраций. Это позволяет сохранить научную корректность и сделать историческую память не формальным дополнением, а осмысленным компонентом профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход : метод. пособие / А. А. Вербицкий. – Москва : Высшая школа, 1991. – 207 с.

3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.

4. Carayannis, T. Making Sense of the Central African Republic / T. Carayannis, L. Lombard. – London : Zed Books, 2015. – 357 p.

5. Lombard, L. State of Rebellion: Violence and Intervention in the Central African Republic / L. Lombard. – London : Zed Books, 2016. – 304 p.

6. Intercultural Competences: Conceptual and Operational Framework / UNESCO. – Paris : UNESCO, 2013. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219768 date of access: 18.11.2026). – Текст : электронный.

Курило Владислав Юрьевич
студент
Кошокова Саньят Январбиевна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: *в статье рассматривается трансформация исторической памяти о Гражданской войне в России и особенности её репрезентации в современных школьных учебниках. Делается вывод, что тема Гражданской войны остаётся полем символической политики и требует не готовых ответов, а живого диалога и учёта региональной и семейной памяти.*

Ключевые слова: *историческая память, Гражданская война, политика памяти, историко-культурный стандарт.*

Гражданская война занимает в нашей истории особое место. В отличие от Великой Отечественной, здесь у страны нет единого и понятного всем взгляда на прошлое. Эта война буквально расколола общество пополам, а победившие в ней большевики на долгие десятилетия закрепили за собой право решать, как именно её нужно вспоминать. Когда СССР распался, старая советская картинка рухнула, но ничего нового и общего для всех взамен так и не появилось. В итоге сегодня память о тех событиях распадается на несколько разных образов, а для школьников эта тема вообще превратилась в один из самых сложных и спорных вопросов отечественной истории. Почему об этом важно говорить именно сейчас? Во-первых, недавний столетний юбилей тех событий (2017–2022 гг.) снова вернул Гражданскую войну в новости, кино и публичные споры. Во-вторых, в 2010-х годах у нас окончательно выстроилась единая школьная система: сначала появился историко-культурный стандарт, а с 2023 года единый учебник истории для старшеклассников. Вопрос о том, какую именно версию событий рассказывают детям на уроках, снова стал делом государственной важности. В-третьих, само изучение исторической памяти (в духе работ П. Нора, О. Ю. Малиновой и А. И. Миллера) в нашей науке уже оформилось в отдельное и вполне самостоятельное направление.

Под исторической памятью обычно понимают то, как обычные люди, а не профессиональные историки, хранят и осмысляют своё прошлое через памятники, фильмы, школьные учебники и семейные истории. Французский исследователь Пьер Нора объяснил, что современному обществу нужны так называемые «места памяти»: какие-то конкретные вещи или символы, вокруг которых люди собираются, чтобы вспомнить былое. При этом государство всегда решает, что именно попадёт в официальную историю, исходя из своих интересов. Историк А. И. Миллер называет это политикой памяти: когда власть целенаправленно продвигает выгодную ей версию прошлого. Правда, как справедливо замечает О. Ю. Малинова, всё это работает не по простому приказу сверху: картинка прошлого должна быть понятна и близка самим людям, иначе она так и останется пустыми словами на бумаге [5]. Для разговора о Гражданской войне такой подход идеален. Всё дело в том, что эту войну никак не впишешь в привычную и удобную схему «мы защищали свою землю от чужаков», ведь по обе стороны баррикад стояли граждане одной страны. Именно поэтому, как пишет исследователь О. Е. Поршнева, советской пропаганде пришлось выкручиваться и подавать войну как глобальную битву добра со злом: старый мир рушится, а победа «сил света» выглядит единственно правильной и неизбежной [7].

Советский взгляд на эту войну начал складываться ещё в 1920-е годы усилиями пропаганды, а окончательно зацементировался в знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 года. Так, Донсков Е.П. и Донскова Л.А. утверждают, что «устранение религиозных учебных

дисциплин и внедрение новых предметов, соответствующих идеологии социализма, отразило стремление к формированию нового типа гражданина» [3]. Всё строилось на простых и понятных правилах: Красная армия и восставший народ – безусловные герои, иностранные интервенты – главный внешний враг, а «внутренняя контрреволюция» – просто марионетки Запада и настоящие злодеи без капли человеческого. Ситуация резко поменялась в годы перестройки. В газетах и журналах начали открыто писать о красном терроре и неприглядных фактах из жизни красных командиров. Тогда же качнулся маятник общественных симпатий: вчерашних героев-красных развенчали, а белых офицеров, наоборот, начали романтизировать и чуть ли не идеализировать. В 1990-е годы опросы показывали, что большинство россиян сошлись во мнении: Гражданская война – это страшная братоубийственная трагедия для всего народа. По сути, тогда в обществе сложился более-менее единый взгляд на те события. Однако опрос 2018 года показал, что от этого единства не осталось и следа. Мнения в обществе снова резко разделились: одни по-прежнему симпатизируют большевикам, другие – белым, а для многих молодых людей эта война и вовсе превратилась в какое-то далёкое и малопонятное событие, о котором они почти ничего не знают. Для сторонников «красных» главная ценность – это «государство», а большевики стоят в одном ряду с героями Великой Отечественной войны. У «белых» на первом месте стоит «Родина», и любой их шаг оправдывается искренней любовью к Отечеству. Но самое интересное, что при всех спорах обе стороны сходятся в одном: сама по себе та война была ужасной, разрушительной и братоубийственной.

Весь набор символов Гражданской войны появился и закрепился прямо во время самих боёв. У «красных» всё сложилось в чёткую и цельную картинку: Красное знамя, Красная армия, Красная звезда, Красная конница. Плакаты и злые карикатуры сделали эти знаки мгновенно узнаваемыми для любого человека. Художники-агитаторы били точно в эмоции: красные брали кричащие, активные цвета: красный, чёрный, жёлтый и простые, грубоватые образы в духе народного лубка. А вот белые, наоборот, выбирали спокойные, сдержанные тона (белый, синий, серый), старые символы Российской империи и строгие классические сюжеты, которые напоминали о привычной дореволюционной жизни. Если посмотреть на памятники, то этот перекос виден до сих пор. В советских городах Сибири память о тех событиях оформляли максимально абстрактно: ставили монументы вроде руки рабочего с факелом или обычных каменных столбов без конкретных имён и без намека на скорбь. Противников же тогда хоронили вообще без всяких почестей. После распада СССР в памятных местах начали появляться новые, непривычные смыслы. Например, в Омске запустили проект «Белая столица» и повесили мемориальные доски в честь деятелей Белого движения. А в Иркутске в 2004 году открыли памятник адмиралу Колчаку, на постаменте которого красноармеец и белогвардеец мирно опускают оружие: как знак примирения обеих сторон. И всё же по-настоящему крупных мемориалов в честь белых, которые могли бы сравниться с советскими памятниками по масштабу, в стране так и не появилось. А десятки тысяч обычных, «негероических» жертв той войны – людей, которые погибли от эпидемии тифа или попали под горячую руку во время расправ над мирным населением, – вообще оказались забыты. Получается, что городские памятники рассказывают о прошлом даже честнее, чем школьные учебники: вместо красивой картинки всеобщего примирения они показывают, что война за память в головах людей всё ещё продолжается.

Школьный учебник – это ключевой институт трансляции исторической памяти подрастающему поколению. Тема Гражданской войны прошла в отечественной учебной литературе три стадии.

1. Советский период. Учебник под редакцией А. М. Панкратовой (1930-е гг.) закрепил одномерное понимание войны: более 50 страниц текста излагали её по схеме «Краткого курса» – с одной стороны, «объединение международного империализма в союзе с русскими помещиками и буржуазией», с другой, – «сознательные элементы трудящихся классов», возглавляемые Лениным. Схема «трёх походов Антанты» десятилетиями служила базовой моделью изучения войны.

2. Постсоветский период (1990-е – начало 2000-х). Классовая схема демонтировалась, на смену приходили акценты на трагедии, расколе и цене революции. Тема преподавалась дважды: в 9-м и 11-м классах, информационные потоки школьника стали многообразными.

3. Современный период. Поворотный момент: историко-культурный стандарт (2013 г.), разработанный по поручению президента, на основе которого создаются современные учебники. В нём события Гражданской войны включены в раздел «Россия в годы «Великих потрясений». 1914–1921 гг.» и объединены с революционными событиями в рамках концепции «Великой российской революции». Учебники на его основе (например, под редакцией А. В. Торкунова) ставят перед учениками важные методологические вопросы – например, какие действия советского правительства способствовали развязыванию войны и всегда ли они были вынужденными. Авторы пишут о «крайней жестокости противоборствующих сторон», «массовом красном и белом терроре» и «обесценивании человеческой жизни». Вместе с тем отмечают, что в новой учебной литературе присутствует «имперский» акцент – воспевание сильного государства как главной национальной ценности. Особенно показательна судьба «белого» сюжета: в учебниках проявляется наследие советской классовой схемы, например, категория «казачества» слабо вписывается в общенациональную историю даже в региональных изданиях [6]. Логика унификации была завершена введением единого государственного учебника истории для 10–11 классов под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова – первого подобного после распада СССР. Для темы Гражданской войны это означает дальнейшую стандартизацию: единая линия оценок, закреплённая на уровне федерального перечня. Дискуссия вокруг учебника показывает, что учебник снова стал полем символической политики – по образцу дискуссий 1930-х и 2000-х гг. В этой связи следует отметить, что «проблема качества образования является ключевой для любой страны, потому что от качества образования зависит развитие экономики, науки и общества в целом» [1].

Из вышеизложенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Единой памяти о Гражданской войне в современной России так и не сложилось: она разбилась на отдельные куски. Старый советский миф рухнул, а на его месте появились сразу три разные версии, которые постоянно спорят друг с другом: взгляд на войну как на общую трагедию и братскую бойню, привычная советская героика и попытка полностью оправдать Белое движение. В головах у людей нет цельной картинки тех событий, а для многих молодых людей эта война и вовсе остаётся белым пятном.

2. Мир символов по-прежнему поделён на два лагеря. Знаки «красных» и «белых» существуют будто в параллельных вселенных: на разных памятниках и в разных пабликах в интернете и почти никогда не пересекаются в одном общем пространстве.

3. Школьный учебник снова стал главным инструментом, с помощью которого государство формирует нужный взгляд на прошлое. Пройдя путь от свободных подходов 1990-х годов к историко-культурному стандарту и единому учебнику 2023 года, школа вернулась к единой линии оценок. Но для Гражданской войны такой подход особенно сложен: эта тема требует не готовых ответов сверху, а живого диалога и умения принять общую беду, в которой уже невозможно окончательно решить, кто был прав, а кто виноват. Как известно, «опыт прошлого, в том числе и его разочарования, помогает современному обществу строить более справедливое и устойчивое будущее» [2].

Если продолжать эту работу дальше, было бы очень интересно изучить не только общие федеральные, но и региональные учебники, а заодно заглянуть в задания ЕГЭ – ведь именно они в итоге решают, что останется в головах у следующих поколений.

Список литературы

1. Донскова, Л. А. Проблема качества образования: стратегии развития / Л. А. Донскова // Педагогика современности: профессиональное образование и развитие : сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию КГМУ. – Курск, 2025. – С. 80–83.

2. Донскова, Л. А. Влияние прошлого на современный мир как фактор культурного развития / Л. А. Донскова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2024. – № 3 (30). – С. 268–271.

3. Донсков, Е. П. Система высшего образования раннесоветского периода / Е. П. Донсков, Л. А. Донскова // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2024. – С. 18–20.

4. Красильникова, Е. И. Политика и память: Гражданская война в Сибири в отражении монументов разных эпох / Е. И. Красильникова, О. А. Громова // Ассоциация исследователей повседневности (АШПИ). – 2019.

5. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символиче-ской политики в современной России / О. Ю. Малинова // Конструирование смыслов: исследо-вание символической политики в современной России. – 2013. – № 2013. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-smyslov-issledovanie-simvolicheskoy-politiki-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

6. Мединский, В. Р. История России. 10 класс. Базовый уровень / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. – Москва : Просвещение, 2023.

7. Историческая память о Гражданской войне: от пропаганды к демифологизации (лекция О. Е. Поршневой) // Ельцин Центр. – 2023.

Ласточкин Вячеслав Борисович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОЦИАЛЬНЫЕ И ВОЛОНТЕРСКИЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные подходы к гражданско-патриотическому воспитанию, социальной адаптации и профессиональному становлению студентов в системе высшего образования России. Анализируются возможности личностно ориентированных методик, принципа «обучение служением», волонтёрской деятельности и студенческих трудовых отрядов в формировании гражданской ответственности, социальной активности и профессиональной компетентности обучающихся. На примере Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова показаны формы вовлечения студентов в научно-инновационную, волонтёрскую, общественную и трудовую деятельность. Особое внимание уделено использованию этнопедагогического потенциала чувашской культуры и традиций народной педагогики в воспитательном процессе.*

Ключевые слова: *высшее образование, гражданско-патриотическое воспитание, студенты, социальная адаптация, обучение служением, волонтёрская деятельность, студенческие трудовые отряды, этнопедагогика, чувашская культура, профессиональное становление, Чувашский государственный университет.*

В современном высшем образовании в России в процессе обновления парадигмы гражданско-патриотического воспитания студентов, их социальной адаптации, подготовки к будущей успешной и плодотворной профессиональной деятельности все более широко и смело применяются комплексные, личностно-ориентированные методики и подходы, воспринявшие лучшие традиции советского периода (обязательная общественно-политическая практика студентов с ежегодным зачетом, комсомольская и иная общественная работа, деятельность студенческих строительных и комсомольских педагогических отрядов, встречи с ветеранами и другими интересными людьми и т. д.).

Эта работа, являющаяся неотъемлемой частью стратегии развития современной российской высшей школы, имеет определенную цель, которую профессор Астраханского государственного университета Г.В. Палатина формулирует и характеризует как формирование «совершенного человека». По ее определению, этот «совершенный человек» представляет собой личность, в

которой наиболее полно воплощены социально значимые нравственные и культурные качества, признаваемые в окружающем обществе образцовыми. Она подчеркивает, что идея «совершенного человека» одновременно выполняет несколько важных функций, одновременно и экзистенциальных (формирующих отношение к окружающей действительности и выбор соответствующей модели поведения), и прагматических. Это – нормативная, ценностно-ориентирующая, регулятивная, интегративная, воспитательная, мотивационная функции.

Очевидно, что такая концепция восходит в конечном итоге к конфуцианской модели «совершенномудрия», «благородного человека», воплощающего в своем поведении все совершенства [5, с. 14]. Палатина, кроме того, рассматривает проблему через призму этнополитики, приведя множество примеров из этнопедагогикической практики различных народов. Так, отмечает исследовательница, применительно к чувашской этнокультурной и этнопедагогической традиции «идея совершенного человека складывается как целостный образ личности, живущей в согласии с трудом, семьей, природой и моральными нормами общества. В центре этого идеала находиться человек, который не только соблюдает традиции, но и несет ответственность за их сохранение и продолжении» [5, с. 19]. Поскольку Чувашия – родина основоположника этнопедагогики академика Г.Н. Волкова и, значит, в известном смысле, родина самой этопедагогики, это дает нам особенные возможности в традиционном использовании наших этнопедагогических норм и ценностей в процессе формирования личности каждого студента.

В основу новых стратегий положен принцип «обучение служением». Он означает инновационный подход, ориентирующий учебно-воспитательный процесс на формирование у студентов способности и желания решать общественно значимые проблемы, прежде всего средствами своей будущей профессии. Как отмечают авторитетные исследователи, «академическая подготовка студентов в рамках обучения служением, оказывается тесно сопряженной с воспитанием в них гражданской ответственности и солидарности. Понимание общественной миссии профессионализма, таким образом, становится важнейшей чертой специалиста» [4, с. 12].

Профессор О.А. Милькевич обращает наше внимание на еще один важный аспект проблемы – инновационные возможности новых форм приобщения молодежи к сокровищнице великого культурно-исторического наследия народов России. Она подчеркивает, что инновационный потенционал разнообразных форм приобщения молодежи, в т. ч. студенческой, к познанию и осознанию отечественного культурно-исторического наследия правильнее всего характеризовать с позиций самостоятельно организуемой деятельности обучающихся, а это, в свою очередь, согласуется с современной парадигмой личностно ориентированного подхода в педагогике. При этом активизируется роль в реализации молодежной политике не только государственных структур, высших и средних учебных заведений, но и общественных объединений, таких, как молодежные общественные движения, общество «Знание» и другие заинтересованные субъекты образовательного процесса [3, с. 7–8].

Все эти соображения нашли отображение в новейшей практике учебно-воспитательной работы Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Университет активно включился в мегапроект Минобразования России «Стартап», сущность которого – в подготовке студентами реальных производственных и иных проектов, представленных к защите в качестве дипломных работ. Эта программа вошла, в контекст собственного университетского мегапроекта «Курс на технологическое лидерство». Как сообщил в интервью газете «Ульяновец» ректор университета А.Ю. Александров, в этом деле наши студенты и их наставники – преподаватели ЧГУ демонстрируют достойные результаты работы. Так, студент факультета прикладной математики, физики и информационных технологий Сергей Баласанян с темой «Разработка сенсоров переменной емкости» занял второе место на престижном международном конкурсе инновационных молодежных проектов и стартапов «Потенциал будущего». Выпускник факультета энергетики и электротехники Дмитрий Аркадьев занял третье место в финале Всероссийского конкурса выпускных квалификационных работ магистров по соответствующей специальности. Четыре представителя нашего вуза победили

во всероссийском конкурсе «Студенческий стартап» и выиграли государственный грант в размере 1 млн. р. Второе место в общекомандном зачете – итог участия команды факультета и вычислительной техники в форуме «Архипелаг – 2024», ставшем главным событием года по запуску новых рынков, инициатив и отраслей [1].

2026 год принес новые успехи. В рамках конкурса «Студенческий стартап» 19 студентов ЧГУ снова выиграли для развития своих проектов государственные гранты в размере 1 млн. р. каждый. Студент факультета информатики и вычислительной техники Андрей Фисунов разработал совершенно новую конструкцию фрезерного станка с числовым программным управлением для задач прототипированного и малого производства. Студент факультета информатики и вычислительной техники Вячеслав Александров успешно разработал проект «Создание высокобелковых кормов для аквакультуры методом термопластической экструзии». Была поставлена и успешно решена амбициозная задача – создать качественный и доступный корм для рыб, который по качеству не будет уступать импортному, но станет значительно дешевле. В. Александров пояснил: «Польза проекта – наши рыбоводческие хозяйства получают продукт, который не нужно везти из-за границы. Это дешевле, а значит, и конечная рыба станет на прилавках доступнее для покупателей [3]. Таким образом, наш студент – изобретатель внес вклад в решение политической проблемы импортозамещения.

В университете с 2024 г. действует волонтерский центр, объединяющий около 600 студентов – активистов. Центр вдохновляет юношей и девушек на участие в благотворительных, просветительских проектах и общественной работе. Основные направления деятельности студентов – волонтеров – событийное (организация значимых общественных мероприятий), социальное (поддержка ветеранов СВО и их семей, пожилых людей, инвалидов и т. д.) экологическое (охрана природы, экопросветительская деятельность), профориентационное, «Волонтеры Победы» (патриотическое воспитание молодежи, поисковая работа в составе отрядов следопытов «Георгиевская лента», «Бессмертный полк», «Свеча памяти», организация встреч студентов с ветеранами войны в Афганистане и др. боевых действий, участие в гуманитарной помощи воинам СВО, причем в нее включены маскировочные сети и окопные свечи, изготовленные самими студентами), популяризация ЗОЖ и спорта.

Активистка волонтерского общественного движения студентка химико-фармацевтического факультета, лауреат стипендий Правительства РФ и Попечительского света ЧГУ, призер международного конкурса мультимедийных Е. Теренина считает, что с выбором профессии и места обучения ей повезло: «Мне хотелось стать фармацевтом, чтобы помогать людям, создавая лекарства, изучать и синтезировать биологически активные вещества для фармации. И здорово, что для осуществления моей мечты никуда не надо было уезжать. В Чувашском госуниверситете есть все условия для получения этой благородной профессии, а также для развития своих способностей».

Важное место в гражданском становлении и дополнительной профессиональной подготовке студентов занимает особая разновидность волонтерства – трудовые отряды, история которых восходит еще к шестидесятым годам прошлого века, к комсомолу. Ежегодно в студенческих трудовых отрядах разного профессия – строительного, сельскохозяйственного, педагогического, сервисного, медицинского и т. д. – участвуют тысячи студентов нашего университета, находящих применение творческому энтузиазму по всей России. Их впечатления о «третьем трудовом семестре» поистине незабываемы.

Так волонтерская и социальная практика становиться незаменимым фактором гражданского становления, социальной адаптации и подготовки к будущей профессиональной и общественной деятельности наших студентов. Возможности этого фактора надо всемерно использовать.

Список литературы

1. Александров, А. Ю. Взят курс на трансформацию университета / А. Ю. Александров // Ульяновец. – 2025.

2. Герасимова, О. Фрезерный станок с ЧПУ для малого производства и корм для рыб / О. Герасимова // Ульяновец. – 2026.

3. Милькевич, О. А. Инновационный потенциал форм приобщения подрастающего поколения к культурно-историческому наследию / О. А. Милькевич // Педагогика. – 2026. – № 3. – С. 5–13.

4. Никольский, В. С. Просоциальные установки и поведение студенческой молодежи: эффекты обучения служением / В. С. Никольский, Н. А. Абрамова, Н. В. Шаброва // Высшее образование в России. – 2025. – № 3. – С. 9–30.

5. Палатина, Г. В. Идеал совершенного человека как цель народной педагогики / Г. В. Палатина // Педагогика. – 2026. – Т. 90, № 5. – С. 14–23.

Ратникова Альбина Радимировна
канд. ист. наук, преподаватель
ГАПОУ «Туймазинский индустриальный колледж»
г. Туймазы, Республика Башкортостан

РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ НА УРОКЕ ИСТОРИИ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ РОССИИ» В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *на примере одного занятия по курсу «История России» показаны способы реализации историко-культурного и национально-регионального компонентов. Специально выбрано занятие, где события в масштабах страны тесно переплетаются с региональной историей, а именно период правления Екатерины II и восстание Е. Пугачева. Представлен круг проблем, которые преподаватель подробно рассматривает со студентами, приведён и кратко охарактеризован перечень методических приемов, используемых во время урока.*

Ключевые слова: *история России, среднее профессиональное образование, историко-культурный компонент, национально-региональный компонент, просвещенный абсолютизм, Екатерина II, Емельян Пугачев, Салават Юлаев.*

В системе среднего специального образования сравнительно недавно появилась такая дисциплина как «История России». Введение этого предмета продиктовала суровая реальность наших дней, которая показала, что подрастающее поколение крайне слабо знает историю своей страны. В результате коренного изменения идеологии и жизни страны в целом наше общество получило уже несколько поколений, у которых не сформировано понятие патриотизма. За счет дополнительного предмета, в рамках которого студенты изучают историю своей страны, система образования предпринимает попытку возрождения всеобщего патриотизма, подобного тому, что присутствовал в людях в СССР.

Как преподаватель с многолетним стажем, хочу отметить, что за небольшой период введения дисциплины «История России» появились положительные результаты. Этому способствует рабочая программа дисциплины. В ней прописаны ключевые события нашей многовековой истории, начиная от Александра Невского, имя которого знают даже дети, но подробности его биографии и его вклад в историю России большинство наших граждан не помнят, хотя в школе все это изучали. Это связано с тем, что период феодальной раздробленности, согласно школьной программе, изучают в 5 классе и к более зрелому возрасту мало кто помнит содержание курса истории за первый год изучения. Курс дисциплины заканчивается современными темами, чему необходимо уделить особое внимание, учитывая современную политическую обстановку.

В одной работе не представляется возможным поделиться опытом преподавания по каждой теме, поэтому более подробно остановлюсь только на одной. В рамках Темы 6. «Отторженная возврати их» указано следующее содержание материала: Просвещённый абсолютизм в России. Положение Российской империи в мировом порядке: русско-турецкие войны

(присоединение Крыма), разделы Речи Посполитой. Расцвет культуры Российской империи и её значение в мире. Строительство городов в Северном Причерноморье.

На занятии мы с ребятами анализируем и обсуждаем все представленные аспекты темы, но наибольший интерес для них представляет первый пункт «Просвещённый абсолютизм в России». Это объясняется переплетением истории страны и региона, культуры и политики, таким образом, на практике реализуется историко-культурный и национально-региональный компоненты преподавания в системе СПО.

В рамках этой подтемы мы подробно разбираем понятие просвещённого абсолютизма. Важно довести до студентов, что просвещённый абсолютизм – это форма правления монарха с использованием идей эпохи Просвещения. В контексте этой темы мы анализируем просвещённый абсолютизм на примере правления Екатерины II. Знакомимся с документами, которые показывают переписку императрицы с представителями Просвещения Европы, а именно, Дидро и Вольтером. Выясняем намерение Екатерины II «всякого согражданина… видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния» [1, с. 349].

Ее устремления выразились в создании Уложенной комиссии, которая работала с 1767 по 1769 год [1, с. 349]. Важно, что в этом учреждении работали депутаты, выбранные дворянами, горожанами и государственными крестьянами, т.е. была попытка создания представительного органа, где выражались бы желания и чаяния многих сословий населения. В этом плане данное учреждение можно считать революционным, если учесть место и время его работы. Для депутатов комиссии императрица написала «Наказ» [4], который свидетельствовал о желании правительницы, не порывая с самодержавием, обеспечить силой государства проведение реформ. К сожалению, комиссии не удалось решить поставленных задач, и постепенно она прекратила свою работу. Однако идеи просвещения крепко засели в умах передовых подданных Екатерины II, в практическом плане это выразилось в разрешении властей основывать частные типографии и журналы.

Одной из причин остановки реализации реформаторских идей стало восстание Емельяна Пугачева 1773–1775 годов [3, с. 443]. По различным сведениям, Екатерина II, комментируя «крестьянский бунт», отметила невозможность европейских преобразований в стране, якобы не достигшей уровня развития Европы. Очень раздосадована и опечалена была императрица, когда она увидела жизнь России изнутри, со стороны провинции и обычных жителей, а именно крестьян и горожан.

Кратко освещая восстание Е. Пугачева [2, с. 50], мы вспоминаем с ребятами национального героя Салавата Юлаева и его роль в этом восстании. Салават Юлаев (1752–1800) – национальный герой Башкортостана, поэт-импровизатор, командующий башкирским войском. В отличие от многих других сподвижников, Салават не верил в «чудесное спасение» царя, а боролся за конкретные интересы башкирского народа: возврат земель и традиционного уклада. Как полководец, участвовал в 28 сражениях, ни разу не допустил полного разгрома своего войска, всегда сохраняя костяк отряда и быстро восстанавливая силы [3, с. 444]. Тот факт, что после поимки Емельяна Пугачева, Салават Юлаев не сложил оружие и продолжал сопротивление на территории Башкирии ещё несколько месяцев, показывает силу духа этого человека и объясняет, почему люди шли за ним.

Находит место на занятии и культурный компонент при упоминании стихотворений Салавата, в которых он воспевал темы Родины, свободы и воинского долга. Для студентов СПО это отличный пример того, что исторические деятели были многогранными личностями.

Реакция властей на восстание отразилась в виде реформы местного самоуправления (Губернская реформа 1775 года) – создание системы, которая позволит контролировать окраины и не допускать новых бунтов. Городам и дворянству были дарованы жалованные грамоты (1785 год), это окончательно закрепило сословный строй в России. Дворянство становится единственной опорой трона [1, с. 353].

В работе над темой используются следующие методические приемы с учетом уровня подготовки студентов по выбору преподавателя.

Работа с документом. Студентам раздаются фрагмент «Манифеста Пугачева» [5] и отрывок из допроса Салавата Юлаева. Задание: найти общие требования и различия в целях двух лидеров.

Историческая карта. Попросить студентов нанести на контурную карту Урала маршруты движения отрядов Пугачева и Салавата Юлаева, отметить заводы, которые они контролировали.

Дискуссионный формат «Мировое кафе».

Стол 1: «Идеологи» – обсуждают, совместимы ли идеи Просвещения с крепостным правом.

Стол 2: «Военные» – анализируют тактику регулярных войск А.В. Суворова и партизанской войны Салавата Юлаева.

Стол 3: «Социологи» – составляют портрет участника восстания (крестьянин, башкир, работный человек).

Связь с профессией. Студенты нашего колледжа обучаются по техническим специальностям (сварщики, электрики и пр.). В связи с этим можно обсудить технологический уровень уральских заводов XVIII века и условия труда на них, сравнив с современными нормами охраны труда.

В качестве самостоятельной работы студентам можно предложить написать эссе на тему: «Салават Юлаев: борец за свободу или государственный преступник? Оценка с позиции XVIII и XXI веков».

В данной работе было представлен краткий анонс одного из занятий по курсу «История России» в системе СПО. На примере этого занятия нами был показан пример реализации в пределах одной темы историко-культурного и национально-регионального компонентов. Хочется отметить эффективность занятия в том плане, что к местной истории у ребят всегда повышенный интерес, т.к. события регионального масштаба воспринимаются ими как более близкие им и их окружению. Через раскрытие многогранной личности Салавата Юлаева также реализуется историко-культурный компонент. В целом, важно подчеркнуть своевременность введения дисциплины «История России» в среднем профессиональном образовании для воспитания не просто хорошего будущего профессионала, а для формирования всесторонне развитой личности, понимающей место и роль России в мире.

Список литературы

1. Артемов, В. В. История (для всех специальностей СПО) : учебник для студентов, обучающихся по профессиям и специальностям сред. проф. образования / В. В. Артемов, Ю. Н. Лубченков. – 11-е изд., испр. – Москва : Академия, 2024. – 256 с.

2. Буганов, В. И. Пугачев / В. И. Буганов. – Москва : Молодая гвардия, 1987.

3. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа : Китап, 1996. – 520 с.

4. Екатерина II Алексеевна (Императрица ; 1762–1796). Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Екатерина II. – М., 1767. – 156 с.

5. Овчинников, Р. В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева : источниковедческое исследование / Р. В. Овчинников ; Академия наук СССР, Институт истории СССР. – Москва : Наука, 1980. – 280 с.

Рытова Александра Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
г. Иваново, Ивановская область

DOI 10.31483/r-171415

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЁЖИ В 1960-е гг.: МЕХАНИЗМЫ, ФОРМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *в статье рассматриваются механизмы политической социализации детей и молодёжи в Ивановской области в 1960-е гг. на материалах деятельности пионерской организации и ВЛКСМ. На основе документов Ивановского обкома ВЛКСМ, отчётности, материалов областных конференций и дневника пионерской дружины анализируются идеологическое, патриотическое, интернациональное и трудовое воспитание. Особое внимание уделяется повседневным практикам и противоречию между широким организационным охватом молодёжи и качеством воспитательной работы. Показано, что социализация осуществлялась не только через политическую учёбу, но и посредством коллективного труда, общественных поручений, клубной деятельности, ритуалов и комсомольского наставничества. Региональный материал позволяет выявить как возможности системы «пионерия – комсомол», так и присущие ей формализм и кампанийность.*

Ключевые слова: *политическая социализация, советская молодёжь, пионерская организация, ВЛКСМ, Ивановская область, идеологическое воспитание, патриотическое воспитание, трудовое воспитание.*

Политическая социализация представляет собой процесс усвоения человеком политических ценностей, представлений, норм поведения и моделей участия в общественной жизни. В советском обществе она имела институционально организованный характер: государственные и общественные структуры стремились включить подрастающее поколение в систему официальных идеологических ориентиров с детского возраста. Важнейшими институтами этого процесса выступали Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина и Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.

Пионерия и комсомол обеспечивали последовательное включение детей и молодёжи в общественно-политическую жизнь. При этом усвоение идеологических установок происходило не только на собраниях и политических занятиях. Существенную роль играли школьные ритуалы, коллективные обязательства, общественно полезный труд, военно-патриотические и интернациональные мероприятия, экскурсии и молодёжные клубы. Поэтому политическую социализацию целесообразно рассматривать как комплексный процесс, соединявший идеологическое воздействие с повседневной организацией учёбы, труда и досуга.

Цель статьи – выявить основные механизмы и формы политической социализации советской молодёжи в Ивановской области в 1960-е гг. и определить противоречия между декларируемыми задачами и практикой их реализации. Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно 1964–1969 гг. Источниковую основу составили материалы Ивановского обкома ВЛКСМ, документы областных конференций, отчёты о численности и приёме в комсомол, материалы о работе пионерских организаций и дневник пионерской дружины Макатовской восьмилетней школы за 1964–1965 гг. [1–4]. Сопоставление документов управленческого и повседневного характера позволяет рассмотреть нормативные установки, организационные показатели и практики на местах. Использованы историко-системный и сравнительно-исторический подходы, методы анализа документов и элементы количественного анализа.

Пионерская организация: нормативные установки и повседневные практики.

В советской модели воспитания пионерская организация и комсомол образовывали взаимосвязанные ступени социализации. Пионерия должна была формировать первоначальные представления о Родине, коллективизме, общественном долге и революционных традициях; комсомол предполагал более высокий уровень общественной активности и осознанного отношения к задачам коммунистического строительства. В одном из материалов Ивановского обкома пионерская организация определялась как «детская самодеятельность коммунистической организации», призванная воспитывать «юных ленинцев, патриотов и будущих защитников своей родины» [1, л. 10]. Следовательно, детская инициатива поощрялась, но оставалась внутри заданной политико-воспитательной системы.

Важным проводником этих установок был школьный вожатый. В докладе секретаря обкома Демидова подчёркивалось, что вожатый является политическим руководителем пионерской организации; одновременно предлагалось усилить политическое направление детского радиовещания [1, л. 15, 29]. Это свидетельствует о стремлении распространить воспитательное воздействие за пределы специальных занятий – на информационную среду ребёнка и повседневную жизнь школьного коллектива.

Дневник пионерской дружины Макатовской восьмилетней школы за 1964–1965 гг. показывает, как общие установки реализовывались на местном уровне. В дружине действовали клуб КВН, клуб юных друзей искусств, клуб красных следопытов, клуб интернациональной дружбы, клуб науки и техники и штаб заботы о школе [2, л. 3]. Такое разнообразие форм позволяет говорить о включении политического воспитания в широкий круг культурных, познавательных и общественных занятий. Оно не ограничивалось прямым изложением идеологических положений, а осуществлялось через коллективную деятельность и организацию досуга.

Содержание социализации раскрывалось и в коллективных обязательствах пионеров: хорошо учиться, помогать отстающим товарищам, беречь школьное имущество, соблюдать дисциплину, участвовать в общественном труде и благоустраивать территорию школы. Старшеклассников ориентировали на подготовку к вступлению в комсомол [2, л. 6]. Тем самым повседневные нормы поведения – дисциплина, взаимопомощь и ответственность за общее дело – связывались с представлением об общественном долге. Культурно-просветительская работа также включалась в эту систему: к 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова литературный кружок подготовил газету, а участники литературно-драматического кружка знакомили школьников с биографией и произведениями поэта [2, л. 7].

Значимым механизмом воспитания выступал общественно полезный труд. В отчёте о работе школьных комсомольских организаций Лухского района за 1968–1969 гг. упоминались сбор металлолома и макулатуры, озеленение, помощь колхозам и совхозам, оборудование спортивных площадок [1, Ф. 342. Оп. 15. Д. 35]. Эти занятия приносили практическую пользу, одновременно формируя коллективизм и ответственность. Таким образом, требуемые качества должны были проявляться не только в словесном выражении лояльности, но и в выполнении конкретных поручений.

Масштаб пионерского движения в регионе был значительным: на 1 января 1967 г. в Ивановской области насчитывалось 578 пионерских дружин в школах, школах-интернатах и детских домах, объединявших 112 108 пионеров [1, отчётные материалы, 1966 г.]. Однако эти цифры характеризуют прежде всего институциональный охват, но не позволяют непосредственно судить о глубине усвоения политических установок каждым участником.

Основные направления комсомольского воспитания.

В комсомольской среде политическая социализация приобретала более выраженное общественно-политическое содержание. На областном комсомольском активе в 1966 г. подчёркивалась необходимость развивать общественную активность молодёжи и воспитывать патриота, преданного Родине и коммунистической партии [1, материалы заседания областного комсомольского актива 12 января 1966 г.]. Комсомолец рассматривался не только как носитель официальных убеждений, но и как организатор и участник общественно значимых дел.

Одним из направлений было военно-патриотическое воспитание. На XIX Ивановской областной комсомольской конференции 1968 г. привитие любви и уважения к Вооружённым силам СССР называлось одним из трёх основных направлений работы [3, Ф. 342. Оп. 14. Д. 1. Л. 18]. Вместе с тем в материалах областного актива отмечалось, что некоторые организации недооценивали формирование уважения к армии и военно-технических знаний [1, материалы областного комсомольского актива 1966 г.]. Это расхождение показывает, что провозглашённый приоритет не всегда становился устойчивой практикой.

Интернациональное воспитание осуществлялось через международные обмены и акции. В 1968 г. Ивановский обком ВЛКСМ участвовал в распределении мест для поездок молодёжи в социалистические и некоторые капиталистические страны, направлении участников в поезд дружбы в ГДР и организации советско-польского молодёжного лагеря на туристической базе «Чайка» у Рубского озера [1, Ф. 342. Оп. 14. Д. 38]. В школьной среде аналогичные установки воплощались, в частности, в акции «Пионеры СССР – Вьетнаму», в которой участвовала ивановская школа №29 [1, там же]. Такие мероприятия формировали представление о международной солидарности и переводили внешнеполитические ориентиры государства в доступные молодёжи формы участия.

Особое значение в Ивановской области имело трудовое воспитание, что было связано с промышленным характером региона. На областной конференции подчёркивалось, что «производство воспитывает комсомольцев» [3, Ф. 342. Оп. 14. Д. 1. Л. 18]. Комсомольские организации взаимодействовали с предприятиями, участвовали в трудоустройстве выпускников и профессиональном обучении подростков. В документах об Ивановском меланжевом комбинате описаны индивидуальное и бригадное обучение, подготовка молодых рабочих, беседы со старшеклассниками о производстве и экскурсии на предприятие [1, Ф. 342. Оп. 11. Д. 41]. Таким образом, переход от школы к труду становился самостоятельным пространством социализации.

Трудовое направление имело двойственный характер. Оно обеспечивало приобретение профессиональных навыков и включение молодёжи в производственную жизнь, но одновременно служило средством формирования дисциплины и коллективной ответственности. При этом отчётность фиксировала недостатки в воспитании бережного отношения к предприятию и трудовой дисциплины [1, материалы областного комсомольского актива]. Само по себе включение молодого человека в производство, следовательно, не гарантировало достижения воспитательных целей.

Организационный охват и противоречия системы.

Сопоставление количественных показателей и оценок качества работы позволяет выявить одно из главных противоречий региональной модели. Численность Ивановской областной организации ВЛКСМ составляла 145 293 человека на 1 января 1967 г., 147 897 человек в 1968 г. и 156 212 человек в 1969 г [1, отчётные материалы Ивановского обкома ВЛКСМ]. Рост численности свидетельствует о широком охвате молодёжи, однако сам по себе не доказывает усиления политической убеждённости или реальной общественной активности.

Квартальная статистика приёма в ВЛКСМ за 1968 г. показывает ведущую роль учащихся среди новых членов. В первом квартале из 5 688 принятых учащимися были 4 756 человек, во втором – 6 823 из 7 545, в третьем – 2 267 из 3 011, в четвёртом – 8 368 из 9 727 [1, Ф. 342. Оп. 14. Д. 34. Л. 1, 3, 19, 22]. Следовательно, школа оставалась одним из основных каналов пополнения комсомольской организации, а подготовка к вступлению в ВЛКСМ была важной частью социализации старшеклассников.

Вместе с тем отчёты фиксировали случаи, когда принятые в комсомол ещё не получали членские билеты; по отдельным кварталам речь шла о сотнях и более чем тысяче человек [1, Ф. 342. Оп. 14. Д. 34]. Это указывает на разрыв между формальным решением о приёме и организационным завершением процедуры. Членство могло приобретать характер учётного показателя и не всегда означало полноценное включение молодого человека в деятельность организации.

Критика формализма звучала и на уровне областного руководства. В материалах комсомольских конференций отмечались поверхностность политического образования и недостаточное внимание к содержанию и результатам воспитательной работы [1, материалы XVII областной конференции]. Руководители призывали отказаться от кампаний, приуроченных только к памятным датам, и добиваться последовательного воспитательного процесса. Примечательно, что призывы усилить политическую учёбу, военно-патриотическую и трудовую работу сопровождались признанием недостатков именно в этих направлениях.

Ориентация отчётности на измеримые показатели – число принятых в организацию, проведённых мероприятий, собранного вторсырья и выполненных поручений – облегчала административный контроль, но не отражала мотивацию участников и степень усвоения ими политических установок. Поэтому успешность могла оцениваться по росту численности и выполнению планов, тогда как качество повседневной работы оставалось менее заметным. Вместе с тем сводить деятельность пионерии и комсомола исключительно к формализму было бы неверно: школьные клубы, общественный труд, культурные мероприятия и международные акции создавали реальные пространства общения и коллективной деятельности. Одни и те же практики могли одновременно выполнять идеологическую и социально-развивающую функции.

Материалы Ивановской области позволяют рассматривать политическую социализацию советской молодёжи в 1960-е гг. как многоуровневый процесс, осуществлявшийся через взаимосвязанную систему пионерии и комсомола. Его содержание не ограничивалось усвоением политических лозунгов: оно включало коллективный труд, культурную и клубную деятельность, общественные поручения, военно-патриотические и интернациональные мероприятия, а также постепенное включение подростков в комсомольскую организацию.

Пионерская организация обеспечивала первоначальное освоение коллективистских норм и форм общественной активности. Дневник Макатовской школы показывает, что клубная работа, памятные даты, взаимопомощь и общественные обязательства были частью повседневной воспитательной практики. Комсомол продолжал этот процесс, связывая идеологическое воспитание с производственной деятельностью, патриотической подготовкой и общественной работой. Региональная специфика Ивановской области проявлялась прежде всего в значении трудового воспитания и взаимодействии молодёжных организаций с промышленными предприятиями; заметное место занимали также военно-патриотическое и интернациональное направления.

В то же время источники выявляют противоречие между широким организационным охватом и неодинаковым качеством воспитательной работы. Рост численности, массовость мероприятий и выполнение планов не всегда сопровождались содержательной политической учёбой и реальным включением участников в организационную жизнь. Формализм и кампанийность ограничивали эффективность системы, но не отменяли её практического значения как пространства коллективного опыта. Таким образом, региональную модель политической социализации можно охарактеризовать как сочетание широкого институционального охвата с неодинаковой глубиной воздействия. Для её оценки необходимо различать нормативные цели, административную отчётность и повседневный опыт детей и молодёжи.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 342. – Материалы Ивановского обкома ВЛКСМ : оп. 10, д. 1, 7, 8, 17 ; оп. 11, д. 16, 26, 28, 35, 41 ; оп. 12, д. 23 ; оп. 14, д. 1, 34, 38 ; оп. 15, д. 5, 35.

2. ГАИО. – Ф. 342. – Оп. 12. – Д. 23. Дневник пионерской дружины Макатовской восьмилетней школы за 1964–1965 гг.

3. ГАИО. – Ф. 342. – Оп. 14. – Д. 1. Материалы XIX Ивановской областной комсомольской конференции, 1968 г.

4. ГАИО. – Ф. 342. – Оп. 14. – Д. 34. Отчётные сведения о численности и приёме в ВЛКСМ за 1968 г.

Сапенок Ольга Владимировна
канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет им. С.М. Кирова»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-171327

МЕСТО И РОЛЬ ИСТОРИИ НАУКИ В АСПИРАНТСКОМ КУРСЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

Аннотация: *в статье представлен анализ теоретических и методологических оснований преподавания аспирантского курса истории науки. Автор показывает, что концептуальный и методологический аппарат истории науки сформировался в пространстве социокультурной концепции науки. В рамках последней выявляются и анализируются научные традиции как историческая память науки, их функции в научном познании. На основе проведенного анализа в статье предложен проект создания синтетической программы реконструкции истории науки. Данная программа, сформированная в пространстве социокультурной концепции науки, должна стать базисом курса аспирантской подготовки по истории и философии науки.*

Ключевые слова: *история науки, философия науки, постпозитивизм, социокультурная концепция науки, традиции, научная картина мира, социальность науки, субъект научного познания, синтетическая программа реконструкции истории науки.*

Аспиранты как будущие профессионалы высокого уровня, будучи ориентированными не только на исполнительски-репродуктивную деятельность, но и, прежде всего, на творческую научно-исследовательскую и профессиональную деятельность, в наши дни не могут оставаться исключительно в рамках своей узкой специализации. Современному ученому необходимо знать не только историю собственной научной дисциплины, но и историю науки в целом; не только знать, что было до него, но и почему это было именно так, а не иначе, то есть философию науки. В настоящее время ядром философии науки выступает история науки, позволяющая выявить закономерности динамики науки и научного творчества. Из этого следует, что подготовка современного ученого неразрывно связана с изучением и философии, и истории науки.

История науки как историческая память мирового научного сообщества наряду с философией науки занимает в курсе подготовки аспирантов весьма значительное место. Трактуемая как эволюция типов рациональности, стилей мышления, как закономерная смена одной научной картины мира другой научной картиной мира, она выступает в качестве основания понимания и объяснения в науке и позволяет эксплицировать структуру и закономерности развития науки, выявить механизмы творчества в науке, реконструировать историю научных открытий. Это означает, что история науки и философия науки неразрывно связаны, и преподавать одну невозможно без другой. Весьма актуальны в этом плане слова И. Лакатоса, перефразировавшего афоризм И. Канта: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [3, с. 204–205].

Теоретическими основаниями практики преподавания истории науки выступают как зарубежные, так и отечественные исследования в области философии и истории науки. Как известно, становление философии науки как целостной дисциплины относится к первой половине XIX века и связано с именами представителей классического позитивизма – О. Конта, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера. Следует обратить внимание, что не только позитивизм, но и марксистская философия оказали определяющее влияние на развитие философии и истории науки. Так, например, можно вспомнить доклад Бориса Михайловича Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» на II Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (1931) [1]. Сообщение советского ученого, работавшего в рамках

материалистического понимания истории, оказало непосредственное влияние на становление экстернализма как одного из значимых направлений истории и философии науки XX века.

Развитие истории и философии науки в XX веке в наши дни связано с философией постпозитивизма. Становление в 60–70 годах прошлого века в зарубежной истории и философии науки (концепции Т. Куна и других постпозитивистов) нового понимания социальности научного знания, охватывающей содержательную сторону науки, привело к изменению представлений о роли субъекта (либо отдельного ученого, либо научного сообщества) в научном познании [2]. Это позволило выявить в научном знании, рассматриваемом как личностно-нагруженное, устойчивые структуры, выполняющие функцию предпосылок научного исследования, направляющие и контролирующие его и выступающие основой понимания и объяснения в науке. Тем самым была создана социокультурная концепция развития науки, сформировавшая методологическую основу органического соединения философии науки и конкретного материала исследований по истории науки, что имело большую эвристическую ценность для историко-научных реконструкций.

Постпозитивисткие историки и философы науки обратили внимание на роль традиций как исторической памяти в науке (Т. Кун, И. Лакатос и др.) [2; 3; 5]. В их трактовке традиции в науке выступали как механизм сохранения и трансляции научного знания и норм научной деятельности, прежде всего как поле науки, в рамках которого развивается деятельность и научного сообщества в целом, и отдельных его представителей. Под влиянием традиций, сложившихся в науке конкретной эпохи, ученые понимают и объясняют реальность, и воспроизводят одни и те же действия, сложившиеся в исследовательской деятельности.

В рамках социокультурной концепции науки, то есть понимания науки как одной из форм культуры (трактуемой как «негенетическая память человечества») традиции как историческая память науки фиксируют и транслируют знания, идеалы и ценности, сохраненные в памяти культуры. Заметим, что они как регулятивы научного исследования не сводятся лишь к вербализированным (явным), фиксирующим способы познавательных действий требованиям к научному знанию, представленным в научной и учебной литературе. В науке весьма значимы и невербализованные (неявные) традиции: с их помощью в научном сообществе при обучении, совместных исследованиях или в рамках межличностного общения происходит передача от старшего поколения ученых к младшему поколению не только знаний, но и исследовательских навыков.

Понимание науки как неотъемлемой составляющей общекультурного процесса, взаимодействующей с различными формами культуры – искусством, религией, моралью и т. п. характерно и для исследований отечественных философов и историков науки. В 70–80-х годах XX века в работах отечественных исследователей [4] также произошла переоценка традиционного образа науки как системы безличного, универсального, ценностно-нейтрального знания, где из процесса познания элиминировано все, что связано с субъектом познания, с его пристрастиями, идеалами и ценностями. Сложившийся новый образ науки в отличие от традиционного сформировался на основе представления о науке как о сложной социокультурной системе с присущим ей специфическим способом жизнедеятельности. Исследование детерминации данной системы мировоззренческими основаниями и системой ценностей конкретных культур, привело к анализу таких феноменов, как научная картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы науки. Таким образом, в рамках социокультурной концепции развития научного знания был разработан понятийный аппарат методологии историко-научных исследований. Содержательный анализ научной картины мира, стиля мышления, идеалов и норм науки и философских оснований науки, выполняющих функцию предпосылок научного познания, позволил реконструировать процесс влияния социокультурного контекста на развитие научных идей.

Тем не менее, следует признать, что указанный методологический аппарат историко-научных исследований разрабатывался исключительно на материале естественных наук, и за редким исключением отсутствовала постановка вопроса об условиях, возможностях и границах

его применения в социальных и гуманитарных науках. Поэтому в настоящее время философия науки в рамках постнеклассической науки переосмысляет соотношение естественных и социогуманитарных наук, выясняет возможности и границы применения современного понятийного аппарата философии и истории науки в реконструкции истории социальных и гуманитарных наук. Актуальность исследования указанных вопросов связана с тем, что история науки в свою очередь также является социогуманитарной дисциплиной и при разработке и использовании ее методологического аппарата следует ориентироваться именно на методологию социальных и гуманитарных наук.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что существует необходимость создания синтетической программы реконструкции истории науки, которая может стать стержнем курса аспирантской подготовки по истории и философии науки. В основе данной программы историко-научной реконструкции, во-первых, должна лежать концепция науки как системы познавательной деятельности, формы культуры и социального института, учитывающая данные исследований в области философии, методологии, социологии, психологии и, прежде всего истории науки. Во-вторых, данная программа должна оперировать основными понятиями философии науки (научная картина мира, стиль научного мышления, идеалы и нормы науки и т. п.) с учетом специфики их применения в социогуманитарном и естественнонаучном знании. В-третьих, эта программа должна учитывать специфику истории науки как социогуманитарной дисциплины и ориентироваться на методологию социальных и гуманитарных наук. В-четвертых, на основе понимания науки как неотъемлемой составляющей общекультурного процесса, в синтетических историко-научных реконструкциях необходимо учитывать связь науки и вненаучного знания (религии, обыденного, повседневного знания и художественного мышления).

Сделаем вывод из вышесказанного: основой аспирантской подготовки по истории и философии науки должна стать синтетическая программа реконструкции истории науки, сформированная в пространстве социокультурной концепции науки.

Список литературы

1. Гессен, Б. М. Социально-экономические корни механики Ньютона : доклад на II Международном конгрессе по истории науки и техники / Б. М. Гессен. – 2-е изд. – Москва ; Ленинград : Гос. техн.-теорет. изд-во, 1934. – 78 с.

2. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И.З. Налетова. – Москва : АСТ, 2009. – 310 с.

3. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 203–235.

4. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция : монография / В. С. Степин. – Минск : Белорусская наука, 2021. – 539 с.

5. Грязнов, Б. С. Структура и развитие науки: из Бостонских исследований по философии науки : сборник переводов Boston Studies in the Philosophy of Science / Б. С. Грязнов, В. Н. Садовский, А. Л. Никифоров. – Москва : Прогресс, 1978. – 486 с.

Ступина Дарья Сергеевна
студентка
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
г. Иваново, Ивановская область

ДЕТСКИЕ ДОМА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: *статья посвящена повседневной жизни детских домов Ивановской области в 1943–1944 гг. Проблематика определяется противоречием между государственной заботой о сиротах и реальными ресурсными возможностями тыла. На основе анализа отчётов трёх учреждений (Суздальского, Хозниковского и Пеньковского детдомов) и документов фондов облоно и облздрава реконструируются состав воспитанников, материальная база, питание, медицина, образование, труд и досуг. Показано, что детдома работали в тяжелых условиях войны: подсобное хозяйство стало ключевым источником продовольствия, медицинская помощь практически не оказывалась, досуг был выполнял роль психологической поддержки.*

Ключевые слова: *детские дома, Великая Отечественная война, Ивановская область, повседневность, дети-сироты, дети-инвалиды, подсобное хозяйство, кадровый дефицит, социальная реабилитация.*

В годы Великой Отечественной войны существенно увеличилось количество детей, оставшихся без родителей. Это поставило перед государством задачу опеки над детьми, которые остались сиротами. Ивановская область была одним из регионов страны, в котором число детских домов увеличивалось весь начальный период войны, по мере прибытия эвакуированных. В них воспитывалось почти 10 тысяч детей из блокадного Ленинграда, Калининской (Тверской) и Смоленской областей [1].

В статье мы рассмотрим жизнь детских домов в годы Великой Отечественной войны: их быт, досуг, учебную деятельность. Исследование будет построено на анализе трёх детских домов Ивановской области: Суздальского, Пеньковского и Хозниковского. Суздальский и Хозниковский детские дома были обычными, Пеньковский – специализированным учреждением для глубоко умственно отсталых детей, что позволяет сопоставить разные типы учреждений.

По отчёту Суздальского детского дома на 1 января 1944 года в нём находилось 56 детей: 40 круглых сирот, у 9 погиб один из родителей, только 7 имели обоих родителей, 23 были детьми военнослужащих РККА [2]. Эти данные показывают, что война разрушала семьи, и государство было вынуждено заменить детям семью, взяв на себя не только образование, но и воспитание, питание и медицинский уход. Однако детский дом не просто «заменял» семью – он должен был выполнять её функции в условиях, когда ресурсов не хватало даже на базовые нужды, и это противоречие между декларируемой заботой и реальными возможностями видно на протяжении всего периода.

Особую группу составляли дети-инвалиды: в Суздальском детдоме их было 19 – 6 без одной руки, 6 без одной ноги, 3 без двух ног, 1 слепой, 3 умственно отсталых, 1 эпилептик [2]. Им требовались не только учёба и воспитание, но и медицинская помощь, включая протезирование, поэтому детский дом выполнял не только образовательную, но и социально-реабилитационную роль.

Пеньковский детдом был специализированным учреждением для глубоко умственно отсталых детей: по отчёту за первое полугодие 1943/44 учебного года в нём числилось 100 детей, фактически – 77. Дети делились на три группы по возрасту и находились под наблюдением санитарок и медсестёр; Детей пытались обучить базовым навыкам самообслуживания. Школы при детдоме не было, такое решение было принято осознанно: дети с глубокими нарушениями интеллекта не могли осваивать стандартную программу. Для этой категории

воспитанников образование заменялось адаптацией к быту, что показывает, насколько разной была повседневность в зависимости от типа учреждения.

Материальная база оставалась слабой: здания были малоприспособлены и требовали ремонта. Суздальский детдом располагался в двух каменных зданиях, нуждавшихся в капитальном ремонте, и испытывал недостаток мебели. Топливо заготавливали работники и старшие воспитанники – тепло и порядок были в руках самих детей и сотрудников. Зданий не хватало, они были мало приспособлены из-за чего занятия в детском доме проводились в две смены [2].

Продовольственное обеспечение было недостаточным. Продуктов от организаций не хватало, поэтому детдома выживали за счёт подсобных хозяйств, где выращивали овощи и содержали скот. В Пеньковском детдоме подсобное хозяйство составляло 16 гектаров, с помощью колхоза собирали урожай, обеспечивали себя, хотя бы частично продуктами на год. В хозяйстве были корова, 4 лошади, 2 овцы и 20 свиней. Недостаток централизованного снабжения вынуждал развивать подсобные хозяйства – они становились основным источником продовольствия [2].

Хозниковский детдом получал продукты из Лежневского района (рис, крупы, масло, яйца, сыр), и питание было более разнообразным: жареный картофель на сливочном масле, мясные супы, каши, кофе, какао. Стоимость питания – 4 рубля 78 копеек. Вероятно, это объясняется доступом к централизованному снабжению, тогда как другие детдома зависели от собственных ресурсов.

Даже в относительно благополучных учреждениях питание оставалось проблемой. Приказ №67 от 27 декабря 1944 года фиксирует массовые заболевания септической ангиной, вызванные употреблением хлеба и лепёшек из перезимовавшего в поле зерна: дети собирали колоски и готовили из них еду [4]. Голод заставлял искать любые источники пищи, даже опасные для здоровья.

Медицинское обслуживание оставалось слабым: основной массив медработников был призван на фронт. В Суздальском детдоме с января 1942 года не было постоянной медсестры. Перед учебным годом дети проходили врачебную комиссию, определявшую группу инвалидности; нуждающиеся в протезах проходили особую комиссию. Гигиенические процедуры строго соблюдались: воспитанники мылись раз в декаду, бельё регулярно менялось и проглаживалось [2]. Это давало результат – «заболевание инфекционных не наблюдалось, были вторичные заболевания гриппа, но массовых заболеваний не наблюдалось». Однако мыла и медикаментов не хватало. Строгая регламентация гигиены компенсировала дефицит и позволяла избегать массовых инфекций.

В Пеньковском детдоме ситуация была тяжелее: план прививок против брюшного тифа и дифтерии не выполнялся, фиксировались чесотка, грипп, туберкулёз, конъюнктивит. За год умерло 16 человек. Причин несколько -отсутствие прививок, скудное питание, антисанитария и нехватка квалифицированной помощи. В Хозниковском детдоме врач работал по совместительству, поэтому прививки были проведены и болели в основном гриппом, врач также следил за качеством пищи. Государство пыталось организовать специализированную помощь, есть упоминания о направлении воспитанников Суздальского детдома в туберкулёзный санаторий, что свидетельствует о возможности лечения детей с тяжёлыми заболеваниями.

Образование шло с трудом из-за кадрового дефицита (учителей забирали на фронт) и нехватки учебников и пособий. В Суздальском детдоме 47 из 56 детей были охвачены учёбой. Занятия проходили в две смены (с 8 до 12 и с 12 до 16). Успеваемость была неровной: плохие отметки по русскому языку объяснялись слабой подготовкой эвакуированных детей и пропусками в учёбе. Однако более 50% отметок были хорошими и отличными. Применялась взаимопомощь: к слабым ученикам прикрепляли лучших воспитанников. Пропуски были только по болезни. Нехватка учебников оставалась острой: в отчёте указано, что «в свободное время от учёбы руководили воспитатели досугом», но материалов катастрофически не хватало. Образование финансировалось по остаточному принципу – учебники не были приоритетом [2].

Трудовая занятость была неотъемлемой частью повседневности. В Суздальском детдоме топливо заготавливали работники и старшие воспитанники; дети работали на подсобном хозяйстве (посадка, прополка, уборка урожая), занимались самообслуживанием (дежурство по столовой и кухне, уборка). В мастерских 14 девочек обучались швейному делу – шили брюки, платья, коврики. Подсобное хозяйство было средством выживания. Сажали картофель, капусту, свёклу, огурцы, морковь, лук, помидоры, был участок для сенокоса. Работали все, посильно, по состоянию здоровья. Труд помогал воспитанникам с тяжелыми заболеваниями развивать навыки самообслуживания, моторику, речь, внимание и память [2].

Трудовая занятость не ограничивалась стенами детдома, воспитанников отправляли на курсы, устраивали на производство.

Даже в тяжелейших условиях важной частью повседневной жизни оставался досуг: привозили кинофильмы, устраивали прогулки, организовывали праздники, новогодние ёлки, работали кружки, проводились беседы о ходе боевых действий. В Суздальском детдоме работали четыре кружка (драматический, хоровой, рукодельный, шахматно-шашечный), причём руководителями были сами воспитанники. Рукодельные работы представлялись на выставку в Наркомпрос. В январе устраивали ёлки, на празднике выступили хор воспитанников, декламировали стихи, танцевали и играли. В хорошую погоду, гуляли, катались на санках зимой. Вечером для старших и средних групп работали кружки художественной самодеятельности, много пели. В свободное время дети ходили в кино с обсуждением, выпускали стенгазету, читали книги из городской библиотеки (только старшим и ограниченно), катались на лыжах и коньках. В Пеньковском детдоме работали кружки гражданской обороны, хоровой, выпускалась стенгазета, но из настольных игр было лишь домино, которым дети не умели играть; мастерских и наглядных пособий не было. В Хозниковском детдоме план воспитательной работы включал санитарно-гигиенические навыки, физическое воспитание, культурно-бытовые навыки, ориентировку, развитие речи, социальные навыки, общественно-политическое воспитание и трудовые навыки. Сохранение досуга объясняется тем, что без элементов нормальной жизни дети не смогли бы психологически выжить и стать полноценными членами общества.

В заключение хочется сказать, что детские дома Ивановской области существовали в режиме выживания: государство взяло на себя опеку над сиротами, но ресурсов для полноценного ухода не хватало. Это определило повседневность воспитанников: слабую материальную базу, неравномерное питание и зависимость от подсобных хозяйств. Образование продолжалось, но отступало на второй план перед трудом, а голод толкал детей на опасные способы добычи еды. При этом детдом старался сохранить детство, потому что без этого дети не смогли бы психологически выжить. Таким образом, повседневность определялась способностью конкретных людей на местах находить выход, а сам детдом был пространством, где дети учились выживать и при этом оставаться детьми.

Список литературы

1. Тряхов, И. С. Деятельность детских домов во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны / И. С. Тряхов // История повседневности. – 2023. – № 4 (28). – С. 85–105.

2. ГАИО. Ф. Р-2137. Оп. 4. Д. 12. Отчёты и планы работы интернатов и домов инвалидов.

3. ГАИО. Ф. Р-1709. Оп. 9. Д. 233. Годовые отчёты о патронажах детей, работе детских домов.

4. ГАИО. Ф. Р-1708. Оп. 3. Д. 23. Приказы уполномоченного государственного комитета по проведению профилактических мероприятий.

Чернякова Наталия Степановна
д-р филос. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-171066

ПРОШЛОЕ КАК ОСНОВА НАСТОЯЩЕГО И ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается специфика исторического познания, связь изучения истории с реальной жизнедеятельностью учащихся и воспитанием гражданина. История как отрасль познания должна хранить память о жизнедеятельности предков и исследовать прошлое с максимально доступной точностью и тщательностью, не допуская превращения истории в политическую пропаганду. Станет ли изучение истории воспитанием гражданина, на помощь, поддержку, деловые и профессиональные качества которого Отечество может рассчитывать, как на неотъемлемый ресурс преодоления любых трудностей, во многом зависит от нравственной позиции учителей истории.*

Ключевые слова: *прошлое, история, историческое познание, исторические факты, интерпретация, нравственная позиция учителя.*

Исторические знания, будучи неотъемлемой частью познания как вида человеческой жизнедеятельности, становятся элементом индивидуального сознания субъекта культуры только тогда, когда вплетены в его реальную, здесь и сейчас разворачивающуюся жизнедеятельность.

Для того, чтобы человек заинтересовался изучением истории не как собрания занимательных рассказов, а как реальности, созданной жизнедеятельностью некогда живших людей, он должен задуматься о своём собственном происхождении; о том, кто такой человек как социокультурное существо; что представляет собой общество и культура; кто и каким образом создал всё то, что досталось ему в наследство; кем были и как жили его предки и о многом другом.

Если посещение памятных мест, рассказы о жизни старших поколений, участие в мероприятиях, посвящённых событиям прошлого были не только элементом школьной программы, но и неотъемлемой частью жизни семьи, в которой человек был воспитан, то следование сформировавшемуся с детства образу жизни будет поддерживаться желанием выразить уважение не только к общенациональным символам мужества, стойкости, героизма, преданности Отечеству, но и к семейным традициям и заветам близких людей [2].

Вместе с тем, попытки замещать рассмотрение актуальных вопросов современности историческими экскурсами могут создать ложное впечатление о возможности объяснить историческими аналогиями из прошлого особенности настоящего и о роли истории в системе знаний о социокультурной реальности.

Не исторические аналогии, а объективные законы общественного развития должны быть основой объяснения происходящих в обществе процессов. Каковы бы ни были идеи человека, они не могут изменить объективных законов развития природы и общества. Только понимание того, что такое общество, какова его структура, на основе чего складываются классы и различные социальные группы, как взаимосвязаны экономика и политика, почему возникают войны и т. д., создаёт фундамент для изучения истории [5].

История предков обретает «человеческое лицо» не потому, что ученики запоминают имена и даты, а потому, что они начинают осознавать, что сегодняшнее состояние общества порождено теми же законами общественного развития, которые действовали и сотни, и тысячи лет тому назад, и что опыт предков в решении жизненно важных проблем не утратил своего значения и требует внимательного изучения и уважительного отношения [3].

Убедительность ответа на вопрос: «Зачем нужно изучать прошлое, которое ушло навсегда и никогда не повторится?», – зависит не от степени красноречия, а от глубины понимания историком теоретико-методологических проблем самого исторического познания, специфика которого состоит в том, что добывание фактов истории сопоставимо по своей сложности с эмпирическими исследованиями астрономических объектов, находящихся на расстоянии миллионов световых лет от Земли.

Так же, как у астрофизиков, у историков нет непосредственного доступа ко множеству исторических событий. Более того, у историков в принципе нет доступа к идеальному, ценностно-смысловому содержанию человеческой жизнедеятельности, к тому, что характеризует мотивы человеческих поступков. А это значит, что в содержании того, что именуется «историческими фактами», присутствует неустранимый элемент интерпретации, создаваемой самим историком.

Стремление «очистить» эмпирические данные от субъективных наслоений и произвольных интерпретаций характеризует эмпирический уровень любого научного исследования. Однако в историческом познании, помимо субъективности как неустранимого присутствия субъекта познания, существует субъективизм позиции самого историка по отношению к исследуемому объекту. Так, история Великой Отечественной войны, написанная врагами России, будет кардинально отличаться от истории ВОВ, написанной патриотами России в силу того, что они воспринимают события с принципиально различных позиций, и нет таких «фактов», которые могли бы эти позиции примирить [1].

Сознательные попытки учителей выдавать идеологическую ангажированность за «нейтральность», а оправдание зла – за стремление ко всеобщему «примирению», приводят лишь к тому, что ученики начинают воспринимать историю как политическую пропаганду, осуществляемую по заказу тех, кому принадлежит власть. Государство рабочих и крестьян поощряло историю о борьбе трудящихся за освобождение от эксплуатации. Буржуазное государство оплачивает историю о том, как благородные цари, бояре и дворяне делали всё возможное, чтобы крепостные и пролетарии были счастливы, обеспечивая растущие потребности господ.

Абсолютно безнравственной и лживой следует признать либерально-буржуазную установку на изложение якобы «фактов и только фактов» без собственной интерпретации. Какова бы не была эта интерпретация, преподаватель истории обязан её высказать, оставляя ученикам право не только на собственное понимание данных фактов, но и на нравственную оценку позиции самого учителя [4; 6].

История как отрасль познания должна хранить память о жизнедеятельности предков и исследовать прошлое с максимально доступной точностью и тщательностью. Но станет ли изучение истории воспитанием гражданина, на помощь, поддержку, деловые и профессиональные качества которого Отечество может рассчитывать, как на неотъемлемый ресурс преодоления любых трудностей, во многом зависит от нравственной позиции учителей истории.

Список литературы

1. Чернякова, Н. С. Заблуждение, интерпретация или фальсификация? / Н. С. Чернякова // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Москва, 2–3 апреля 2025 г.). – Москва : УМЦ, 2025. – С. 359–362.

2. Чернякова, Н. С. Знание истории как элемент повседневной жизни: философско-методологические аспекты / Н. С. Чернякова // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 1 (104). – С. 391–393.

3. Чернякова, Н. С. Историческая память как элемент социокультурной идентичности / Н. С. Чернякова // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет – 25 лет развития : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 03–04 апреля 2024 г.). – Москва : УМЦ, 2024. – С. 692–694.

4. Чернякова, Н. С. Патриотизм как идеологическая основа суверенной системы образования / Н. С. Чернякова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Университет мировых цивилизаций, 22–24 ноября 2023 г.). – Москва : УМЦ, 2024. – С. 835–837.

5. Чернякова, Н. С. Фундаментальные научные знания как основа высшего образования / Н. С. Чернякова // Современные проблемы естествознания, естественно-научного и математического образования : сборник статей участников VI Всерос. науч.-практ. конф. (Арзамас, 25–26 марта 2026 г.). – Арзамас : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2026. – С. 504–508.

6. Чернякова, Н. С. Ценностно-ориентированная личность как основа суверенитета страны / Н. С. Чернякова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Материалы Пятой Междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 23–24 ноября 2022 г.) / отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 6, ч. 1. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 680–682.

Широков Олег Николаевич
д-р ист. наук, декан, профессор
Матвеева Наталия Сергеевна
аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО УЧИТЕЛЯ СССР П.Н. ЧЕРНОВА В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЧУВАШСКОЙ АССР В 1960–1980-е гг.

Аннотация: *в статье на биографическом материале первого и единственного в Чувашской АССР Народного учителя СССР П. Н. Чернова (1929–2025) рассматривается механизм формирования «образцового» педагога в системе советской образовательной политики 1960–1980-х гг. Реконструируются основные этапы его профессионального пути, анализируется содержание его педагогической «системы» и выявляется соотношение реального новаторства и идеологической репрезентации. На основе энциклопедических источников, публикаций в периодической печати и материалов личного фонда педагога показано, что феномен «Народного учителя» был двойственным: он сочетал высшую степень личного признания с функцией трансляции государственных приоритетов. Делается вывод о том, что устойчивость педагогического авторитета П. Н. Чернова обеспечивалась не столько соответствием идеологическим шаблонам, сколько системностью управленческой работы и ориентацией на реальные условия сельской школы.*

Ключевые слова: *Народный учитель СССР, Чувашская АССР, Яльчикская средняя школа, советская образовательная политика, педагогическая система, история сельской школы.*

В истории советской школы период 1960–1980-х гг. отмечен поиском «маяков» – педагогов и руководителей, чей опыт мог быть представлен как образцовый и подлежащий распространению. Институт Народного учителя СССР, учреждённый в 1977 г., стал высшей формой такого признания. В Чувашской АССР это звание в 1980 г. было присвоено единственному человеку – директору Яльчикской средней школы Петру Никифоровичу Чернову [4]. Его фигура представляет интерес не только как биография выдающегося практика, но и как исследовательский случай, позволяющий увидеть, как государственная политика «производила» образцового учителя и какие реальные педагогические стратегии стояли за официальной репрезентацией. Цель статьи – реконструировать профессиональный путь П. Н. Чернова, охарактеризовать содержательные основы его педагогической системы и выявить соотношение новаторства и идеологической нормы в феномене «Народного учителя».

Пётр Никифорович Чернов родился 25 апреля 1929 г. в деревне Полевые Буртасы Яльчикского района Чувашской АССР в крестьянской семье [4]. Выбор педагогической стези был во многом предопределён семейной традицией, поскольку его брат работал учителем

математики и завучем, а сестра более сорока лет преподавала в начальных классах. В 1949 г. он окончил физико-математический факультет Чувашского учительского института и начал работать в Новошимкусской семилетней школе, где всего пятью годами ранее учился сам. Молодой учитель не ограничивался уроками, он организовал для школьников математический и радиотехнический кружки, что было прямым откликом на задачи политехнизации, поставленные реформой 1958 г. [5].

После службы в Советской Армии (1950–1952) П. Н. Чернов вернулся в школу, расширив диапазон преподавания, помимо математики и физики, он вёл машиноведение и электротехнику в 5–11 классах [6]. В 1960 г. он заочно окончил физико-математический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева. С 1963 по 1966 г. работал заместителем директора Яльчикской средней школы по учебной работе, а в 1966 г. возглавил её, оставаясь директором до 1989 г. Именно этот двадцатитрёхлетний период руководства сельской школой принёс ему всесоюзную известность [2, с. 15].

«Система Чернова» сочетала управленческую практику и педагогическое содержание. В основе подхода П. Н. Чернова лежала идея целостности педагогического процесса. В энциклопедических источниках отмечается, что он «осуществлял на практике принципы целостности педагогического процесса, заинтересованного взаимодействия школы, семьи и общественности в обучении и воспитании учащихся» [4]. Однако за этой нормативной формулировкой стояла вполне конкретная управленческая логика, реконструируемая по его собственным выступлениям и публикациям.

Ключевым принципом его директорской работы было создание условий для учителя как предварительное условие требовательности к нему. В одном из интервью он формулировал это так: «прежде чем требовать от учителя, необходимо создать для него благоприятные условия труда и быта». Рациональное распределение учебной нагрузки, учёт психологической совместимости педагогов, поддержка инициативы и возможность авторского подхода к преподаванию – эти, казалось бы, «прописные истины» составляли, по его убеждению, фундамент эффективной работы школы. Показательно, что в условиях сельской школы, где кадровый дефицит и текучесть были хронической проблемой, такая установка приобретала особое значение, поскольку позволяла удерживать коллектив и снижать зависимость качества образования от внешних ограничений.

Вторым элементом системы была интеграция внеурочной и учебной деятельности. П. Н. Чернов «органически увязал всю многогранную школьную жизнь в единую систему». Это означало, что кружки, факультативы, трудовые объединения школьников не существовали изолированно, а работали на общие образовательные и воспитательные задачи. Опыт Яльчикской школы в этом отношении был замечен и обобщён, освещался во многих центральных и республиканских газетах и журналах, а также был представлен в специальной экспозиции ВДНХ СССР [4]. Сам П. Н. Чернов является автором более двадцати научных и методических работ, а в 1980 г. на научной сессии Академии педагогических наук СССР выступил с предложениями по совершенствованию преподавания математики в современной школе [5].

Присвоение П. Н. Чернову звания Народного учителя СССР в 1980 г. было результатом многоступенчатого отбора. Как вспоминают в республиканском Министерстве просвещения, изначально из числа «толковых, трудолюбивых, уважаемых учителей» были отобраны десять кандидатов, затем список сузился до нескольких фамилий, и в итоге «лучшей кандидатуры, чем директор Яльчикской средней школы П. Н. Чернов, не подобрать». В официальной характеристике, представленной к званию, он описывался как «добросовестный, успешный руководитель, уважаемый коллегами, любимый детьми и родителями учитель, талантливый математик и педагог-новатор» [5]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1980 г. звание было присвоено «за особые заслуги в обучении и коммунистическом воспитании учащихся» [2].

Однако за этой официальной формулой стоит вопрос о том, что именно государство выбирало для трансляции. Показательно, что в республиканской печати и энциклопедических статьях акцент делался на управленческих и методических достижениях, на «целостности» и «системности», а не на идеологических кампаниях как таковых. Это не означает, что идеологическая составляющая (коммунистическое воспитание, связь школы с жизнью, трудовая подготовка) отсутствовала, она была встроена в общий контекст. Но репрезентация опыта П. Н. Чернова выстраивалась вокруг фигуры эффективного руководителя-практика, а не вокруг фигуры идеолога. Именно это, вероятно, обеспечило устойчивость его авторитета и после 1991 г., так как он продолжал работать в школе учителем (1989–1991), методистом районного управления образования (1991–1996) и заместителем директора (1996–1998) [4].

Личный фонд П. Н. Чернова, переданный в Государственный исторический архив Чувашской Республики, включает тексты его выступлений на научно-практических конференциях, педсоветах, перед руководителями района, в Чувашском государственном педагогическом институте и на встрече народных учителей СССР в Москве [6]. Эти материалы открывают возможность для дальнейшего, более детального изучения его педагогического наследия, выходящего за рамки официальных характеристик.

Таким образом, феномен П. Н. Чернова позволяет увидеть двойственную природу института «Народного учителя СССР». С одной стороны, это была высшая степень государственного признания, предполагавшая соответствие определённым идеологическим ожиданиям и трансляцию одобренных практик. С другой стороны, за званием стояла реальная педагогическая система, выстроенная вокруг целостной организации школьной жизни, внимания к условиям труда учителя и интеграции урочной и внеурочной работы. Устойчивость авторитета П. Н. Чернова, как в советский, так и в постсоветский период, свидетельствует о том, что эффективность сельской школы в Чувашии 1960–1980-х гг. определялась не масштабом идеологических кампаний, а способностью руководителя превратить нормативные требования в работающую систему, ориентированную на конкретные условия и конкретных людей. Этот опыт сохраняет актуальность и для современной образовательной политики, ищущей баланс между государственными стандартами, вызовом современности и автономией школы.

Список литературы

1. Ласточкин, В. Б. Исторический опыт реформирования советской общеобразовательной школы в 1958–1964 гг. (на материалах Чувашской АССР) : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. Б. Ласточкин. – Чебоксары, 2016. – 22 с.

2. О присвоении почетного звания «Народный учитель СССР» тов. Чернову П. Н. : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1980 г // Национальная библиотека Чувашской Республики. – URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kofd_0_0003728.pdf (дата обращения: 20.11.2026). – Текст : электронный.

3. Романова, Т. В. Развитие системы общего образования Чувашии между двумя ее реформами, 1959–1984 гг. : дис. … канд. пед. наук / Т. В. Романова. – Чебоксары, 1999. – 206 с.

4. Салабайкина, А. К. Чернов Пётр Никифорович / А. К. Салабайкина, М. Г. Харитонов // Чувашская энциклопедия. – URL: https://chuvenc.ru/show_Person/4423 (дата обращения: 20.11.2026). – Текст : электронный.

5. Светлой памяти Петра Никифоровича Чернова // ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 21.04.2025. – URL: https://chuvgpu.ru/press-center/news/novosti/svetloy-pamyati-petra-nikiforovicha-chernova/ (дата обращения: 20.11.2026). – Текст : электронный.

6. Личный фонд Чернова П. Н // Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-3062. – URL: https://giachr.kaisa.ru/srv/object/303743345 (дата обращения: 20.11.2026). – Текст : электронный.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ КАК КАТАЛИЗАТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Бычкунова Елена Борисовна
методист, преподаватель
Лаврентьев Максим Владимирович
канд. юрид. наук, преподаватель
Ходоскина Елена Петровна
советник по воспитательной работе

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»
г. Москва

АННА ФЕДОРОВНА ЖИДКОВА – БОЕЦ, ДОЦЕНТ И РОДНАЯ СЕСТРА ГЕРОЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *статья посвящена сохранению исторической памяти об Анне Фёдоровне Жидковой (1908–1942) – кандидате философских наук, доценте, участнице Великой Отечественной войны, добровольно ушедшей на фронт и погибшей в боях за деревню Павлово в ходе Демьянской операции. На основе архивных материалов, публикаций периодической печати и свидетельств современников рассматриваются основные этапы её жизненного пути: детство, обучение в Московском университете, научно-педагогическая деятельность, участие в обороне Москвы и боевых действиях 130-й стрелковой дивизии. Особое внимание уделено боевому подвигу А.Ф. Жидковой, отмеченному посмертно орденом Красного Знамени, а также значению её образа для патриотического воспитания современных поколений.*

Ключевые слова: *Анна Фёдоровна Жидкова, Великая Отечественная война, оборона Москвы, 130-я стрелковая дивизия, Демьянская операция, женщина на фронте, пулемётчица, историческая память, патриотическое воспитание, героизм, увековечение памяти.*

С чего начинается Родина? Такие вопросы мы начинаем задавать обучающимся с детского сада. Для малышей Родина – это их дом, родители и люди, о которых они знают. Всё больше и больше героев увековечивают на зданиях школ, домов, где жили герои. А кто такие герои? Это люди, это патриоты своей Родины. Мы помним и чтим героев сегодняшнего дня, но стали забывать подвиг героев прошлого.

Имя Анны Фёдоровны Жидковой ныне совсем забыто. О ней не пишут статей, не вспоминают. Она прожила совсем короткую жизнь, всего 34 года, но эта жизнь была чрезвычайно насыщена событиями, потрясшими всю страну.

Анна Фёдоровна прожила короткую, но яркую жизнь, оставив большой след в науке. Приняв участие в Великой Отечественной войне как доброволец ополченской дивизии, Анна Фёдоровна пала смертью храбрых в ходе наступления под Москвой 21 февраля 1942 г.

Анна Фёдоровна родилась в 1908 г. в городе Новоузенске, тогда ещё входившем в Самарскую губернию. Она росла в очень бедной семье сапожника Фёдора Ивановича Жидкова, сапожника по профессии. Семья была многодетная: два брата и три сестры.

Белые бросили семью Анны Фёдоровны и её, маленькую девочку, в тюрьму, но красные бойцы подоспели вовремя, и семью не успели казнить. За время нахождения в Новоузенске в середине июня 1918 г. белоказаки успели расстрелять несколько сотен пленных, в том числе и венгерских воинов-интернационалистов.

Вскоре родители и старшая сестра Анны Фёдоровны умерли от тифа, и девочка осталась сиротой. Аня попала в детский дом в Поволжье, откуда из начавшегося голода в 1923 году детей привезли в Москву специальным эшелоном. Аня стала учиться в опытно-показательной школе для детей-сирот участников Гражданской войны.

Анна Фёдоровна начала получать высшее образование, поступила на этнологический факультет МГУ. В 1930 году она окончила университет и по путёвке комсомола была направлена в Свердловск, где два года преподавала историю в школе рабочей молодёжи при Верхне-Исетском заводе. Там Анна вступила в члены ВКП(б), вела партийную работу.

В 1932–1935 годах училась в аспирантуре философского факультета Московского государственного университета, в то время он был известен (в 1931–1941 годы) под названием МИФЛИ.

В 1936 году Анна Фёдоровна защитила кандидатскую диссертацию по философии, стала доцентом кафедры философии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).

Одновременно с преподаванием занималась научной работой, автор статей по истории философии. В 1940 году совместно с Н. Г. Тараканова подготовила под редакцией Г. Ф. Александрова (известного философа) сборник «Античная философия» [3].

С началом войны в первые же дни Анна Фёдоровна обратилась в военкомат Советского района Москвы с просьбой послать её добровольцем на фронт. Но Анна получила отказ и в тот же день записалась на трёхмесячные курсы медсестёр. Окончив курсы медсестёр на отлично, она снова явилась в военкомат. На вопрос, почему она, кандидат философских наук, идёт на фронт, ответила: «У нас теперь одна философия – бить врага». У кандидатов и докторов наук была бронь от фронта.

Анна Фёдоровна стала участницей обороны Москвы. На фронте с самых тревожных дней октября, с 14 октября 1941 года, в составе Коммунистического батальона Советского района Москвы (добровольное формирование из лиц, не подлежавших призыву), вошедшего в 1-й Коммунистический полк 3-й Московской Коммунистической дивизии (данная дивизия в январе 1942 года была преобразована в 130-ю стрелковую дивизию Рабоче-крестьянской Красной армии).

С октября 1941 г. 130-я стрелковая дивизия принимала активное участие в обороне Москвы, находясь на ближних подступах.

Анна Фёдоровна активно участвовала в формировании медсанбата дивизии, но, когда дивизия находилась в тылу, при отсутствии раненых, чтобы не сидеть без дела, попросила зачислить её в зенитный пулемётный расчёт – защищать небо Москвы. Вскоре за умелую и точную стрельбу по фашистским самолётам бойцы дивизии прозвали её уважительно «Анка-пулемётчица», по имени легендарной героини фильма «Чапаев».

В письме подруге Анна Фёдоровна писала: «Обожаю пулемёт… состою в боевом расчёте и надеюсь, что скоро поговорю с противником языком своего могучего оружия… бессменно несу вместе с другими службу у своей батареи спаренных пулемётов» (Анна Жидкова, из письма подруге, 1941 г. – точная дата не указана).

Вскоре она была избрана комиссаром учебного лыжного батальона, а затем её выдвинули в политотдел дивизии инструктором по пропаганде с присвоением высокого звания старший политрук (соответствует званию капитана армии).

В дивизионной газете «На защите Москвы» появились её заметки и очерки из фронтовой жизни. Так, например, в №119 за 18 января 1942 года в статье «Ценный опыт» Анна Фёдоровна рассказала о работе политруков одной из батарей дивизии, об организации чтения бойцами на фронте в свободное время книг «Кола Брюньон» Р. Роллана, «Чапаева» Фурманова, стихов Лермонтова (см. приложение).

Подпись Анны Жидковой стоит среди 66 подписей политработников и командиров Московского гарнизона под «Открытым письмом защитников Москвы защитникам Ханко», которое было опубликовано 13 ноября 1941 года в газете «Правда» за №315 (8 723). Подпись под письмом: «доцент кафедры философии Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) красноармеец-пулемётчица Жидкова».

8 декабря началось Московское контрнаступление Рабоче-крестьянской Красной армии. В феврале 1942 года 130-я стрелковая дивизия была переброшена на Северо-Западный фронт, разгрузившись под Осташковым, совершила пешим порядком через озеро Селигер

100-километровый марш в Молвотицком (ныне Маревском) районе Ленинградской (ныне Новгородской) области и с ходу вступила в бой с противником, приняв участие в Демьянской операции.

21 февраля 1942 года 371-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии занял исходные рубежи у небольшой, в 20 дворов, деревни Павлово. Гитлеровцы оборудовали в деревне укреплённый опорный пункт: километр открытого пространства, двухметровый снежный вал, облитый водой, в нём амбразуры с пулемётами, вокруг минные поля, на чердаках и в подвалах домов деревни были расположены огневые точки врага, кругом были оборудованы дзоты и доты. Силы противника были большие: до двух полков 123-й пехотной дивизии гитлеровцев.

Вместе с 1-м батальоном 371-го стрелкового полка Анна Фёдоровна Жидкова пошла в бой за деревню Павлово. Она увидела выбывший расчёт станкового пулемёта, не растерялась и, пользуясь приобретённым ещё в обороне Москвы опытом пулемётчицы, начала в упор расстреливать наседавших немцев. Жидкова была ранена в руку, но не ушла с поля боя, вместе с батальоном пошла в числе передовых в атаку на Павлово, где и погибла в бою смертью храбрых. Это было написано в наградном листе на орден Боевого Красного Знамени, который Анна Фёдоровна получила посмертно.

Анна Жидкова была убита пулей, однако иногда указывается, что она была смертельно ранена разрывом мины [2, с. 139].

Только на третьи сутки 371-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии с помощью опоздавших к моменту боя подразделений 664-го полка смог взять деревню Павлово, потеряв убитыми более 400 бойцов, командира и комиссара полка.

Когда бойцы взяли село, увидели у околицы убитую девушку. Остановившись, освещали фонариками: «она из санчасти, шинель расстёгнута. Командир узнаёт: – Анна Жидкова, кандидат исторических наук» [1].

Могила Анны Фёдоровны – единственная одиночная отдельная могила в воинском захоронении на окраине деревни Павлово.

Подвиг Анны Фёдоровны, героизм, любовь к науке – об этом должны знать нынешние поколения. Важно в современных образовательных учреждениях: детских садах, школах, колледжах и вузах – больше внимания уделять подвигам героев своего населённого пункта, ведь Родина начинается ещё и с «ЛЮДЕЙ», живущих в соседнем дворе.

Список литературы

1. Авдеев Ю.К. Воспоминания. Архивная копия от 11 августа 2018 года. Из воспоминаний Ю.К. Авдеева, связиста минометного дивизиона, вошедшего в Павлово 23 февраля, когда село уже было практически взято.

2. Московское ополчение : краткий исторический очерк / Н. М. Алещен-ко, К. И. Буков, А. Д. Колесник, А. М. Синицын ; худож. Б. С. Иванов. – Москва : Воениздат, 1969. – 272 с.

3. Античная философия (Фрагменты и свидетельства) / под ред. Г. Александрова ; сост. Н. Г. Тараканов, А. Ф. Жидкова. – Москва, 1940.

4. Докучаев Анатолий. И враг побежал от нас (интервью с С.Л. Иофиным) // Патриот Отечества. – 2010. – № 2.

5. Письма А.Ф. Жидковой // Красная Звезда. – 1962.

6. Учетная карточка воинского захоронения. Маревский район, деревня Павлово, сельское кладбище, одиночная могила).

Дмитриева Ольга Олеговна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА (К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Т.Н. ИВАНОВОЙ)

Аннотация: *в статье исследуется вклад профессора Т.Н. Ивановой в формирование и развитие мемориальной научной школы на базе историко-географического факультета ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова». Раскрываются ключевые направления ее научно-педагогической работы, а также вклад в развитие современной исторической науки.*

Ключевые слова: *историческая память, коммеморативные практики, коллективная идентичность, историография, интеллектуальная история, научная школа, Чувашский государственный университет, региональная историческая наука.*

Современная историческая наука характеризуется тенденцией развития в области междисциплинарности и многовариативности. В XX веке в зарубежной историографии начался процесс становления самостоятельного направления социогуманитарного знания – изучения аспектов формирования коллективной идентичности и исторической памяти как особого феномена, отличающегося набором коллективистских представлений того или иного общества о важных страницах как мировой, так и отечественной истории. Основоположниками направления являются такие учёные, как М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора, Э. Хобсбаум [1; 7; 9; 11; 12].

В российской гуманитарной науке исследование проблем формирования памяти на уровне общественно-коллективистских установок началось только в постперестроечный период, поскольку в рамках советской системы учёные основной акцент делали на традиционной методологии познания фактов прошлого. Вне всяких сомнений, родоначальником отечественной школы является Л. П. Репина, обратившая пристальное внимание на «память как постоянно обновляемую структуру, непрерывный процесс, в котором идентичность социума поддерживается посредством реконструкции воображаемого прошлого, в ходе которого происходит нейтрализация «противоречивых и даже конфликтующих версий этого прошлого» [8, с. 10]. Новые постмодернистские подходы легли в основу исследований В. Н. Бадмаева, Г. А. Бордюгова, О. Б. Леонтьевой и др. [2; 3; 6].

В рамках настоящего исследования не ставится задача детального историографического обзора трудов этих учёных-новаторов, поскольку их разработки уже были объектом анализа в наших предыдущих публикациях. Вместе с тем особо следует подчеркнуть их значимость в изучении проблем исторической памяти общества – благодаря этим работам в настоящее время сформировалось самостоятельное мемориальное направление социогуманитарного знания, в рамках которого ведутся междисциплинарные изыскания и создаются региональные исследовательские коллективы.

В предметном поле данной статьи находится проблема становления региональной научной школы изучения феномена конструирования исторической памяти в Чувашской Республике на базе ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова». В этом отношении стоит отметить прорывной характер научных изысканий доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Ивановой, благодаря которым было положено начало формированию целой плеяды молодых исследователей. Изначально фокус её научных интересов был сосредоточен на классических проблемах теории и методологии истории, историографии, значительное внимание уделялось историко-культурным особенностям средневековой эпохи. Итогом многолетней работы стала защита в 2011 г. докторской диссертации на тему «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России: (30-е гг. XIX – начало XX века)».

Новый исследовательский этап Т. Н. Ивановой был обусловлен трансформацией фокуса её внимания от классической историографии к междисциплинарным проблемам социогуманитарного знания. Немаловажную роль в этом процессе сыграло её вступление в Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ), члены которого работают в рамках переосмысления классического наследия школы всеобщей истории в контексте т. н. «интеллектуального поворота». Так, научный интерес Татьяны Николаевны эволюционировал сначала в область изучения интеллектуальной культуры, а затем и в русло мемориологии.

Первые исследования феномена Memory studies начались в рамках студенческой науки: студентка 4 курса историко-географического факультета Дмитриева Ольга Олеговна в 2012 году выступила на ряде научных конференций и фестивалей с докладом об эволюции исторического образа Наполеона Бонапарта в художественной культуре России XIX века. В 2013 году под руководством Т. Н. Ивановой она успешно защитила дипломную работу на тему «Влияние образа Наполеона в российской литературе и живописи XIX-XX вв. на формирование коллективной памяти народа». Так было положено начало их многолетнему научному сотрудничеству, которое продолжилось во время обучения О. О. Дмитриевой в аспирантуре ЧГУ им. И. Н. Ульянова и её работы на кафедре истории и культуры зарубежных стран, возглавляемой Татьяной Николаевной. Итогом многолетнего труда стала успешная защита диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук на тему «Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века)» по специальности 07.00.02 «Отечественная история» [4].

В период написания диссертации научный тандем Т. Н. Ивановой и О. О. Дмитриевой проделал масштабную работу по разработке методологии изучения мемориальной проблематики: создал классификацию уровней и форм коммеморативных практик как важнейшего механизма формирования коллективистских представлений российского общества и провёл глубокий концептуальный анализ феномена исторического юбилея как ключевого смыслового этапа в конструировании идеологем и исторических образов войны 1812 года.

Особо стоит отметить, что данная диссертация стала одной из первых фундаментальных работ в Чувашии, выполненных в русле мемориального направления с применением постмодернистских междисциплинарных методов исследования. Защита диссертации О. О. Дмитриевой положила начало серии исследовательских работ, посвящённых как формированию исторической памяти российского общества, так и использованию коммемораций в этом процессе. Так, уже в 2026 году под руководством Т. Н. Ивановой была защищена диссертация её аспиранта Н. О. Самылкина на тему «В. И. Чапаев в исторической памяти российского общества: формирование и развитие коммеморативных практик о герое Гражданской войны (1919–2024 гг.)» [10], в которой мемориальная методология применяется к изучению коммемораций в процессе формирования и эволюции образа В. И. Чапаева. В настоящее время аспирант О. С. Тюнтеров исследует образ чувашского просветителя И. Я. Яковлева в исторической памяти российского общества [5].

Таким образом, именно в стенах Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова благодаря активной работе Татьяны Николаевны Ивановой сформировалась особая новаторская региональная мемориальная научная школа по изучению разноплановых аспектов формирования исторической памяти российского народа.

Список литературы

1. Ассман, Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

2. Бадмаев, В. Н. Ментальность и историческая память / В. Н. Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – Вып. 1 (13). – С. 78–84.

3. Бордюгов, Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти / Г. А. Бордюгов. – Москва, 2010. – 256 с.

4. Дмитриева, О. О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX – начало XX века) : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. О. Дмитриева. – Чебоксары, 2019. – 226 с.

5. Иванова, Т. Н. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев в исторической памяти российского общества / Т. Н. Иванова, О. С. Тюнтеров // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2026. – Т. 168, № 3. – С. 51–65.

6. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв / О. Б. Леонтьева. – Самара, 2011. – 448 с.

7. Нора, П. Франция-память / П. Нора ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.

8. Репина, Л. П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 9–15.

9. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

10. Самылкин, Н. О. «В.И. Чапаев в исторической памяти российского общества: формирование и развитие коммеморативных практик о герое Гражданской войны (1919–2024 гг.)» : дис.... канд. ист. наук : 5.6.1 / Н. О. Самылкин. – Чебоксары, 2025. – 253 с.

11. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

12. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

Касимов Евгений Витальевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК КАК КАТАЛИЗАТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Аннотация: *в статье охарактеризованы печатные издания, опубликованные в 1980–2020 гг. в связи с юбилейными датами Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН), созданного в августе 1930 г. Показывается значение данных трудов для расширения исторических знаний как о самом научно-исследовательском институте, так и развитии гуманитарной науки в Чувашии целом.*

Ключевые слова: *Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ЧГИГН, юбилейные издания, история науки, гуманитарные исследования, историография, научные учреждения Чувашии, печатные издания, исторические знания.*

Под юбилейными датами принято понимать даты, которые отмечаются с особым размахом как значимые вехи в жизни человека, организации или события. Чаще всего юбилейными называют круглые даты – те, что заканчиваются на 0 или 5. Юбилейные даты играют важную роль в изучении биографий исторических деятелей и предшествующих периодов развития тех или иных социальных институтов, учреждений и др., поскольку они выступают в качестве «точек отсчета», помогающих структурировать и осмыслять прошлое. Подготовка к празднованию юбилея нередко становится катализатором для активизации исследовательской работы. В этом отношении показательна история Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) – старейшего научного учреждения Чувашской Республики. Юбилейные даты из его истории сопровождались не только проведением торжественных мероприятий, но и изданием печатных трудов, ценных для воссоздания истории развития социально-гуманитарных наук в Чувашии. Именно они и стали предметом изучения в данной статье.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук был образован в августе 1930 г. как Чувашский комплексный научно-исследовательский институт. В дальнейшем, из-

за многочисленных реорганизаций он не раз менял свое название, которое лишь в мае 1994 г. приобрело современное звучание [12, с. 3–4].

Традиция издавать специальные труды, приуроченные к юбилею института, зародилась в 1970-е гг. К 50-летию Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, отмечавшемуся в 1980 г., его сотрудниками была подготовлена обстоятельная монография «Центр гуманитарных наук Чувашии» [6]. Ее авторы, А.В. Изоркин и А.Е. Горшков, проследили предысторию института, охарактеризовали основные этапы развития учреждения и его связи с другими научными организациями. Самая большая глава, охватившая две трети книги, была посвящена показу достижений института в разработке проблем общественных наук – истории, этнографии, экономики, чувашского языкознания, искусствоведения, литературоведения и фольклористики [6, с. 45–130].

Тогда же, в 1980 г., увидел свет библиографический указатель трудов института, начиная со дня его основания по 1979 г [2] В нем систематизирована информация о 2418 изданиях (сборники статей, монографии, собрания сочинений, словари и т. д.) и статей. При этом включены работы, не имевшие грифа института, но выполненные по плану его научно-исследовательских работ (уточнялось по годовым отчетам о работе учреждения), а также наиболее значительные исследования штатных сотрудников, напечатанные в центральных изданиях [2, с. 20]. Работу с книгой облегчает наличие именного указателя. Его важность обусловлена также тем, что в работе института широкое участие принимали внештатные сотрудники. Например, в именном указателе приведены 33 работы археолога В.Ф. Каховского [2, с. 172], который в 1940-е – 1970-е гг. работал в Чувашском государственном педагогическом институте, Чувашском государственном университете, Министерстве просвещения Чувашской АССР и публиковал статьи и заметки об археологических раскопках на территории Чувашии в трудах Чувашского научно-исследовательского института на гонорарной основе.

Начиная с 2000 г., юбилейные даты в истории ЧГИГН стали отмечаться отдельными публикациями каждые пять лет. К 70-летию центра гуманитарных наук была подготовлена новая обобщающая книга об основных этапах истории института и его достижениях в различных отраслях общественных наук [14]. К ее созданию было привлечено более десятка авторов, поскольку каждый раздел о научных исследованиях в 1980-е – 1990-е гг. писался специалистом в соответствующей области: к.фил.н. Ю. Дмитриевой – «Языкознание», А.Н. Тимуковым – «Литературоведение и фольклористика», к.и.н. Е.П. Погодиным – «Исторические исследования», к.э.н. Т.В. Погодиной – «Социально-экономические исследования», П.П. Фокиным, Е.П. Михайловым и Е.Г. Лебедевой – «Этнография, археология и антропология», канд. искусствоведения Ю.В. Викторовым, Ю.А. Илюхиным и И.А. Дмитриевым – «Искусствоведение» [14, с. 11]. Так как период до 1980 г. в значительной степени был освещен в вышеупомянутом труде А.В. Изоркина и А.Е. Горшкова, раздел «Формирование и развитие института в 1930–1970-е гг.» оказался относительно небольшим. В то же время автору раздела к.и.н. Г.А. Александрову удалось осветить проблему в новом свете, не повторяя своих предшественников [14, с. 12–76]. Несмотря на юбилейный характер, в книге, в отличие от издания 1980 г., говорилось о наличии трудностей в деятельности ЧГИГН, в том числе, что исследователям приходилось работать в годы господства марксистко-ленинской идеологии и жесткого партийно-административного контроля, когда попытки отхода от утвержденных канонов решительно пресекались [14, с. 26]. В монографии дано множество квалифицированных оценок конкретных исследований, проведенных в стенах института за 70 лет, представлена информация о сотрудниках института и их актуальных научных интересах.

Очень продуктивным с научной точки зрения оказалось празднование 75-летнего юбилея ЧГИГН, отмечавшегося в 2005 г. Прежде всего следует отметить справочное издание об ученых и сотрудниках, работавших в институте в 1930–2005 гг. [12] В нем по каждой персоналии дана биографическая статья энциклопедического плана на 1–2 страницы, где указаны точные даты жизни, место рождения и смерти, образование, годы работы в институте, сведения об иных местах работы, ученая степень и почетные звания, наличие государственных наград,

главные направления исследований, количество научных публикаций, названия основных трудов. В качестве приложения дан список сотрудников, работавших в ЧГИГН менее пяти лет, с указанием должности и точных дат приема на работу и увольнения [12, с. 184–189]. Благодаря данному изданию не только восстанавливается память о сотрудниках института, но и создаются условия для проведения просопографических исследований о социальном облике чувашской гуманитарной науки в XX – начале XXI в.

Кроме того, в 2005 г. увидел свет новый библиографический указатель трудов ЧГИГН, охвативший период с 1980 г. по 2004 г [3] Он стал продолжением библиографического указателя 1980 г., сохранив структуру его разделов: издания института и статьи и персоналии по основным структурным подразделениям и тематике научных исследований.

Также к юбилею, в ноябре 2005 г., институт провел международную научно-практическую конференцию «Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества». По ее итогам был опубликован сборник материалов, включивший свыше десятка статей исторической направленности, в том числе исследования сотрудников Института истории Академии общественных наук КНР Юй Тайшань и Ли Цзиньсю на русском и китайском языках («Историография проблемы этнической идентичности сюнну и гуннов», «Несколько вопросов относительно происхождения булгар (тезисы)», «Рассуждения о теории родственности жужуаней с аварами и идентичности аваров с юебань») на основе китайских первоисточников, многие их которых впервые публиковались на русском языке [5].

Наконец, в связи с юбилеем директором института В.С. Григорьевым был опубликован ряд аналитических статей с осмыслением исторической роли регионального центра гуманитарных наук и высокой оценкой научно-исследовательской работы коллектива [4, с. 222–228; 5, с. 8–29].

К 80-летнему юбилею институт подготовил иллюстрированную брошюру, в которой заведующие отделами дали характеристику основных направлений исследований их подразделений как в прошлом, так и в настоящее время, с акцентом именно на последние годы деятельности [15]. Важность брошюры в том числе связана с тем, что в ЧГИГН в 2001 г. была проведена реорганизация и появились новые самостоятельные отделы, ранее не существовавшие – археологии, этнологии и антропологии, чувашской энциклопедии, социологии (до 2009 г. – отдел социологии и межнациональных отношений). По каждому отделу перечисляются наиболее важные труды, называются проведенные при его участии конференции и другие научные мероприятия, определяются перспективы работы на ближайшие годы.

Юбилею был посвящен новый выпуск журнала «Чувашский гуманитарный вестник». В нем увидела свет статья Ю.Н. Исаева и Г.А. Николаева об основных вехах в развитии старейшего научного учреждения Чувашии [7, с. 6–16], а также первая часть результатов обмена мнений ведущих ученых республики по теме «Чувашское гуманитарное научное сообщество: прошлое и настоящее» (продолжение вышло в следующем номере). В обсуждении роли института в развитии чувашеведения, перспективах его развития приняли участие доктор филологических наук, заведующий отделом языкознания ЧГИГН Н.И. Егоров, доктор исторических наук, заведующий отделом чувашской энциклопедии ЧГИГН И.И. Бойко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии ЧГИГН В.П. Иванов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы ЧГУ им. И.Н. Ульянова Ю.М. Артемьев, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории им. А.В. Арсентьевой ЧГУ им. И.Н. Ульянова Е.К. Минеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики, управления и кооперации Чебоксарского кооперативного института Российского университета потребительской кооперации В.М. Михайлов [16, с. 181–191; 17, с. 150–157]. Мнение маститых ученых, через призму их опыта и знаний, представляется интересным и поучительным для понимания тенденций развития гуманитарной науки во второй половине XX – начале XXI в.

Необычное издание было подготовлено к 85-летию учреждения – сборник интервью с научными работниками, которые когда-либо трудились в Чувашском государственном институте гуманитарных наук [1]. Всего в книгу вошло 47 интервью, опубликованных на

чувашском языке. В них через личные истории и воспоминания раскрывается не только профессиональный, но и человеческий облик ученых. Кроме того, в 2015 г. увидела свет брошюра Ю.Н. Исаева и Г.А. Николаева с хорошо структурированным текстом о развитии института и его успехах на ниве научного творчества за 85 лет [8].

Не успел ЧГИГН отметить 85-летний юбилей, как сразу же началась подготовка к празднованию 90-летия центра гуманитарных наук: автору настоящей статьи было поручено подготовить монографию по истории образования ЧГИГН и его деятельности до середины 1950-х гг. В рамках этой работы уже в 2017–2018 гг. увидели свет развернутые статьи о предыстории образования Чувашского научно-исследовательского института и первых трех годах его деятельности [9, с. 66–80; 11, с. 77–106]. Сама монография, как и планировалось, была издана к 90-летнему юбилею ЧГИГН [10]. В отличие от ранее охарактеризованных изданий 1980 г. и 2000 г., в книге сделан акцент на всестороннем показе деятельности института, вследствие чего большое внимание уделено освещению трудностей и проблем, с которыми он столкнулся в этот непростой период отечественной истории. В приложениях представлены правила внутреннего распорядка института за 1939 г., отчеты младшего научного сотрудника сектора истории В.Д. Димитриева за 1948–1951 гг., переписка дирекции института с иногородними внештатными сотрудниками за 1943–1951 гг. [10, с. 204–229] Данные документы без прикрас показывают, в каких условиях осуществлялась повседневная жизнь ученых Чувашии в середине XX в. В настоящее время ведется работа над вторым томом книги, издание которого планируется приурочить к 100-летнему юбилею института, отмечаемому в 2030 г.

Также в 2020 г. вышло новое юбилейное издание биографического характера об ученых института [13]. В нем, в отличие от книги, увидевшей свет в 2005 г., информация дана только по действующим научным сотрудникам – на 1 мая 2020 г., включая совместителей. При этом она более подробная – в основном по 3–6 страниц на каждого человека. Сведения были получены анкетным путем, с последующим уточнением по опубликованной литературе и текущему архиву института. По всем ученым приведена следующая информация: основные биографические сведения, ученая степень и звание, точное название кандидатской и докторской диссертации с указанием специальности, фамилии учителей, награды и почетные звания, область научных интересов, научно-организационная деятельность (если имелась), количество научных публикаций, страницы трудовой биографии, список основных трудов. Текст очень информативен, дает представления об основных вехах жизни и научного творчества представленных лиц.

Таким образом, начиная с 1980 г., по истории Чувашского государственного института гуманитарных наук, к юбилейным датам было издано большое количество разнообразных трудов, которые носят не «дежурный», а подлинно научный характер, и готовились зачастую они не один год. Каждый из этих трудов, в той или иной мере, показывает различные аспекты деятельности института в различные периоды времени. Тем самым воссоздается и история развития различных социально-гуманитарных наук в Чувашии – истории, археологии, этнологии, антропологии, языкознания, экономики, социологии, литературоведения, фольклористики, искусствоведения. В свою очередь, это облегчает будущие изыскания в перечисленных отраслях гуманитарного знания.

Список литературы

1. Ăс-хакăл хăвачĕ: интервьюсем / материала Л. Н. Сачковăпа Л. П. Петров хатĕрленĕ. – Шупашкар : ЧПГĂИ, 2015. – 348 с.

2. Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (1930–1979 гг.) / сост.: А. А. Алексеев, В. А. Алексеев, Ю. Ф. Ефимов [и др.]. – Чебоксары,, 1980. – 180 с.

3. Библиографический указатель трудов Чувашского государственного института гуманитарных наук (1980–2004) / сост. А. Ю. Иванов, А. А. Чибис. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 353 с.

4. Григорьев, В. С. Региональный центр гуманитарных наук в Чебоксарах / В. С. Григорьев // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 222–228.

5. Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Чуваш. гос. ин-та гуманит. наук (Чебоксары, 29–30 ноября 2005 года) / науч. ред. В. С. Григорьев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2006. – 375 с.

6. Изоркин, А. В. Центр гуманитарных наук Чувашии / А. В. Изоркин, А. Е. Горшков. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 136 с.

7. Исаев, Ю. Н. Дорогу осилит идущий / Ю. Н. Исаев, Г. А. Николаев // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. – № 5. – С. 6–16.

8. Исаев, Ю. Н. Чувашскому государственному институту гуманитарных наук – 85 лет (1930–2015) / Ю. Н. Исаев, Г. А. Николаев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2015. – 32 с.

9. Касимов, Е. В. Попытки консолидации научных сил в Чувашии во второй половине 1920-х годов (к предыстории создания Чувашского государственного института гуманитарных наук) / Е. В. Касимов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2017. – № 12. – С. 66–80.

10. Касимов, Е. В. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Кн. 1: Начальные страницы истории (1930–1955 гг.) (монография) / Е. В. Касимов. – Чебоксары : ЧГИГН, 2020. – 232 с.

11. Касимов, Е. В. Чувашский комплексный научно-исследовательский институт: от создания до реорганизации (1930–1933 гг.) / Е. В. Касимов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2018. – № 13. – С. 77–106.

12. Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930–2005) / авт.-сост. Г.Б. Матвеев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – 192 с.

13. Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й / сост. и науч. ред. Г. А. Николаев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2020. – 207 с.

14. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000 / ред. коллегия: И. И. Бойко (отв. ред.) [и др.]. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 228 с.

15. Чувашский государственный институт гуманитарных наук = Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ / авт.-сост. И. И. Бойко [и др.] ; науч. ред. Г. А. Николаев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2010. – 60 с.

16. Чувашское гуманитарное научное сообщество в зеркале мнений ученых-гуманитариев // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. – № 5. – С. 181–191.

17. Чувашское гуманитарное научное сообщество в зеркале мнений ученых-гуманитариев (окончание) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2010. – № 6. – С. 150–157.

Краснова Марина Николаевна
канд. филос. наук, канд. филос. наук, доцент
Агеева Наталья Николаевна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«УЧИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, НАСТАВНИК»: Т.Н. ИВАНОВА ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: *в статье рассматривается преподавательская деятельность Татьяны Николаевны Ивановой в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова на основе воспоминаний выпускников исторического факультета. Анализируются особенности лекционной манеры, нетипичные учебные форматы, а также роль преподавателя в вовлечении студентов в научную работу. Особое внимание уделено стилю общения, личным качествам и профессиональному влиянию педагога на становление выпускников.*

Ключевые слова: *Татьяна Николаевна Иванова, Чувашский государственный университет, воспоминания, юбилей.*

Юбилейные даты хороши тем, что позволяют еще раз вспомнить о замечательном человеке, сказать и написать теплые слова и отзывы, подвести некоторые итоги деятельности. Наряду с подведением официальных итогов, в виде подсчета званий, различного рода

регалий, количества научных трудов можно важно получить обратную связь от современников в виде воспоминаний, мемуаров, заметок и статей в периодической печати.

Данная статья, посвящена Татьяне Николаевне Ивановой, доктору исторических наук, профессору кафедры истории и культуры зарубежных стран, которой 29 ноября 2026 года исполняется 70 лет. О ее деятельности в сфере образования, науки уже написаны ряд статей [31; 33]. Однако, мы считаем, что важно зафиксировать и устноисторические свидетельства – информацию, которая была собрана благодаря развернутому анкетированию выпускников историко-географического (исторического с 1990 по 2008 гг. [1, с. 76]) факультета. Данная статья также является продолжением формата сбора воспоминаний о преподавателях историко-географического (исторического) факультета. Первый опыт был отражен в статье Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой о преподавателе Ю.Б. Лебедеве [30].

Анкета была создана авторами и юбиляром совместно, все вопросы были открытого типа. Она была размещена в социальной сети ВК (vk.ru/away.php?to=https://forms.yandex.ru/u/6ab012b26d2d73a1ac85c0ab&utf=1) и в чатах однокурсников, также респонденты набирались по методу социологической выборки «снежного кома» (метод, когда один респондент, передает адрес анкеты другому респонденту для заполнения). В нашем случае, это когда один выпускник, заполнивший анкету, предлагал ее своему однокурснику. Несмотря на широкий видимый охват генеральной совокупности, заполненных анкет оказалось не так много. Всего было заполнено 27 анкет. Среди опрошенных оказалось, те, кто обучался в 1985–1990 гг. – 1 человек, 1991–2004 – 12 человек, 2005–2018 – 9, 2019–2025 – 5. По полу мужчин – 5, женщин – 22. В настоящее время все опрошенные работают. Тем не менее, считаем возможным результаты, полученные из выборочной совокупности, отразить в данной статье.

Выборка была репрезентативной, так как представлена ответами выпускников разных поколений, по полу – гетерогенной, и что немаловажно, респондентами оказались лица, которые хорошо помнят Т.Н. Иванову, а на некоторых из них она оказала большое воздействие в научном и педагогическом становлении.

Т.Н. Иванова в ходе своей педагогической деятельности вела несколько предметов, их название и тематика менялись на протяжении разных лет в связи с изменением учебных планов, научных интересов юбиляра, но она оставалась ведущим преподавателем по основному курсу «История средних веков», что помнят все опрошенные.

Первая встреча студентов с Татьяной Николаевной у респондентов была, когда она начинала преподавать Средние века на 2 курсе и это все помнят. Именно тогда у опрошенных сформировалось первое впечатление [2; 3; 6; 14], но некоторые с ней знакомились раньше, на подготовительных курсах. Это было еще до 2001 г., когда еще в практике подготовительных курсов была подготовка к внутренним экзаменам вуза и каждый преподаватель кафедры читал свой раздел для абитуриентов. Уже знакомясь на курсах, возникало желание продолжить обучение у данных преподавателей. «Впервые увиделись (с Т.Н. Ивановой) на подготовительных курсах перед поступлением в университет. Заинтересовала своей подачей материала, харизмой, было очень интересно её слушать» [19].

Что касается первых впечатлений студентов, все, конечно, отмечают ее эрудицию, блестящее владение темой. «Для нас было удивительно, что человек может настолько легко владеть сложной и многогранной эпохой средних веков» [27]. Но не только образ преподавателя-эксперта остался в памяти выпускников, они отмечали и внешний облик Ивановой Т.Н. «Первое, что бросилось в глаза – у Татьяны Николаевны всегда были очень красивые украшения [13], ее стиль в одежде, всегда макияж и каблуки [22], умение хорошо одеваться [6; 19]. Как отметил один из студентов истерического факультета Игорь Бычков в своей статье в газете «Ульяновец»: «Татьяна Николаевна замечательная актриса. Каждое ее появление – маленький спектакль, где зрители-студенты восхищаются и красотой, и жестикуляцией, и умом феи, попадая под ее очарование и обаяние» [29].

Вне зависимости от периода обучения выпускники отмечают «умение подать материал взвешенно, достаточно для понимания, с запасом для размышления. На занятиях Татьяны

Николаевны я поняла, какими должны быть настоящие лекции – простыми и запоминающимися, с яркими фактами, рождающие сомнения и побуждающие к поиску. Лучшие лекции. Храню тетрадь до сих пор» [19]. Также часто отмечают разнообразные формы проведения практических занятий. Действительно, она была новатором во внедрении в учебный процесс таких форм как дебаты, ролевые игры, системы проведения экзаменов в электронном формате. Все выпускники помнят такие промежуточные формы контроля как заполнение таблиц по предмету «История средних веков» [20]. А вот тематика практических занятий менялась на протяжении времени. Если выпускники до 2000-х годов отмечают ролевые игры по «Салической правде» [12], «формы первоначального накопления капитала» [11], то недавние выпускники – игру «Встречи делегаций у Папы Римского в 1000 году» [4; 9]. Особенность этих форматов хорошо подчеркивала особый преподавательский стиль: «Для меня необычным форматом являлось то, что не существовало привычной дистанции между тем, кто учит, и тем, кто слушает. Татьяна Николаевна будто растворяла эту грань, оставляя лишь живой обмен мыслями. Каждое её слово не довлело, а звало к размышлению, и в этом была её тихая, но редкая сила» [26].

Татьяна Николаевна не только студентам задает высокую планку в постижении исторической науки, но и сама никогда не останавливается на достигнутом «ведь лучшее обучение – это своим примером» [32]. За свою многолетнюю научную деятельность она смогла добиться успехов в разработке нескольких направлений: историографии, биографистики, устной истории, исторической памяти, краеведении. На сегодняшний день она – признанный научным сообществом специалист в области истории российской исторической науки и образования рубежа XIX–XX вв. А по ее учебным пособиям «Мой город» школьники изучают историю г. Чебоксары.

Нельзя не отметить и то, как строились отношения между студентами и преподавателем. От всех воспоминаний веет такой душевной теплотой и искренней благодарностью. Нам кажется, что Н.Г. Козина смогла отразить впечатления всех опрошенных: «Либеральный и «опекающий», одновременно сочетание научной строгости, глубины и почти материнской заботы о студенте, поощрение творческо-поисковой свободы исследований» [10]. Помнят ее дипломники и то, как она приглашала домой и поила чаем: «Она тепло общалась со своими студентами, запросто могла пригласить к себе домой, чтобы проверить очередную главу дипломной работы, напоить чаем. У нас до сих пор хранится масленка, в которой она собрала рахат-лукум с собой ко дню рождения» [19]. Многие подчеркивают и ее ироничность, умение сочетать строгость и мягкость одновременно «Стиль интеллигентного человека. Деликатный, иногда ироничный» [13], «она никогда не забывала пошутить, несмотря на то что ее преподавание было исключительно научным и академическим» [7]. «Мягкость и требовательность удивительно гармонично сочетаются в этом преподавателе.» [29]. Как отметила в одном из интервью сама Татьяна Николаевна: «Сейчас на экзаменах, в первую очередь, стараюсь понять психологию студента. Понимаю, что гораздо важнее поддержать и дать человеку возможность поверить в свои силы» [34].

Материалы анкетирования полностью подтверждают мнение коллег, приведённое в одной из юбилейных статей о Татьяне Николаевне: «работа с молодежью стала просто неотъемлемой частью ее самой. Наверное, разные эмоции и ощущения могли вызывать у Татьяны Николаевны эти юноши и девушки, всегда окружавшие ее в поисках знаний, советов, даже простого доброго слова своего учителя. Лишь одной эмоции никогда не могло быть у нее – равнодушия. Именно поэтому ее знают и помнят все, кто получил историческое образование в нашем университете за прошедшие годы, ведь любовь учеников и студентов не имеет срока давности.» [3].

Подводя итог, можно отметить, что Т.Н. Иванова в воспоминаниях выпускников представлена «яркой личностью, настоящим профессором [5], «преподавателем с душой, очень искренний человек» [7], просто «маэстро» [21], «талантливый педагог, лицо исторической

науки, наставник» [24]. И это не просто слова, а действительная характеристика профессора кафедры истории и культуры зарубежных стран, с которой авторы работают уже более 30 лет.

Список литературы

1. лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Н. Н. Агеева, О. В. Андреев, О. Г. Вязова [и др.]. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2022. – 495 с.

2. Анкета Александровой Т. Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.09. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

3. Анкета анонимная. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (12.11. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

4. Анкета Богоявленовой (Корняковой) К.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (1.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

5. Анкета Воробьевой Л. А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (24.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

6. Анкета Вязовой О.Г. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (26.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

7. Анкета Деминой (Раскидной) Ю.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (13.11. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

8. Анкета Ивановой (Григорьевой) А. А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (26.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

9. Анкета Карамаликовой М.А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (3.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

10. Анкета Козиной (Федорова) Н. Г. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (9.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

11. Анкета Корниловой Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (23.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

12. Анкета Красновой М. Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

13. Анкета Лукьяновой А.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

14. Анкета Майоровой О. Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (8.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

15. Анкета Никитиной А.С. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (3.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

16. Анкета Нургаяновой Р. М. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (25.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

17. Анкета Паравиной М. Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

18. Анкета Ратниковой (Алибаевой) А.Р. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (21.09.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

19. Анкета Савиновой (Бабасиной) Е. Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

20. Анкета Самылкина Н.О. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (25.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

21. Анкета Смышляева С.С. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (5.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

22. Анкета Табункиной К. О. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (3.11. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

23. Анкета Тростянской (Бобровой) Н.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (11.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

24. Анкета Тюнтерова О. С. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (3.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

25. Анкета Федотова М. А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (17.10. 2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

26. Анкета Халатян А. Г. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (3.11.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

27. Анкета Шевченко И. М. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (21.09.2026) // Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

28. Анкета Шумиловой (Ершовой) О.В. // Воспоминания о Т.Н. Ивановой (4.11.2026) Полевые исследования Красновой М.Н, Агеевой Н.Н.

29. Бычков, И. В ореоле лиловых ирисов / И. Бычков // Ульяновец. – 1996. – № 10. – С. 2.
30. Иванова, Т. Н. «Будил умы и зажигал сердца»: преподавательская деятельность Ю.Б. Лебедева в ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России (памяти И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева) : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 28 апр. 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 165–170.
31. Минеева, Е. К. К юбилею доктора исторических наук Ивановой Татьяны Николаевны / Е. К. Минеева, А. П. Зыкина // Исторический поиск. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 93–100.
32. Полна энергии, замыслов, планов // Ульяновец. – 2016. – № 42. – С. 3.
33. Слово о мастере // Ульяновец. – 2021. – № 39. – С. 3.
34. Тихонова, А. «Счастье для меня – это движение вперед» / А. Тихонова // Ульяновец. – 2011. – № 65–66. – С. 3.

Краснова Марина Николаевна
канд. филос. наук, доцент
Григорьева Анастасия Александровна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ»: ОБРАЗ Т.Н. ИВАНОВОЙ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО (ИСТОРИЧЕСКОГО) ФАКУЛЬТЕТА ЧГУ ИМ. И. Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: *в статье рассматривается образ Татьяны Николаевны Ивановой, доктора исторических наук, профессора Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, на основе воспоминаний выпускников. Особенное внимание уделяется личностным и профессиональным качествам преподавателя, взаимоотношениям со студентами.*

Ключевые слова: *историческое образование, высшая школа, преподаватель, профессор, воспоминания выпускников, профессиональные качества, личность педагога, взаимоотношения со студентами, Чувашский государственный университет*.

Есть преподаватели, которых мы вспоминаем только во время сессии. Есть те, чьи лекции остаются в наших конспектах. А есть люди, которые остаются в нашей памяти на всю жизнь. Именно к таким преподавателям, судя по воспоминаниям выпускников, относится Татьяна Николаевна Иванова.

В этом году Татьяне Николаевне исполняется 70 лет. За годы своей работы она стала для многих студентов не просто преподавателем истории, но и научным руководителем, наставником, человеком, который помог определиться с профессией и, возможно, даже изменил чью-то жизнь.

Но почему стоит обратиться именно к воспоминаниям выпускников? О преподавателе многое могут рассказать его научные труды, достижения и годы работы в университете. Но, на мой взгляд, не менее важно то, каким его запомнили студенты. Ведь именно они могут рассказать, что происходило на лекциях, какие советы остались в памяти и как преподаватель повлиял на их дальнейшую жизнь. Именно поэтому исследование особенно актуально в год 70-летия Татьяны Николаевны. Хочется не просто рассказать о её профессиональных достижениях, а показать живой образ человека, каким его видят выпускники разных поколений.

Для составления образа было использовано анкетирование выпускников и проанализированы их ответы. Особенно интересно, что ответы охватывают несколько поколений – от тех, кто учился ещё в 1980-е годы на историко-филологическом, историческом, историко-географическом факультете до совсем недавних выпускников. Факультет менял свое название в

результате структурных изменений [1, с. 76]. И хотя между выпускниками разница в десятилетия, в воспоминаниях очень много общего. Данная статья также является продолжением формата сбора воспоминаний о преподавателях историко-географического (исторического) факультета. Первый опыт был отражен в статье Ивановой Т.Н., Агеевой Н.Н. о преподавателе Лебедеве Ю.Б. [25].

Первое, на что обращают внимание выпускники, – это характер Татьяны Николаевны. Слова «строгая» встречается достаточно часто [2; 8; 13; 21]. Некоторые выпускники даже признаются, что сначала немного боялись её. «Она показалась крайне строгой женщиной, мы её боялись всей группой ещё до того, как у нас начались с ней занятия» [21]. Но интересно другое: часто за рассказом о строгости следует упоминание её доброты, справедливости и отзывчивости. «Показалась немного строгой, но всё-таки доброй, справедливой» [2]. Получается довольно необычное сочетание: преподаватель, которого побаиваются, но при этом искренне любят и уважают.

Другая черта, которую постоянно отмечают выпускники, – невероятная харизма и любовь к своему предмету. Татьяну Николаевну вспоминают как человека, который не просто читает лекции, а буквально переносит студентов в другую историческую эпоху. Одна выпускница сравнила её лекции с историческим фильмом [2]. Другая призналась, что до сих пор хранит тетрадь с конспектами, потому что именно на занятиях Татьяны Николаевны поняла, какими должны быть настоящие лекции [16]. Особенно часто выпускники вспоминают историю Средних веков. Многие признаются, что именно благодаря Татьяне Николаевне полюбили этот период.

Ещё одна важная особенность её преподавания – необычные формы занятий. Сегодня дебаты, ролевые игры и круглые столы уже не кажутся чем-то удивительным. Но выпускники 1990-х и начала 2000-х годов вспоминают, что тогда подобные занятия были настоящим новшеством. Например, одна выпускница рассказала, как на занятии им пришлось изображать послов разных государств, прибывших к Папе Римскому. А поскольку группа была маленькой, двум студенткам пришлось исполнить сразу несколько ролей [6]. Другие вспоминают «Дебат-клуб», «Вечерний семинарий» и даже экзамен на компьютере в 1999 году, что тогда воспринималось как нечто совершенно новое [15]. Но за всеми этими форматами стояло не просто желание разнообразить занятия. Татьяна Николаевна учила студентов самостоятельно мыслить, спорить, искать аргументы и не бояться высказывать собственную позицию. «Я до сих пор помню, как после одной из лекций мы вышли из аудитории в осенний вечер, и кто-то тихо сказал: «Будто заново глаза открыл». В этом была Татьяна Николаевна – не навязать, а пробудить. Её слова не оседали тяжёлым грузом знаний, а расцветали в сознании вопросами, на которые хотелось искать ответы самому» [22].

Отдельного внимания заслуживает образ Татьяны Николаевны как научного руководителя. Выпускники отмечают, что она всегда старалась учитывать интересы и способности студентов при выборе тем курсовых и дипломных работ. «Татьяна Николаевна всегда старалась подобрать темы курсовых в соответствии с интересом обручающегося: сделать акцент на культурной части или социальном» [23]. При этом относилась к исследованиям очень серьёзно, требовала внимательного изучения источников и точных формулировок. «Очень серьезный подход. Татьяна Николаевна строго оценивала выбор исторических источников и их характеристику» [11]. Многие рассказывают, что именно Татьяна Николаевна впервые предложила им выступить на научной конференции.

«Татьяна Николаевна с младших курсов всегда могла «уговорить» принять участие в научных конференциях, первый год было страшно, потом стало интересно» [10]. Для кого-то это был просто интересный опыт, а для кого-то – начало научной карьеры. Особенно показательны слова одной из выпускниц, которая признаётся, что благодаря Татьяне Николаевне пришла в науку и впоследствии стала кандидатом исторических наук [15].

Есть и другие примеры. Один из выпускников сегодня преподаёт историю и обществознание и продолжает передавать своим ученикам исследовательские навыки, полученные под её руководством. «Я был дипломником Татьяны Николаевны и могу с уверенностью сказать, что считаю себя воспитанником её научной школы. Я работаю преподавателем истории и

обществознания в средней школе, и мои воспитанники также участвуют в дебатах, как и когда-то я сам будучи студентом. Именно Татьяна Николаевна сформировала мой методологический аппарат в научных исследованиях, а также научила меня какого это быть историком – человеком, у которого нигде и никогда не заканчивается сфера научных интересов» [21]. Таким образом, влияние Татьяны Николаевны не заканчивается последним экзаменом. Её методы, подходы и отношение к профессии продолжают жить уже в работе её учеников.

Но, пожалуй, самая тёплая часть опроса – это личные воспоминания выпускников. За образом серьёзного профессора здесь открывается совсем другая сторона Татьяны Николаевны – человека с прекрасным чувством юмора, внимательного к студентам и умеющего создавать вокруг себя особую атмосферу. Например, одна выпускница вспоминает, что Татьяна Николаевна могла пригласить дипломников домой, чтобы проверить очередную главу работы, и обязательно напоить их чаем [10]. Другому участнику опроса она запомнилась конфетами, которые всегда носила с собой [5]. А ещё выпускники вспоминают, как Татьяна Николаевна ласково называла студентов «мои поросятки» [9; 18]. Есть и совсем забавная история. Однажды студент уснул на занятии. Татьяна Николаевна тихонько подошла к нему, резко хлопнула в ладоши, но он даже не проснулся [12]. Такие небольшие эпизоды, возможно, лучше любых официальных характеристик показывают, каким человеком её запомнили студенты.

При этом выпускники обращают внимание даже на её внешний вид. Красивые украшения, каблуки, элегантная одежда, чувство стиля – всё это тоже стало частью её образа [10; 15; 19]. Для многих Татьяна Николаевна была примером не только профессионализма, но и женственности, уверенности в себе и умения достойно держаться.

Интересно и то, с каким словами ассоциируется Татьяна Николаевна. Среди них «профессор» [4; 23], «тетя Таня» [10], «хороший человек» [13], «настоящий друг» [9]. А одна из выпускниц сравнила её со средневековым образом Прекрасной Дамы [7]. На мой взгляд, особенно интересно, что в этих определениях соединяются и уважение к учёному, и восхищение личностью, и обычная человеческая привязанность.

Таким образом, перед нами складывается очень живой и многогранный образ Татьяны Николаевны Ивановой. И, наверное, именно в этом заключается главное достижение преподавателя: когда спустя 5, 10, 20 и даже 30 лет его бывшие студенты помнят не только то, чему он учил, но и то, каким человеком он был. А значит, Татьяна Николаевна оставила след не только в истории университета, но и в личных историях своих учеников.

Список литературы

1. 55 лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Н. Н. Агеева, О. В. Андреев, О. Г. Вязова [и др.]. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2022. – 495 с.

2. Анкета Александровой Т.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

3. Анкета Богоявленовой (Корняковой) К.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (01.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

4. Анкета Воробьевой Л.А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (24.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

5. Анкета Ивановой (Григорьевой) А.А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (26.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

6. Анкета Карамаликовой М.А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (03.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

7. Анкета Козиной Н.Г. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (09.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

8. Анкета Корниловой Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (23.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

9. Анкета Красновой М.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

10. Анкета Лукьяновых А. и К.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

11. Анкета Майоровой О.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (08.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

12. Анкета Никитиной А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (03.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

13. Анкета Нургаяновой Р.М. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (25.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
14. Анкета Паравиной М.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
15. Анкета Ратниковой А.Р. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (21.09.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
16. Анкета Савиновой (Бабасиной) Е.Н. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (31.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
17. Анкета Самылкина Н.О. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (25.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
18. Анкета Смышляева С.С. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (05.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
19. Анкета Табункиной К.О. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (03.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
20. Анкета Тюнтерова О.С. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (03.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
21. Анкета Федотова М.А. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (17.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
22. Анкета Халатян А.Г. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (03.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
23. Анкета Шевченко И.М. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (21.09.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
24. Анкета Шумиловой О.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (04.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
25. Иванова, Т. Н. «Будил умы и зажигал сердца»: преподавательская деятельность Ю.Б. Лебедева в ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России (памяти И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 28 апр. 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 165–170.

Краснова Марина Николаевна
канд. филос. наук, доцент
Щербакова Екатерина Артемьевна
студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

«ПЕДАГОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, НАСТАВНИК»: А.П. ДАНИЛОВА ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: *в статье рассматривается преподавательская деятельность Даниловой Антонины Петровны в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова на основе воспоминаний выпускников исторического факультета. Анализируются особенности лекционной манеры, нетипичные учебные форматы, а также роль преподавателя в вовлечении студентов в научную работу. Особое внимание уделено стилю общения, личным качествам и профессиональному влиянию педагога на становление выпускников.*

Ключевые слова: *историческое образование, высшая школа, преподаватель, лекционная манера, учебные форматы, воспоминания выпускников, научная работа студентов, профессиональное влияние, Чувашский государственный университет.*

Поводом для статьи иногда становится не круглая дата, а простое желание сохранить и зафиксировать то, что иначе останется только в памяти отдельных людей. Именно так получилось и у нас. Мы собираем воспоминания выпускников исторического факультета о

преподавателях, и одной из первых в этом ряду стала Антонина Петровна Данилова – человек, о котором студенты разных поколений говорят почти одними и теми же словами.

Данная статья посвящена Даниловой Антонине Петровне, кандидату исторических наук, доценту, педагогу-новатору. В её творческом арсенале – 15 книг и более 150 статей, в том числе о воспитании и патриотизме, о становлении местного самоуправления. Антонина Петровна родилась 21 октября 1948 года в селе Выползово (ныне Антипинка) Порецкого района Чувашской АССР, сейчас живёт в Чебоксарах[2] О её деятельности в сфере образования и науки уже написаны отдельные работы, однако, на наш взгляд, важно зафиксировать то, что не попадает в официальные издания, а собрано благодаря развёрнутому анкетированию выпускников исторического факультета [1, с. 76]) Эта статья продолжает формат сбора воспоминаний о преподавателях факультета, начатый нашими коллегами [18].

Анкета была создана авторами и размещена в социальной сети ВК, в чатах однокурсников, а также респонденты набирались по методу социологической выборки «снежного кома» (когда один выпускник, заполнивший анкету, предлагал её своему однокурснику). Вопросы все были открытого типа. Всего было заполнено 15 анкет. Среди опрошенных оказались те, кто обучался в 1974–1979 гг. – 1 человек, 1985–1990 – 1, 1991–1996 – 6, 1996–2000 – 1, 1998–2003 – 2, 1999–2004 – 1, 2002–2007 – 1, 1996–2022 – 1, 2004–2004 – 1. По полу: мужчин – 3, женщин – 12. В настоящее время все опрошенные работают.

Опрошенные представляют разные поколения выпускников и оба пола, и что немаловажно, среди них – те, кто хорошо помнит Антонину Петровну, а для некоторых из них она оказала большое воздействие в научном и педагогическом становлении.

А.П. Данилова в ходе своей педагогической деятельности вела несколько предметов, их название и тематика менялись на протяжении разных лет в связи с изменением учебных планов и научных интересов Антонины Петровны, но она оставалась ведущим преподавателем по основному курсу «История Древнего мира», что помнят все опрошенные. Также выпускники называют религиоведение, историю славян, новую историю, спецкурсы «Библию как памятник культуры древности», античную мифологию.

Первая встреча студентов с Антониной Петровной у большинства респондентов произошла на первом курсе, на лекциях по истории Древнего мира. Говоря о первых впечатлениях, выпускники, конечно, отмечают её эрудицию, блестящее владение темой. «Мы сразу увидели перед собой опытного лектора, обладающего огромным запасом знаний» [7]. «Потрясающий лектор и одновременно чуткий, деликатный педагог» [14]. Характеристики у всех похожие: строгая, требовательная, принципиальная, но при этом справедливая и тактичная. «Строгий преподаватель. Человек, который знает свой предмет отлично. Принципиальный» [11]. И важно: строгость у неё была не от характера, а от требовательности к делу. «Всегда с большой любовью вспоминаю занятия с ней. Ни разу не было замен по её предмету, всегда пунктуальная и авторитетная. В аудитории во время её лекций стояла полная тишина» [8].

Вне зависимости от периода обучения выпускники отмечают чёткую структурированность и глубину лекций. «Чёткая структурированность лекций, благодаря чему большой объём информации хорошо понимался и запоминался» [10]. «Без использования записей Антонина Петровна рассказывала тему, как сказку. Очень доходчиво, понятно. Её речь отличали чёткость, громкость, неторопливость, правильные интонации» [8]. И спустя много лет помнится главное: «Прошло практически 35 лет, но запомнилось её умение сложное объяснить просто» [10]. «Это были самые четкие, последовательные и насыщенные лекции, я успевала написать лекцию, выделить главную мысль, это был просто лучший опыт, потому что она объяснила, как думать [5].

Отдельная тема, которую отмечают практически все, – работа с историческими источниками. Это её «фирменный» метод. «Скрупулёзная работа с историческими источниками. Из необычных для нас тогда форматов – историко-критический анализ источников» [14]. «Акцент на анализ источников», «научила конспектировать источники» [9]. Выпускники помнят

и конкретные задания: анализ законов царя Хаммурапи, доклад по религиозной реформе фараона Эхнатона [4].

Много отзывов и о научной работе. Антонина Петровна вовлекала студентов личным примером: рекомендовала литературу через МБА, приглашала на конференции. «Готовых ответов не давала, но умела вести к ним» [13]. «Она предложила мне тему диплома, связанную с темой её диссертации… привела меня в науку, научила методике исследования» [9]. Показательна история Натальи Кудряшовой: придя с уже намеченной темой, после беседы с Антониной Петровной она изменила её до неузнаваемости – и тема открыла для неё «удивительный мир иконописи» [12].

Не можем пройти мимо того, как строились отношения между студентами и А.П. Даниловой. «Деловым, но без сухости. Дружеским, но без панибратства» [13]. «На занятиях стиль общения был официально-деловой, а в неформальной обстановке непринуждённый и эмоциональный. Антонина Петровна очень тепло относилась к студентам» [14]. «Не терпела пустословие и демагогию не по теме» [8]. Помнят её и как куратора: «Будучи куратором, не стеснялась посещать студенческие вечеринки и даже участвовать в конкурсах! Сохранилось фото группы, она тоже пошла с нами в фотоателье! Так было трогательно» [6].

Среди личных качеств выпускники называют требовательность, скрупулёзность, справедливость, тактичность, ответственность, честность, профессионализм, чувство юмора, умение добиваться цели, организаторские качества. Отдельно отмечают вкус: «Антонина Петровна имела чудесный вкус в одежде. Лаконично, со вкусом и всегда собраны волосы» [8].

Особенно ценны прямые высказывания выпускников. «Преподаватель с большой буквы. Прекрасные знания, умелое преподавание. Добиться, чтоб ленивый и стеснительный студент поверил в себя, а сильный студент открыл для себя новое и раздвинул горизонт знания. Это дорогого стоит! Благодарна до сих пор!» [6]. «Преподаватели, подобные Антонине Петровне, – это настоящая опора высшего образования. Они не просто передают знания, а задают стандарт, формируют профессиональную культуру и остаются ориентиром на всю жизнь» [13]. «Потрясающий специалист. Тонкий, умный, внимательный» [15]. «По сей день для меня – это очень авторитетный человек» [8].

Особого внимания заслуживает то, какими словами выпускники характеризуют А.П. Данилову. Ответы на соответствующий вопрос анкеты распределились следующим образом: «Учитель» [9], «Наставник» [6], «Леди в науке» [4], «Женщина – Учёный» [13], «Преподаватель от бога» [16], «Она создана для истории» [8]. При всём разнообразии формулировок все они относятся к одному человеку. Респонденты приводят и фразы, запомнившиеся им от самой Антонины Петровны: «Какие мы разные, но Родина у нас одна – Россия» [14], «Надо это сделать» [9], «Великие люди всегда просты» [13].

Влияние А.П. Даниловой на профессиональное становление выпускников отмечается практически во всех анкетах. Так, А.Н. Зарубин указывает: «Захотелось быть историком, исследователем» [7]. Т.Н. Иванова отмечает: «Она привела меня в науку, научила методике исследования, пример для преподавания» [9]. А.Г. Чернов пишет: «Я стал учителем» [16]. М.Н. Краснова вспоминает, что Антонина Петровна предложила ей остаться на кафедре ассистентом [11]. Большинство опрошенных остались в профессии, и многие связывают свой путь именно с ней.

Таким образом, из воспоминаний складывается цельный образ: строгий и справедливый педагог, глубокий учёный, человек удивительной внутренней культуры. Для многих она стала точкой отсчёта в профессии. И лучше всего её характеризует одно слово – Учитель.

Список литературы

1. 55 лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Н. Н. Агеева, О. В. Андреев, О. Г. Вязова [и др.]. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2022. – 495 с.

2. X Республиканский конкурс на лучшее студенческое научное общество «КласСНО!». – URL: https://vk.ru/clubcn (дата обращения: 07.11.2026). – Текст : электронный.

3. Анкета Волкова Э. Воспоминания о А.П. Даниловой (11.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.

4. Анкета Воробьевой Л.А. Воспоминания о А.П. Даниловой (24.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
5. Анкета Деминой (Раскидной) Ю.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (13.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
6. Анкета Дьяконовой Л.Г. Воспоминания о А.П. Даниловой (24.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
7. Анкета Зарубина А.Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (21.09.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
8. Анкета Ивановой (Григорьевой) А.А. Воспоминания о А.П. Даниловой (26.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
9. Анкета Ивановой Т.Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (24.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
10. Анкета Корниловой Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (23.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
11. Анкета Красновой М.Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (23.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
12. Анкета Кудряшовой Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (26.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
13. Анкета Лукишиной С.А. Воспоминания о А.П. Даниловой (28.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
14. Анкета Майоровой О.Н. Воспоминания о А.П. Даниловой (28.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
15. Анкета Тростянской (Бобровой) Н.В. Воспоминания о Т.Н. Ивановой (11.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
16. Анкета Чернова А.Г. Воспоминания о А.П. Даниловой (25.10.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
17. Анкета Шумиловой О.В. Воспоминания о А.П. Даниловой (04.11.2026). Полевые исследования Красновой М.Н., Агеевой Н.Н.
18. Иванова, Т. Н. «Будил умы и зажигал сердца»: преподавательская деятельность Ю.Б. Лебедева в ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России. – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 165–170.

Русанова Вера Сергеевна
канд. ист. наук, доцент
Закирова Руслана Константиновна
студентка

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина»
г. Сыктывкар, Республика Коми

РУССКАЯ КАРИКАТУРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Аннотация: *на примере анализа карикатур, созданных русскими художниками-графиками в период Отечественной войны 1812 г., показано, что данный визуальный источник может выступать инструментом формирования исторической памяти о событиях прошлого. За счет образности и интерпретации смыслов карикатура может быть успешно интегрирована в образовательный процесс как в средней, так и в высшей школе наравне с иными изобразительными и литературными материалами для воссоздания и фиксации визуального образа прошлого у обучающихся.*

Ключевые слова: *карикатуры, историческая память, Отечественная война 1812 г, образовательные практики.*

В преддверии 215-летия со времени окончания Отечественной войны 1812 г. актуализируется обращение к событиям этого времени не только в научной, но и образовательной

среде. Более того, Указом Президента №809 зафиксировано, что историческая память выступает одной из современных традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Безусловно, формирование и сохранение исторической памяти влияют на становление национальной идентичности, преемственность исторического опыта поколений и способствуют предотвращению фальсификации национальной истории. Все эти задачи решаются, как правило, через систему образования и воспитания.

Представление о войне с Наполеоном как войне народной нашло отражение уже в манифесте Александра I [2]. На протяжении XIX столетия деятелями культуры был создан и визуально-литературный образ Отечественной войны, окончательно укрепивший в восприятии потомков представление о героической победе русского народа, русского оружия и единстве всех сословий.

В наши дни представление об Отечественной войне 1812 г., роли армии и народа в борьбе с неприятелем продолжает передаваться через образно-литературные средства сначала в средней, а затем и высшей школе. Этому способствуют уже ставшие хрестоматийными произведения литературы и живописи: стихотворение «Бородино» М.Ю. Лермонтова, роман-эпопея «Война и мир» Л.Н. Толстого, картина «Совет в Филях» А.Д. Кившенко, портретная галерея героев Отечественной войны 1812 г. в Зимнем дворце Дж. Доу. Список этот может быть продолжен. Вместе с тем из поля зрения педагогов средней и высшей школы выпадает пласт графических материалов эпохи войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, позволяющих не только визуализировать события тех лет, но и «проникнуть» в массовое мировоззрение людей той эпохи. В связи с чем карикатуры как источник информации о событиях тех лет могут выступать материалом для формирования исторической памяти.

Российская карикатуристика 1812–1813 гг., развивающаяся под влиянием борьбы Российской империи с французским неприятелем, породила большое количество «летучих листков». Эти листки разнообразны по своей тематике. Наиболее массово представлены сюжеты, связанные с участием народных масс в партизанском движении, ролью казачества в борьбе с неприятелем и развенчанием мифа о непобедимости Великой армии Наполеона Бонапарта.

Ярким примером, фиксирующим восприятие роли партизан в борьбе с наполеоновской Францией, выступает карикатура «Крестьянин Иван Долбила» А.Г. Венецианова [1]. Эта карикатура воспроизводит в графике призыв генерал-губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина, обращенный к русскому крестьянину, в одной из его «афиш»: «Когда до чего дойдет мне надобно молодцов и городских, и деревенских; я клич кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу. Хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; француз не тяжеле снопа ржанаго» [4]. «Ростопчины афиши» создавались преимущественно в первый период Отечественной войны 1812 г., когда русская армия отступала в глубь страны. Они были направлены на поддержание морального духа народных масс. А.Г. Венецианов в карикатурной форме фиксирует призыв Ростопчина, что способствует быстрому распространению и фиксации созданного образа народной борьбы в массах. С одной стороны, крестьянин в карикатуре А.Г. Веницианова – собирательный образ партизан / народных масс. С другой – здесь в доступной форме фиксируется героический нарратив Отечественной войны 1812 г. Данная карикатура дает возможность создать образ партизана и народа в целом, отражая, что в борьбе с врагом возможны любые средства.

Другой карикатурой, показывающей народное движение, приобретающее «женское лицо», является летучий листок 1812 г. «Французы голодные крысы в команде у старостихи Василисы» С.П. Шифляра. Она была опубликована в журнале «Сын Отечества». Данная иллюстрация строится на истории, произошедшей в Сычёвском уезде Смоленской губернии и позже описанной на страницах упомянутого журнала. В центре внимания оказывается Василиса Кожина – жена старосты деревни, которая умело справляется с французами. Этот прием, изображение женщины как участницы войны, на наш взгляд, позволял нивелировать страх перед врагом, фиксируя это в массовом сознании.

Карикатуры периода Отечественной войны на основе приема контрастного изображения формировали героический образ русского воина и побежденного французского солдата. В уже упомянутых изображениях французская армия наделяется художниками-карикатуристами такими качествами, как слабость, переходящая в немощность, дезорганизация. Французы трусливо сдаются в плен, в отличие от русских партизан, продолжающих биться за жизнь и свободу. Этот мотив, к примеру, отражается в карикатуре «Русский Сцевола» И.И. Теребенёва [5]. Данная карикатура иллюстрирует рассказ из журнала «Сын Отечества», повествующий о крестьянине, которого клеймили как солдата французской армии. По сюжету рассказа крестьянин отрубает правую руку с клеймом о вступлении в армию противника, демонстрируя верность своему Отечеству. Так, мы можем наблюдать, как карикатуристы закрепляли противопоставление «сильный храбрый свой» и «слабый трусливый чужой».

Интересен и образ Наполеона I Бонапарта в русских карикатурах 1812–1813 гг. Подчеркнем, что у карикатур, изображавших французского императора, была конкретная задача – разрушить сложившийся образ Наполеона I как непобедимого правителя, властителя Европы. Этим продиктована усиленная ирония в изображении Наполеона. В качестве примера можно рассмотреть карикатуру И.И. Теребенёва «Консилиум» 1813 г [6]. По сюжету, врачи выявляют у французского генерала Наполеона ряд симптомов, которые, как поясняет автор, были вызваны тем, что Наполеон «много лгал в бюллетенях», совершал много кровопролития, а также «неудались сумасбродные планы» императора. Врачи в свою очередь приходят к выводу, что в России императору не подошел климат и советуют скорее уезжать обратно в Париж.

Кратко проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что карикатуры создают яркие и контрастные образы, формируя представления в контексте «свой» / «чужой», подчеркивают народный характер войны 1812 г. и позволяют фиксировать в памяти ее визуальный образ наравне с иными художественными произведениями, что в свою очередь позволяет поставить вопрос о возможности использования этих графических материалов в образовании для формирования исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. как в средней, так и в высшей школе.

Список литературы

1. 1812 год в произведениях искусства из собрания Русского музея // Русский музей. – URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/art_gallery/1812/index.php?lang=ru&show=asc&p=0&t=0&page=1&mp4=1&ps=60#slide-1 (дата обращения: 12.10.2024). – Текст : электронный.

2. О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского : манифест. – URL: https://1812.nsad.ru/220 (дата обращения: 10.11.2026). – Текст : электронный.

3. Теребенёв, И. И. Офорт. «Русский Сцевола» из серии карикатур на тему Отечественной войны 1812 года [1813] / И. И. Теребенёв. – URL: https://panoramaborodino.museum-online.moscow/entity/OBJECT/349?index=0&paginator=entity-set&entityType=ALBUM&entityId=3967325&attribute=objects (дата обращения: 12.02.2025). – Текст : электронный.

4. Ростопчин, Ф. В. Ох, французы! / Ф. В. Ростопчин ; сост. и примеч. Г. Д. Овчинникова. – Москва : Русская книга («Советская Россия»), 1992. – 334 с.

5. Теребенёв, И. И. Консилиум. 1812 г. : офорт / И. И. Теребенёв. – URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.-324/index.php (дата обращения: 15.03.2025). – Текст : электронный.

Титкова Екатерина Геннадьевна
аспирант, преподаватель
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ МИНСКА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ КАК ИНДИКАТОР ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: *в предложенной статье описывается порядок празднования торжества в столице и городах БССР, перечень предпраздничных мероприятий. Автор, применяя коммеморативные практики, устанавливает взаимосвязь празднества с формами сохранения и передачи памяти.*

Ключевые слова: *праздник, митинг, демонстрация, обелиск, улицы, субботник.*

После освобождения БССР от немецких оккупантов праздничный календарь Советской Белоруссии пополнился новой весомой праздничной датой – днем освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Закон БССР от 03.07.1945 «Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза» определил данную памятную дату как «всенародный праздник Победы и освобождение белорусского народа от немецко-фашистских захватчиков» [6].

Первая годовщина освобождения Минска представляла собой грандиозное массовое торжество, предполагающее крупномасштабную подготовительную работу, охватившую, как столицу, так и регионы страны.

В столице подготовка к празднованию осуществлялась, начиная с 1 июня с рабочего собрания Минского городского комитета КП(б)Б с секретарями и заведующими отделами пропаганды и агитации районных комитетов партии, а также с участием представителей общественных организаций, производственных предприятий, библиотек о предстоящей годовщине независимости столицы.

На фабриках и заводах, производственных объединениях проводились собрания трудового коллектива, приуроченные важному историческому событию. В преддверии праздника работники предприятий и учреждений собирали подарочные наборы для семей погибших красноармейцев и ветеранов войны.

Музеи столицы готовились к запуску экспозиций и выставок, иллюстрирующих борьбу белорусской нации против зарубежных агрессоров и отождествляющих обыденность людской жизни в военные годы через призму художественных произведений.

Допраздничная подготовка в городах БССР осуществлялась по схожей модели. В административных центрах советского государства предпраздненственные мероприятия, стартовали с 7 июня. В упомянутый день в городах проводились рабочие встречи секретарей первичных организаций, руководителей промышленных предприятий, представителей общественных организаций о грядущей годовщине освобождения столицы, а также организовывались социалистические соревнования по досрочному перевыполнению производственных показателей, посвященные праздничной дате.

Отделы агитаций и пропаганды регионов проводили обучающие семинары руководителей агитационных коллективов по тематике освобождения страны от немецких захватчиков. Секретари первичных партийных организаций и руководители учреждений и предприятий занимались оформлением зданий победными лозунгами, портретами вождей и военачальников Красной Армии. В библиотеках белорусских городов открывались книжные выставки о героическом подвиге белорусов. Накануне праздника, 2 июля, в городах проводились торжественные встречи председателей Горисполкомов городов с членами партийных,

общественных организаций и воинских частей. В виду огромного урона, нанесенного войной, а также с целью приведения городов в надлежащее состояние, проводились общественные субботники трудящихся.

Празднование первой годовщины освобождения Минска столицей осуществлялась по следующему сценарию: военный парад с участием военнослужащих гарнизонов, солдат и курсантов, митинг трудящихся и школьников, культурная программа.

Культурную программу празднования составили кинопоказы советских фильмов в скверах и парках, а также праздничные спектакли и постановки в драматическом театре имени Янки Купалы и Белорусском государственном театре оперы и балета.

В городах празднование проводилось по общеустановленной схеме: проведение городского митинга, демонстрация трудящихся, вечерние массовые мероприятия, предусматривающие кинопоказ фильмов, организацию постановок спектаклей, спортивные физкультурные состязания.

Так, в заметке газеты «Гродненская правда» от 05.07.1945 празднование первой годовщины освобождения политического центра страны в г. Лида отождествлялось с радостью победы. Далее автор пишет: «В городе царило праздничное оживление. Флаги, лозунги плакаты, украшенные цветами портреты Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП (б), Маршалов Советского Союза, командующих фронтами украсили дома, здания учреждений, фабрик и заводов» [1].

Вечером, 2 июля, состоялось торжественное заседание руководителя городского исполнительного комитета с уполномоченными представителями общественных и партийных организаций и избрание президиума Политбюро ЦК ВКП (б). Представители отдела агитации и пропаганды продекламировали доклад о первой годовщине освобождения нашего государства от немецких вторженцов.

Утром 3 июля состоялся митинг трудящихся с участием служащих и инженерно-технических работников. Вечером этого же дня состоялись показы фильмов в сквере центрального парка, а также физкультурные соревнования.

Праздничная юбилейная дата освобождения центра Белоруссии послужила важным стимулом формирования, сохранения и трансляции важных исторических ценностей, выразившихся в коммеморативных практиках, и, закрепленная в законе БССР от 03.07.1945 «Об ознаменовании Победы и увековечении памяти воинов Красной Армии и партизан, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны Советского Союза» [6]. К их числу можно отнести переименование улиц и площадей в честь героев войны, а также создание памятников и обелисков и иных объектов, увековечивающих память воинов, партизан, мирных граждан БССР.

С целью увековечивания памяти генерала-майора Лазаренко Ивана Сергеевича, принявшего участие в освобождении г. Кричева Могилевской области переименовать улицу Военную г. Кричева в улицу имени генерала майора Лазаренко Ивана Сергеевича, а также переименовать Советскую площадь в «Парк» имени генерала-майора Лазаренко Ивана Сергеевича [5].

Для запечатления памяти генерала армии Черниховского Ивана Даниловича, принявшего участие в борьбе за независимость Орши сменить наименование улицы Веселой в улицу имени Черниховского в г. Орша [3].

В память о подвиге партизанского движения на территории Белоруссии и вклада Веры Захаровны Хоружей в освобождение страны, переобозначить улицу Коммунальную в г. Пинске в улицу имени Веры Хоружей [4].

Важной формой коммеморативных практик являются памятные знаки, монументы, отображающие память о подвигах защитников Родины и мирных жителях, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Важным артефактом памяти о войне считается обелиск «Город-герой» в г. Минске, введенный в эксплуатацию в 1985 году к сороковой годовщине независимости государства [7].

С намерением незабвения памяти о партизанах Второй мировой войны в поселке Первомайский сооружен и построен мемориальный знак, сохраняющий память о расположении Барановичского подпольного обкома КПБ и штаба партизанского соединения [2].

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что первая годовщина освобождения Минска – это важное историческое событие для Советской Белоруссии, официально закрепленное на законодательном уровнем и имеющее широких охват празднования. Предпраздниковый этап сопровождался собраниями трудовых коллективов на предприятиях о важности данного события для государства и отдельно взятого человека, сбором подарков для семей погибших солдат и фронтовиков войны. Празднование проводилось по единому сценарию: митинг, демонстрация трудящихся и молодежи, вечерняя развлекательная программа. Центральным ядром праздника являлся Минск, в котором празднество включало следующие последовательные этапы: военный парад, митинг, культурно-развлекательные мероприятия. Обозначенная праздничная дата послужила отправной точкой к становлению и передаче важных ценностей молодому поколению посредством переименования улиц и создания памятных мест в виде памятников, могил погибшим солдатам, являющегося своеобразным хранителем памяти.

Список литературы

1. Еськов, М. Гродненская правда / М. Еськов. – 1945. – №109 (640). – С. 3.
2. Зональный государственный архив г. Молодечно (ЗГАМол). – Ф. 704. – Оп. 1. – Д. 1091. – Л. 42.
3. Зональный государственный архив г. Орша (ЗГАОрш). – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 110, 111, 113 об.
4. Зональный государственный архив в г. Пинске (ЗГАПин). – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 952. – Л. 44.
5. Зональный государственный архив в г. Кричеве (ЗГАКр). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 189. – Л. 24–25.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 8330. – Л. 25–26.

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И РОЛЬ В ЭТОМ МУЗЕЕВ, АРХИВОВ, СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Андреев Олег Васильевич
канд. ист. наук, доцент
Каталов Иван Андреевич
магистр, ассистент кафедры
Федотова Татьяна Юрьевна
ассистент кафедры

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ, ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ ФАШИСТСКИЙ ПЛЕН

Аннотация: *в статье рассматривается официальная политика советского государства в отношении военнослужащих, вернувшихся из фашистского плена в ходе и после Великой Отечественной войны. На основе документов и фактов судеб бывших военнопленных – уроженцев Чувашии, в том числе родственников соавторов статьи, – показано, что судьбы репатриированных складывались по-разному: большинство было проверено, оправдано и получило возможность вернуться в строй, а тем, кто не мог продолжить службу по состоянию здоровья, оказывалась помощь в трудоустройстве и социальном обеспечении. Авторы стремятся преодолеть односторонние трактовки и стереотипы, сложившиеся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и поддержать более взвешенные и объективные оценки данной проблемы.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, воин, танкист, военнопленный, НКВД, НКГБ, репатриация, осужденный, жертва политических репрессий, тыл.*

Война, развязанная Советскому Союзу фашистской Германией и её европейскими союзниками, разделила жизнь советских граждан на два противоположных состояния – мир и беда, в одно мгновенье сломала судьбы многих воинов страшным и унизительным – пленом, о котором прежде и мыслить не могли.

Сильное эмоциональное воздействие на сознание оказывают строки из песни «Мгновения» к известному советскому кинофильму:

«Мгновенья раздают – кому позор,
Кому бесславье, а кому бессмертие».

Война разрушила жизнь и лишила почти всего, что дорого обычному человеку – родных и друзей, нанесла тяжелое физическое увечье и глубокую психологическую травму многим, но не могла убить тягу к жизни и добрые помыслы, желание донести и поделиться с людьми всем пережитым. История героя рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» (1956 г.) – пронзительно яркий пример схожих судеб многих-многих тысяч воинов, прошедших через плен.

Соавтору данной работы О.В. Андрееву в ходе подготовки в 2015–2016 гг. статей о роли старшего поколения родственников в Великой Отечественной войне [4; 5] неоценимую помощь оказали сведения из воспоминаний дяди С.А. Андреева, записанные им после возвращения из плена в 1943 г. на чувашском языке в двух тетрадях [2; 12]. Более 80 лет тетради вместе с документами, фотографиями и наградами хранились в фанерном чемодане в семье фронтовика-танкиста, бывшего военнопленного, о чем ничего не было известно

племяннику – соавтору статьи. По записям в тетрадях раскрылась непростая история жизни парня из чувашской деревни до призыва в армию и в годы войны. Многие события – прохождение срочной службы в Красной Армии, участие в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков, испытания пленом, возвращение инвалидом и перепроверка органами НКВД и НКГБ, восстановлены практически по дням.

Сведения о пребывании в плену настолько подробные, что заслуживают отдельной статьи, к тому же в данной работе основное внимание уделяется особенностям и результатам перепроверки, предопределившей дальнейшую судьбу бывшего военнопленного Сергея Андреева. А пример довольно-таки интересный и показательный, что не укладывается в рамки однозначных представлений и категоричных трактовок исследователями и регионального уровня [1, с. 254], берущих свое начало с доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, требующих серьезного переосмысления и взвешенной оценки политических репрессий в отношении бывших советских военнопленных, их судеб. На это обращает внимание в своей статье исследователь Д.А. Захаров [8, с. 101].

Не мог предположить парень из чувашской деревни Тимирзькасы Аликовского района Сергей Андреев, мечтавший и строивший планы на будущее, что через полтора года после начала Второй мировой войны в его жизни и всей страны произойдут страшные перемены. Был безмерно рад и горд, когда его, достигшего двадцати лет, согласно Закону от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской повинности», Аликовским райвоенкоматом призвали в ряды Красной Армии. Начал военную службу курсантом 24-й легкотанковой бригады, получил звание младшего сержанта, с апреля 1941 г. стал механиком-водителем танка Т-34 16-го танкового полка 8-й танковой дивизии (сформирована в конце 1940 г. на базе 24-й тбр) [2, с. 5].

Танкист Сергей Андреев участвовал летом 1940 г. в восстановлении исторических прав СССР – возвращении Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины в состав государства. Его соединение в августе-октябре 1940 г. участвовало в масштабных военных учениях под руководством командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г.К. Жукова. Привелось танкисту встретиться в январе 1941 г. и с первым секретарем ЦК компартии Украины Н.С. Хрущевым, который во время посещения дивизии поинтересовался откуда родом солдат.

Танкист Великую Отечественную войну встретил в рядах своей 8-й танковой дивизии (с июля 1940 г. входила в 4-й мехкорпус), дислоцированной в районе г. Львов. Участвовал в сражениях лета-осени 1941г. (в районе Дубно-Луцк-Броды, Львовско-Черновицкой и Киевской стратегических оборонительных операциях). В Уманском котле погиб и его комдив полковник П.С. Фотченков. Хотя несколько раз восстанавливались силы, но в 8-й дивизии к концу августа 1941 г. осталось всего 4 танка. Ещё в июне был подбит также и танк младшего сержанта Сергея Андреева. Оставшиеся силы дивизии ушли на формирование 131-й отдельной танковой бригады (далее – 131-я отбр).

В ходе Харьковской наступательной операции Красной Армии (12–28 мая 1942 г.) 131-я отбр Юго-Западного фронта погибла вместе с комбригом полковником И.К. Арсенюком [2, с. 28]. Раненный 19 мая в правую ногу осколком снаряда во время боя за с. Грушевая Харьковской области, танкист Сергей Андреев после медсанбата находился в полевом госпитале в с. Н. Бошаново Петровского района Харьковской области. Село, где находилось до 500 тяжело раненных воинов, непрерывно бомбила немецкая авиация. Было плохо с медобслуживанием и питанием, но самым страшным и горьким стало известие 25 мая, что медперсонал организованно покинул госпиталь и присоединился к подразделениям, пытавшимся вырваться из окружения. У танкиста прогрессировала гангрена, начавшаяся ещё в госпитале, и он в таком состоянии с товарищами встретил приход румынских и немецких войск. Началось новое страшное испытание – плен [2, с. 59; 12].

По подробно датированным воспоминаниям не трудно судить, что автор обладал исключительной памятью и способностью грамотно излагать свои мысли. Где только не пришлось побывать военнопленному с июня 1942-го и по июнь 1943 г.: начиная от с. Н. Бошаново и станции Лозовая Харьковской области, далее д. Краснопавловск Орловской области, Днепропетровск, Житомир, Киев, Курск, Орел, многие населенные пункты Орловской области.

Из воспоминаний следует, что Сергей Андреев, как и другие инвалиды-военнопленные на территории Житомирской области, в августе 1942 г. был выпущен со спецпропуском из лагеря. Оказывается, в прифронтовых лагерях для военнопленных по решению комиссии под руководством начальника лагеря избавлялись от изувеченных и не пригодных для физической работы пленных. Вот как описывает это обстоятельство пленный-красноармеец Андреев: «21 августа. Утром, после того как поели хлеб с баландой, нас повели в комендатуру. Там у всех забрали военное обмундирование и одели в лохмотья. Вечером нам выдали пропуска. Сегодня нас обедом не кормили. Но зато, выйдя из-за колючей проволоки, сегодня подышим свежим воздухом! Каких только не было среди нас инвалидов! Вот рядом татарский парень, который после ранения в позвоночник шатается на своих ногах словно на тряпках. Но ему некому помочь. Он, выйдя за территорию лагеря, сразу свалился на землю, так как может передвигаться разве что ползком. Он не сможет никуда идти и добыть себе еды, разве что если кто-то пожалеет и даст хлеба. Хорошо, что ещё не холодно» [2, с. 65].

Такие военнопленные должны были зарегистрироваться в местных оккупационных органах власти и решать вопросы обустройства. Сергей Андреев до лета 1942 г. находился под присмотром местного полицая в с. Золотарево Моховского района Орловской области.

В разгар Курской битвы пленный танкист самовольно покинул место пребывания и направился в сторону фронта, хотя было мучительно больно передвигаться на самодельном деревянном протезе на месте правой ноги. На станции Муром Казанской железной дороги 26 августа 1943 г. он был задержан сотрудниками транспортного отдела НКВД для проверки личности в виду отсутствия каких-либо документов. Бывший военнопленный 27 августа был арестован и ему предъявлено обвинение (осудивший орган – ОТО НКВД ст. Муром) по статье 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР с формулировкой «Принадлежал к немецкой разведке» [2, с. 71]. Такие меры применялись на основании приказа Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [2, с. 102–105].

Сохранилась справка, подписанная 1 сентября 1943 г. начальником отделения государственной охраны (ОГО) Наркомата государственной безопасности СССР (НКГБ СССР образован в апреле 1943 г.) станции Муром подполковником госбезопасности Сагдеевым. Документ такого содержания: «Справка. Выдана настоящая Андрееву Сергею Андреевичу в том, что он 26 августа 1943 г. был задержан на ст. Муром Казанской ж. д. для проверки личности. После проверки личности 1-го сентября 1943 г. устроен для работы на ж. д. транспорте» [2, с. 102–105; 12]. Маленькая историческая справка: спецподразделения вроде ОГО на железнодорожных станциях в основном входили в НКВД, а не в НКГБ.

Обвинение было снято буквально через месяц – 29 сентября 1943 г. с формулировкой: «Следственное дело по обвинению Андреева дальнейшим производством прекратить, из-под стражи немедленно освободить» [2, с. 125]. В Чувашской республиканской Книге памяти жертв политических репрессий об этом информация отсутствует, содержится лишь короткий стандартный текст такого содержания: «Андреев Сергей Андреевич. 1919 г. р., чуваш. Род. ЧАССР, Аликовский р-н, д. Тимирзькасы, без определенных занятий. Обвинительные статьи: ст. 58 п. 10 ч. 2 УК РСФСР. Дата прекращения: 29.09.1943» [11, Т. 2, с. 81].

Теперь относительно трудоустройства и соцобеспечения бывшего военнопленного. В справке от 29 ноября 1943 г. (№95), подписанной начальником приема и увольнения станции Муром Ведерниковым, читаем следующее: «Справка дана гр. Андрееву Сергею Андреевичу,

прибывшему с фронта в том, что он работает на станции Муром Каз. ж. д. в должности диспетчера спецгруппы, инвалид Отечественной войны. 29 ноября 1943 г. В чем и заверяю. Справка дана для предоставления в Муромский горсобес на получение пенсии. Получает оклад содержания 650 рублей в м-ц /шестьсот пятьдесят руб.» [2, с. 128; 12].

Согласно справке, уже 29 ноября 1943 г. устроен на работу и при этом никто из представителей органов власти (включая сотрудников НКВД и НКГБ) ему не ставили в вину нахождение в плену, наоборот, называли фронтовиком, инвалидом Отечественной войны и всячески поддерживали, вплоть до поиска подходящего места работы. Этот и другие примеры сочувственного отношения представителей органов власти и граждан к бывшим военнопленным, усилий по их социальной реабилитации, наносят весомый удар по позициям некоторых исследователей, которые без серьезных на то оснований пишут о повально негативном к ним отношении. Лично соавтору статьи О.В. Андрееву в 1970-е и последующие годы в своей деревне, где из ветеранов двое прошли через плен, подобного отношения не приходилось замечать. Наоборот, люди при общении этот больной для них вопрос вообще старались не затрагивать. Бывшие военнопленные вели себя сдержанно, а в День Победы была заметна напряженность в поведении и грусть в глазах.

Через некоторое время ветеран Сергей Андреевич, придя в себя, наконец-то вернулся в родную деревня. Уходил в Красную Армию в 1939 г. рослый, крепкий и красивый парень, а вернулся домой мужчина-инвалид с сильно изменившимся характером. Дома выяснилось, что его долго искали родственники через Управление по персональному учету потерь сержантского и рядового состава действующей Армии Наркомата обороны СССР. Так, в справке от 22.06.1944 г., подписанной помощником начальника 4-го отдела названного Управления, на запрос о розыске военнослужащего Андреева С.А. указано: «…он в списках погибших, умерших от ран и пропавших без вести не зарегистрирован» [2, с. 130; 12]. В те годы, по известным причинам, не было принято афишировать пребывание в плену. Поэтому в характеристике от 6 июля 1944 г., выданной председателем колхоза для предоставления в Аликовский райвоенкомат, содержится формулировка «Под судом и следствием не состоял» и, соответственно, отсутствовали сведения за конец августа – конец сентября 1943 г., когда шло следствие [12].

Мужчин, тем более таких, как Сергей Андреевич, грамотных и опытных, особенно в деревне, тогда крайне не хватало. После прохождения курсов работал счетоводом, а затем – бухгалтером в правлении колхоза [12]. Активно участвовал в общественной работе, организации подписки на займ восстановления. Даже помог «красным следопытам» средней школы села Золотарево Орловской области собрать сведения об уроженце Чувашии – Герое Советского Союза М.В. Силантьеве, участвовавшем в освобождении ст. Золотарево, где провел последние месяцы плена С.А. Андреев [2, с. 214–215; 3].

Ему поверили, как и большинству бывших военнопленных (5,3 млн чел. из 34,5 млн мобилизованных в годы войны). В целом, данные о количестве военнопленных колеблются от 4,5 млн до 6,3 млн чел [6, с. 4; 15]. По некоторым данным, свыше 95% успешно прошли фильтрацию [8, с. 110], около 84% возвращены в ряды Красной Армии, 10% – в промышленность, 2% – в конвойные войска [9, с. 4–5].

Руководство Советского Союза придавало возвращению соотечественников на Родину принципиальное значение. Страна понесла огромные людские потери и поэтому репатриация военнослужащих и гражданских лиц, угнанных врагом на принудительные работы, рассматривалась как государственная задача первостепенной важности. Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генералом-полковником В.И. Голиковым в интервью корреспонденту ТАСС, опубликованном в газете «Правда», основная политика советского руководства по данному вопросу была изложена так: «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины» [10, с. 2].

Судьба бывшего военнопленного С.А. Андреева – не редкое исключение. Показателен пример уроженца Батыревского района И.И. Аксакова, оказавшегося в плену в июле 1942 г., сумевшего сбежать с товарищами и через два месяца добраться до расположения своих. Прошел излечение в госпитале и с декабря 1942 г. в течение шести дней благополучно прошел проверку в Суздальском проверочно-фильтрационном лагере, отправлен на фронт, а в 1944 г. демобилизован по ранению [8, с. 103].

Уроженец Янтиковского района Я.Д. Шакров находился в плену с 7 июня 1942 г. и до 23 апреля 1945 г., был членом антифашистского подполья в немецком лагере военнопленных «Цайтхайн». После освобождения в течение длительного времени проработал в Янтиковской средней школе учителем немецкого языка, географии и физкультуры [16].

Был среди узников лагеря «Цайтхайн» также и уроженец с. Порецкое Чувашии А.И. Пахомов, плененный в районе Минска. Один из руководителей лагерной антифашистской организации С. Злобин помог раздобыть несколько листов бумаги и огрызок карандаша, чем Пахомов запечатлел картины ужасов немецкого концлагеря. После войны А.И. Пахомов преподавал рисование и черчение в средней школе Порецка, г. Горьком, а в Сочи в 1967–1975 гг. руководил детской художественной школой [14].

Не менее показательна судьба уроженца Шумерлинского района Н.И. Иванова, попавшего в плен в самом начале войны, пытавшегося дважды безуспешно бежать. Вернулся домой в мае 1946 г. и проработал учителем в школе до выхода на пенсию [7].

Выдержал испытание немецким пленом и прадед соавтора статьи И.А. Каталова уроженец д. Никольское Порецкого района И.И. Кузнецов. С контузией попал в плен в самом начале войны и вернулся на Родину после её окончания. Проработал в Порецком лесхозе до 1948 г., затем заведовал зерноскладом в колхозе. По воспоминаниям родственников, в первое время после возвращения из плена его часто вызывали на допрос для выяснения обстоятельств нахождения в плену.

Из вышеприведенных примером следует, что если в ходе проверок не был доказан факт измены Родине, то репатриированные советские военнопленные возвращались в строй или к мирной жизни.

Не обходилось и без «перегибов», ломавших судьбы. В статье историка Д.А. Захарова приводится свидетельство уроженца Цивильского района, находившегося с 1941 г. в плену. В ходе допроса в марте 1945 г. военный комендант г. Кезлин, будучи пьян, не выслушав и избив допрашиваемого, внес в протокол заведомо ложное сведение о добровольной сдаче в плен и под угрозой расстрела заставил подписать документ. В результате репатриант был направлен в рабочий батальон и проработал на Московском мотоциклетном заводе, где и был демобилизован [8, с. 107].

Таким образом, с созданием благоприятных условий и соответствующей нормативно-правовой базы в 1990-е и последующие годы [13], на общероссийском и региональном уровнях исследователями проведена огромная работа в изучении рассматриваемой темы, внесены серьезные коррективы в оценку роли государственных органов в определении дальнейших судеб бывших советских военнопленных. В то же время, подготовка и издание, бесспорно, ценнейших источников – книг памяти жертв политических репрессий [11], их внимательное изучение вызывают некоторые вопросы и ставят новые задачи. На фоне существенного расхождения среди исследователей в толковании понятий [11, с. 30], дано четкое определение понятий «политические репрессии», перечислены категории граждан, подвергшихся таким преследованиям, то есть, ставших жертвами политических репрессий, в Законе Российской Федерации от 18.10.1991 №176-I «О реабилитации жертв политических репрессий» (Статья 1) [13]. В связи с этим возникает вопрос о правовой квалификации приведённых примеров: могут ли с позиции Федерального Закона названные лица рассматриваться в качестве жертв политических репрессий? Анализ конкретных случаев показывает, что бывшие

военнопленные, благополучно прошедшие фильтрацию, соответственно, их родные и близкие не были ущемлены в правах, а наоборот, со стороны государства им оказывалось содействие в трудоустройстве и решении вопросов социального обеспечения.

Нужно помнить и о том, что доведение количества репрессированных среди бывших советских военнопленных до неимоверных масштабов, в годы «Холодной войны» представляло один из способов дискредитации политического строя в Советском Союзе, хорошо продуманного механизма идеологической диверсии. Но при этом не может быть подвергнуто сомнению то, что репрессии нанесли тяжелый урон стране и обществу.

Список литературы

1. Александров, Г. А. Годы Великой Отечественной войны / Г. А. Александров // История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917–1945. – Чебоксары, 2001.

2. Андреев, О. В. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в воспоминаниях танкиста / О. В. Андреев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. – 230 с.

3. Андреев, О. В. День Победы приближали как могли. Чувашия в годы Великой Отечественной войны: Посвящается 80-летию Победы в Великой Отечественной войне / О. В. Андреев, М. А. Широкова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2025. – 168 с.

4. Андреев, О. В. Вместе ковали Победу (из воспоминаний фронтовиков В.А. и С.А. Андреевых и труженицы тыла Е.И. Степановой) / О. В. Андреев // Вестник Чувашской народной Академии наук и искусств. – Чебоксары : Новое время. – 2015. – № 1. – С. 15–22.

5. Андреев, О. В. Они сражались за Родину и освобождали Европу / О. В. Андреев // XX век в истории России: гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства : сб. ст. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 124–134.

6. Гриф секретности снят: Потери Вооруж. Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Стат. исслед. / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. – Москва : Воениздат, 1993. – 416 с.

7. Житель Чувашии дважды бежал из плена, написал книгу и дожил до 100 лет. – URL: https://vk.ru/wall-22217717_27218 (дата обращения: 18.11.2026). – Текст : электронный.

8. Захаров, Д. А. Репатриация советских военнопленных в 1944–1945 годах (по материалам Чувашской АССР) / Д. А. Захаров // Чувашский гуманитарный вестник. – 2009. – № 4. – С. 99–112.

9. Земсков, В. И. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) / В. И. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 3–16.

10. Интервью Уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковника Ф.И. Голикова // Правда. – 1944. – № 271 (9728). – С. 2.

11. Книга памяти жертв политических репрессий (Чувашская республика). / редкол.. Р. М. Лизакова, пред. [и др.]. В 2 т. / редкол.: Р. М. Лизакова, пред. [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009.

12. Личный архив О.В. Андреева

13. О реабилитации жертв политических репрессий Закон РФ : от 18.10.1991 №176-I // |. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/1/465563-zakon-rf-ot-18–10–91-n-1761-i?ysclid=mwgw6erya604709613 (дата обращения: 11.11.2026). – Текст : электронный.

14. Памяти нашего земляка, художника Александра Пахомова: А в книжной памяти мгновения войны. – URL: https://porezk.cap.ru/news/2018/06/18/pamyati-nashego-zemlyaka-hudozhnika-aleksandra-pahomo?ysclid=mwmnuaszfe784527902 (дата обращения: 18.11.2026). – Текст : электронный.

15. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 91–112.

16. Шакров Яков Дмитриевич. – URL: https://www.moypolk.ru/soldier/shakrov-yakov-dmitrievich-1 (дата обращения: 18.11.2026). – Текст : электронный.

Винокуров Александр Иванович
канд. психол. наук, доцент, доцент
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»
г. Смоленск, Смоленская область

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСМИССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНЩИНЫ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI ВЕКА) В ТРУДАХ Е.А. СИКОРСКОГО

Аннотация: *в статье анализируется уникальное своеобразие динамики культуры Смоленщины. С позиции социокультурной парадигмы рассматриваются константы производства информации и массовой коммуникации, описанные профессором Сикорским Е.А. Акцентируется возрождение школьного театра, школьных театральных студии и кружков.*

Ключевые слова: *социокультурная трансмиссия, культура Смоленщины, народное образование, школьный театр, пролеткульт, массовая коммуникация, цифровая культура.*

Введение. Одной из актуальных проблем исследования исторической динамики культуры Смоленщины является феномен социокультурной трансмиссии – сохранения и передачи культурных смыслов и практик от поколения к поколению. Понятие социокультурной трансмиссии активно разрабатывается в культурологии, социологии, экономике, этнопсихологии и других смежных дисциплинах. Особый интерес представляет анализ соотношения «образование – театр» в различных локальных конфигурациях региональной культурной жизни. В этом контексте показателен опыт Смоленщины, реконструированный в трудах Е.А. Сикорского [1; 2]. Как известно, 27 октября (9 ноября) 1917 года принятием «Декрета о земле» Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в законодательном порядке положил начало процессу национализации государственного имущества бывшей «дворянско-буржуазной вотчины Романовых» и личной собственности имущих слоёв населения. В результате народным достоянием вскоре стали музеи, библиотеки, картинные галереи, архивы, памятники искусства и архитектуры и др. Был введён запрет на вывоз культурных ценностей за границу. В Смоленской губернии к лету 1919 года было национализировано 149 помещичьих имений, среди имущества которых находилось немало полотен известных художников, редких книг, изделий из фарфора, бронзы, серебра, золота и др. Значительная часть этих ценностей была утрачена, и часто этому способствовали решения местных властей. Так, Вяземский уездный отдел народного образования 8 августа 1918 года постановил уничтожить картины, «напоминающие старое время». К примеру, Вяземский уездный отдел Народного образования 8 августа 1918 года постановил уничтожить картины, «напоминающие старое время»... Однако подобные случаи не были типичными. Так, 24 июля 1918 года Смоленский горсовет решил привлекать к суду лиц, разрушающих крепостную стену. Более того, некоторые уездные исполкомы даже ввели должности «хранителей памятников древности», а в Рославле было организовано «Общество по изучению местного края»3.

Много делалось в то время «в области развития народного просвещения». Кстати, до Октябрьской революции по грамотности населения губерния занимала в империи 36-е место, а из её 1 872 000 жителей лишь 17,3% умели читать и писать.4 Вузов не было вообще, а общее число учителей в крае едва превышало 5 тысяч. Для борьбы с невежеством масс 16 февраля 1918 года был учреждён Губернский комиссариат по просвещению (несколько позже такие учреждения возникли и во всех двенадцати уездных центрах).5

На нужды развития народного образования новой властью выделялись значительные суммы. Так, если «при старом режиме» с 1 января по 1 ноября 1916 года на эти цели было ассигновано 59 367 447 рублей, то через три года «рабоче-крестьянская власть» выделила в сорок раз больше. Помимо этого, организовывались курсы «активистов ликбезов»,

проводились переписи неграмотных, «недели просвещения» а кое-где даже создавались «чрезвычайные комиссии» для быстрейшей ликвидации чуть ли не всеобщей неграмотности трудящихся. Характерной чертой того времени было стремление населения к культуре, что выражалось в широком создании просветительных кружков, члены которых ставили спектакли и организовывали «вечеринки отдыха». Обычно в одном уезде таких обществ насчитывалось несколько десятков с числом членов от 12 до 150. К концу 1920 года в губернии было 749 просветкружков, 196 Народных домов и свыше 40 клубов. Кроме них, «очагами культуры» являлись Народная консерватория, открытая в Смоленске 17 ноября 1918 года, и музыкальные школы, созданные в некоторых уездных городах.6

«Театральное дело», кинематограф, радио, телеграф и органы периодической печати на Смоленщине.

Яркой гранью культурной жизни тех лет был подлинный расцвет «театрального дела». Так, если до Октября о крестьянских театрах в России «и помину не было», то уже через три года после его победы их насчитывалось около трёх тысяч. «Деревня сейчас вся охвачена театральным строительством», – отмечали «Известия Гжатского Совета» осенью 1919 года. К концу Гражданской войны на каждую волость в губернии приходилось по 2–3 любительских театральных труппы, а из уездных городов они имелись в Вязьме, Дорогобуже, Ельне, Духовщине и Ярцеве. Репертуар постановок был весьма широк – от водевилей до «Гамлета» и «Ревизора».

В Смоленске первым советским театром стал «Художественный передвижной театр Западной области», открытый летом 1918 года. Следует отметить, что особой популярности он не имел, поскольку рядовому зрителю были малопонятны его спектакли «в стиле новых веяний». 27 декабря 1919 года начал свою работу «Пролетарский государственный театр» (в нём ставились, в том числе, и оперы). В самом конце 1920 года был создан «Театр производственной пропаганды» – один из лучших в стране театров «революционной сатиры» того времени.

Неотъемлемой частью досуга горожан являлось посещение кинематографов, которых в Смоленске насчитывалось четыре. В них демонстрировались либо «буржуазные драмы», либо кинокомедии, «вызывающие только глупый смех». Показ подобных фильмов вскоре побудил новое руководство губернии открыть в «электро-театрах» рабочие клубы, где наряду с демонстрацией кинофильмов читались лекции, выступали агитаторы и т. д. Кроме Смоленска синематографы действовали в Рославле, Вязьме, Сычёвке и Дорогобуже. Появились и первые кинопередвижки для обслуживания сельского населения.

Ещё одной приметой того бурного времени стало учреждение новых органов периодической печати. До падения самодержавия в губернии издавался лишь «Смоленский вестник». Первая уездная газета «родилась вместе с Февральской революцией» в Рославле и называлась «Известия Рославльского Совета». В последующие месяцы на Смоленщине появилось ещё несколько печатных органов: в марте – «Краснинская газета», в апреле – «Голос солдата и гражданина» (Гжатск), в июле – «Сычёвская жизнь» и др. Обратим внимание: различные органы периодической печати учреждали не только местные Советы и политические группировки, но и различные общества, комитеты, кооперативы, а также отдельные ячейки РКП(б) и культпросветкружки.

О событиях в стране и мире смоляне узнавали и из стенных газет, издававшихся местными отделениями РОСТА. В них публиковались самые свежие новости, полученные по радио. Приёмные радиостанции в Смоленске, Вязьме, Рославле, Гжатске и Мстиславле (с 1919 по 1924 годы Мстиславльский уезд входил в состав Смоленской губернии) появились ещё до Октября. Между уездными городами и крупными населёнными пунктами в волостях существовала телефонная или телеграфная связь. Первая в губернии стенная газета вышла 20 мая 1919 года в Вязьме и была посвящена «Неделе трудового фронта».

Новинкой периодики стали так называемые «устные» (или «живые») газеты, появление которых объяснялось низким уровнем грамотности населения, слабой технической базой типографий, острым дефицитом бумаги и крайней нехваткой опытных журналистов (особенно в уездах). Каждый выпуск «живой газеты» начинался в определённое время, длился 10–20 минут, состоял из краткого обзора наиболее важных событий и проводился в одном и том же месте – городском саду, клубе, на базарной площади и т. п. Иногда «для привлечения публики» перед началом выпуска играл духовой оркестр.

В Смоленске «живая газета» впервые прозвучала 30 июня 1920 года в 10 часов вечера в сквере «Блонье», а к концу ноября новая форма массовой информации уже широко использовалась в красноармейских частях, на предприятиях, в госпиталях и т. д. Быстрое признание она получила и на местах. Уже в июле её первые выпуски прозвучали в Сычёвке, Юхнове, Вязьме, Гжатске, а к концу августа – в Белом, Ельне и Мстиславле.

Просветительское движение «Пролетарская культура» (Пролеткульт).

Совершенно новым явлением в культурной жизни Смоленщины того времени была деятельность общества «Пролетарская культура» (Пролеткульт). Как известно, данное просветительское движение возникло весной 1917 года в Петрограде и вскоре стало стремительно распространяться по всей стране. Свою задачу оно видело в том, чтобы помочь трудящимся «критически осмыслить дореволюционную культуру», а главной темой любого вида искусства сделать труд, роль коллектива в технике и общественной жизни. В Смоленске первое заседание городского совета Пролеткульта состоялось 28 июля 1918 года. С конца 1918 года подобные организации стали возникать в уездных городах и даже в некоторых волостных центрах. Диапазон деятельности пролеткультовцев был достаточно широк: театр, живопись, скульптура, музыка, просвещение, издательское и библиотечное дело, проведение экскурсий, чтение лекций и др. Привлекает внимание тот факт, что в своей работе деятели Смоленского Пролеткульта, в отличие от своих коллег во многих других губерниях, не только пропагандировали новые взгляды на искусство, но и не отрицали значения культурных достижений минувшего времени. Судьба этих начинаний во многом зависела от позиции интеллигенции (прежде всего учительства), однако почти всё оно – как и в остальной России – поначалу отнеслось к большевикам настороженно. Тем не менее по мере укрепления их политических позиций ситуация начала меняться, и вступление того или иного учителя в РКП(б) уже вызывало всё меньшее удивление. Участие «пролетариев ума» в созидании новой жизни принимало различные формы: борьба с неграмотностью, организация культпросветкружков, хоров, оркестров, театральных любительских и профессиональных коллективов, открытие Народных домов и активное участие в их работе, создание изб-читален, художественных студий. Помимо этого, для трудового населения устраивались беседы на темы отечественной и мировой культуры, лекции-концерты, издавались популярные брошюры по искусству. Иными словами, «и кисть художника, и перо поэта и писателя, и игра музыканта, актёра – всё будило усталых, звало к труду, к творчеству, к созиданию».7

Во второй половине XX века в исторической динамике культуры происходят стремительные изменения, связанные с развитием новых средств производства и распространения информации: телевидения, а затем и электронных медиа. В конце XX – начале XXI века складываются новые практики социокультурной коммуникации (социальные сети, интернет-сообщества, виртуальные идентичности, искусственный интеллект). Вместе с тем интерес к театру не ослабевает, а во многом даже усиливается. Смоленская школа вводит школьный театр (занятия в театральных студиях, театральных кружках и др.) в рамки внеурочной деятельности и дополнительного образования детей. Вновь актуализируются вопросы методологии и технологий создания школьного театра как средства социокультурной трансмиссии – сохранения и передачи культуры от одного поколения к другому. Возникает потребность в разработке системы обучающих семинаров, направленных на формирование новых компетенций педагогов в сфере организации школьного театра как детского творческого объединения.

Таким образом, в исторической динамике культуры Смоленщины феномен социокультурной трансмиссии проявляется и сохраняется, в частности, в формах школьного театра, театральных студий и кружков. Проблема соотношения «образование – театр» в культурной жизни региона обладает устойчивым и во многом уникальным своеобразием, требующим дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Винокуров, А. И. Историко-социологический анализ социокультурных процессов в Смоленском крае (конец XIX в. – первая четверть XX в.) : материалы науч.-метод. семинара по организации кросскультурных исследований российско-белорусского приграничья / А. И. Винокуров, Е. А. Сикорский ; Российский гуманитарный научный фонд, Смоленский государственный институт искусств. – Смоленск : Универсум, 2015. – 232 с.

2. Сикорский, Е. А. Из истории Первой российской революции (1905–1907 гг.). Некоторые аспекты её кануна, свершения и финала : учеб. издание / Е. А. Сикорский. – Смоленск : Универсум, 2019. – 395 с.

3. Известия Смоленского Совета. – 1918. – 24 июля. – №148 ; Государственный архив Смоленской области. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 308. – Л. 23, 26 ; Известия Смоленского Совета. – 1918. – 8 июля. – №133.

4. Смоленщина советская. – Москва, 1967. – С. 16.

5. Культурное строительство в Смоленской области. 1917 г. – июнь 1941 г. Документы и материалы. – Смоленск, 1966. – С. 7–8.

6. ГАСО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 870. – Л. 76 об.

7. ГАСО. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 97 ; Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 352. – Л. 43 ; Рабочий путь. – 1920. – 30 марта. – №69 ; ЦДНИ СО. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 208. – Л. 129 ; Известия Бельской Коммуны. – 1919. – 2 августа. – №91 ; Знание и Труд. – 1919. – Март-апрель. – №1–2. – С. 30.

8. Басова, С. Культурная революция на Смоленщине в 1920–30 годах : реферат / С. Басова, Е. Г. Антонова. – Смоленск, 1999. – URL: http://www.istorya.ru/referat/6991/1.php (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

Ефремов Евгений Андреевич
ассистент кафедры
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБРАЗА ЮГО-ЗАПАДНОГО РАЙОНА г. ЧЕБОКСАРЫ В 1970-е гг.

Аннотация: *в статье рассматривается процесс формирования Юго-Западного района Чебоксар в 1970-е гг. в контексте промышленного развития города и расширения ведомственного жилищного строительства. Показана роль крупных предприятий – завода резинотехнических изделий имени В.И. Чапаева и Чебоксарского литейно-механического завода – в возведении жилых домов и объектов социальной инфраструктуры. Особое внимание уделено панельному домостроению, развитию транспортной и социальной инфраструктуры, а также постепенному соединению ранее обособленных рабочих поселений «Литейки» и бывшего Чапаевского посёлка. На основе анализа застройки отдельных микрорайонов и улиц прослеживается становление Юго-Западного района как целостной части городской среды Чебоксар.*

Ключевые слова: *Чебоксары, Юго-Западный район, городская застройка, советское градостроительство, ведомственный жилой фонд, панельное домостроение, промышленность, социальная инфраструктура.*

Особенностью советской экономики была плановость, затрагивавшая все сферы общественной жизни. В первую очередь, говоря об этом, конечно, вспоминают планирование производства: промышленным предприятиям спускались планы по тому, какую продукцию и в каком объёме необходимо было выпустить. Однако, кроме производства, планировались и

такие сферы общественной жизни, как строительство, которое на протяжении всего советского периода было тесно связано с производством.

Ведомственный жилой фонд – это та часть государственного жилищного фонда, которая находилась в ведении ведомств, государственных комитетов и министерств. Зачастую он был крупнейшим в регионе. Заводы вместе с государством занимались строительством жилья для своих работников вместе с сопутствующей инфраструктурой: школами, детскими садами, больницами, магазинами и т. д.

Город Чебоксары в 1970-е гг. активно развивался и расширялся. Строились и расширялись предприятия, население города постоянно росло: в столицу республики приезжали из деревень и других городов, а также рождались новые чебоксарцы. Население города выросло с 216 139 человек в 1970 г. [2] до 307 599 человек в 1979 г. [3]. Расширяющимся городом нужно было эффективно управлять, и для решения этой задачи 05.04.1973 г. Президиум Верховного Совета Чувашской АССР подписывает указ № 5–88/6 «Об образовании Ленинского, Калининского и Московского районов в городе Чебоксары Чувашской АССР», который закрепил разделение города на три административных района. Основой этому послужила Программа КПСС, где указывалась необходимость рациональной организации городов и посёлков с целью обеспечения наилучших условий для жизнедеятельности людей [1]. Газета «Советская Чувашия» только подтверждала на своих страницах, что районирование города является признанием высокого уровня развития города и естественным следствием этого процесса.

Помимо прочего, ко второй половине 1960-х гг. в Чебоксарах было освоено производство железобетонных панелей и строительство крупнопанельных жилых домов. Началась эпоха активного строительства города. На фоне этого в мае 1969 г. принимается генеральный план Чебоксар на 25–30 лет с расчётной численностью населения в 350 тыс. чел. [7]. В 1971 г. в Чебоксарах начинает работать домостроительный комбинат, который станет основой дальнейшего панельного строительства и обеспечит дальнейшее строительство и расширение города. За 15 лет (с 1965 по 1980 годы) объём панельного строительства в городе вырос на 65% (с 18 до 83). Таким образом, в 70-е гг. в городе было начато массовое строительство блочного жилья, спровоцировавшее расширение города, обновление городской среды и изменение индустриального облика города в первую очередь за счёт возникновения новых жилых районов.

Из трёх созданных районов города крупнейшим был Московский. В дальнейшем он для удобства будет разделён на три района застройки: Исторический холм, Северо-Западный и Юго-Западный. Отдельно хочется обратить внимание в рамках этой статьи на последний. В полноценный и единый район он оформится только в 1980-е гг. Однако фактически его строительство начинается как раз с возникновения Московского района – в начале 1970-х гг.

Крупнейшими предприятиями тут были, с одной стороны, «Чебоксарская мебельная фабрика» и «Чебоксарский литейно-механический завод», а с другой – один из гигантов чувашского индустриального сектора промышленности – Завод резинотехнических изделий, который уже в 1973 г. стал заводом имени В. И. Чапаева, а в 1979 г. – «Производственным объединением им. В. И. Чапаева». Вокруг обоих полюсов района к началу 1970-х уже находились жилые районы для сотрудников предприятий: так, район литейно-механического завода (в простонародье «Литейка») был окраиной города до 1959 г., а район вокруг завода РТИ до того же года был отдельным рабочим посёлком, который с 1941 г. носил название «Чапаевский», пока не был присоединён к Чебоксарам [6].

В 1970-е гг. эти два полюса начали соединяться. Основными проектами этого периода стали пятиэтажные дома серии 111–121, которые к концу десятилетия заменили местной серией домов 111–121 «Ч», разработанной институтом «Чувашгражданпроект» [7]. Причиной смены серии стало то, что Чебоксарский ДСК был не в состоянии освоить всю номенклатуру указанной серии, в связи с чем требовалась унификация производства. За её разработку группе работников института «Чувашгражданпроект», Чебоксарского домостроительного комбината, Управления капитального строительства Чебоксарского горисполкома, Госстроя РСФСР и Госстроя Чувашской АССР была присуждена премия Совета Министров СССР. Помимо жилых домов, в районах также планировалась и строилась вся соответствующая

инфраструктура: библиотеки, спортивные площадки, магазины, детские сады, школы, поликлиники и т. д.

Юго-Западный район, как и было сказано ранее, застраивался с двух сторон: от «Литейки» и от «Посёлка» (название осталось в народе даже после присоединения рабочего посёлка «Чапаевский» к городу Чебоксары и остаётся также по сегодняшний день). Со стороны литейно-механического завода за 1970-е гг. было застроено два квартала: первый, ограниченный улицами Олега Кошевого, Грасиса, Энтузиастов и Гражданской, и часть второго, расположенного следом за первым и ограниченного последними тремя улицами первого, а также улицей Эльменя. Первый был отстроен практически полностью с нуля – к началу 1970-х в рамках этого микрорайона существовало только 4 здания – жилые дома по улице Олега Кошевого, 1 и 11, школа и баня.

Второй микрорайон можно условно разделить на две части по улице Максимова. «Нижняя» часть района (со стороны улицы Гражданской) была застроена ещё в 1960-е гг. Верхняя же часть была наполовину застроена в то же время, что и первая, а ещё половина домов была достроена как раз в начале 1970-х гг. (дома по адресу: ул. Максимова, 2/5, 4 и 8/10; ул. Эльменя, 12; ул. Энтузиастов, 12, 19, 20) [4]. Помимо жилых домов, в этом районе строились и здания социальной инфраструктуры: так, в это время здесь были построены 2 детских сада, школа, техникум связи и комплекс зданий дошкольного образования по адресу Эльменя, 4А (ясли и художественная школа).

Территория же Чапаевского посёлка развивалась навстречу району литейно-механического завода. Так, здесь был построен дом для пожарных при пожарной части № 2 по ул. Кирова, 13. Вместе с тем застраивалась улица Коллективная: тут строились как обычные многоквартирные дома под номерами 5, 6А, 7, 11, 12, 14, так и общежитие для молодых работников завода (ул. Коллективная, 1). Кроме того, здесь же был построен павильон троллейбусного управления (Коллективная, 3А), выполненный в стиле советского модернизма, доминирующем в архитектуре общественных построек того времени. Другим направлением застройки было движение вдоль улицы Социалистической от площади Победы: за площадью строится панельный дом по адресу площадь Победы, 5А, рядом с ним – Социалистическая, 2–1, по соседству – квартал кирпичных жилых домов серии 1–447С по улице Олега Беспалова (1, 2, 2Б, 4). Рядом с ДК им. 30 лет ЧАССР (ул. Социалистическая, 2), открытым в 1950 г., был построен новый спортивный зал (ул. Социалистическая, 2А). Причём в его строительстве принимали участие борцы спортивной школы Чапаевского завода, для которых зал и возводился [5]. По этой же улице возводились детский сад (9А), кирпичные и панельные дома 7А, 11, 13, 15, 17, а также в 1980 г. был построен первый в Юго-Западном районе 9-этажный панельный дом под номером 19 [4].

Таким образом, в 1970-е гг. будущий Юго-Западный район начал приобретать свой привычный вид и постепенно начал формироваться как привычный спальный район. Стоит отметить, что ключевую роль в его застройке сыграли такие индустриальные предприятия, как завод им. В. И. Чапаева (который инициировал стройки на территории бывшего посёлка Чапаевский) и литейно-механический завод (который, в свою очередь, строил жилые дома неподалёку от своего производства). Их деятельностью и обеспечивалось возведение нового района города Чебоксары.

Список литературы

1. Административные районы города Чебоксары (50 лет (1973) назад Президиум Верховного Совета Чувашской АССР принял постановление об образовании в г. Чебоксары трех городских районов: Ленинского, Калининского, Московского) / Государственный архив современной истории Чувашской Республики. – URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2023/04/05/administrativnie-rajoni-goroda-cheboksari-50-let-1 (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

2. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Численность городского населения РСФСР, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

3. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Численность городского населения РСФСР, её территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

4. Карта города Чебоксары по годам застройки. – URL: https://cheboksary.ws/god/9980/?god1=1970&god2=1980&god9980=%26%238594%3B#xy=56.11397864564204,47.201128005981445&z=13&t=coordinate (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

5. Кириллов, Ю. В строю – новый спортивный зал / Ю. Кириллов // Советская Чувашия. – 1976. – URL: https://cheb.ru/news/?shownews=316418 (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

6. Об образовании рабочего посёлка «Чапаевский» (к 75-летию образования рабочего посёлка «Чапаевский» / БУ «Государственный архив современной истории Чувашской Республики». – URL: https://web.archive.org/web/20171201043249/http://www.gasi.archives21.ru/Press-centr/2015/12/14/Ob_obrazovanii_rabochego_poselka_Chapaevskij_(k_75-letiyu_obrazovaniya_rabochego_poselka_Chapaevskij) (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

7. Чебоксары в 1964–1991 году / Чебоксары – столица Чувашии. – URL: http://www.workshome.ru/cheboksary-1964–1991-god/zastroyka-i-blagoustroystvog-goroda/ (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

Журавлева Наталья Борисовна
канд. ист. наук, доцент
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль культурной памяти как важнейшего механизма конструирования и воспроизводства национальной идентичности. На основе концепций М. Хальбвакса, Яна и Алейды Ассман, также теории П. Нора анализируются структурные уровни, коммеморативные практики и символические ресурсы памяти. Рассматривается соотношение коммуникативной и культурной памяти, а также роли «мест памяти» в сохранении и укреплении национальной идентичности и консолидации нации. На примере российского и белорусского культурно-исторического пространства показана специфика мемориальной репрезентации как героического прошлого наших народов, так и достижений в сфере культуры.*

Ключевые слова: *культурная память, коллективная память, идентичность, места памяти, коммеморативные практики, национальная общность.*

Проблема культурной памяти стала особенно актуальной в конце прошлого века, и интерес к ней продолжает нарастать и в среде отечественных, и среди зарубежных исследователей. Причина этого отчасти в том, что именно в это время происходит становление и развитие информационного общества, сопровождающееся развитием информационных технологий, разрушением границ, ростом миграционных потоков, ослаблением традиционных социальных связей – семьи, трудовых коллективов, национальных сообществ. Мир вокруг стремительно меняется, нарастает чувство неуверенности, непредсказуемости, и человек подсознательно ищет точку опоры. В этих условиях возникает потребность в устойчивых ориентирах, общей системе ценностей, обеспечивающих чувство сопричастности единому социокультурному целому. Такой опорой, своеобразным «якорем» выступает культурная память – сложный «надындивидуальный механизм сохранения и трансляции значимых для коллектива смыслов», зафиксированных в текстах, ритуалах, памятниках и канонах [2, с. 54].

Термин «культурная память» ввел в научный оборот немецкий историк, египтолог Ян Ассман, который опирался на теорию «коллективной памяти», разработанную французским философом и социологом М. Хальбваксом, и рассматривавшим ее как основу идентичности общества. По мнению М. Хальбвакса, коллективная память социально обусловлена, поскольку

именно «социальные группы (семья, религиозная община, класс, нация) задают те когнитивные ценностные «рамки», через которые индивид воспринимает и реконструирует прошлое [7, с. 54]. Однако по Хальбваксу, коллективная память не просто хранит факты и знания, она их переосмысливает в соответствии с потребностями настоящего.

Развивая концепцию коллективной памяти, Я. Ассман выделяет в ней две составляющие: коммуникативную и культурную [2, с. 54–57]. Коммуникативная память охватывает относительно недавнее прошлое – горизонт 3–4 поколений или 80 – 100 лет, она опирается на живых носителей, зачастую передается устно или через средства массовой информации, а также художественные произведения и научные труды.

Главное отличие культурной памяти от коммуникативной в том, что она требует специальных институтов трансляции – музеев, библиотек, архивов, системы образования, а также праздников, ритуалов и проч. Это память о далеком прошлом, которое зачастую мифологизируется, обрастая легендами и преданиями. Это память об общем прошлом, которое принадлежит не одному индивиду, а целому сообществу: социальной группе, нации, поколению.

Развивая типологию памяти, Алейда Ассман выделяет «память-накопитель» (архивный фонд потенциальных знаний о прошлом) и «функциональную память» – пласт образов и нарративов, который активно используется обществом для легитимации существующего порядка и конструирования коллективного «Мы» [1, с. 142–143]. Именно функциональная память участвует в строительстве и сплочении нации, превращая череду исторических событий в биографию народа. В обществе культурная память играет роль своеобразного медиатора, регулирующего различные социальные практики. Она не только хранит и извлекает из своих архивов информацию, но и содержит правила использования этих знаний, задает некую систему правил деятельности в конкретной социальной среде. Прошлое наследие в культурной памяти переосмысливается, что-то нивелируется, а что-то, напротив, возвышается, подчеркивается, из него черпаются нравственные ориентиры, культивируются модели поведения, этические нормы. Именно на этой платформе складывается национальная идентичность, постоянно воспроизводятся глубинные культурные коды, выстраивается парадигма «свой» – «чужой».

Национальная идентичность не является природной данностью – она представляет собой динамический конструкт, требующий регулярного символического подтверждения [4, с. 6]. Культурная память обеспечивает этот процесс посредством нескольких взаимосвязанных механизмов. Это, прежде всего, осмысление различных исторических событий, связывание их в общий сюжет о происхождении, испытаниях, победах и предназначении нации. Опираясь на национальную литературу, историю, пантеон героев, формируется определенный нарратив прошлого, выстраивается его связь с будущим.

Вторым таким механизмом является институционализация «мест памяти». Понятие «места памяти» ввел французский историк Пьер Нора для обозначения материальных и символических объектов, в которых кристаллизуется национальное самосознание в эпоху угасания живой традиции [6, с. 26]. Места памяти – это не только мемориалы, места сражений, памятники, исторические центры городов, дворцово-парковые комплексы, но и праздники, юбилейные даты, государственные символы, ритуалы и проч.

Наконец, важным механизмом поддержания, сохранения и трансляции культурной памяти являются коммеморативные практики – совокупность институционализированных и повседневных действий, направленных на закрепление, переживание и трансляцию значимых образов прошлого в коллективном сознании [3, с. 112]. Сам П. Нора считал, что сохранение памяти требует постоянных действий по ее поддержанию, так как «спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, организовывать празднования, произносить надгробные речи…» [6, с. 26]. Такие действия обращены к чувственно-эмоциональной сфере человека, они соединяют знания о каких-либо исторических событиях, известных личностях, государственных символах с эмоциональными переживаниями человека, формируют чувство единения, сопричастности, ощущение своей принадлежности к единому целому – осознание

национальной идентичности. Такие чувства вызывает, например, церемония поднятия флага и исполнение гимна в зале, на площади или на стадионе. Совместное участие в этом действии – коммеморативной практике -приобщает индивида к национальному сообществу.

Эмпирическим подтверждением многослойности культурной памяти служит мемориальное пространство Беларуси. В структуре белорусской национальной идентичности органично сочетаются два ключевых пласта памяти. Первый связан с многовековым культурно-просветительским и государственным наследием (образы Полоцкого княжества, Евфросинии Полоцкой, первопечатника Франциска Скорины), закрепляющим идею древности и европейской укоренённости белорусской культуры [5, с. 114]. Второй, наиболее эмоционально насыщенный пласт, сформирован памятью о событиях Великой Отечественной войны. В Беларуси местами памяти, известными во всем мире, безусловно, являются мемориальные комплексы «Брестская крепость-герой» – памятник беспредельному мужеству, стойкости и героизму всего советского народа и «Хатынь» – священное и трагическое место, хранящее память о жертвах, понесенных белорусским народом. В этих местах особенно ощущается связь поколений, укрепляется чувство национальной идентичности. Большое значение для сохранения культурной памяти имеют различные музыкальные, поэтические, литературные праздники, регулярно проводимые на родине выдающихся деятелей культуры Беларуси: Янки Купалы в Вязынке, Якуба Коласа – в усадьбе «Смольня» и т. д. Здесь национальная идентичность формируется через духовное и языковое наследие.

Как указывалось выше, культурная память – это сложный многоуровневый феномен, предполагающий различные точки зрения и не лишенный определенных внутренних противоречий. Для культурной памяти характерна определенная селективность: акцентируя героические или виктимные сюжеты, сообщество неизбежно вытесняет в зону забвения неудобные или конфликтные страницы истории [1, с. 176]. Культурная память не предполагает полного единства мемориальных нарративов, ее задачей является формирование условий для диалога альтернативных мнений.

Кроме того, XXI век – это век цифровизации, когда традиционные институты (школа, музей, академическая наука) сталкиваются с конкуренцией со стороны социальных сетей, цифровых платформ, где все подвергается фрагментации, и визуальному упрощению. Поэтому задачей культурной политики становится адаптация к новым коммуникативным форматам глубинные смыслы и ценностные нарративы культурной памяти, которая выступает системообразующим ядром национальной идентичности, связующей нитью между прошлым и настоящим.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

3. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) / А. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.

4. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3–16.

5. История белорусской государственности : в 5 т. Т. 3. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории ; редкол.. А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.] ; Н. В. Смехович, А. В. Унучек, А. П. Житко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 413 с.

6. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
Рыбакова Полина Сергеевна
ассистент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОДДЕРЖКЕ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ЧУВАШСКОЙ АССР (1941–1945 гг.)

Аннотация: *в статье анализируется освещение в отечественной историографии политики по поддержке семей военнослужащих в Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Прослеживается эволюция научного осмысления темы от первых справочных публикаций военного времени до современных исследований, опирающихся на архивные материалы. В обзоре анализируются как общесоюзные и межрегиональные работы по данной проблеме (Н. А. Вознесенский, А. М. Синицын, А. Ш. Кабирова и др.), так и региональные исследования по Чувашской АССР (О. В. Андреев, В. Г. Харитонова, А. Д. Григорьев, Н. Ю. Толстова и др.), а также значимые документальные публикации и материалы периодической печати. Подчёркивается, что, несмотря на наличие ряда работ, раскрывающих отдельные аспекты социальной политики в ЧАССР, проблема изучения мер поддержки семей фронтовиков остаётся недостаточно изученной, а региональные практики требуют более детального осмысления.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Чувашская АССР, семьи военнослужащих, социальная помощь.*

Вопрос о мерах поддержки семей фронтовиков в период Великой Отечественной войны является предметом внимания ученых на протяжении многих лет. В годы Великой Отечественной войны Чувашская АССР была тыловым регионом, и её вклад в общую Победу проявился в разных сферах: республика отправляла бойцов на фронт, принимала эвакуированных граждан, наращивала работу эвакуированных промышленных предприятий и активно поддерживала военные госпитали. Уже 26 июня 1941 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, закрепивший право семей рядового и младшего начальствующего состава на получение пособий [14]. В Чувашии эту работу вели специальные отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих: они назначали выплаты, размер которых определялся с учётом числа нетрудоспособных иждивенцев – детей, престарелых родителей, жён.

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется не только необходимостью более полного изучения истории Чувашии в период Великой Отечественной войны, но и тем, что в настоящий момент изучение социальной политики по поддержке семей военнослужащих приобретает особую значимость в связи с современными событиями. Однако до настоящего времени эта проблема не получила достойного освещения в исторической науке.

В развитии историографии можно выделить несколько групп исследований по данной проблеме. Первый этап с 1941 по 1945 гг.: на данном этапе уже появлялись первые публикации, которые носили в основном практический и справочный характер, не представляя собой исследовательские материалы. Особое значение имеют публикации по рассматриваемой проблеме в газете «Красная Чувашия» [5]. В периодической печати и брошюрах публиковались статьи партийных и советских работников: в них подробно рассказывали о деятельности отделов по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, освещали проведение месячников и декадников помощи, а также поднимали насущные проблемы –

обеспечение фронтовиков и их родных продовольствием, топливом и жильём. Для Чувашии особую значимость имеют два издания военного времени. Это сборник «Чувашский народ в помощь фронту», подготовленный в 1944 г. Республиканской комиссией по сбору материалов о Великой Отечественной войне [17]. В нём собраны очерки и документы, раскрывающие масштаб всенародной поддержки фронта – в том числе меры заботы о семьях военнослужащих. Книга М. А. Андреева «Чувашия в Великой Отечественной войне» (1945): стала первым обобщающим трудом, посвящённым вкладу республики в победу [2].

Вторым этапом можно считать послевоенный советский период с 1945 по 1970 гг., который знаменовался появлением первых значимых трудов, ставших частью масштабных исследований социальной политики, однако в публикациях этого периода социальная политика не была предметом специального исследования и касалась всей территории страны. Это, например, работы Н. А. Вознесенского. В его книге «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» уделяется внимание социальной политике во время войны, систематизируются данные о помощи семьям и экономических потерях страны [4].

Следующим этапом можно считать период с 1970 по начало 2000 гг. Открытие архивов дало мощный толчок к изучению региональных особенностей и реальных практик социальной поддержки. Данный период характерен появлением общих исследований по истории Чувашской АССР в период Великой отечественной войны. Однако если социальная политика по поддержке семей военнослужащих нашли свое отражение в исследовании ученых других регионов (Калининская область, Татарстан, Хакасия и др.) [3, 8, 9, 11], то чувашские ученые долго не ставили эту проблему в качестве основной. Однако особую значимость в изучение проблемы внесли вышедшие в 1975 году сборники документов «Чувашская АССР в период Великой отечественной войны» [16].

Поэтому отрадно, что в 2000-е гг. появился ряд исследований чувашских ученых, в которых освещены отдельные стороны социальной помощи семьям фронтовиков, что можно считать. Так, данный вопрос частично освещен в статье В.И. Соколовой «Молодежь Чувашской АССР в мероприятиях по оказанию помощи семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны» раскрывает роль молодого поколения в организации системной поддержки [12], в книге О.В. Андреева «День Победы приближали как могли. Чувашия в годы Великой Отечественной войны» [18], а также в работе В. Г. Харитоновой «Труд и быт сельских жителей Чувашии в первые годы войны» [15].

В начале XXI века появилось несколько диссертационных исследований, посвященных истории Чувашии в период Великой Отечественной войны. А.Д. Григорьев в диссертации «Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР)» показывает, как партийно-государственное руководство страны принимало неотложные меры для поддержания жизни и деятельности трудящихся. Он пишет: «В социальной защите нуждались, в первую очередь, эвакуированные, инвалиды, многодетные женщины, семьи военнослужащих, мобилизованных на 'фронт. Социальная политика рассматривалась как важный фактор политической стабильности в обществе» [6, с. 17]. Н.Ю. Толстова в диссертации «Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность» не выделяет отдельно категорию семей военнослужащих, но характеризует в целом социальную политику на территории ЧАССР [13]. Особое значение для нашего исследования имеет диссертация И.Ю. Семеновой «Государственная политика советской власти по укреплению семьи и охране детства в 1917–1941 гг. (на материалах Чувашии)» [10]. Однако хронологические рамки этого исследования предшествуют началу войны и поэтому не освещают поднятой нами проблемы.

Годы Великой Отечественной Войны стали сложным периодом для всех граждан Советского Союза, ЧАССР не стала исключением. Проведенный анализ продемонстрировал, что на сегодняшний день вопрос исследования социальной политики по поддержке семей

военнослужащих раскрыт недостаточно подробно, ввиду малого количества научных трудов по данной тематике. Активная работа ученых в последние годы, особенно в связи с изучением строительства Сурского рубежа [1, 7], помогает более подробно раскрыть проблематику государственной поддержки в годы Великой Отечественной войны на примере ЧАССР. До сегодняшнего времени социальная политика в отношении семей военнослужащих в ЧАССР в 1941–1945 гг. не изучена полностью, что определяет актуальность дальнейшего изучения проблемы для более детального осмысления региональных практик военного времени.

Список литературы

1. «Под грифом «секретно». неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времён Великой Отечественной войны : сборник документов / сост. Д. А. Захаров, Е. В. Касимов. – Чебоксары, 2016. – С. 231–261.

2. Андреев, М. А. Чувашия в Великой Отечественной войне / М. А. Андреев. – Чебоксары, 1945. – 132 с.

3. Болокина, Л. А. Социальная поддержка инвалидов войны и семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Калининской области) / Л. А. Болокина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (40). – С. 10–25.

4. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – Москва : ОГИЗ : Госполитиздат, 1947. – 192 с.

5. Газета «Красная Чувашия» с 1941 по 1945 гг. – URL: https://www.nbchr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8220:nakanune-pobedy-po-stranitsam-gazet&catid=360&Itemid=1206 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

6. Григорьев, А. Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Чувашской АССР : автореф. дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Д. Григорьев ; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

7. Ерлыгин, А. В. Сурский и Казанский оборонные рубежи / А. В. Ерлыгин. – 4-е изд., испр. и доп. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2015. – URL: https://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kskr/kskr_0_0000001.pdf (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

8. Кабирова, А. Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. / А. Ш. Кабирова ; Ин-т истории им. Ш. Марджани Акад. наук Респ. Татарстан. – Казань : Фэн, 2011. – 467 с.

9. Кискидосова, Т. А. «Детям фронтовиков – наши заботы и любовь»: проблемы социальной помощи семьям военнослужащих в Хакасии в 1941–1945 годах / Т. А. Кискидосова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 5–16.

10. Семенова, И. Ю. Государственная политика советской власти по укреплению семьи и охране детства в 1917–1941 гг. (на материалах Чувашии) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 5.6.1 / И. Ю. Семенова ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2026. – 24 с.

11. Синицын, А. М. Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг / А. М. Синицын. – Москва : Воениздат, 1975. – 341 с.

12. Соколова, В. И. Молодежь Чувашской АССР в мероприятиях по оказанию помощи семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны / В. И. Соколова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 1 (25). – С. 151–152.

13. Толстова, Н. Ю. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность : автореф. дис. … канд. ист. наук : 5.6.1 / Н. Ю. Толстова ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2023. – 22 с.

14. О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. (ред. от 19.07.1942). – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16853#TUfOkXVGmrjI0XQ7 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст : электронный.

15. Харитонова, В. Г. Труд и повседневный быт сельских жителей Чувашии в первый период Великой Отечественной войны / В. Г. Харитонова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья : материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.) / редкол.: И. И. Бойко, В. Г. Харитонова. – Чебоксары, 2021. – С. 226–241.

16. Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (Июнь 1941–1945) : сб. док. и материалов / Центр. гос. архив Чуваш. АССР, Парт. архив Чуваш. обкома КПСС, НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР ; отв. сост. Н. М. Семенов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. – 530 с.

17. Чувашский народ в помощь фронту. – Чебоксары : Чувашиздат, 1944. – 152 с.

18. Широкова, М. А. День Победы приближали как могли. Чувашия в годы Великой Отечественной войны / М. А. Широкова, О. В. Андреев. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2015. – 272 с.

Миротворская Ирина Валерьевна
канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ: СЛУЖБА ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация: *на основе документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, нормативных актов и региональной печати рассматривается эволюция службы технической инвентаризации Чебоксар: от учетных мероприятий 1924 года до преобразования предприятия в акционерное общество в 2016 году. Отдельное внимание уделено архивному фонду учетно-технической документации (свыше 609 тыс. единиц хранения) как источнику по истории повседневности и градостроительного развития региона. Уточнен ряд сведений, распространенных в открытых источниках.*

Ключевые слова: *историческая память, архивное наследие, техническая инвентаризация, БТИ, Чебоксары, приватизация жилищного фонда, Чувашская Республика.*

Введение.

Историческую память о городе обычно связывают с архивами; за рамками внимания остаются институты, ежедневно создававшие документальную основу городской истории, – бюро технической инвентаризации (далее – БТИ). Инвентарные дела и технические паспорта все чаще привлекаются при изучении истории повседневности и генеалогии, тогда как институциональная история самих бюро практически не исследована. Инвентарные дела фиксируют не только физические характеристики строений, но и социальные процессы урбанизации. Цель статьи – проследить эволюцию службы технической инвентаризации Чебоксар от учетных мероприятий 1924 года до преобразования предприятия в акционерное общество в 2016 году; источниковая база – документы Государственного исторического архива Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР), нормативные акты, сведения ЕГРЮЛ и региональная печать.

Предыстория городской инвентаризации связана с наведением порядка в жилищном фонде в первые годы советской власти. В 1924 году при горкоммунотделе действовала техническая комиссия, пересматривавшая списки муниципализированных домов. Протокол №33 заседания президиума областного исполнительного комитета Чувашской автономной области от 9 апреля 1924 года содержит постановление: «Дом Губанова, бывший Ильина П. И. по улице Карла Грасиса вторая в гор. Чебоксарах согласно акта Технической Комиссии Обкоммунотдела возвратить владельцу» [6] – решение областной власти, фиксирующее первые шаги технического обследования зданий.

Систематический учет муниципального имущества был нормативно оформлен на общероссийском уровне. Положение об инвентаризации имущества местных Советов, утвержденное Экономическим совещанием при Совете Труда и Обороны РСФСР 21 мая 1927 года, нормативно оформило систематический учет муниципального имущества [5]. Официальной датой рождения службы в Чебоксарах считается 1930 год, с которого бюро ведет «учет солидного имущественного хозяйства» [1]. Задачами были учет основных фондов ЖКХ и регистрация домовладений граждан на праве личной собственности. Главными задачами предприятия были технический учет основных фондов городского жилищно-коммунального хозяйства и регистрация домовладений граждан на праве личной собственности. Фактически бюро стало институтом, документировавшим урбанизацию Чебоксар: каждое изменение городской среды находило отражение в учетной документации.

Документы ГИА ЧР фиксируют активную работу бюро уже в 1948 году (договор застройки с гражданином Родионовым). В 1960–1970-е годы пакет БТИ (справка о площади, поэтажные планы, генплан) служил основой исполнительной документации при приемке жилых домов. Об оплате инвентаризационных данных на 2037 дома для проекта детальной планировки Грязевской стрелки (6182 руб. 40 коп.) исполком горсовета вынес решение в 1968 году: бюро выступало не только регистратором, но и исполнителем градостроительных задач. В 1971 году при создании бюро в Новочебоксарске его сотрудниц направляли на двухмесячную стажировку к чебоксарским коллегам. Самые старые дела архива датируются 1940 годом; в 1970–1980-е годы шла паспортизация быстро растущего жилищного фонда.

В августе 1991 года исполком горсовета решил провести инвентаризацию городских земель; в комиссию вошла исполняющая обязанности начальника БТИ Т. Н. Башкирова [1]. 3 июня 1992 года городской Совет принял решение «О приватизации жилищного фонда в городе Чебоксары» [7]; распоряжением горкомимущества от 25 сентября 1992 года №468 учреждено муниципальное предприятие «Бюро технической инвентаризации» (МП «БТИ»). В 1993 году МП «БТИ» поручалось до 15 февраля 1994 года провести оценку принадлежащих гражданам домовладений и квартир (20 млн рублей из городского бюджета [1]).

В июне 1998 года МУП «БТИ» и Агентство по приватизации жилья были объединены в МУП «БТИ и ПЖФ» ради упрощения приватизации и снижения расценок; запись о регистрации внесена в ЕГРЮЛ 8 июля 1998 года. Распоряжением горкомимущества от 7 июня 2013 года №379-р предприятию возвращено наименование «Бюро технической инвентаризации»: активная фаза приватизации исчерпывалась.

20 ноября 2015 года Чебоксарское городское Собрание решило приватизировать три муниципальных предприятия, включая МУП «БТИ»; распоряжением от 26 июля 2016 года №518-р предприятие было реорганизовано в АО «Бюро технической инвентаризации», зарегистрированное 11 ноября 2016 года [8].

Параллельно шла централизация учетной функции: постановлением Правительства РФ от 04.12.2000 №921 установлен новый порядок государственного технического учета [4], постановлением КМ ЧР от 15.05.2001 №90 создано РГУП «Чуваштехинвентаризация» [2], а с 2013 года кадастровый учет перешел к Росреестру. Постановлением КМ ЧР от 19.09.2016 №391 создано БУ «Чуваштехинвентаризация» [4], которому передана учетно-техническая документация, в том числе 18 403 дела Чувашского филиала ФГУП «Ростехинвентаризация». Архив учреждения (Чебоксары, пер. Бабушкина, 8) – единственное в регионе хранилище паспортов, созданных до 2013 года: свыше 609 тыс. единиц хранения; в 2024 году исполнено 6041 обращение за архивными справками. Показательна сохранность дела 1969 года по улице Константина Иванова (проезд, тротуары, 947 деревьев); находки публикуются в соцсетях как элемент сохранения исторической памяти [9].

История службы технической инвентаризации Чебоксар – путь от вспомогательного звена коммунального хозяйства к самостоятельному акционерному обществу: градостроительство и паспортизация 1940–1980-х годов, муниципализация 1992 года, слияние с агентством по приватизации в 1998-м и преобразование в АО «БТИ» в 2016-м. Накопленный архивный фонд остается существенным источником по истории города и республики; дальнейшее изучение требует привлечения документов ГИА ЧР 1930–1950-х годов.

Список литературы

1. История БТИ // Сайт АО «БТИ». – URL: https://www.bticheb.ru/o-bti/istoriya-bti (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

2. О создании РГУП «Чуваштехинвентаризация» : Постановление КМ ЧР : от 15.05.2001 №90 // Сайт КМ ЧР. – URL: https://km.cap.ru/doc/laws/2001/05/15/ruling_16767 (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

3. О создании бюджетного учреждения Чувашской Республики «Чуваштехинвентаризация» : Постановление КМ ЧР : от 19.09.2016 №391 // СПС «Техэксперт». – URL: https://docs.cntd.ru/document/441678342 (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

4. О государственном техническом учете и технической инвентаризации объектов градостроительной деятельности в РФ : Постановление Правительства РФ : от 04.12.2000 №921 // СЗ РФ. – 2000. – № 50. – Ст. 4881.

5. Об утверждении Положения об инвентаризации имущества местных Советов : Постановление ЭКОСО при СТО РСФСР : от 21.05.1927 // СУ РСФСР. – 1927. – № 55.

6. Протокол №33 заседания президиума областного исполнительного комитета Чувашской автономной области от 09.04.1924 // ГИА ЧР. – Л. 130–131 об.

7. О приватизации жилищного фонда в городе Чебоксары : Решение Чебоксарского городского Совета народных депутатов от 03.06.1992 // ГИА ЧР. – Ф. Р-427. – Оп. 1. – Д. 45.

8. Сведения об АО «Бюро технической инвентаризации» // ЕГРЮЛ. – URL: https://egrul.nalog.ru (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

9. «Чуваштехинвентаризация»: хранитель истории объектов недвижимости // Группа БУ «Чуваштехинвентаризация» в соцсети «Одноклассники». – URL: https://ok.ru/group/70000001028291/topic/156534647474371 (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

Овчинникова Наталья Петровна
заслуженный учитель РФ, канд. пед. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова»
г. Архангельск, Архангельская область

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА УРОКАХ ИСТОРИИ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО УРОКА-ДИСКУССИИ «ОЦЕНКИ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА»

Аннотация: *в статье раскрывается важность межпредметных связей в преподавании истории. Самая естественная связь существует между историей и литературой. Октябрьская революция довольно широко осмыслена в художественной литературе. События революции по-разному воспринимались известными поэтами и писателями. На интегрированном уроке важно показать разные точки зрения поэтов-современников на Октябрь 1917, привлечь старшеклассников к их обсуждению в ходе дискуссии. Итогом урока должна стать собственная аргументированная позиция ученика по отношению к этому переломному в истории событию. Использован опыт работы автора в гимназии№3 г. Архангельска в гуманитарных классах*

Ключевые слова: *ФГОС СОО, культурное наследие, историческая память, неоднозначность оценки, интегрированный урок, Октябрьская революция.*

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС), на уроках истории ученики должны не просто запоминать факты, а уметь анализировать события, явления, давать им оценки и аргументировать своё отношение к ним. Среди предметных результатов акцентируется умение рассказывать о ключевых событиях истории России 1914–1945 гг. с использованием контекстной информации, представленной в исторических источниках, учебной, художественной и научно-популярной литературе, визуальных материалах. Культурное наследие отечественных поэтов и писателей является для юного поколения важным источником духовно-нравственного развития.

Октябрьская революция 1917 года является ключевым, сложным для понимания событием XX века. Она широко отражена в историографии, искусстве, литературе, кино, зодчестве.

Тема интегрированного урока «Оценки Октября 1917 года в художественной литературе» в 10 классе позволяет показать неоднозначность исторического события через его восприятие современниками и развить у школьников критическое мышление.

Отношение писателей и поэтов к Октябрьской революции было полярным: от восторженного принятия до резкого неприятия. Это отражает глубокий раскол в обществе того времени. Анализ этих оценок помогает ученикам понять не только сами события, но и то, как они воспринимались культурной элитой, а также задуматься о цене революции и её влиянии на культуру и судьбу страны.

В ходе урока демонстрируются слайды с портретами поэтов и писателей и выдержками из их стихотворений и высказываний, которые ярко иллюстрируют разные идейные позиции:

Александр Блок позитивно встретил события Октября, верил в очистительную силу революции. В статье «Интеллигенция и революция» он пишет [1, с. 320–321]: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – по-новому – великой. Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью… Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное…. «Мир и братство народов» – вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать».

Знаменитый призыв Блока «Слушайте музыку революции!» стал лозунгом для тех, кто верил в прогрессивный характер перемен.

В поэме «Двенадцать» Блок стремился передать «музыку революции» – её стихийность, хаос, конфликт старого и нового мира. Двенадцать красногвардейцев патрулируют Петроград, сталкиваясь с представителями «старого мира» (попом, барыней, «буржуем»).

В финале, среди вьюги, появляется образ Иисуса Христа, идущего впереди отряда, что символизирует надежду на духовное обновление.

«…Так идут державным шагом, (12 красноармейцев)
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой, невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз -
Впереди – Исус Христос» [2, с. 32].

В.В. Маяковский тоже восторженно отнесся к революции, и это отношение красной нитью проходит через все творчество поэта.

Однако автор прекрасно осознает, что смена власти – это серьезное общественное потрясение, которое несет в себе не только свободу простому народу, но и разруху, голод, насилие и пьяный разгул.

«Ода революции» – знаковое в этом отношении стихотворение.

Ода революции (1918 г.)
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!...
Каким названьем тебя еще не звали?
Как обернешься еще, двуликая?
О, четырежды славься, благословенная! [6, с. 100–101].

Маяковский был искренне убежден, что революция и поэзия нужны друг другу, он верил в действенность слова. Работа над агитплакатами РОСТА – его форма участия в революционной борьбе. Многие называли поэта трибуном революции.

Революция, перевернувшая весь уклад жизни, отразилась и на творчестве Сергея Есенина. В автобиографии поэт написал: «Революцию я принял, но с крестьянским уклоном»

В своей поэме «Иорданская голубица» поэт славит новую Русь.

Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя родина,
Я – большевик.
Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей [5, с. 57–60].

Однако со временем Есенин начал осознавать, что революция несёт не только обновление, но и разрушение привычного уклада жизни, прежде всего – патриархального крестьянского быта.

Отношение писателя Ивана Алексеевича Бунина к революции 1917 года было резко отрицательным. Бунин переживал события Октября как национальную катастрофу и личную трагедию. В «Окаянных днях» он пишет.

«Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Но и в том, и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает, Сергий Радонежский или Емельян Пугачев. Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?» [3, с. 207].

М. Горький в цикле статей «Несвоевременные мысли» отмечал выброс самых тёмных, «зоологических» инстинктов народных масс в процессе революции: самосуд, погромы, аресты людей за инакомыслие и разгон демонстраций, взаимную ненависть, гибель традиционной культуры, также критиковал Ленина и Троцкого за насильственные методы. «Но всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несёт в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда» [7, с. 120–140]

Резко осудив запрет оппозиционной прессы по Декрету о печати, Горький писал: «На празднике, где будет торжествовать свою лёгкую победу деспотизм полуграмотной массы, – мне на этом «празднике» делать нечего и для меня это – не праздник».

Для Горького свобода слова – незыблемая ценность, и подавление прессы он воспринимает как шаг к духовной деградации.

Известный поэт Серебряного века Максимилиан Волошин к вооружённому захвату власти в октябре 1917 года и к условиям Брестского мира отнёсся негативно. Он видел в этом не очищение, а разрушение, исторический грех, за который неизбежно последует расплата. «Внезапно до ужаса стало понятно, что Русская революция будет долгой, безумной, кровавой…Мы стоим на пороге нового Смутного времени [4, с. 13]». В стихотворении «Северовосток» Волошина есть такие слова: *Расплясались, разгулялись бесы / По России вдоль и поперек…*

В то же время в годы Гражданской войны поэт призывал общество к примирению. Его жизненным принципом стало не вставать на чью-то сторону, а пытаться смягчить вражду. В своём доме в Коктебеле он предоставлял убежище тем, кто подвергался преследованиям, вне зависимости от их политических взглядов. Например, он добился освобождения поэта Осипа Мандельштама, арестованного белыми. В то же время для Волошина, нет разделения на белых и красных.

И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других», – пишет Волошин в стихотворении «Гражданская война».

Таким образом, Октябрьская революция 1917 года стала для русской литературы неким рубежом, который разделил писателей и поэтов на тех, кто принял новую власть, тех, кто её отверг, и тех, кто оказался в состоянии глубокого внутреннего конфликта. Это размежевание было продиктовано не столько художественным талантом, сколько идейными убеждениями.

Предложенный выше материал можно удачно вписать в интегрированный урок со следующей структурой.

Вступление.

Начните с вопроса: «Как события Октября 1917 года воспринимались их современниками – деятелями культуры?».

Приведите цитату Блока: «Что же вы думали? Что революция – идиллия? Что народ паинька…?».

Основная часть.

Работа в группах. Разделите класс на 3 группы, каждая из которых анализирует либо одно публицистическое произведение, либо поэтические строки (например, первая группа – статью Блока «Интеллигенция и революция», вторая группа- фрагмент из дневника «Окаянные дни» Бунина, третья группа – стихи Маяковского, Есенина, Волошина).

Анализ текстов. Обсудите, какие причины революции видели авторы, как они оценивали действия большевиков, народ и культуру.

Определите позицию автора: восторг и осуждение, сомнение, вера в созидание и страх перед разрушением. Выявите противоречия в подходах.

Дискуссия. Задайте вопросы: «Была ли революция неизбежна?», «Можно ли оправдать насилие во имя высоких целей?», «Чья позиция кажется вам более убедительной и почему?».

Заключение.

Подведите итоги: несмотря на разные оценки, все авторы сходятся в одном – революция стала переломным событием для России.

Особенностью лирики времени Октябрьской революции можно назвать использование авторами сниженной лексики (просторечивые, грубые слова, чтобы сделать поэтический язык более демократичным и доступным), ярких метафор (буря, гроза, наводнение, увядание), личностная оценка события (боль, гнев, восхищение, растерянность), пророческие суждения (стремление предугадать пути развития страны).

Безусловно, подобный урок не только углубляет знания по истории и литературе, но и реализует межпредметные связи, повышает мотивацию и вовлеченность учащихся. Крайне важно учить школьников анализировать разные точки зрения, аргументировать свою позицию и, конечно, уважать другое мнение.

В 2027 году будет отмечаться юбилейная дата – 110 лет Октябрьской революции, что станет поводом для новых исследований, публикаций, кинопроектов, круглых столов. Общество заново осмысливает это событие, его уроки, влияние на траекторию развития нашего государства и мира в целом. А историческая память как раз и показывает этот живой, продолжающийся диалог с прошлым.

Список литературы

1. Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7 / А. А. Блок. – Москва : ГИХЛ, 1963. – С. 318–323.

2. Блок, А. А. Двенадцать : поэма / А. А. Блок ; рис. Б. Диодорова. – Москва : Современник, 1977. – 77 с.

3. Бунин, И. А. Окаянные дни : сборник / И. А. Бунин. – Москва : АСТ, 2026. – 320 с.

4. Волошин, М. А. Россия распятая / М. А. Волошин. – URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 12.11.2026). – Текст : электронный.

5. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин ; подгот. текстов и коммент. С. И. Субботина ; науч. ред. тома Ю. Л. Прокушев ; худож. Б. А. Лавров. – Москва : Наука, 1997. – 464 с.

6. Маяковский, В. В. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / В. В. Маяковский. – 1987. – 777 с.

7. Горький, А. М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / А. М. Горький. – Москва : Советский писатель, 1990. – 400 с.

Павленко Наталья Васильевна
магистр, старший преподаватель
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В БЕЛОРУССКОЙ ЖИВОПИСИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Аннотация: *в статье анализируются коммеморативные стратегии в белорусской живописи 2000–2025 годов. Рассматривается различные художественные приемы, такие как: цитирование, деконструкция, оммаж, а также выставочные проекты, которые работают с культурным архивом. Исследуются механизмы переосмысления национального и мирового художественного наследия, роль музейных институций и выставочных проектов в формировании новых смысловых связей между историческими и современными визуальными кодами.*

Ключевые слова: *белорусская живопись, коммеморативные практики, историческая память, культурный архив, цитирование, деконструкция, оммаж, институциональная интервенция, музей.*

Современные процессы в культуре, обусловленные тотальной цифровизацией и информатизацией всех видов деятельности, характеризуются глобальной трансформацией и переходом постмодернизма на новый, метамодернисткий уровень, находят также проявление и в белорусском искусстве [1]. Изобразительное искусство является наиболее универсальным наглядным способом отражения переосмысления прошлого. Если в советский период живопись соцреализма часто выступала прямым агитационным инструментом прочтения исторических событий и идей, то в постсоветскую эпоху, особенно в условиях тотальной медиатизации культуры, память становится предметом художественной рефлексии: факты и образы прошлого подвергаются тщательной деконструкции, на основе которой рождаются новые представления. Коммеморативные практики (способы сохранения, трансляции и переосмысления памяти) становятся не просто тематическим выбором художников, но и методом работы с разнообразными временными и географическими артефактами и документацией [4]. Специфика белорусского контекста заключается в том, что художники работают с двойным культурным архивом: национальным наследием и историей мирового искусства, которые стали доступным ресурсом для творческого переосмысления.

Наиболее популярными методами работы с художественным наследием в белорусской живописи являются цитирование и палимпсест, позволяющие заново пересмотреть смысловую структуру первичного текста. Культурный архив используется не только как источник образов, но и как материал для формирования новых связей между историческими и современными явлениями. Используя приемы композиционного монтажа и сопоставления можно обосновать взаимосвязь множества явлений в культуре. Ярким примером работы с национальной культурой в глобальном контексте является проект В. Альшевского «Фрагменты Вавилонской башни» (2003–2018), включающий 52 произведения. Образ башни, собранный из знаковых памятников искусства различных эпох и стран, выступает как символ универсального знания, метафора накопления и трансляции культурного опыта. В этой концепции произведения белорусского искусства рассматриваются как элементы единого историко-культурного процесса, что позволяет художнику интегрировать национальное наследие в мировой контекст как равноправную часть целого.

Не менее распространенным методом является деконструкция произведений искусств, которая находит наиболее радикальное выражение в творчестве А. Некрашевича [2]. Художник рассматривает произведения мирового искусства как пластический материал, подвергая их фрагментации, сопоставлению и рекомбинации в сериях «Боги и герои» (2009–2012), «Чужие» (2009–2012, 2017), «Слоеный торт» (2012–2015), «Калейдоскоп» (2013–2017),

«Napoleon Cake» (2019). Результатом тщательного анализа материала становится многослойный монтаж, в котором фрагменты известных и малоизвестных произведений становятся единой базой для выстраивания новых сюжетов. Живопись здесь выступает не как историческая копия, а как своеобразный конструктор для новых интерпретаций. Использование художественного наследия как материала для формирования новых авторских связей характерно и для В. Качана. В работе «Рождество с Инфантой» (2010) образы Брейгеля, Веласкеса и Дюрера объединены в единой композиции, формируя новую кросс-культурную эстетику. В 2023 году художником реализован проект монументальной росписи площадью 435 кв. м на фасаде здания по ул. Карла Маркса в Гродно на тему *«История королевского города Гродно в сюжетах на тему охоты».* Основой композиции послужили предыдущие станковые работы автора, в которых, согласно пояснительной записке, сюжеты опираются на *«…разнообразное художественное наследие в виде старинных гравюр и живописных произведений старых мастеров... в некоторых сюжетах можно увидеть и Брейгелевских охотников на фоне Гродненского замка, и королеву Бону Сфорца, и Дюреровского Святого Губерта с гербом Гродно, и короля Стефана Батория».*

Роль музеев как главных институтов памяти также подвергается художественной рефлексии. Одной из важнейших закономерностей медиатизации становится постепенное ослабление монополии музеев и галерей. Первыми данную тенденцию используют М. Дюшан с проектом персонального передвижного музея «Музей в чемодане» (1935) и А. Мальро с концепцией «Воображаемого музея», что каждый может собрать и структурировать тематические архивы артефактов в соответствии со своим видением [3]. Более того, современные цифровые платформы (Google Arts and Culture, WikiArt, Artsy и др.), персональные сайты художников, социальные сети превратили «воображаемый музей» в повседневный, едва ли не самый привычный опыт общения с произведениями искусства. В условиях цифровизации каждый становится куратором собственного личного музея. XXI век внес свои коррективы в механизмы сохранности – интерактивность и социальные сети превращают зрителя в активного соучастника коммеморации – он может комментировать, репостить, создавать собственные подборки документации.

Альтернативный способ работы с культурным архивом был представлен в проекте Р. Вашкевича «Музей» (2011), реализованный в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Автор осуществил институциональную интервенцию: живопись может существовать не только внутри музейного пространства, но и как инструмент критики музея: произведения классического искусства стали материалом для переосмысления иерархий и механизмов формирования художественной ценности через ироничное переосмысление известных художественных образов и включение их в актуальный социальный и медийный контекст. Таким образом художник вступает в диалог с институцией, оспаривая ее монополию на интерпретацию исторической памяти.

А. Доманов «Осторожно, двери открываются» (2013–2017) использует шкаф как метафору хранилища старых идей и архива. Обращаясь к известным произведениям XV-XVII вв., художник воспроизводит фрагменты узнаваемых картин, изымая из первоначального контекста и помещая в новую предметно-пространственную среду и зритель вынужден самостоятельно выстраивать связи между историческим оригиналом и окружением.

Ретроэстетика также становится одним из средств реконструкции исторической памяти через обращение к визуальному языку аналоговых медиа и приемам, имитирующим характеристики архивной фотографии. При этом достоверность изображения не предполагает документальной точности: отдельные детали могут быть художественно переосмыслены или дополнены автором, однако благодаря признакам аналоговых медиа воспринимаются как аутентичные элементы исходного первоисточника, подобно работам А. Доманова «Камень, ножницы, бумага» (2019) и М. Трус (Ходорович) «Старый альбом. Встреча с прошлым» (2023).

Одной из ключевых коммеморативных практик в белорусской живописи становится стратегия оммажа – уважительного цитирования, посвящения, диалога с предшественниками. В отличие от деконструкции, которая предполагает критическое переосмысление и, в некоторой степени, разрушение первоисточника, оммаж сохраняет преемственность и подчеркивает ценность традиции. Эта стратегия последовательно реализуется в творчестве В. Товстика. В работах «Разговор про живопись» (2007), «Диалог с маэстро Эдуардом» (2013) обращение к творчеству мастеров прошлого становится доказательством преемственности современной живописи. Художник не просто воспроизводит стилистические приемы предшественников, но вступает с ними в прямой диалог, картина становится пространством разговора разных поколений.

В современной белорусской живописи полилог с прошлым также часто используется в индивидуальных и групповых выставочных проектах: «Посвящение Пикассо» (2003), «Здравствуйте, господин Ван Гог» (2023), «Эхо модернизма: от Моне до Кандинского» (2024–2025). Они выполняют важную коммеморативную функцию непрерывной связи наследия и современной художественной практики.

Самый распространенный механизм коммеморативной практики постмедиальной репрезентации в условиях тотальной медиатизации является цифровое документирование (фиксация этапов создания, процесса экспонирования и окончательной версии произведения с последующей публикацией в онлайн-среде) Для значительной части аудитории именно цифровое изображение становится первичной формой знакомства с произведением, что трансформирует саму природу коммеморации: память сохраняется и транслируется не через оригинал, а через его цифровую репродукцию. Живопись перестает быть автономным объектом и становится открытой структурой, допускающей дополнение и интерпретацию в различных медиасредах.

Таким образом, коммеморативные практики в белорусской живописи первой четверти XXI века отражают значительное изменение способов работы с исторической памятью. Если традиционные подходы опирались на ретрансляцию и иллюстративность исторических фактов, то в эпоху медиатизации память становится динамичной и вариативной. Несмотря на авторскую интерпретацию, способную полностью разорвать смысловую связь с первоисточником, эти стратегии не разрушают историческую память, но обеспечивают ее выживание.

Список литературы

1. Аккер, Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после модернизма / Р. ван ден Аккер ; пер. с англ. В.М. Липки ; вступ. ст. А. В. Павлова / Р. Аккер. – Москва : РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.

2. Белявец, А. Антынамічныя дыялогі. Аляксандр Некрашэвіч пра гамранізацыю супярэчнасцей / А. Белявец // Мастацтва. – 2014. – № 6. – С. 34–37.

3. Мальро, А. Голоса тишины / А. Мальро ; пер. с фр. и коммент. Г.С. Беляевой ; предисл. З. И. Кирнозе. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 494 с.

4. Павленко, Н. В. Искусство и культура памяти Холокоста: традиционные и современные коммеморативные арт-практики / Н. В. Павленко // Проблематика визуального искусства XX – начала XXI вв. : коллект. монография по результатам науч. семинара «Визуальное искусство XX – начала XXI вв.: контексты и актуальные проблемы развития» в рамках научной темы музея БГАИ (Минск, 13 июня 2023 г.). – Минск, 2023. – С. 13–19.

Ткаченко Владимир Глебович
канд. ист. наук, доцент
Ткаченко Евгений Владимирович
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-171144

МАТЕРИАЛЫ РЕВИЗИЙ СИМБИРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: *в статье анализируются материалы губернаторских ревизий уездных присутственных мест Симбирской губернии 1866, 1867, 1874, 1893 гг. как источник по истории учебных заведений города Алатыря и Алатырского уезда. Ее целью является раскрытие информационного потенциала делопроизводственных материалов, сформировавшихся по итогам контрольных поездок губернаторов. На основе выявленных архивных документов, хранящихся в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО), приводятся данные о материальном положении, финансировании, успеваемости учащихся, качестве преподавания, кадровом составе учебных заведений Алатыря и Алатырского уезда второй половины XIX века.*

Ключевые слова: *Алатырь, Алатырский уезд, губернаторские ревизии, народное образование, Симбирская губерния, учебные заведения.*

Материалы губернаторских ревизий – известный, но, к сожалению, не вполне оцененный исторический источник. Их информационный потенциал с точки зрения изучения локальной истории и вовсе не раскрыт.

«Осмотрение губерний» как форма губернаторского контроля сформировалось к началу второй четверти XVIII в., а свое окончательное законодательное оформление получило в общем наказе гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г., в котором был прописан порядок ее проведения [6, с. 428–430]. В 1866 г. с высочайшего повеления императора контрольные полномочия губернаторов были распространены не только на систему подведомственных МВД учреждений, но и на местные органы управления, представлявшие интересы других ведомств [7, с. 3]. Согласно циркуляру Департамента общих дел МВД от 12 октября 1866 г. №204 губернатору предоставлялось право производить в любое время «общую и внезапную ревизию во всех находящихся в губернии административных учреждениях гражданского ведомства» [7, с. 1].

Среди комплекса делопроизводственных материалов, отражающих поездки губернаторов с контрольными целями, основным являлся указ из губернского правления. В основе его информационной части лежала «Форма всеподданнейшего донесения по обозрению губернии», утвержденная именным указом от 8 июля 1831 года. Она состояла из 19 пунктов, один из которых был посвящен учебным заведениям [5, с. 667–671].

Несмотря на то, что материалы этих проверок, сохранившиеся в фондах ГАУО, содержат ценные сведения о социально-экономическом и культурном облике уездных городов Симбирской губернии, они практически не использовались исследователями.

В предлагаемой статье предпринята попытка раскрыть их информативность с точки зрения изучения истории народного просвещения на территории Алатырского уезда. Ее хронологические рамки, к сожалению, ограничены второй половиной XIX столетия по причине отсутствия источников за более ранний период, поскольку в 1864 г. почти все дела губернских учреждений погибли в результате катастрофического по своим последствиям пожара в Симбирске. Но и для второй половины XIX – начала XX вв. количество сохранившихся

документов следует признать крайне незначительным. Хотя поездки начальников губернии с контрольными целями носили регулярный характер, конкретно по Симбирской губернии пока удалось выявить документы лишь восьми ревизий: за 1866, 1867, 1874, 1882, 1893, 1895, 1899 и 1903 годы.

Семь из них были проведены непосредственно губернаторами, одна – 1899 года – советником губернского правления В.И. Алексеевым. Материалы четырех (1882, 1895, 1899 и 1903 гг.) не содержат сведений об учебных заведениях. По двум ревизиям – 1895 и 1903 гг. – отсутствует главный источник в виде распорядительного документа губернского правления по их итогам. При этом в первом случае сохранились рукописные записи с замечаниями, делавшимися в ходе контрольной поездки, во втором – имеется лишь переписка и маршрут губернатора. Все сохранившиеся экземпляры указов и распоряжений губернского правления по итогам проверок отпечатаны типографским способом.

Таким образом, документы лишь четырех ревизий: 1866, 1867, 1874 и 1893 гг. содержат интересующую нас информацию. При этом не все они равнозначны по своей информативности.

Например, по итогам ревизии Алатырского уезда, проведенной губернатором И.О. Велио в мае 1866 г [2], зафиксировано только посещение им уездного и женского училищ. При этом отмечается, что «по случаю позднего посещения, учащихся не было и потому испытания в успехах не сделано» [2, Л. 61]. Таким образом, документ не дает представления об успеваемости детей и не содержит данных об общем состоянии учебных заведений.

Более подробные сведения приводятся в материалах ревизии губернатора В.В. Орлова-Давыдова в июне 1867 г [3]. Так, в них имеется описание Мариинского женского, уездного и приходского училищ.

Согласно источнику, первое из них помещалось в доме, пожертвованном городским головой, купцом Орловым. Он же обеспечил заведение учебными пособиями и мебелью. Недавно назначенная на должность начальницы училища, «как видно, знакомая с делом», оценивала успехи учениц как слабые, «кроме 1-го класса и Закона Божия» [3, Л. 27].

Уездное училище проверялось губернатором более детально. Например, им было отмечено, что в первом классе ответы по Закону Божию были сбивчивыми; по арифметике лишь один из лучших учеников «довольно бойко сделал данную ему практическую задачу из 1-й части арифметики». Во 2-м классе ученики допускали ошибки при письме под диктовку, не могли их определить без помощи учителя; по истории отвечали с ошибками. В 3-м классе «из географии ученики отвечали довольно удовлетворительно, но задачу из тройного правила один с задней скамьи (значит лучший) делал с затруднениями, другой получше ее продолжал» [3, Л. 27].

В приходском училище один ученик читал заученный текст быстро, но когда ему было предложено читать «на новом месте», то делал это с трудом. Слабыми оказались и ответы по Священной истории [3, Л. 27].

Общий вывод губернатора оказался неутешительным: «В здешних училищах мало обращают внимания на умственное развитие детей» [3, Л. 27].

Наиболее развернутая картина состояния учебных заведений Алатыря и уезда представлена в материалах ревизии 1874 г., проведенной губернатором Н.П. Долгово-Сабуровым [4]. В частности, им отмечалось, что уездное училище помещалось в наемном доме. Очевидно, по этой причине классы были тесны для обучавшихся здесь 126 детей. По оценке ревизора «по закону Божию ученики отвечали довольно твердо, по русскому языку порядочно, из геометрии с трудом решили простую задачу» [4, Л. 7].

Учителем рисования были показаны работы учеников, которые произвели на проверяющего благоприятное впечатление. От взора губернатора не ускользнула и такая деталь как состав хора училища, спевшего «Боже, Царя храни» и многолетие. В частности, им было отмечено, что певчие, «большею частию не мальчики, а посторонние лица» [4, Л. 7].

Женская прогимназия (бывшее Мариинское женское училище) на момент посещения насчитывала 78 учениц, из которых 62 проживали в городе, 16 – были родом из уезда. По сословиям 11 детей происходили из дворян и чиновников, 3 – из духовного звания, 34 – из городских сословий и 30 из сельских жителей. Штат учебного заведения состоял из начальницы, ее помощницы, четырех учителей и трех преподавательниц. Как отметил проверяющий, «на жалованье им, содержание дома, канцелярские и рукодельные материалы, выписку некоторых журналов и наем служителя расход за прошлый год простирался до 1360 р. 15 к.». Сумма прихода денежных средств складывалась из пособий городской управы – 571 руб. и казначейства – 375 руб., платы за обучение – 169 руб. 50 коп., сбора старшин Благородного собрания – 77 руб. и остатков от 1872 г. – 183 руб. 47 коп., всего – 1375 руб. 97 коп [4, Л. 7].

Однако недовольство губернатора вызвал тот факт, что городская дума внесла в роспись на 1874 г. только 200 руб. вместо прежних 571 руб. «Трудно понять, чем руководствовалась Дума уменьшив цифру пособия в особенности если принять во внимание, что из 78 воспитанниц 62 принадлежат к семействам лиц, живущих в городе» – отметил начальник губернии [4, Л. 7]. Свое недоумение действиями городской власти он обосновал еще и тем, что «дом, занимаемый прогимназией, <…> ныне приходит в ветхость, становится холоден, тесен и не удобен (ретирады холодные) и требует ремонта». Все это должно было, по его мнению, «вызвать со стороны Городского общественного управления не уменьшение пособия, а увеличение его» [4, Л. 7 – 7 об.]

Как и в предыдущих случаях губернатор уделил внимание успеваемости учащихся. В частности, им было отмечено, что девочки 2-го класса по русскому языку (преподавательница Чекалина) отвечали очень хорошо, писали под диктовку почти без ошибок, делали грамматический и логический разбор. Однако, по Закону Божию «твердили заученное наизусть, видимо, без надлежащего разумения». В 3-м классе по истории и географии ответы учащихся были значительно слабее. Зато ученицы приготовительного класса «давали осмысленные ответы, читали свободно и хорошо пересказывали прочитанное» [4, Л. 7 об.].

Сельское училище при Алатырском волостном правлении, согласно источнику, насчитывало до 60 мальчиков, многие из которых поступили сюда недавно. Их успехи были оценены проверяющим как удовлетворительные: старшие читали свободно, решали арифметические задачи, «а занимающиеся с 30 ноября» на момент проведения ревизии (4–6 января 1874 г.) уже читали и писали. Особо губернатором было отмечено «разумное преподавание священником Ласточкиным Закона Божия», благодаря чему «даже младшие ученики не твердили, как обыкновенно, заученное наизусть из Катихизиса или Свящ. Истории без должного понимания, но делали осмысленные ответы, прочитывали молитвы и объясняли их» [4, Л. 7 об.].

В уезде ревизии подверглись волостные учебные заведения. В с. Порецкое начальник губернии отметил, что училище помещалось в чрезвычайно холодном и тесном помещении, где обучались 75 мальчиков. Старшие из них учились два года, однако, читали «не хорошо» и были слабы в арифметике. Младшие дети почти не умели читать. Ученики размещались в двух отдельных комнатах, в одной из которых был отгорожен уголок для квартиры учителя и поставлена русская печь. Учителем здесь служил молодой человек, окончивший педагогические курсы. Его жалование составляло 10 руб. в месяц. Денежного сбора с крестьян на училищную часть не производилось, волостное правление не обращало внимания на нужды школы. По этой причине классная доска была выпрошена педагогом в местной учительской семинарии на время. Получения же другой доски и картонных букв он добиться не смог. Также губернатор обратил внимание на то, что законоучитель не занимался с детьми уже год, так как не получал вознаграждения, хотя в селе было три приходских священника [4, Л. 9].

Помещения Порецкой учительской семинарии, устроенные на средства земства, были признаны проверяющим «вполне удовлетворительными», обширными и удобными, хотя еще не окончательно отделанными. В главном – каменном – корпусе (бывшем барском доме) размещались директор и классы для 35 воспитанников. Также были построены новые

деревянные корпуса для классов, больницы, квартир учителей и воспитанников, возведены все хозяйственные службы. Все это располагалось в саду на берегу Суры и, в целом, произвело на проверяющего благоприятное впечатление [4, Л. 9 – 9 об.].

Особенность документального оформления итогов ревизии 1893 г., первой для вновь назначенного губернатором В.Н. Акинфова, заключается в том, что она представлена двумя типами материалов: отчетом о ревизии присутственных мест и «Заметками симбирского губернатора при объезде им всех уездов». Первый документ не содержит сведений о проверке учебных заведений, зато «Заметки» [1] дают наиболее полную картину их состояния конца XIX века.

В них отмечено, что мужская прогимназия содержалась на сумму в 13950 руб. (из средств казны – 8950 руб., губернского земства – 5000 руб.) и располагала казенным зданием. Здесь имелись три библиотеки: фундаментальная (2015 названий книг в 4343 томах на сумму 13073 руб. 10 коп.), учебных пособий (609 номеров на 2388 руб. 40 коп.), ученическая (718 названий в 1408 томах на 2030 руб. 48 коп.). Общее число учащихся на момент ревизии составляло 46 человек. При учебном заведении действовало общество вспомоществования нуждающимся ученикам, куда входили 17 членов. В его кассе числилось 773 руб. 92 коп. наличными [1, Л. 133 об.].

В женской прогимназии обучалась 41 воспитанница. Ее ученическая библиотека выглядела более скромно: 289 книг на сумму 426 руб. 10 коп.; 60 названий учебных пособий на сумму 118 руб. 76 коп [1, Л. 133 об. – 134].

В ходе проверки В.Н. Акинфовым было обращено внимание на то, что городское трехклассное училище, где обучалось 70 человек, располагалось в очень тесном здании, в котором отсутствовала вентиляция. В связи с этим городскому голове было предложено решить эту проблему. Учебное заведение было оборудовано физическим и естественно-историческим кабинетами, где имелось 135 книг на сумму 1306 руб. 30 коп. Помимо этого, при училище действовали три библиотеки: фундаментальная (1460 томов на 3179 руб. 88 коп.), ученическая (264 тома на 558 руб. 58 коп.), а также библиотека учебных пособий – 469 номеров на 2211 руб. 17 коп [1, Л. 134 – 134 об.].

Женское приходское училище насчитывало 153 ученицы: 22 девочки проходили обучение в старшем отделении, 42 – в среднем, 89 – в младшем. Кроме обязательных предметов – Закона Божия, чтения, арифметики и письма -здесь преподавались рукоделие и пение [1, Л. 134 об.].

В начальном народном училище в г. Алатыре обучался 141 мальчик (36 – в старшем, 46 – в среднем, 59 – в младшем отделениях). Из них 23 ученика старшего отделения получили свидетельства на льготу по воинской повинности. В дополнение к обязательным предметам здесь преподавались гимнастика и пение [1, Л. 134].

Училище при Алатырском волостном правлении насчитывало 80 учащихся, половина которых были дети городских мещан, а другая – уездных крестьян. В 1873 г. его курс окончили 12 человек. В новом учебном году сюда поступили 33 мальчика. Помещение было отмечено губернатором как очень хорошее. Здесь функционировали три библиотеки: фундаментальная (43 издания на сумму 36 руб. 68 коп.), ученическая (162 экземпляра книг на сумму 26 руб. 7 коп.) и учебных пособий на сумму 232 руб. 84 коп [1, Л. 134 об.]

При посещении села Порецкое губернатор ограничился короткой записью: «Училищ в с. Порецком два – мужское и женское и в первом из них в прошлом учебном году обучались 78 учеников, а во втором 95 девочек. Окончили курс в прошлом учебном году в мужском училище 18 учеников и в женском 17 девочек» [1, Л. 139].

Таким образом, материалы губернаторских ревизий уездных присутственных мест Симбирской губернии представляют собой ценный и разноплановый источник, содержащий сведения о материальном положении (обеспеченность помещениями, литературой и учебными пособиями), финансировании (казенные, земские и городские средства, сборы с крестьян, частные пожертвования), успеваемости учащихся и качестве преподавания, кадровом составе (учителя, законоучители, их жалованье) учебных заведений Алатыря и Алатырского уезда второй половины XIX века. Они отражают как достижения, например, успешную

работу отдельных учителей, наличие библиотек, хорошие помещения, так и острые проблемы – тесноту классов, слабую успеваемость, отсутствие законоучителей, недостаточное финансирование, ветхость зданий. Введение этих материалов в научный оборот открывает возможности не только для углубления исследований по истории народного образования, но и в изучении повседневности российской провинции.

Их ценность обусловлена еще и тем, что в отличие от губернаторских отчетов на Высочайшее имя, в которых нередко умалчивалось о реальной ситуации в губернии, материалы губернаторских ревизий прежде всего были ориентированы на внутреннее использование. Поэтому в них имеются такие детали, которые отсутствуют в других официальных источниках.

Список литературы

1. ГАУО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 723.
2. ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 20.
3. ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 28.
4. ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 57.
5. ПСЗРИ-II Т. VI. №4689.
6. ПСЗРИ-II Т. XII. №10303.
7. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до гг. губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий гг. губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 год / сост. кн. В. П. Урусов. – 2-е изд., значит. испр. и доп. – Москва : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1896. – LVI, 557 с. – 557 с.

Федотов Максим Андреевич
магистр культурологии, учитель
МБОУ «СШ №20»
директор
АНО «Фамильная пинакотека»
г. Дзержинск, Нижегородская область

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: КАК «ФАМИЛЬНАЯ ПИНАКОТЕКА» СПОСОБСТВУЕТ ИХ СОХРАНЕНИЮ

Аннотация: *в статье рассматривается деятельность автономной некоммерческой организации «Фамильная пинакотека» как субъекта сохранения культурного наследия и развития коммеморативных практик. На основе анализа выставочных, образовательных и культурно-просветительских проектов организации показана её роль в формировании культурной памяти, популяризации семейных коллекций и вовлечении различных групп населения в диалог о историко-культурном наследии. Особое внимание уделено формам коммеморативной деятельности: тематическим выставкам, лекциям, мастер-классам, конкурсу-фестивалю творческих работ «Зелёная лампа», а также сотрудничеству с музеями, образовательными учреждениями и иными культурными организациями. Делается вывод о значении некоммерческих организаций как гибкого инструмента сохранения и актуализации культурного наследия в современном обществе.*

Ключевые слова: *культурная память, коммеморативные практики, культурное наследие, некоммерческие организации, семейное коллекционирование, выставочная деятельность, культурно-просветительская деятельность, историческая память, культурная идентичность.*

Современное культурное пространство XXI века характеризуется невероятным разнообразием форм и методов развития культурной памяти. В целом, вопрос сохранения культурной памяти, определения её значения и её смысла – одна из наиболее актуальных проблем современности. С давних пор человечество стало создавать специализированные пространства для накопления и осмысления культуры. Традиционным органом сохранения культурной

памяти выступали музеи и архивы, как буквальное место хранения культурных ценностей. Однако подобные места при своей надежности и проверке временем столкнулись с рядом новых вызовов, к которым оказались не совсем готовы. Это и вопрос многозадачности, финансирования, удержания интереса аудитории и т. д. Всё это вынудило общество искать новые формы культурных организаций.

Именно на начало нового тысячелетия приходится период формирования нового сегмента культурных учреждений, пытавшихся избежать минусов вышеперечисленных форм культурных организаций. Такими организациями стала целая плеяда автономных некоммерческих организаций в области культуры, ставящих своей целью сохранение культуры, но при этом не связывая себя жесткими рамками формы организационной деятельности. Одной из таких организаций является и АНО «Фамильная пинакотека», о которой пойдёт речь в данном исследовании.

Главная цель данной работы – на примере деятельности АНО «Фамильная пинакотека» изучить вклад некоммерческих организаций в развитие коммеморативных практик и сохранение культурного наследия. Для этого будет необходимо выполнить ряд задач: прежде всего, определить область действия подобных НКО, выявить формы применяемых коммеморативных практик, понять оказываемое на общество влияние.

В качестве источников и литературы в моей работе будут использованы ряд федеральных нормативных актов, материалы о деятельности организации, опубликованные в СМИ. Также для полноценного раскрытия процессов функционирования некоммерческих организаций привлекается ряд монографий, прежде всего ценна книга «НКО: как устроены некоммерческие организации» Дмитрия Поликанова [3]. Именно в ней даётся подробная характеристика нюансов функционирования организаций некоммерческого сектора.

После постановки целей и задач исследования можно переходить к выявлению сути явления коммеморативные практики. Коммеморативные практики – это, прежде всего, действия, направленные на увековечение памяти о значимых событиях, личностях и традициях, они играют важную роль в функционировании коллективной памяти общества и формировании отдельных культурных нарративов. С этой точки зрения, проект «Фамильная пинакотека» с самого своего возникновения функционирует как рабочий инструмент по формированию и сохранению культурной памяти. Проект был основан в 2022 году и первоначально начал своё развитие со студенческой инициативы репрезентации небольших личных и семейных коллекций студентов историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Постепенно начало формироваться ядро проекта, основой которого стали обширные коллекции, принадлежавшие семье Федотовых. Через демонстрации и анализ отдельных фрагментов семейных тематических коллекций, таких как собрание фарфора, марок, монет, гравюр, удалось создать полноценный механизм формирования памяти через проведение различного рода культурных мероприятий, выходящих за рамки выставок.

Сами по себе коммеморативные практики – это огромное множество вариаций мероприятий, объединенных общей целью – сохранения и популяризации культурной памяти и идентичности. Прежде всего, к подобным мероприятиям относят различного рода выставки, создания памятников, мемориалов, проведение тематических культурных и образовательных мероприятий. Благодаря этим практикам, общество не только сохраняет историческую память, но и формирует понятие культурной идентичности, понимание культурного контекста, а также выявления ряда культурных маркеров, влияющих на процесс формирования мировоззрения человека.

Именно благодаря этому множеству практик удаётся создать целый комплекс мероприятий, направленных на запечатление каких-либо ярких событий в коллективной культурной памяти. Коммеморативные практики создают пространство для диалога между поколениями, позволяя современным людям осмыслять наследие, которое они унаследовали. В сущности, именно коммеморация – главная цель всех культурно-просветительских организаций [5].

Одной из подобных организаций является автономное некоммерческое учреждение «Культурно-просветительский центр «Фамильная пинакотека». Именно изучению конкретного вклада и опыта «Фамильной пинакотеки» в дело сохранения культурного наследия и будет посвящена следующая часть работы.

С точки зрения организации, важно указать тот факт, что АНО «Фамильная пинакотека» является некоммерческим учреждением – таким образом, главная задача фирмы не получение дохода, а получение социально значимых результатов и общественно полезной работы. Как и многие частные НКО, АНО «Фамильная пинакотека» была официально создана по решению единственного учредителя в апреле 2026 года. До официальной регистрации организация представляла из себя фактически семейный благотворительный проект семьи Федотовых. В рамках проекта организовывались просветительские выставки в различных городах. Характерной чертой всех проводимых мероприятий пинакотеки была их полностью бесплатная основа, а также организация на базе государственных образовательных и культурных учреждений [3, с. 32]. Главной миссией организации в 2022–2024 годах была репрезентация семейных коллекций для популяризации искусства и истории среди студентов различных курсов [2]. Со временем проект начал обрастать собственными культурными мероприятиями, более развёрнутой целью и развитой сетью связей и партнёров. Именно поэтому было принято решение провести официальную регистрацию проекта в формате автономной некоммерческой организации. Данная форма была выбрана неслучайно, ведь именно АНО позволяют действовать максимально независимо и автономно, полагаясь лишь на законодательство РФ, а также цели организации, обозначенные в Уставе.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что АНО «Фамильная пинакотека» – это не просто культурное учреждение, но целая сеть различного рода коммеморативных практик в области сохранения культурного наследия. При этом связующим звеном между ними продолжает оставаться общая цель – поддержание традиций семейного коллекционирования, а также формирование идеи о том, что сохранение истории и культуры страны начинается с сохранения истории и культуры своей собственной семьи.

После характеристики организационно-правовой формы организации и её целей необходимо перейти к анализу непосредственно используемых в её работе коммеморативных практик по сохранению культурной памяти общества о различных областях культуры или личностях.

Как уже говорилось выше, «Фамильная пинакотека» с момента своего основания в 2022 году активно работает над сохранением и презентацией культурного наследия, собранного семьей Федотовых на протяжении нескольких веков. Проект способствуют не только сохранению, но и распространению знаний о культурных ценностях через ряд мероприятий, описанных далее, прежде всего это выставки и культурные мероприятия.

Во-первых, АНО «Фамильная пинакотека» с момента своего открытия проводит тематические выставки, которые знакомят общественность с уникальными коллекциями, включая гравюры, нумизматику, фарфор и другие предметы искусства. Эти выставки не только сохраняют исторические артефакты, но и формируют интерес к ним у новой аудитории, что способствует их долгосрочному сохранению. Прежде всего стоит выделить такие готовые выставочные проекты организации, как выставка «Фамильная пинакотека» прошедшая в стенах Литературного музея им. К. Иванова – на данной выставке все гости могли познакомиться с уникальным собранием западноевропейской графики, собранной семьёй Федотовых на протяжении нескольких веков. Выставка «Заступница рода христианского…» проходившая в городе Богородске [1], в рамках которой гостям предлагалось познакомиться с различными вариациями отражения Богоматери в христианском искусстве, а также выставка «Такие разные коллекции» проходившая в городе Дзержинске и вызвавшая интерес к местному сообществу коллекционеров различных рариететов.

Во-вторых, важной частью работы пинакотеки являются образовательные и культурные инициативы. Организация лекций и мастер-классов позволяет передать знания о культурном наследии и его значении молодому поколению. Благодаря этим программам, участники имеют возможность глубже понять контекст создаваемых произведений искусства и их

историческую важность. С этой точки зрения АНО «Фамильная пинакотека» уже длительное время сотрудничает с МБОУ СШ №20 г. Дзержинска, на базе которой успешно реализует ряд образовательных и культурных программ. Кроме того, по инициативе «Фамильной пинакотеки» в городе проводится конкурс-фестиваль творческих работ «Зелёная лампа», в рамках которого ученики могут показать как свои художественные, так и интеллектуальные таланты. В тематике фестиваля всегда закладывается ряд тем, посвящённых вопросам коммеморации и памяти различных событий и явлений.

В-третьих, сама сущность НКО предполагает активное вовлечение общественности в деятельность организации. Проект активно сотрудничает с музеями, образовательными учреждениями и другими культурными организациями, что расширяет возможности для сохранения культурного наследия. Позволяет пробудить инициативу по сохранению культурной памяти среди разных слоёв общества. Совместные выставки и образовательные программы позволяют обмениваться опытом, ресурсами и привлечь более широкую аудиторию [5, с. 78].

Деятельность «Фамильной пинакотеки» не ограничивается лишь сохранением культурного наследия. Она создает пространство для диалога и обсуждения актуальных тем, связанных с историей и искусством, что способствует формированию более осознанного и ответственного отношения к культурным ценностям в обществе.

Коммеморативные практики, поддерживаемые «Фамильной пинакотекой», помогают не только сохранить память о прошлом, но и вдохновить новое поколение на изучение и понимание культуры. Прежде всего, это осуществляется через проведение конкурса-фестиваля «Зелёная лампа», проводимого весной в г. Дзержинске под эгидой АНО «Фамильная пинакотека». Именно подобные мероприятия позволяют вывести деятельность организации на новый уровень, не только сохраняя память, но и вдохновляя на её развитие.

«Фамильная пинакотека» играет важную роль в сохранении культурного наследия через коммеморативные практики, которые она активно развивает и внедряет в общество. Благодаря своим выставкам, культурным программам и сотрудничеству с другими учреждениями, проект способствует формированию более глубокого понимания и уважения к культурным ценностям, что является залогом их сохранения для будущих поколений. В условиях современного мира, где культурное наследие становится все более уязвимым, такие инициативы имеют особую важность и значимость.

«Фамильная пинакотека» играет важную роль в сохранении культурного наследия через коммеморативные практики, которые она активно развивает и внедряет в общество. Благодаря своим выставкам, культурным программам и сотрудничеству с другими учреждениями, проект способствует формированию более глубокого понимания и уважения к культурным ценностям, что является залогом их сохранения для будущих поколений. В условиях современного мира, где культурное наследие становится все более уязвимым, такие инициативы имеют особую важность и значимость.

Список литературы

1. В Дзержинском краеведческом музее завершается выставка «Такие разные коллекции» // Вести. – URL: https://vestinn.ru/news/culture/257460/ (дата обращения: 10.11.2026). – Текст : электронный.

2. Сайт АНО «Фамильная пинакотека». – URL: https://family-pinakothek.ru/ (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

3. Поликанов, Д. В. НКО: как устроены некоммерческие организации / Д. В. Поликанов. – Москва : Бомбора : Эксмо, 2022. – 251 с.

4. Общественные объединения и некоммерческие организации: деятельность и поддержка : монография / Т. Э. Петрова, А. Б. Лымарь, Н. А. Лымарь [и др.] ; под ред. Т. Э. Петровой. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 115 с.

5. Об общественных объединениях : Федеральный закон : от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ : ред. от 02.06.2016 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 10.11.2026). – Текст : электронный.

6. О некоммерческих организациях : Федеральный закон : от 12 января 1996 г. №7-ФЗ : ред. от 14.11.2017 // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 10.11.2026). – Текст : электронный.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ПОКОЛЕНИЯ В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

Варенцова Лариса Юрьевна
д-р ист. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ПОДВИГ ВТОРОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1612 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Аннотация: *статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти о воинском подвиге Нижегородского народного ополчения под руководством К. Минина и Д.М. Пожарского, освободившего Москву от иноземных захватчиков во времена Смуты. Автор пришел к выводу о том, что в честь спасителей Отечества строились храмы, сооружались монументы и обелиски, открывались музеи. Их именами назывались площади и улицы. Нами использовались системно-исторический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы научного исследования.*

Ключевые слова: *историческая память, Второе народное ополчение, Нижегородское ополчение, Смутное время, освобождение Москвы, увековечение памяти, памятники, музеи, историческая память о подвиге, патриотизм.*

Под исторической памятью следует понимать совокупность передаваемых из поколения в поколение важнейших в жизни страны исторических событий. Историческая память предполагает осознанный взгляд в прошлое, желание воссоздать реальные события былых времен. Историческая память означает непрерывность и преемственность социального бытия. Она объединяет поколения, связывая между собой прошлое, настоящее и будущее.

Для многих народов мира характерны традиции, которые сохраняют память о важнейших фактах военной истории. Всегда в нашей стране почитались воины, защищавшие свободу и независимость Родины. В память о них было принято сооружать монументы и обелиски. В храмах и музеях размещались исторические раритеты, свидетельства о подвигах защитников Отечества.

Не являются исключением события эпохи Смутного времени конца XVI – начала XVII вв. – междинастического периода, сопровождавшегося вторжением в Россию поляков, литовцев, шведов, когда решался вопрос о сохранении российской государственности. По мнению историка С.Ф. Платонова, это было время глубокого системного кризиса и государственной «разрухи» [1, с. 125–126].

Смута запомнилась современникам дымом пожарищ, массовым разорением хозяйства, смертью тысяч людей, унынием, распрями и социальным несогласием. Ее причинами стали: пресечение династии Рюриковичей; борьба между боярами и царской властью; последствия Ливонской войны и опричнины, вызвавшие тяжелое экономическое положение в России; голод 1601–1603 гг., разоривший тысячи крупных и мелких хозяйств; серьезный социальный разлад в стране.

С декабря 1610 г. патриарх Гермоген рассылал по всей России грамоты с призывом к народному сопротивлению полякам и шведам [2, с. 371]. В 1611 г. освобождать Москву от поляков отправилось Первое народное ополчение под руководством рязанца Прокопия Ляпунова. В нем принимал участие князь Д.М. Пожарский. Это ополчение не смогло освободить Москву от интервентов. Погиб П. Ляпунов, а князь Д.М. Пожарский был серьезно ранен.

В 1612 г. стало формироваться второе народное ополчение под руководством нижегородца К. Минина и князя Д.М. Пожарского. 6 января 1612 г. следует считать датой основания

Нижегородского народного ополчения. В этот день начался сбор средств для выплаты жалования ополченцам.

Земский староста К. Минин пожертвовал 2/3 своего имущества, показав пример нижегородцам. Множество ополченцев со всего Поволжья прибывало в Нижний Новгород. Ополченцы делились по статьям: дворяне, профессиональные стрельцы и пушкари, новобранцы без боевого опыта. В Нижнем Новгороде действовало временное правительство – «Совет всея земли». Лучшие вышивальщицы изготовляли знамена, лучшие кузнецы ковали оружие.

Весной 1612 г. Нижегородское ополчение вышло из кремля, направилось по Стрелицкому стану вдоль волжского берега, продвигаясь через Гордеевку, Сормово, Копосово, Козино; шло к Балахне, Юрьевцу Поволжскому, Решме, Костроме, Ярославлю, Москве.

Нижегородское народное ополчение выполнило свою историческую миссию. В ходе жестоких боев польско-литовские интервенты сдали 22 октября (4 ноября по новому стилю – церковный праздник Казанской иконы Божьей Матери) Китай-город Москвы. 26 октября 1612 г. командование польского гарнизона подписало акт о капитуляции.

Историк Н. Ильинский (1759–1846 гг.) отмечал, что память об этих спасителях Отечества должна быть вечной, и никто из наших соотечественников не достоин таких похвал, как К. Минин и Д. Пожарский, избавившие «дражайшее наше Отечество» от иноземных захватчиков [3, с. 3].

Первым памятником Второму народному ополчению стал в Нижнем Новгороде стал Михайло-Архангельский собор на территории Нижегородского кремля. В 1628–1631 гг. по инициативе патриарха Филарета Никитича за счет государственной казны началось строительство нового каменного Михайло-Архангельского собора – храма-памятника Нижегородскому народному ополчению, которому род Романовых был обязан возвеличением и благополучием. Строил собор зодчий Лаврентий Семенов сын Возоулин с пасынком Антипом Константиновым. Завершал строительство шатрового мемориального храма после смерти Лаврентия один Антип. Ныне в Михайло-Архангельском соборе хранится прах Козьмы Минина и знамена Нижегородского народного ополчения.

За заслуги перед Отечеством князь Д.М. Пожарский был награжден званием боярина. К. Минин получил статус думного дворянина. Оба получили большие земельные пожалования. На своих землях в Балахнинском уезде Д.М. Пожарский основал Макарьевский монастырь в с. Пурех (бывшей Петряевской пустоши) [4, с. 97] для израненных ополченцев в 1622–1625 гг. Все раненые ратники содержались Д.М. Пожарским за его счет. В память о событиях 1612 г. князь Д.М. Пожарский на свои средства построил удивительной красоты собор иконы Казанской Божьей Матери на Красной площади в Москве в 1631–1636 гг. [5, с. 324].

Идея увековечивания памяти о спасителях Отечества – о земском старосте из Нижнего Новгорода К. Минине и о князе Д.М. Пожарском – принадлежала российскому ученому М.В. Ломоносову. В 1794 г. в Нижний Новгород был направлен историк Н. Ильинский, который предложил поставить героям монумент. К 1811 г. в Нижегородской губернии было собрано 18000 руб. на сооружение памятника.

Скульптурная композиция со словами: «Гражданину Минину и князю Пожарскому. Благодарная Россия. Лета 1818» – была выполнена известным скульптором И.П. Мартосом. По решению Комитета министров памятник, выполненный на средства нижегородцев, был оставлен в Москве, установлен близ собора Василия Блаженного на территории Московского Кремля. Вместо указанного монумента в 1825–1828 гг. в Нижегородском кремле сооружался обелиск из карельского гранита по эскизам архитектора А.И. Мельникова и скульптора И.П. Мартоса.

В конце XIX в. русский живописец К.Е. Маковский (1839–1915 гг.) в своей картине «Возвание Минина» сохранил для потомков важный исторический момент обращения к нижегородцам земского старосты по поводу создания Второго народного ополчения. Картина К.Е. Маковского впервые демонстрировалась на XVI Всероссийской промышленно-художественной выставке, которая проходила в Нижнем Новгороде в 1896 г. Для нее был

открыт отдельный павильон. Картина имеет еще и другое название: «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям». В начале XX в. картина была приобретена Министерством императорского двора, и им же в 1913 г. подарена Нижнему Новгороду, в связи с празднованием 300-летия династии Романовых. Ныне картина К.Е. Маковского «Воззвание Минина» хранится в Нижегородском государственном художественном музее [6, с. 239].

29 декабря 2004 г., по указу Президента Российской Федерации в нашей стране был учрежден День народного единства. Впервые этот праздник начали отмечать в 2005 г. К этому времени в Нижнем Новгороде появилась площадь народного единства. Она находится на месте исторического воззвания К. Минина – у Ивановской башни Нижегородского кремля и храма Иоанна Предтечи, близ стен которых установлен монумент в честь гражданина К. Минина и князя Д.М. Пожарского. Он выполнен в 2005 г. скульптором З.К. Церетели в виде копии работы И.П. Мартоса. Сегодня площадь народного единства – одно из самых красивых мест в Нижнем Новгороде, наряду с площадью Минина и Пожарского – историческим центром города. Имеется в Нижнем Новгороде также улицы Минина и Пожарского.

На родине К. Минина – в городе Балахне Нижегородской области – ему установлен бронзовый памятник (скульптор А. Колобов, 1943 г.). Сначала монумент находился в г. Горьком, а в 1989 г. был перенесен в Балахну. Место, где он находится ныне называется площадью Минина. 4 ноября 2009 г. в Балахне открылся «Музей Второго народного ополчения», расположенный в культурно-досуговом центре «Дом Москвы».

Таким образом, в исторической памяти нижегородцев бережно хранятся образы великих граждан России – земского старосты К. Минина и князя Д.М. Пожарского – спасителей Отечества в эпоху Смутного времени. В историческом сознании отчетливо запечатлен бессмертный подвиг истинных сынов России.

Список литературы

1. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 576 с.

2. Перевезенцев, С. В. Россия. Великая судьба / С. В. Перевезенцев. – Москва : Белый город, 2007. – 704 с.

3. Описание жизни и безсмертнаго подвига славного мужа нижегородскаго купца Козьмы Минина. Выбранное из Исторических преданий Николаем Ильинским. – Санкт-Петербург : При Губернском Правлении, 1799. – 78 с.

4. Филатов, Н. Ф. Веси Нижегородского края: Очерки историй сел и деревень Поволжья / Н. Ф. Филатов. – Нижний Новгород : Типография Нижегородского университета, 1999. – 311 с.

5. Филатов, Н. Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки / Н. Филатов. – Нижний Новгород : Книги, 2003. – 512 с.

6. Шедевры русской живописи = Masterpieces of Russian Art: Masterpieces of Russian Art: более 500 ил. – Москва : Белый город, 2006. – 567 с.

Дударева Альбина Евгеньевна
директор
Институт наследия и современного общества
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

СЕМЕЙНЫЙ УРОВЕНЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СИСТЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРИЧИНЫ ВЫПАДЕНИЯ ИЗ УЧЁТА И УСЛОВИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Аннотация: *семейные архивы, реликвии и устные свидетельства рассматриваются в статье как самостоятельный уровень исторической памяти, которому в действующей системе сохранения культурного наследия не находится места. На основе различения коммуникативной и культурной памяти показано, что объекты семейного уровня утрачиваются в течение трёх-четырёх поколений, если не переходят в институциональное хранение. Анализ федерального законодательства и государственных информационных систем выявил, что семья не признана держателем наследия и её объекты попадают в учёт лишь при передаче учреждению. По данным всероссийских опросов и общественных проектов установлены широкий интерес к семейной истории и готовность семей передавать копии материалов. Обоснованы три условия включения семейного уровня в систему сохранения: указание уровня памяти в описании объекта, признание семьи держателем с сохранением подлинника и оценка результата по удовлетворению запросов.*

Ключевые слова: *историческая память, коммуникативная память, культурное наследие, семейный архив, семейная история, уровни памяти, сохранение наследия, держатель наследия, цифровая копия.*

Историческая память изучается преимущественно в масштабе народа, региона или поколения, тогда как значительная её часть хранится в семьях: в письмах, фотографиях, дневниках, наградах и устных рассказах, не дошедших ни до одного музея или архива. Этот слой памяти наиболее уязвим. У него нет институционального держателя, он не состоит на учёте и исчезает незаметно, вместе с последним человеком, который помнил, кто изображён на фотографии. Между тем музейные, библиотечные и архивные фонды в России описаны, учтены и постепенно переводятся в цифровую форму. Цель статьи состоит в том, чтобы объяснить, почему при развитой системе учёта семейный уровень памяти остаётся вне её, и определить условия, при которых его можно включить в систему сохранения, не превращая семью в архивное учреждение. Источниками послужили работы по теории исторической памяти, федеральные законы и документы стратегического планирования, данные всероссийских опросов и общественных проектов.

Уровни исторической памяти и положение семейного уровня.

Понимание памяти как достояния общности, а не отдельного сознания восходит к М. Хальбваксу, показавшему, что индивидуальные воспоминания удерживаются социальными рамками группы и вне этих рамок распадаются [14]. Я. Ассман развёл два режима существования памяти: коммуникативную, которая живёт в повседневном общении, опирается на воспоминания свидетелей и охватывает три-четыре поколения, и культурную, закреплённую в текстах, обрядах, памятниках и институтах и потому способную пережить своих носителей [2]. П. Нора связал появление мест памяти с ослаблением живой традиции: там, где память перестаёт передаваться сама собой, общество удерживает её усилием институтов [6]. Л.П. Репина подчеркнула, что историческая память не просто сохраняет прошлое, но пересобирается в зависимости от запросов настоящего [12].

Из этих положений следует вывод, который в практике сохранения наследия почти не используется: память различается не только по содержанию, но и по общности, которая её несёт, и общность задаёт режим существования памяти. Соответственно выделяются четыре

уровня исторической памяти: семейный, местный (поселение, приход, предприятие, община), региональный и общенациональный. Уровень объекта определяется по его происхождению, то есть по общности, в которой он возник и выполнял своё назначение, а не по нынешнему месту хранения. Семейный альбом, переданный в музей, остаётся объектом семейной памяти, подобно тому, как в архивоведении принадлежность документа к фонду определяется его создателем, а не последующими перемещениями.

Семейный уровень в этом ряду стоит особняком. Он целиком принадлежит коммуникативной памяти: держателем, носителем и, как правило, собственником объекта выступает одна и та же семья, письменная фиксация отсутствует, передача происходит устно и через предметы. На общенациональном уровне утрата подлинника восполняется копиями, публикациями и институтами; на семейном уровне утрата альбома или уход последнего рассказчика означает окончательную утрату.

Причины выпадения семейного уровня из учёта.

Система сохранения наследия построена по видам фондов и видам держателей, то есть организаций и лиц, у которых объекты находятся на хранении. Музейный фонд, Архивный фонд, библиотечные фонды и реестр объектов культурного наследия охватывают то, что находится у учреждений, и учитывают это по правилам, разработанным для учреждений. Семье в этих правилах отведена роль источника поступлений. Архивные документы, находящиеся в частной собственности, включаются в состав Архивного фонда по результатам экспертизы ценности и на основании договора между собственником и архивом, музеем, библиотекой или научной организацией [9, ст. 6 и 9]; музейные предметы, принадлежащие гражданам, включаются в состав Музейного фонда по заявлению собственника и считаются включёнными со дня регистрации в Государственном каталоге [7, ст. 8]. В обоих случаях объект становится видимым для государства в момент, когда перестаёт быть семейным; до этого момента он не отражён ни в одном учёте.

Для нематериального наследия законодатель пошёл дальше. Закон о нематериальном этнокультурном достоянии различает носителей и хранителей и наделяет носителей правом подать заявку о включении объекта в реестр и правом на государственную поддержку [8, ст. 4 и 10]. Однако носителями закон признаёт этнические общности и их представителей, поэтому предания, обычаи или ремесленные навыки, бытующие в пределах одного рода, под его действие не подпадают.

Государственные информационные системы воспроизводят ту же логику. Ни Государственный каталог Музейного фонда, ни Национальная электронная библиотека, ни реестры памятников и достояния не содержат в описании объекта признака уровня памяти и не предусматривают семью в качестве стороны, вносящей сведения о собственных объектах. Стратегическое направление цифровой трансформации отрасли культуры на период до 2030 года констатирует разрозненность ведомственных и региональных систем и низкую скорость оцифровки, но его проекты по-прежнему обращены к учреждениям и объектам, а не к семьям [11]. Основы государственной политики в области исторического просвещения называют коллективную историческую память одной из основ общероссийской гражданской идентичности и относят организации культуры к субъектам этой политики [10]; инструмента, который связывал бы историческое просвещение с хранением памяти в семьях, в них нет.

Таким образом, семейный уровень выпадает из учёта не вследствие недооценки, а вследствие самого устройства системы: она организована по держателям, а семья держателем в правовом и организационном смысле не признана.

Спрос на семейную память по данным опросов и общественных проектов.

Интерес семей к собственной истории почти всеобщий. По данным ВЦИОМ 2023 года, история своей семьи интересовала 92% россиян, целенаправленно изучали её 48%, родословное древо имели 35%, семейные реликвии хранили 48%; среди молодёжи 18–24 лет 60% ограничивались интересом, не предпринимая поиска [13]. Активный поиск ведёт около половины взрослых, а в младших возрастах он откладывается.

Одновременно опросы фиксируют ослабление передачи памяти между поколениями. Об участии родных в Великой Отечественной войне из рассказов близких, семейных архивов, писем и фотографий в 2024 году знали 45% опрошенных, причём среди родившихся в 1947 году и ранее эта доля составила 56%, а среди родившихся в 2001 году и позднее 27%; ещё 12% сообщили, что родные погибли или пропали без вести и сведений о них в семье нет [1]. Различие получено в одном обследовании и не измеряет скорость утраты, однако показывает её направление: от поколения к поколению доля тех, для кого семейное свидетельство существует, сокращается примерно вдвое.

Данные третьего рода относятся к готовности семей делиться материалами, когда для этого предложена форма. Сервис «Поиск по архивам», открывший архивные дела для поиска по фамилиям, за первый год работы собрал более 20 млн просмотров документов [5]. В музейный комплекс «Дорога памяти» загружено 36 млн карточек участников войны и 3,6 млн фотографий [4], в летопись движения «Бессмертный полк» к осени 2026 года внесено более миллиона историй [3]. Эти проекты предложили семьям простую форму передачи и получили массовый отклик, но ни один из них не ведёт учёта объектов, не проверяет сведения по единым правилам и не связан с государственными реестрами: копия остаётся в проекте, подлинник и сведения о нём остаются в семье.

Сопоставление этих данных показывает, что семьи хранят реликвии и готовы передавать их копии, половина взрослых ищет свою историю, а отсутствует лишь организационная форма, которая соединяла бы предложение и спрос на приемлемых для семьи условиях и оставляла бы след в учёте. Разрыв между сохраняемым и востребованным на семейном уровне имеет организационную, а не культурную природу.

Условия возвращения семейного уровня в систему сохранения.

Включение семейного уровня в систему сохранения не предполагает обязательной передачи документов в архив: порядок, рассчитанный на передачу, и служит причиной выпадения. Требуется порядок, при котором подлинник остаётся в семье, а сведения об объекте входят в общий учёт. Из проведённого анализа вытекают три условия такого порядка.

Первое условие касается описания объекта. Запись об объекте в любой системе должна содержать уровень памяти, определяемый по происхождению. Без этого признака семейные объекты, даже попав в музей или архив, растворяются в фонде учреждения; с ним становится возможно установить, сколько объектов каждого уровня учтено и где образуется разрыв. Введение признака не требует ни новой системы, ни новых полномочий, только дополнения состава описания.

Второе условие определяет положение семьи. Семья должна быть признана держателем, то есть стороной, которая принимает решения о своих объектах и участвует в учёте на собственных условиях. К таким условиям относятся указание семьи как источника, определение круга лиц, которым открыт доступ, и право отозвать материалы. Подлинник остаётся в семье, в институциональное хранение передаётся цифровая копия, пригодная для долговременного хранения, вместе с описанием. Такой порядок не затрагивает права собственности и потому не противоречит ни закону об архивном деле, ни закону о Музейном фонде, а музею, архиву или университету позволяет стать для семей точкой входа в систему сохранения.

Третье условие меняет меру результата. Пока результат сохранения измеряется числом оцифрованных единиц и обращений к ресурсам, семейный уровень будет уступать остальным: его объекты единичны, а оцифровка каждого из них затратна относительно отчётного эффекта. Если же результатом считать исход запроса, удалось ли потомку найти сведения о родственнике, получила ли школа фотографию земляка, то семейный уровень оказывается там, где неудовлетворённый спрос наибольший, и очерёдность работ меняется.

Названные условия положены в основу исследования, которое ведётся в Российском государственном гуманитарном университете. Оно включает реестр объектов держателей университета с признаком уровня памяти, опрос потребителей наследия и прототип цифровой платформы с кабинетом семьи для сотрудников, выпускников и студентов; результат

предполагается оценивать по доле запросов, удовлетворённых в требуемой форме, до и после введения нового порядка.

Заключение.

Семейный уровень исторической памяти относится к коммуникативной памяти и потому утрачивается быстрее остальных уровней, тогда как система сохранения наследия, построенная по фондам и держателям, замечает семейные объекты лишь в момент их передачи учреждению. Широкий интерес к семейной истории и ослабление передачи памяти между поколениями, зафиксированные опросами, свидетельствуют, что разрыв между сохраняемым и востребованным на этом уровне носит организационный характер и может быть устранён организационными средствами: указанием уровня памяти в описании объекта, признанием семьи держателем при сохранении подлинника и оценкой результата по удовлетворению запросов. Для музеев, архивов и университетов это означает новую функцию: наряду с хранением собственных фондов принимать на учёт память семей, которая иначе исчезнет вместе с её носителями.

Список литературы

1. 9 мая и память о великой войне: аналитический обзор // ВЦИОМ. – 2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Бессмертный полк: сайт / РИПОД «Бессмертный полк». – URL: https://www.moypolk.ru/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

4. Дорога памяти: музейный комплекс: сайт. – URL: https://1418museum.ru/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

5. Нейросеть Яндекса за год расшифровала более 10 миллионов страниц исторических документов в Поиске по архивам // Яндекс. – 2024. – URL: https://yandex.ru/company/news/02–25–01–2024 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

6. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

7. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон : от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 2591.

8. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : Федеральный закон : от 20 октября 2022 г. №402-ФЗ // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

9. Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон : от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 43. – Ст. 4169.

10. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации : от 8 мая 2024 г. №314 // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

11. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации : от 23 июня 2026 г. №1586-р // Правительство России. – URL: http://government.ru/docs/all/165174/ (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

12. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33–45.

13. Тени (не)забытых предков: аналитический обзор // ВЦИОМ. – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teni-nezabytykh-predkov (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

Казимиров Максим Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-170543

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧУВАШИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Аннотация: *в статье собраны результаты анализа методологических и методических особенностей применения инструментов устной истории при изучении этнорелигиозных процессов в Чувашии. Автором охарактеризована специфика формирования источниковой базы, обусловленная влиянием религиозного синкретизма и интенсивных процессов этнокультурного возрождения. Обоснована необходимость применения качественной методологии (например, глубинных интервью и биографического метода) для фиксации трансформаций религиозных практик православных и некрещеных чувашей, а также процессов неоязыческого конструирования идентичности.*

Ключевые слова: *устная история, этнорелигиозные процессы, Чувашия, религиозный синкретизм, неоязычество, интервьюирование.*

Статья выполнена при поддержке РНФ. Проект 26-28-20326

Рубеж конца XX – начала XXI в. характеризуется кардинальной трансформацией этнорелигиозного ландшафта Чувашии. Распад советской идеологической системы и последующая либерализация общественной жизни активизировали процессы возрождения религиозных институтов, затронувшие как наиболее крупные конфессии (православие, ислам), так и множество политеистических этнических религий. В этих условиях устная история приобретает особое значение как метод, позволяющий зафиксировать «живой» опыт верующих, их повседневные религиозные практики и субъективные смыслы, которые зачастую остаются за рамками официальных документов и статистики.

Так, цель исследования заключалась в выявлении и описании особенностей устно-исторических исследований этнорелигиозных процессов конца XX – начала XXI в. в Чувашии, на основе анализа современной историографии и полевых практик.

Говоря об устной истории, важно определиться с терминологией. Так, в «Новом сокращенном оксфордском словаре английского языка» предложено такое определение: «Это записанная на магнитофон историческая информация, полученная из личных знаний говорящего; ее использование или интерпретация является предметом научного исследования» [1, с. 119].

Ключевая особенность этнорелигиозных процессов в Чувашии заключается в феномене полисинкретической религиозности. Религиозные практики трех этноконфессиональных групп чувашей – православных, язычников и мусульман – представляют собой совокупность элементов религиозного поведения их членов и интерпретации ими религиозных норм, сложившихся в ходе синкретизации традиционных верований и культа (чувашского язычества) с христианством и исламом [7, с. 74]. Для православных чувашей характерен «православно-языческий» синкретизм (двоеверие), а для некрещеных – включение элементов православной культуры в свою обрядность [9, с. 16].

Этой особенностью определена первая методологическая проблема: невозможность опираться исключительно на формальные индикаторы религиозности. Устная история позволяет преодолеть этот разрыв, фиксируя не декларируемую, а «проживаемую» религию. Интервью дают возможность выявить, как в сознании информантов сосуществуют христианские догматы и языческие представления, и каким образом это сосуществование легитимируется в повседневной жизни.

Второй важной особенностью является гетерогенность самого поля исследования. Для Чувашии на рубеже XX–XXI в. было характерно параллельное развитие нескольких религиозных тенденций:

− активизация традиционных верований применительно к некрещеным чувашам, сохранившим обряды в сельской местности;

− формирование неоязычества как идеологии этнокультурного возрождения [6, с. 137];

− усиление роли православия и попытки «очищения» народной веры от языческих наслоений, что порождало внутренние конфликты в приходах [7, с. 74];

− развитие исламских общин, являющихся конфессиональным меньшинством, но обладающих значительным социокультурным потенциалом [2, с. 106].

Следовательно, вторая методологическая особенность – необходимость целенаправленно формировать выборки, которые должны охватывать не только рядовых верующих, но и религиозных лидеров, активистов, а также тех, кто дистанцируется от институционализированных форм религии.

Анализ историографии и полевых практик позволяет выделить ряд методов, доказавших свою эффективность при изучении этой проблематики.

Во-первых, глубинное полуструктурированное интервью следует считать, пожалуй, основным методом. Исследование религиозных практик в чувашских селениях опирается преимущественно на качественную методологию, включающую интервью и включенное наблюдение. Гибкость метода позволяет информанту самостоятельно актуализировать значимые для него сюжеты, связанные с обрядностью, календарными праздниками, похоронно-поминальными практиками, которые наиболее ярко отражают сохраненную «языческую» основу.

Во-вторых, в чувашской историографии накоплен опыт использования устной истории и через изучение автобиографических сочинений. Метод устной истории через изучение автобиографии подробно описан в работах О.В. Егоровой: ею были изучены автобиографические сочинения воспитанников духовных и светских учебных заведений Казани и Симбирска [3, с. 29]. Этот подход позволяет проследить индивидуальную траекторию религиозного опыта на фоне макросоциальных изменений.

В-третьих, поскольку религиозные практики зачастую носят невербальный, обрядовый характер, их адекватная интерпретация невозможна без непосредственного участия исследователя в жизни общины методом включенного наблюдения. Наблюдение позволяет зафиксировать те аспекты ритуальной жизни (порядок действий, участие разных возрастных групп, степень эмоциональной вовлеченности), которые информанты могут не озвучить в интервью.

В-четвертых, интервью с носителями традиционной веры часто строятся не как интервью в классическом смысле, а как нарратив о «правильном» устройстве мира и благополучия. Для информантов часто «чувашская вера» выступает основой благополучия, а ее сохранение воспринимается как необходимое условие существования этноса. Исходя из этого, задача исследователя – не просто зафиксировать факты, но и реконструировать внутреннюю логику этого нарратива.

Устно-историческое исследование этнорелигиозных процессов сопряжено с рядом специфических этнических и интерпретативных вызовов. Одним из них является высокая степень «чувствительности» темы для носителей. Религиозные убеждения, особенно в условиях синкретизма, являются частью личной и семейной идентичности [5, с. 157]. Информанты могут быть не готовы обсуждать практики, которые не одобряются официальной церковью или, например, воспринимаются обществом как «пережитки». Исследователю важно проявлять методологическую рефлексивность, осознавая, как его собственные вопросы и даже само присутствие, а также связанные с ним иные обстоятельства, влияют на ответы респондентов.

Следует подчеркнуть и проблему репрезентативности. Устная история претендует не на статистическую репрезентативность, а на аналитическую репрезентацию типичных практик и нарративов [4, с. 653]. Результаты, полученные в одном селении, не могут быть механически

экстраполированы на всю Чувашию, однако они позволяют выявить механизмы трансформации религиозности, которые затем могут быть проверены на более широком материале.

Наконец, осуществляя интерпретацию этнорелигиозного синкретизма, исследователь сталкивается с необходимостью описывать религиозные феномены на языке, который не искажал бы их природу. Использование терминов «двоеверие» или «язычество» является условным; сами носители традиции могут не причислять себя ни с одной из этих категорий, а воспринимать свою веру как целостную и аутентичную.

Таким образом, в заключение следует подчеркнуть, что специфика самого объекта устно-исторического исследования этнорелигиозных процессов в Чувашии конца XX – начала XXI в. определила ряд присущих ему выраженных особенностей. Полисинкретический характер религиозности, сосуществование множества религиозных проектов (от традиционных верований до неоязычества и православного обновленчества) и высокая степень субъективной значимости религиозного опыта делают устную историю не дополнительным, а основным и во многом незаменимым инструментом анализа этих процессов. Его использование позволяет преодолеть ограниченность формальных источников и зафиксировать религиозность как живую, практикуемую и осмысляемую реальность. Дальнейшее развитие этого направления видится в создании архивов устных интервью и расширении географии полевых исследований этнорелигиозных процессов, связанных с чувашским народом, за пределы Чувашской Республики.

Список литературы

1. Бутько, В. Н. Устная история: преимущества и недостатки / В. Н. Бутько // Наука и современность. – 2010. – № 1. – С. 118–123.

2. Мартыненко, А. В. Трудный путь возрождения: мусульманские уммы Мордовии, Чувашии, Марий Эл (1990-е – середина 2010-х гг.) / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7. – С. 106–109.

3. Петров, Н. А. Опыт междисциплинарных исследований в устной истории в творчестве О.В. Егоровой / Н. А. Петров, И. В. Дмитриева // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23–24 апр. 2021 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2021. – С. 27–30.

4. Попова, О. Д. История повседневности через призму устной истории: возможности и проблемы (размышления над книгой) / О. Д. Попова // Вестник Удмуртского университета. – 2023. – № 3. – С. 649–655.

5. Пронина, Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен / Т. С. Пронина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 2. – С. 154–166.

6. Хохлов, А. А. Место чувашского неоязычества в современном чувашском национализме / А. А. Хохлов // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 1 (34). – С. 132–146.

7. Ягафова, Е. А. Динамика религиозности и современные религиозные практики в чувашском селе / Е. А. Ягафова // Этнография. – 2021. – № 2. – С. 72–97.

8. Ягафова, Е. А. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация / Е. А. Ягафова, И. Г. Петров. – Самара : СГСПУ, 2023. – 352 с.

9. Ягафова, Е. А. Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей / Е. А. Ягафова // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 3–18.

Обжогина Анастасия Андреевна
магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОЛЖСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация: *в статье рассматривается волжская иконография XIX – начала XX в. как многоаспектный источник по исторической географии, градостроительству и культуре шести республик Среднего Поволжья и Приуралья (Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия). На материале панорамной графики братьев Г.Г. и Н.Г. Чернецовых, гидрографически точной живописи А.П. Боголюбова и ранней цветной фотографии С.М. Прокудина-Горского раскрывается познавательный потенциал визуальных источников. Обоснована методика пространственно-топографической локализации, архитектурно-ландшафтной верификации и сравнительного ретроспективного анализа памятников, оказавшихся в зоне гидрологических и градостроительных изменений XX в. Предложена модель межрегионального сводного цифрового каталога и геоинформационного картографирования волжской иконографии для паспортизации, мониторинга и реставрации объектов культурного наследия.*

Ключевые слова: *волжская иконография, Среднее Поволжье, Приуралье, источниковедение, изобразительные источники, визуальный поворот, музееведение, исторический ландшафт, культурное наследие.*

Изобразительные источники – живопись, оригинальная и печатная графика, картография, фотография, кино- и видеоматериалы – образуют огромный по объему и видовому разнообразию пласт исторических свидетельств, который, однако, до сих пор используется исследователями недостаточно систематично и нередко воспринимается лишь как вспомогательный иллюстративный ряд к письменным документам [8, с. 248]. В условиях обоснованно констатируемого в современной историографии «визуального поворота» их эвристический потенциал требует специального методологического осмысления [8, с. 249].

Как справедливо подчеркивает Г.Н. Ланской, причина такой недооценки кроется не в ограниченности информативности самого визуального текста, а в сложности его источниковедческой критики и необходимости междисциплинарного синтеза при интерпретации [8, с. 248–249]. Опираясь на системный подход, исследователь предлагает дифференцировать изобразительные источники по их способности представлять объекты реальности на практическом, эмоциональном и духовном уровнях и обосновывает продуктивность сочетания позитивистского и феноменологического подходов: первый ориентирован на выявление нового объективного знания о фактах, лицах и событиях, второй – на реконструкцию целеполагания автора, процесса и технических условий фиксации действительности [8, с. 248, 253]. Такой синтез, включающий эстетическое, социологическое, политическое и информационное измерения анализа, позволяет рассматривать волжскую иконографию региона не как совокупность разрозненных изображений, а как верифицируемый комплекс источников по истории и культурному наследию.

Волго-Камский водный бассейн на протяжении многих столетий был структурообразующим фактором полиэтничного и многоконфессионального макрорегиона, объединяющего ныне республики Среднего Поволжья и Приуралья. На волжских берегах сформировались крупнейшие административные и торговые центры – Казань и Чебоксары; бассейны основных притоков Волги и Камы (Вятки, Белой, Илети, Суры) исторически определили расположение и хозяйственную ориентацию Уфы, Йошкар-Олы, Ижевска и Саранска. Связь с рекой

лежит в основе расположения ключевых ансамблей регионального наследия, в том числе включённых в Список всемирного наследия ЮНЕСКО: Болгарского историко-археологического комплекса (2014 г.) и Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск (2017 г.). За почти двухвековой период художественного и фотографического освоения региона сложился обширный корпус видовых материалов, зафиксировавших морфологию волжского берега до его гидротехнического и индустриального переустройства в середине XX в.

Этот корпус – волжская иконография – сегодня существует в разрозненном виде: полотна и эстампы сосредоточены в художественных собраниях, материальная культура речного быта и прибрежных промыслов – в национальных краеведческих музеях, а градостроительные чертежи, отводы земель и навигационные планы – в региональных государственных архивах. Отсутствие системных межмузейных связей и синтетических источниковедческих исследований приводит к тому, что изобразительный ряд до сих пор воспринимается научным сообществом преимущественно как вторичный, иллюстративный материал, а не как полноценный исторический источник. Между тем именно к таким комплексам – как убедительно показывают материалы конференции «Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия» и исследования Г.Н. Ланского – применим междисциплинарный инструментарий верификации достоверности и семиотической реконструкции визуального текста [8, с. 252–253].

Источниковедческий потенциал визуального наследия раскрывается при сопоставлении профильных фондов ведущих учреждений культуры рассматриваемых республик. Ведущим центром хранения произведений отечественного речного пейзажа в Чувашской Республике является Чувашский государственный художественный музей в Чебоксарах, основанный в 1939 г. и аккумулирующий более двадцати тысяч произведений изобразительного искусства, включая волжские пейзажи академической и передвижнической школ [18]. В Республике Татарстан центральную роль играет Национальный музей Республики Татарстан, ведущий начало от Казанского городского научно-промышленного музея 1895 г., созданного на базе коллекции археолога и собирателя А.Ф. Лихачёва; сегодня его фонды насчитывают свыше 940 тысяч единиц хранения, в том числе комплексы фотографий казанских пристаней, волжских судов и гидрографических карт [13]. Историко-этнографический контекст речной повседневности финно-угорских и тюркских народов представлен в коллекциях Национального музея Республики Башкортостан (старейшего в регионе, учреждённого при Губернском статистическом комитете 23 апреля 1864 г., ныне хранящего около 190 тысяч предметов), Национального музея Республики Марий Эл имени Т. Евсеева (основан в 1920 г., более 230 тысяч единиц хранения), Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея имени И.Д. Воронина (основан в 1918 г., фонд превышает 190 тысяч единиц) и Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда (основан в 1920 г., свыше 200 тысяч единиц хранения) [9; 11; 12; 14]. Речная тематика в этих собраниях неразрывно связана с промысловой деятельностью: судостроением, бурлачеством, лесосплавом по притокам Волги и Камы, рыболовством и гидротехническим строительством. Фонды региональных архивов – Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) и Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ) – сохраняют планы прибрежных территорий, чертежи берегоукрепительных сооружений, межевые книги и фонды судоходных компаний (в частности, общества «Самолёт», товарищества «Братья Нобель», пароходства «Кавказ и Меркурий»), позволяющие проверить топографическую достоверность произведений изобразительного искусства [6; 5; 10].

Эволюция волжской иконографии XIX – начала XX в. как документального источника наиболее ясно прослеживается в творчестве трёх значимых фигур отечественного искусства, чья деятельность была связана с панорамной и натурной фиксацией речного бассейна. Первым опытом сплошного визуального картирования Волги стало полугодовое путешествие братьев Григория Григорьевича (1802–1865) и Никанора Григорьевича (1805–1879)

Чернецовых в 1838 г [17]. Пройдя на специально оборудованной лодке-барке вниз по течению от Рыбинска до Астрахани, художники осуществили непрерывную графическую фиксацию обоих берегов реки. Итогом экспедиции стала круговая панорама Волги протяжённостью свыше 700 метров, состоявшая из почти двух тысяч натурных рисунков и графических листов (значительная часть графического корпуса сегодня хранится в фондах Государственного Русского музея и Российской национальной библиотеки). Тщательность братьев Чернецовых, сформированная классической академической школой видописи, не допускала субъективных домыслов: мастера точно воспроизводили геологическое строение береговых обрывов, геометрию прибрежных селений, силуэты церквей, створные знаки и гидрологические особенности русла. Это делает их графические листы ценным источником для физико-географической и историко-архитектурной реконструкции Волго-Камского побережья первой половины XIX в.

Второй качественный этап в волжской иконографии связан с А.П. Боголюбовым (1824–1896), маринистом, академиком Императорской Академии художеств, выпускником Морского кадетского корпуса и историографом русского флота [1]. Штурманская подготовка и опыт гидрографической службы сказались на точности его пейзажей. Летом 1861 г. по приглашению пароходного общества «Самолёт» он проехал по Волге от Твери до Астрахани; поездка была нужна для иллюстрирования путеводителя, который вышел в 1862 г. под редакцией его брата, гидрографа и экономиста Н.П. Боголюбова [3]. Ещё до поездки о маршруте узнал промышленник и коллекционер В.А. Кокорев и заказал художнику серию больших видовых полотен. Так появились «Нижегородская ярмарка. Колокольный ряд» (1862) и «Казань» (1862). Для самого путеводителя Боголюбов сделал много набросков, рисунков и сепий; с них были выполнены 31 политипаж (ксилография) и 10 больших литографий [3].

Иллюстративные материалы путеводителя можно разделить на три группы [15]. Первая – быт, промыслы и этнография народов Поволжья. Пример – политипаж «Возвращение бурлаков на родину» [3, с. 255]: художник подробно показывает старые паруса, конструкцию лодки-струга и напряжение спорящей артели. К этой же группе относятся «Жиротопная станица на Волге», «Рыбная ватага в устье Волги» и литография «Береговая сторожка на Волге». В этих работах важны точность предметного мира и естественность природной среды. Однако оригинальные подготовительные рисунки Боголюбова, с которых гравировали доски, пока не найдены, поэтому степень искажения натуры гравёрами установить нельзя.

Вторая группа – изображения судов Волжского бассейна. Здесь есть два ряда. Первый показывает судоходство середины XIX в.: кабестанные пароходы, мокшаны, коноводные машины, расшивы, беляны, живорыбные лодки, бакинки; многие из них к концу века исчезли. Второй ряд – мемориальные суда, которые Боголюбов понимал как памятники русского судостроения. При изучении этой группы возникает проблема искажения авторского рисунка при ксилографическом воспроизведении. Например, политипаж «Галера императрицы Екатерины II» [3, с. 255] сделан по сохранившемуся наброску «Галера Екатерины II в Казани. Катер. Четыре наброска». Сравнение оригинала и оттиска показывает, что гравёр добавил к лаконичному рисунку вымышленный берег и воду. На этом же листе есть штудия к политипажу «Гичка Петра Великаго» [3, с. 389]. Ещё заметнее случай с политипажем «Плезиръ-яхта Петра Великаго» [3, с. 389], сделанным по рисунку «Яхта «Плезиръ» Петра I в Астрахани»: гравёр перенёс изображение на дерево механически, и в издании памятник оказался зеркальным. Несмотря на это, Боголюбов как флотский офицер точно передавал такелаж, размерения и обводы корпусов.

Третья и самая информативная группа – панорамные виды поволжских городов и монастырей: Углича, Ярославля, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Казани, Саратова, Астрахани. В этих листах обычно есть три пространственных плана: небо занимает почти половину листа, город расположен на среднем плане, река – на переднем. Часто художник выбирает точку

обзора с воды, а не с берега: так лучше передаётся световоздушная среда и виден исторический силуэт города, обращённого к реке.

Поскольку литографии и ксилографии несут следы работы гравёров, особенно важны оригинальные натурные рисунки Боголюбова 1861 г. В рисунке тушью «Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде» три плана организованы строго: на первом – покосившийся деревянный забор и фигура священника; на втором – монастырский комплекс с группой людей; на третьем – Волга с караваном судов и туманные заволжские дали. Храмовый объём отодвинут в глубину, поэтому архитектура связана с береговым рельефом. В рисунках, сделанных с суши, повторяется мотив дороги вдоль воды – тема пути. Боголюбов не считал натурный рисунок только подготовительным эскизом: для него это было законченное произведение. В педагогике он советовал ученикам выполнять натурные штудии «окончательно и сознательно» [2].

В листе «Город Чебоксары на Волге» (1861) этот метод проявляется особенно ясно. Левая часть композиции – гористый берег с деревянной застройкой и вертикалью церкви, растворяющейся в дымке; правая – волжский плес с небольшими судами. На первом плане – прибрежная дорога, повторяющая излучину реки и соединяющая берег и воду. Маленькая удаляющаяся фигура путника даёт масштаб и ведёт взгляд в глубину. Высокая точка обзора позволила Боголюбову точно показать топографию Чебоксар; в этом можно видеть предвестие пространственных исканий И.И. Левитана в «Над вечным покоем» (1894). Таким образом, оригинальная графика Боголюбова представляет собой эталонный визуальный источник, фиксирующий морфологию дорегулярной и раннерегулярной застройки волжских городов до начала масштабных инженерных реконструкций пореформенной эпохи.

Новый этап документальной фиксации волжского ландшафта наступил в начале XX в. с внедрением метода цветной фотографии Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944) [16]. В рамках поддержанного императором проекта по масштабному документированию Российской империи мастер в 1909–1912 гг. провёл фотоэкспедиции по Волго-Камскому региону, Мариинской водной системе, бассейну реки Белой и Южному Уралу. Используя методику цветоделения – последовательную экспозицию на единой удлинённой стеклянной фотопластинке через синий, зелёный и красный светофильтры, – Прокудин-Горский создал архив из сотен высокодетальных цветных снимков региона (коллекция стеклянных негативов мастера в количестве 1902 единиц была приобретена Библиотекой Конгресса США в 1948 г. у наследников фотографа и в начале 2000-х гг. прошла точную цифровую реконструкцию) [4]. Фотографии Казани, Свияжска, Уфы, Перми, Златоуста, волжских шлюзов и прибрежных заводов сохранили объективные колористические и материаловедческие характеристики среды: аутентичные цвета штукатурки и известковой побелки стен, покраску кровель суриком и медянкой, фактуру бревенчатых мостовых и торговых рядов. Высокая разрешающая способность негативов формата 84×232 мм делает снимки Прокудина-Горского важным источником при составлении научно-проектной реставрационной документации.

Наряду с ранней цветной фотографией С.М. Прокудина-Горского в волжской иконографии представлена «Волжская коллекция» фотографа М.П. Дмитриева (1858–1948), созданная в 1894–1903 гг. В цикле – виды волжских городов и поселений, архитектурных памятников и прибрежных ландшафтов. Избранные снимки позднее были опубликованы в альбоме «Волжская коллекция. По Волге-реке»; они дополняют визуальные материалы по истории региона и помогают реконструировать исторический облик волжских берегов [7].

Методика работы с массивом волжской иконографии строится на трёх последовательных процедурах: пространственно-топографической локализации, сравнительном ретроспективном анализе и источниковедческой критике. Локализация заключается в строгой геометрической привязке точки съёмки или ракурса художника к современной геоподоснове. В качестве опорных маркеров привлекаются сохранившиеся доминантные объекты (колокольни, крепостные стены, мостовые устои), а также устойчивые орографические элементы – мысы, устья рек (в частности, впадение Казанки в Волгу или Уфы в Белую), береговые яры. После

установления точки обзора старинное изображение вводится в сравнительный анализ методом наложения на современные ортофотопланы и архивные генеральные планы городов XIX в. Предложенная последовательность в целом соотносится с выделенными Г.Н. Ланским тремя направлениями междисциплинарного изучения изобразительных источников – анализом особенностей восприятия образа, специфики выразительных средств и верификацией степени достоверности изображения [8, с. 252–253].

Значение такого сопоставления особенно велико в контексте масштабных антропогенных изменений ландшафта, вызванных созданием в середине XX в. Волжского каскада гидроэлектростанций. Заполнение Куйбышевского (1955–1957 гг.) и Чебоксарского (1980–1981 гг.) водохранилищ привело к существенному повышению уровня воды, затоплению обширных пойменных территорий, утрате сотен прибрежных сёл, посадских кварталов и изменению гидрологического режима. В Чебоксарах была затоплена историческая низинная часть города со средневековой планировкой; в Казани сооружение дамб инженерной защиты коренным образом изменило зону устья Казанки и Адмиралтейской слободы; островной статус обрёл Свияжск, чья визуальная связь с окружающими материковыми холмами оказалась изменена зеркалом водохранилища. В этих условиях дореволюционная видовая графика и фотография становятся единственным объективным визуальным свидетельством исходного высотного соотношения природного рельефа и архитектурных доминант.

Практическое применение волжской иконографии связано с разработкой историко-архитектурных опорных планов исторических поселений, подготовкой проектов зон охраны объектов культурного наследия (ОКН) и мониторингом их технического состояния. Включение архивных видовых изображений в состав учётных паспортов памятников архитектуры позволяет научно обосновать воссоздание утраченных элементов: ярусов колоколен, декоративных кровель, кованых балконных решёток, водосточных систем и аутентичных цветовых решений фасадов. Вместе с тем работа с визуальным материалом требует обязательной источниковедческой критики. Как отмечает Г.Н. Ланской, даже при стремлении автора к документальной точности исследователь обязан учитывать как контекст создания изображения, так и производственно-творческие особенности его исполнения – жанровые условности эпохи, требования заказчика, авторские приёмы масштабирования и эстетизации [8, с. 250–252]. Полноценная проверка визуального ряда возможна лишь при его синхронизации с письменными и актовыми источниками: окладными и межевыми книгами, сметами строительных отделений губернских правлений, материалами фискального и полицейского учёта.

Обобщение накопленного в республиках Среднего Поволжья и Приуралья опыта представления речного наследия требует перехода от изолированного краеведческого и иллюстративного показа к системным междисциплинарным исследовательским платформам. Именно междисциплинарность, по мысли Г.Н. Ланского, является ключевым условием превращения изобразительных источников из иллюстраций в полноценную базу для формирования объективного исторического знания [8, с. 251–253]. Перспективной задачей межрегионального взаимодействия академических институтов, музеев и архивов шести республик представляется разработка единого геоинформационного электронного атласа волжской иконографии. Такая цифровая платформа должна объединить электронные образы произведений живописи, графики, картографии и ранней фотографии с геокоординированными метаданными, результатами пообъектной архитектурной атрибуции и ссылками на архивные фонды. Объединение разрозненного источникового массива не только обогатит региональную историографию новыми фактографическими данными, но и сформирует научно-методическую базу для сохранения культурного и природного ландшафта Волжского бассейна.

Список литературы

1. Боголюбов Алексей Петрович // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/1868904 (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

2. Боголюбов, А. П. Записки моряка-художника / А. П. Боголюбов. – Самара : Агни, 2014. – 320 с.

3. Боголюбов, Н. П. Волга от Твери до Астрахани. С 10 литографиями, 31 политипажем и картою Волги / Н. П. Боголюбов. – Санкт-Петербург : Общество «Самолет», тип. Гогенфельдена и Ко, 1862. – URL: http://www.kazak-saratov.ru/load/60–1-0–193 (дата обращения: 04.11.2026). – Текст : электронный.

4. Более 2600 фотографий Сергея Прокудина-Горского в открытом доступе // Cameralabs. – URL: https://cameralabs.org/12519-bolee-2600-fotografij-sergeya-prokudina-gorskogo-v-otkrytom-dostupe (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

5. Государственный архив Республики Татарстан. – URL: https://ga.tatarstan.ru/ (дата обращения: 06.10.2026). – Текст : электронный.

6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – URL: https://giachr.archives21.ru/ (дата обращения: 08.10.2026). – Текст : электронный.

7. Дмитриев, М. П. Волжская коллекция. По Волге-реке (1894–1903) : альбом / М. П. Дмитриев ; сост.: Я. Гройсман, М. Храповицкий, В. Гройсман, С. Пожарская. – Нижний Новгород : Деком, 2013. – 200 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006720792/ (дата обращения: 16.11.2026). – Текст : электронный.

8. Ланской, Г. Н. Изобразительные источники в исторических исследованиях: феноменология междисциплинарности / Г. Н. Ланской // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума (Екатеринбург, 18–19 октября 2024 г.) / отв. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. – С. 248–253.

9. Мордовский краеведческий музей имени И.Д. Воронина // Культура.РФ. – URL: https://www.culture.ru/institutes/858/mordovskii-kraevedcheskii-muzei-imeni-i-d-voronina (дата обращения: 10.10.2026). – Текст : электронный.

10. Национальный архив Республики Башкортостан. – URL: https://narb-gku.bashkortostan.ru/ (дата обращения: 12.10.2026). – Текст : электронный.

11. Национальный музей Республики Башкортостан. – URL: https://www.museumrb.ru/ (дата обращения: 14.10.2026). – Текст : электронный.

12. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева // Культура.РФ. – URL: https://www.culture.ru/institutes/11409/nacionalnyi-muzei-respubliki-marii-el-im-t-evseeva (дата обращения: 16.10.2026). – Текст : электронный.

13. Национальный музей Республики Татарстан. – URL: https://tatmuseum.ru/ (дата обращения: 18.10.2026). – Текст : электронный.

14. Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузебая Герда // Удмуртская Республика: туристский портал. – URL: https://nmur.ru/ (дата обращения: 31.10.2026). – Текст : электронный.

15. Обжогина, Н. Ю. Россия в путевых циклах работ А.П. Боголюбова / Н. Ю. Обжогина, А. А. Обжогина // Язык и слово : сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 ноября 2025 г.). – Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2025. – С. 141–147.

16. Прокудин-Горский С.М. Фотограф царя // The Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/exhibits/empire/gorskii-ru.html (дата обращения: 22.10.2026). – Текст : электронный.

17. Чернецовы // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/4682810 (дата обращения: 24.10.2026). – Текст : электронный.

18. Чувашский государственный художественный музей. – URL: https://artmuseum.ru/ (дата обращения: 26.10.2026). – Текст : электронный.

Папян Андроник Варданович
аспирант

Научный руководитель
Лекаренко Оксана Геннадьевна
д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
г. Томск, Томская область

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АРМЯНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ДИСКУССИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «АРАЧ» (1925 г.)

Аннотация: *в статье рассматривается дискуссия о связи языка и национальной принадлежности в армянской эмиграции во Франции на материале первых 65 номеров парижской газеты «Арач» (1925 г.). На основе сопоставления редакционных статей, авторских публикаций и писем читателей выявлены аргументы, связывавшие языковой выбор с памятью о массовых убийствах, депортациях и изгнании армян в 1915 году. Показано, что армянский язык воспринимался как наследие утраченной родины, отказ от турецкого – как долг перед погибшими, а распространение французского – одновременно как условие адаптации и риск ассимиляции. Вместе с тем часть участников дискуссии допускала сохранение национальной принадлежности без владения армянским языком. Выявлено отсутствие единого представления о языке как обязательной границе армянской идентичности.*

Ключевые слова: *историческая память, армянская эмиграция, национальная идентичность, армянский язык, турецкий язык, французский язык, армянская диаспора Франции, газета «Арач».*

Ещё до 1915 года многие армяне Османской империи, особенно в Киликии и ряде областей Анатолии, говорили в повседневной жизни по-турецки, а для некоторых он был родным языком. Пережив массовые убийства, депортации и изгнание, многие из них оказались во Франции, где продолжали использовать привычный язык общения [5; 8, p. 35]. Французский же приходилось осваивать для жизни в новой стране. В этих условиях парижская газета «Арач» (арм. «Յառաջ» – «Вперёд»), основанная Шаваршем Мисакяном в августе 1925 года [2, p. 15; 5], уже в первом номере назвала армянский язык «единственным драгоценным наследием» эмиграции [7, №1, 2 авг.]. На страницах газеты родной язык становится важнейшим признаком национальной принадлежности и средством сохранения памяти о родине и погибших. Турецкий связывают с гонителями и утратой национальной самобытности, а во французском, несмотря на его необходимость, видят угрозу ассимиляции. Таким образом, обсуждение повседневной речи превращается в спор о сохранении армянского языка и его роли в национальной идентичности. В статье рассматривается, как эти представления складывались в редакционных статьях, авторских публикациях и письмах читателей и в чём их взгляды расходились.

Исследование основано на первых 65 номерах газеты «Арач» (2 августа – 30 декабря 1925 года). Впоследствии, став первой армяноязычной ежедневной газетой в Европе, «Арач» сыграла значительную роль в общественной и культурной жизни армянской диаспоры Франции. На её страницах публиковались известные армянские писатели, интеллектуалы и общественные деятели, обсуждались вопросы, связанные с жизнью беженцев, сохранением языка и национальной идентичности. Газета служила не только источником информации, но и площадкой для общественных дискуссий, в которых участвовали редакция, авторы публикаций и читатели. Поэтому её материалы позволяют проследить различные представления о роли языка в жизни армянской общины, хотя и не могут рассматриваться как отражение взглядов всей диаспоры.

В публикациях «Арач» вопрос о языке становился вопросом о национальной принадлежности: можно ли оставаться армянином, утратив армянскую речь? Этот спор затрагивал проблему этнических границ, описанную Ф. Бартом: общность сохраняется не благодаря неизменности языка, обычаев или других культурных признаков, а благодаря поддерживаемому различению «своих» и «чужих» [1, p. 14–15]. Слова «туркоязычный», «вырождение» и «самость» (ինքնութիւն) были частью самого спора – категориями практики, по определению Р. Брубейкера, с помощью которых участники дискуссии определяли, какое поведение соответствует армянской принадлежности [3]. Аргументы о языке опирались и на память о прошлом: авторы говорили о «резне» (ջարդ), «кровавых банях» и «мучениках», связывая выбор языка с памятью о погибших.

На страницах «Арач» армянский язык предстаёт не просто одним из признаков национальной принадлежности, а наследием, вынесенным «из нашей разорённой страны» [7, №13, 30 авг.], которое необходимо хранить «как живое звено и основу национального существования» [7, №3, 7 авг.]. С ним связывали память о родине и само существование народа, а его утрату воспринимали как угрозу национальной самобытности. При этом язык становился не только признаком принадлежности, но и мерилом поведения: говорить по-армянски считалось «элементарным условием благовоспитанности» [7, №3, 7 авг.], тогда как отказ от национальной самости назывался «невоспитанностью» [7, №10, 23 авг.; №32, 14 окт.]. Таким образом, даже выбор языка в повседневной речи приобретал нравственное и национальное значение.

Особенно остро вопрос использования турецкого языка вставал в связи с памятью о погибших. Один из корреспондентов называл употребление турецкого «оскорблением памяти миллиона мертвецов», а другой, из Лиона, упрекал молодых армян, которые «словно забыли… ссылку и резню» [7, №3, 7 авг.; №29, 7 окт.]. В подобных высказываниях отказ от турецкого языка представлялся не просто языковым выбором, а долгом перед погибшими. Редакция, в свою очередь, подчёркивала личную ответственность армян за сохранение родной речи. В передовой статье «Каток» она задавалась вопросом: «Кто заставляет нас говорить здесь по-турецки?» [7, №10, 23 авг.]. Таким образом, обращение к памяти о прошлом сочеталось с требованием изменить привычную языковую практику.

Использование турецкого языка затрагивало и проблему восприятия армян окружающими. В одном из фельетонов «Арач» ребёнка в школе называют «турком» [7, №12, 28 авг.], а в другой публикации полицейский принимает армянский язык за диалект турецкого [7, №24, 25 сент.]. Против подобного отождествления выступала и редакция газеты. В передовой статье «Мы не турки» она протестовала против обозначения беженцев как лиц «турецкой национальности» (de nationalité turque) в их удостоверениях [7, №40, 1 нояб.]. Современная исследовательница Талар Шахинян рассматривает этот протест как отказ армян отождествлять себя с теми, кого они считали виновниками гибели своего народа [4]. Таким образом, стремление отказаться от турецкой речи внутри общины сочеталось с сопротивлением отождествлению армян с турками извне. В обоих случаях вопрос языка оказывался тесно связан с определением национальной принадлежности.

При этом отношение к туркоязычным армянам не было однозначным. Е. Асатур различал «несчастных, рождённых туркоязычными» и «целую армию добровольных тюркоязычных» [7, №24, 25 сент.]. Первых он оправдывал обстоятельствами их жизни, тогда как вторых осуждал за сознательное предпочтение турецкого языка армянскому. Таким образом, туркоязычность не всегда воспринималась как добровольный отказ от родного языка: значение имели обстоятельства, в которых человек усвоил турецкий, и его последующий языковой выбор.

Французский язык вызывал другие опасения. В отличие от турецкого, он не связывался с памятью о гонителях, но его распространение в общине воспринималось как возможный путь к ассимиляции. Редакция обращалась к истории армян Галиции и Польши, растворившихся в иноязычной среде, а пересказ статьи французского арменоведа Фредерика Маклера озаглавила вопросом «Неужели и мы станем как они?» [7, №32, 14 окт.]. Угрозу видели в постепенной ассимиляции (ձուլում) через школу и повседневную жизнь [7, №10, 23 авг.]. При этом газета поддерживала изучение французского, поскольку знание языка страны считалось «одним из

главных условий успеха» [7, №2, 5 авг.]. Обсуждалось и создание специальных армянских школ, которые должны были в том числе готовить детей к обучению в государственных учебных заведениях [7, №29, 7 окт.]. Таким образом, опасения вызывало не само изучение французского, а постепенное вытеснение им армянского языка. Один из читателей осуждал тех, кто «сверх меры вставляет французские слова» [7, №10, 23 авг.]. Подобное стремление сохранить чистоту армянской речи, которое исследователи связывают с поздним литературным пуризмом Мисакяна [5], проявлялось на страницах газеты уже в 1925 году.

Однако не все участники дискуссии считали владение армянским языком обязательным условием национальной принадлежности. В письме в редакцию Миричан Минасян объяснял распространение турецкого языка условиями жизни небольших армянских общин Османской империи, где опасались нанимать учителей. При этом, по его мнению, армяне «сохранили наше имя… ничего не потеряв… кроме языка» [7, №30, 9 окт.]. Похожий пример приводил корреспондент из Ле-Крёзо, где армянская община была «в целом туркоязычна, но любит свой народ». В подобных высказываниях утрата родного языка не означала утраты национальной принадлежности. Таким образом, разногласия касались не самой необходимости сохранять армянскую идентичность, а того, насколько владение языком было обязательным её условием.

Анализ публикаций «Арач» за 1925 год показывает, что обсуждение повседневной речи было тесно связано с представлениями о национальной принадлежности. Армянский язык воспринимался как наследие утраченной родины и основа сохранения национальной самобытности. Турецкий связывали с памятью о гонителях, а французский, необходимый для жизни в новой стране, одновременно вызывал опасения ассимиляции. При этом память о резне становилась одним из нравственных аргументов в пользу отказа от турецкой речи. Однако участники дискуссии расходились в понимании роли языка: одни считали владение армянским необходимым условием национальной принадлежности, тогда как другие допускали сохранение армянской идентичности даже после его утраты. Таким образом, спор касался не только выбора языка, но и самого понимания того, что значит оставаться армянином в эмиграции. Вместе с тем эти выводы отражают лишь позиции, представленные на страницах газеты, и не позволяют судить о взглядах всей армянской общины Франции.

Список литературы

1. Barth, F. Introduction / F. Barth // Ethnic groups and boundaries : the social organization of culture difference / ed. by F. Barth. – Bergen ; Oslo : Universitetsforlaget ; Boston : Little, Brown and Co., 1969. – P. 9–38.

2. Beledian, K. Fifty years of Armenian literature in France / K. Beledian ; transl. by Ch. Atamian ; ed. by B. Der Mugrdechian. – Fresno : The Press at California State University, 2016.

3. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker // Archives européennes de sociologie. – 2002. – Vol. 43, No. 2. – P. 163–189.

4. Chahinian, T. Stateless : the politics of the Armenian language in exile / T. Chahinian. – Syracuse : Syracuse University Press, 2023. – 312 p.

5. Dalalyan, T. La standardisation et le développement de l'arménien occidental dans le journal Haratch : quelques observations / T. Dalalyan // Études arméniennes contemporaines. – 2023. – No. 15. – P. 201–208.

6. Garabed, M. Le journal Haratch | Յառաջ de 1925 à 1930, un maillon entre la France et sa communauté arménienne : histoire, société et anecdotes / M. Garabed // Le Carreau de la BULAC. – 2024. – (date of access: 17.10.2026). – Текст : электронный. – 2024. – URL: https://bulac.hypotheses.org/55541. – Текст : электронный.

7. Haratch [Յառաջ] : газета. – Paris, 1925. – URL: https://tert.nla.am/mamul/Haraj-1925/1925.html. – Текст : электронный.

8. Huard, J. -L. La présence arménienne dans l'entre-deux-guerres dans la région Rhône-Alpes / J.-L. Huard / J. Huard / J. Huard // Hommes et Migrations. – 2007. – No. 1265. – P. 34–52.

9. Kansteiner, W. Finding meaning in memory : a methodological critique of collective memory studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41, No. 2. – P. 179–197.

10. Kunth, A. Le refuge arménien et sa double représentation : dans les méandres des anciens offices (1919–1945) / A. Kunth // Réfugiés et apatrides : administrer l'asile en France (1920–1960) / sous la dir. de A. Angoustures, D. Kévonian, C. Mouradian. – Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2017. – P. 65–80.

Федулов Михаил Игоревич
канд. ист. наук, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛИЩ ЧУВАШСКОГО ПРИСУРЬЯ

Аннотация: *в комплексе находок селищ XIV-XV вв. Чувашского Присурья содержатся немногочисленные находки серебряных и медных монет золотоордынского периода. Основная масса их относится ко времени правления хана Джанибека. Новые экземпляры дополняют картину денежного обращения в русско-ордынском пограничье – сельской округе г. Курмыш.*

Ключевые слова: *дирхам, пул, монетная чеканка, клад, хан Джанибек, селище, Золотая Орда, Чувашское Присурье.*

Выражаем огромною благодарность к.и.н А.И. Бугарчеву за помощь в атрибуции монет и подготовке к публикации статьи.

Клады и отдельные находки джучидских монет являются основным показателем торгово-денежных отношений и отражением социальной и политической ситуации в регионе на момент их зарытия. Сокрытие кладов вдоль течения рек неслучайно – по ним пролегали основные торговые пути.

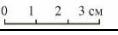
На правом берегу р. Сура в 2023–2024 гг. в пределах Красночетайского и Ядринского муниципальных округов проходила археологическая разведка под руководством автора. Был выявлен комплекс селищ XIV–XV вв., являющихся сельской округой крепости Курмыш, основанной в 1372 г. [13] Они относятся к кругу памятников со «славяноидной» керамикой – посудой, по форме копирующей русскую керамику, но содержащей примесь толчённой раковины (иногда в сочетании с шамотным отощителем). Большинством исследователей примесь раковины связывается с гончарными традициями поволжских финнов Среднего Поволжья. В керамических комплексах также присутствует русская и золотоордынская посуда. Селища характеризуют полиэтничный регион на границе золотоордынских земель в период начальной колонизации средневолжских земель инициированной Нижегородско-Суздальских князьями.

Монеты являются надёжным датирующим материалом археологических памятников, однако, в последние два десятилетия свободная продажа грунтовых металлодетекторов привела к катастрофическому разграблению средневековых поселений. Единичные экземпляры монет с присурских памятников получены благодаря шурфровочным работам и подъёмному материалу из осыпей культурного слоя. В статье учтены данные по 15 серебряным (дирхам/дирхем) и медным (пул) монетам. В таблице №1 указаны место находки, период чеканки, монетный двор и вес. (табл. 1.) Датированные дирхамы укладываются в узкий хронологический отрезок 1338–1356 г., пулы атрибутированы концом XIV в.

Таблица 1

Селище Сареево 4	
1.	Хан Джанибек, 1352–1356 гг. г. Гулистан. 1,58 г.
2.	Хан Джанибек, 1350–1351 гг. г. Сарай ал-Джадид. 1,48 г.
Ильина Гора 2	
3.	Пул конца XIV в. 1,82 г.

Окончание таблицы 1

4.	Подражание. Хан Джанибек, 1346–1347 гг. 0,51 г.
5.	Неопределенная монета. 0,73 г.
Селище 1 Выселок №1	
6.	Подражание. Хан Джанибек, 1340–1356 гг. 0,80 г.
7.	Пул неопределенный. 0,47 г.
Селище 4 Выселок №1	
8.	Хан Джанибек, 1346–1347 гг. Сарай ал-Джадид. 1,28 г.
9.	Подражание. Хан Джанибек, 1350-е гг. г. Гулистан. 0,88 г.
10.	Подражание. Хан Джанибек, 1340-е гг. Сарай ал-Джадид. 0,84 г.
Селище 5 Выселок №1	
11.	Хан Узбек, 1338–1339 гг. г. Сарай. 1,52 г.
Селище 7 Выселок №1	
12.	Пул с лировидной тамгой конца XIV в. 1,74 г.
13.	Хан Джанибек, 1351–1352 гг. г. Сарай ал-Джадид. 1,49 г.
Козловское городище	
14.	Хан Абдалах-хан (Абдуллаха). Янги-шехр ал-Махруса, 1360-х гг. 0,91 г.
15.	Козловское 1 селище Подражание. Хан Джанибек, 1351–1356 гг. г. Сарай ал-Джадид. 0,88 г.
	

Первый из джучидских дирхамов был найден на Козловском городище (Табл. 1, №15). Он отчеканен в г. Янги-шехр ал-Махруса («Новый город Богохранимый») в период правления хана Абдалах-хан (Абдуллаха) в 1367–1368 или 1369–1370 гг. [14]. Монета дала предварительную датировку новому типу средневековых памятников, среди которых Козловское городище является единственным укреплённым поселением.

На территории селища 5 Выселок №1 найдена наиболее ранняя джучидская монета – дирхам хана Узбека 1339–1341 гг. (Табл. 1, №11). Селище 1 датируются подражанием дирхаму Джанибека 1340–1356 гг. и неопределённым пулом. Селище 4 датируется двумя подражаниями дирхамам Джанибека (чеканки Сарай ал-Джедид 1340-х гг. и Гулистан 1350-х) и дирхамом 1346–47 гг. [9, с. 26, №232]. (Табл. 1, №8–10). На 7 селище найден медный пул с надчеканом «лировидная тамга» конца XIV в., а также дирхам Джанибека 1351–1353 гг. (Табл. 1, №12–13).

Селище Ильина Гора 2 датируется находками трёх монет. Пул с двумя надчеканами «лировидная тамга» и «Булгар» (?) использовался в Среднем Поволжье в конце XIV в. (Табл. 1, №3–5). Две серебряные монеты сильно деформированы, возможно, в результате воздействия огня, не поддаются атрибуции (не исключается отнесение их к числу русских удельных монет).

Селище Сареево 4 датируется дирхамами Джанибека 1350–1351 и 1352–1356 гг. (Табл. 1, №1–2), а Козловское 1 селище подражанием дирхама Джанибека 1351–1356 гг. чеканки г. Сарай ал-Джадид (Табл. 1, №1–2).

На Тихомировском (Ряпинском) поселении в 2013 г. найден серебряный дирхам хана Джанибека 1347–1348 гг. чеканки Сарай ал-Джедид [10; 9, с. 26–27, №228]. Вес дирхама (0,57 г) характерен для обрезанных монет, подогнанных под весовые нормы первой половины XV столетия (при хане Гийас ал-Дине, Бараке, Улуг-Мухаммеде мера веса монет снижается до 0,53–0,57 г.) [11, с. 18.].

Судя по имеющимся в нашем распоряжении экземплярам, период наиболее активного распространения джучидских монет в Чувашском Присурье приходится на правление хана Джанибека, но эта картина была бы не полной без учёта данных по кладам на сопредельных территориях. В нижнем течении р. Суры, в границах современных регионом известно о находках разновременных кладов джучидских монет. Табл. 2.

Таблица 2

Таблица кладов и отдельных находок монет,
найденных на территории Нижегородской, Ульяновской области
и Чувашской Республики

	Клад/Памятник	Кол-во	Датировка монет	Наличие русских монет	Время тезаврации
Чувашская Республика					
	Утюжское поселение [1]	2	1310–1311 г.		
	Испуханский клад [8]	27	-		
	Тихомировский клад [15]	489	1291–1368 гг.		1357–1380 гг.
	Тихомировское (Ряпинское) поселение [10, с. 10–13, 16]	2	1347–1348 гг.	1	
	Альменевский клад [12, с. 96]	216	1266–1290 гг.		1274 г.
	Досаевский клад [11, с. 95–96]	598	1291–1395 гг.	+	посл. четв. XIV в.
	Второй Досаевский клад [2]	265	1399–1419 гг.	+	
	Нимичкасинский клад [6]	558	1399–1445 гг.	+	XV в.
Нижегородская область [7]					
	Лекаревский клад	22	1310–1321 гг.		перв. четв. XIV в.
	Селище Курмыш-4	9	1315–1363 гг.		60–90-х гг. XIV в.
	Ветошкинский клад	1831	1310–1365 гг.		1368–1369 гг.
	Клад у с. Большая Уда	165	XIV в.		
	Гагино (с могильника)	9	1316–1363 гг.		1363–1365 гг.
	д. Большая Андреевка	29		+	1425–1446 гг.
	Ожгибовский клад	782	1310–1392 гг.	+	1390-е гг.
	Теплый Стан (с. Сеченово)	79	1313–1380 гг.		1370-е гг.
	Пильнинский район	10	1402–1414 гг.		1410-е гг.
	Разнежье	416	1349–1368 гг.		1368–1371 гг.
	с. Ильинское	42	1341–1395		к. XIV-н. XV в.
Ульяновская область					
	Селище Сара 5 [3]	13	1320–1360-е гг.		

Из шести кладов джучидских монет, найденных в Чувашии, два найдено в Присурье: у д. Тихомирово Порецкого района (489 монет чеканки 1291–1368 гг.) и д. Испуханы Красночетайского района (27 серебряных золотоордынских монет без описания). Г.А. Фёдоров-Давыдов отнёс Тихомировский клад к группе кладов, зарытых в 1357–1380 гг. до начала правления хана Тохтамыша [12, с. 99, 143], однако по мнению А.И. Бугарчева, наличие в кладе дирхамов с именем Токтамыша позволяет отнести время тезаврации к 1390-м годам.

Территориально и хронологически к группе правобережных селищ близко поселение Курмыш 4. На поселении Курмыш 4 найдены серебряные дирхамы хана Узбека чеканки Сарая (1315–1318), Узбека (1333–1334), Джанибека (1342–1343), хана Бирдибека (1358–1359), Мюрида (1362–1363), а также анонимные пулы с изображением барса, чеканки 1362–1363 гг. и хана Хызра (1360–1361) [4, Л. 60–62; 5, Л. 29, 30, 35–36, 41–42]. Все они хронологически укладываются в достаточно узкий промежуток 60–90-х гг. XIV в., так как найденные монеты ханов Узбека и Джанибека первой половины – середины XIV в., обрезаны под весовые нормы конца данного столетия (их вес от 0,71 до 1,36 гр.) [5, Л. 59].

Н.П. Петров, проанализировав время тезаврации 21 клада с ордынскими монетами, считает, что период XIII – первой половины XIV вв. не был активным в плане проникновения золотоордынской монеты в Нижегородские земли. В 1360-е гг. количество кладов увеличивается и достигает максимума в 1370-е гг., затем увеличивается в 1390-е гг. – рубеже XIV–XV вв. и во второй половине 1420-х годов [7, с. 279]. Клады с содержанием джучидских монет XIV–XV вв. распространены в южной части Нижегородской области и присурских районах Чувашской Республики (бассейн р. Пьяны, Суры и Алатыря), вдоль основных сухопутных дорог. До 1370-х гг. состав кладов представлен только ордынскими монетами, но в кладах 1390-х гг. появляются русские деньги.

Территория Нижнего Присурья входила в зону распространения джучидской монетной системы. Преобладающая масса монет с поселений и кладов датирована серединой и второй половиной XIV в. Монеты, отчеканенные в период правления хана Джанибека, вероятно имели хождение и в последующие десятилетия в период «великой замятни» в Золотой Орде. Клады, за исключением Второго Досаевского, формировались из ордынских монет. Начинающаяся русская чеканка не могла конкурировать с массой золотоордынских монет.

Список литературы

1. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре / А. В. Вискалин, Н. С. Березина, А. Ю. Березин [и др.] // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. – Чебоксары : ЧГИГН, 2009. – С. 41–72.

2. Волков, И. В. Неизданные монеты из Второго Досаевского клада / И. В. Волков // Нумизматический альманах. – 2013. – № 1 (45). – С. 29–33.

3. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. / Л. А. Вязов, Е. П. Михайлов, Е. М. Макарова [и др.] // Археология евразийских степей. – 2020. – № 3. – С. 354–372.

4. Грибов, Н. Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 году / Н. Н. Грибов // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – б/н. – 169 л.

5. Грибов, Н. Н. Отчёт об археологических раскопках на поселении Курмыш 4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 году / Н. Н. Грибов // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – б/н. – 150 л.

6. Каховский, В. Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимичкасы Красноармейского района Чувашской АССР / В. Ф. Каховский // Вопросы археологии и истории Чувашии : учёные записки ЧНИИ. – Чебоксары, 1960. – Вып. 19. – С. 96–125.

7. Петров, П. Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области / П. Н. Петров // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. – Казань, 2017. – С. 275–282.

8. Поливанов, В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии / В. Н. Поливанов. – Симбирск, 1900. – 73 с.

9. Сагдеева, Р. З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды / Р. З. Сагдеева. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2005. – 77 с.

10. Семёнов, А. А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году / А. А. Семёнов // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р. 1. – 70 с.

11. Семёнов, А. А. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Чувашской Республики в 2013 году / А. А. Семёнов // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р. 1. – 70 с.
12. Фёдоров-Давыдов, Г.А. Денежное дело Золотой Орды / Г. А. Фёдоров-Давыдов. – Москва : Палеограф, 2003. – 352 с.
13. Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде / Г.А. Фёдоров-Давыдов // Нумизматика и эпиграфика. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 94–192.
14. Федулов, М. И. Сельская округа города Курмыш в XIV–XV вв. (по материалам памятников правобережья р. Сура) / М. И. Федулов // Новгород земли Низовской. – Москва : ИА РАН, 2024. – С. 108–120.
15. Федулов, М. И. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) / М. И. Федулов // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции) : статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.). – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 185–187.
16. Элле, К. В. Клад джучидских монет в ЧувАССР / К. В. Элле // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. XV. – С. 11.

Филимонов Владимир Альбертович
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина»
г. Сыктывкар, Республика Коми

Н.И. КАРЕЕВ И Р.Ю. ВИППЕР В ДИСКУССИИ О ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ: АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена коммуникативной ситуации вокруг полемики Н.И. Кареева и Р.Ю. Виппера о всемирно-исторической точке зрения, развернувшейся в российской периодике 1898–1905 гг. При слабой документированности непосредственных контактов ключевую роль сыграла опосредованная коммуникация – публикации, рецензии и отклики третьих лиц. Спор, порожденный общей выучкой диспутантов у В.И. Герье, протекал тремя волнами и завершился не победой одной из сторон, а синтезом: типологическая и всемирно-историческая точки зрения взаимно объективированы как равно легитимные инструменты анализа. Примирение закрепилось и в энциклопедическом жанре: в словарной статье Кареева о Виппере полемика сознательно выведена за скобки. Результаты уточняют интеллектуальные биографии обоих историков.*

Ключевые слова: *всемирно-историческая точка зрения, типологическая точка зрения, коммуникативное пространство, коммуникативная ситуация, научная дискуссия, интеллектуальная биография, историография.*

Реконструкция интеллектуальной биографии историка как исследовательская задача невозможна в отрыве от изучения социокультурной среды – той совокупности культурных, образовательных и общественных обстоятельств, в которых формируется мировоззрение ученого, складываются его научные интересы и протекает профессиональная деятельность. Среда задает горизонты восприятия идей, определяет круг собеседников и оппонентов, а через принятые в ней нормы и практики – сами способы ведения научного диалога.

Особое значение при этом приобретает выявление и фиксация коммуникативного пространства историка. Коммуникативное пространство выдающегося российского мыслителя-гуманитария Николая Ивановича Кареева (1850–1931) – историка, социолога и педагога – представляется поистине необозримым. Предметом настоящей статьи выступает лишь один из сегментов этого коммуникативного пространства – ситуация, сложившаяся вокруг

дискуссии Н.И. Кареева и Р.Ю. Виппера о всемирно-исторической точке зрения, развернувшейся на страницах российской периодики. Обращение именно к этому сюжету актуализируется тем, что коммуникационная линия Кареев – Виппер не выглядит столь явной и выпуклой, как, например, линии Кареев – Герье или Кареев – Бузескул. Причина в том, что исследователи не располагают подробными и достоверными свидетельствами о личных контактах двух историков: в мемуарах Кареева Виппер упомянут лишь единожды [12, с. 141]; эпистолярное наследие, по которому можно было бы судить об их общении, крайне скудно – в фонде Кареева в РГБ сохранились только три письма от Виппера; рецензионная активность ограничивается одной рецензией Кареева на книгу Виппера [13; 15]; данные о совместных проектах и соавторстве также отсутствуют. Таким образом, непосредственных связей между двумя учеными явно недостаточно для полноценной характеристики их взаимодействия, и на первый план выходит коммуникация опосредованная – через публикации, рецензии и отклики третьих лиц.

Вместе с тем стоит зафиксировать ряд фактов биографического сходства двух историков, и прежде всего – их принадлежность к одной научной школе. Оба окончили историко-филологический факультет Московского университета (Кареев – в 1873 г., Виппер – в 1880 г.), оба прошли выучку у В.И. Герье, вокруг которого сложилось особое сообщество московских исследователей всеобщей истории. Современная наука интерпретирует школу Герье как дискретное образование, расцвет которого пришелся на 1870–1880-е гг.; при этом уже в 1880-е гг. рядом с ней стали возникать «дочерние школы» – научные школы его учеников [3; 4]. Положение Кареева и Виппера в этой структуре различно: Кареев принадлежит к ее первому поколению, сформировавшемуся в пору расцвета школы, тогда как Виппер – уже к следующему, входившему в круг учителя в условиях начавшегося «дочернего» дробления сообщества. Показательно, что и сам Кареев оценивал ученичество Виппера как скорее формальное: тот, по его словам, «больше отразил на себе взгляды на историю Ключевского и Виноградова» [11, с. 170]. Однако при всех различиях в положении внутри школы оба историка наследуют единый тип научной социализации – семинарскую выучку у Герье, приобщение к «идее всеобщей истории» и включение в коммуникативные практики сообщества московских историков. Эта общая школа придает особый характер рассматриваемому ниже спору: в нем сталкиваются не два случайных оппонента, а два представителя одного и того же научного сообщества, воспитанные на общей проблематике всеобщей истории, но решившие ее методологический вопрос по-разному.

Родство диспутантов выходит и за рамки школьной принадлежности. Оба принадлежали к особой группе историков-«теоретиков». Характеристику этой группы дает Э.Д. Фролов, включающий Виппера и Кареева в число авторов трудов «историко-социологического характера, принадлежавших перу не антиковедов, а всеобщих историков широкого профиля». По наблюдению исследователя, обоим было присуще «влечение к общим социологическим вопросам», побуждавшее каждого «к созданию общих исторических обзоров, включавших все разделы всеобщей истории» [18, с. 390–392]. Это родство научных интересов делает их спор о всемирно-исторической точке зрения не случайной стычкой, а столкновением двух близких по типу, но расходящихся по акцентам исследовательских позиций.

Обращаясь к вынесенной в заглавие статьи дискуссии, необходимо констатировать, что исследователи творчества Виппера практически не уделили ей внимания. Исключение составляет лишь упоминание Б.Г. Сафронова, который, впрочем, не обозначая позиций каждого из диспутантов, назвал Кареева среди участников спора [17, с. 14]. Тем более показательно, что в многочисленных работах, посвященных Карееву, это коммуникативное событие вообще не зафиксировано – при том, что возражения Випперу были воспроизведены самим Кареевым по меньшей мере в четырех публикациях.

Отправной точкой дискуссии послужила статья Виппера [1]. Ее основу составлял тезис о том, что всемирно-историческая точка зрения представляет собой наследие гегельянского конструирования истории и потому априори не может считаться научной и быть приемлемой для

историка. Суть разногласий между диспутантами Б.Г. Сафронов сводил к вопросу о том, в чем именно обнаруживает себя существенное со всемирно-исторической точки зрения: следует ли видеть его в типичном, общем и закономерном; сводится ли оно к событиям, наиболее повлиявшим на судьбы человечества; либо же его следует искать там, где то или иное начало проявилось наиболее полно и отчетливо [17, с. 58]. Позиция самого Виппера состояла в том, что главной задачей исторического изображения должно стать выявление взаимодействия сил, зарождавшихся и действовавших внутри определенной народной или общественной среды [1, с. 35]. Иначе говоря, материалом для науки признается лишь типичное и повторяющееся, тогда как эволюционное в силу своей единичности таким материалом быть не может.

Ответом Випперу стала статья Кареева [10], центральная мысль которой заключалась в том, что оппонент чрезмерно узко трактует всемирно-историческую точку зрения, а возникшие в связи с этим недоразумения носят скорее терминологический, нежели методологический характер. Ответ Кареева был прямо адресован Випперу: не ограничиваясь обоснованием собственной позиции, историк показывал, что доводы оппонента односторонни. Поскольку отклика с его стороны не последовало, спор, казалось, был исчерпан.

Однако коммуникация оказалась лишь приостановленной. В предисловии к «Главным обобщениям всемирной истории» – книге, написанной как раз с защищаемой им позиции, – Кареев счел уместным повторить то, что уже было изложено в упомянутой статье [7, с. XVII]. Это стремление объяснимо адресатом издания: книга предназначалась учащимся, осваивающим школьный курс, то есть аудитории, которой прежняя полемическая аргументация могла быть попросту неизвестна.

Возобновление коммуникации и переход ее в стадию полемики инициировала рецензия Н. Никольского на «Главные обобщения», содержавшая прямую отсылку к аргументации Виппера. Рецензент признавал книгу неудовлетворительной как с позиций современной ему исторической науки, так и с точки зрения нового направления в преподавании истории [16, с. 7]. В полемически заостренном ответе Кареев отстаивал прежние аргументы в защиту всемирно-исторической точки зрения и дополнял их новыми. Характерно, что при этом он обращал внимание критика на значимую особенность всей ситуации: оппонентом Кареева в этой дискуссии выступает не Виппер, а, напротив, сам Кареев, поскольку именно он подверг разбору мнение Виппера, так и не дождавшись возражений с той стороны [5, с. 130].

Третья волна обмена суждениями связана с выходом в свет двух книг Кареева по древней истории: первая из них была написана с типологической точки зрения [8], вторая – со всемирно-исторической [9]. Появившийся в печати отклик усмотрел в таком соседстве якобы признание Кареевым собственной неправоты и правоты воззрений, в свое время высказанных Виппером. Автор отклика писал: «весьма любопытно и поучительно, что и сам проф. Кареев, столь решительно восстающий против «исторического атомизма», как некоторые называют точку зрения, отвергающую всемирно-историческую идею, в последнее время взялся за типологическое изложение истории, которое как-никак, а предполагает не столько всемирно-исторический процесс развития, сколько повторяемость известных моментов развития в отдельных самостоятельных общественных агрегатах» [2, с. 217]. Ход мысли рецензента понятен: историк, отрицавший всемирно-историческую идею, сам обратился к изложению, которое такую идею в явном виде не использует.

Завершением дискуссии стала обобщающая статья Кареева [14], содержащая известную долю компромисса: в ней обе точки зрения синтезируются, получают определенное обоснование и тем самым объективируются как равно легитимные инструменты исторического анализа. Именно это позволило считать процесс коммуникации результативно завершенным – не победой одной стороны над другой, а выработкой более широкого взгляда, вмещающего позиции обоих участников спора.

Показательной иллюстрацией результативного завершения коммуникации может служить и статья Кареева о Виппере. Она была помещена в 1905 г. в дополнительном томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона – в непосредственной близости к итоговой статье о

типологической и всемирно-исторической точках зрения [6, с. 426]. В ней полемика оппонентов не упоминается вовсе: методологические работы Виппера охарактеризованы лишь обезличенной формулой «некоторые статьи историко-философского характера», а итоговой оценкой становится суждение о взглядах историка как «далеких от всякой рутины и отражающих на себе новейшие течения исторической мысли». Показательно и ограничение, которое жанр наложил на автора: став подписантом словарной статьи, Кареев, выступавший в журнальной полемике заинтересованной стороной, обязан был занять позицию беспристрастного информатора – и вывел за скобки все полемическое содержание их отношений. Единственное исключение – констатация того, что учебники Виппера имели большой успех, «хотя и не принятые для школ»: за этой, на первый взгляд, нейтральной оговоркой читается след школьной темы, с которой началась дискуссия (статья Виппера 1898 г. была посвящена именно школьному преподаванию древней истории). Наконец, Кареев (редактор исторического отдела энциклопедии) отмечает, что Виппер «в настоящем Словаре поместил несколько статей», фиксируя тем самым сохранение коллегиальных отношений: расхождение по вопросу о методе не привело к разрыву научного взаимодействия, а лишь изменило его формы. Таким образом, энциклопедическая статья выступает еще одной формой опосредованной коммуникации двух историков – коммуникации, в которой полемическое напряжение снято, а позиция оппонента легитимирована в новом жанре.

Итак, разбор сюжетной линии, вынесенной в заглавие настоящей работы, показывает, что даже внешне «бедная» документированность личных контактов не означает отсутствия содержательного взаимодействия между историками: его скрепляющими механизмами выступают опосредованные формы коммуникации – публикации, рецензии и отклики третьих лиц, выведшие обмен суждениями за пределы прямого диалога и растянувшие его почти на десятилетие. Спор о всемирно-исторической точке зрения был порожден общей выучкой обоих диспутантов у В.И. Герье и унаследованной от его школы проблематикой всеобщей истории. При этом разрешился он не капитуляцией одной из сторон, а выработкой синтетической позиции, в которой типологический и всемирно-исторический способы изображения истории обрели обоснование как взаимодополняющие. Знаковой формой этого примирения стала появившаяся тогда же словарная статья Кареева о Виппере, в которой полемическое прошлое оставлено за рамками, а оппонент представлен коллегой, продолжающим сотрудничество в общем деле. Рассмотренный случай убеждает, что реконструкция коммуникативной ситуации – с ее волнами, паузами, «передаточными звеньями» и итоговым компромиссом – является работоспособным инструментом изучения интеллектуальных биографий, позволяющим вводить в оборот и те взаимодействия, которые не отражены ни в переписке, ни в мемуарах.

Список литературы

1. Виппер, Р. Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука / Р. Ю. Виппер // Вестник воспитания. 1898. – № 1. – С. 20–67.

2. Дубровский, Н. Учено-литературная деятельность Н.И. Кареева / Н. Дубровский // Исторический вестник. – 1905. – № 1. – С. 209–225.

3. Иванова, Т. Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 381 с.

4. Иванова, Т. Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 44. – С. 165–185.

5. Кареев, Н. И. В защиту научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории (По поводу одной рецензии) / Н. И. Кареев // Русская школа. – 1904. – № 2. – С. 126–137.

6. Кареев, Н. И. Виппер (Роберт Юрьевич) / Н. И. Кареев // Энциклопедический словарь. Т. I (доп.). – Санкт-Петерубрг : Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1905. – С. 426.

7. Кареев, Н. И. Главные обобщения всемирной истории. Учебное пособие для среднего образования / Н. И. Кареев. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903.

8. Кареев, Н. И. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин / Н. И. Кареев. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 348 с.

9. Кареев, Н. И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий / Н. И. Кареев. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1904.

10. Кареев, Н. И. О желательной постановке курса средневековой истории / Н. И. Кареев // Русская школа. – 1900. – № 3–4. – С. 177–202.

11. Кареев, Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев ; под ред. проф. И. А. Голосенко. – Санкт-Петербург : Изд. Ивана Лимбаха, 1996. – 368 с.

12. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев ; подг. текста, вступ. ст. и комм. В. П. Золотарева . – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. – 384 с.

13. Кареев, Н. И. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки / Н. И. Кареев // Педагогическая мысль. – 1922. – № 3–4. – С. 81–82.

14. Кареев, Н. И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории / Н. И. Кареев // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. – 1905. – Т. 3, Вып. 1–2. – С. 73–122.

15. Мягков, Г. П. Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р.Ю. Виппера в координатах науки и идеологии / Г. П. Мягков // Рубеж. – 1994. – Вып. 5. – С. 59–87.

16. Никольский, Н. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории / Н. Никольский // Вестник воспитания. – 1903. – № 8. – С. 1–7.

17. Софронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время / Б. Г. Софронов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 222 с.

18. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности: историографические очерки / Э. Д. Фролов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 541 с.

Харитонов Михаил Юрьевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
Харитонова Светлана Брониславовна
канд. ист. наук, доцент, начальник отдела

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРЕДЕЛЬНЫЕ СРОКИ ВЕДОМСТВЕННОГО ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация: *в статье исследуется механизм, определяющий фактическую доступность документов Архивного фонда Российской Федерации для научного сообщества. Показано, что границы знания о недавнем прошлом формируются не только общими нормами архивного права, но и совокупностью предельных и договорных сроков ограничения доступа, включая 75-летний срок для сведений о личной и семейной тайне и продлённый до 2044 г. режим секретности документов органов государственной безопасности. На основе анализа российского законодательства и сравнительного обзора зарубежной практики обосновывается вывод о том, что правовые системы независимо воспроизводят близкие по продолжительности сроки закрытия документов, соотносимые с длительностью человеческой жизни. Рассматривается динамический характер границы доступа к архивным документам и предлагаются меры по повышению прозрачности депозитарной модели их хранения.*

Ключевые слова: *Архивный фонд Российской Федерации, ведомственное хранение, депозитарное хранение, сроки хранения документов, ограничение доступа, рассекречивание, права исследователей, доступ к архивным документам.*

Федеральный закон от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (далее – Закон об архивном деле) гарантирует открытость Архивного фонда Российской Федерации: доступ к его документам, за исключением ограниченных на законных основаниях, предоставляется всем пользователям. Однако фактическое положение

исследователя существенно отличается от декларации закона. Значительная часть документов Архивного фонда десятилетиями не поступает в государственные архивы, оставаясь в ведомственном (депозитарном) хранении у создавших их организаций. Доступ к ним определяется не общими нормами архивного права, а договорами между ведомствами и Росархивом, условия которых в открытых источниках раскрываются редко. Масштаб явления определяется постановлением Правительства РФ от 27.12.2006 г. №808 «Об утверждении перечня федеральных органов исполнительной власти и организаций, осуществляющих депозитарное хранение документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в федеральной собственности». По состоянию на ноябрь 2026 г. перечень включает 29 федеральных ведомств и организаций – от МВД и Минобороны до Росатома и РАН.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, растет исследовательский запрос к документам советского периода: за последние годы заметно расширился поток публикаций и защищаемых диссертаций по истории 1920–1990-х гг., опирающихся на государственные архивы, и параллельно с этим растет разрыв между изученностью открытых и закрытых фондов. Во-вторых, в общественном дискурсе регулярно возобновляются дискуссии о недоступности архивов силовых ведомств. В-третьих, договорная модель депозитарного хранения не изучена системно: опубликованные исследования ведомственных архивов немногочисленны, а сами договоры Росархива с ведомствами публично не раскрываются.

Российская правовая система разграничивает два состояния документа. Пока материалы находятся в текущем делопроизводстве ведомства, действует режим защиты персональных данных, установленный Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». С включением документов в Архивный фонд применяется режим архивного хранения по Закону об архивном деле, при котором согласие субъекта персональных данных и уведомления регулятора заменяются сроком ограничения доступа. Этот срок повторяется во всех отраслях российского архивного права: статья 25 Закона об архивном деле закрывает сведения о личной и семейной тайне на 75 лет со дня создания документа, и та же цифра воспроизводится в отраслевых перечнях (в делах по личному составу, документах о прохождении службы в силовых ведомствах, нотариальных реестрах, личных делах обучающихся).

Единственное систематическое исключение из этой нормы лежит не в сфере доступа, а в сфере хранения: значительная часть фондов десятилетиями вообще не поступает в государственные архивы, оставаясь у создавших их ведомств. Речь идет о так называемом депозитарном хранении: перечень организаций, которые вправе удерживать документы Архивного фонда у себя, установлен постановлением Правительства РФ от 27.12.2006 №808, а сроки определяются договорами между ведомствами и Росархивом. Эти договорные нормы не сводятся ровно к 75-летнему сроку: у МВД он составляет 85 лет, у Минобороны – 75 лет, у Росатома – 100 лет. При этом, как отмечает А.А. Торопов, значительная часть документов федеральных структур удерживается в ведомственных архивах сверх установленных сроков «по решению самих ведомств, вопреки установленному порядку и не связан с дефицитом площадей в федеральном архиве» [1]. Опубликованный договор Росархива с ФМС (2009 г.), с ведомством, унаследовавшим паспортно-миграционные функции МВД, показывает устройство этой модели (размещен на официальном сайте Росархива). По истечении 85 лет там хранятся и приказы по основной деятельности, и кадровые документы, и основания выдачи паспортов. Договор с МВД, напротив, в открытом доступе не публиковался.

Сверх договорных сроков действует и режим государственной тайны, установленный Законом РФ от 21 июля 1993 г. №5485–1 «О государственной тайне». Засекречивание массивов органов госбезопасности за 1917–1991 гг. решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны продлено до 2044 г., что позволяет удерживать гриф на значительной части фондов и после истечения любых формальных сроков. В результате документы 1920–1991 гг. у силовых ведомств остаются вне государственной архивной сети.

Особое положение занимает МИД России: документы внешней политики хранятся в двух собственных ведомственных архивах: Архиве внешней политики Российской империи и Архиве внешней политики Российской Федерации. Доступ к ним осуществляется через

Историко-документальный департамент МИД по особой процедуре. Оно оформляется до месяца (для иностранных исследователей – до полутора), архив вправе ограничить предоставление материалов по собственному усмотрению, а подлинные международные договорные акты и дела, отражающие внутреннюю деятельность министерства, в читальный зал не выдаются вовсе (порядок допуска на сайте Историко-документального департамента МИД России).

Правовая рамка доступа исследователей к документам формируется двумя положениями. Конституция Российской Федерации (ст. 29) закрепляет право каждого свободно искать, получать и передавать информацию. Статья 24 Закона об архивном деле устанавливает право пользователя на доступ к архивным документам и оговаривает лишь ограничение доступа к документам, содержащим охраняемые законом сведения – государственную и иную охраняемую законом тайну, а также персональные данные. Приказом Росархива от 31.07.2023 №77 утверждены Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях, которые детализируют порядок предоставления документов и работу с ограниченно доступными фондами. Однако фактическое положение исследователя определяется не этими нормами, а тем, где физически находится документ. Если материалы включены в Архивный фонд и переданы в государственный архив, действует общий порядок доступа. Если они удерживаются ведомством по договору депозитарного хранения, тогда доступ регулируется ведомством. Разница становится заметной при сравнении двух архивов одного ведомства: документ из фонда МВД в государственном архиве исследователь получает в читальном зале в общем порядке, а тот же комплекс документов в ведомственном архиве МВД – по административной процедуре с согласованиями.

История знает периоды, когда граница резко сдвигалась. В 1990-е гг. произошла «архивная революция»: массовое рассекречивание документов, ставшее частью общих революционных перемен в стране и породившее целый комплекс радикальных преобразований архивной отрасли [2; 5]. Значение открытости архивов для науки показывает и общий закономерный фон: позиция исследователя в системе ограниченного доступа к архивным документам непостоянна. Как показывает Т. Гартон Эш, знание о недавнем прошлом историк получает лишь тогда, когда архивы открыты, – поэтому доступ к ним является не вопросом исследовательского удобства, а условием самой возможности знания [3]. Обнаруживается и практическое измерение этой зависимости: полемика немецкого историка Ф. Фишера, ставшая возможной лишь после того, как он одним из первых получил систематический доступ к документам МИД Германской империи, целиком перестроила дискуссию о причинах Первой мировой войны [4]. Можно сделать вывод, что открытие архива меняет саму природу доступного знания.

Сравнительный обзор подтверждает общую закономерность. В Великобритании Закон о публичных записях 1958 г. закрепил 30-летний срок закрытия (до 1967 г. действовал 50-летний), однако реформой 2010 г. его сократили до 20 лет, и к 2023 г. переход был завершен (сайт Правительства Великобритании). Однако при этом, материалы, связанные со службами безопасности, изымаются из общего режима по Закону о свободе информации. В Германии федеральный архивный закон устанавливает общую защиту 30 лет, но для персональных документов срок исчисляется иначе: 30 лет после смерти лица, а при невозможности установить год смерти – 110 лет после рождения. Во Франции общий срок составляет 50 лет, для персональных и чувствительных документов – 75 лет. В США исполнительный приказ Президента №13526 от 29 декабря 2009 г. «Classified National Security Information» закрепляет автоматическое рассекречивание через 25 лет с последующим возможным продлением до 50 лет для агентурных источников (опубликован на сайте Национального архива США).

Полученные результаты резонно ставят вопрос о внутренней логике таких значительных сроков хранения. Обращает на себя внимание то, что шкала предельных величин (75 лет ограничения доступа к персональным данным, 85 лет депозитарного хранения у МВД России, 100 лет у Росатома и в книгах актов гражданского состояния) не производит впечатления расчетной: ни одна из этих цифр не выводится из нормотворческой процедуры, и ни в одном акте она не обоснована. Между тем их повторяемость в нормативных актах разного уровня

и разной отраслевой принадлежности указывает, что перед нами не сумма ведомственных конвенций, а отражение устойчивого культурного представления о пределе живой памяти. Это представление совпадает с длительностью человеческой жизни, округленной до круглого числа: ведомственная практика воспроизводит его независимо от исходной задачи регулирования – охраны ли персональных данных, государственной тайны или депозитарного хранения. Допустимость такого прочтения подтверждает сравнительный материал. Правовые системы, никогда не согласовывавшие сроки закрытия документов друг с другом, приходят к величинам одного порядка: 72-летнее правило американской переписи населения (сайт Бюро переписи США), столетнее закрытие британских реестров, включая Регистр 1939 г. (материалы The National Archives), 110-летний предел немецкого закона о персональных документах. Совпадение российских и зарубежных сроков объясняется, по-видимому, тем, что все они калибруются одной и той же внеюридической величиной: продолжительностью жизни поколения (пока живы люди, чьи персональные данные заключены в документе или чей жизненный опыт образует его содержание, документ сохраняет режим защиты, а когда это поколение уходит, документ переходит в общее достояние).

Из той же логики следует динамический характер шкалы. Сроки исчисляются от даты документа, а не от события, поэтому граница открытия не фиксирована: она ежегодно смещается, и документ, закрытый сегодня, открывается автоматически, без специального решения. Ведомственное хранение и ограничение доступа задают, таким образом, не единую дату, а ряд разных сроков, ежегодно сдвигающихся вперед: единого предела, после которого фонды открываются все сразу – не существует. При этом внутри 75-летней нормы действует 100-летний срок (книги регистрации актов гражданского состояния с 2002 г.; договор Росархива с Росатомом), а продление засекречивания массивов органов госбезопасности до 2044 г. отодвигает открытие отдельных фондов за пределы столетнего рубежа.

Отсюда вытекает обобщение, объединяющее наши наблюдения. Граница доступного исследователям знания о недавнем прошлом определяется в России не общими нормами архивного права, гарантирующими открытость Архивного фонда, а предельными и договорными сроками ведомственного удержания документов: система депозитарного хранения действует не как исключение из общего правила, а как легализованная модель, закрепленная постановлением Правительства РФ №808 и договорами Росархива с ведомствами. Выявленная шкала не является деталью ведомственного делопроизводства, а реально действующий механизм: он лишь отчасти зависит от воли законодателя и в значительной мере воспроизводит устойчивое представление о пределе живой памяти. Практические следствия такого понимания непосредственно вытекают из анализа: представляется целесообразным опубликование всех действующих договоров о депозитарном хранении, установление единого предельного срока депозитарного хранения документов Архивного фонда, регулярный публичный пересмотр решений о продлении сроков засекречивания и единые планы рассекречивания для ведомств с депозитарными договорами.

Список литературы

1. Торопов, А. А. Проблемы приема на государственное хранение документов федеральных структур в Дальневосточном федеральном округе и пути их решения / А. А. Торопов // Отечественные архивы. – 2020. – № 3. – С. 26–31.

2. Пихоя, Р. Г. «Архивная революция»: двадцать лет спустя. Часть 2. Архивы в России. 1992–1993 / Р. Г. Пихоя // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. – Москва : Наука, 2013. – С. 3–25.

3. Гартон Эш, Т. Расчеты с прошлым: судить нельзя помиловать / Т. Гартон Эш // Интеллектуальный форум. – 2001. – Вып. 7. – С. 6–41.

4. Fischer, F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 / F. Fischer. – Düsseldorf : Droste, 1961. – 896 S.

5. Калашников, В. Б. Культурный WinRAR: архивная революция и ее восприятие в российской культурной практике / В. Б. Калашников // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2026. – Т. 9, № 1. – С. 266–286.

Ярыгин Андрей Андреевич
канд. ист. наук, доцент
Яковлев Михаил Александрович
аспирант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

DOI 10.31483/r-170121

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ УИЛКСА (1838–1842) КАК ЧАСТЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПО ПРИСОЕДИНЕНИЮ ТЕРРИТОРИИ ОРЕГОНА К США

Аннотация: *первая половина XIX века характеризуется экспансией США на Североамериканском континенте. Одним из ключевых был Орегонский вопрос – территориальный конфликт между Великобританией и США. В статье анализируется роль исследовательской экспедиции под командованием Чарлза Уилкса (1838–1842) как составной части процесса присоединения территории Орегона. Исследование основано на следующих специально-исторических методах: историко-генетическом, который дает возможность проследить причинно-следственные связи подготовки, проведения и результатов экспедиции, и хронологическом, с помощью которого последовательно изучен ход экспедиции. В результате исследования были сделаны следующие выводы: исследовательская экспедиция США (1838–1842) определила главные геополитические точки для контроля над территорией Орегона, были исследованы природные особенности и подготовлены карты для дальнейшего проникновения американских граждан на эти земли.*

Ключевые слова: *История США, Орегонский вопрос, Северная Америка, Чарлз Уилкс, экспансия, исследовательская экспедиция.*

Орегонский вопрос является одной из основных тем изучения внешней экспансии США первой половины XIX века. Именно борьба за Орегон в 1830–1840-х годах была проявлением геополитических и экономических предпосылок утверждения США как Тихоокеанской империи. При этом исследовательская экспедиция Чарлза Уилкса (1838–1842) традиционно в отечественной и зарубежной исторической науке рассматривается в контексте научных открытий Антарктики и Океании и как часть экспансии США на Тихом океане. Однако орегонское направление экспедиции не получило должного изучения. Этим определяется актуальность исследования.

Объектом исследования выступает экспансионизм США в первой половине XIX века. Предметом является исследовательская экспедиция под командованием Чарлза Уилкса (1838–1842) как часть экспансионистской политики Соединенных Штатов.

Хронологические рамки исследования определены 30–40-ми годами XIX века – периодом подготовки, проведения и первыми результатами исследовательской экспедиции США. Географические рамки ограничены территорией Орегона.

Источниковую базу исследования можно поделить на две группы. В первую входят официальные документы: доклад Дж. Флойда, представленный в Конгрессе США 25 января 1821 года, в котором обосновывались права на спорную территорию реки Колумбии [10], и дополнительный доклад Комитета по иностранным делам Палаты представителей, в котором разобраны правовые основания притязаний США на территорию Орегона [11]. Вторую группу составляют документы и отчеты непосредственно экспедиции Чарлза Уилкса; территории Орегона посвящен 4-й том пятитомного отчета, выпущенного по итогам экспедиции [14]. Стоит отдельно отметить отчет по территории Орегона: он был представлен только в 1911 году, когда была опубликована копия из отчета военно-морского ведомства [15].

Данная тема имеет достаточную историографию. В исследовании используются общие работы по территориальной экспансии и развитию США в первой половине XIX века: здесь стоит выделить труды К. В. Миньяра-Белоручева [3; 4]. При этом разработаны исследования,

посвященные непосредственно территории Орегона, среди них можно выделить работы Л. М. Троицкой и А. Ю. Петрова [5–7].

Исследование основано на концепции К. В. Миньяра-Белоручева, которая разделяет внешнюю экспансию США на три основные стадии: 1) подготовительный этап; 2) присоединение территорий; 3) институализация приобретений [4, с. 126–127]. Что определяет цель исследования – рассмотрение Исследовательской экспедиции США (1838–1842) под командованием лейтенанта Чарлза Уилкса как составной части подготовительного этапа по присоединению территории Орегона к Соединенным Штатам.

Необходимо определиться с понятием «подготовительного этапа» экспансии США. Согласно Миньяру-Белоручеву, этот этап включает в себя проведение информационно-пропагандистской кампании и начало физического проникновения на оспариваемые территории [4, с. 126–127]. Именно физическое проникновение на территорию Орегона посредством изучения, исследования, и обозначения военного присутствия характеризует исследовательскую экспедицию Чарлза Уилкса.

Интерес к территории Орегона со стороны США можно проследить с начала 1820-х годов. 19 декабря 1820 г. конгрессмен от штата Вирджиния Дж. Флойд создал в Конгрессе специальный комитет для изучения положения на тихоокеанском побережье и оценки целесообразности оккупации данного района. По итогам работы комитета 25 января 1821 года в Конгресс был передан доклад «Оккупация реки Колумбия», в котором признавались обоснованными претензии США на бассейн реки Колумбия [7].

В докладе обозначались экономические интересы США, связанные с этой территорией: наличие рыбных промыслов, возможность выхода в открытое море, густые леса, пригодные для корабельного дела. Река Колумбия оценивалась как безопасный и короткий водный путь в Тихий океан, в качестве торгового пути в Китай и для нужд китобойного промысла [10, p. 62–68].

По итогам доклада Конгрессу предлагался законопроект, главная суть которого сводилась к следующему: президент Соединенных Штатов «уполномочен и обязан» занять территорию реки Колумбии и аннулировать права индейцев на владение этой землей посредством переселения американских граждан [10, p. 72].

Доклад можно расценивать как первый шаг США к аннексии территории Орегона. Была определена геополитическая важность реки Колумбия, что стало точкой преткновения в американо-английских переговорах по Орегону. Согласно Англо-американской конвенции (1818), государственная граница между США и Британской Канадой проходила по 49-й параллели. Однако земли, находящиеся к западу от Скалистых гор – территория Орегона, оставались в совместном англо-американском владении, что продолжало вызывать взаимные претензии [2, с. 826].

Данная территория оценивалась как соединение между Атлантическим и Тихим океанами через перевалы в Скалистых горах: «…от верховьев судоходной части реки Миссури до верховьев судоходной части реки Колумбия» [5, p. 43]. Экономические интересы страны тесно переплелись с идеологическими [1]. Территории Орегона отводилась роль укрепления Соединенных Штатов «дерева свободы, посаженного нашими предками, которое должно раскинуть свои тенистые ветви от Атлантического до Тихого океана» [5, p. 43].

Согласно концепции, в рамках подготовительного этапа проводились правительственные исследования территории западнее Скалистых гор. Одна из исследовательских экспедиций начала свою подготовку после одобрения в Конгрессе в 1836 году. Ее возглавил лейтенант военно-морского флота Чарлз Уилкс. Флот из шести кораблей и почти пятисот военных, гражданских сотрудников и ученых начал путешествие 18 августа 1838 года.

Главной целью экспедиции ставилось исследование акватории Тихого океана для нужд китобоев и торговцев. Однако в инструкциях значилось и следующее: «…Оттуда вы направитесь к северо-западному побережью Америки, проведя исследования и осмотрев сначала территорию Соединенных Штатов на побережье и реку Колумбию…» [13, p. 27]. Несмотря на отсутствие подробных инструкций, командующий экспедицией лейтенант Чарлз Уилкс осознавал важность этой территории для страны, вследствие чего исследование Орегона было более продолжительным и детальным, чем предписывалось в инструкциях [15, p. 269–270].

28 апреля 1841 года, после исследования акватории Тихого океана, экспедиция, прибыла к устью реки Колумбии. На этой территории, согласно Джеймсу Полдингу – министру военно-морских сил США (1838–1841), должно было пройти критическое изучение реки с целью дальнейшего обустройства и обороны как первого шага к постоянной оккупации Орегона [11, p. 24–25].

Однако Чарлз Уилкс после предварительного изучения описал, что устье реки Колумбии непригодно для якорной стоянки и захода кораблей: «Никакое описание не может передать весь ужас колумбийской отмели: все, кто ее видел, говорили о том, что это одно из самых пугающих зрелищ, которые только может увидеть моряк» [14, p. 313–314]. Он отметил следующие проблемы: сложное судоходство, удаленность основных навигационных знаков, отсутствие информации о течениях, большое количество отмелей [14, p. 313–314]. Ни британская, ни американская сторона во время переговоров не стремилась к присоединению всего Орегона, прежде всего они претендовали на территорию между 49 градусом северной широты и течением реки Колумбия [3, с. 147–148]. Данная территория, и прежде всего, устье реки оценивались как опорная точка для создания военно-морских баз для контроля Северо-Западного побережья и торговых баз для торговли с тихоокеанскими островами и Китаем [9, с. 26]. По итогам экспедиции Уилкса после исследования устья Колумбии было подтверждено, что оно непригодно для судоходства [15, p. 278].

Из-за невозможности детального изучения реки Колумбии экспедиция отправилась к проливу Хуан-де-Фука, где остановилась 2 мая 1841 года. Естественные гавани этого пролива были признаны более подходящими для навигации [5].

Изучение данного пролива для возможного захода военных судов стало приоритетной задачей, поставленной министром военно-морского флота Джеймсом Полдингом перед экспедицией [11, p. 24–25]. Важно отметить, что характерно для подготовительного этапа американской экспансии: постоянные визиты американских военных и исследовательских кораблей на Северо-Западном побережье должны были «…произвести впечатление на умы дикарей, так же как и цивилизованных захватчиков…» [11, p. 24–25], то есть продемонстрировать интересы страны перед индейцами, англичанами и русскими на данной территории.

Впоследствии экспедиция предприняла сухопутные путешествия, разделившись на три группы. Первая, под командованием самого Чарлза Уилкса, отправилась к форту Ванкувер; вторая, под командованием Джозефа Дрейтона, поднялась по реке Колумбии для изучения внутренних районов Орегона; третья, под командованием Джорджа Эммонса, прошла через Южный Орегон в Калифорнию.

Продвигаясь по территории Орегона, экспедиции отмечали природные богатства. Сам Чарлз Уилкс впоследствии высказывался, что земля «заждалась плуга и природа словно приглашает человека» [6, с. 142]. Это высказывание соответствовало ситуации в стране. С начала 40-х годов приобрела массовый характер «орегонская лихорадка» – переселение американских граждан в поисках лучших земель. В 1842 году в Орегон пришла первая крупная группа переселенцев из 107 человек, на следующий год переселилось еще 850. По переписи 1845 года было образовано 5 графств, на территории которых проживало 2110 человек [8, с. 22].

Завершение экспедиции совпало по времени с новым этапом англо-американских переговоров по орегонской территории [6, с. 148]. Их проводили госсекретарь США Д. Уэбстер и лорд Ашбертон. Американский историк Дерман Дж. Виола указывал, что предполагалось: экспедиция соберет достаточно информации о географических особенностях Орегона, чтобы правительство США могло принять взвешенное решение в дальнейших переговорах с Англией [12, p. 23].

Необходимая для правительства информация заключалась в отчете Чарлза Уилкса по территории Орегона, адресованном министру военно-морских сил США П. Апшеру (1841–1843) в июне 1842 года. В отчете уделялось большое внимание проливу Хуан-де-Фука; указывалось, что там есть все необходимые условия для строительства сооружений, необходимых великой морской державе [15, p. 278–279].

Лейтенант Уилкс выступал против договора между США и Англией по 49-й параллели в Орегоне, доказывая, что в случае принятия таких условий английская сторона получила бы контроль над проливом Хуан-де-Фука и в любой момент могла бы взять под контроль всю

территорию, отрезав американцев [15, p. 294]. По итогам экспедиции Чарлз Уилкс выступал за незамедлительные действия со стороны правительства по установлению контроля над территорией Орегона [15, p. 296–299].

Непосредственным итогом экспедиции было нанесение на карты 800 миль тихоокеанского побережья Северной Америки и водных путей [12, p. 22]. Также результатом стала карта территории Орегона, опубликованная в 1844 году; она была самой подробной на тот момент и давала американцам детальное представление об этой территории [12, p. 29].

Таким образом, можно охарактеризовать исследовательскую экспедицию США под командованием Чарлза Уилкса (1838–1842) как важную составную часть подготовительного этапа присутствия Соединенных Штатов на территории Орегона. Экспедицией была исследована береговая полоса Северо-Западного побережья Северной Америки; было подтверждено, что река Колумбия, на протяжении 20–30-х годов выступавшая как главный путь к выходу в Тихий океан, для этой цели непригодна. Были исследованы преимущества пролива Хуан-де-Фука, господство в котором стало важной целью американских военно-морских сил. То есть были определены ключевые геополитические точки для контроля над регионом. При этом экспедицией была изучена непосредственно территория Орегона и ее природные богатства, что вкупе с самой подробной картой этой территории на тот момент упрощало жизнь переселенцам и правительству при проведении переговоров по разграничению.

Список литературы

1. Алентьева, Т. В. Феномен американской цивилизации в конце XVIII – первой половине XIX века / Т. В. Алентьева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2007. – № 2.

2. Евлоева, Р. Д. Англо-американская конвенция 1818 г.: подготовка, заключение, последствия / Р. Д. Евлоева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 821–828.

3. Миньяр-Белоручев, К. В. На пути к американской империи: США во второй половине 30-х – 40-е годы XIX века : монография / К. В. Миньяр-Белоручев. – Москва : Изд-во Московского университета, 2015. – 352 с.

4. Миньяр-Белоручев, К. В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке / К. В. Миньяр-Белоручев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41. – С. 123–132.

5. Петров, А. Ю. Борьба за Орегон на рубеже 30–40-х гг. XIX века / А. Ю. Петров, Л. М. Троицкая // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение, Международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 37–50.

6. Троицкая, Л. М. Американцы открывают мир и Америку / Л. М. Троицкая // Американский ежегодник. – 1993. – Москва, 1994. – С. 133–150.

7. Троицкая, Л. М. Начало борьба за Орегон: последняя треть XVIII – первая четверть XIX века / Л. М. Троицкая, А. Ю. Петров // Новая и Новейшая история. – 2023. – № 3. – С. 67–83. – URL: https://nni.jes.su/s013038640025911–0-1/?cookies_accepted=Y (дата обращения: 17.10.2026). – Текст : электронный.

8. Ярыгин, А. А. Дипломатия президента Дж. Н. Полка и «Орегонский кризис» 1845–1846 годов / А. А. Ярыгин // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 21–24.

9. Ярыгин, А. А. Орегонский вопрос в системе англо-американских отношений в первой половина XIX века / А. А. Ярыгин // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 23–28.

10. Floyd, J. Occupation of the Columbia River – Floyd's Report of January 25, 1821 / J. Floyd // The Quarterly of the Oregon Historical Society. – 1907. – Vol. 8, No. 1. – P. 51–75. – URL: https://www.jstor.org/stable/20609718 (date of access: 13.10.2026). – Текст : электронный.

11. Territory of Oregon (supplemental report) [microform] : February 16, 1839, Mr. Cushing from the Committee on Foreign Affairs submitted the following report / Committee on Foreign Affairs // Internet Archive. – URL: https://archive.org/details/cihm_42704/mode/2up (date of access: 18.10.2026). – Текст : электронный.

12. Viola, H. J. The Wilkes Expedition on the Pacific Coast / H. J. Viola // The Pacific Northwest Quarterly. – 1989. – Vol. 80, No. 1. – P. 21–31. – URL: https://www.jstor.org/stable/40491019 (date of access: 12.10.2026). – Текст : электронный.

13. Wilkes, C. Narrative of the United States Exploring Expedition, during the years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842 : in 5 volumes / C. Wilkes. – Philadelphia : Lea and Blanchard, 1845. – Vol. 1. – 434 p.

14. Wilkes, C. Narrative of the United States Exploring Expedition, during the years 1838, 1839, 1840, 1841, 1842 : in 5 volumes / C. Wilkes. – Philadelphia : Lea and Blanchard, 1845. – Vol. 4. – 574 p.

15. Wilkes, C. Report on the Territory of Oregon / C. Wilkes // The Quarterly of the Oregon Historical Society. – 1911. – Vol. 12, No. 3. – P. 269–299. – URL: https://www.jstor.org/stable/20609880 (date of access: 17.10.2026). – Текст : электронный.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ, ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНЕНИИ НАРОДОВ РФ

Боярчук Татьяна Николаевна
канд. филос. наук, преподаватель
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

ФЕНОМЕН ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: *в статье рассматривается феномен этнонациональной идентичности в контексте исторической памяти. Особое внимание уделяется исторической памяти как ключевому механизму формирования и поддержания этнонациональной идентичности. Раскрывается содержание этнодифференцирующих признаков и их роль в самоидентификации личности и группы. Обосновывается положение об исторической памяти как «национально-генетическом коде» нации.*

Ключевые слова: *идентичность, этничность, этническая и национальная идентичность, историческая память, поликультурный социум, межкультурная коммуникация.*

В современных условиях поликультурного сообщества особый интерес вызывает феномен идентичности, в основе которого находится осознание субъектами взаимодействия своей принадлежности к определенной социальной группе – нации, этносу, конфессии. Осознание своей уникальности и своеобразия представителями своей социальной группы является сильным стимулом поддержания собственной идентичности как представителя своей социальной группы. Одним из механизмов формирования и поддержания этнонациональной идентичности является историческая память, которая способна выполнять консолидирующую роль субъектов взаимодействия в рамках собственной национальной общности.

Этническая общность, представляя собой устойчивую в своем существовании группу людей, осознающих себя ее членами на основе этнодифференцирущих признаков, таких как: общность происхождения, миф об общих предках, историческая память, язык, нормы и ценности, религия, общие представления, национальный характер, является социальной группой, которая устойчива во времени и обладает определенным этническим статусом. Человеку необходимо ощущать себя как часть «мы», а этнос является той структурой, в которой человек ищет опору в своей жизнедеятельности. Принадлежность к этнической группе определяется как биологической наследственностью, так и сознательным приобщением к культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание истории народа. Этническая идентичность является частью социальной идентичности личности, которая строится на процессе соотношения «мы» и «они», где происходит сравнение «своей» группы с «другой», и тем самым происходит самоопределение как личности, так и социальной группы. При сравнении своей этнической группы с другими в поликультурном социуме очень важно стремиться формировать и сохранить позитивный характер групповой межэтнической идентичности.

Особенностью современного подхода в осмыслении такого понятия как «этничность» является то, что часть исследователей трактуют его в значении, и, прежде всего, как национальную самоидентифиацию (самоидентичность). Этничность же предполагает признание объективного существования этнического в национальном, так как национальное без этнического лишается своей специфики как исторически сложившейся устойчивой общности людей.

В качестве этнодифференцирующих признаков выступают различные характеристики, такие как: язык, национальные обычаи и традиции, этические ценности и нормы народа,

историческая (этносоциальная) память, религия, материальная культура, представления о родной земле, национальный характер, народное и профессиональное искусство и др. Эти признаки отражают, прежде всего, элементы духовной культуры. Значение и роль признаков восприятия членов этноса меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, а также особенностей этнического окружения.

Этническая идентичность – это разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами [2] Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения и территории проживания и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических и национальных групп. Вместе с тем, этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и значимость членства в ней, что дает человеку наиболее широкие возможности для самореализации. Интерес к своим историческим корням у людей и народов проявляется в самых разных формах: от попытки поддержания своих национальных обычаев и традиций до создания или восстановления своей национальной государственности, что и происходит в настоящее время на постсоветском пространстве. В разных странах и регионах идет изучение этнической идентичности [1; 3].

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос – не единственная группа, с которой идентифицирует себя человек [4, с.16] Этническая идентичность – одна из форм идентичности индивида, существующая с такими формами как религиозная, профессиональная, региональная, государственная и т. д. Но наиболее стабильной является идентификация с этнической общностью, где каждый человек обладает стабильным этническим статусом. Наряду с этим, полиэтническая среда дает человеку больше возможностей для приобретения знаний о специфике своей и других этнических групп, формирует коммуникативные навыки, а отсутствие опыта межэтнического общения, как правило, обуславливает меньший интерес к собственной этничности. В полиэтническом обществе люди поддерживают позитивную групповую идентичность, дающую ощущение психологической безопасности и стабильности, особенно в условиях, когда в социуме бытуют предубеждения и предрассудки в отношении к представителям других этногрупп и имеет место ограниченность межэтнического взаимодействия и контактов.

Представления об историческом прошлом народа тесно связаны с самоидентификацией, и по мере развития роль этих представлений возрастает. Происходящие процессы глобализации ведут к растущей унификации в образах жизни и отдельных формах культурного самовыражения народов. Одним из способов избежать подобной унификации, обезличивания этносов в современную эпоху и заметной ориентацией в постсоветских государствах является актуализация исторической памяти народов. Основное, а порой и важнейшее, на чем базируется национальная идентичность, это – историческая память. Формообразующим фактором исторической памяти служит способ фиксации, сохранения и передачи информации из накопленного опыта национальной общности как в рамках одного поколения, так и между сменяющими друг друга поколениями. Фактор трансляции исторической памяти весьма значим, но никак нельзя принижать важность аккумулятивной функции, ее роль как синтезатора социально-культурного опыта народа. Составляющая содержания исторической памяти – это факты, события, характеризующие своеобразие исторического пути народа, совокупность культурных и материальных ценностей, лежащих в основе этнонациональной идентичности. Главная функциональная характеристика исторической памяти – сохранение и передачи самоидентичности национальной общности. Аккумулируемая памятью информация посредством процессов воспитания и образования, механизма социального наследования транслируется от одного поколения к другому, и именно это обеспечивает идентичность национальной общности.

Историческая память представляет своего рода «национально-генетический код», хранящий информацию об истории, этапах развития, условиях существования и этническом потенциале нации. Кодирование культурного и социального опыта этноса в памяти – многоплановый процесс, который происходит как в сфере интеллектуально-духовной, так и в материально-производственной деятельности. В случае разрушения этого «национально-генетического» кода, подобно процессам нарушения наследственности человека, мы можем говорить об исчезновении этнической общности.

В периоды трансформации обществ происходит актуализация исторического опыта и знаний, обостряется историческая память народов. Она имеет важную компенсаторную функцию, потребность в ней ощущается в переломные моменты истории: когда этнической группе грозит утрата культуры и языка. Историческая память способна воспитать в людях самоуважение, консолидировать их для преодоления социальных кризисов.

Национальная память всегда избирательна, потому что здесь присутствует субъективный фактор, т.е. факты и события воспроизводятся через призму интересов личности, различных социальных групп [5, с. 10] Как формируется историческая память, в чем состоит внешнее содержание национальной памяти и каков ее глубинный смысл, как она распространяется и как воспринимается социальными группами, каким образом она воздействует на этнонациональную идентичность – все это непростые вопросы требуют специального исследования, так как в исторической памяти отражаются как героические, так и драматические периоды истории. Сегодня, необходима правильная расстановка акцентов в толковании исторических событий, которая способствует позитивному взаимодействию народов. В ином случае появляются настороженность, предубеждения, которые имеют особенность нагнетать социальную напряженность и порождать этнонациональные конфликты. В последние десятилетия память об исторических событиях и явлениях прошлого стала мощным источником для выражения национального самосознания народов. Толерантность, межэтническое, межрелигиозное согласие, защита государством интересов всех социальных, этнических групп способствует социально-психологической адаптации людей в новых изменяющихся условиях, социальной и этнонациональной идентичности в поликультурном социуме.

Список литературы

1. Газимагомедов, Р. И. Этническая идентичность и этнические ценности в массовом сознании городской молодежи Дагестана / Р. И. Газимагомедов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-i-etnicheskie-tsennosti-v-massovom-soznanii-gorodskoy-molodezhi-dagestana (дата обращения: 25.11.2026). – Текст : электронный.

2. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова ; отв. ред. Л.М. Дробижева ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. – Москва : Мысль, 1996. – 381 с.

3. Краснова, М. Н. Сохранение памяти о китаеведе Иакинфе Бичурине в современной культуре / М. Н. Краснова // История Чувашии в советский период (1920–1991 гг.): институты, практики, дискурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (Чебоксары, 29 сентября 2026 г.). – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 310–313.

4. Марцинковская, Т. Д. Целостность культуры как фактор этнической идентификации (к концепции Т.Г. Стефаненко) / Т. Д. Марцинковская // Новые психологические исследования. – 2025. – № 1. – С. 12–25.

5. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) : препринт WP6/2003/07 / Л. П. Репина. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

Коптева Галина Геннадьевна
канд. филол. наук, доцент
ФГКВОУ ВО «Новосибирское высшее военное командное училище»
г. Новосибирск, Новосибирская область

ДОН АМИНАДО. ВОСПОМИНАНИЯ (В ЭМИГРАЦИИ)

Аннотация: *в статье рассматриваются три стихотворения Дона-Аминадо (1888–1957) – русского поэта-эмигранта, прозаика и мемуариста: «Воспоминание», «Как рассказать?» и «Бабье лето». На основе общности мотивов, образов и эмоционального строя тексты объединяются в читательский микроцикл. Выявляется ключевой мотив каждого стихотворения и микроцикла в целом, связанный с темами памяти, утраты, ностальгии по утраченной Родине и осмысления эмигрантского опыта. Кратко характеризуется биография поэта в связи с предстоящей в 2027 г. 70-летней годовщиной со дня его смерти. Статья призвана напомнить о творческом наследии Дона-Аминадо и о значении ностальгической темы в литературе русского зарубежья первой волны.*

Ключевые слова: *Дон Аминадо, эмиграция, русское, микроцикл, ностальгия, ключевой мотив.*

Введение.

Не всякому русскому читателю известно это имя. Дон Аминадо – Аминад Петрович Шполянский (1888–1957) – поэт и сатирик, мемуарист (а также адвокат). Родился и вырос в Елисаветграде Херсонской губернии, там закончил гимназию. Учился юриспруденции в Одессе и Киеве, затем в 1910 году поселился в Москве, где занимался адвокатской и писательской деятельностью. В Первую мировую войну Дон Аминадо был солдатом, после ранения в 1915 г. вернулся в Москву. Первая книга его лирико-патриотических стихотворений «Песни войны» была опубликована в Москве в 1914 году. Октябрьскую революцию писатель не принял, вдобавок в 1918 г. были закрыты все газеты, где он публиковался. Вынужден был уехать в Киев и какое-то время сотрудничал с газетами там. В январе 1920 года эмигрировал в Париж.

Дона-Аминадо читали с увлечением, он был популярен. В 20–30-е годы в Париже он превратился в человека, очень нужного всей русской эмиграции. Он, практически каждый день, публиковал в ежедневной газете «Последние Новости» юмористические, сатирические рассказы и фельетоны, а также лирические стихи. Их ждали – эмигранты разного толка: шоферы и фермеры (в которых превратились офицеры и казаки), нищая интеллигенция – бывшие адвокаты, учителя, врачи, коллеги-литераторы, генералы и т. д. Ждали не только в Париже, но и по всей Франции, и всей Европе. Творчество Дона-Аминадо удовлетворяло какие-то важные для людей запросы.

В годы войны Дон Аминадо занимал антифашистскую позицию. Выехав из Парижа, жил нелегально в другом городе. После войны он жил в Иере, под Парижем. Служил в учреждениях, уже достаточно далеких от литературы и журналистики. Смолоду общительный и остроумный, любивший многолюдные сборища, в послевоенные годы Дон-Аминадо изменился. Он, как отмечали современники, стал скрытен и нелюдим. Война, очевидно, надломила его. И стихи писать, в последние годы жизни, он перестал. До конца оставался во Франции, там и похоронен, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Основные результаты.

С 1990 г. его произведения издаются в СССР и России. Исследователи писали, что для Д. Аминадо была характерна ироническая дистанция по отношению к изображаемому, его сатира склонялась нередко к дружескому, игровому юмору, однако при этом за лёгкостью формы не терялась политическая и человеческая серьёзность автора. Нас же, в данном случае, интересует не его иронически-сатирическое творчество, но те произведения, именно стихотворения, в которых просматривается вот эта человеческая, да и политическая, серьезность. Возьмем для анализа три стихотворения Д. Аминадо под следующими названиями:

«Воспоминание», «Как рассказать?» и «Бабье лето». Считаем возможным объединить их читательско-исследовательской волей в так называемый «читательский микроцикл». В одной из своих работ М.Н. Дарвин, обращаясь к типологии лирических циклов, отмечал, что «выделение исследователем (как специфическим читателем) контекста в лирическом творчестве какого-либо поэта совершается … в результате осознания им каких-то глубоких закономерных связей, возникающих между отдельными произведениями» [1, с. 5]. Сами по себе названия не дают, казалось бы, оснований для объединения этих стихотворений в некое условное целое, но – посмотрим внимательно, вникнем в содержание этих произведений, созданных поэтом-эмигрантом, дабы убедиться, что подобное объединение – правомерно. Вот первое.

Утро. Станция. Знакомый
С детских лет телеграфист.
От сирени дух истомный.
Воздух нежен. Воздух чист [2, с. 64].

Первая строфа (если можно так это четверостишие определить: здесь поэт не обозначил традиционного деления на строфы, все строки идут чередой друг за другом) – словно мазки кистью при создании картины. В данных строчках просматривается специфика «живописи», это – живопись словами. И автор продолжает «рисовать картину» далее. В небе «легкой акварели / Полутон и полудым», а поскольку это весна, то аллюзивно воскресает в памяти молодость: «Хорошо любить в апреле, / Хорошо быть молодым» [2, с. 64]. И на побывку хорошо возвращаться; торопить, побуждать ямщика ткнуть лошадку («сивку») в бока, и без того запотевшие от быстрой езды. Вдыхать с наслаждением «запах медвяный» и наблюдать-ощущать каким-то шестым чувством весенний «пьяный пар», исходящий от земли.

Сердце бешеное бьется.
В горле сладостный комок [2, с. 65].

Столь сильно бьется сердце при виде знакомой крыши «дорогого и милого дома», что приходится его утихомиривать: «Тише! Тише!». Вот уже подается команда ямщику свернуть направо, за угол. И нахлынувшие воспоминания следуют одно за другим: «там, в саду скрипят качели, / Выше! В небо! И летим…» [2, с. 64] Такой вот яркой и счастливой представляется лирическому субъекту молодость, отдаленная во времени и пространстве – небо, солнце, золотой свет, и скрип качели, и благоухающая сирень, и этот весенний дым, «плывущий над землей». (Напомним, что, по нашему мнению, термин «лирический субъект» всего уместнее использовать, когда очевидной становится в процессе рецепции крайняя близость автора лирическому герою). Стихотворение не датировано, но герою в обозначенном моменте времени всего лишь двадцать лет: «И как двадцать вознесений, /Двадцать весен за спиной!» [2, с. 65] Сложная метафора – «двадцать вознесений» – коррелирует с образом-символом – «двадцать весен за спиной», усиливая эффект индивидуализации воспоминания-переживания. Живописная картина, словно воссозданная решительными мазками кисти на воображаемом холсте, довершается глубоко эмпатически прочувствованным реципиентом (в том числе) ощущением счастья – счастья молодости, весны, возвращения в родной дом. И понятно, что это «воспоминание» – реминисцентно «идет» из далекого далека, и через повтор восторженного восклицания «Хорощо!» актуализируется ностальгия как один из главных мотивов, содержащийся в данной лирической зарисовке.

Стихотворение «Как рассказать?» также не привязано к определенной дате, однако по тексту и контексту понятно, что написано оно после 1920 года, уже в эмиграции. Возможно, написано вскоре после переезда в «чужую» страну, когда еще достаточно тяжело переживался отрыв от всего родного, давила тоска по нему. Лирического субъекта преследуют мысли об оставленной родине, о Петербурге и Москве, о русском быте и т. п.

Как рассказать им чувство это,
Как объяснить в простых словах
Тревогу зимнего рассвета

На петербургских островах,
Когда, замучившись, несется
Шальная тройка поутру,
Когда, отстегнутая, бьется
Медвежья полость на ветру… [2, с. 65].

Медвежья полость будет, вероятно, восприниматься современным читателем как специальный маркер именно русского быта, понятного и привычного лирическому субъекту. Особенное, болезненно острое отчуждение от «не своего» народа, быта и страны, в конечном счете, задано уже формулировкой названия стихотворения. Невозможно «им рассказать», объяснить себя и свою проблему, невозможно объяснить свою ностальгию. Ностальгию по родной стране, которую чужой понять не способен.

Данное стихотворение составлено из двух частей, именно обозначенных цифрами 1 и 2. В первой части – 5 строф, во второй – 3. Обе части начинаются одинаково – строфами, процитированными выше. В части 1 «эмигрант» вспоминает русские столицы и русский снег, «облупленные карнизы», «золото церквей», Патриаршие пруды, а также разномастных голубей, живущих на Арбате целыми «семьями». В процессе рецепции и осмысления части 2, при этом, читатель остро ощутит «нарушение строфических ожиданий», о котором писали в свое время исследователи в рамках теории структуральной поэтики. Так, первую часть завершает строфа:

Сидят в метро. Молчат сурово.
Эксцельсиор читают свой…
И нет им дела никакого
До хрестоматии чужой [2, с. 66].

Чуждым для героя здесь является и название газеты (неслучайно – «Эксцельсиор свой»), и вся эта тягостно-натянутая, подчеркнуто безмолвная обстановка в метро, да и не только в метро, вероятнее всего. Здесь нет людям «никакого дела» до «чужой» судьбы, и «хрестоматия» прочитывается как метафора, где обозначена в первоначальном чтении книга на родном языке героя, но это понимание дает лишь поверхностное восприятие: на самом деле речь идет о чужой жизни. Совсем иначе поэтому воспринимается конечная строфа второй части:

И пахнет влагой, хвоей, зверем…
И за верстой верста бежит,
А мы, глупцы, орем и верим,
Что мир лишь нам принадлежит [2, с. 66].

Реципиентом ярко будут восприняты здесь (в том числе, на подсознательном уровне) и богатство ольфакторного контекста, и характерная российская беспредельность пространства, и безудержный молодой восторг, реализуемый громким ором-криком. А также особенное ощущение силы и уверенности в том, что тебе «принадлежит» весь мир, которое может возникать только в ранней молодости и которое повзрослевшему молодому, и тем более не молодому, человеку впоследствии может показаться уже безусловной глупостью. Глупостью, остро ощутимой в ситуации оторванности от огромной страны, куда нет больше доступа и где тебя совершенно забыли (так, в Европе Аминадо читали и знали, в России о нем при его жизни не упоминали вовсе).

Композиция произведения полноценно работает здесь на максимально эффективную передачу идеи автора. Очевидное противопоставление последних строф в обеих частях способствует тому, что поэтический голос, личная интонация автора, его реальный жизненный опыт «опредмечиваются», эмпирический «факт» (факты) переплавляется в факт художественный, и стихотворение в целом позволяет воссоздать непосредственную правду глубокого личного переживания, практически – боли, которая ощущается тем более остро вследствие имеющего место контраста и нарушения строфических ожиданий.

Стихотворение «Бабье лето» продолжает ту ностальгическую мотивику, которая определенно ощущается в двух первых рассмотренных в данной работе стихотворениях. Нет такого словосочетания – бабье лето – в словарях «чужих» языков, его там нет, подчеркивает лирический субъект в самом начале. «Август. Увяданье. Милый, единственный прах.» – Здесь вспоминаются, помимо любимого многими специального периода ранней осени в России, русские кладбища, в том числе. И еще:

Запахи пыльной травы.
Небо какой-то старинной,
Темной, густой синевы [2, с. 67].

«Русское лето в России» – обратим внимание на «говорящую» частичную тавтологию в рамках строки, на исключительной синевы (во все времена) небо, на запах пыльной (вот именно пыльной – в России) травы. И вместе – «утро» и звук пастушьего рожка, и горький опять же запах поздней волчьей ягоды. Вновь отметим здесь наличие ольфакторной мотивики, как в предыдущем стихотворении. И разделим с героем сожаление по поводу разлуки с родиной:

Эх, если б узкоколейка
Шла из Парижа в Елец… [2, с. 67].

Это финальный аккорд стихотворения. Достаточно спокойный, как будто. Но настолько ощутимым становится в последних строчках подлинный и неповторимый человеческий голос поэта, пронзительные ностальгические ноты, что и для исследователя таким финалом невольно определяется специфическая интонация в работе.

Заключение.

Мы рассмотрели «воспоминания» – три стихотворения достаточно мало известного в нашей современности русского (мы намеренно никак не соотносим реалии прежних времен с нынешней политической ситуацией) поэта-эмигранта Д. Аминадо – в рамках самопроизвольно возникшего в нашем восприятии «читательского микроцикла». Автор статьи посчитал возможным объединить эти стихотворения в некий «исследовательский» (он же – читательский) микроцикл, поскольку, по мнению ряда ученых, такое объединение нередко оказывается весьма перспективным. Возможной и целесообразной является циклизация не как способ авторской группировки произведений, но – как возможность организации читательского восприятия. Все три стихотворения объединены здесь одним главным мотивом – мотивом глубокой ностальгии и любви к Родине. Эта любовь никуда не исчезает в душе подлинно русского человека, даже если он по каким-то причинам покидает Россию.

Материалы данной работы могут быть использованы в рамках решения задач патриотического воспитания современного молодого человека, в том числе, тем более что «одним из важнейших направлений в области образования в России в настоящее время является патриотическое воспитание молодежи» [3, с. 1]. Патриотическое воспитание рассматривается сегодня как «фактор консолидации всего общества, являясь источником и средством духовного, политического и экономического возрождения страны, ее государственной целостности и безопасности. Молодое поколение является ответственным за будущее России, за сохранение и преемственность культуры, истории, национального и духовного единства» [4, с. 62–63]. Такая ответственность наиболее успешно может быть реализована, если молодежь знает свою культуру и историю.

Хотелось бы напомнить читателям и исследователям о том, что уже недалекий от нас 2027 год – это год семидесятилетия после смерти поэта. Наш бывший соотечественник, забытый при его жизни, заслуживает такого воспоминания.

Список литературы

1. Дарвин, М. И. Проблема цикла в изучении лирики / М. И. Дарвин. – Кемерово : КемГУ, 1983. – 104 с.
2. Эмигранты : поэзия рус. зарубежья / сост., предисл.: В. С. Петров. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 281 с.

3. Коптева, Г. Г. Значение патриотического воспитания молодежи в настоящее время / Г. Г. Коптева // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2024. – С. 177–179.

4. Яркова, Т. А. Проблемы патриотического воспитания современной молодежи / Т. А. Яркова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2016. – № 4 (24). – С. 62–65.

Литвяк Лариса Геннадиевна
канд. юрид. наук, доцент, профессор
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Новороссийск, Краснодарский край

Смирнова Карина Сергеевна
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

Видякина София Анатольевна
студентка
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
г. Москва

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ (ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА) ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО ФЕНОМЕНА

Аннотация: *в статье представлены результаты изучения исторической части города-героя Новороссийска. На основе собранных сведений о сохранившихся и утраченных объектах культурно-исторического наследия рассматриваются возможности развития культурно-исторического туризма в городе. Особое внимание уделено как хорошо известным, так и малоизвестным достопримечательностям старой части Новороссийска. Для предварительного знакомства с ними создан сайт, содержащий информацию об исторических местах города. Авторы предлагают жителям и гостям Новороссийска лично посетить описываемые объекты, познакомиться с историей города и оценить его туристический потенциал.*

Ключевые слова: *культурно-исторический туризм, патриотизм, старый город, достопримечательности, развитие личности.*

Каждый человек, на наш взгляд, должен обладать знанием не только всеобщей истории, но и истории своей страны, малой родины. Неслучайно во многих населенных пунктах нашего государства имеются музеи, памятники, парки, иные знаковые места, посвященные определенным знаменательным событиям жизни этого географического объекта. История возникновения и развития каждого из городов, сел, деревень, поселков, хуторов, станиц, селений, аулов и других населенных пунктов России неповторима и уникальна. Знание этой информации позволяет нам, потомкам, проследить эволюцию развития населенного пункта и изменение условий жизни людей, что помогает глубже осмыслить закономерности жизни нашего общества сегодня.

Место рождения, детства имеет для человека особое значение, так как дарит человеку самые стойкие, приятные или не очень, воспоминания о людях, родственниках, друзьях, их привычках, времени, проведенном с ними рядом, радостных или грустных моментах, разделенных с ними, а также о самом окружающем человеке пространстве, домах, улицах, местах отдыха, культуры и так далее. Город детства, воспоминания о нем, во многих случаях

становятся частью нашего «я», помогают понять откуда берутся наши ценности, становятся источником силы для человека. В наш стремительный век, когда люди предпочитают виртуальный мир реальному, немногие люди знают историю того места, где родились и живут, или который стал их домом потом. Мы же считаем, что такое знание необходимо человеку в силу следующих причин. Во-первых, изучение истории родного города интересное и захватывающее занятие, позволяющее узнать очень много неизвестных, малоизвестных или забытых вещей. Так, например, в Новороссийске, городе рождения и/или жительства авторов статьи, есть дом, где живут люди. Обычный старый дом. Но он уникальный – мало того, что построен в 1985 году, так еще в 1897 году в нем размещался первый в России стационарный кинотеатр. И много лет, люди, проезжая мимо него, не знали этого, пока несколько лет назад неравнодушные горожане не сделали на здании соответствующее указание об этом историческом событии (фото этого дома представлено ниже, сделано авторами статьи). Мы считаем, что получение таких знаний позволяет по-другому взглянуть на давно известные места, испытать чувство гордости и восхищения.

Рис. 1

Во-вторых, знание истории своего населенного пункта воспитывает чувство патриотизма, повышает общий уровень культуры личности. Без чувства патриотизма нет любви к Родине, не возникает у человека желание защищать родной город в случае необходимости и даже умереть за него. В-третьих, знания об исторических корнях своего населенного пункта, о людях, в нем живших, позволяют понять закономерности развития города или всего региона, что необходимо во многих случаях для решения современных проблем, в том числе в области градостроительства, недопущения повторения ошибок прошлого, сохранения исторического наследия.

Таким образом, исследование истории родного населенного пункта – это не просто познавательная деятельность, но и способ преодоления локальной ограниченности, позволяющий понять место родного края в истории региона, страны и даже мира. Предлагаем прогуляться по старой части Новороссийска, с которой начиналась история легендарного города-героя. Фотографии сделаны авторами статьи.

Для современного жителя нашего города Шесхарис – это промышленный район, где, в первую очередь, идет перевалка нефти, газа. И мало кто знает, что в XIX веке на месте АО «Черномортранснефть» была винодельня, продукция которой очень славилась. Более того, она участвовала в выставках, получая награды, и стоила даже дороже, чем вина других аналогичных хозяйств. Создал ее инженер Валериан Андреевич Осинский, приехавший в наш город с семьей в 1870-е годы. Он стал крупным землевладельцем, купив большой участок земли в 8 километрах от Новороссийска (ныне ущелье, где находится нефтебаза Черномортранснефти) и построив имение «Шесхарис». Первые виноградники были заложены в 1885 году, а уже в 1886 году был получен первый урожай. Заниматься виноградарством было нелегко, так как кусты этой ягоды страдали от соленого ветра и не всегда вызревали. Тем не

менее, вино имения «Шесхарис» получало на выставках награды, даже золотую в Париже в 1889 году.

К сожалению, Валериан Андреевич рано умер – в 1892 году. Он был похоронен тут же, на территории своего имения. Его жена, попытавшись продолжить вести бизнес сама, затем стала сдавать виноградники в аренду, но спустя три года, видя, как арендатор уничтожает виноградники неумелым ведение хозяйства, занялась восстановлением частично утраченных плантаций ягоды. На полное возрождение виноградников требовалось 3–4 года, ждать женщина не захотела и продала «Шесхарис». Новым собственником стало Общество Черноморского цементного производства, которое не только возродило плантации винограда, но и существенно их увеличило.

В советское время виноградники стала принадлежать совхозу «Роза Люксембург». В году войны винодельня, находясь рядом с линией фронта, сильно пострадала. После освобождения города многие ее капитальные сооружения не были восстановлены, а точку в винодельческой истории этого места поставил в 1960-х годах построенный здесь нефтеперегонный комплекс.

Небольшая часть винодельни сохранилась до наших дней, но в весьма разрушенном состоянии. Могильный камень основателю винодельни долгое время был заброшен, пока волонтеры «Черномортранснефти» (инициатором был сотрудник этого предприятия Руслан Копейкин) не восстановили его и перенесли к проходной производственных объектов перевалочной базы «Шесхарис» [1].

Рис. 2. Перенесенный на новое место
могильный камень В.А. Осинскому у нефтебазы

Рис. 3. Оставшиеся стены винодельни. Наши дни

В Новороссийске сохранилось здание, в котором располагалась первая в городе промышленная электростанция трехфазного переменного тока. В некоторых источниках указывают,

что она была первая даже в мире, но это не так, она была третьей по счету в мире. Дело обстояло следующим образом. Инженер Александр Щенснович (о нем мы еще вспомним в нашей статье), заведующий строительными работами железнодорожной станции «Новороссийск», в 1891-м году побывал на промышленной выставке в городе Франкфурт-на-Майне, где был впечатлен демонстрацией возможностей электростанции трехфазного переменного тока. Посетителям этого мероприятия продемонстрировали возможность передачи электрического тока на 170 км. Вернувшись в Россию, в наш город, в рекордный срок, всего за 2 года, Щенснович добился создания подобной электростанции в Новороссийске.

Представленная на выставке электростанция была, таким образом, первой в мире (она начала работать сразу после завершения этого мероприятия); второй стала аналогичная электростанция, открытая в Швейцарии в 1892 году; новороссийская же станция стала третьей по счету (она начала работать в 1893 году), но при этом была самой мощной в мире для своего времени и первой подобной станцией в России того периода.

К 30-м годам прошлого века мощность станции – 1200 кВт – стала неактуальной, открытая Новороссийская электростанция (далее НоворЭС) выдавала 20 000 кВт, поэтому ее разобрали, а здание, где она располагалась, стали использовать в других целях. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на сильные разрушения в городе в результате ожесточенных боев, это здание уцелело. Оно находится на ул. Жуковского в городе Новороссийске и принадлежит комбинату хлебопродуктов [2]. В настоящее время проводится реконструкция здания.

Рис. 4. Центральная электрическая станция.
Новороссийск. XIX век. Фото из открытых источников [3]

Рис. 5. Здание электростанции в наши дни

В мае 1930 года была достроена и запущена Новороссийская электростанция (НоворЭС), о которой теперь жителям Новороссийска напоминает название остановки общественного транспорта и виднеющееся за ней старое, почти разрушенное здание этого промышленного сооружения, имевшего важное значение для жизни города. Это была первая электростанция, построенная на Кубани по знаменитому плану ГОЭЛРО. Она была заложена у основания Восточного мола, между Карантинным пунктом и портовыми мастерскими. На построенной

и введенной в эксплуатацию станции было установлено пять котлов и три турбогенератора. Электричеством были обеспечены не только жители и предприятия Новороссийска и прилегающих поселков, но и население Анапского, Славянского и Крымского районов. В 1932 г. к НоворЭСу была присоединена электростанция цементного завода (далее цемзавод или ц/з) «Пролетарий», получившая название «НоворЭС – 2». Во время нахождения немецких войск в городе (1942–1943 годах) обе электростанции были разрушены (НоворЭС-1 – на 78%, НоворЭС-2 – на 50%), но восстановлены уже к 1945 году.

В 1970-е станция выполняла важную роль резервного источника энергоснабжения во время обрывов высоковольтных линий электропередач из-за тяжелых погодных условий. 18 июля 1987 года НоворЭС перестала давать ток, но с 1986 г. до начала 2000-х годов НовороЭС использовался в качестве котельной, отапливающей близлежащие предприятия и жилые дома.

Рис. 6. Здание НоворЭС в период ее работы, 1932 г.
Фото из открытых источников [4]

Рис. 7. Разрушенное здание НоворЭС в наши дни

Сейчас это прозвучит удивительно, но в конце XIX – начале XX веков район, начинавшийся за цементным заводом «Цепь» (в советское и постсоветское время это был ц/з «Октябрь») в сторону Геленджика считался «новороссийской Рублевкой». Здесь покупали землю и строили дачи зажиточные горожане. Порой это были великолепные здания, созданные знаменитыми архитекторами, рядом с которыми хозяева разбивали шикарные сады. К сожалению, многие из них на данный момент или утрачены совсем (были разрушены во время Великой Отечественной войны или же снесены позже), или находятся в весьма плачевном состоянии, представляя собой, по сути, руины [5]. Примером последнего служит дача

Шенсновича. Инженер, Александр Николаевич Щенснович, заведующий строительными работами железнодорожной станции «Новороссийск», на рубеже XIX – XX столетия приобрел дачный участок в описываемом нами месте и построил здесь дом-дачу. Особняк считался одним из самых видных и богатых на «новороссийской Рублевке» в XIX веке.

С 1930-х годов дача Щенсновича в числе 23 других, как ближайшая к Новороссийску, числилась за цемзаводом «Октябрь» [6]. В разное время, по различным источникам, здесь размещались пациенты психиатрического отделения городской больницы, детский дом. Затем жили люди, которые были расселены во второй половине XX века после признания здания аварийным.

В настоящее время историческое здание находится в руинированном состоянии. С 2018 года оно внесено в перечень памятников истории и культуры регионального значения. В 2025 году здание выставили на торги в рамках концессионного соглашения. Цель этой акции – восстановить за счет средств инвесторов историческое здание города. На сайте https://наследие.дом.рф/ [7] по состоянию на осень 2026 года в описании объекта культурного наследия указано, что «Здание дачи А.Н. Щенсновича – известного русского инженера-электрика построено на северо-восточном берегу Цемесской бухты. В 1922 году в нем размещалась Детская Трудовая Колония Детского городка с педагогическим и техническим персоналом. С 1930-х годов до середины 1980-х годов использовалось как жилой дом». Также написано, что инвестор найден. Хочется надеяться, что красивое здание, имеющее историческое значение для жизни города, не будет утрачено.

Рис. 8. Такой была дача [8]

Рис. 9. Руины дачи Щенсновича. Наши дни

Немного другая судьба у дачи профессора Ковалевского. Она принадлежала известному в научных кругах начала XX века профессору медицины Павлу Ивановичу Ковалевскому и была построена в красивейшем ущелье на выезде из города Новороссийска в сторону

Геленджика (12 км Сухумского шоссе). Интересный факт. В момент появления дачи дорога, рядом с которой она была возведена, называлось Сухумийское шоссе. Потом для трассы стали использовать одновременно такие наименования как Сухумское и Сухумийское шоссе. Нетрудно догадаться, что название трассы происходит от наименования столицы Абхазии, которая в разные времена была то Сухум, то Сухуми. Для жителей же города это иногда создавало практические и организационные проблемы. Поэтому в мае 2012 году топонимическая комиссия при администрации Новороссийска приняла постановление №3104 «Об упорядочении наименования Сухумское шоссе» [9], официально закрепившее такое название данного географического объекта.

Дача была построена в конце 1890-х годов в стиле средневекового замка. Имение получило название «Павловка». В советский период здание дачи и территорию вокруг нее национализировали. В разное время здесь существовали и дом отдыха, и санаторий для взрослых и для детей, а в 1966 году был организован детский туберкулезный санаторий, прекративший свое существование после распада СССР (в 1992 году). В настоящее время на этой территории находится Краснодарский университет МВД России (с 1997 года), а к зданию бывшей дачи были сделаны пристройки в похожем стиле. Таким образом, дача сохранена, правда, с дополнениями.

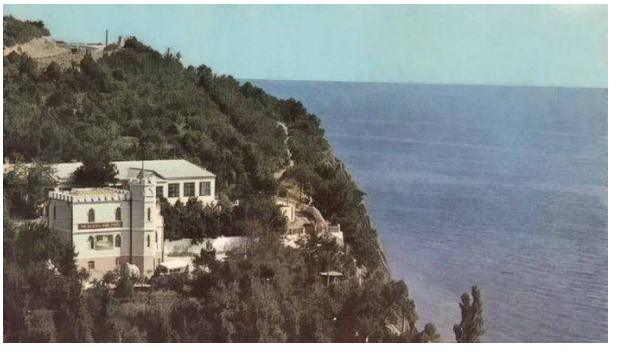


Рис. 10. Дача 1960-х годов, когда здесь размещался санаторий [10]

Рис. 11. Современное состояние дачи (к ней сделаны пристройки
в похожем стиле, старая часть – справа на фото)

Немногим местным жителям, а тем более гостям города известно, что в Новороссийске, в прошлом веке, на цементных заводах города существовали грузовые канатные дороги. Цементный завод «Звезда» (с 1922 года переименован в «Пролетарий») в 1914–1915 году начал строительство грузовой канатной дороги, часть которой проходила над морем, часть над сушей. Вагонетки доставляли по воздуху цемент прямо на причал для погрузки его на суда.

Чуть позже такая же грузовая канатная дорога была построена и на соседнем цемзаводе «Цепь» (после революции стал называться «Октябрь»), и на цементном заводе «Победа Октября», построенном в поселке Гайдук (пригород Новороссийска). По воспоминаниям очевидцев, на цемзаводе «Победа Октября» канатная дорога работала еще в 1970-х годах, а потом была постепенно разобрана на металлолом. Вагонетки здесь доставляли сырьё из карьера на завод, в отличие от двух других цемзаводов.

Рис. 12. Вид на цемзавод «Пролетарий», 1932 год [11]

Рис. 13. Канатная дорога на цемзаводе «Победа Октября», 1984 год [12]

Рис. 14. Целая опора канатной дороги ц/з «Пролетарий». Наши дни

Это лишь немногие достопримечательности старой части Новороссийска, но уже это, на наш взгляд, позволяет судить о богатой и разнообразной истории города-героя.

Знание истории своего населенного пункта позволяет лучше понять его культуру, традиции и особенности, а также развивает чувство гордости и причастности к его судьбе. Особенно эти тезисы актуальны для молодого поколения жителей нашей страны. Современная

молодежь является особенной в силу многих факторов. Она растет и развивается в условиях быстро меняющегося мира, что оказывает влияние на ее ценности, взгляды и поведение; современные технологии и доступность информации влияют на формирование личности молодых людей и не всегда положительно; на формирование личности современных молодых людей влияют и социально-экономические факторы, делая очень часто в качестве самых важных жизненных ориентиров деньги, власть и славу. Именно помня обо всем этом, очень важно знать историю родного края, того места, где родился, вырос и живешь. Знаменитый историк Василий Осипович Ключевский сказал, что «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего», а также «История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого» [13]. Это правда, и мы хотим не дать забыть молодежи о славном прошлом нашего города. Нами создан сайт, где размещена эта и много другой информации о родном нам городе – *http://oldtowngorod.tilda.ws*.

Список литературы

1. Мало кто знает: на Шесхарисе раньше была винодельня, известная в России и за рубежом // Блокнот Новороссийск. – URL: https://bloknot-novorossiysk.ru/news/malo-kto-znaet-na-sheskharise-ranshe-byla-vinodeln (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

2. Прежде и теперь: Первая и не первая электростанция в Новороссийске // Блокнот Новороссийск. – URL: https://bloknot-novorossiysk.ru/news/prezhde-i-teper-pervaya-i-ne-pervaya-elektrostants-1054342 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

3. Щенснович Александр Николаевич – выдающийся инженер (1845–1922). – URL: https://novoros-history.ru/2023/09/01/schensnovich/ (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

4. На шаг впереди. Директор «Россети Кубань» – об истории и крупных проектах // АиФ Краснодар. – URL: https://kuban.aif.ru/society/na_shag_vperedi_direktor_rosseti_kuban_-_ob_istorii_i_krupnyh_proektah (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

5. Новороссийская Рублевка XIX века: виртуальная // Наша Газета Новороссийск. ВКонтакте. – URL: https://vk.ru/wall-67393150_570771 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

6. Дача А.Н. Щенсновича. Александр Николаевич // Новороссийск. Today. – URL: https://smartik.ru/novorossijsk/post/188259515 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

7. Дача А. Н. Щенсновича // Наследие.дом.рф. – URL: https://наследие.дом.рф/объект-дача-а-н-щенсновича-краснодарский-край-1665/ (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

8. Вашему вниманию фотографии и рисунки, которые… // Типичный Новороссийск. ВКонтакте. – URL: https://vk.ru/wall-44825246_204506 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

9. Об упорядочении наименования Сухумское шоссе : Постановление : от 23.05.2012 №3104. – URL: https://krasnodar-gov.ru/doc/9706 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

10. Пригородный детский санаторий – Фотографии прошлого // PastVu. – URL: https://pastvu.com/p/1086520 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

11. История в фотографиях. Новороссийск, Костомарово, Россия // Nvrsk-Kostomarovo. – URL: https://nvrsk-kostomarovo.ru/photo/6332bd5e7c74c4c3db5d2b15 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

12. История в фотографиях. Новороссийск, Костомарово, Россия // Nvrsk-Kostomarovo. – URL: https://nvrsk-kostomarovo.ru/photo/6938e3ebb89b0b10508e7f8b (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

13. Лекция «Исторические взгляды Василия Ключевского». – URL: https://libnvkz.ru/news/23.01.2021 (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

14. Неизвестный старый город : проект, посвящ. памятным и малоизвестным местам старой части Новороссийска / авт. Видякина С. – URL: https://interestingoldtown.tilda.ws/ (дата обращения: 24.11.2026). – Текст : электронный.

Обидина Юлия Сергеевна
д-р филос. наук, доцент, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК ГРАЖДАНСКОГО ДЕЙСТВИЯ: ОТ ЛИЧНОЙ УТРАТЫ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема перехода от пассивного созерцания к активному гражданскому действию в сохранении памятников культурного наследия. Эмпирической базой исследования стали биографические интервью с активистами, представляющими разные сферы деятельности по восстановлению культурного наследия. На основе анализа выделяются три модели вовлечения: реактивная (причина – утрата семейной памяти), творческая (причина – детское эстетическое впечатление и влияние наставника) и институциональная (причина – семья и осознание утраты аутентичной городской среды). Во всех случаях личная биографическая память становится источником гражданского действия, а восстановление памятников культурного наследия – формой работы с собственной идентичностью. Автор обосновывает положение о том, что механизмы вовлечения граждан должны опираться не только на институциональные стимулы, но и на работу с личной и семейной памятью. Сделан вывод о необходимости учитывать биографический опыт при разработке программ патриотического воспитания и вовлечения молодежи в сохранение и восстановление культурного наследия.*

Ключевые слова: *историческая память, культурное наследие, гражданское участие, партисипаторная парадигма, биографическое интервью, гражданская идентичность, гражданское действие.*

Сегодня, когда восстановление памятников культурного наследия все активнее включается в процесс формирования национальной идентичности и сохранения традиционных ценностей, недостаточно просто «охранять» памятники, необходим переход к гражданскому соучастию, при котором граждане становятся не пассивными наблюдателями, а активными участниками. Но для этого нужно понять, что именно заставляет человека перейти от созерцания к действию. Государственные программы и некоммерческие организации часто работают с «абстрактным гражданином», из-за чего вовлечение остается поверхностным. В связи с этим цель статьи – выяснить, какие биографические вехи приводят человека к активному участию в восстановлении наследия, и как это знание можно использовать для развития механизмов участия.

Теоретико-методологической основой исследования выступает концепция «лестницы участия» С. Арнштейн [4], описывающая переход от символического и пассивного участия к реальному гражданскому контролю. Анализ интервью показывает движение с нижних ступеней этой лестницы (созерцание, позиция «молчаливого свидетеля») на верхние (деятельностное участие, создание собственных проектов). Во-вторых, использование теории запланированного поведения позволяет объяснить механизм перехода от намерения к действию. В-третьих, концепция биографической памяти [1] показывает, как личный и семейный опыт становится ресурсом гражданского действия [2]. Сочетание этих подходов позволяет рассматривать сохранение культурного наследия не как обязанность со стороны, а как результат работы личности с собственной идентичностью.

Эмпирической базой исследования выступает биографическое интервью, которое позволяет увидеть траекторию включения человека в социокультурную деятельность от детского впечатления к осознанной гражданской позиции. Исследование транскриптов проводилось

методом тематического анализа с упором на триггер вовлечения, барьеры вовлечения и мотив вовлечения, что позволило выделить устойчивые модели вовлечения. Целевая выборка включает три интервью с представителями разных типов участия: преподавателя, восстанавливающего семейный дом (реактивная модель); иконописца, профессионально восстанавливающего росписи в храмах (творческая модель) и директора музейного объединения (институциональная модель).

Реактивная модель представлена женщиной-преподавателем, которая причиной включения в проекты по восстановлению памятников культурного наследия называет детские воспоминания о бабушкином доме и последующем разрушении семейной памяти из-за разрыва связи поколений. «Бабушка рассказывала о назначении тех или иных предметов в доме... Это будило детскую фантазию и интерес», – вспоминает она. Переход к действию произошел через осознание утраты: «Старшие родственники беспощадно сносили и перестраивали все, что осталось в детской памяти... Я была лишь молчаливым свидетелем. Только став взрослее, я поняла, что было безвозвратно утеряно». Мотивом ее активности она считает стремление восстановить справедливость и исправить ошибки. «Мы Иваны, не помнящие своего родства... мы сами фактически отказались от своего прошлого, а теперь упрекаем молодежь». Барьером оказывается непонимание окружающих – «перед ними не рухлядь, а наше прошлое». Таким образом, причиной участия в данной модели выступает утрата, мотивом – восстановление справедливости, а результатом – борьба за конкретный объект и формирование собственной гражданской позиции.

Творческая модель представлена женщиной-иконописцем, для которой причиной вовлечения стало детское эстетическое впечатление от иконы Рублева в музее, которую она увидела во время поездки с отцом в Москву. «Папа возил в Москву, водил по разным музеям. Очень понравилась икона Рублева... захотела научиться писать сама», – рассказывает она. При этом она подчеркивает, что «папа бессознательно меня простимулировал, подвел к делу всей моей жизни». Переход к действию произошел во время обучения в мастерской при поддержке наставников. «Теплая творческая атмосфера иконописной мастерской... Яков Константинович сказал, что я освоила навыки и могу работать самостоятельно». Мотивом становится профессиональная самореализация через сохранение традиции, как отмечает респондент, «иконопись – очень сложная профессия, ей надо заниматься только тому, кто не может этим не заниматься». Барьерами выступают отсутствие классического художественного образования, работа в мужской бригаде и физические трудности. Таким образом, триггером в этой модели выступают эстетическое впечатление и наставник, мотивом – творчество и служение, результатом – профессиональное восстановление икон, фресок и мозаики [3].

Институциональная модель представлена директором музейного объединения, для которого причиной включения в социокультурную деятельность стала гуманитарная семейная среда и осознание утраты аутентичности родного города. «Бабушка – учитель... создатель первого в стране музея поэта Николая Рубцова... В моей семье все читали, активно приобщали меня к тому же», – вспоминает он. «Переживание за утраченную красоту, желание вернуть хотя бы частичку ее... сформировало мою гражданскую позицию». Переход к действию произошел через первые собственные проекты – путеводитель по городу, «Утраченные храмы Тотьмы», «Кольцо исторической памяти». Мотивом становится просвещение и стремление «заразить» других. «Прежде всего – популяризация темы истории, наследия. Рассказать другим аудиториям... найти единомышленников». Барьерами оказываются сопротивление окружения и недоверие к молодому сотруднику без бэкграунда. Таким образом, триггером в этой модели выступает семейная среда и осознание утраты, мотивом – просвещение, результатом – институциональные проекты.

Несмотря на разные причины, все три траектории похожи по своей структуре. Триггером часто является детское впечатление, утрата или среда проживания, затем добавляется эмоциональное включение, приводящее к первому действию и рефлексии, что в итоге приводит к формированию гражданской идентичности. Показательно, что переход к активному участию происходит не под давлением внешних стимулов, а через внутреннюю работу с собственной памятью, что и

обеспечивает устойчивость мотивации. Именно поэтому механизмы вовлечения, опирающиеся только на институциональные инструменты (гранты, волонтерские программы), оказываются недостаточно эффективными, так как они не затрагивают личный уровень памяти. Восстановление культурного наследия выступает формой работы с собственной идентичностью, а личная биографическая память становится источником гражданского действия.

В заключение следует подчеркнуть, что работа с личной памятью выступает важным звеном национального возрождения России. Государственная культурная политика и деятельность некоммерческих организаций должны учитывать биографический опыт, семейную историю, включая работу с ней в краеведение, сторителлинг и школьные проекты. Работа с семейной памятью через биографические интервью, семейные архивы, опору на наставников и значимых взрослых, поддержка низовых инициатив, возникающих из личной утраты, – все это способствует пробуждению национального самосознания, поисков собственной идентичности, возрождению традиционных ценностей. Проработка механизмов вовлечения в социокультурную проектную деятельность, программ вовлечения молодежи должна учитывать, на каком этапе находится конкретный человек, какой тип поддержки ему необходим – работа с семейной памятью, наставничество или грантовая и фондовая поддержка. Гражданское участие в восстановлении культурного наследия – это не помощь государственным институтам и поддержка инициативы сверху, а путь национального возрождения сраны через личную память, биографии ее граждан, что и позволяет увидеть биографический подход.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

2. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Институт социологии РАН. – Москва : Институт социологии РАН, 1994. – 147 с.

3. Обидина, Ю. С. Личная аффективность в деле сохранения объектов культурного наследия: опыт лубинного интервью / Ю. С. Обидина, И. Э. Петрова // Русский Север-2026: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2026. – С. 526–532.

4. Arnstein, S. R. A Ladder of Citizen Participation / S. R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35, No. 4. – P. 216–224.

Пеструилов Андрей Сергеевич
канд. ист. наук, доцент, доцент
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

О РОЛИ СОТРУДНИКОВ НКВД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *в статье отмечается, что НКВД СССР на ряду с армией и флотом сыграл ключевую роль в достижении победы в Великой Отечественной войне. Память об этом важна не только с точки зрения исторической справедливости, но она оказывает значительное влияние на престижность профессии сотрудника органов внутренних дел, является действенным инструментом формирования ответственности и роста самосознания современных полицейских. В целях восстановления исторической правды в статье на основе изучения архивных документов описывается деятельность некоторых сотрудников органов НКВД СССР по Краснодарскому краю.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, партизанское движение на Кубани, Управление НКВД СССР по Краснодарскому краю, сотрудники НКВД.*

Прошло уже 86 лет с исторического момента, когда капитулировала фашистская Германия и была достигнута величайшая победа в самой страшной и кровопролитной войне, которая

легла в основу нового мироустройства. Память об этой победе и о ключевой роли советского народа в её достижении важна для самосознания русского народа: она объединяет нас, наполняет силой и ответственностью для дальнейшего развития «русского мира». В этой войне мы отстояли не только свою самостоятельность, но и свой образ жизни, свою систему ценностей, своё право участвовать в справедливой организации миропорядка, и это является мощным фундаментом, позволяющим преодолевать любые препятствия. Поэтому важно сохранять и передавать эту память новым поколениям, нельзя позволить забыть и переписать историю.

Достоверные данные о тех героических событиях, неимоверных лишениях, подвигах, проявлениях стойкости и благородства важны не только для народа и государства в целом. Они являются мощнейшим идеологическим и психологическим инструментом, формирующим престиж органов внутренних дел, обеспечивающим воспитание личного состава в духе благородства, самоотверженности и ответственности. В связи с этим представляется актуальным на конкретных примерах показать, что НКВД и его сотрудники – это полноправные участники Великой Отечественной войны, внёсшие значительный вклад в общую Победу.

Рассказывая о значении и вкладе партизанского движения в общую победу, зачастую обходят роль НКВД в его организации и функционировании, а она была во многом решающей. Проведённый анализ списочного состава партизанских отрядов Кубани показал, что количественно сотрудников милиции в рядах партизанских отрядов было немного, но они, как правило, занимали должность заместителя командира по разведке, хотя иногда становились командирами или комиссарами отрядов, и отвечали за разработку операций, подготовку легенд и вооружения, взаимодействие с особыми отделами военных частей армии и оперативными группами НКВД. Они обучали личный состав, готовя его к конкретным операциям, и зачастую сами их возглавляли.

В этом отношении необходимо отметить заместителя командира Новороссийского куста партизанских отрядов по разведке и связи – Анатолия Митрофановича Ечкалова. В большинстве мемуаров, посвящённых партизанскому движению на Кубани, встречаются тёплые слова, посвящённые Анатолию Митрофановичу, в партизанской среде известному под псевдонимом «Седой». Его характеризуют как профессионала, требовательного, но внимательного и отзывчивого руководителя, который заботился о своём личном составе и умел проводить операции «малой кровью». Он учил руководящий состав отряда выявлять шпионов и предателей, лично планировал и возглавлял многие наиболее важные операции [1; 2].

Так, под руководством заместителя командира Новороссийского партизанского куста по разведке Анатолия Ечкалова в конце октября 1942 года на перегоне между разъездом Горным и станцией Баканка партизаны отряда «Гроза» пустили под откос эшелон с двумя паровозами и 50 вагонами, гружёнными боеприпасами. На трое суток движение поездов было остановлено.

В ноябре Ечкалов получил и проверил разведданные о вновь появившихся и слабо защищённых подразделениях фашистов (505-й отдельный сапёрный батальон). Далее партизаны под его руководством окружили х. Новоалексеевский и стремительной атакой уничтожили врага. Было убито около 100 фашистов, захвачено много оружия, в том числе 3 пулемёта. Потерь среди партизан практически не было. Сказались внезапность и хорошая подготовка операции.

Чуть позже товарищ «Седой» уже в составе Ивановского партизанского отряда бил врага в столкновении за станицу Азовскую. Бой длился более 10 часов, было уничтожено более 150 фашистов [3, с. 49–55].

Ещё одним примером доблести и отваги стал Александр Анатольевич Коновалов, до войны возглавлявший отделение милиции в порту г. Новороссийска. Он стал сначала помощником командира партизанского отряда «Норд-Ост», а потом руководил партизанским отрядом «За родину». 4 октября 1942 года группа партизан подкараулила и уничтожила штабной автобус фашистов, была ликвидирована группа офицеров, в том числе группенфюрер СС (генеральское звание) Белинберг.

28 октября 1942 года Коновалов А. А. организовал нападение на расположившийся в пос. Верхнебаканском интендантский штаб врага, в ходе которого было уничтожено много гитлеровцев, 7 офицеров, а также преданы огню значительные запасы фуража.

Партизанские отряды в Краснодарском крае действовали фактически во фронтовой и прифронтовой зонах, и это обусловило особенности использования партизан. Очень часто они воевали на передовой наряду с обычными воинскими частями – это были наиболее сложные направления. Например, увязнув под Новороссийском, враг предпринял попытку пройти через горы на г. Сочи, но в районе Гузерипля был остановлен пограничниками, которым на помощь пришли пять партизанских отрядов. Эту преграду фашистам преодолеть не удалось.

Бывало и наоборот: партизаны инициативно начинали оборону важных направлений и только со временем получали поддержку от частей регулярной армии. Так, в районе г. Абинска действовала группа партизанских отрядов, действия которых направлял и координировал совет из начальника Абинского РО НКВД Печерицы Г. К., начальника Славянского районного отдела милиции Парфентьева А. И. и секретаря РК ВКП(б) станицы Черноерковской Ярошенко. Общее руководство вышеуказанными партизанскими отрядами осуществлял Печерица Г. К. Им стало известно, что противник, пытаясь выйти к морю, обнаружил путь по Ахтырскому ущелью через станицу Эриванскую на г. Геленджик. Этот манёвр мог отрезать защитников г. Новороссийска и осложнить оборону г. Туапсе. Но партизаны вовремя получили информацию и сумели своими силами перекрыть ущелье и не пропустили врага.

В воспоминаниях Георгия Кузьмича Печерицы об операции в Ахтырском ущелье рассказано более подробно. Бой за выход к ущелью начался с ожесточённой бомбёжки проходов в горах в течение 3–4 часов. «…После этого под прикрытием танков двинулась пехота. Партизаны внезапным огнём нанесли им ощутимый удар и урон в живой силе, и остатки их поспешно бежали в Холмскую… Через несколько дней враг повторил попытку штурмом взять ущелье, выйти на дорогу в сторону станицы Эриванской. Однако и эта акция гитлеровцев потерпела крах. Ахтырский, Черноерковский, Славянский и другие партизанские отряды успешно отбили все атаки врага и принудили его вернуться назад. Потерпев неудачу в попытке прорваться в горы, противник перешёл к обороне. Он стал строить укрепления, блиндажи, окапываться, устанавливать орудия и миномёты. С этого времени в предгорьях Абинского района начинается позиционная война. В начале сентября 1942 года к нам прибыли части Красной армии, которые заняли прочную оборону на важном Кавказском направлении. Гитлеровцам не удалось в этом районе прорваться в горы» [4, с. 64].

Участие в боевых действиях наравне и вместе с подразделениями регулярной армии вообще характерно для партизанских отрядов Краснодарского края, а организация и руководство такими действиями часто лежали на сотрудниках НКВД. Это видно из приведённых выше примеров.

Список литературы

1. Сергей Платонов. Товарищ Седой. Документальный очерк // Сайт газеты «Вольная Кубань». – URL: https://gazetavk.ru/?d=2019–05–23&r=28&s=25440 (дата обращения: 14.10.2026). – Текст : электронный.

2. Трубицын, А. В. Деятельность партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны на территории Абинского района (презентация) / А. В. Трубицын. – Абинск, 2025 // Сайт администрации Абинского района. – URL: https://abinskiy.ru/wp-content/uploads/2025/08/Partizanskoe-dvizhenie-v-Abinskom-rajone.pdf (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

3. Пеструилов, А. С. Роль НКВД по Краснодарскому краю в организации партизанского движения во время Великой Отечественной войны: учебное пособие / А. С. Пеструилов, А. А. Астахова. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2025. – 76 с.

4. Печерица, Г. К. О боевых действиях партизанских отрядов Абинского района // ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 927: Печерица, Г.К. Абинская в огне / Г.К. Печерица // Партизанские были. Воспоминания кубанцев-партизан Великой Отечественной войны. – Краснодар : Кн. изд-во, 1975. – С. 57–102.

Пушкин Александр Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ ЧУВАШИИ В 1920-е гг.: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена исследованию роли национального состава в процессе формирования партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. Особое внимание при этом уделено влиянию коренизации в развитии партийно-советского образования, а также в деятельности партийных и хозяйственных органов управления. В результате выявлено, что последовательная подготовка специалистов для Чувашии позволила включить их в управленческую деятельность и способствовала увеличению возможностей занимать должности в партийных и советских органах, продвигаться на руководящие посты и участвовать в управлении автономией. В процессе становления партийных кадров Чувашской АССР в 1920-е гг. отдельно разграничиваются сведения о национальности работников, их партийной принадлежности и участии в системе партийного образования.*

Ключевые слова: *Чувашская АССР, Чувашская автономная область, партийные кадры, национальный состав, коренизация, национальная политика, партийное образование.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения национального представительства в партийных и государственных структурах Чувашской автономии в период становления национальной государственности. Анализ кадрового состава позволяет определить, насколько политика коренизации способствовала привлечению представителей чувашского народа к управлению автономией. Создание Чувашской автономной области в 1920 г. поставило перед местными партийными и советскими органами задачу сформировать управленческий аппарат, способный осуществить решения власти в регионе с преимущественно чувашским населением. Ревком приступил к созданию постоянных органов управления, центральное место среди которых занимал Областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вместе с тем при формировании нового аппарата Ревком столкнулся с острой нехваткой подготовленных работников. В работах, посвященных кадровым вопросам Чувашской автономии в 1920-е гг., формирование управленческих кадров характеризуется как «тактика затыкания дыр», при которой «несколько государственных постов занимал один и тот же работник» [12, с. 31].

Преодолеть дефицит квалифицированных работников и решить в регионе задачи государственного строительства можно было лишь с созданием национального состава партийно-государственного аппарата. В историографии коренизация характеризуется как курс на привлечение представителей национальностей региона к управлению и использование национального языка в работе учреждений [3, с. 21]. Привлекая представителей чувашского населения к управлению автономией, органы центральной власти могли осуществить более тесное взаимодействие с местным населением. Кроме того, использование чувашского языка в административной работе позволяло учитывать национальные и социально-культурные особенности региона при проведении государственной политики. С этой целью при поступлении в местную совпартшколу от рабочих и крестьян требовалось знание чувашского языка [12, с. 32]. Подготовка собственных национальных управленческих кадров должна была, тем самым, способствовать укреплению советских органов на местах и повышению эффективности их деятельности.

В региональной историографии вопросы формирования партийных и управленческих кадров Чувашской автономии рассматривались в работах А. Д. Борцова, Г. Н. Никифорова и В. Ф. Фёдоровой [1], К. Н. Васильевой и Е. К. Минеевой [3], С. В. Гончаровой [9], А. В. Желобанова и Е. К. Минеевой [12]. Вместе с тем сопоставление национального состава партийных органов, управленческих структур и подготовленных кадров остаётся недостаточно разработанной темой и требует дальнейшего изучения.

Цель исследования заключается в характеристике основных направлений изменения национального состава партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. и определении роли коренизации, кадрового отбора и профессионального обучения в этом процессе. При анализе статистики важно различать национальность сотрудников, их членство в партии и занимаемую ими должность: каждый из этих показателей описывает отдельную сторону кадровой структуры.

Одним из направлений национальной политики в первые годы существования автономии стало вовлечение местного населения в советское государственное строительство. Эта установка нашла отражение в обращении Чувашского ревкома от 6 июля 1920 г., адресованном «ко всей чувашской бедноте, чувашским трудящимся и ко всем трудящимся области» [12, с. 31]. В документе подчёркивалась необходимость привлечения населения «в работу по советскому и коммунистическому строительству с тем, чтобы каждый бедняк привыкал к управлению государством» [12, с. 31]. Содержание обращения свидетельствует о стремлении советской власти расширить участие местных жителей в управленческих процессах и создать социальную основу для дальнейшего формирования национальных кадров региона. Вовлечение населения рассматривалось как одно из условий становления системы управления в Чувашской автономии.

К середине десятилетия партийная сеть уже приобрела значительный масштаб. Так, например, по данным издания А. Д. Борцова, Г. Н. Никифорова и В. Ф. Фёдоровой, в 1925 г. в 109 партийных ячейках республики состояли на учёте «2467 коммунистов» [3, с. 25]. Более конкретное представление о национальном составе партийной организации дают статистические сведения за 1925–1927 гг. Из которых следует, что на 1 января 1925 г. из 1300 членов и кандидатов Чувашской областной партийной организации 944 человека, или 72,6%, составляли чуваши. На 1 января 1926 г. их численность достигла 1419 человек из 2464 (57,6%), а на 10 января 1927 г. – 1528 из 2463 (62,0%) [14, л. 4]. Снижение доли чувашей в 1926 г. не свидетельствовало об уменьшении их численности. За год она увеличилась на 475 человек. Однако общая численность партийной организации росла более быстрыми темпами, что и обусловило изменение процентного соотношения. В следующем году при практически неизменной общей численности организации количество чувашей вновь увеличилось, что привело к росту их доли до 62%. Несмотря на колебания процентных показателей, представители чувашского народа на протяжении рассматриваемого периода составляли абсолютное большинство партийной организации. Это свидетельствует о значительном национальном представительстве чувашей в партийной структуре автономии, хотя его доля не оставалась неизменной. Значительным было представительство чувашей и в руководящих партийных органах: в 1925 г. они составляли 88,2% членов пленума обкома, в 1926 г. – 82,6%, в 1927 г. – 83,6%. Среди членов бюро партийных ячеек и волостных комитетов их доля в 1925 г. достигала 59,0% [14, л. 6]. Приведённые данные свидетельствуют о значительном представительстве чувашей в партийной организации и её руководящих структурах. Вместе с тем, эти показатели характеризуют национальный состав партийных органов и не могут автоматически распространяться на весь партийно-государственный аппарат.

Национальный состав партийной организации не следует отождествлять с национальным составом управленческого аппарата государственных учреждений. Вопрос о национальном представительстве среди руководящих кадров затрагивался в работах по истории органов власти Чувашской автономии. Так, К. Н. Васильева и Е. К. Минеева, опираясь на

исследование Т. В. Немцевой, отмечали, что половину руководящих постов в партийных и государственных органах, отделах Чувашского облисполкома и областных учреждениях занимали члены и кандидаты в члены РКП(б), «тогда как представители же чувашской национальности среди них составляли меньшую часть» [13, с. 155–156]. Данное соотношение характеризует положение в управленческом аппарате рассматриваемого периода и не противоречит сведениям о высоком представительстве чувашей в партийных органах середины 1920-х гг. Оно показывает, что коренизация партийной организации и изменение национального состава государственного аппарата представляли собой взаимосвязанные, но не совпадавшие по темпам процессы.

Коренизация выступала одним из направлений национальной политики советской власти. В национальных автономиях она предполагала расширение участия представителей местных народов в управлении, привлечение их к работе учреждений и подготовку национальных специалистов. «В связи с этим было принято решение о привлечении к управлению представителей национальностей в регионах, переводе делопроизводства на национальный язык» [3, с. 22]. Для Чувашии это имело практическое значение, так как при комплектовании местной совпартшколы учитывалось знание чувашского языка, необходимое для последующей работы среди населения [12, с. 32].

Коренизация проводилась в условиях нехватки опытных работников. В начале 1920-х гг. кадровое обеспечение органов власти в основном пополнялось за счёт приглашённых специалистов и работников, направленных из других регионов страны. Например, к ноябрю 1920 г. в Чувашию прибыло свыше 120 партийных и советских работников…, среди которых были агитаторы Чувашского отдела при Наркомнаце – С. И. Перцев, П. М. Верхунов, Г.И. Ильин, М.И. Левин и др.». Одновременно ставилась задача подготовки местных кадров [3, с. 24]. При выдвижении на ответственные должности партийная принадлежность сохраняла значение. Члены РКП(б) имели преимущества. Вместе с тем, кадровый дефицит вынуждал привлекать к управлению и беспартийных работников, зарекомендовавших себя добросовестным отношением к труд. Как отмечала С. В. Гончарова, в условиях нэпа от сотрудников требовались «не только умение командовать и выполнять приказы, но и компетентность, экономическая или хотя бы общеобразовательная подготовка сотрудников» [9, с. 39]. Поэтому темпы выдвижения работников из чувашей зависели от наличия подготовленного резерва и потребностей конкретных учреждений.

Материалы С. В. Гончаровой показывают, что в хозяйственных органах Чувашии кадровая политика в 1920-е гг. сочетала политические требования с практической необходимостью привлекать работников, способных обеспечить текущую деятельность учреждений. В январе 1923 г. областной комитет РКП(б) отмечал, что «состав Областного исполкома исключительно партийный, в важнейших хозяйственных органах (Совнархозе, земельном управлении, финансовом отделе и др.) имеются партийные руководители» [9, с. 38]. Однако дефицит коммунистов и специалистов не позволял комплектовать все должности исключительно членами партии.

В исследовательской литературе по данному вопросу, в частности отмечается, что в эти годы допускалось назначение работников «не считаясь с тем, беспартийный или партийный данный товарищ» [9, с. 38], с чем, безусловно, можно согласиться. В 1921 г. десять из пятнадцати отделов Совета народного хозяйства ЧАО «возглавляли беспартийные» [9, с. 39]. Указанные сведения относятся к партийной принадлежности руководителей. Они позволяют увидеть, насколько остро стояла проблема кадрового обеспечения, и почему продвижение местных специалистов зависело от наличия профессионально подготовленного резерва.

Важным механизмом коренизации стала партийно-советское образование. В 1920-е гг. была сформирована система политической учёбы, «состоявшая из трех звеньев: совпартшкол (I и II ступени) и коммунистических вузов» [12, с. 31]. Каждая ступень имела определённое назначение: школы I ступени «занимались подготовкой руководящих кадров на местах»,

тогда как школы II ступени «готовили кадры для среднего руководящего партийного и советского звена» [12, с. 31]. Коммунистические университеты обеспечивали подготовку высшего руководящего состава, поскольку «окончание данного учебного заведения позволяло занять высшую руководящую должность» [12, с. 31].

Приём в совпартшколы осуществлялся с учётом установленных требований. В частности, в школы I ступени принимались активно проявившие себя рабочие и крестьяне, «умевшие читать и писать и прошедшие курс политграмоты» [12, с. 32]. Подготовка будущих партийно-государственных работников сопровождалась определёнными трудностями. Исследователи отмечают, что у выходцев из рабочих и крестьянских слоёв населения отсутствовали привычки «к систематической умственной работе» [12, с. 32]. Поэтому организация учебного процесса предполагала адаптацию методов преподавания к образовательному уровню курсантов, развитие у них навыков анализа и обобщения, а также способности применять полученные знания на практике.

Таким образом, система партийно-советского образования являлась одним из инструментов формирования кадрового резерва. Разделение учебных заведений на несколько ступеней позволяло готовить работников для различных уровней управления. Вместе с тем, необходимость восполнения недостаточной общеобразовательной подготовки курсантов указывает на то, что формирование квалифицированных партийно-государственных кадров представляло собой постепенный процесс, требовавший времени и последовательной образовательной работы.

Подготовка национальных кадров проводилась и за пределами автономии. В специальной группе Коммунистического университета трудящихся Востока, предназначенной для подготовки преподавателей, владевших языками студентов, шестеро из двенадцати обучавшихся являлись чувашами. «В Москве обучались 30 чувашских курсантов» [12, с. 32]. В 1925–1926 гг. в коммунистических университетах числилось «37 курсантов из Чувашии, из них 35 были представителями чувашского народа» [12, с. 34]. Приведённые сведения свидетельствуют о значительном представительстве чувашей среди курсантов, направлявшихся на обучение в управленческие учебные заведения. Особенно показателен состав обучавшихся в 1925–1926 гг. в коммунистических университетах. Это позволяет рассматривать систему партийно-советского образования как один из каналов формирования национального кадрового резерва автономии. Вместе с тем, данные об учащихся характеризуют процесс подготовки будущих работников и не дают оснований делать выводы о национальном составе всего партийно-государственного аппарата.

В течение десятилетия усиливалось партийное присутствие и в хозяйственных органах. По данным С. В. Гончаровой, в земельном управлении Чувашской автономной области беспартийные в 1922 г. составляли 93% сотрудников; к 1924 г. доля членов РКП(б) и комсомольцев достигла 16%. В Наркомате земледелия ЧАССР коммунисты составляли 11% работников в 1925 г. и 18% в 1929 г. Изменение кадровой ситуации было связано с увеличением численности партийной организации. Как отмечает исследователь, «с 1925 г. дефицит партийных кадров в ЧАССР в связи с увеличением числа членов в партии стал менее острым» [9, с. 39]. К 1930 г. большинство руководящих должностей в органах хозяйственного управления республики занимали коммунисты.

Одновременно с этим, укрепление партийного присутствия сопровождалось высокой сменяемостью руководящих работников. В 1920–1929 гг., например, неоднократно менялись руководители земельных и промышленных органов власти, а в Чувашской партийной организации в 1920–1926 гг. сменилось девять ответственных секретарей обкома. Масштаб кадровой нестабильности отражала продолжительность пребывания руководителей на своих должностях: «В среднем руководители органов управления народным хозяйством задерживались на своем посту не более 1–1,5 года» [9, с. 38]. Частая смена руководителей затрудняла закрепление подготовленных работников на ответственных должностях и препятствовала формированию устойчивого управленческого слоя.

Следовательно, в 1920-е гг. происходило постепенное укрепление партийного влияния в системе хозяйственного управления Чувашии, что сопровождалось расширением практики назначения коммунистов на руководящие должности. Однако увеличение числа партийных работников не означало автоматического изменения национального состава управленческого аппарата. Высокая сменяемость руководителей затрудняла закрепление подготовленных специалистов на занимаемых должностях и делала процесс формирования постоянного кадрового состава менее устойчивым. В этих условиях выдвижение представителей чувашской национальности зависело от наличия подготовленных специалистов, их профессиональных качеств и возможностей продвижения внутри партийно-государственной системы.

Формирование национального состава партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. происходило постепенно и было непосредственно связано с политикой коренизации, развитием национального образования и привлечением местного населения к управлению. Представленные статистические данные свидетельствуют о значительном представительстве чувашей внутри партийной организации. Ещё более заметным было их присутствие в отдельных руководящих партийных органах: доля чувашей в составе пленума обкома в 1925–1927 гг. составляла от 82,6 до 88,2%. Представители чувашского народа занимали существенное место в партийной структуре автономии, в том числе на региональном руководящем уровне.

Важным условием этого процесса стала подготовка национальных кадров. Высокая доля чувашей среди курсантов коммунистических учебных заведений показывает, что система партийно-советского образования служила одним из основных каналов формирования местного кадрового резерва. Национальный состав партийной организации, учебных групп и государственных учреждений не был одинаковым. Привлечение специалистов из других регионов, недостаток квалифицированных местных работников и частая сменяемость руководителей влияли на темпы изменения состава управленческого аппарата. Поэтому увеличение представительства чувашей в партийных органах нельзя автоматически рассматривать как свидетельство аналогичных изменений во всех государственных и хозяйственных учреждениях автономии.

В целом к концу 1920-х гг. представители чувашского народа заняли заметное место в партийной организации и её руководящих структурах. Коренизация создала условия для расширения их участия в управлении автономией и постепенного изменения национального состава партийно-государственного аппарата. Однако этот процесс протекал неравномерно: национальное представительство в партийных органах развивалось быстрее, чем происходило обновление кадрового состава отдельных государственных и хозяйственных учреждений. Именно это различие позволяет рассматривать формирование национальных кадров как самостоятельный и продолжительный процесс в истории Чувашской автономии.

Список литературы

1. Борцов, А. Д. Чувашская областная организация КПСС за 60 лет (цифры и факты) / А. Д. Борцов, Г. Н. Никифоров, В. Ф. Федорова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 80 с.

2. Васильева, Ж. С. Подбор и расстановка кадров в областном суде Чувашской автономной области в 1923–1924 гг / Ж. С. Васильева // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста (Чебоксары, 3–4 декабря 2013 г.). – Чебоксары, 2014. – С. 222–228.

3. Васильева, К. Н. Управленческие кадры Чувашской автономии в 1920–1930-е гг.: к историографии вопроса / К. Н. Васильева, Е. К. Минеева // Журнал исторических исследований. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 21–28.

4. Васильева, О. Н. Кадровая проблема и попытки ее разрешения в процессе формирования государственного аппарата Чувашской автономной области / О. Н. Васильева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2019. – Т. 5, № 3 (19). – С. 207–215.

5. Васильева, О. Н. Областные органы власти Чувашской автономной области (1920–1925 гг.): в поисках оптимальной структуры государственного аппарата / О. Н. Васильева, Е. К. Минеева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2019. – № 4 (52). – С. 79–87.

6. Васильева, О. Н. Формирование аппарата государственного управления Чувашской автономной области во второй половине 1920 года / О. Н. Васильева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сборник трудов Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 22 марта 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 184–189.

7. Васильева, О. Н. Формирование и деятельность областных органов государственной власти Чувашской автономии в 1920–1925 гг. : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Н. Васильева. – Чебоксары, 2020. – 284 с.

8. Гимпельсон, Е. Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 61–67.

9. Гончарова, С. В. Члены коммунистической партии в системе органов управления народным хозяйством Чувашии в 1920-е годы / С. В. Гончарова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 37–40.

10. Дробижев, В. З. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР: (некоторые результаты обработки с помощью ЭВМ материалов переписи служащих советских учреждений в 1918 г.) / В. З. Дробижев, Е. И. Пивовар // Вопросы истории КПСС. – 1985. – № 4. – С. 105–117.

11. Желобанов, А. В. Подготовка управленческих кадров в автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг.: обзор современной историографии / А. В. Желобанов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2 (42). – С. 119–133.

12. Желобанов, А. В. Подготовка управленческих кадров в Чувашской автономии в 1920-е гг / А. В. Желобанов, Е. К. Минеева // Центр и периферия. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 30–37.

13. Немцева, Т. В. Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.) : дис.... канд. ист. наук / Т. В. Немцева. – Чебоксары, 2002. – 241 с.

14. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 32. – Д. 111. – Л. 4, 6.

Титова Екатерина Валерьевна
канд. ист. наук, учитель
ОГАОУ «Центр образования «Ступени»
г. Биробиджан, Еврейская автономная область

DOI 10.31483/r-170898

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СПОРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Аннотация: *статья посвящена теоретическому осмыслению исторической памяти как ресурса национального возрождения и площадки диалога культур. На примере внутриполитической деятельности Александра Невского и историографических споров вокруг его компромиссов с Золотой Ордой рассматривается, как память о прошлом становится полем борьбы интерпретаций и одновременно инструментом консолидации общества. Анализируются механизмы формирования образа князя в летописной традиции и общественном сознании, дискуссионные практики рецепции его наследия, а также роль компромиссных моделей власти XIII века в осмыслении современных проблем централизации, взаимодействия центра и региональных элит, межкультурного диалога. Показано, что плюрализм историографических трактовок не разрушает, а обогащает историческую память, создавая основу для содержательного диалога культур и национального возрождения.*

Ключевые слова: *историческая память, национальное возрождение, диалог культур, Александр Невский, Новгород, Золотая Орда, историографическая дискуссия, социальные практики памяти, компромисс, национальная идентичность.*

Актуальность исследования.

Историческая память сегодня выступает не просто хранилищем прошлого, а действующим фактором национального возрождения и инструментом диалога культур. Образы исторических деятелей, закреплённые в коллективном сознании, определяют самоощущение

нации, её представления о собственных стратегиях выживания и развития. Яркий пример – фигура Александра Невского: его правление до сих пор оценивается неоднозначно, а сложные компромиссы с монгольской властью, обеспечившие относительную стабильность русских земель, продолжают порождать общественные и научные споры.

Именно на стыке памяти и историографии разворачивается ключевая проблема: как общество осмысляет вынужденные компромиссы прошлого – как прагматизм, спасший народ, или как капитуляцию, отсрочившую его возрождение? Ответ на этот вопрос напрямую влияет на современную идентичность. Кроме того, анализ внутренней политики князя – урегулирования отношений с новгородской боярской знатью и органами местного самоуправления – позволяет показать, как историческая память о механизмах компромисса работает в современном государственном управлении, где диалог центра и регионов остаётся вечной проблемой.

Цель работы – теоретически осмыслить историческую память как фактор национального возрождения и диалога культур через анализ дискуссионных аспектов внутриполитической деятельности Александра Невского и практик рецепции его наследия.

Задачи исследования.

1. Уточнить теоретические подходы к понятиям «историческая память», «национальное возрождение», «диалог культур» и их взаимосвязь.

2. Охарактеризовать исторический контекст XIII века как источник памяти о вынужденных компромиссах русской власти.

3. Проанализировать дискуссионные сюжеты внутренней политики Александра Невского (взаимоотношения с Новгородом, переписи, сбор дани) как объект историографической полемики.

4. Систематизировать историографические и общественные трактовки компромиссов князя с Ордой как проявление плюрализма исторической памяти.

5. Выявить социальные практики работы с памятью о Александре Невском и их значение для национального возрождения и межкультурного диалога.

Объект исследования – историческая память о политической деятельности Александра Невского в научном и общественном сознании.

Предмет исследования – дискуссионные аспекты внутриполитической деятельности князя и социальные практики их осмысления как факторы национального возрождения и диалога культур.

Теоретическое осмысление проблемы.

Историческая память понимается в работе как многослойный феномен, включающий научную историографию, публичную рецепцию прошлого и повседневные социальные практики – от памятных до образовательных программ. Её роль как фактора национального возрождения состоит в том, что переосмысление прошлого даёт обществу опору для самоопределения в настоящем. Диалог культур при этом выступает условием здоровой памяти: чем больше легитимных трактовок прошлого сосуществуют в общественном поле, тем устойчивее национальная идентичность.

Анализ механизмов взаимодействия центральной власти с региональными элитами и способов достижения компромиссов в сложных политических условиях служит ориентиром и для современности. Успешное руководство в условиях давления требует не только силы, но и умения выстраивать диалог, учитывать интересы сторон и адаптироваться к меняющейся ситуации. В этом смысле историческая память о политике Александра Невского – не музейный экспонат, а живой ресурс политической культуры [2].

Методологическая основа. Понимание особенностей внутренней политики Александра Невского требует комплексного подхода, поскольку само явление представляет собой многомерный политический и социальный феномен. Используются: анализ летописей и письменных источников эпохи, позволяющий реконструировать обстоятельства с учётом взглядов современников и выявить особенности восприятия политики князя в различных регионах и социальных слоях (при критическом учётом идеологических установок источников);

сравнительный подход, сопоставляющий практики Александра с процессами в других княжествах под монгольским владычеством; историко-аналитический метод, выявляющий причинно-следственные связи между внутренними инициативами и внешнеполитическими результатами. Дополнительно применяются приёмы изучения памяти (memory studies): анализ того, как и почему образ князя переописывался в разные эпохи.

Историографические дискуссии: память как поле интерпретаций.

Оценка внутриполитической деятельности Александра Невского занимает видное место в исторической науке, порождая полярные точки зрения о характере его компромиссов с Золотой Ордой. Для целей данного исследования историографический спор важен не сам по себе, а как показатель того, как работает историческая память [1–7].

Первая позиция: князь-прагматик. Ряд исследователей рассматривает Александра как умелого политика, ставившего во главу угла сохранение целостности русских земель через дипломатические уступки и сотрудничество с монгольскими властями. Стратегия князя трактуется как выверенная и направленная на минимизацию разрушений, что позволило сохранить устои социальной и политической системы при условии признания внешнего господства. В общественной памяти эта линия закрепилась в героизированном образе защитника Руси.

Вторая позиция: политика капитуляции. Другие историки подчёркивают, что политика Александра имела черты капитуляции перед ордынской властью, ослабляла патриотические стремления и, по их мнению, закрепляла зависимость русских княжеств. Компромиссы не воспринимаются как вынужденные меры, а критикуются как проявление недостаточной решимости в противодействии внешнему угнетению; такая позиция могла в долгосрочной перспективе ослабить национальные силы и отсрочить формирование независимого русского государства. С точки зрения ретроспективы это альтернативный, «контрмнемонический» пласт памяти – критическая традиция, противостоящая официальному канону [3].

Третья позиция: комплексный взгляд. Третья группа исследователей отмечает двусмысленность образа князя: он одновременно реализовывал прагматичную внешнюю политику и укреплял внутреннее единство. Компромисс с Ордой рассматривается не как принятие порабощения, а как временный тактический шаг, необходимый для выживания; подобная политика стала ключевым этапом перехода от раздробленности к более централизованному русскому государству.

Таким образом, центральной дилеммой остаётся противостояние между необходимостью удержания власти и сохранения структур управления – и стремлением к национальному сопротивлению внешнему давлению. Существование трёх конкурирующих трактовок демонстрирует ключевой теоретический тезис статьи: историческая память не монофонична, а её плюрализм является признаком зрелого национального самосознания и основой диалога позиций внутри самого общества.

Исторический контекст: источник коллективного опыта.

XIII век стал эпохой масштабных потрясений для русских земель. Монгольское нашествие, начавшееся с походов Батыя в 1237–1240 годах, коренным образом изменило политическую и социальную структуру Древней Руси. Раздробленное на множество удельных княжеств, государство оказалось под давлением Золотой Орды, наложившей на княжества обязанность выплаты дани и признания своего господства. Период ознаменовался выстраиванием новой формы отношений с ордынской администрацией, где ключевую роль играла готовность князей к политическим компромиссам. Именно этот опыт – выживания через компромисс – и закрепился в исторической памяти как один из определяющих сюжетов национальной истории [4].

В условиях внешней угрозы внутри русских земель сохранялась высокая степень раздробленности. Особое место занимал Новгород – торговый и политический центр с древними традициями самоуправления, где власть формировалась вокруг веча и влиятельной боярской знати. К XIII веку республика обладала устойчивой системой управления, основанной на

взаимодействии князя и веча, однако борьба между боярскими группировками обострялась на фоне сужения пространства для манёвра. Монгольское иго требовало не просто выплаты дани, но и участия в ордынской системе управления – через получение ярлыков; это формировало в Новгороде напряжённость между традиционным вечевым устройством и необходимостью централизованной мобилизации ресурсов. В памяти последующих веков Новгород остался символом вольности – а противостояние князя и веча стало одним из устойчивых сюжетов национального мифа о власти и свободе.

Дискуссионные сюжеты внутренней политики.

Князь и город. Отношения Александра с Новгородом отличались от типичных княжеских связей с городами того времени: князь выступал не просто как правитель, навязанный извне, а как политический защитник и опора новгородской земли перед лицом внешних угроз. Это создавало сложный формат взаимодействия – одновременно союзничества и контроля, попытки сохранить специфическую свободу Новгорода и укрепить княжескую власть. Основа сотрудничества – гибкость князя и его умение выстраивать отношения с боярской знатью: он не навязывал жёсткий контроль, а поддерживал торговые связи и права новгородской аристократии, что обеспечивало лояльность ключевых социальных групп. Репутация полководца, неоднократно предотвращавшего внешние военные угрозы, формировала образ князя, готового защищать интересы всей общины; институциональной опорой стало поощрение участия боярства в вопросах управления и финансирования обороны города. В социальные практики памяти этот сюжет вошёл как модель «договора» власти и общества – один из самых востребованных образов в публичной рецепции эпохи.

Перепись и дань. Для обеспечения регулярной уплаты дани Орде Александр внедрял механизмы контроля над экономическими ресурсами Новгорода. Ключевой мерой стала организация переписи населения – нововведение для северо-запада Руси с его децентрализованной системой хозяйствования; перепись дала точные данные о населении и имущественном положении, став основой для более справедливого распределения налогового бремени. Регулярные сборы дани осуществлялись через наместников и детей боярских, ответственных за конкретные районы, что сокращало возможности для произвольных поборов. Перепись одновременно выполняла административные функции: формировала отчётность перед княжеской властью и создавала систему подотчётности, ранее неразвитую в условиях вечевого управления. В памяти потомков эти меры интерпретировались двояко: современники и летописцы видели в них ограничение новгородской автономии, тогда как с позиций внешней политики они были необходимы для упорядочения финансовых отношений с Ордой. Эта двойственность – «угнетение или управленческая необходимость» – до сих пор воспроизводится в учебной и публицистической практике, демонстрируя живучесть альтернативных пластов памяти [5–6].

Память о внутренней устойчивости как основа внешнеполитического выбора.

Внутреннее управление и внешнеполитические решения Александра представляли собой взаимозависимую систему: стабильность внутри княжества была фундаментом гибкой внешней стратегии. Обеспечение стабильных источников финансирования, компромиссы с боярством и управленческий контроль над новгородскими землями были предпосылками переговоров с Ордой; они позволяли князю не только выполнять обязательства, но и выстраивать отношения, минимизировавшие военное противостояние. Внутренняя устойчивость служила сигналом внешним партнёрам о готовности к конструктивному диалогу. Внутренняя политика выступала не фоном, а активным инструментом внешней тактики.

Для теоретического осмысления исторической памяти это значит, что память фиксирует не только события, но и саму логику решений: общество запомнило, что выживание было оплачено компромиссом, и с тех пор спорит о цене этого компромисса. Противоречия в оценках стратегии взаимодействия с внешними акторами коренятся в компромиссах внутренней политики – и именно понимание этих нюансов позволяет выявить тонкие грани между прагматизмом и принятием жёстких ограничений [2].

Социальные практики памяти: от мифа к диалогу.

Социокультурная рецепция образа Александра Невского представляет собой многослойную практику: церковная канонизация и агиографическая традиция; военно-героический канон, закрепившийся в публичной культуре (орден имени князя, посвящённые ему памятники и кинематограф); образовательные и музейные практики; современные общественные дискуссии, в которых воспроизводится весь спектр историографических позиций – от апологетики до критики. Сравнительный анализ восприятия разных князей эпохи ига показывает уникальность рецепции Александра: сочетание централизации и уважения к новгородским традициям обеспечило ему особое место в памяти, позволившее стать символом одновременно защиты от Запада и сосуществования с Востоком [4].

Такая многослойность делает образ князя площадкой диалога культур. Память о компромиссе с Ордой помогает современному обществу осмыслять опыт сосуществования с восточными цивилизациями, а память о отражении западной экспансии – опыт культурного самоутверждения. Практики памяти, в которых сосуществуют героический и критический пласты, выполняют функцию национального возрождения: они не замалчивают сложность прошлого, а учат работать с ней.

Уплата дани Орде, хотя и воспринималась частью историков как форма политической капитуляции, была частью прагматического подхода к сохранению относительной автономии и минимизации разрушений; эта политика позволила избежать военных конфликтов, укрепить обороноспособность и создать предпосылки для последующего консолидационного процесса в русских княжествах. Практическое значение исследования состоит в возможности использования этого исторического опыта для понимания механизмов устойчивости власти в условиях внешнего давления и внутренних противоречий.

Заключение.

Проведённое исследование подтверждает, что политика Александра Невского была результатом тщательно взвешенных внутренних решений, направленных на сохранение русских земель в условиях сложного взаимодействия с Золотой Ордой. Восприятие его правления не может быть однозначным: всё больше исследователей склоняется к рассмотрению князя как дипломата и прагматика, умело балансировавшего интересы противоборствующих сторон.

С позиций темы исторической памяти это означает, что наследие Александра Невского работает как фактор национального возрождения именно благодаря своей полифонии. Историографический спор – от образа защитника Руси до трактовки капитуляции – не разрушает национальную идентичность, а придаёт ей глубину: общество, способное удерживать несколько правдивых трактовок собственного прошлого, устойчивее к манипуляциям и открытее к диалогу. Память о князе соединяет в себе и опыт сопротивления (Нева, Ледовое побоище), и опыт сосуществования с Востоком, что делает её естественным мостом диалога культур.

Деятельность Александра Невского остаётся предметом дальнейших дискуссий, однако очевидно, что её последствия заложили основы последующего исторического развития и укрепления русской государственности, а её осмысление – важный ресурс и для науки, и для общественной практики национального возрождения.

Список литературы

1. Козулин, В. Н. Образ Александра Невского в отечественной исторической литературе / В. Н. Козулин // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2019. – № 35. – С. 49–55.

2. Кривошеев, Ю. В. Деятельность экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища в 1957–1958 гг. По материалам архивных данных / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 82–92.

3. Кривошеев, Ю. В. Ледовое побоище 1242 года: исследователи и исследования / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2014. – № 1 (15). – С. 3–10.

4. Кривошеев, Ю. В. Феномен национального героя в общественном сознании и идеологии (на примере Александра Невского) / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 15. – С. 43–57.

5. Кривошеев, Ю. В. Экспедиционные дневники генерал-майора Г.Н. Караева – руководителя Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. Вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов // Вестник архивиста. – 2020. – № 1. – С. 23–35.

6. Соколов, Р. А. Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы / Р. А. Соколов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2014. – № 3. – С. 18–24.

7. Соколов, Р. Культ Александра Невского: историческая память о князе от древности до советского периода / Р. Соколов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2023. – Т. 41, № 1. – С. 74–99.

Хитрый Владислав Геннадьевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
г. Хабаровск, Хабаровский край

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КРАСНЫХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПАРТИЗАН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования образа красных дальневосточных партизан Гражданской войны в современном российском обществе. В связи с отходом от мифов и легенд, широко распространённых в советской историографии, посвященной партизанскому движению, в настоящее время намечается перекос к другому формированию образа красного дальневосточного партизана, который предстаёт в образе без идейного бандита и погромщика. Соответствует ли такая картинка исторической правде? Основные направления данного вопроса исследуются в статье.*

Ключевые слова: *партизаны, Гражданская война, интервенты, белогвардейцы, историческая память.*

25 октября 1922 г. завершилась Гражданская война в России на далеких дальневосточных окраинах, когда последние корабли с уходящими белогвардейцами и интервентами покинули Владивосток. Партизанское движение в Сибири и на Дальнем Востоке сыграло важную роль в победе красных. В советское время имя красного дальневосточного партизана было овеяно ореолом революционной романтики и героизма, партизаны изображались подлинными народными героями и борцами за народное счастье, были воспеты в художественной литературе, в стихах и песнях, образы красных дальневосточных партизан являлись примерами для воспитания не одного поколения советских граждан.

В советской историографии красные партизаны показывались истинными борцами за советскую власть, непременно возглавляемые представителями партии большевиков. В угоду господствующей партийной идеологии был выведен идеальный образ красных партизан, как и многие другие аспекты Гражданской войны [1; 4; 7; 8; 20].

В постсоветское время историки, освобожденные от идеологических рамок, наконец-то приступили к изучению Гражданской войны в России с позиций историзма. Были развеяны многие легенды и мифы, прочно укоренившиеся в сознании бывших советских граждан относительно основных событий трагического кровавого противостояния, вызванных российскими революциями XX века. По-новому было исследовано и красное партизанское движение. Современных историков, прежде всего, интересовали ранее слабо изученные страницы партизанской борьбы. Такие как: роль политических партий за влияние в партизанских отрядах, стихийность и степень организованности партизанских формирований, специфика боевых действий партизан. Современные исследователи не обошли стороной все характерные

партизанству проблемы. Были показаны и характерные для Гражданской войны образцы ожесточенности, кровавые страницы братоубийственного конфликта. Отражены обязательно присутствующие в любом партизанском движении образцы анархии, «махровой партизанщины», элементов откровенного бандитизма. Освещены и другие страницы партизанского движения связанных с террором, захватом заложников, бессудных расправ, борьбы за власть в партизанских отрядах и многое другое. Была изучена борьба сил российской контрреволюции с партизанами. Многие мифы, не соответствующие исторической правде, были пересмотрены, введены в оборот новые архивные документы [14; 15; 17].

При этом исследователи партизанского движения подчеркивали, что рассматривают партизанство в контексте особых форм ведения боевых действий, имеющих общие характерные особенности в независимости от времени, эпохи, стран и войн, где разворачивалось повстанческое и партизанское движение. Особенно это касается примеров гражданского противостояния, где основной движущей силой партизан и повстанцев выступают широкие народные массы. Применительно к Гражданской войне в России с уверенностью можно сказать, что таковыми в подавляющем большинстве являлись сельские жители – крестьяне. А значит, исследователи имели примеры в основном крестьянской партизанской войны, которая имеет свои характерные особенности и изучена, прежде всего, военными специалистами [2].

Однако, необходимо подчеркнуть, что для историка, изучающего любое партизанское и повстанческое движение, эти стороны хорошо известны и не вызывают каких-либо сенсаций.

Между тем в последнее время в различных, прежде всего публицистических материалах, стала рисоваться одиозная картина относительно красных партизан эпохи Гражданской войны в России. Зачастую она имеет устойчивую тенденцию к сосредоточению только на отрицательных сторонах красного партизанства. Прежде всего, к ним относятся многочисленные интернет-ресурсы, посвященные страничкам Отечественной истории и непосредственно Гражданской войне. Необходимо отметить, что именно там мы имеем возможность наблюдать как те или иные точки зрения завоевывают взгляды граждан нашей страны, формируют индивидуальную историческую память людей [13].

Сконцентрировались на освещении именно темных страниц красного партизанского движения и профессиональные историки. В 2023 г. вышла объемная монография сибирского историка, старшего научного сотрудника Института истории Сибирского отделения РАН, кандидата исторических наук А. Теплякова с характерным названием: «Красные партизаны на Востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор» [16]. Книга вызвала неоднозначные оценки и рецензии профессиональных историков. В них автора справедливо критиковали, что сосредотачиваясь исключительно на отрицательных сторонах партизанского движения невозможно объективно показать все его особенности [3; 10].

Еще раз необходимо отметить, что партизанское движение в годы Гражданской войны в России, это, прежде всего участие народа, крестьян в вооруженной борьбе. Все это было присуще «разинщине» и «пугачевщине» в том или ином виде. В ней, так или иначе, будет проявляться крестьянская психология хорошо известная военным профессионалам [11]. Именно поэтому, в среде военных специалистов Русской Армии очень скептически относились именно к формам вооруженной борьбы в виде ведения партизанских действий с привлечением вооруженного народа. Эти взгляды отразились на организации партизанских действий со стороны Белых армий [5; 6; 9]. Все они велись кадровыми военными частями. Однако, необходимо помнить, что кадровых белых партизан ведущих партизанские боевые действия, при этом не минула чаша всех эксцессов гражданского противостояния. Белые партизанские части отметились не менее кровавыми страницами, а во многих случаях и более масштабным террором по сравнению с красными партизанами [12; 19]. Это необходимо постоянно отмечать историкам, изучающим партизанское движение, чтобы не свалиться с позиций историзма в иную крайность.

Формирование образа красного партизана не должно связываться исключительно только с отрицательных сторон. Красное партизанское движение является примером выступления широких народных масс против произвола и беззакония колчаковского режима. Партизанские отряды проходили путь трудного становления. В них разгоралась борьба за командование. В подавляющем большинстве партизанских отрядов самостийно устанавливались партизанские законы и правила воинской дисциплины. Создавались штабы и другие органы военного управления. Огульно записывать подавляющее большинство партизанских отрядов в бандитствующие шайки, наводненные уголовным элементом, неправильно и необъективно. Партизанское движение является образцом истинного народного патриотизма против войск интервентов. Достаточно почитать массивные пласты воспоминаний партизан, и становится ясно, какую ненависть вызывали, например самые многочисленные на дальневосточной земле японские интервенты [18].

Среди дальневосточников сохраняется память о своих предках, живших в то суровое время и сделавших свой выбор в гражданском противостоянии. Не случайно, а закономерно, сохраняются памятники и улицы, носящие имена красных партизан. Живы многие прямые потомки партизан, которые продолжают жить на дальневосточной земле. Они не позволяют одиозно относиться к памяти своих предков. В конце октября 2026 г. в Приморском крае в с. Анучино, в одном из бывших центров партизанского движения в годы Гражданской войны в Приморье, состоялось открытие интерактивного музея «Штаб партизанских отрядов». Данный факт подтверждает интерес граждан страны к его прошлому, сохранению исторической памяти поколений.

Вычеркнуть, и тем более предвзято показать красное партизанское движение, значит сознательно исказить историческую память о нём. Создать новый, теперь уже очерняющий красных партизан миф. Общая задача всех историков не допустить этого и освещать сложные страницы нашей общей истории только с объективных позиций исторического знания.

Список литературы

1. Агеев, А. В. Амурские партизаны. Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1920) / А. В. Агеев. – Благовещенск : Хабаровское кн. изд-во, 1974. – 256 с.

2. Боярский, В. И. Партизанство. Вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк / В. И. Боярский. – Москва : Граница, 2003. – 448 с.

3. Голдин, В. И. История и антиистория партизанского движения: размышления над книгой / В. И. Голдин // Historia provinciae – Журнал региональной истории. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 730–741.

4. Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне Гражданской войны). – Москва : Наука, 1968. – 390 с.

5. Гершельман, Ф. К. Партизанская война. (Исследование) / Ф. К. Гершельман. – Санкт-Петербург : Тип. Деп. уделов, 1885. – 422 с.

6. Давыдов, Д. В. Опыт теории партизанского действия / Д. В. Давыдов. – Москва : Тип. С. Селивановского, 1821. – 220 с.

7. За Советский Дальний Восток. Эхо приморских сопок. Кн. 5. – Дальневосточное кн. изд-во, 1990. – 287 с.

8. Ильюхов, Н. К. Партизанское движение в Приморье 1918–1922 / Н. К. Ильюхов, И. П. Самусенко. – Москва : Воениздат, 1962. – 279 с.

9. Клембовский, В. Н. Партизанские действия. Опыт руководства / В. Н. Клембовский. – Москва : Военное дело, 1919. – 68 с.

10. Позднякова, А. С. Герои или психопаты? / А. С. Позднякова, А. С. Пученков // Новейшая история России. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 1033–1044.

11. Потапов, А. А. Бой в сумраке леса / А. А. Потапов // Малая война (Организация и тактика боевых действий малых подразделений) : хрестоматия / сост. А. Е. Тарас. – Минск : Харвест, 1998. – С. 427–456.

12. Ратьковский, И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.) / И. С. Ратьковский. – Москва : Алгоритм, 2017. – 462 с.

13. Гражданская война в Сибири. – URL: http://siberia.forum24.ru (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

14. Тарасов, Ю. А. Партизанское движение в Амурской области: проблемные вопросы, гипотезы, выводы / Ю. А. Тарасов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – 238 с.
15. Тарасов, Ю. А. Партизанское и подпольное движение на территории Хабаровского края в период колчаковщины: проблемные вопросы, факты, решения / Ю. А. Тарасов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – 162 с.
16. Тепляков, А. Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор / А. Г. Тепляков. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 840 с.
17. Хитрый, В. Г. Партизанская война на Дальнем Востоке России. 1918–1920 гг / В. Г. Хитрый, Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2016. – 215 с.
18. Хитрый, В. Г. Роль партизанского движения в борьбе против японской интервенции на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг / В. Г. Хитрый // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 10. – С. 14–19.
19. Шулдяков, В. А. «Анненковщина»: попытки тотального террора (Семиречье, май-июнь 1919 г.) / В. А. Шулдяков // Национальные приоритеты России. – 2015. – № 2. – С. 25–29.
20. Эхо партизанских сопок. Гражданская война на территории Хабаровского края в воспоминаниях участников и заметках историков-краеведов. – Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1973. – 447 с.

Щербаль Сергей Стефанович
канд. полит. наук, старший преподаватель
АНОО ВО «Кубанский институт профессионального образования»
г. Краснодар, Краснодарский край

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Аннотация: *статья посвящена анализу регионального проекта «перезагрузки» исторической памяти кубанского казачества как механизма конструирования социокультурной идентичности в Краснодарском крае. Показано, что возрождение казачества прошло путь от стихийного общественного движения «снизу» (вторая половина 1980-х-1990-е гг.) к институционально управляемому проекту «сверху», опирающемуся на региональное законодательство, символическую политику и систему казачьего образования. На основе конструктивистской методологии (М. Хальбвакс, П. Нора, П. Бурдьё) выявлены три уровня «рамочной перезагрузки» памяти: переопределение социальных рамок памяти, производство новых «мест памяти» (герб, флаг и гимн края, комплекс «Атаманъ», реституция регалий Кубанского казачьего войска) и конвертация символических смыслов в символический капитал региона. На материалах социологических исследований оценена эффективность проекта. Автор пришел к выводу, что «перезагрузка» исторической памяти является не метафорой, а достаточно эффективной технологией конструирования региональной идентичности.*

Ключевые слова: *историческая память, коллективная память, места памяти, символический капитал, региональная идентичность, кубанское казачество, коммеморативные практики, казачье образование, Краснодарский край.*

Введение.

Возрождение казачества, начавшееся во второй половине 1980-х годов, принято описывать как «восстановление исторической справедливости» и «возвращение к корням». Однако при более внимательном взгляде этот процесс предстаёт не столько стихийным самовосстановлением традиции, сколько сложным взаимодействием общественной инициативы и государственной политики, в ходе которого заново конструируются границы социальной группы, её символический багаж и её место в региональной и общероссийской системе координат. Особенно нагляден в этом отношении кейс Краснодарского края, где казачество превратилось в один из центральных элементов региональной идентичности и одновременно-в ресурс легитимности краевой власти.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: краевая власть последовательно трансформировала стихийное общественное движение «снизу» в институционально управляемый проект «сверху», используя казачество как средство консолидации регионального сообщества и как «символический капитал» территории. При этом «перезагрузка» исторической памяти выступает не метафорой, а рабочим понятием, обозначающим переопределение социальных рамок памяти, производство новых «мест памяти» и их конвертацию в символический капитал.

Объект – процесс возрождения кубанского казачества в Краснодарском крае в 1985–2020-х гг. Предмет – механизмы конструирования социокультурной идентичности кубанского казачества средствами региональной политики памяти.

Цель – выявить институциональные, символические и когнитивные механизмы «перезагрузки» исторической памяти в рамках регионального проекта возрождения кубанского казачества и оценить эффективность этого проекта.

Задачи: 1) обосновать теоретико-методологическую рамку исследования; 2) проследить институционализацию возрождения казачества от движения «снизу» к проекту «сверху»; 3) проанализировать символическую политику и брендирование территории; 4) охарактеризовать коммеморативные практики; 5) на основе социологических данных оценить эффективность проекта.

Методология. Исследование опирается на конструктивистский подход к этничности и идентичности, концепцию «коллективной памяти» М. Хальбвакса, теорию «мест памяти» П. Нора и понятие «символического капитала» П. Бурдьё.

Источниковая база: нормативно-правовые акты РФ и Краснодарского края, материалы краевой прессы, данные социологических исследований А. В. Бредихина и Э. А. Онуфриенко.

1. Теоретико-методологические основания исследования.

Конструктивистская традиция рассматривает этничность и идентичность не как изначально данные сущности, а как результат социального конструирования, в котором участвуют власть, интеллектуалы, СМИ и сами носители идентичности. В этой логике «возрождение казачества» – это не «пробуждение» дремавшей сущности, а производство идентичности в новых исторических условиях.

Концепция коллективной памяти Мориса Хальбвакса позволяет понять механизм этого производства. Память, по Хальбваксу, не хранится в индивидуальном сознании в готовом виде, а реконструируется в зависимости от «социальных рамок», т.е. тех групп, к которым принадлежит индивид. Прошлое вспоминается не «как было», а «как нужно» группе здесь и сейчас [27]. Следовательно, «перезагрузка» исторической памяти есть не что иное, как смена социальных рамок: события, ранее интерпретировавшиеся в логике советской истории (расказачивание как классовая борьба, казачество как «реакционная сила»), переинтерпретируются в логике реабилитации и культурного наследия. Это переопределение рамок-ключевой механизм, который реализует региональная власть.

Теория «мест памяти» Пьера Нора описывает материальные и символические точки, в которых коллективная память «кристаллизуется» и становится доступной для трансляции. Места памяти – это не просто объекты, а узлы смысла, в которых прошлое «сжимается» и приобретает публичную форму [18]. Применительно к кубанскому кейсу к местам памяти относятся герб, флаг и гимн края, этнографический комплекс «Атаманъ», памятники, казачьи парады и фестивали, кадетские корпуса и казачьи классы, а также регалии Кубанского казачьего войска.

Понятие «символического капитала» Пьера Бурдьё объясняет, зачем власти нужны места памяти. Символический капитал – это признание, кредит доверия, которым группа наделяет индивида или институт. Символический капитал конвертируется в политическую легитимность и в экономические ресурсы (туризм, инвестиции, гранты). Бурдьё вводит также понятия «поля власти» и «символического насилия», позволяющие увидеть, как государственные

институты навязывают определённое видение социального мира, превращая его в референтную норму [12].

Синтез этих трёх рамок даёт нам рабочий аналитический аппарат, который мы обозначаем как «рамочная перезагрузка»: 1) переопределение социальных рамок памяти (Хальбвакс); 2) производство новых мест памяти (Нора); 3) конвертация произведённых смыслов в символический капитал территории и власти (Бурдьё). Соответственно, анализ строится на трёх уровнях-институциональном (нормативные акты, органы, финансирование), символическом (символика, бренды, коммеморации) и когнитивном/личностном (как жители присваивают или отвергают сконструированную идентичность).

2. Институционализация возрождения казачества: от общественного движения к государственному проекту.

2.1. Движение «снизу».

Возрождение казачества началось в 1985–1987 гг. как реакция на политику гласности и перестройки. Первоначально это были немногочисленные этнографические общества, клубы, фольклорные ансамбли, объединявшие энтузиастов-краеведов, интересовавшихся историей, песенной культурой, бытом казаков. Движение формировалось «снизу» и носило преимущественно культурно-просветительский характер. Его участники ставили задачи восстановления исторической памяти, изучения казачьих традиций и реабилитации казачества как культурной общности [28].

Однако уже к концу 1980-х годов этот социокультурный месседж стал обрастать политическими требованиями: возвращения казачьих наименований, восстановления казачьих обществ, отмены «раскулачивания» и реабилитации репрессированных. По всей стране (Дон, Терек, Урал, Сибирь) возникают казачьи союзы и объединения, стремящиеся к институциональному оформлению [23].

2.2. Правовое поле: от актов реабилитации к системной концепции.

Поворотным моментом стало принятие Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107–1 «О реабилитации репрессированных народов», который создал правовой каркас для восстановления прав репрессированных групп. Казачество, формально не будучи «народом» в юридическом смысле, тем не менее попало в орбиту этого закона [3]. Важнейшим актом стало Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321–1 «О реабилитации казачества», которое прямо признало казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность и отменило «незаконные решения» советской власти в отношении казачества [4]. Одновременно действовал Указ Президента РФ от 15 июня 1992 г. №632, создающий условия для привлечения казачества к охране государственных границ. Эти документы, однако, задавали лишь общие правовые рамки процессу возрождения; конкретное наполнение содержанием проекта зависело от политики региональных властей.

В Краснодарском крае базовым документом, положившим начало реабилитации и возрождению кубанского казачества, стал Закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. №15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества» [5]. Этот документ явился фундаментальным правовым и одновременно символическим актом, легитимизировавшим процесс возрождения казачества на региональном уровне и закрепившим «перезагрузку» исторической памяти. Именно он впервые на уровне региона сформулировал направления государственной поддержки казачества. Закон официально признал репрессивные акты советского периода (начиная с 1918 года) в отношении казачества незаконными и преступными. Он отменил их действие на территории Краснодарского края, что позволило перечеркнуть политику «расказачивания» и вернуть репрессированному этносоциальному сообществу его честное имя, став, по сути, «вторым днем рождения» Кубанского казачьего войска.

Принятие закона заложило основу для изменения общественного и культурного ландшафта региона. Закон установил региональный праздник-День реабилитации кубанского казачества (отмечается 26 апреля в привязке к федеральному закону 1991 года). Казачья

культура, фольклор, исторические символы и уклад жизни перестали восприниматься как пережиток прошлого. Они официально перешли в статус охраняемого государством исторического наследия. Казачество из гонимой группы превратилось в ключевой маркер кубанской региональной идентичности.

Таким образом, Закон №15-КЗ трансформировал кубанское казачество из исторического феномена и объекта репрессий в субъект современной общественно-политической и культурной жизни Краснодарского края. Он создал условия, при которых историческая память о казаках стала важным фактором региональной политики современной Кубани.

Следующим идеологическим и институциональным шагом стала «Концепция государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества», принятая постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 23 марта 2011 г. №2493-П [7]. Этот документ закрепил системный подход региональных властей к возрождению, интеграции и поддержке казачества.

Концепция рассматривает кубанское казачество не как изолированное сословие, а как особую этнокультурную общность, что изменило подход к его роли в жизни региона и страны. Документ сформировал правовые основы для привлечения казаков к несению государственной и иной службы (охрана общественного порядка, экологический контроль, ликвидация ЧС). Изложенные в документе подходы стали фундаментом для внедрения региональных образовательных программ (включая обязательное изучение истории и традиций кубанского казачества в школах, кадетских корпусах и классах казачьей направленности). Концепция также закрепила принципы учета традиций кубанского казачества при решении вопросов местного значения и привлечения казачьих обществ к разработке региональной политики. Этот стратегический документ стал основой для развития долгосрочных краевых целевых программ поддержки Кубанского войскового казачьего общества.

Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (в состав которого входят и войсковые казачьи общества) был учрежден Указом Президента РФ от 9 августа 1995 года №835 «О Государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [1]. В середине 1990-х гг. на территории России было зарегистрировано 438 общественных объединений казаков в 75 из 89 субъектов Российской Федерации. Согласно Перечню казачьих обществ, на февраль 1999 г. в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации были зачислены 490 516 казаков России, из них по Кубанскому казачьему войску – 130 630 человек [11].

Позже правовая и организационная основа реестра, а также порядок несения казаками государственной службы были закреплены на уровне федерального законодательства – Федеральным законом от 5 декабря 2005 года №154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [2].

2.3. Губернаторы Кубани как носители идентичности.

Особый исследовательский интерес представляет вопрос о персональной связи высших руководителей Краснодарского края с казачеством. Практически все губернаторы постсоветского периода не просто руководили регионом, но и имели глубокие родовые казачьи корни в кубанских станицах. Для большинства из них казачья идентичность стала ключевой частью политического имиджа, подкрепляемого политикой «перезагрузки» исторической памяти и масштабной государственной программой возрождения Кубанского казачьего войска (ККВ). Этот сюжет позволяет увидеть, что «рамочная перезагрузка» памяти в Краснодарском крае имела не только институциональное, но и личностное (биографическое) измерение, в терминах Бурдьё-эффект «габитуса» агентов поля власти, вписанных в казачью социальную среду.

Николай Дмитриевич Егоров (глава администрации края в 1992–1994 и 1996–1997 гг.) родился в станице Зассовской Лабинского района-на исторической территории Линейного казачьего войска (линейцы). Выходец из потомственной казачьей семьи, он стоял у истоков официального признания и институционализации казачества на государственной службе.

Будучи главой региона, а затем министром РФ по делам национальностей и региональной политике в составе первого правительства В.С. Черномырдина, Егоров активно продвигал законы о реабилитации казачества и интеграции казачьих структур в систему общественной безопасности края.

Евгений Михайлович Харитонов (глава администрации в 1994–1996 гг.) родился в станице Михайловской Курганинского района, которая исторически относилась к Линейному казачеству (бывший Лабинский полк). Родовые корни Харитонова глубоко уходят в крестьянско-казачью среду Кубани. В период его руководства краем продолжалось формирование нормативно-правовой базы для реестрового казачества, поддерживались традиционные формы хозяйствования на селе и агропромышленный сектор, тесно связанный со станичным укладом [13].

Николай Игнатович Кондратенко (губернатор в 1997–2001 гг.) родился в станице Пластуновской Динского района-само название станицы происходит от знаменитых пластунов, казачьих пеших разведчиков Черноморского (позже Кубанского) войска. Один из самых ярких идеологов кубанского самосознания, он по рождению и духу являлся потомственным казаком. Показательно, что формально Кондратенко не состоял в казачьих обществах-и это важная деталь для нашего анализа: принадлежность к казачеству здесь конструируется не через формальное членство, а через биографию, публичную репрезентацию нарратива державного консерватизма и символическую демонстрацию казачьей аутентичности. За самобытный стиль управления краем, отстаивание интересов жителей региона в период противостояния с федеральным центром (так называемый «хлебный» (или «зерновой») конфликт 1997–1998 годов) и сохранение казачьих традиций он получил в народе уважительное прозвище «Батька Кондрат». Именно при нём казачество стало развиваться как главная этнокультурная и патриотическая сила края [8].

Александр Николаевич Ткачёв (губернатор в 2001–2015 гг.) родился в станице Выселки Выселковского района, основанной в конце XIX века переселенцами из черноморских станиц и сохранившей выраженную казачью культуру. Ткачёв неоднократно подчёркивал свои казачьи корни и сделал казачество официальной опорой региональной власти. При его поддержке ККВ стало самым многочисленным и организованным в России: казачьи дружины получили официальный статус и вышли на совместное патрулирование улиц с полицией, началось массовое создание казачьих кадетских корпусов и классов.

Вениамин Иванович Кондратьев (губернатор с 2015 г. по настоящее время) родился в городе Прокопьевске Кемеровской области, однако его родовые и профессиональные корни неразрывно связаны с Краснодарским краем, где он вырос и построил карьеру. Кондратьев позиционирует себя как продолжатель традиций кубанской земли. При его руководстве интеграция казачества в государственную жизнь достигла наибольшей полноты: атаманы ККВ стали одновременно занимать должности вице-губернаторов края, а районные атаманы-посты заместителей глав муниципалитетов. Основной упор Кондратьев делает на экономическую самостоятельность казачества (выделение казачьим обществам земли без торгов для создания собственного агробизнеса) и развитие казачьего образования в школах [9].

Таким образом, для всех пяти губернаторов казачьи корни и традиции региона стали не просто фактом биографии, а определяющим фактором содержания внутренней политики. Благодаря их личному влиянию Краснодарский край превратился в один из основных регионов Федерации по возрождению казачества и его интеграции в современную систему государственного управления России.

При этом важно зафиксировать аналитическую асимметрию, которую выявляет сравнение этих кейсов. Наличие «казачьей родословной» не является ни необходимым, ни достаточным условием успешности проекта: Кондратенко формально не состоял в казачьих обществах, а Кондратьев родился за пределами края – однако оба реализовывали проект не менее последовательно, чем выходцы из станиц. Это подтверждает тезис о том, что «рамочная

перезагрузка» памяти институционализирована глубже личных биографий-в нормативной базе, бюджете, структурах администрации и в самом ККВ. Биографическая «казачья компонента» губернаторов выполняет, скорее, функцию символической легитимации: она делает проект органичным в глазах населения, создавая образ «своей», «станичной» власти. В терминах Хальбвакса – это усиление социальной рамки памяти через фигуру «носителя традиции»; в терминах Бурдьё – накопление специфического символического капитала, который затем конвертируется в легитимность региональной политики в целом.

Отдельно следует отметить кумулятивный эффект смены губернаторов-«казаков». Каждый из них вносил свой вклад в разные фазы проекта: Егоров-в правовое признание, Харитонов-в нормативную базу и аграрно-станичный уклад, Кондратенко – в этнокультурную мобилизацию и идеологию, Ткачёв – в институциональное оформление ККВ как «опоры власти», Кондратьев-в максимальную интеграцию казачьих структур в систему управления и экономику. Это позволяет рассматривать региональный проект возрождения казачества не как политику одного лидера, а как устойчивую линию преемственности, воспроизводящуюся вне зависимости от персоналий.

3. Символический капитал территории.

3.1. Герб, флаг, гимн.

Закон Краснодарского края от 5 мая 1995 г. №5-КЗ «О символах Краснодарского края» закрепил герб, флаг и гимн края. Герб восходит к историческому гербу 1849 г. и содержит казачью атрибутику (пернач, бунчук, вензель Екатерины II). Эмблематика флага построена на основе изображений исторических кубанских знамён, а гимн – «Ты, Кубань, ты наша Родина» (слова полковника К. Образцова, 1914) – прямо отсылает к казачьей песенной традиции.

С точки зрения Нора, официальная символика – классическое место памяти: она материальна (герб, флаг), ритуализирована (исполнение гимна, поднятие флага в казачьих классах) и обладает высокой степенью эмоциональной наполненности. С точки зрения Бурдьё – это символический капитал территории, обусловливающий «историческую легитимность» казачества, которую краевая власть делает «естественным» конструктом региона. Важен и сам факт того, что именно казачья символика стала доминирующей в публичном пространстве Краснодарского края.

3.2. Музей-реконструкция «Атаманъ» как «место памяти».

Одним из ключевых проектов по конструированию «мест памяти» стало создание этнографического комплекса «Атаманъ» в посёлке Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Идея его создания принадлежала бывшему губернатору Краснодарского края А.Н. Ткачёву. Проект был инициирован в августе 2009 года на основании постановления главы администрации края. Финансовую и материальную нагрузку по возведению объектов разделили между собой города и районы Кубани [22].

Это масштабный музей под открытым небом, представляющий собой стилизованную казачью станицу XIX века. Комплекс включает десятки домов, хозяйственные постройки, церкви, мельницы, ремесленные мастерские, воссоздающие быт и хозяйственную деятельность кубанских казаков.

Вместе с тем «Атаманъ» – это не просто музей, а «место памяти» в терминологии П. Нора. И вот почему: 1) комплекс физически воплощает прошлое; 2) здесь проводятся фестивали, реконструкции, казачьи обряды, привлекающие тысячи туристов; 3) «Атаманъ» аккумулирует в себе ключевые смыслы кубанской идентичности, связанные с казачеством; 4) комплекс представляет определённую, «очищенную» от противоречий версию прошлого, где доминируют образы трудолюбивых, гостеприимных, воинственных и православных казаков.

Создание «Атамани» являлось частью общей стратегии брендирования территории. При этом примечательно, что в концепцию брендирования Краснодарского края казачья идентичность вписана не как изолированный исторический артефакт, а как сквозной социокультурный и экономический код, связывающий традиции региона с его современным

позиционированием. Из узкоэтнического образа казачество трансформировалось в базовый маркер кубанского качества, гостеприимства и порядка [19].

Помимо этого, Кубанское казачье войско развивает собственную торговую марку «Казаки Кубани». Под этим брендом объединяются местные производители сельскохозяйственной продукции, экологически чистых продуктов и товаров народных промыслов [16].

Символический капитал, создаваемый таким образом, привлекает туристов, инвесторов и способствует формированию лояльности местного населения к региональной власти, которая выступает гарантом сохранения этой «самобытности».

3.3. Коммеморативные практики «перезагрузки» исторической памяти.

Важным инструментом «перезагрузки» исторической памяти являются коммеморативные практики. С 1990-х годов в «столице казачьего края» (Краснодаре) начался процесс восстановления ключевых мест памяти, что стало маркером смены коммеморативной парадигмы. Приведем краткую хронология событий: 1999 год – восстановлен Обелиск в честь 200-летия Кубанского казачьего войска; 2006 год – освящён восстановленный Войсковой собор Александра Невского (возвращение сакрального центра); 2007 год -открыт восстановленный памятник Екатерине II (скульптор А. Аполлонов). В новой версии скульптуры образ императрицы переосмыслен: вместо «символа державной имперскости» она предстала как «дарительница кубанских земель»; 2009 год – воссоздана Триумфальная арка, символизирующая военную славу казачества.

Наряду с восстановлением разрушенных историко-архитектурных памятников значимым инструментом реконструкции идентичности стало символическое «переустройство» городской среды. Менялись и возвращались названия улиц (в 1997 году главной улице города Красной было официально возвращено её историческое имя (в советское время она носила имя Сталина), возвращено историческое название улице Рашпилевской, данное в честь генерал-лейтенанта Черноморского казачьего войска Г.А. Рашпиля (в советский период – улица Шаумяна), в центральной части Краснодара вновь появилась Екатерининская площадь. Были установлены мемориальные доски казачьим атаманам на исторических зданиях города – на стенах Мариинского института, войсковой гимназии, появились скульптурные композиции, посвящённые казакам-первопоселенцам, пластунам, атаманам. Такая «мягкая» коммеморация воздействует на процесс восстановления исторической памяти более эффективно, чем монументальная: она становится привычным элементом городской среды, нормализуя казачьи смыслы в урбанистическом пространстве столицы казачьего края.

Пьер Нора отмечает, что места памяти принадлежат двум царствам, сочетая материальное, символическое и функциональное измерения [18]. Именно в этой двойственности и заключён механизм «перезагрузки»: воссозданный объект физически новый, но семиотически он отсылает к дореволюционному прошлому, возрождая прерванную в 1920-е годы связь времен.

Особую роль играет возвращение дореволюционных топонимов и их «сосуществование» с советскими названиями. Коммеморативный конфликт в топонимике, как правило, разрешается не вытеснением, а наложением: станица может одновременно помнить название советское и неофициальное казачье, а городское пространство – хранить следы обеих эпох. Такая многослойность памяти, описанная ещё М. Хальбваксом как свойство коллективных «рамок памяти», позволяет разным группам «узнавать» в одном и том же месте своё прошлое [25].

Кроме этого, коммеморативный процесс «перезагрузки» исторической памяти в Краснодарском крае включает ежегодные парады Кубанского казачьего войска, особенно те, что проходят в День Победы и в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы (покровительницы казачества). Эти парады демонстрируют единство, силу и государственную значимость казачества, интегрируя его в главный государственный праздник.

Государственный Кубанский казачий хор и фестивали народного искусства играют ключевую роль в «перезагрузке» исторической памяти, трансформируя академическую историю в живую, эмоционально воспринимаемую культуру. Они выступают не просто как

развлекательные институты, а как мощные инструменты формирования региональной идентичности. Стоит подчеркнуть, что архивные документы и учебники истории статичны, в то время как хор и фестивали предлагают динамическую коммеморацию. Концепт Пьера Нора о «местах памяти» здесь расширяется: память переносится с памятников и документов на живых носителей-артистов и участников фестивалей. Эти практики, нацеленные на эмоциональное вовлечение, являются эффективным инструментом трансляции новых смыслов. Они создают «эффект присутствия», делая прошлое доступным и понятным, особенно для молодёжи.

Важнейшим коммеморативным актом в процессе «перезагрузки» исторической памяти стала реституция регалий и реликвий Кубанского казачьего войска. Вывезенные в 1918 г. в Константинополь, а затем в Белград, регалии хранились «на чужбине». Часть их погибла при бомбардировках Белграда в годы Второй мировой войны, уцелевшее было собрано и сохранено казачьей общиной в США [15]. Возвращение святынь на Кубань (первая партия – 2007 г., заключительная – 2011 г.) стало возможным благодаря подвижнической деятельности первого войскового атамана ККВ В. П. Громова и доброй воле хранителя музея Кубанского казачьего войска в городе Хоувелл (штат Нью-Джерси, США) А. М. Певнева [24].

В настоящее время регалии – жалованная грамота Екатерины II 1792 г., императорские знамёна и грамоты, оружие – составляют основу коллекции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына и регулярно предоставляются для торжественных мероприятий войска. Возвращение артефактов стало символом восстановления исторической справедливости, сохранения казачьей идентичности и признания вклада казачества в историю страны.

В научной оптике П. Нора регалии – классические «места памяти»: они материализуют утраченное прошлое и делают его доступным для переживания; в оптике П. Бурдьё их возвращение и публичная демонстрация конвертируют историческую символику в символический капитал региона и Кубанского казачьего войска.

3.4. Казачье образование как институт трансляции идентичности.

Институциональным каналом трансляции казачьей идентичности стала система казачьего образования. Как показывает Г. О. Мациевский, её формирование прошло несколько этапов: от спонтанного появления отдельных казачьих классов и групп в 1990-е гг. (первый казачий класс открыт в 1998 г. в станице Тбилисской; в Краснодаре в 1994 г. создан кадетский корпус им. М. П. Бабыча) до складывания многоуровневой системы «детский сад-школа-учреждение дополнительного образования-казачий кадетский корпус-ссуз-вуз» [17]. Нормативной базой стали распоряжение главы администрации края №161-р от 18 марта 2008 г. и краевая целевая программа «Развитие образования в казачьих классах» на 2010–2012 гг., а организационно-методическое обеспечение осуществлялось краевыми департаментами по делам казачества и образования. К 2015 г. в крае действовало 6 казачьих кадетских корпусов и около 2 тыс. казачьих классов и групп с численностью обучающихся около 40 тыс. человек. Образовательный компонент («казачий компонент») включает историю и культуру кубанского казачества, традиции, православную культуру и военно-спортивные дисциплины. Вместе с тем, как отмечает исследователь, система долгое время испытывала кадровый дефицит, слабое учебно-методическое обеспечение и недостаток взаимодействия с казачьими обществами, а с 2016 г. фактически пережила «перезагрузку» с принятием приказа №4177/76, закрепившего требования к классам и группам казачьей направленности.

4. Когнитивный уровень: восприятие и присвоение идентичности.

4.1. Региональная идентичность в отражении общественного мнения.

«Рамочная перезагрузка» памяти не происходит автоматически. Успех проекта зависит от того, насколько сконструированная идентичность будет воспринята и присвоена населением. Здесь ключевую роль играет когнитивный уровень, связанный с восприятием, интерпретацией и усвоением предложенных нарративов.

Социологические исследования, проведённые в Краснодарском крае, показывают неоднозначную картину. Согласно данным А.В. Бредихина [10], более 70% опрошенных жителей края положительно относятся к возрождению казачества. Большинство (более 60%) видят в казачестве культурно-историческое наследие, а около 30%-носителей традиционных ценностей и защитников правопорядка.

Примечательно, что наблюдаются любопытные расколы по типу идентичности. Около 40% респондентов идентифицируют себя как «кубанцы», 25% – как «россияне», и лишь около 10% – как «казаки» (при этом число желающих вступить в казачьи общества намного выше). Это указывает на то, что «казачья идентичность» в основном сконструирована «сверху» и не всегда органично воспринимается населением. «Кубанская идентичность» более широка и инклюзивна, нежели «казачья».

Тем не менее, большинство опрошенных (более 75%) поддерживают государственную политику по отношению к казачеству, включая казачье образование и патрулирование. Это свидетельствует о высокой степени принятия институциональных аспектов проекта, которые воспринимаются как важные для региональной стабильности и порядка.

Эмпирическую основу оценки эффективности проекта дают материалы исследования Э. А. Онуфриенко, посвящённого восприятию казачества жителями Краснодара. По данным опроса 2023 г. (n = 403), более половины респондентов (52,9%) относятся к тому, что кубанское казачество считается одним из символов Краснодарского края, положительно, 36,5% – нейтрально, и лишь 3,5% – отрицательно [20]. При этом выявлена отчётливая возрастная дифференциация: среди респондентов 18–29 лет положительно настроены 31,7%, тогда как среди лиц 30–59 лет – 55,1%, а среди 60 лет и старше – 60,4%. Иными словами, символический капитал казачества как регионального маркера неоднороден среди разных возрастных групп (поколений): молодёжь демонстрирует более критичное отношение и чаще воспринимает казачество как «искусственный» конструкт, тогда как старшие группы респондентов видят в нём исторический и культурный символ региона. Показательна и готовность родителей записывать детей в казачьи классы: в целом положительно высказались 32,5% опрошенных, но среди молодёжи 18–29 лет – лишь 14,3%, а среди 30–59 лет – 39,3%. Это позволяет уточнить вывод об эффективности проекта: он успешен на уровне институциональной и символической легитимации, но лишь частично – на уровне межпоколенческой трансляции идентичности.

4.2. «Эффект габитуса» и «символическое насилие».

Для тех, кто родился и вырос в станицах, особенно в семьях с казачьими корнями, проект возрождения казачества, скорее всего, воспринимается как естественное возвращение к своим истокам. В этом случае «рамочная перезагрузка» памяти происходит с минимальным сопротивлением, поскольку она совпадает с уже имеющимся «габитусом» – системой диспозиций, приобретённых через социализацию.

Для жителей городов, а также для мигрантов, не имеющих прямой связи с казачьей традицией, проект может восприниматься как навязанный. В контексте концепции П. Бурдьё это можно трактовать как «символическое насилие»: власть, опираясь на свой символический капитал (официальные документы, СМИ, школьные программы), навязывает определённую интерпретацию прошлого и настоящего как единственно верную. Хотя прямого отторжения может не быть (из-за высокой поддержки властей), такая идентичность не всегда глубоко «присваивается».

4.3. Критика и альтернативные нарративы.

Важно отметить, что, несмотря на доминирование в публичном пространстве официального нарратива, в Краснодарском крае существуют и альтернативные взгляды на современную социально-политическую ситуацию на Кубани. Они могут проявляться в академической среде, где исследователи обсуждают вопросы о противоречиях казачьей истории (например, роль казачества в Гражданской войне, отношение к генералу Л.Г. Корнилову), в

общественном дискурсе, где ставится под сомнение монополия власти на интерпретацию прошлого, в фольклорной и художественной среде, где появляются произведения, осмысляющие казачью идентичность более сложно и неоднозначно. Кроме этого, особый статус и институционализация казачества (дружины, участие в управлении и охране порядка) в определенных ситуациях вызывают непонимание или напряженность в отношениях с остальной частью полиэтнического общества, воспринимающей это как привилегии для отдельной группы [14]. Однако эти нарративы, как правило, не обладают достаточным символическим капиталом, чтобы конкурировать с официальной региональной политикой властей, транслируемой через государственные институты.

Заключение.

Региональный проект возрождения кубанского казачества, начавшись как общественное движение, был последовательно институционализирован и трансформирован в масштабный государственный проект. Ключевым механизмом этой трансформации стала «рамочная перезагрузка» исторической памяти, которая выразилась в создании нормативно-правовой базы, формирование органов управления, интеграция казачьих структур в систему государственной службы; производстве новых «мест памяти» (герб, флаг, гимн, «Атаманъ», памятники, коммеморативные практики), которые транслируют определённую версию казачьей идентичности; привлечении губернаторов с «казачьей родословной» как носителей и гарантов традиций, что способствовало аутентификации проекта; продвижение сконструированной идентичности через образование, СМИ и коммеморативные практики, что привело к высокой степени её принятия населением, особенно на институциональном уровне.

Таким образом, Краснодарский край стал уникальной площадкой, где государственная политика памяти активно формировала социокультурную идентичность региона, используя казачество как ключевой ресурс консолидации общества и легитимации власти. «Перезагрузка» исторической памяти здесь выступила как инструмент формирования региональной идентичности и как механизм конвертации культурных смыслов в политический и символический капитал.

Список литературы

1. О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации : Указ Президента РФ : от 9 августа 1995 г. №835 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3339.

2. О государственной службе российского казачества : Федеральный закон : от 5 декабря 2005 г. №154-ФЗ : ред. от 23.03.2024 // Российская газета. – 2005. – № 276.

3. О реабилитации репрессированных народов : Закон РСФСР : от 26 апреля 1991 г. №1107-I // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 18. – С. 572.

4. О реабилитации казачества : Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321-I (с изм. от 26 июня 2007 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1805.

5. О реабилитации кубанского казачества : Закон Краснодарского края : от 9 октября 1995 г. №15-КЗ // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. – 1995. – № 6. – С. 45.

6. О символах Краснодарского края : Закон Краснодарского края : от 5 мая 1995 г. №5-КЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/461605921 (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

7. Об утверждении Концепции государственной политики Краснодарского края в отношении кубанского казачества : Постановление Законодательного Собрания Краснодарского края : от 23 марта 2011 г. №2493-П // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/444721059 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.

8. Батько Кондрат: от сердца к сердцу : сборник / авт.-сост. В. Ротов. – Краснодар : Советская Кубань, 2000. – 464 с.

9. Биография В.И. Кондратьева // Официальный сайт администрации Краснодарского края. – Краснодар, 2001. – URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1221/ (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

10. Бредихин, А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества / А. В. Бредихин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 61. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnaya-identichnost-sovremennogo-rossiyskogo-kazachestva/viewer (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

11. Бугай, Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? / Н. Ф. Бугай // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-kazachestvo-i-problema-identichnosti-s-voprosom-kto-my (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

12. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье ; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.

13. Губернаторы Краснодарского края: Харитонов Евгений Михайлович // Портал истории Кубани. – URL: https://kuban.h1n.ru/0018.htm (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

14. Кольба, А. И. Интегративный и конфликтный ракурсы кубанской идентичности / А. И. Кольба // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2011. – № S. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-i-konfliktnyy-rakursy-kubanskoy-identichnosti (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

15. Корсакова, Н. А. Регалии и реликвии Кубанского казачьего войска / Н. А. Корсакова, Б. Е. Фролов. – Краснодар : Традиция, 2012. – 244 с.

16. Кубанские казаки решили создать собственную торговую марку // Медиапортал Национальный акцент. – 2021. – URL: https://nazaccent.ru/content/37252-kubanskie-kazaki-reshili-sozdat-sobstvennuyu-torgovuyu-marku/ (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

17. Мациевский, Г. О. Современная система казачьего образования на Кубани: этапы развития и особенности / Г. О. Мациевский // Педагогика и просвещение. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sistema-kazachiego-obrazovaniya-na-kubani-etapy-razvitiya-i-osobennosti (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

18. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1999. – 325 с.

19. О внесении изменений в распоряжение Губернатора Краснодарского края от 27 февраля 2024 г. №38-р «Об утверждении плана мероприятий на 2024–2026 годы по реализации в Краснодарском крае Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» : распоряжение Губернатора Краснодарского края от 15 сент. 2025 г. №582-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

20. Онуфриенко, Э. А. Кубанское казачество в восприятии жителей Краснодара / Э. А. Онуфриенко // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2026. – № 2 (26). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kubanskoe-kazachestvo-v-vospriyatii-zhiteley-krasnodara (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

21. О реабилитации казачества : Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1992 г. №3321-I (с изм. от 26 июня 2007 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 30. – С. 1805.

22. Проект «Атаманъ» // Электронная газета «Новые Ведомости». – 2017. – URL: https://nvdaily.ru/info/108166.html (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

23. Рвачева, О. В. Возрождение казачества на Юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ : автореф. дис.... д-ра ист. наук / О. В. Рвачева. – Волгоград, 2022.

24. Регалии кубанского казачьего войска вернули в РФ из США // РИА Новости. – 2011. – URL: https://ria.ru/20111001/447200968.html (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

25. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти / Е. В. Романовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moris-halbvaks-kulturnye-aspekty-pamyati (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

26. Указ Президента РФ : от 15 июня 1992 г. №632 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.11.2026). – Текст : электронный.

27. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

28. Шевченко, В. Ф. Образование первых казачьих общественных организаций в Краснодарском крае и их взаимодействие (1990–1993 гг.) / В. Ф. Шевченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-pervyh-kazachih-obschestvennyh-organizatsiy-v-krasnodarskom-krae-i-ih-vzaimodeystvie-1990–1993-gg (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

ЛИЧНОСТЬ КАК СИМВОЛ ЭПОХИ И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Захарченко Ольга Валерьевна
канд. ист. наук, доцент, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается роль малой личности в формировании исторической памяти и национальной идентичности на примере научного наследия и деятельности российского историка и правоведа С.А. Котляревского (1873–1939). На основе историографического анализа понятий исторической памяти, историко-биографического метода показано, что обращение к фигурам вне героического шаблона расширяет поле исторического познания и служит источником укрепления национальной идентичности.*

Ключевые слова: *историческая память, национальная идентичность, личность в истории.*

Фундаментальными основами национальной идентичности современной России является историческая память и преемственность поколений. Потому они стали одними из основанных задач современной государственной политики. Так, согласно Указу Президента РФ 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», предполагается «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России» [1].

Осознание принадлежности к истории собственной страны и опыту предшествовавших поколений формируется через историческую идентичность и изучение истории. Потому вопрос о значимости исторического познания и роли исторической науки в формировании национальной идентичности имеет сегодня большую актуальность. Это также подтверждается концептуальными документами, в частности, указом Президента РФ от 08.05.2024 №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Для ответа на современные вызовы, стоящие пред нашим цивилизационным сообществом, необходимым признается «формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [2].

Исследуя механизм формирования исторической памяти, авторы указывают что в современной науке проблема исторической памяти сохраняет свою актуальность и остается достаточно дискуссионной. «Актуализация этой проблемы вполне понятна, ведь в современном обществе в условиях глобализации, переосмысления общечеловеческой истории, информационной войны и политической нестабильности общее наследие, общая историческая память становятся базовым и ключевым элементом формирования национальной идентичности и национального единения» [3, с. 135], – пишет О.О. Дмитриева. Автор считает, что науке нужен единый понятийный аппарат, который может способствовать более содержательному исследованию исторической памяти и механизмов ее формирования.

Структура и формы исторической памяти давно стали предметом исследования отечественных ученых. Так, по мнению О.Б. Леонтьевой базовым механизмом ее формирования являются образы прошлого. «Подобно тому, как личностное самосознание человека не мыслимо без индивидуальной памяти, так и самосознание общества невозможно без знаний о прошлом и образов прошлого, живущих в исторической памяти общества» [5, с. 6]. При этом

обыденные представления о прошлом опираются на образы исторических событий и личностей, которые создаются в произведениях художественной культуры [5, с. 11].

На наш взгляд, в формировании исторической памяти большое значение имеет сохранение знаний о выдающихся личностях в российской истории, внесших важный вклад в развитие и процветание России. Историческая личность становится связующим звеном между отдельно взятым человеком и коллективной памятью о прошлом. Его образ способствует систематизации исторического знания, наполняя эмоциональным и ценностным содержанием. Однако в этом процессе необходимым принципом является опора на научные знания и фундаментальные научные исследования.

В современных исследованиях биографический метод получил существенное расширение своего применения. Л.П. Репина отмечает, что реконструкцию личной жизни исторических индивидов можно рассматривать одновременно и как глобальную цель исследования, и как необходимую предпосылку познания включавшего их исторического социума [6, с. 14].

Но важен и вопрос какая личность может стать воплощением духа времени и символом своей эпохи? Как правило в центре исследований находится образ какого-либо яркого и достаточно крупного исторического персонажа. Согласимся с тем, что «биографическая история – история, показанная через личность, которая предстает перед нами не изолированной, взаимодействующей с другими личностями, со своей социальной средой, с окружающим миром в самых разных его проявлениях, с культурными и интеллектуальными традициями» [6, с. 13]. Потому, мы считаем, что малые личности также резонируют с общественными устремлениями своего времени. Они позволяют увидеть эпоху не только через ее известных героев, но и через фигуры, которых память оставила на периферии.

Таким примером может служить персоналия С.А. Котляревского (1873–1939) – недостаточно известного представителя исторической науки и политико-правовой мысли России начала XX в., ставшая предметом нашего основного научного исследования [4]. Он характеризуется как яркая личность, но недостаточно известная в современном российском обществе. Его биография не вписывается в героический шаблон, но через нее находит отражение эпоха не только общественно-политического переустройства и революционных перемен российского государства начала XX в., но и советское время жизни представителя российской интеллигенции.

Принимая участие в общественно-политической деятельности в период первого опыта российского парламентаризма и Временного правительства, он стремился принести пользу и в советском государстве, но погиб во время сталинских репрессий. Как член партии кадетов и идеолог конституционной демократии, он придерживался умеренных позиций. Современники упрекали его в стремлении уходить от прямых столкновений, уходя на примирительные позиции, что не способствовало символизации его образа. Сочетание разных факторов и его научная междисциплинарность затруднили включение его в коммеморативные практики и места памяти.

С.А. Котляревский был историком католицизма, идеологом правового государства и одним из немногих ученых, защитивших четыре диссертации (две по истории и две по юриспруденции). Через внимание к формированию его научного мировоззрения возможно расширение поля исторического познания о научном сообществе и существовавших в нем школах. Будучи студентом именитых ученых таких, как П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, В.О. Ключевской, он ориентировался на профессора В.И. Герье и был его учеником младшего поколения. Этот выбор определил тематику исторических исследований, а историко-философская подготовка оставалась основой методологии его последующих трудов по юриспруденции. Так через изучение его судьбы как части истории научной школы мы видим, как складывались научные традиции, передававшиеся от учителя к ученику.

Если историческая память является важнейшим элементом формирования национальной идентичности, то включение в нее научных школ и их представителей придает идентичности

интеллектуальную глубину. Тогда она будет основываться не только на героических символах, но и на преемственность идей, методов и ценностей.

Кроме того, обращение к российской интеллектуальной традиции и наследию отечественных мыслителей является источником понятийного аппарата для раскрытия содержания и внутренних соотношений традиционных ценностей российского цивилизационного сообщества. В этом контексте обращение к деятельности и научному творчеству С.А. Котляревского дает возможность расширить основу идентичности. Его правовая концепция строится на тех ценностных категориях, которые сегодня признаются базисными. Справедливость он понимал, как устойчивую основу сменяющихся правовых воззрений, а стремление к правовому государству связывал с верой в силу права и в справедливость. По мнению ученого, социальная справедливость при сохранении духовных основ выражала значимые для российского общества мировоззренческие ориентиры. Его идеи показывают, что ценности современного правосознания имеют отечественные корни и не являются заимствованием.

Значимость сохранения памяти о нем состоит в том, что обращение к его деятельности и научному наследию позволяют увидеть связь современных ценностей с отечественной научной и общественно-политической традицией, а память о малых личностях дополняет образ эпохи.

Таким образом, связь личности с ее эпохой обосновывает необходимость сохранения исторической памяти о ней. Историческая память имеет не только научное значение, но приобретает и политическое измерение в целях консолидации общества и национальной идентификации. При этом внимания требуют не только героические образы, но и малоизвестные личности. Такие фигуры усложняют и обогащают общую картину прошлого, позволяют дополнить образ эпохи и опереться на преемственность идей. Тем самым они расширяют возможности исторической рефлексии и формируют различные варианты осмысления и решения запросов настоящего.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. №809 (в ред. Указа от 04 марта 2026 г. №136) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2026). – Текст : электронный.

2. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Рос. Федерации : от 08 мая 2024 г. №314 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2026). – Текст : электронный.

3. Дмитриева, О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке / О. О. Дмитриева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 6 (361), Вып. 63. – С. 132–137.

4. Захарченко, О. В. Социальная справедливость при сохранении духовных основ: деятельность и политико-правовые взгляды Сергея Андреевича Котляревского / О. В. Захарченко, Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – 168 с.

5. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв / О. Б. Леонтьева. – Самара : Книга, 2011. – 448 с.

6. Репина, Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» / Л. П. Репина // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 12–18.

Карамаликова Мария Алексеевна
ассистент кафедры
Шевченко Иван Михайлович
ассистент кафедры

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ Т.Н. ИВАНОВОЙ В ОРГАНИЗАЦИИ «ВЕЧЕРНЕГО СЕМИНАРИЯ» НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ (ПО ДАННЫМ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Аннотация: *в статье рассматривается история «Вечернего семинария», действовавшего в 1990-х – начале 2000-х гг. на базе историко-филологического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Семинар был организован и возглавлен Т.Н. Ивановой с целью изучения новых направлений в исторической науке и стал значимой дискуссионной площадкой для обсуждения политических, исторических и социокультурных проблем. В его работе участвовали представители научной среды, государственной службы и общественной жизни Чувашии. На основе материалов устной истории, прежде всего интервью с участниками заседаний разных лет, характеризуются содержание, формы работы и значение семинара для развития научной коммуникации и интеллектуальной среды региона.*

Ключевые слова: *Чувашский государственный университет, историческая наука, научная коммуникация, интеллектуальная среда, устная история, интервью, Чувашия, научное сообщество.*

Устная история – активно развивающимся научное направление, которое позволяет исследовать генезис конкретного исторического процесса или феномена. Для изучения темы были проведены интервью с доктором исторических наук, деканом историко-географического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова Олегом Николаевичем Широковым, кандидатами исторических наук, доцентами кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой Дмитрием Анатольевичем Ялтаевым и Мариной Александровной Широковой.

Особое значение для становления и последующего функционирования «Вечернего семинария» имела организационная деятельность Т.Н. Ивановой. Научное рвение и инициативность молодого преподавателя, заместителя декана по воспитательной работе историко-филологического факультета Т.Н. Ивановой стали причинной создания ею «Вечернего семинария», концепция которого возникла еще у В.И. Герье в XIX в. Деятельности Владимира Ивановича была посвящена кандидатская, а затем и докторская диссертации Татьяны Николаевны. Он был одним из основоположников форм проведения семинарских занятий, которые сейчас в историческом образовании стали классическими. Одной из форм обучения для отличившихся студентов были неформальные вечерние встречи «на дому» у В.И. Герье, которые он именовал «Вечерний семинарий» [3].

Первые «семинарии» прошли в 1989 г., а пиком наиболее интересных тем Т.Н. Иванова выделяет 1991 год [5].

По версии Д.А. Ялтаева, «семинарий» переживал несколько этапов. Под этим интервьюируемый подразумевал пересмотр форм организации и состава участников. Он выделил три этапа деятельности «Вечернего семинария»: Первый этап (с 1989 – середина 1990-х гг.): к этому этапу относятся пик наибольшей активности встреч. Он собирался регулярно, в том числе и по инициативе студентов. Научное руководство Т.Н. Ивановой, а глава от студентов – И. Бычков. Второй этап (середина 1990-х – 1999 гг.). Второе поколение; трансформация «семинария» из открытого в закрытый тип. Кураторство переходит ненадолго к Д.А. Ялтаеву.

Третий этап (2000-е годы): постепенный спад активности формата [6]. Деятельность «Вечернего семинария» по руководством Т.Н. Ивановой.

Место проведения заседаний со временем менялось. Первоначально встречи проходили в учебных аудиториях факультета, по воспоминаниям интервьюируемых, в 506 или 513 аудиториях ныне историко-географического факультета, которые были «полностью забиты людьми», а также в Научной библиотеке ЧГУ имени И.Н. Ульянова [5].

Особенность «семинария» заключалась и во времени проведения: его заседания проходили преимущественно вечером, примерно с 18 часов, что было связано с организацией учебного процесса в две смены [7]. Вечернее время создавало особую атмосферу для продолжительных дискуссий, участники нередко оставались после окончания основной части встречи и продолжали обсуждение уже без преподавателей. Впоследствии, после перехода обучения в одну смену, попытки проводить встречи в дневное время, по оценке Т.Н. Ивановой, уже не позволяли сохранять прежнюю атмосферу, что стало одним из факторов постепенного отхода от первоначального формата [5].

Из интервью Т.Н. Ивановой мы понимаем, что на «Вечернем семинарии» постепенно формировались свои неформальные должности. Например, руководителем от студентов стал Игорь Бычков. Он вёл протоколы заседаний и следил за временем выступлений, обозначая конец речи звоном колокольчика [5]. С расширением клуба, появились и другие должности. У И. Бычкова появился заместитель – Д.А. Ялтаев, который оказывал помощь при подготовке встреч, приглашении гостей и проведении заседаний [6].

В 1998–1999 годах Д.А. Ялтаев, уже будучи преподавателем в стенах исторического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова, курировал «семинарий». В этот период Татьяна Николаевна приняла должность научного руководителя Студенческого научного общества университета, а Д.А. Ялтаев продолжал деятельность, приняв кураторство «семинария» [6].

М.А. Широкова дополняет, что подготовкой аудитории занималась «Хозяйка Вечернего семинария» – специальная должность, которую она занимала. Она выполняла преимущественно организационно-бытовые функции: размещала объявления о предстоящих заседаниях, готовила аудиторию, организовывала чай и угощения для участников. Эта должность была связана не только с решением практических вопросов, но и с поддержанием неформальной атмосферы встреч, способствующей свободному общению студентов и преподавателей. Это свидетельствует о постепенном формировании устойчивой структуры, в рамках которой преподавательское руководство сочеталось с самостоятельной деятельностью студентов [4].

Основной состав слушателей и участников «семинария» состоял из студентов историко-филологического, а далее исторического факультета ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Постоянными членами заседаний были студенты-историки, присутствовали и студенты с направления «Филология». Иногда приходили студенты-физики, которые, как вспоминал Д.А. Ялтаев, в дискуссиях были «крайними циниками», что добавляло интерес к полемике [6].

По мере развития «семинария» к обсуждениям стали присоединяться представители других факультетов и вузов (например, участники Казанского университета), а для рассмотрения отдельных проблем приглашались специалисты, обладавшие необходимой компетенцией. В частности, при обсуждении религиозной тематики были гостями представители различных религиозных традиций, в том числе священнослужитель Андрей Геннадьевич Берман (ныне заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЧГПУ имени И.Я. Яковлева) и мусульманские муллы [5].

Таким образом, организация «Вечернего семинария» основывалась на принципах добровольного участия, коллективного выбора тем, подготовки самостоятельных выступлений и последующего открытого обсуждения. Данная структура позволяла совмещать элементы научного кружка, дискуссионной площадки и неформального сообщества.

Содержание заседаний прямо отвечало на запрос времени: «Мы ставили темы, которые в это время в исторической науке представлялись актуальными». Такие как: роль личности, роль женщины, роль христианства и религии и др. [5].

Важным элементом организации была ориентация на инициативу самих студентов: во время занятий Татьяна Николаевна «пускала листочек по рядам», чтобы студенты сами писали, какие темы они хотят обсудить, после чего из предложенного формировалась программа последующих обсуждений. Организационная структура «Вечернего семинария» складывалась постепенно и предполагала сочетание докладной, дискуссионной и неформальной форм работы. На раннем этапе заседания строились преимущественно вокруг двух докладов, представлявших противоположные позиции по одному вопросу. В качестве примера Иванова Т.Н. приводит дискуссии на темы соотношения роли личности и народных масс в истории. Каждый из докладчиков должен был подготовить аргументированную позицию, после чего проводилось совместное обсуждение. В дальнейшем эта модель была изменена: вместо двух полярных выступлений стало практиковаться проведение одного основного доклада с последующей коллективной дискуссией [5].

Одним из первых докладов О.Н. Широкова на втором курсе стало выступление о концепции А.Л. Чижевского, изложенной в книге «Земное эхо солнечных бурь», на тему «Влияние природы на общество в переломные моменты истории». По его воспоминаниям, в тот период работы Чижевского только начали публиковаться, а сама проблематика рассматривалась как возможное объяснение кризиса 1917 и 1991 гг. Другой доклад Олега Николаевича был посвящен теории пассионарности Л.Н. Гумилёва [7].

Д.А. Ялтаев ответил, что на «семинарии» регулярно обсуждалась гендерная проблематика. Такие обсуждения сопровождались активными дискуссиями, которые не всегда завершались согласием участников [7].

Таким образом, «Вечерний семинарий» представлял собой пространство углубленного изучения исторической проблематики, в рамках которого студенты самостоятельно исследовали малоизученные и актуальные для своего времени темы. Подготовка докладов способствовала развитию навыков публичного выступления и формированию профессиональных исследовательских навыков, будущих учёных.

По воспоминаниям Д.А. Ялтаева, показательным примером стала предвыборная кампания 1995 г., когда участники семинария посетили штабы политических партий Чувашии, появившихся в России после распада СССР, изучили их программы и впоследствии представили результаты этого исследования на заседании [6].

Многие студенты, первоначально посещавшие заседания «Вечернего семинария», позже становились его постоянными участниками. К числу представителей первого поколения относились, в частности, О.Н. Широков и его однокурсники: Олег Тростянский и Ирина Душина. Участие студентов разных курсов способствовало формированию у младших курсов повышенной ответственности. Так подмечает это О.Н. Широков: «Когда сам готовишь тему для выступления перед студентами разных курсов, приходилось попотеть. Сам процесс глубокого погружения в свою тему – это всегда школа творчества» [7]. Для повышения содержательности выступления Т.Н. Иванова направляла ход полемики, помогая участникам формулировать аргументированную критику. При этом она сама активно участвовала в обсуждениях, выступая и как организатор, и как активный участник дискуссий.

На втором этапе в работе «семинария» участвовали нынешний Министр образования Чувашской Республики Д.А. Захаров, сотрудник русской школы при посольстве РФ в Сербии А.С. Баранов, директор Лицея №3 г. Чебоксары И.А. Дмитриев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики ЧГУ имени И.Н. Ульянова О.Ю. Ефремов [6].

Важной особенностью «Вечернего семинария» была сочетавшаяся с научной работой неформальная атмосфера. Заседания сопровождались чаепитием, участники накрывали небольшой стол: приносили чай, печенье, а в библиотеке для встреч имелся отдельный чайный сервиз, который в шутку считался «собственностью семинария» [5]. С того времени, когда И. Бычков стал во главе семинария, он начал активно сотрудничать с профкомом ЧГУ имени И.Н. Ульянова, за счет которого и покупалось сладкое для заседаний [6].

Отдельным направлением деятельности «Вечернего семинария» стали дебаты, позволившие участникам отрабатывать навыки аргументации и публичной дискуссии. В конце 1990-х гг. на базе «семинария» был реализован проект «Дебаты», в рамках которого О.Н. Широков совместно с Т.Н. Ивановой проводил встречи.

Д.А. Ялтаев отмечает показательный эпизод: А. П. Данилова, в то время заведующая кафедрой всеобщей истории, вступила в дискуссию со студентами, которые смогли аргументированно отстоять собственную позицию. Уровень подготовки студентов произвёл на преподавателя сильное впечатление, она высоко оценила их способность обоснованно вести научную полемику [6].

К концу 1990-х гг. активность встреч «Вечернего семинария» снизилась, а в 2000-е гг. заседания стали нерегулярными. Одной из причин спада выделяется открытие юридического факультета, привлёкшего часть наиболее активных студентов гуманитарных направлений. Последнее заседание проводилось в 2021 году, где приглашенным гостем был писатель Л.М. Анисов [5].

Тем не менее, традиции студенческих объединений на факультете сохраняются, приобретая новые организационные формы. Одной из устойчивых тенденций стало появление дискуссионных и интеллектуальных клубов. Так, параллельно с «Вечерним семинарием» действовал дебат-клуб, продолжающий работу и сегодня под руководством О.Ю. Ефремова. А на историко-географическом факультете Книжный клуб «Ять» продолжает традицию встреч «Вечернего семинария».

Таким образом, Т.Н. Иванова сыграла ключевую роль в создании и развитии «Вечернего семинария», обеспечив его организационную устойчивость и научную направленность. Благодаря её инициативе семинарий стал значимой площадкой для исторических, политических и общественных дискуссий в ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Созданная ею среда способствовала развитию исследовательских и коммуникативных навыков у студентов, формированию их профессиональных интересов и становлению будущих специалистов. Значение деятельности Татьяны Николаевны проявилось не только в непосредственных результатах работы семинария, но и в сохранении традиций студенческих научных и дискуссионных объединений, которые продолжают существовать в университете и по сей день.

Список литературы

1. Иванова, Т. Н. «Вечерний семинарий» как пример интеграции воспитательного и образовательного процессов в Чувашском государственном университете / Т. Н. Иванова // Совершенствование воспитательной работы в вузах в условиях модернизации образования: Сборник материалов Всероссийского семинара-совещания (Чебоксары, 1–5 декабря 2003 г.). – Чебоксары : Вуз и школа, 2003. – С. 111–116.

2. Иванова, Т. Н. На рубеже веков: эволюция форм и направлений деятельности студенческого научного общества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в конце XX – начале XXI вв / Т. Н. Иванова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения) : сборник статей (Чебоксары, 15–16 октября 2015 г.). – Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. – С. 358–370.

3. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России: 30-е гг. XIX – начало XX века: автореф. дис.... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Т. Н. Иванова. – Казань, 2011. – 48 с.

4. Карамаликова М.А. Интервью с М.А. Широковой (20.11.2026 г., г. Чебоксары) // Личный архив М.А. Карамаликовой.

5. Карамаликова М.А. Интервью с Т.Н. Ивановой (5.11.2026 г., г. Чебоксары) // Личный архив М.А. Карамаликовой.

6. Шевченко И.М. Интервью с Д.А. Ялтаевым (16.11.2026 г., г. Чебоксары) // Личный архив И.М. Шевченко.

7. Шевченко И.М. Интервью с О.Н. Широковым (2.11.2026 г., г. Чебоксары) // Личный архив И.М. Шевченко.

Кодыбайкин Сергей Николаевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД И.П. ПРОКОПЬЕВА В СОЗДАНИЕ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА

Аннотация: *в статье рассматривается решение кадровых проблем при создании первого университета Чувашской АССР, показан вклад секретаря по идеологии Чувашского обкома КПСС в решение этих проблем, его роль в подборе первого ректора ЧГУ имени И.Н. Ульянова. Дан пример взаимодействия руководящих органов советского государства в решении насущных проблем развития высшего образования в регионе.*

Ключевые слова: *Чувашский государственный университет имени И, Ульянова, национальные кадры, профессорско-преподавательский состав.*

В 1967 году произошло знаменательное событие в истории Чувашии и чувашского народа – был создан Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Каждое крупное событие имеет объективные причины и предпосылки. Вместе с тем, немаловажное значение имеют и субъективные аспекты исторических процессов, выражающиеся в деятельности ключевых фигур тех или иных значимых общественных явлений. Одной из таких фигур являлся Илья Павлович Прокопьев, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в этом году в нашей Республике. Прокопьев, занимая в это время пост секретаря по идеологии Чувашского обкома КПСС, не мог не принять самое деятельное участие в создании первого национального университета Чувашии. Его воспоминания являются ценнейшим источником по истории создания Чувашского госуниверситета [4; 5].

Ещё «патриарх» чувашского народа просветитель И.Я. Яковлев лелеял мечту о чувашском университете. В начале 1920-х гг. в условиях войны, разрухи и начинающегося голода попытался организовать Чебоксарского университет профессор Н.В. Никольский.

Первые вузы Чувашской АССР – Чувашский педагогический институт (1930) и Чувашский сельскохозяйственный институт (1931), – решали первоочередные задачи: подготовки учительских кадров и специалистов сельского хозяйства. Однако удовлетворить потребности в национальных кадрах всех отраслей народного хозяйства они не могли. Эта проблема всё более обострялась по мере индустриального развития республики.

Промышленные предприятия первых пятилеток обеспечивались преимущественно специалистами, направлявшимися в ЧАССР из других регионов. Следующий этап развития промышленности связан с размещением эвакуированных предприятий на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны. С середины 1950-х годов начинается новый этап быстрого индустриального развития республики. Появляются новые отрасли промышленности. Такая ситуация привела к дефициту инженерно-технических кадров. Вновь построенные заводы и фабрики опять, как и до войны, обеспечивались приезжими специалистами. При этом потребности в кадрах удовлетворялись вдвое меньше, чем это было необходимо [3, с. 129].

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. был предпринят ряд мер в этом направлении: открыты учебно-консультационные пункты крупных технических вузов, создаются научно-исследовательские учреждения [7, с. 6]. Важный этап развития высшего образования Чувашии был связан с Волжским филиалом Московского энергетического института (1961), который сразу занял высокие позиции в системе высшего образования республики. И.П. Прокопьев вспоминал: «Открытие филиала МЭИ имело огромное значение в деле подготовки высококвалифицированных инженерно-технических специалистов для быстро развивающейся промышленности республики, ибо до этого мы получали их из вузов Горького, Казани, Москвы, Ленинграда и других городов, которые после двух-трех лет работы уезжали.

Поэтому республике крайне был необходим вуз, где готовили бы специалистов из местной молодёжи» [4, с. 58–59]. Однако, «работники Министерства высшего образования СССР, его министр Елютин считали, что для открытия университета в Чувашии нет необходимых условий» [4, с. 59] и «первая комиссия в составе работников Министерства высшего образования СССР, приехавшая для изучения состояния материально-технической базы и научно-педагогического потенциала республики, дала своё отрицательное заключение об условиях открытия университета в Чебоксарах [5, с. 100]».

В 1950-е гг. руководство Чувашии усилило работу в этом направлении, тем более что и в других автономных республиках активно занимались этим вопросам: статус университетов получают пединституты Якутии (1956) Башкирии (1957), Мордовии (1957) и др. При этом, в Чувашской АССР решили пойти другим путём. Приближающийся 50-летний юбилей Октябрьской революции стал для этого ещё одним серьёзным основанием. Был и ещё один важный фактор – в условиях быстрого социально-экономического развития республики заметно повысилась потребность в специалистах с высшим образованием в самых разных сферах экономики, науки и культуры: в строительстве и медицине, в машиностроении и фундаментальных науках и пр. В этих условиях возродилась идея о национальном университете, но теперь на принципиально новой основе: на базе МЭИ создать университет «нового типа», как его характеризовал И.П. Прокопьев – «универсального, отражающего современную тенденцию развития различных наук путем их взаимопроникновения… это позволяло по мере надобности открывать новые факультеты» [5, с. 107].

Таким образом, значительные объективные предпосылки к созданию Чувашского университета были налицо. Но оставались проблемы, которые было необходимо решить в ближайшее время, а это зависело, прежде всего, от грамотных действий первых лиц Чувашской АССР.

Первый секретарь Чувашского обкома КПСС С.М. Ислюков развернул воистину кипучую деятельность в этом направлении. В течение весны и лета 1967 г. он встретился с министрами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР с десятками ответственных работников, начиная от инструкторов ЦК КПСС до высших лиц государства и, наконец, с Л.И. Брежневым. Итогом стал положительный вывод центрального руководства страны о создании нового университета на базе Волжского филиала МЭИ с присоединением историко-филологического факультета Чувашского пединститута [5, с. 101–102].

Так был сделан первый успешный практический шаг к открытию Чувашского госуниверситета: центр дал «добро».

Теперь главной задачей становится подбор кадров, что являлось главным требованием центра. Конечно, к решению этой задачи приступили заблаговременно. Проблема была серьёзной, по мнению И.П. Прокопьева «слабым местом был недостаток профессоров и докторов наук как в Волжском филиале МЭИ, так и в педагогическом и сельскохозяйственном институтах» [5, с. 100]. Профессор В.Д. Димитриев, возглавлявший Чувашский НИИ, подготовил сведения об учёных – уроженцах Чувашии [1, с. 21]. Эти данные должны были помочь подобрать профессорско-преподавательский состав, в т.ч. руководящий. Ответственным за эту важную и срочную работу, вполне естественно, стал «главный идеолог» республики. Как вспоминал Илья Павлович, «это дело было поручено вести мне, секретарю обкома КПСС по идеологии, зам. председателя Совета Министров Н.Е. Егорову, заведующему отделом науки и вузов Л.А. Андрееву, директору НИИ при Совете Министров республики В.Д. Димитриеву. В сотни адресов направили письма с сообщением о готовящемся открытии университета и с приглашением на работу в нём» [5, с. 100–101].

Наиболее сложной задачей оказалась проблема подбора кандидатуры на должность ректора университета.

Директор Волжского филиала МЭИ, который должен был стать основой нового вуза, А.А. Федоров, по ряду, в том числе, субъективных причин, не принял предложения руководства республики стать ректором запланированного университета. Отказался от этого предложения, ссылаясь на возраст, и профессор М.Я. Сироткин, имевший высокие регалии члена

Союза писателей СССР и член-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР. Рассматривались и другие кандидатуры.

Когда вопрос об открытии Чувашского университета стал проясняться, С.М. Ислюков, находящийся в это время в Москве, позвонил в Чебоксары и попросил ускорить подбор кандидатуры на должность ректора. Секретарь обкома КПСС И.П. Прокопьев сразу же выехал в Казанский государственный университет (КГУ), где работало немало уроженцев Чувашии. По рекомендации руководства Татарской АССР Илья Павлович встретился с профессором КГУ, деканом механического факультета С.Ф. Сайкиным [5, с. 104–105]. Семён Фёдорович был охарактеризован «как умелый организатор и солидный учёный в области подземной гидродинамики» [5, с. 102].

И.П. Прокопьев пишет об этой встрече: Семен Федорович «хорошо понимал, с чем ему придётся столкнуться на посту ректора: строительство материально-технической базы, организация лабораторий и кабинетов, подбор кадров, открытие новых факультетов, все придётся начинать сначала» [4, с. 105]. Илья Павлович подробно описывает доводы, которые были приняты Семёном Фёдоровичем. Он писал: «Вот 50-летие Октября очень удобный случай для открытия университета. В ЦК уже поставлен вопрос, но там выдвинуто условие: найдите на должность ректора профессора, тогда примем решение об открытии. Если вы не найдёте, тогда придётся отложить, и когда ещё вернёмся к этому». И ещё: «Я начал в очень тактичной форме говорить о долге перед народом, республикой, которые помогли получить образование, стать крупным учёным. А стремление молодёжи к получению высшего образования сегодня не меньше чем в прошлом. Поэтому и руководство республики поставило цель – к 50-летию Советской власти открыть университет, и это во многом зависит от Вас, дорогой Семен Федорович». Семен Федорович не мог не согласиться!

Вместе с С.Ф. Сайкиным или немного позже в Чебоксары приехали профессор С.А. Абруков учёные Ф.И. Иванова, В.Е. Волков, В.Н. Николаев, А.Г. Терентьев, А.В. Мерлин и др. [7, с. 9].

Илья Павлович Прокопьев, представляя руководство ЧАССР, и, таким образом неся ответственность перед Чувашией и её народом, не ошибся в выборе первого ректора. Позже он напишет о Сайкине: «Ему принадлежит заслуга в выработке и осуществлении эффективных методов руководства. Его мудрость, тактичность, доброжелательное отношение к коллегам, аспирантам и студентам позволили превратить университет в главный учебно-научный центр республики. В своей деятельности Семён Фёдорович умело опирался на членов Учёного совета, проректоров, профессоров С. Абрукова, А. Аракеляна, А. Терентьева, И. Чучкалова, Л. Ефремова, на партийную, профсоюзную и комсомольскую организации» [2, с. 38].

Таким образом, правильный выбор ректора, в чём заслуга, как мы считаем, прежде всего И.П. Прокопьева, дал возможность обеспечить «новорожденный» университет не только ректором, но и заметной частью научно-преподавательского состава из КГУ.

Постановлением Совета Министров СССР от 17 августа 1967 года открылся Чувашский государственный университет, а 26 августа 1967 года Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР назначило С.Ф. Сайкина исполняющим обязанности ректора. Накануне нового учебного года на первом общем собрании профессорско-преподавательского состава, обслуживающего персонала и служащих Чувашского государственного университета И.П. Прокопьев представил коллективу ректора университета Сайкина и проректоров Абрукова и Аракеляна.

Таким образом, дружная и упорная работа руководителей Чувашской АССР и работников высшего образования позволили осуществить давнюю мечту чувашского народа о национальном университете. И здесь выделяется «тандем» Ислюков-Прокопьев. Если стараниями Семёна Матвеевича было обеспечено само появление нового вуза, то заслуга Ильи Прокопьевича, как «главного идеолога» республики, – подбор кадров, – определила успешное становление университета. Правильно выбранный ориентир на Казанский университет, умелый подход к людям сформировали тот костяк профессорско-преподавательского состава,

который обеспечил успешное развитие Чувашского госуниверситета в последующем. Ибо, как известно, «кадры решают всё!».

Список литературы

1. Димитриев, В. Д. Сайкин С.Ф.: воин, ученый, педагог, общественный деятель / В. Д. Димитриев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. – 56 с.
2. Дорогой созидания. Воспоминания / сост. Д. Ф. Семенов ; ред. И. П. Кириллов. – Чебоксары : ГУП «ИПК «Чувашия», 2006. – 264 с.
3. История Чувашии новейшего времени. Книга II. 1945–2005. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 398 с.
4. Прокопьев, И. П. Во имя народа : сборник статей и очерков / И. П. Прокопьев. – Чебоксары : РГУП «ИПК «Чувашия», 2001. – 194 с.
5. Прокопьев, И. П. По зову сердца : сборник статей / И. П. Прокопьев. – Ульяновск : ИПК «Ульяновский дом печати», 1998. – 208 с.
6. Страницы истории высшей школы Чувашии : учеб. пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 192 с.
7. 55 лет в ногу со временем: к юбилею ЧГУ имени И.Н. Ульянова. / Н. Н. Агеева, О. В. Андреев, О. Г. Вязова [и др.]; редкол.: О. Н. Широков (отв. ред.) [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. – 495 с.

Козина Надежда Георгиевна
канд. ист. наук, доцент
Казанский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

«ЛИЧНОЕ О ЛИЧНОСТИ»: РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В СУДЬБАХ ЕГО УЧЕНИКОВ (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ИВАНОВОЙ)

Аннотация: *в статье приводятся личные размышления о профессоре Т.Н. Ивановой, роли Учителя в судьбах его учеников. Автор не претендует на полноту охвата и глубину научного анализа, акцентируя внимание на собственных размышлениях об отдельных уникальных особенностях преподавания и нравственно-педагогических качеств педагога. Статья является своеобразным «лирическим размышлением» в серии статей автора об «образе идеального Учителя» истории в России.*

Ключевые слова: *Татьяна Николаевна Иванова, личность, историческая наука, Чувашский государственный университет, педагоги высшей школы, «образ идеального Учителя» истории, наставничество, воспоминания.*

Предисловие.

Проходят годы, меняются расстояния – и многое тайное, личное становится явным. Это пространное рассуждение можно заменить одной известной короткой стихотворной цитатой, но о ней позднее…

В настоящее время проблемы личного и публичного особенно актуальны в научном дискурсе и, в частности, историческом.

Какое личное допустимо в публичном поле? Какое – в нём нежелательно? Каким образом публичное пространство «открывает» (порой «обнажает») Личность исторического деятеля или современника? Какие личные качества проявляются (или, может быть, даже трансформируются?) и как они осмысливаются «широкой публикой», а главное – самим героем?

Эти и многие другие вопросы обсуждаются в том числе на научных конференциях (например, ближайшие: Всероссийская научная конференция «Историческая наука и публичная история», 13–14 ноября 2026 г., Казань; Межрегиональная научно-практическая конференция «Человек в истории. Роль личности в истории», 1–2 декабря 2026 г., Петропавловск-Камчатский).

Повествуя о роли личности в историческом измерении (а именно Личности Учителя и Наставника), важно обратить внимание на значимость идеи памяти, ибо «Каждый учитель отдаёт частичку своей души ученикам. И святой долг учеников – хранить память о своём учителе» [7, с. 165].

Практики *прижизненной коммеморации* особенно знаковы и ценны (в частности, юбилейные даты [1; 2; 15; 16]). Поскольку память, историческая память начинает формироваться в настоящем моменте, с серьёзного анализа происходящего, осознания и понимания важного в современности. Это имеет ключевую роль для сохранения преемственности: уметь оценить значимость уже «здесь и сейчас», чтобы затем сохранить память и в итоге обеспечить дальнейшее поступательное развитие и совершенствование на основе имеющегося опыта и достижений.

Это особенно актуально в контексте Указа Президента РФ №809 от 09.11.2022, в котором определён перечень традиционных ценностей [24]. В настоящее время власти уже разрабатывают законопроект с их иерархией: основными предполагаются ценности суверенитета – патриотизм, преемственность поколений, ответственность за судьбу Отечества [3].

Введение.

В данной статье, не претендуя на полноту охвата темы, глубину научного анализа исторических концепций и трудов, акцентирую внимание на собственных (и порой очень личных) размышлениях об отдельных уникальных особенностях преподавания, а также (и в первую очередь!) нравственно-педагогических качеств профессора Татьяны Николаевны Ивановой, доктора исторических наук, моего глубокоуважаемого и дорогого Учителя и Наставника.

Статья не является классической научной, а скорее приобретает форму выражения личной и публичной благодарности. Благодарности (думаю, точнее, уверена) от лица всех учеников Татьяны Николаевны. Благодарности, которая годами, десятилетиями оставалась «как-то между строк», конечно, осознаваемая и всеми прекрасно понимаемая, но не всегда (или даже редко?) публично озвучиваемая, особенно так прямо и откровенно.

Но главной целью здесь становится не просто выразить глубочайшую благодарность и признательность Татьяне Николаевне, а даже и (смело надеюсь) вдохновить глубокоуважаемого и любимого Педагога на дальнейшее многолетнее плодотворное Учительство и Наставничество.

Потому что это очень важно и действительно нужно. Необходимо.

Всем нам. Ученикам. Прошлым, настоящим и будущим.

Основные положения.

Будучи студентами ИФ ЧГУ в начале 2000-х, мы все были очарованы Средневековьем и его легендами, влюблены в образы и сюжеты, которые так живописно нам преподносила Татьяна Николаевна в ходе изучения курса «История средних веков». И дело здесь не только и не столько в увлекательности самой дисциплины. Так, например, выбирая руководителя сначала для курсовой, затем и для дипломной работы, как и многие мои однокурсники, я ориентировалась в первую очередь не на желаемый предмет или даже субъективно интересную мне тему, а именно на Личность Педагога: устоять перед невероятным обаянием и мощной харизмой Татьяны Николаевны было просто невозможно [17; 18].

Стиль преподавания Татьяны Николаевны можно определить как *«либеральный академизм»*. Он предполагает сочетание базовых основ и достижений классического академизма («академизм университетов – это их природа, сущность, проявляющаяся в умении сделать человека личностью не только образованной, с глубокими знаниями, но и воспитанной, интеллигентной» [22, с. 64]), формирование основ академической культуры (фундаментальность знаний, глубина научного погружения в тему, основательный анализ источников, историографическая «подкованность») с либеральными принципами, новейшими веяниями и открытиями в исторической науке и педагогике, методике преподавания («академическая свобода», право выбирать и предлагать любые интересующие темы, выдвигать гипотезы; развитие навыков критического мышления, самостоятельности, креативности; создание атмосферы доверия и открытости, широкого пространства для дискуссии, дебатов, активное

поощрение диспутов; особенный интерес к актуальным междисциплинарным темам и проблемам; индивидуальные траектории развития студентов и пр.).

Эти и другие уникальные особенности преподавания профессора, самые яркие запомнившиеся моменты в процессе обучения на историческом факультете университета мною подробно охарактеризованы в анкете, которую предлагало для заполнения студенческое научное общество ИГФ ЧГУ, и с анализом этих материалов, несомненно, сможем ознакомиться в специальной статье по итогам конференции.

Здесь же хотелось бы осветить важнейшую роль Татьяны Николаевны в судьбах её учеников, к числу которых я себя тоже отношу (и даже нескромно надеюсь занять достойное место в ряду оных).

Но, переходя к сути, необходимо сделать небольшое лирическое отступление. Спойлер – подсказка – об образах.

На одной из конференций, обратившись в ходе личного кулуарного общения к моим глубокоуважаемым Учителям (Татьяне Николаевне Ивановой и Герману Пантелеймоновичу Мягкову), удивлённо (и восторженно!) отметила: «Сколько лет прошло, а ведь вы совсем не изменились!». В ответ – добрые, но немного ироничные (может быть, даже слегка с «привкусом» горечи) улыбки: «Ну да… ну да… ну да где уж!». Хотя с моей стороны были совсем не дежурные, вежливо-учтивые замечания или попытки создать настроение. Это было сказано совершенно искренне, как говорится, «от души».

Ведь в памяти всегда закрепляется и сохраняется именно *образ*.

Как учили мои Педагоги Татьяна Николаевна и Герман Пантелеймонович (а учили они именно истории средних веков и делали это вдохновенно!), вся средневековая история и ментальность – это акцент на образы: «В средневековом мышлении образ (символ) играл фундаментальную роль: он не просто отражал действительность, а выступал главным способом её познания, истолкования и связи с высшим миром, «ключом к пониманию истинной… реальности» [4; 25, с. 344].

Именно *Образ Учителя* (как и других самых ценных людей в своей жизни) мы сохраняем в памяти и бережём в душе, «несём» через годы и расстояния. И никакие новые морщины и/или седины не могут не то чтобы его разрушить, но и даже посягнуть на это.

Ведь эти значимые образы – одна из внутренних опор человека.

На протяжении всей последующей жизни.

Они становятся своеобразными ориентирами, «маяками», на которые мы обращаем взоры в минуты невзгод или времена потрясений. А зачастую в самые важные моменты прямо обращаемся за помощью и поддержкой (даже и покровительством), которые в ответ всегда неизменно и щедро получаем…

Татьяна Николаевна – словно образ Прекрасной Дамы, но не в классическом средневековом понимании, а скорее в современном авторском: как символ вдохновения, женственности, достоинства и благородства, идеал для подражания, возвышенного служения и даже преклонения.

С тем, пожалуй, самым существенным различием, что средневековая недосягаемость, даже «холодность» в образе Прекрасной Дамы «от Татьяны Николаевны» заменяется на прямо противоположное – максимально «живое», близкое, *личное* участие, даже соучастие в жизни своих учеников.

Это в итоге особенно ценно. И порой судьбоносно.

Личный искренний интерес к жизни (и не только научной) своих учеников со стороны Личности Учителя – одна из главных особенностей (и образа, и научной школы) профессора Татьяны Николаевны Ивановой.

Тема «личного» и «личности» словно красной нитью проходит, «пронизывает» все сферы взаимодействия и коммуникаций Учителя – Татьяны Николаевны и её учеников. Справедливости ради отметим, что и в научном, исследовательском дискурсе профессора эти аспекты занимают весьма важное (едва ли не важнейшее?) место.

Это и личные встречи, которые с самых первых дней после «закрепления за научным руководителем» и на протяжении всего периода обучения организует Татьяна Николаевна для обсуждения со своими студентами как общих вопросов и перспектив, так и частных деталей их будущей исследовательской деятельности и научной работы.

Это и интерес к личной жизни своих учеников и даже стремление оказать помощь (или хотя бы «содействие») в её организации. Как тут не вспомнить В. И. Герье, который принимал активное участие в устройстве личной жизни своего самого близкого и любимого ученика – историка М. С. Корелина, к которому он относился практически как к сыну, всячески покровительствовал. Профессор не только продвигал его по научной линии, но и подыскал ему невесту (корректнее – способствовал их знакомству и сближению на своих образовательных курсах и домашних вечерах) – слушательницу Московских высших женских курсов – Надежду Петровну Корелину (в девичестве Александрову). Герье фактически помог молодому учёному обрести семейное счастье и стабильность, а Надежда Петровна стала не просто преданной женой, но и преподавателем, интеллектуальным соратником мужа. Здесь загадочно и многозначительно умолчим о конкретных примерах и практически прямых аналогиях из современности и окружения, учеников, воспитанников Татьяны Николаевны…

Это и интерес к личности ученика, уважение к его научным предпочтениям, внимание к личным психологическим особенностям. Шире – интерес в целом к внутреннему миру человека: своих Учителей, учеников, близкого окружения. А в научно-исследовательском поле – особенное внимание к личной истории, истории личностей, стремление «понять историю через личность» [8; 9; 12; 13], а также осмысление актуальных проблем современной науки – передачи личностного знания в условиях цифровизации гуманитарного образования [6].

Это и личные коммуникации, прочные личные связи и отношения, не только со своими учениками и воспитанниками, но и с окружением в целом. Меня всегда поражала и сейчас тоже вдохновляет вот эта способность Татьяны Николаевны налаживать личные контакты и затем деликатно, но уверенно их поддерживать и развивать. То, что сейчас принято называть модным заграничным словом «нетворкинг» (от англ. «networking» – «плетение сети»), – это социальная и профессиональная деятельность, направленная на создание и поддержание круга полезных знакомств. Только в отличие от последнего, который «по-западному» (даже «капиталистически») ориентирован в основном на коммерческое бизнес-продвижение, эффективный личный брендинг, личные контакты Татьяны Николаевны со своими Учениками основываются на ценностях душевной заботы Педагога, даже опеки и бескорыстного личного участия в их судьбах.

Здесь снова возникает невольная ассоциация со «школой В. И. Герье».

Не знаю, займу ли когда-нибудь какое-либо «образное место» в ряду этих возможных аналогий с учениками историка в представлении моего Учителя (если они есть, разумеется… но ведь эти «параллели» действительно иногда прослеживаются). Наверное, всё же не хотелось бы стать ни «образным» Н. И. Кареевым, ни даже П. Г. Виноградовым, ни П. Н. Ардашевым. (Хотя, справедливости, искренности и улыбки ради, «образным Корелиным», например… почему бы и «да»!). Так как постоянное сравнение (даже и в положительном аспекте) может привести к невольному подражанию (или стремлению к нему), а *«научная школа Т. Н. Ивановой» – самостоятельное и ценное (в том числе и этой самостоятельностью), состоявшееся оригинальное явление.* И, думается, уже перспективное направление для современных историографических исследований.

Хотя сама Татьяна Николаевна относит себя к «наставнической научной школе профессора Г. П. Мягкова» [10; 11]. Одно другого не исключает, так как «научные школы являются открытыми системами, что приводит к явлению интерференции: взаимопересечению границ научных школ, следствием чего оказывается возможным пребывание тех или иных учёных в двух, а то и трёх школах сразу…» [1; 5].

Не являясь большим специалистом (в отличие от безгранично уважаемых мною мэтров [14; 21]) в области научных школ, смело отношу себя как к «школе Г. П. Мягкова»,

так и «школе Т. Н. Ивановой», и не обнаруживаю в этом ни неопределённости, ни противоречия, ни сложности, а только перспективы, уникальность и преемственность. Но речь не обо мне.

А о транслируемых и передаваемых Учителями своим ученикам научных и ценностных принципах.

Необходимо подчеркнуть значение и важность сохранения именно *интеллектуальной традиции* (как преемственности идей, оснований, способов мысли), которая уважительно и бережно перенята моими Учителями у своих Учителей или их научных Идеалов и так же аккуратно передаваема своим ученикам.

Самой главной особенностью этой традиции (при всём разнообразии исследовательских тем, методологий и методик и пр.) определяю для себя *идею преемственности и уважительного, бережного отношения к коммуникациям и коммуникативным связям (научным и личным).*

Важность обозначенных проблем раскрыта, теоретизирована (из личного опыта и размышлений «выведена» в научно-исследовательское и публичное поле) в многочисленных научных публикациях профессора.

Подводя промежуточные итоги данной статьи, хотелось бы обозначить *личные уроки «от Татьяны Николаевны Ивановой»* (мой «топ-5»).

Подчеркну, что это образные размышления, фразы и определения! Авторское, условное, весьма символичное (и даже специфичное) восприятие, не претендующее на достоверность и точность передачи слов и смыслов.

1. Личный урок: «Личное – важно!». Личное восприятие, личная жизнь (которая, например, совсем не противоречит науке и карьере, как показывает опыт семейной жизни и родительства Татьяны Николаевны), личное отношение ко всем, личное участие, личность в целом. Даже данная эмоциональная статья – это тоже попытка приоткрыть завесу «личного», показать Личность: Татьяну Николаевну не только и не столько как учёного, педагога, организатора, а именно её личные черты, душевные особенности в образах, восприятии одного из учеников. Научные исследования Татьяны Николаевны также определяются в том числе и личным интересом к «личным темам и аспектам» (намеренная тавтология). Например, ряд статей профессора и большой объём докторской диссертации и монографии посвящён взаимоотношениям В. И. Герье и его учеников, взаимодействию (и сотрудничеству, и соперничеству) в рамках «научной школы Герье». Значимое место занимают публикации, основанные на анализе источников личного происхождения, эго-источников (писем, дневников, воспоминаний, мемуаров и пр.), а также исторических биографий [6–9; 12; 13].

2. Социальный урок: «Связи – решают!» (не вульгаризированно-обывательское понимание этой фразы, а социально-интеллектуальное её осмысление). Научные и личные контакты, коммуникации – прочная основа для нравственного и профессионального совершенствования человека, учёного. В современном «сетевом» мире в целом и научном сообществе в частности они приобретают особенное значение. Эти взаимосвязи необходимо и важно создавать и затем умело поддерживать и развивать.

3. Гендерный урок: «Женщина может всё!» (P. S. «Даже если она что-то не может, то у неё есть всё, чтобы ради неё это смог мужчина»). Тот случай, когда приписка P. S. важнее и интригует даже больше самого тезиса, но… тут без дальнейших комментариев, ибо маленькие «секретные секреты» – это тоже наша женская гендерная привилегия.

4. Имиджевый урок: «Эффектное преподнесение идеи – важный шаг (иногда даже полпути) к победе!». Выразительное, уверенное (даже яркое, иногда нарочито демонстративное, намеренно акцентирующее) содержательное наполнение и внешнее оформление создают уникальный стиль (статьи, выступления, в целом – человека), тот самый «запоминающийся узнаваемый образ», который надолго запечатлевается в памяти других людей и помогает решать задачи, достигать важные цели.

5. Научный урок: «Наука любит трудолюбивых, но преуспевают в ней – решительные!». Смелость города берёт. Речь не идёт о научном высокомерии, напротив, «научная смелость» в

проявлении индивидуальных взглядов, формулировании авторских идей и концепций должна сочетаться с уважительным и бережливым отношением к традициям и преемственности.

Ещё раз подчеркну, выше приведены не прямые цитаты. Это образы. Образное восприятие уроков, жизненных и научных, которые я усвоила для себя в ходе общения с моим Учителем (и сейчас продолжают пополнять эту «копилку»). В образах важна не точность и достоверность, а связь с эмоциями и ассоциативная «ёмкость»: один сильный ментальный образ может заменить страницы текста или длинные логические рассуждения. Он позволяет увидеть «всю картину целиком», почти мгновенно «считать» важную информацию, в том числе невербальную, а самое главное (конечно, это субъективно) – «прочувствовать» настоящие эмоции автора и в итоге составить своё представление о Личности, создать собственный образ её.

Выводы.

Профессор Татьяна Николаевна Иванова играет огромную роль не только в научном становлении, но и в формировании мировоззрения, шире – в судьбах своих учеников.

Роль, которую невозможно переоценить.

Есть прекрасное древнерусское слово «пествовать», которое очень точно передаёт особенности коммуникации нашего Учителя со своими учениками. То есть заботливо, с большой любовью и вниманием растить, воспитывать, развивать, оберегать, опекать, всегда и неизменно поддерживать.

И в этом отношении Татьяна Николаевна выступает несомненным приверженцем преемственности высших нравственных идеалов «русской исторической школы», «школы всеобщей истории» рубежа XIX–XX вв.

Уважение к индивидуальности (воспитание самостоятельного мышления, поощрение творческой индивидуальности учеников).

Неформальное и доверительное общение (профессор не только формирует научный метод, но и влияет на жизненную позицию ученика, учитель выступает в роли старшего коллеги и морального авторитета).

Преемственность поколений (влияние учителя сохраняется на протяжении всей дальнейшей научной жизни ученика) и важность сохранения интеллектуальных традиций, объёмнее и шире – нравственных ценностных основ коммуникации (уважения, благодарности, памяти).

Заключение.

Завершить статью хочется одной из любимых фраз профессора Татьяны Николаевны (о которой намеренно умолчала в начале статьи): «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье» (фраза – знаменитая строка из стихотворения С. Есенина «Письмо к женщине», написанного в 1924 г.).

В широком смысле – понять истинное значение и сущность событий, поступков, явлений и… Личности другого человека (!) можно только спустя время (и расстояние), когда утихнут сиюминутные эмоции и «выкристаллизируется» самое важное, основополагающее, фундаментальное.

Километры расстояний и годы (точнее, уже десятилетия) после завершения обучения в альма-матер, думается, помогают осознавать и высоко ценить масштаб и роль Личности профессора Татьяны Николаевны Ивановой. Не только в моей судьбе, в судьбах её учеников, но и в жизни каждого, кто связан (был, есть или будет) с историко-географическим факультетом Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, образной «душой» которого, несомненно и общепризнанно, является наша именинница.

Список литературы

1. «Как он дышит, так и пишет...»: юбилей Германа Пантелеймоновича Мягкова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 181–183.

2. Агеева, Н. Н. Арсентьевские чтения как пример коммуникации и коммеморации научного сообщества / Н. Н. Агеева, Т. Н. Иванова // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А.В. – Арсентьевой : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2024. – С. 12–19.

3. Власти разрабатывают законопроект с иерархией традиционных ценностей // Ведомости. – 2026. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/11/13/1244986-vlasti-razrabativayut-zakonoproekt (дата обращения: 13.11.2026). – Текст : электронный.

4. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1972. – 321 с.

5. Иванова, Т. Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 44. – С. 165–185.

6. Иванова, Т. Н. Проблемы передачи личностного знания в условиях цифровизации гуманитарного образования / Т. Н. Иванова // Арчиковские чтения – 2025: Синтез географической науки, прикладных исследований, опыта и молодости : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Чебоксары, 14–17 октября 2025 г.). – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2025. – С. 221–224.

7. Иванова, Т. Н. «Будил умы и зажигал сердца»: преподавательская деятельность Ю.Б. Лебедева в ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России (памяти И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 165–170.

8. Иванова, Т. Н. «Понять историю через личность»: исторические биографии в научном творчестве В.И. Герье / Т. Н. Иванова // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века : материалы II Междунар. науч.-образоват. конф. : в 2 т. – Казань, 2020. – С. 167–170.

9. Иванова, Т. Н. Внутренний мир Владимира Ивановича Герье (по переписке с А.А. Чичериной) / Т. Н. Иванова // Владимир Иванович Герье: у истоков высшего женского образования : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Москва, 2019. – С. 115–127.

10. Иванова, Т. Н. Наставничество и научная школа Г.П. Мягкова / Т. Н. Иванова // Историки об историках: к юбилею профессора Г.П. Мягкова / под ред. Л. П. Репиной, Н. И. Недашковской. – Москва : Аквилон, 2022. – С. 32–47.

11. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – 2025. – № 92. – С. 300–310.

12. Иванова, Т. Н. Новая биографическая история: М.С. Корелин сквозь призму эго-источников / Т. Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2026. – № 1. – С. 14–24.

13. Иванова, Т. Н. Сотрудничество и соперничество как факторы развития научной школы: ученики В.И. Герье / Т. Н. Иванова // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания : сборник статей и сообщений III Междунар. науч.-образоват. конф. – Казань, 2021. – С. 88–93.

14. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 382 с.

15. Иванова, Т. Н. Юбилейные даты как стимул развития «университетологии» / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Диалог со временем. – 2015. – № 52. – С. 384–389.

16. Иванова, Т. Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) / Т. Н. Иванова // Запад – Восток. – 2018. – № 11. – С. 152–160.

17. Козина, Н. Г. «Образ идеального Учителя» истории: современный взгляд на проблему через призму личных воспоминаний о профессоре А.В. Арсентьевой и педагогах исторического факультета Чувашского государственного университета / Н. Г. Козина // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16–17 дек. 2024 г.). – Чебоксары : ИД «Среда», 2024.

18. Козина, Н. Г. «Учитель! Перед именем твоим…» (О просветительстве, наставничестве и коучинге в современной России) / Н. Г. Козина // Гуманистическая миссия просветительства и формирование социально-культурного пространства России (памяти И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары : Среда, 2026. – С. 213–217.

19. Козина, Н. Г. Образ идеального учителя истории в воспоминаниях о российской школе 40–50-х годов XIX века / Н. Г. Козина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2023. – Т. 165, Кн. 1–2. – С. 132–142.

20. Козина, Н. Г. Образ идеального учителя истории в воспоминаниях о российской школе 60-х гг. XIX века / Н. Г. Козина, А. Н. Юзеев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 11 (137). – URL: https://research-journal.org/media/articles/8682.pdf (дата обращения: 13.11.2026). – Текст : электронный.

21. Мягков, Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» / Г. П. Мягков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2000. – 298 с.

22. Попов, Е. А. Академизм в оценках профессоров классических университетов / Е. А. Попов // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 6. – С. 62–76.

23. Пфаненштиль, Н. Г. Образ идеального Учителя в воспоминаниях российских историков XIX века / Н. Г. Пфаненштиль // Ученые записки. – Казань : Отечество, 2021. – Т. 17. – С. 324–337.

24. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации : от 09.11.2022 №809. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 13.11.2026). – Текст : электронный.

25. Федорова, В. М. Особенности средневекового мышления, существенные для понимания художественного времени / В. М. Федорова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – С. 342–345.

Кульчейко Иван Сергеевич
аспирант

Научный руководитель
Ишин Андрей Вячеславович
д-р ист. наук, профессор

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь, Республика Крым

РОЛЬ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1946–1961)

Аннотация: *статья посвящена архиепископу Симферопольскому и Крымскому Луке (Войно-Ясенецкому) и его работе в Крыму в 1946–1961 гг. Материалом послужили опубликованные документы фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ по Крымской области, а также проповеди и указы архиерея. Рассматриваются три сюжета: кадровая политика в епархии, подготовка псаломщиков и переговоры с уполномоченными и облисполкомом. Отдельно показано, как архиепископ сочетал дисциплинарные требования к духовенству с юридическими и финансовыми аргументами в диалоге с властью. Сделан вывод: в условиях усиления антирелигиозной кампании такая тактика не предотвращала закрытия храмов, но позволяла сохранять епархиальное управление и приходскую структуру, а через проповедь – поддерживать церковное самосознание верующих.*

Ключевые слова: *святитель Лука, государственно-церковные отношения, Крымская епархия, Совет по делам РПЦ, религиозная политика, церковное управление, гонения на Церковь, православная идентичность.*

Послевоенная советская политика в отношении Церкви соединяла формально сохранявшиеся возможности религиозной деятельности с практикой административных ограничений. Для регионального уровня это означало прямую зависимость епархиального управления от решений местных органов власти и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви.

Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) возглавлял Крымскую епархию в 1946–1961 гг. Его административные решения, кадровая политика и контакты с представителями советской власти дают материал, на котором можно проследить, как работала церковная структура при усилении государственного контроля.

История Крымской епархии послевоенного периода изучена фрагментарно: отдельные сюжеты освещены у Ж. В. Канталинской и Б. Ф. Колымагина, общий контекст дан в исследовании М. В. Шкаровского [4]. Проповеди святителя Луки и вопрос о православной идентичности верующих советских граждан разобраны в работе свящ. Павла Лизгунова [2]. Предвоенное состояние крымского православия и механизмы государственного давления 1920–1930-х гг. подробно исследованы Ю. А. Катуниным [1]; это позволяет видеть в ситуации

1946 г. результат предшествующей антирелигиозной политики, а не только послевоенных обстоятельств. Административная деятельность архиепископа Луки как целостная стратегия – соединение внутренней дисциплины с переговорно-правовыми механизмами взаимодействия с государством – специально ещё не рассматривалась.

Работа исходит из того, что в условиях последовательного ограничения религиозной деятельности архиепископ Лука сохранял работоспособность епархиальной структуры и одновременно обеспечивал пастырское окормление верующих. Соответственно, цель статьи – охарактеризовать основные направления и механизмы административной деятельности архиепископа Луки в 1946–1961 гг. и определить её значение для сохранения церковной структуры и православной идентичности верующих. Для этого нужно: выявить особенности положения Крымской епархии в рассматриваемый период; проанализировать кадровую политику архиепископа и её результаты; охарактеризовать способы взаимодействия епархиального управления с советскими органами власти; определить пределы административной самостоятельности архиепископа и значение его деятельности для истории епархии и церковной жизни.

Методологически работа опирается на принципы историзма и системности, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Для анализа проповеднической деятельности святителя привлекаются положения работы свящ. Павла Лизгунова о проповедях свт. Луки 1940–1950-х гг. и проблеме двойственной идентичности верующих советских граждан [2]; это позволяет рассматривать административную деятельность архиепископа в неразрывной связи с его пастырским служением.

Источниковую основу составляют опубликованные архивные документы, прежде всего материалы фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ по Крымской области [3], а также научные работы по истории Крымской епархии и государственно-церковных отношений советского периода [4]. Общий контекст советской религиозной политики дан в работе В. А. Куроедова [5]. Предвоенную историю крымского православия и механизмы антирелигиозной политики 1917–1939 гг. приходится реконструировать с опорой на диссертацию Ю. А. Катунина [1]. Проповеди святителя Луки анализируются по публикации свящ. Павла Лизгунова [2].

Крымская ситуация складывалась под влиянием нескольких обстоятельств. С 1948 г. общесоюзная политика повернула от церковной «оттепели» к жёсткому давлению. Послевоенный Крым пережил масштабные демографические изменения – депортацию 1944 года, последствия Холокоста, сокращение ряда традиционных конфессиональных общин, – и религиозная структура полуострова заметно переменилась. Православные приходы при этом сохраняли заметное место в общественной жизни, хотя административный контроль над ними усиливался. Наконец, военно-стратегический статус полуострова (база Черноморского флота, режимные зоны) добавлял ограничения на деятельность священников и на посещение храмов военнослужащими.

К 1946 году, когда архиепископ Лука возглавил Крымскую кафедру, епархия располагала ограниченными институциональными ресурсами: на территории действовало 56 православных храмов, служили 57 священников и 4 диакона [3, с. 15], а единая система церковного управления ещё не была восстановлена. Такой показатель – следствие политики 1920–1930-х гг., когда к 1939 г. в Крыму был ликвидирован почти весь приходской аппарат и действовал лишь один храм [1]; структуру в 1944–1946 гг. приходилось восстанавливать фактически с нуля. Многое поэтому зависело от того, сумеет ли архиерей выстроить отношения с государственным аппаратом, от которого зависели регистрация приходов, деятельность храмов и материальное положение епархии.

Административная практика архиепископа Луки шла по двум линиям. Одна – укрепление внутренней дисциплины духовенства и соблюдение канонических требований. С первых дней в Крыму он начал кадровую политику, направленную на наведение порядка: священники за малейшее отклонение от канонических правил лишались сана, переводились или отстранялись от служения. Среди основных требований были нетерпимость к пьянству,

курению и обязательное ношение духовного облачения. Результаты оказались масштабными: из почти 60 священнослужителей епархии за период управления выбыли 42 человека, из которых восемь – по не зависящим от владыки причинам, остальные были уволены или ушли сами, не желая служить под его строгим руководством [1, док. №51]. Он требовал ежедневного открытия храмов и лично контролировал качество проповедей. Напряжённость среди духовенства такая политика вызывала, но вела к укреплению дисциплины и повышению требований к пастырскому служению.

Многое объясняет судьба священника Василия Человского. В 1949 году он был уволен за штат после того, как в его требнике обнаружили закладки из фашистской газеты. Архиепископ действовал так, чтобы дать Человскому возможность покинуть Крым и избежать более суровых репрессий [1, док. №78]. Жёсткость кадровых решений святителя в ряде случаев, по-видимому, была вынужденной мерой, продиктованной стремлением защитить духовенство от более серьёзных преследований со стороны органов госбезопасности. Документально подтвердить, что именно это стремление было единственным мотивом кадровых решений, по имеющимся материалам нельзя; вывод остаётся обоснованным предположением, а не окончательно доказанным фактом.

Вторая линия – рабочие отношения с представителями советских органов власти, от которых зависели регистрация приходов, деятельность храмов и материальное положение епархии. В отдельных ситуациях Лука использовал переговоры, обращения к вышестоящим инстанциям и аргументацию, основанную на действовавших правовых нормах. В 1960 году, когда властями под предлогом аварийности готовилась к закрытию Феодосийская церковь, святитель Лука, выслушав аргументы уполномоченного Гуськова, согласился на её закрытие, но выторговал обещание не закрывать другие храмы до конца года, ссылаясь на тяжёлое финансовое положение епархии [1, док. №112]. В 1947 году он вмешался в ситуацию вокруг храма в селе Орловка, где местные комсомольцы добивались его закрытия под клуб. После жалобы архиепископа уполномоченный выехал на место, и «нездоровое отношение к Церкви было устранено» [1, док. №34]. Позднее, в 1948 году, состоялась личная встреча с председателем Крымского облисполкома, на которой святитель ходатайствовал об отмене решения об изъятии у общин зданий молитвенных домов. Получив отказ, архиепископ Лука заявил о намерении писать Патриарху с просьбой ходатайствовать перед Правительством СССР «об изменении закона» [1, док. №47].

В ряде случаев Лука переводил конфликт в плоскость конкретных юридических и финансовых аргументов: ходатайствовал перед облисполкомом о пересмотре непомерных налогов, добивался пересмотра решений о закрытии храмов. Это помогало сохранять действующие приходы. В Крыму, как и по всей стране, государственно-церковная политика шла по нескольким линиям. Регистрационный контроль держали уполномоченные Я. И. Ждановым, а затем А. С. Гуськовым: открытие и закрытие молитвенных зданий проходило через них. С 1948 г. открытие новых храмов практически прекратилось. Закрывали по отработанным схемам – из-за отсутствия священника, из-за «аварийного состояния» здания, в связи с изъятием помещений. Многие из этих механизмов – экономическое подавление, перерегистрация общин, использование внутренних расколов – были отработаны ещё в 1920–1930-е гг. и к концу 1940-х гг. применялись как проверенный инструментарий [1]. Методы А. С. Гуськова в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стали особенно изощрёнными: он активно использовал «разложение» церковной «двадцатки», вызывая членов приходского совета на ковёр, угрожая увольнением и склоняя к выходу из общины [1, док. №108]. В ответ святитель Лука направлял в такие сёла священников, которые проводили собрания верующих и убеждали их создать новую «двадцатку».

Налоговое давление было другим инструментом борьбы. Постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. приравняло священнослужителей к «некооперированным кустарям» по ставке подоходного налога, а в 1951 г. ставки значительно повысили. В Крыму сельские священники с годовым доходом 7–10 тыс. рублей отдавали до 40–60% в виде

налогов. Архиепископ Лука не раз жаловался в Патриархию на «чрезмерно увеличенные ставки», а в 1952 г. лично ходатайствовал перед облисполкомом о пересмотре налогообложения [1, док. №63].

Культовую деятельность ограничивали и параллельно вели антирелигиозную пропаганду. Детям запретили религиозное образование, ввоз и издание духовной литературы прекратили, колокольный звон фактически запретили. 11 октября 1948 г. бюро Крымского обкома ВКП(б) приняло постановление «Об усилении антирелигиозной пропаганды». По области развернулась сеть лекторов-атеистов, но работа шла формально и без квалифицированных кадров, поэтому эффект оказался низким. Святитель Лука распорядился, чтобы священники усилили проповеди и вели индивидуальную работу с верующими. Как отмечает свящ. Павел Лизгунов, после 1954 г. в проповедях святителя регулярно звучит мотив обличения безбожия советской жизни, и сам архипастырь обосновывает необходимость такого обличения для христианина [2, с. 197–198].

Проповеди, послания и указы архиепископа были не только формой наставничества, но и рабочим инструментом управления епархией. Укреплению епархиального устройства служили и съезды благочинных. Первый съезд, состоявшийся 15 мая 1947 года, решал насущные организационные вопросы: финансовое состояние епархии, открытие новых церквей, увеличение числа клириков. Следующий съезд в декабре 1954 года продолжил курс на укрепление единства епархиальной жизни [1, док. №91]. Съезды проводились регулярно, и это показывает, что святитель стремился не просто к устойчивой, но и к коллегиально управляемой системе.

Весной 1947 года, когда церковнослужителей остро не хватало, он инициировал создание курсов для подготовки псаломщиков при кафедральном соборе. Совет по делам РПЦ разрешение дал, и епархия организовала обучение групп по 2–3 человека, в основном женщин. Так удалось обойти ограничения на открытие духовных школ и в кратчайшие сроки обеспечить приходы кадрами при минимальных ресурсах [1, док. №29].

К концу 1953 года Крымская епархия находилась в состоянии глубокой институциональной трансформации. От 82 храмов, действовавших на момент освобождения, к 1953 г. осталось чуть более 50 [4, с. 215]. Однако, несмотря на мощное давление, православные общины искали способы выживания. Архиепископ Лука активно переводил священников из богатых приходов в бедные, которым грозило закрытие, и выделял дотации из епархиальных средств. В сёлах возник феномен «беспоповщины»: верующие собирались для чтения акафистов и молитв без священника, и это становилось формой самосохранения веры.

Во второй половине 1948 г. государственно-церковные отношения резко переломились. Причин было несколько: изменилось международное положение СССР с началом «холодной войны», шла внутриполитическая борьба в окружении И. В. Сталина, продолжались чистки и репрессии. 28 октября 1948 г. первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Н. В. Соловьёв направил Г. М. Маленкову докладную записку с требованием удалить архиепископа Луку из Крыма. Владыку обвиняли в «активной религиозной деятельности, сплачивающей реакционные элементы», и в «ярко выраженном антисоветском характере» проповедей [1, док. №52]. Затем в руководстве Крымской области произошли изменения: Н. В. Соловьёва в 1949 году арестовали, и он перестал участвовать в кампании против архиепископа Луки. Была ли именно эта причина остановкой попыток добиться удаления архиерея из Крыма, по имеющимся материалам однозначно сказать нельзя.

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 года и последовавшие политические изменения привели к постепенному пересмотру ряда репрессивных практик. Однако применительно к государственно-церковным отношениям этот процесс не означал прекращения административного давления на религиозные организации. Напротив, с конца 1950-х годов начался новый этап антирелигиозной кампании, связанный с политикой Н. С. Хрущёва. В Крыму ведущая роль в этой борьбе принадлежала уполномоченному А. С. Гуськову, который не просто информировал Совет по делам РПЦ, но и давал рекомендации, как добиться закрытия храма. В

1960 г. по инициативе Гуськова при гор- и райисполкомах были созданы комиссии содействия уполномоченному [1, док. №115].

В 1960–1961 гг. число действующих религиозных общин и священнослужителей резко сократилось. За 1960 г. с регистрации сняли и закрыли 9 церквей и молитвенных домов, а с 1958 по 1961 гг. власти сняли с регистрации 48 церковных общин. За три года число священников в Крымской епархии уменьшилось с 64 до 35 [1, с. 22]. К 1 января 1961 года осталось 29 храмов и молитвенных домов, часть из которых фактически не функционировала. Местные власти не останавливались и перед прямым запугиванием: вызывали к себе верующих из «двадцатки», уговаривали их выйти из числа членов религиозного объединения и угрожали снятием с работы. За духовенством устанавливалась тотальная слежка, телефонные разговоры прослушивались, письма перлюстрировались.

Административное давление на церковные общины не ослабевало. Здоровье архиепископа Луки ухудшалось. 11 июня 1961 г. святитель Лука (Войно-Ясенецкий) скончался на 85-м году жизни.

Главным направлением работы архиепископа стало укрепление внутренней организации Крымской епархии. Кадровые решения, регулярное взаимодействие с благочинными, подготовка псаломщиков и перераспределение духовенства между приходами поддерживали работоспособность церковной структуры при ограниченных административных и материальных возможностях. Кадровая политика дала противоречивый результат: дисциплина укрепилась, требования к пастырскому служению выросли, но отток духовенства оказался значительным.

С государственными органами архиепископ не только противостоял. В отдельных ситуациях он вёл переговоры, обращался к вышестоящим инстанциям, опирался на действовавшие правовые нормы. Полностью предотвратить закрытие храмов и сокращение числа религиозных общин это не помогало, особенно в период антирелигиозной кампании конца 1950-х – начала 1960-х годов. Но такие действия задавали пределы административной самостоятельности архиерея и позволяли сохранять часть приходской структуры.

Значение деятельности архиепископа Луки прежде всего в том, что он сохранил механизмы епархиального управления и поддержал церковную жизнь при возрастающем государственном давлении. Работу архиепископа в 1946–1961 гг. можно рассматривать как продолжение и частичное восстановление той церковной структуры, которая была разрушена в предвоенные десятилетия; это дополнительно подчёркивает историческую значимость его административной работы. Не менее важен и другой итог – сохранение православной идентичности верующих. Как показывает свящ. Павел Лизгунов, в проповедях святителя 1940–1950-х гг. последовательно выражено традиционное православное учение: христианин прежде всего должен мыслить себя гражданином Царства Небесного и лишь во вторую очередь – гражданином царства земного [2, с. 190–191]. Это помогало верующим сохранять церковное самосознание в советской действительности. Дальнейшее изучение темы позволит точнее понять, как региональная церковная администрация взаимодействовала с советскими органами власти и каковы были возможности и ограничения церковного самоуправления в рассматриваемый период.

Список литературы

1. Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов, 1946–1961 гг. : сборник документов / сост. прот. Н. Доненко [и др.]. – Симферополь : Н. Оріанда, 2015. – 1231 с.

2. Лизгунов, П. Проблема идентичности верующих советских граждан в проповедях свт. Луки (Войно-Ясенецкого) / П. Лизгунов // Богословский вестник. – 2022. – № 3 (46). – С. 190–202.

3. Куроедов, В. А. Религия и церковь в советском государстве / В. А. Куроедов. – Москва : Политиздат, 1981. – 263 с.

4. Шкаровский, М. В. Материалы по истории церкви. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 г.) / М. В. Шкаровский. – 3-е изд., доп. – Москва : Крутицкое Патриаршее подворье : О-во любителей церков. истории, 2005. – 423 с.

Курдубова Варвара Вениаминовна
канд. пед. наук, доцент
Сума Щейк Фанта Мади
курсант

ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза
С.М. Буденного» Министерства обороны Российской Федерации
г. Санкт-Петербург

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.С. ПОПОВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ВОЕННЫХ СВЯЗИСТОВ

Аннотация: *в статье рассматривается роль личности А. С. Попова в формировании исторической памяти о достижениях отечественной науки и техники. На основе историко-документального и историко-педагогического подходов проанализированы основные события становления радиосвязи, способы их закрепления в профессиональной культуре военных связистов и возможности использования этого материала в образовательном процессе. Разграничиваются история технических изобретений и их последующее общественное осмысление; показано значение памятных дат, музейных предметов и обращения к первоисточникам. Предложены направления работы с историко-техническим материалом, позволяющие соединить профессиональные знания курсантов с уважительным и критическим отношением к научному наследию. Сделан вывод о том, что обращение к биографии учёного способствует сохранению исторической преемственности при условии опоры на проверяемые факты.*

Ключевые слова: *историческая память, история радиосвязи, научное наследие, военные связисты, профессиональная идентичность, историческое просвещение.*

История радиосвязи традиционно описывается как последовательная смена приборов и технологий: от искровых устройств к ламповой аппаратуре, полупроводниковым радиостанциям и программно-определяемым системам. Такой подход необходим для понимания технического прогресса, однако он не исчерпывает значения исторического опыта для современного специалиста. В профессиональном сообществе знания о прошлом сохраняются также через имена учёных, памятные даты, музейные коллекции, рассказы о практическом применении изобретений и нормы инженерной деятельности. Поэтому история радиосвязи может быть рассмотрена в контексте исторической памяти, а деятельность Александра Степановича Попова – как пример превращения научного достижения в устойчивый символ эпохи.

Актуальность темы обусловлена необходимостью соединения исторического просвещения с профессиональной подготовкой курсантов военного вуза связи. Изучение биографии выдающегося исследователя не должно ограничиваться перечнем дат или повторением устоявшихся формулировок. Оно может создавать условия для осмысления ответственности инженера, особенностей научного поиска и исторической преемственности технических решений. В Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения особо отмечается значение достоверного знания о прошлом и популяризации достижений отечественной науки [5].

Цель статьи – выявить механизмы сохранения исторической памяти о научном наследии А. С. Попова и определить возможности их использования в профессиональной подготовке военных связистов. Использованы анализ историко-документальной и научной литературы, сопоставление этапов развития радиосвязи и историко-педагогическая интерпретация полученных сведений.

В исследованиях коллективной памяти подчёркивается, что представления о прошлом формируются и передаются в социальных группах, а не существуют исключительно как совокупность индивидуальных воспоминаний. М. Хальбвакс показал значение общественных рамок,

благодаря которым события приобретают устойчивый смысл для последующих поколений [6]. А. Ассман рассматривает соотношение исторического знания, культурной памяти и практик обращения к прошлому [1]. В этом контексте образ учёного выступает связующим звеном между конкретным научным результатом и ценностями профессионального сообщества.

25 апреля (7 мая по новому стилю) 1895 года на заседании Русского физико-химического общества А. С. Попов продемонстрировал прибор для обнаружения и регистрации электромагнитных колебаний. Документы той эпохи позволяют восстановить обстоятельства работы исследователя и постепенного совершенствования приёмной аппаратуры [3]. При изложении этих событий важно различать продемонстрированный прибор, последующие опыты по передаче сигналов и практическое внедрение беспроволочного телеграфа. Подобная точность особенно необходима при обсуждении вопроса о приоритете в развитии радио, поскольку научно-технические открытия конца XIX века происходили в международной исследовательской среде.

Значение Попова для истории отечественной радиосвязи определяется не только опытом 1895 года, но и последовательной работой по применению новых устройств в интересах морского флота. В конце 1890-х годов проводились испытания беспроволочного телеграфа на кораблях; зимой 1899–1900 годов была организована радиолиния между островом Гогланд и районом Котки для обеспечения работ, связанных с аварией броненосца «Генерал-адмирал Апраксин». Радиосвязь использовалась и для передачи сообщения об оказании помощи людям, унесённым в море на льдине [3]. Исторический сюжет ценен тем, что раскрывает социальное назначение инженерного решения: оно было востребовано в реальной чрезвычайной ситуации.

Фигура Попова приобрела символическое значение благодаря соединению нескольких характеристик: научной компетентности, педагогической деятельности, связи с потребностями флота и общественно значимого применения результатов исследований. Память о нём позволяет говорить не только об отдельном изобретателе, но и о становлении отечественных научных и инженерных школ. Вместе с тем символическое значение личности не отменяет необходимости источниковедческой проверки событий. Именно сочетание уважения к научному наследию и критической работы с фактами делает историческую память содержательной, а не декларативной.

Таблица 1

Историческая память об А. С. Попове в подготовке военных связистов

Исторический сюжет	Смысл для исторической памяти	Форма учебной работы
Демонстрация прибора в 1895 г.	Становление научного открытия как памятной даты	Анализ документа и сопоставление трактовок
Радиолиния Гогланд – Котка	Связь исследования с жизненно важной практикой	Разбор исторической ситуации применения связи
Переход от аналоговой к цифровой связи	Преемственность инженерных задач при смене техники	Сравнение ограничений разных поколений аппаратуры
День радио и музейные коллекции	Общественное закрепление научного наследия	Подготовка аннотированной исторической справки

Технологические изменения XX–XXI веков показывают, насколько далеко последующие системы ушли от первых опытов беспроволочного телеграфирования. Искровые передатчики и приёмные устройства конца XIX века обеспечивали передачу элементарных сигналов и требовали сложного развёртывания. Развитие электронных ламп создало условия для усиления сигналов, радиотелефонной связи и расширения областей применения радио. В годы Великой Отечественной войны радиостанции различного назначения стали важной частью систем управления войсками, а надёжность связи приобрела непосредственное практическое значение.

Дальнейшая миниатюризация аппаратуры связана с распространением транзисторов и интегральных схем. Отечественные носимые радиостанции семейства Р-105, более поздние аппаратные комплексы и средства связи командных пунктов отражали изменение требований к мобильности, энергетической автономности и организации сетей. Цифровая обработка сигналов, спутниковая связь и технологии программно-определяемого радио сформировали

новый технологический этап, на котором ряд функций реализуется программными средствами. Общая история исследований в области теории связи раскрыта, в частности, в трудах М. А. Быховского [2].

Эти этапы не следует изображать как прямую и непрерывную линию от конкретного прибора Попова к каждой современной радиостанции. Элементная база, методы кодирования и принципы построения сетей неоднократно менялись. Преемственность проявляется прежде всего на уровне научного метода и инженерных задач: обнаружение и передача сигнала, повышение надёжности, преодоление помех, обеспечение связи в сложной обстановке. Такое понимание позволяет избежать технологического анахронизма и одновременно показать связь исторического опыта с профессиональными требованиями к современному военному связисту.

Для курсантов особенно продуктивно сопоставление технических ограничений разных эпох. Например, при анализе ранней искровой аппаратуры можно объяснить, почему важнейшими проблемами становились устойчивость приёма и организация радиолинии; при обращении к ламповым и транзисторным станциям – почему возрастали требования к энергоснабжению, ремонту и подготовке операторов; при изучении цифровых систем – как меняется соотношение аппаратных и программных функций. Тем самым исторические сведения включаются в профессиональную проблематику, а не остаются внешним дополнением к технической дисциплине.

Профессиональная историческая память поддерживается несколькими взаимосвязанными механизмами. Первый связан с персонализацией прошлого: имя исследователя делает сложный процесс развития науки доступным для осмысления через конкретную биографию. Второй механизм – коммеморация, то есть общественные практики памяти. День радио, отмечаемый 7 мая, позволяет ежегодно обращаться к событиям 1895 года и рассматривать их значение для сегодняшнего общества. Третий механизм – сохранение материальных свидетельств: технических приборов, документов, схем, фотографий и научных публикаций. В терминологии П. Нора подобные объекты и практики могут выступать «местами памяти», закрепляющими значимые представления о прошлом [4].

В профессиональном образовании перечисленные механизмы важно объединять. Изолированное изучение биографии создаёт риск формального запоминания, а описание конструкции прибора без исторического контекста не раскрывает его общественного значения. Комплексный подход предполагает обращение одновременно к документу, техническому объекту и исторической ситуации. При этом демонстрация музейного экспоната или фотографии должна сопровождаться указанием происхождения изображения, даты и степени достоверности атрибуции.

Рекомендуется включать историко-технические сюжеты в занятия через короткие задания исследовательского характера. На первом этапе курсанты устанавливают, какое событие подтверждено документом и какие формулировки относятся к более позднему истолкованию. На втором этапе сопоставляют исторические приборы по назначению и ограничениям, не подменяя историю перечнем технических характеристик. На третьем этапе объясняют, почему конкретный научный результат стал частью общественной памяти. На завершающем этапе формулируют профессиональный вывод: какие качества специалиста и какие принципы организации связи сохраняют значение независимо от технологической эпохи.

Одним из возможных заданий является сравнительное чтение фрагмента документа о демонстрации прибора Попова и современной учебной формулировки о возникновении радио. Курсанту предлагается выявить совпадения, уточнения и недоказанные обобщения, а затем составить краткую историческую справку с обязательной ссылкой на источник. Другое задание предполагает анализ эпизода организации радиолинии в Финском заливе: необходимо выделить задачу связи, ограничения доступных средств и общественный результат применения новой технологии. Оба задания объединяют историко-источниковедческую и профессиональную составляющие.

Образовательный эффект подобной работы целесообразно оценивать не по декларативным суждениям о значении исторических личностей, а по наблюдаемым результатам учебной деятельности: умению установить хронологию событий, различить факт и

интерпретацию, объяснить практическое назначение технического решения, корректно сослаться на источник и связать исторический пример с профессиональной задачей. Эти критерии позволяют рассматривать обращение к исторической памяти как часть формирования научной культуры будущего специалиста.

А. С. Попов занимает значимое место в исторической памяти отечественного научно-технического и военно-морского сообщества. Сохранению памяти о нём способствуют памятные даты, документальные публикации, музейные и образовательные практики, а также устойчивое обращение к истории становления радиосвязи. Для военного вуза особую ценность представляет не механическое воспроизведение известного исторического сюжета, а его анализ в контексте задач связи и ответственности инженера.

Обращение к научному наследию Попова помогает соединить историю России, историю профессиональной деятельности и современную техническую подготовку. Такой подход формирует представление о преемственности научного поиска, поддерживает уважение к труду предшественников и развивает навыки критической работы с историческими источниками. Перспективным направлением дальнейшей работы может стать разработка комплекса источниковедческих и профессионально ориентированных заданий с последующей проверкой их педагогической результативности.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

2. Быховский, М. А. Пионеры информационного века. История развития теории связи / М. А. Быховский. – Москва : Техносфера, 2006. – 376 с.

3. Изобретение радио А.С. Поповым : сборник документов и материалов / под ред. А. И. Берга. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1945. – 309 с.

4. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 325 с.

5. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации : от 08.05.2024 №314. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/ (дата обращения: 18.11.2026). – Текст : электронный.

6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.

Лежнина Елена Владимировна
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ОБРАЗ «ГЭЛЬСКОГО ХРИСТИАНСТВА» В РАБОТАХ ЧАРЛЬЗА О'КОННЕРА (1710–1791)

Аннотация: *статья освещает дискуссии, развернувшиеся в Ирландии в середине XVIII века о возможности эмансипации католиков в условия режим «протестантского господства». На примере анализа трактатов и размышлений Чарльза О'Коннера из Белланагара – ирландского аристократа-католика, антиквара и историка, рассматриваются чаяния общественных лидеров гэльской Ирландии, которые, не желая отказываться от своей веры, критикуя политику протестантской Англии, утверждают уникальность исторического прошлого своей страны и доказывают безопасность её религиозных и культурных традиций для современников.*

Ключевые слова: *гэльское христианство, карательные законы, кельты (гэлы), памфлеты, папизм, патриоты, протестантское господство, эмансипация католиков, якобитизм.*

Одним из ключевых вопросов общественно-политических дискуссий в Ирландии XVIII века, несомненно, являлась проблема положения католиков. Согласно Ш. Дж.

Конноли, специалисту по социальной истории ирландского католицизма в XVIII – начале XIX вв., Ирландия в XVIII столетии была типичным прединдустриальным европейским сообществом эпохи «Старого порядка» и, в то же время, «конфессиональным государством», в котором религия стала центральным элементом личной и политической идентификации, а различия в религиозной принадлежности стали основной причиной конфликта [6, с. 2]. Даже вдохновившиеся теорией естественных прав и общественного договора, протестанты – «патриоты», такие как У. Молинью и Дж. Свифт, выступавшие за укрепление на Британских островах парламентской монархии и защищавшие права Ирландского королевства как неотъемлемого и равноправного субъекта Британского государства, опасались разрушительного влияния католических держав и отказывали ирландским «папистам» в возможности получения равных политических, гражданских и имущественных прав.

После завершения Ирландского восстания 1689–1691 гг. в поддержку свергнутого в результате «Славной революции» Джеймса (Якова) II Стюарта, на острове были введены «карательные законы» против католиков и утверждено господство протестантов-»предпринимателей», относящихся к Ирландии как к сырьевому придатку Англии и источнику обогащения для протестантской верхушки. Более 80% населения острова были лишены права голоса и ограничены в правах. С 1695 года ирландские католики не имели права иметь оружие, получать образование, преподавать и заниматься просветительством, а с 1697 года, согласно «Акту о высылке все папистов», католические священники изгонялись из страны и не имели права вернуться назад [2, с. 2]. Якобиты, сторонники Джеймса II Стюарта, лишались земель, а после смерти в 1701 году низложенного монарха и признания католическим миром его сына Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, известного как «Старый Претендент», новым наследником английского и ирландского престолов обязаны были принести «Клятву отречения» (1703). Они должны были подтвердить, что Анна Стюарт – «законная и полноправная королева», а тот, что называет себя «королём Англии под именем Джеймс III» не имеет никаких прав на корону [4, с. 256]. Также были ущемлены права католиков на воспитание собственных детей. Согласно «Акту для предотвращения последующего развития папизма» (1704) «ни одно лицо католического вероисповедания не может быть опекуном или иметь попечение о любом ребёнке до двадцати одного года», в противном случае Высокий канцлерский суд должен передать опекунство ближайшему родственнику-протестанту, а католика ждёт штраф в размере 500 фунтов [1, с. 257–258]. Были существенными имущественные ограничения «папистов». Закон устанавливал, что земли католиков после смерти владельца переходят всем сыновьям в равных долях, а не только старшему сыну, что обеспечивало дробление поместий и обнищание католического дворянства [1, с. 260]. Также католик не мог купить земельный участок и арендовать землю на срок свыше тридцати одного года [5, с. 57].

Расширения земельных владений английских лендлордов дополнялись усилением экономического бесправия острова в составе Британской монархии, принятием законов, ограничивающих ирландскую торговлю, поднятием налогов, ограблением внутреннего рынка спекулянтами и провоцировали акты аграрного бандитизма. С 1710-х годов в Ирландии действовали «тайные общества», протестующие, часто с оружием в руках, против злоупотреблений англичан и протестантской церкви. На западе острова, в провинции Коннахт, действовало движение «Хокерс» («подрезающие сухожилия») борющееся против расширения скотоводческих хозяйств лендлордов, с которыми мелкие арендаторы не могли конкурировать. С 1760-х годов наблюдается новый всплеск аграрного протеста. На севере Ирландии возникло движение «Оукбойз» («дубовые ребята»), выступающие против налогов на строительства дорог. На юге, в графстах Вексфорд, Типпэрэри, Лимерик, Корк и Килкэнни развернулись «Уайтбойз» («белые ребята»), протестующие против церковной десятины. На северо-востоке, в Ольстере, действовало объединение «Стилбойз» («стальные ребята»), стремившееся к уравнительному распределению продовольствия между арендаторами, выступавшее против высоких налогов и феодальной ренты. Идей «народных прав» придерживались «Райтбойз» («ребята права»), протестующие в графствах Корк и Керри против продажи за

долги участков арендаторов [5, с. 59–60]. Восстания жестоко подавлялись, а англиканская церковь делала все для перехода католиков в протестантскую веру. Принадлежность к протестантизму открывала для ирландцев возможности получения образования, освоения профессии и, конечно, участия в политической жизни своей страны.

Так «Акт дальнейшего регулирования выборов членов Парламента», принятый в 1727 году, гласил, что «ни один папист, даже если он не в этом был уличен, не имеет права голосовать на выборах членов парламента или избирать должностных лиц, выступая от корпорации большого или малого города» [3, с. 265]. Даже нехватка избирателей-протестантов в Ирландии не привела к облегчению политического положения католиков. Так «Ньютайн Акт» 1748 года дал возможность принимать участие в выборах недавно прибывшим в округ, но претендующий на роль избирателя должен был поклясться, что «не является папистом, не женат на папистке и не воспитывает своих детей до четырнадцати лет в папистской религии» [3, с. 265].

Однако в 1750–1760-х годах роль католиков, представителей древних фамилий и немногих католиков-предпринимателей растёт, особенно в столичном Дублине. В 1756 году ими была основана Католическая ассоциация, которая акцентировала внимание прежде всего на экономической дискриминации населения острова. В 1760 году они учредили Католический комитет, который был ориентирован на восстановление политических свобод острова. Среди его создателей – уважаемые в католическом мире Джон Карри, Томас Вайс и Чарльз О'Коннор. Косвенно их действия были поддержаны и партией протестантов-патриотов в Дублинском парламенте во главе с Генри Фладом, выступающей с программой широких реформ и повышения роли парламенте в управлении страны. До политической эмансипации католиков было очень далеко, и задача католической интеллигенции состояла в том, чтобы изменить образ «папистов» – смутьянам с диким и необузданным нравом, служителей Папы, готовы предать родную страну по его приказу.

Большую роль в смягчении образа «Дикой Ирландии» сыграл Чарльз О'Коннор из Белланагара (1710–1791) – уроженец графства Слайго, по преданию, прямой потомок легендарного Родрика О'Коннора, короля Конната XII века, католик, историк и антиквар, автор ряда исторических и политических трактатов. По материнской линии Ч. О'Коннор был родственником одного из немногих практикующих юристов-католиков Теренса МакДонаха из графства Слайго, благодаря которому отец Чарльза смог вернуть около 800 акров родовых земель в Белланагаре. Другой дядя по материнской линии – Таддеус Фрэнсис О'Рурк, изгнанный в 1711 году из собственного прихода епикоп Киллалы, капеллан и личный помощник Евгения Савойского, с 1713 года проживавал в Белланагаре у О'Конноров и оказал большое влияние на мировоззрение внучатого племянника Чарльза. Легендарная история семьи увлекла Ч. О'Коннора с самого детства. Он получил начальное образование в одной из «тайных школ» («хедж-школ»), в которых преподавали оказавшиеся в Ирландии на нелегальном положении монахи-доминиканцы, затем закончил школу Уолтера Скелтона в Дублине. Изучал латынь, классическую литературу и, особенно, гэльскую историю и культуру. Удачный брак с Кэтрин О'Хэган, дочерью богатого купца Джона О'Хэгана из Бойла, графства Роскоммон, обеспечил его финансово и дал возможность заниматься писательской деятельностью.

Ключевым произведением творчества Ч. О'Коннора стал трактат «Рассуждения о древней истории Ирландии» (1753), несколько раз переизданный и дополненный материалами по британской политике в Ирландии и комментариями. В 1766 г. Ч. О'Коннор выпустил его расширенное издание, дополнив исследованием об ирландских колониях в Британии и замечаниями относительно перевода на английский язык Дж. Макферсоном кельтского эпоса III в. «поэмы Оссиана» – «Фингал» и «Темора». Его собираемая в течение всей жизни коллекция кельтски манускриптов в дальнейшем была объединена в знаменитую «коллекцию Стоу» герцога Букингемского, хранителем которой стал его внук Ч. О'Коннора. Сейчас она находится в Королевской Ирландской академии, одним из основателем которой также является знаменитый историк и антиквар. Творчество Ч. О'Коннора и его переписка с

современниками широко освещаются ирландскими исследователями, но недостаточно широко известны отечественным историкам.

Миссия Ч. О'Коннора состояла в том, что он собирал исторические источники о ранней истории Ирландии, систематизировал большую коллекцию манускриптов и копий древних текстов, дал им подробные комментарии, а также постарался развенчать мифы о гэльской Ирландии, прежде всего представив теорию о рождении на территории острова особого «кельтского» («гэльского») христианства, отличного от континентального «папизма». Как полагал ирландский историк Я. МакБрайд «Чарльз О'Коннор тратил интеллектуальные силы на два схожих по сути проекта: реконструкцию донорманнской Ирландии в духе любителей древностей и политическую реабилитацию католиков» [7, с. 54]. В этом плане большой интерес представляет трактат О'Коннора «Дело римских католиков Ирландии, в котором принципы и поведение этой партии полностью разобраны и подтверждены», в котором нашло отражение его отношение к современному римскому католицизму [10].

Наиболее яркий образ ранней кельтской истории и гэльского христианства представлен Ч. О'Коннором в «Рассуждениях о древней истории Ирландии». С самых первых страниц трактата он изображает ирландских кельтов выдающимся, необычайно одаренным народом: «самая гуманная и знающая нации из всех древних кельтов», которая «принесла в Ирландию основы письменности и искусств», «установила систему правления и создала философию, которые продолжают существовать уже много веков» [9, с. 5–6]. Необычной является и ирландская христианская религия, «восходящая к культу природы и частично проистекающая из чистых истоков старого патриархального культа». Автор заявляет, что особенности религиозного становления и культурного развития изначально повлияли на нравы гэлов (кельтов), «сделав их доброжелательными», и, благодаря погружению в философию, «мудрыми» [9, с. 6].

Достаточно своеобразно автор представляет роль Святого Патрика – крестителя Ирландии: «главный проповедник Евангелия в Ирландии, британец по происхождению, но римлянин по образованию, был очень способным и благочестивым человеком. Он не считал, что его обязанности как миссионера противоречат его советам и даже его помощи в реформировании нашего политического правительства: он помогал до того предела, до какого бы позволила мудрость нации: дальше он не пошёл... Его дело как политика состояло в том, чтобы исправлять несдержанность Свободы [9, с. 26]. Таким образом, Патрик оказал большое влияние на вождей ирландских кланов, выступая как мудрый советник и арбитр в решении споров, поощрял обретение ирландцами знаний. Святой Патрик также занимался «очищением истории и государственного устройства от порочного влияния доктрин друидов» [9, с. 28]. Несомненно, главной задачей первых проповедников христианства в Ирландии Ч. О'Коннор считал укрепление ранней кельтской государственности, распространение знаний и исправление нравов. Но он выступал против приоритета церкви над государством, а главным инструментом распространения христианства считал не основание епископских кафедр, а распространение монашеских общин. Основанные на территории Ирландии монастыри О'Коннор воспринимал, прежде всего, как центры учёности и экономического развития, которые были необходимы ранней Ирландии в условия отсутствия римских городов. Среди зачинателей ранних христианских традиций автор выделяет короля Лаогара из рода Ниалла, который правил в Ирландии V века и был отмечен, прежде всего, как строитель каменных церквей. А Олиола Молта, наследника Лаогара он считает первым воистину христианским правителем [9, с. 31]. Ч. О'Коннор подчеркивал связи шотландского и ирландского кельтского сообщества, указывая на их политические связи и культурные взаимные влияния. Приход норманнов на остров он воспринимал как кризис и крушение кельтской Ирландии, когда произошло «падение нравов, обходительности, упадок культуры, учености и богатства» [9, с. 31].

Образ раннего «гэльского христианства» в работах Ч. О'Коннора резко контрастирует с современным автору римским католичеством. Он признает, что «интриги римского двора дали ключ ко многим политическим злодеяниям», отрицает якобитизм как политическую доктрину, выступает против религиозных войн, сетует, что конфессиональное разделение

противоречат современным принципам построения мира, основанным на «знании и свободе дискуссий» [9, с. 6].

Тем не менее, как полагает О'Коннор, общая принадлежность ирландцев и англичан к ранней христианской церкви дают право жителям современной Ирландии возможность претендовать на экономические и политические свободы. Согласно ирландскому историку и антиквару «самые ранние поселенцы острова прибыли из Британии, поэтому сохранили свои естественные права точно так же, как жители последующих колоний, основанных Генрихом II» [8, с. 8]. С другой стороны, католические авторы, такие как Чарльз, в своих попытках убедить протестантское общественное мнение в том, что некоторые экономические ограничения, налагаемые на их единоверцев, должны быть смягчены, искали на континенте примеров межконфессиональной терпимости. В частности, он стремился извлечь политический капитал из того факта, что правители Великобритании и Ирландии предоставили защиту католическим подданным на континенте. Европеизация британской монархии, начатая при Вильгельме III, была усилена с приходом к власти Ганноверского дома, настолько, что Георга I и Георга II обвиняли в том, что они ставят свои территориальные интересы в Германии выше интересов своих британских подданных. Католики считались верноподданными в Ганновере, Пруссии и Голландии, что побудило Ч. О'Коннера задаться вопросом: «Являются ли ирландские католики неисправимыми»? [12, с. 15].

Несомненно, Ч. О'Коннера нельзя назвать радикалом и сторонником насильственных методов за права католиков. Так он выступал против аграрных восстаний 1710–1760-годов, полагая, что он носят социальный, а не религиозный характер: рассматривал восстания «Уайтбойз» как столкновения батраков Мюнстера с лэндлордами, которые во многих случая были католиками [11, с. 191].

Образ «кельтского христианства», представленный в трудах Ч. О'Коннера, должен был смягчить, но не обезличить «дикость» «папистской» Ирландии, заложить традиции бережного отношения к собственной истории и культуре, а также способствовать взаимопониманию протестантов и католиков и политической реабилитации природных ирландцев.

Список литературы

1. Акт для предотвращения последующего развития папизма, 1704 // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 256–265.

2. Акт о высылке всех папистов, 1697 // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 251–254.

3. Акт дальнейшего регулирования выборов членов Парламента, 1727 // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 265.

4. Клятва отречения, 1703 // Мирошников А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 256.

5. Мирошников, А. В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1 / А. В. Мирошников. – Воронеж : Истоки, 2008. – 313 с.

6. Connolly, S. J. Religion, law, and power: the making of Protestant Ireland, 1660–1760 / S. J. Connolly. – Oxford : Clarendon Press ; New York, 1992. – 346 p.

7. McBride, J. Eighteenth Century Ireland. The Isle of Slaves / J. McBride. – Dublin : Gill Books, 2003. – 563 p.

8. O'Connor, Ch. A counter-appel to the people of Ireland / Ch. O'Connor. – Dublin, 1749. – 14 p.

9. O'Connor, Ch. Dissertations on the antient history of Ireland: wherein an account is given of the origine, government, letters, sciences, religion, manners and customs, of the antient inhabitants / Ch. O'Connor. – Dublin : Printed by James Hoey for the Editor, Mr. Mich. Reilly, 1753. – 338 p.

10. O'Connor, Ch. The case of the Roman-Catholics of Ireland. Wherein the principles and conduct of that party are fully explained and vindicated / Ch. O'Connor. – Dublin : Printed for P. Lord, Bookseller, as the Angel and Biblein Cook-Street, 1755. – 79 p.

11. O'Connor to Burk, 25 Apr. 1765 // Ward C.C. The letters of Charles O'Connor of Balanagare : in 2 vols. Vol. 1 / C. C. Ward, R. E. Ward. – Ann Arbor : Irish American Cultural Institute, 1980. – P. 190–191.

12. Viscount Taaffe N. [Charles O'Connor] Observations on Affairs in Ireland, from the settlement in 1691 / N. Viscount Taaffe. – Dublin : Printed by James Hoey, at the Mercury in Parliament-street, 1766. – 44 p.

13. Sheehan, C. A. The contribution of Charles O'Conor of Belanagare to Celtic scholarship in eighteenth-century Ireland / C. A. Sheehan // Journal of Celtic Studies. – 1958. – № 2–2. – P. 219–237.

Минеева Елена Константиновна
д-р ист. наук, профессор
Зыкина Алевтина Петровна
канд. пед. наук, доцент, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ИВАНОВОЙ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Аннотация: *статья посвящена научно-педагогической деятельности доктора исторических наук, профессора кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова Т.Н. Ивановой, посвятившей родному вузу 52 года профессиональной работы. Рассматриваются основные этапы её академической карьеры: от ассистента до заведующей кафедрой и руководителя научно-исследовательской лаборатории имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева. Освещаются организаторская, научно-методическая и общественная деятельность учёного, её участие в подготовке научных кадров, проведении конференций и молодёжных научных конкурсов. Характеризуются основные направления исследований Т.Н. Ивановой: история российской науки и образования XIX века, отечественная историография всеобщей истории, биографистика, устная история и историческая память. Подчёркивается значительный вклад учёного в развитие исторической науки, университетского образования и научной школы Чувашии.*

Ключевые слова: *Чувашский государственный университет, история науки, история образования, российская историография, всеобщая история, биографистика, устная история, историческая память, научно-педагогическая деятельность, научная школа, Чувашия.*

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова по праву гордится своими преданными делу педагогами, долгие годы вносящими вклад в развитие вуза. Среди них – Татьяна Николаевна Иванова (Фомина), доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран.

Родилась Т.Н. Иванова 29 ноября 1956 г. в Чебоксарах. В 1974 г., окончив среднюю общеобразовательную городскую школу №31, она поступила на историко-филологический факультет ЧГУ по специальности «История». Студенческие годы Татьяны Николаевны отличались не только высокими образовательными и исследовательскими результатами, но и насыщенной общественной жизнью. В течение пяти лет учебы она регулярно выступала с докладами на студенческих конференциях, принимала активное участие в культурно-массовых мероприятиях, являлась одной из активных представительниц «Студвесны» университета и факультета, исполняла обязанности секретаря комитета ВЛКСМ ИФФ, работала в студенческих организациях (СНО и ССО), а также была причастна к археологическим раскопкам под руководством видного ученого, заведующего кафедрой всеобщей истории, профессора В.Ф. Каховского.

В 1979 г. Т.Н. Иванова с отличием окончила ЧГУ и была направлена на стажировку в Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. В 1980–1984 гг. она обучалась в аспирантуре одного из центральных вузов страны. Во время учебы в Ленинграде она встретила будущего супруга – Александра Семеновича. В 1984 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В том же году Татьяна Николаевна вернулась в ЧГУ, начав преподавательскую деятельность на кафедре всеобщей истории в должности ассистента. Впоследствии она заняла должность доцента, в 2002 г. возглавила кафедру, а с 2018 г. работает в должности профессора КИиКЗС. Будучи активным и неравнодушным человеком, заинтересованным в развитии кафедры, факультета и

Чувашского университета в целом, она создала научную школу, включив в состав кафедры новых молодых перспективных преподавателей.

Педагогическая деятельность Т.Н. Ивановой характеризуется новаторским подходом и глубокой вовлеченностью в образовательный процесс. Ее отличает стремление не просто транслировать знания, а пробуждать у студентов интерес к научному поиску. Для достижения этой цели Татьяна Николаевна активно внедряет интерактивные формы обучения, в частности, методы моделирования и игровые технологии. Она принадлежит к числу пионеров внедрения современных механизмов оценки знаний студентов. Начиная с 1993 г., для контроля и оценки знаний она активно использует тестовый контроль знаний, умений и навыков студенческой молодежи, а также модульно-рейтинговую систему обучения.

Значительный вклад Т.Н. Иванова внесла в воспитательную работу. В течение ряда лет она занимала должность заместителя декана исторического факультета по воспитательной работе, вопросы воспитания молодежи остаются в фокусе ее внимания и в настоящее время – этому посвящен целый ряд ее научных публикаций. В начале 1990-х гг. по ее инициативе в ЧГУ были созданы студенческие объединения «Вечерний семинарий» и «Дебаты».

Татьяна Николаевна – активный участник инновационных образовательных проектов как на уровне университета, так и в масштабах республики: среди них – программы «Правовое образование в школе», «Дебаты», «Переподготовка учителей-гуманитариев». Помимо основной работы в ЧГУ, в разные годы она вела авторские курсы в ряде чебоксарских образовательных учреждений (лицей №1, гимназия №1, школы №54 и 59), а также читала лекции для учителей истории в Республиканском институте образования и в сельских школах Чувашии в рамках программ повышения квалификации.

С 1999 по 2013 гг. Т.Н. Иванова являлась научным руководителем Студенческого научного общества ЧГУ и организатором научных конференций. Благодаря ее усилиям студенческая конференция «Человек. Гражданин. Ученый» получила статус региональной, а итоговые научные конференции приобрели всероссийский масштаб. За экспертную работу в составе комиссий городских и региональных конференций школьников («Открытия юных», «Юность Большой Волги») она неоднократно получала благодарности от Управления образования администрации города Чебоксары. С 2002 г. Татьяна Николаевна участвует в организации ЕГЭ в Чувашии; в течение пяти лет возглавляла предметную комиссию по обществознанию.

В 2011 г. в Казанском федеральном университете Т.Н. Иванова защитила докторскую диссертацию на тему «Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX вв.)». В отзыве научного консультанта, доктора исторических наук, профессора КФУ Г.П. Мягкова особо подчеркиваются высокий профессиональный уровень работы, новизна подхода, основательность источниковой базы, аргументированность выводов, а также практическая ценность и актуальность исследования. Подобная высокая оценка со стороны экспертов характерна для всех трудов Татьяны Николаевны.

В том же 2011 г. ее монография «Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века)» [13] была отмечена грамотой Третьего Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2011» в номинации «история, философия, религия». На сегодняшний день Т.Н. Иванова является автором более 380 научных и учебно-методических работ, в том числе 10 монографий, 6 учебников для средних школ, 10 учебно-методических пособий для вузов и общеобразовательных школ, 3 методических пособия для абитуриентов по курсу «Обществознание». Только за последние пять лет (2021–2026 гг.) Т.Н. Ивановой опубликовано 85 работ, в том числе 5 монографий, 2 учебных пособий, 7 статей Web of Sciens, 15 статей ВАК, 39 статей РИНЦ. Три статьи опубликованы в зарубежных журналах. За эти годы она являлась редактором 6 сборников научных статей, членом оргкомитета 5 научных конференций, в том числе 3 международных. Она выступала в качестве исполнителя в грантах российских научных фондов (РФФИ, РНФ).

Исследовательская деятельность Т.Н. Ивановой охватывает несколько взаимосвязанных направлений. Их объединяющая черта – интеграция науки и образования, что придает ее трудам особую актуальность и практический, прикладной характер. Одно из ключевых направлений – история российской науки и образования в XIX–XX вв. [12; 16; 22; 25; 26]. Работы в этой области получили признание по всей России. Значительное место в творчестве ученого занимает биографистика: Т.Н. Иванова создала серию монографий и статей, посвященных выдающимся русским ученым и общественным деятелям [3; 5; 6; 10; 14; 17]. Кроме того, она была членом авторского коллектива монографий по истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова, города Чебоксары и прокуратуры ЧР, а также монографии «Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-гг». В последние годы ее научная деятельность связана еще с изучением истории национального-государственного строительства 1920–1930-х гг., а также на анализе межнациональных отношений в Среднем Поволжье и Приуралье [8; 19–21; 24].

В последние годы в фокусе ее внимания – проблемы создания устно-исторических источников, изучение исторической памяти [6]. Отдельное направление научно-педагогической деятельности Т.Н. Ивановой – создание в составе авторского коллектива серии учебников и учебных пособий по истории Чебоксар для курса «Мой город» [1; 2]. Кроме того, ряд ее работ посвящен методике подготовки для сдачи единого государственного экзамена, преподавания истории в школе и вузе, также анализу школьных учебников [7; 9; 11; 15; 18].

Новаторский подход, свойственный творческой деятельности Т.Н. Ивановой, ярко проявился в создании Центра устной истории на базе Чувашского государственного университета. Под ее руководством сформирована группа студенческих добровольцев, занимающихся сбором воспоминаний ветеранов ЧГУ, участников Афганской войны, ветеранов Великой Отечественной войны и строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. По этой проблематике Татьяна Николаевна подготовила учебное пособие и опубликовала серию статей. В 2021 г. она выступила одним из организаторов Международной научной конференции «Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания», в рамках которой работала секция, посвященная строительству оборонительных рубежей. Т.Н. Иванова ведет активную просветительскую деятельность: в 2021 г. прочитала ряд публичных лекций о воспоминаниях строителей Сурского и Казанского рубежей, подготовила проспект популярного издания для школьников. Она также является лектором Всероссийского общества «Знание».

Помимо названного отметим, что Т.Н. Иванова занимает должность председателя Регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории и входит в состав его координационного совета. Она выступила организатором и участником десятков научных конференций – международных, всероссийских и региональных. По ее инициативе с 2008 г. в ЧГУ проводятся «Арсентьевские чтения» – научная конференция памяти профессора А.В. Арсентьевой. Благодаря ее деятельности в рамках РОИИ кафедра истории и культуры зарубежных стран установила тесные связи с ведущими научными центрами и видными учеными, что позволило в 2014 г. заключить договор о сотрудничестве между ЧГУ и Институтом всеобщей истории РАН.

В настоящее время Т.Н. Иванова руководит научно-исследовательской лабораторией имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева, действующей на базе ЧГУ. По ее инициативе в 2018 г. была проведена Всероссийская конференция с международным участием, приуроченная к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева.

Значительное внимание Татьяна Николаевна уделяет подготовке научных кадров. Студенческие работы, выполненные под ее руководством, неоднократно отмечались дипломами российских и региональных конкурсов. Под ее научным руководством защищены пять кандидатских диссертаций: А.Н. Зарубина, Н.Н. Агеевой, О.В. Захарченко, О.О. Дмитриевой, Н.О. Самылкина. Ученики Т.Н. Ивановой продолжают исследовательскую работу в научных учреждениях Чувашии, что дает основание говорить о сформированной ею научной школе.

Активная творческая, трудовая деятельность Т.Н. Ивановой получила широкое признание. В 2012 г. по совокупности показателей учебной, методической и научной работы она стала победителем конкурса ЧГУ «Профессор года», в 2013-м – лауреатом университетской премии в области гуманитарных наук. Т.Н. Иванова удостоена звания «Заслуженный работник образования Чувашской Республики» (2007), награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (2011) и Почетной грамотой Минобразования Чувашской Республики (2015). В 2017 г. ей присвоено звание «Почетный работник сферы образования РФ». В 2019 г. Татьяна Николаевна была награждена юбилейной медалью «В память о 550-летии города Чебоксары» и премией «Общественное признание – 2019» в номинации «Чебоксары – пишу и снимаю о городе».

В 2022 г. Т.Н. Ивановой было присвоено звание профессора. За монографию «Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920 годы» [23] ей, в составе авторского коллектива, была присуждена Государственная премия Чувашской Республики 2023 года в области гуманитарных наук. 25 июня 2026 г. Татьяне Николаевне объявлена благодарность от имени Главы ЧР О.А. Николаева «За вклад в развитие образования и многолетнюю работу»; 2 сентября 2026 года – от имени депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ А.Л. Салаевой – «За серию учебников по истории города Чебоксары и популяризацию истории малой Родины».

Поздравляем Татьяну Николаевну с юбилейной датой и желаем дальнейших творческих успехов, новых открытий и побед!

Список литературы

1. Данилова, А. П. Мой город (Портреты старых Чебоксар) : экспериментальный учебник для 8 класса / А. П. Данилова, В. Д. Данилов, Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. респ. ин-та образования, 2003. – 215 с.

2. Данилова, А. П. Мой город. Путешествия по Чебоксарам : учеб. пособие для 6 класса / А. П. Данилова, Т. Н. Иванова, В. Д. Данилов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2019. – 191 с.

3. Зыкина, А. П. Первый декан: роль А.В. Арсентьевой в становлении исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова : сборник трудов конференции / А. П. Зыкина, Т. Н. Иванова, М. Н. Краснова // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – 2019. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 12–17.

4. Иванова, Т. Н. «Мы внесли свой вклад в дело победы»: воспоминания строителей оборонительных рубежей как источник устной истории / Т. Н. Иванова // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Междунар. науч. конф. – Чебоксары : Среда, 2021. – С. 166–173.

5. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 382 с.

6. Иванова, Т. Н. Два неизвестных письма Р.Ю. Виппера к В.И. Герье / Т. Н. Иванова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 12. – С. 281–291.

7. Иванова, Т. Н. Использование рейтинговой системы и инновационные методы преподавания средних веков в Чувашском государственном университете / Т. Н. Иванова // Россия на рубеже веков : материалы Всерос. школы-семинара. – Йошкар-Ола : Совет ученых-гуманитарев Респ. Марий-Эл, 1998. – С. 69–73.

8. Иванова, Т. Н. Исторические ошибки: деятель Наркомнаца С.М. Диманштейн о национальной политике Советского государства / Т. Н. Иванова, Е. К. Минеева, А. П. Зыкина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2022. – № 2 (62). – С. 74–84.

9. Иванова, Т. Н. История в 7 классе: Сценарии ролевых игр, тесты / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1993. – 44 с.

10. Иванова, Т. Н. К 100-летию образования СССР: жизнь и деятельность Григория Исааковича Бройдо / Т. Н. Иванова, Е. К. Минеева, А. И. Минеев // Вопросы истории. – 2022. – № 7–1. – С. 49–61.

11. Иванова, Т. Н. Методика составления тестовых заданий по истории / Т. Н. Иванова // Народная школа. – 1994. – № 1. – С. 29–35.

12. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование ученых школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – 2025. – № 92. – С. 300–310.

13. Иванова, Т. Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 413 с.

14. Иванова, Т. Н. Новая биографическая история: М.С. Корелин сквозь призму эго-источников / Т. Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2026. – № 1. – С. 14–24.
15. Иванова, Т. Н. Обществознание: подготовка к Единому государственному экзамену : учеб.-метод. пособие / Т. Н. Иванова, М. Н. Краснова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – 252 с.
16. Иванова, Т. Н. Повседневная жизнь городского учительства Чувашского края в XIX – начале XX века / Т. Н. Иванова, А. П. Зыкина // Вестник Чувашского университета. – 2019. – № 2. – С. 53–60.
17. Иванова, Т. Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII – XXI / Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева // Диалог со временем. – 2019. – № 66. – С. 392–404.
18. Иванова, Т. Н. Школьный учебник и историческая память: анализ отечественной учебной литературы по истории в XX веке / Т. Н. Иванова // Запад – Восток. – 2020. – № 13. – С. 99–114.
19. Иванова, Т. Н. Этническое многообразие России конца XX – начала XXI в.: к аспектам теоретико-методологического анализа / Т. Н. Иванова, Е. А. Омельченко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12, № 1 (82). – С. 10–17.
20. Минеева, Е. К. «Вы – человек, следовательно, могли ошибаться». Письмо Г.А. Аитбаева к И.В. Сталину / Е. К. Минеева, Т. Н. Иванова // Центр и периферия. – 2021. – № 4. – С. 44–49.
21. Минеева, Е. К. Взгляд экспертов на межэтническое взаимодействие тюркских народов европейской России: анклавные этнотерриториальные группы и межкультурная адаптация / Е. К. Минеева, Т. Н. Иванова, А. И. Минеев // Эхо веков. – 2022. – № 4. – С. 90–99.
22. Минеева, Е. К. Модернизация системы школьного образования в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг. / Е. К. Минеева, А. П. Зыкина, Т. Н. Иванова // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 984–998.
23. Минеева, Е. К. Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917–1920-е годы / Е. К. Минеева, Т. Н. Иванова, А. П. Зыкина. – Москва : Этносфера, 2022. – 552 с.
24. Минеева, Е. К. Национальная политика советской власти и роль русского народа в преодолении неравномерного развития автономий Среднего Поволжья в 1920–1930-е гг. / Е. К. Минеева, Т. Н. Иванова, А. И. Минеев // Вестник антропологии. – 2025. – № 3. – С. 335–346.
25. Развитие системы российского образования в первой четверти XIX века. Основные положения Устава 1804 г. / Е. К. Минеева, А. П. Зыкина, Т. Н. Иванова [и др.] // Былые годы. – 2024. – № 19 (3). – С. 1124–1136.
26. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова : коллективная монография / О. Г. Вязова, О. Н. Галошева, А. П. Данилов [и др.]. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 374 с.

Самылкин Николай Олегович
канд. ист. наук, научный сотрудник, заведующий
Музей В.И. Чапаева
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБРАЗ В.И. ЧАПАЕВА В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОТ СИМВОЛА ЭПОХИ К МУЗЕЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Аннотация: *в статье рассматриваются процессы формирования, эволюции и трансформации образа В.И. Чапаева в отечественной исторической памяти. Анализируется феномен начдива как одного из ключевых символов советской эпохи, соединившего в себе реальный биографический нарратив, идеологическую мифологизацию (литература, кинематограф) и пласт массовой культуры. Особое внимание уделено роли музейных институтов в коммеморативных практиках на примере Музея В.И. Чапаева в Чебоксарах. Делается вывод, что музейная репрезентация выступает важнейшим инструментом верификации исторической памяти, трансформируя идеологический канон в объективное культурно-историческое наследие.*

Ключевые слова: *Чапаев, историческая память, коммеморация, музейная репрезентация, Музей В. Чапаева, Чебоксары, Гражданская война, мифологизация, музейная экспозиция.*

В современных российских коммеморативных практиках и государственной политике памяти события Гражданской войны 1917–1922 гг. занимают одно из наиболее противоречивых и сложных мест. Если Великая Отечественная война выступает безусловным консенсусным ядром национальной идентичности, то Гражданская война сохраняет характер

«травматического прошлого». Глубокий общественный раскол столетней давности до сих пор порождает споры о легитимности, моральной правоте и исторической цене выбора противоборствующих сторон – «красных» и «белых».

В постсоветский период вектор мемориализации претерпел трансформации. С одной стороны, произошла масштабная десакрализация советского пантеона героев. С другой стороны, наметилась тенденция к реабилитации и героизации лидеров Белого движения (установка памятников и мемориальных досок А.В. Колчаку, А.И. Деникину и др.). Возникший нарратив «примирения и согласия», предполагающий равнозначность трагедии обеих сторон, на практике столкнулся с проблемой отсутствия единых критериев оценки исторических персонажей.

В этих условиях коммеморация конкретных участников конфликта нередко оказывается заложницей конъюнктурных интерпретаций. Фигуры начдивов, комиссаров и генералов рискуют быть либо преданными забвению, либо превратиться в абстрактные маркеры идеологического противостояния. Образ Василия Ивановича Чапаева в отечественной культуре уникален тем, что представляет собой сложный многослойный палимпсест, в котором переплелись три разнородных пласта: подлинная историческая биография, нормативный советский миф и феномен низовой смеховой культуры [2].

Трансформация Чапаева в общегосударственный символ началась с романа Дмитрия Фурманова «Чапаев» (1923), где стихийная народная сила героя была концептуально подчинена партийному разуму в лице комиссара Клычкова. Кульминацией канонизации стал фильм братьев Васильевых (1934). Кинематографический Чапаев в исполнении Бориса Бабочкина сформировал канонический визуальный и поведенческий код: папаха, бурка, шашка наголо, лихой конь и знаменитые «картофелины» на оперативной карте. Этот образ выполнял важнейшую функцию – он легитимизировал власть через образ народного полководца, близкого и понятного миллионам советских граждан.

В период позднего социализма (с конца 1960-х годов) произошла неожиданная трансформация канона: Василий Иванович, его ординарец Петька и пулеметчица Анка стали главными персонажами советского анекдотического цикла. Это явление не было знаком поругания памяти, напротив, в антропологии фольклора переход в анекдот свидетельствует скорее о высшей степени «укорененности» персонажа в культурном коде нации. Анекдоты десакрализовали официальную пропаганду, но при этом сохранили имя начдива в активном культурном обиходе, сделав его архетипическим персонажем русского фольклора [2].

Можно констатировать, что в пространстве современной исторической памяти фигура Чапаева существует в постоянном напряжении между этими тремя регистрами. Задача современной науки заключается в том, чтобы, не отбрасывая культурный миф (ставший неотъемлемой частью истории XX века), бережно сохранить за ним масштаб и трагизм подлинной человеческой судьбы.

Разрешение выявленного противоречия между исторической достоверностью, идеологическим конструктом и фольклорным штампом требует особого коммеморативного пространства – материального локуса, способного не просто транслировать готовые смыслы, но и критически переосмысливать их. В современной культуре памяти такую функцию берут на себя институты музейного типа. Выступая одновременно хранителями подлинных артефактов эпохи и интерпретаторами нарративов, они становятся посредниками в диалоге между историческим документом и массовым сознанием [1].

В контексте локальной истории фигура Чапаева приобрела значение ключевого регионального символа Чувашии. Чапаев превратился в устойчивый культурный топоним – его имя закрепилось в названиях завода, улиц, поселка и сквера, а музей стал главным материальным якорем этой коммеморации.

Современный музей сталкивается с парадоксальной ситуацией: большинство посетителей приходят в экспозицию не с «чистого листа», а с устойчивым набором представлений, сформированных шедевром советского кинематографа братьев Васильевых и пластом позднесоветского творчества. Экспозиция мягко, но последовательно деконструирует

популярные стереотипы. Например, миф о «лихом кавалеристе на белом коне». Архивные данные и воспоминания современников наглядно демонстрируют, что вследствие тяжелого ранения Чапаев испытывал значительные трудности при верховой езде и предпочитал автомобили.

В вопросе фольклора особо подчеркивается, что изначально советские анекдоты не имели цель оскорбить начдива. Они высмеивали не подлинную биографию реального военачальника, а устоявшийся образ из кинокартины 1934 года – экранного Василия Ивановича, прямолинейного и простодушного «рубаху-парня». Это был беззлобный народный юмор, который парадоксальным образом лишь подчеркивал всенародную любовь к экранным героям [3].

Однако в постсоветский период юмор и массовая культура (от бульварных пародий и анекдотов новой волны до компьютерных игр) нередко переходили грань уважения, превращая трагическую фигуру Гражданской войны в карикатурного, пошлого или вечно нетрезвого персонажа. Это произошло по ряду причин. В 1990-е годы возникла реакция отторжения прежней советской пропаганды. Общество стремилось десакрализовать всё, что раньше считалось «священным и неприкасаемым», из-за чего под удар критики и циничной деконструкции попали не только идеологические догмы, но и реальные исторические герои. На постсоветском медиарынке яркие и узнаваемые исторические бренды стали эксплуатировать ради развлечения и быстрой прибыли. Гротеск, абсурд и откровенный китч продавались гораздо лучше, чем сложная драма Гражданской войны. Для молодежи 1990-х и 2000-х годов фигура Чапаева окончательно оторвалась от реальности. Многие уже не читали документов, книг и не смотрели классический фильм, воспринимая Чапаева и Петьку исключительно как готовых персонажей комиксов и анекдотов, лишенных какой-либо исторической глубины и трагизма.

В этих условиях музей берет на себя важнейшую миссию: он не просто спорит со стереотипами, а возвращает имени Чапаева человеческое достоинство и подлинный исторический масштаб, призывая увидеть за карикатурой реального человека и его драму. Музей В.И. Чапаева сегодня выступает не просто экспозиционным пространством, но классическим «местом памяти», обеспечивающим межпоколенческую трансляцию исторического опыта. В условиях современных социокультурных вызовов его воспитательная функция претерпела качественное переосмысление.

Интерес к личности В.И. Чапаева особенно возрастает накануне памятной исторической даты. В 2027 году исполняется 140 лет со дня рождения легендарного начдива. Круглые даты традиционно выступают мощным социокультурным импульсом и дополнительным поводом для интенсификации исследовательской работы и открытого общественного диалога.

Пройдя сложный путь от советского киномифа и народных анекдотов к современному переосмыслению, фигура В.И. Чапаева остается ярким и многогранным символом отечественной истории. Опыт Музея В.И. Чапаева показывает, что музейное пространство способно преодолевать наслоения стереотипов, опираясь на подлинные документы и человекоцентричный подход.

Список литературы

1. Давыдова, Т. А. Рождение музея В. И. Чапаева: путь от первых экспонатов до открытия / Т. А. Давыдова, Н. О. Самылкин // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. – 2023. – Вып. 18. – С. 67–72.

2. Иванова, Т. Н. Три образа Василия Ивановича Чапаева в памяти российского общества / Т. Н. Иванова, Н. О. Самылкин // Диалог со временем. – 2024. – № 87. – С. 224–238.

3. Свитенко, Н. В. Революция и народная смеховая культура: «схема смеха» в цикле анекдотов про Чапаева / Н. В. Свитенко // Литература и революция (к 100-летию Октябрьской революции) : материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2017. – С. 290–294.

Таймасов Леонид Александрович
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОТ ФРОНТОВОГО ОПЫТА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ВОСПОМИНАНИЯ ПРОФЕССОРА В.Д. ДИМИТРИЕВА

Аннотация: *в статье рассмотрены воспоминания историка Василия Димитриевича Димитриева (1924–2013) о Великой Отечественной войне и его публикация 2008 г. о трёх поколениях фронтовиков. Сравнены три хронологических этапа, присутствующие в мемуарах ученого: события 1941–1945 гг., их осмысление при создании рукописи в 1983 и 1986 гг. и авторское предисловие к изданию 2000 г. Показано, как личный опыт студента, командира артиллерийского взвода, преподавателя вуза становится основой обобщения итогов войны, вклада Чувашии в победу над фашизмом. На основе источниковедческого анализа выделены механизмы сохранения и передачи памяти: семейная переписка на чувашском языке, рассказы о сослуживцах и земляках, публикация мемуаров и университетская коммеморация. Конкретные встречи на фронте рассмотрены как материал для изучения межкультурных контактов без перенесения частных оценок на целые народы. Сделан вывод о значении этих источников для диалога поколений, сохранения региональной идентичности и критического осмысления истории войны.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, историческая память, военные воспоминания, эго-документ, Чувашия, фронтовая повседневность, межкультурный диалог.*

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 26-28-20326

Василий Димитриевич Димитриев известный исследователь истории Чувашии и Среднего Поволжья. Научное творчество ученого отражено в ряде публикаций [1; 4–6]. Между тем его книга «В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии», изданная в 2000 г., представляет самостоятельный интерес для изучения того, как участник войны помнил пережитое и каким языком историк рассказывал о прошлом по личным впечатлениям [2]. В ней отражены не только боевые операции, но и студенческая жизнь военного времени, труд в тылу, обучение артиллерийскому делу, письма в семью, встречи с людьми на фронтовых дорогах и возвращение к мирной жизни. В другой статье на военную тему «О трёх поколениях фронтовиков Великой Отечественной войны», опубликованной в 2008 г., ученый расширил рамку рассказа от личной биографии до истории поколений и роли уроженцев Чувашии [3]. Анализ этих публикаций позволяет проследить, как менялись масштаб и задачи повествования о войне.

Цель настоящей статьи – выявить, каким образом в трудах В. Д. Димитриева личный опыт превращается в историческую память о войне и передаётся другим поколениям. Для этого рассмотрены обстоятельства создания книги, определены ключевые темы повествования, сопоставлены мемуары со статьёй 2008 г., отмечены пределы достоверности авторских свидетельств и показана практика их сохранения. Такая постановка исследовательской проблемы соотносится с изучением межпоколенческой памяти и роли университета в сохранении свидетельств о прошлом. Основными источниками научного анализа стали изданные в 2000 г. воспоминания, и статья 2008 г. Фрагменты писем, опубликованные в книге, используются как особый, более близкий к событиям слой свидетельств. Обращение к собственной памяти автора данной статьи о встречах с профессором В.Д. Димитриевым способствует лучшему пониманию военных событий современным поколением.

В авторском предисловии книги Димитриев сообщил, что написал воспоминания во время отпусков 1983 и 1986 гг. После распада СССР он не стал перерабатывать рукопись и

признавал, что в 2000 г., вероятно, написал бы её «несколько по-другому»: «Она сохранилась как небольшой памятник мемуаристики 80-х гг. XX века» [1, с. 5]. Такое замечание автора задаёт направленность исследования: книга не только освещение событий военного времени, но и отражение их в сознании человека спустя четыре десятилетия.

В воспоминаниях ученого можно выделить три временных пласта: первый – события 1941–1945 гг. и письма, написанные в те годы; второй – рукопись 1980-х гг., когда опыт фронтовика оформился в связное повествование историка; третий – предисловие 2000 г., в котором автор осмысливает перемены, произошедшие после написания рукописи. Различение этих пластов позволяет не смешивать непосредственное впечатление, последующую реконструкцию и ретроспективную оценку. Особенно важно это в тех эпизодах, где Димитриев переходит от рассказа о собственной батарее к характеристике крупных операций, описанию представителей отдельных народов, с которыми сводили военные пути-дороги. Автор сознательно сохранил рукопись без позднейшей переработки, что даёт возможность изучать не только индивидуальную биографию, но и способы рассказа о войне, сложившиеся у фронтовика и профессионального историка в последние десятилетия советской эпохи.

Весть о нападении Германии застала студента Чувашского педагогического института в Чебоксарах. Димитриев описал людей, слушавших по городскому громкоговорителю выступление В.М. Молотова, и последующее обсуждение новости в общежитии. В его памяти сохранилось стремление молодых людей встать в ряды защитников Отечества, их уверенность в победе над агрессором [1, с. 10–12].

Первые месяцы войны автор провёл, совмещая учёбу с работой. Он участвует в строительных работах на оборонном заводе, в возведении Казанского обвода, уборке урожая в колхозе, перевозке имущества института в Мариинский Посад, организации помощи фронту. Будучи секретарём институтского комитета ВЛКСМ, Димитриев проявляет организаторские способности при решении хозяйственных и мобилизационных задач. Этот раздел работы отражает войну до призыва автора в армию: учебный календарь студентов сочетался тяжёлым физическим трудом [1, с. 10–25].

Повестку Василий Димитриев получил 21 августа 1942 г. В книге сохранена деталь проводов: вместе с другом детства он «катался» на тарантасе «рекрутами», прощаясь с односельчанами [1, с. 26]. Традиция мирной деревенской жизни продолжалась в обстоятельствах войны, приобретая новое, тревожное содержание. Далее автор переводит взгляд с собственного отъезда на тех, кто оставался дома: мать, родственников, младших брата и сестёр. Позднее он вспоминал, что в первых письмах поблагодарил мать и тётю за заботу и воспитание [1, с. 27]. Эти детали позволяют понять, что биография солдата не была отделена от семейной истории.

Молодой военнослужащий осваивал специальность артиллериста сначала в запасной части, а затем в Первом Ростовском артиллерийском училище, размещённом в Нязепетровске Челябинской области. Димитриев подробно описывает военные занятия, вооружение, распорядок дня, скудное питание, отношения курсантов с командирами [1, с. 26–39]. В оценке военной дисциплины заметно соединение опыта курсанта-артиллериста с последующим объяснением историка: Димитриев писал, что без единоначалия армия не может быть боеспособной [1, с. 28]. Для источниковеда это суждение столь же значимо, как фактические сведения об учёбе: оно показывает, какими категориями автор объяснял пройденный путь.

После завершения учебы Димитриев воевал в 318-м истребительно-противотанковом артиллерийском полку 33-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. Его воспоминания о боях на Украине не ограничиваются перечнем освобождённых городов. Автор объясняет устройство артиллерийской позиции, работу наблюдательного пункта, связь между командованием и орудиями, перемещение техники и боеприпасов. Благодаря этой профессиональной конкретности можно проследить, как командир взвода видел бой и какие решения входили в круг его непосредственной ответственности [1, с. 40–64].

В боях за Черкассы автор показал масштаб операции и привёл почти случайную деталь, как пуля пробила ему ватные брюки, не задев тело. От этого эпизода он переходит к

размышлению о страхе. По его словам, на передовой он привык к опасности, но вместе с тем возникло «безразличие к жизни», которое он связывал с тяжестью фронтовых условий [1, с. 50–51]. Подобные высказывания характерны для многих фронтовиков, однако вряд ли следует из этого выводить некую универсальную психологическую формулу. В данном случае это относится конкретному участнику войны, объясняющего собственное поведение.

Мемуары содержат рассказы и о тяжёлых потерях. При описании событий у села Межегорка Димитриев передаёт известие о разгроме бригады, полученное после того, как он остался с бойцами охранять неисправную машину с боеприпасами [1, с. 59–64]. Здесь важна сама форма рассказа: автор не наблюдал весь бой лично, а узнал о нём от прибывших товарищей. Следовательно, приведённые им численность танков и размеры потерь требуют проверки по журналам боевых действий, донесениям и другим документам. Однако эпизод передаёт ситуацию неопределённости, быстрой смены боевой обстановки, в которой приходилось действовать участникам операции.

Воспоминания о боях в Прибалтике также позволяют рассматривать войну глазами фронтовика через передвижение батареи, нехватку тяги, оборудование огневых позиций и т. д. В ходе Мемельской операции В.Д. Димитриев описывает, как попросил у крестьянина-литовца лошадей для передвижения орудия и тот согласился помочь [1, с. 75–77]. Конкретная сцена человеческого взаимодействия сообщает о военной повседневности больше, чем обобщённая характеристика отношений армии и местного населения. Она же открывает материал для разговора о контактах людей разных языков и культур в условиях войны.

28 октября 1944 г. во время наступления в Курляндии Димитриев был ранен. Он подробно восстановил путь от поля боя, получения первой медицинской помощи до госпиталя, описал лечение и последствия ранений [1, с. 80–87]. Госпитальный быт, ожидание решения врачебной комиссии занимают в книге значительное место. После лечения его направили в первую гвардейскую отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, в составе которой участвовал в Восточно-Прусской операции [1, с. 88–99].

Особую ценность книги составляют включённые в неё письма родным. В отличие от мемуарного текста 1980-х гг. они создавались во время войны и позволяют сопоставлять позднейшую память с тогдашними чувствами и заботами автора. При этом письма не являются «прозрачным окном» в прошлое: их содержание определяли адресат, условия военной почты и необходимость беречь близких от тяжелых подробностей. В совокупности с мемуарами они дают более объёмное представление о пережитом.

Адресуя письма семье, Димитриев продолжал оставаться сыном и земляком, даже когда служил далеко от Чувашии. Он сообщал о здоровье, интересовался домашними делами и судьбами знакомых. Поздравление родным с окончанием войны, написанное 10 мая 1945 г. на чувашском языке, опубликовано в книге вместе с русским переводом [1, с. 101–102]. В нём Победа названа окончанием «кровавой войны» и связана с радостью семьи. Этот двуязычный фрагмент особенно выразительно показывает связь общегосударственного события с родными людьми, домашним миром автора. Сохранение оригинала и перевода делает личное свидетельство доступным читателям разных языковых традиций, не стирая его происхождения.

В мемуарах постоянно появляются сослуживцы разных национальностей и жители освобождённых территорий. Димитриев вспоминает конкретных командиров и бойцов, встречи с украинцами, литовцами и латышами, разговоры с гражданскими лицами [1, с. 40–99]. Для темы межкультурного диалога важны прежде всего эти эпизоды общения и совместной работы. Обобщающие оценки автора относительно национальных групп необходимо читать в контексте времени создания рукописи. Индивидуальная встреча не даёт основания судить обо всём народе, но позволяет увидеть, как военный опыт соединял людей, прежде незнакомых друг с другом.

Память о земляках занимает в книге отдельное место. Мемуарист называет людей из Чувашии, встреченных на пути к фронту, в училище и воинских частях, рассказывает о помощи со стороны знакомых, неоднократно возвращается к судьбе отца-фронтовика [1, с. 19–39].

Эти имена и связи превращают военную историю в часть региональной и семейной памяти. Для современного читателя Чувашии книга ценна не только сведениями об одном учёном: она сохраняет сеть человеческих отношений между селом, институтом, фронтом и послевоенной жизнью. Значение такого материала для национальной идентичности связано с сохранением конкретных имён, мест, родного языка.

Сочетание взгляда очевидца с текстом профессионального историка – отличительная черта книги. Димитриев стремится датировать события, уточнять названия подразделений и населённых пунктов, сопоставлять личные впечатления с опубликованными сведениями о военных операциях. Но научная подготовка автора не отменяет обычных ограничений памяти. Между событием и рукописью прошло около сорока лет, часть информации получена со слов других людей, отдельные цифры и оценки относятся к уровню бригады или фронта и не могли быть предметом непосредственного наблюдения командира взвода. Поэтому в работе с книгой необходимо различать четыре типа сведений: собственное наблюдение Димитриева, содержание его военных писем, сообщения, услышанные им от сослуживцев, позднейшее объяснение событий. Первые два слоя позволяют особенно подробно исследовать повседневность и эмоциональный опыт, третий требует установления происхождения рассказа, четвёртый – сопоставления с документами и историографией. Такая проверка не уменьшает значения мемуаров. Напротив, она помогает использовать их в пределах тех вопросов, на которые источник действительно способен ответить.

Превращение рукописи в доступный читателю источник было результатом совместной работы автора и его коллег – преподавателей исторического факультета университета. Книга вышла под общей редакцией профессора Ю.П. Смирнова. В редакторском тексте названы преподаватели, готовившие её к изданию, среди них – Т.Н. Иванова, ставшая в последующем доктором исторических наук, М.Ю. Харитонов, защитивший кандидатскую диссертацию и др. [1, с. 9]. Этот факт особенно значим для истории университетской коммеморации: память фронтовика не сохраняется сама по себе, а требует архивирования, редактирования, публикации и включения в образовательную среду. Издание 2000 г. сделало личное свидетельство профессора доступным студентам и исследователям за пределами круга его непосредственных собеседников.

Существовала и более ранняя практика публичного напоминания о преподавателях-фронтовиках. По воспоминаниям автора настоящей статьи, в годы его учёбы на историко-филологическом факультете многие преподаватели были участниками войны: В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев, М.М. Михайлов, Г.Е. Кудряшов, Е.Г. Беляев, Д.М. Макаров, В.Л. Кузьмин, И.С. Вайнер. К 35-летию Победы в корпусе «Е» университета под руководством Ю.П. Смирнова был оформлен стенд, посвящённый преподавателям-фронтовикам, автор статьи, тогда ещё студент, участвовал в этой работе. Такой стенд и позднейшая публикация книги различаются по форме, но решают общую задачу: возвращают военной биографии преподавателя место в памяти университетского сообщества. В первом случае речь шла о кратком визуальном представлении имён и судеб, во втором – о передаче развёрнутого свидетельства самого участника событий.

Книга Димитриева соединяет личное свидетельство, семейное письмо, университетское издание и последующее чтение новых поколений. Так индивидуальный опыт включается в социальную практику сохранения исторической памяти. Межкультурный диалог при таком чтении возникает через сопоставление языков, биографий и точек зрения, а не через устранение различий между ними.

Статья Димитриева «О трёх поколениях фронтовиков Великой Отечественной войны» опубликована в материалах конференции, посвящённой 65-летию победы в Сталинградской битве [2]. В её предисловии автор вновь обращается к собственному опыту: во время Сталинградской битвы он был курсантом артиллерийского училища и запомнил радость, с которой встретили известие о победе [2, с. 18–19]. Этот автобиографический эпизод связывает новую публикацию с мемуарами, но затем повествование меняет масштаб.

Димитриев выделяет три возрастные группы участников войны: родившихся с 1880-х гг. по 1907 г., в 1908–1917 и 1918–1927 гг. [2, с. 19]. К первой он относит и своего отца, к третьей – себя. Через такую поколенческую рамку историк соединяет семейную память, собственную биографию и историю республики. Автор утверждает, что военный опыт не был одинаковым для всех: люди разных возрастов вошли в войну с различным образованием, трудовым и военным прошлым, а также с разными обязанностями в армии и тылу.

В статье приведены сведения о мобилизации жителей Чувашии и распределении Героев Советского Союза по поколению, национальности, родам войск и воинским званиям [2, с. 20–27]. Эти данные отражают стремление Димитриева включить историю уроженцев республики в общую картину войны. Однако предложенные численные сопоставления требуют отдельной проверки по первичным спискам, с учётом критериев включения людей, родившихся в Чувашии, проживавших в ней и переехавших туда после войны.

В заключительной части статьи автор возвращается от таблиц и обобщений к отношениям внутри фронтового коллектива. Он писал о взаимопомощи бойцов и подчёркивал, что «солдаты разных национальностей в войну жили как родные братья» [2, с. 28]. Эта формула передаёт его оценку пережитого и представление о единстве фронта. В сопоставлении с конкретными эпизодами мемуаров – например, помощью литовского крестьянина артиллеристам и письмами на чувашском языке – она приобретает более определённое содержание. При этом ни личное наблюдение, ни позднейшая обобщающая статья не освобождают исследователя от необходимости учитывать различия между индивидуальным опытом, авторским идеалом и исторической реальностью.

Таким образом, воспоминания В.Д. Димитриева позволяют увидеть Великую Отечественную войну через биографию человека, прошедшего путь от студенческой аудитории и тыловых работ до командира артиллерийского взвода, ранения и послевоенной службы. Позднейшая статья о трёх поколениях показывает, как личный опыт стал отправной точкой для обобщения истории фронтовиков Чувашии. Сила обоих источников – в названных именах, подробностях повседневности, письмах родным и попытке связать судьбы отдельных людей с историей страны. Их особенности требуют одновременно внимательного чтения и источниковедческой проверки: свидетельства очевидца, услышанные рассказы, статистические сопоставления и позднейшие оценки не всегда равнозначны.

Для сохранения исторической памяти существенны не только описания боевых действий, но и возможность услышать, как участник войны говорил с семьёй на родном языке, помнил своих товарищей и обращался к читателю спустя десятилетия. Изучение таких текстов помогает связывать общенациональную историю с историей Чувашии, семей и университетского сообщества. В этом состоит и потенциал мемуаров для обсуждения национального возрождения: сохранение чувашского языка и памяти о земляках не обособляет региональный опыт, а позволяет включить его в общую, многоголосую историю. Межкультурный диалог возникает здесь из анализа конкретных встреч, совместной службы и различий в восприятии пережитого.

Список литературы

1. Димитриев Василий Димитриевич: учёный, педагог, общественный деятель, гражданин : сб. статей. – Чебоксары : ЧГИГН, 2013. – 252 с.

2. Димитриев, В. Д. В годы Великой Отечественной войны и послевоенной службы в армии: воспоминания / В. Д. Димитриев ; под общ. ред. Ю. П. Смирнова. – Чебоксары : Изд-во ЧГУ, 2000. – 160 с.

3. Димитриев, В. Д. О трёх поколениях фронтовиков Великой Отечественной войны (по материалам Чувашской АССР) / В. Д. Димитриев // Сталинградская битва: Великий подвиг народа : материалы межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 15 февраля 2008 г.). – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2008. – С. 18–28.

4. Служение истории : сб. науч. статей / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары : Изд-во ЧГУ, 2005. – 311 с.

5. Смирнов, Ю. П. Выдающаяся фигура среди историков Среднего Поволжья / Ю. П. Смирнов // Учёные : б-ка Президента Чувашской Республики. Т. 4. – Чебоксары, 2006. – С. 130–144.

6. Фроянов, И. Я. Историк, исследователь, учёный В.Д. Димитриев / И. Я. Фроянов, Ю. П. Смирнов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1994. – 68 с.

Харитонов Андрей Юрьевич
канд. геогр. наук, ассистент кафедры
Никонорова Инна Витальевна
канд. геогр. наук, доцент, заведующая кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ю.Р. АРХИПОВА И СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩЕМСЯ ГЕОГРАФЕ

Аннотация: *в статье представлен обзор научно-педагогического вклада Ю. Р. Архипова – доктора географических наук, профессора, почетного члена Русского географического общества, в развитие географической науки и образования Чувашии и России. Рассмотрены основные этапы профессионального пути и ключевые работы выдающегося ученого. Казанский этап связан с разработкой математических методов анализа территориальных систем, а также чувашский – с системным моделированием расселения населения, созданием научной школы в ЧГУ и руководством отделениями РГО и АРГО. Отдельное внимание уделено мероприятиям по сохранению исторической памяти о Ю. Р. Архипове: установке памятной таблички РГО на здании МБОУ «Красноармейская СОШ» и посадке кедровых сосен в рамках акции «Семейный лес».*

Ключевые слова: *история географии, математические методы в географии, научная школа, Чувашское отделение РГО, историческая память.*

Ни одно исследование не может называться истинной наукой,
если оно не прошло математического доказательства.
Леонардо да Винчи

Географическая наука нацелена на установление связей между пространственными закономерностями окружающей среды и социально-экономическими процессами, что подразумевает в том числе применение математических методов при моделировании территориальных систем. Именно данный подход активно развивался доктором географических наук, профессором и почетным членом Русского географического общества Юрием Романовичем Архиповым (1944–2024) на территории Чувашской Республики в конце XX – начале XXI в. Основной сферой его интересов являлось применение математических методов в географии. Об этом свидетельствует тема докторской диссертации Юрия Романовича, посвященная системному моделированию территориальных систем регионального расселения. Имя Ю. Р. Архипова сохраняется в памяти современного поколения географов, в частности выпускников ЧГУ им. И. Н. Ульянова, а также в Казанском федеральном университете – альма-матер исследователя. Память об ученом не ограничивается стенами университета: на здании МБОУ «Красноармейская СОШ» установлена памятная табличка Русского географического общества, а в ходе акции «Семейный лес» в его честь высажены кедровые сосны на окраине села Красноармейское. Целью данной работы является оценка вклада ученого в развитие социально-экономической географии и анализ форм сохранения памяти о Ю. Р. Архипове.

Профессиональный путь Ю. Р. Архипова можно разделить на два основных этапа. Первый этап связан с Казанским государственным университетом, где был заложен фундамент дальнейшего направления исследования. Здесь в соавторстве с Ниной Ивановной Блажко им были освоены и применены математические методы анализа территориальных систем. Второй этап – работа в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова, где сформировалась его собственная научная школа. Возглавив кафедру экономической и социальной географии, он развернул исследования в области системного анализа и моделирования

расселения населения. Кроме того, им было подготовлено новое поколение специалистов и возрождено Чувашское отделение РГО.

Важным в профессиональном становлении этапом стала работа на базе Казанского государственного университета, где в соавторстве с Н. И. Блажко были предложены подходы к применению математических методов в географических исследованиях, в частности применение матричного метода при анализе территориальных систем. Географическая школа, возглавляемая Н. И. Блажко, на тот момент представляла собой уникальный пример соединения географии и математики, так как в ее рамках была создана кафедра с математическим уклоном, готовившая географов-математиков. Юрий Романович являлся частью данной школы, что и заложило фундамент его дальнейших работ.

Исследования Ю. Р. Архипова были посвящены изучению географических процессов математическими методами, которые он применял для анализа территориальных систем, прежде всего регионального расселения. В 1971 году были опубликованы его первые работы: «Информационный аспект изучения территориальных систем (на примере строительства в Татарии)» и «Математические модели и география». В данных тезисах были обозначены основные научные интересы Юрия Романовича, которые прослеживаются на протяжении всей карьеры ученого. В 1973 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Структура и территориальная организация системы управления цикла строительной индустрии Татарской АССР» [5].

В дальнейшем это направление сохранилось, но анализ территориальной организации производительных сил сменился системным моделированием регионального расселения. В 1976–1988 годах выходят статьи («Матричный метод исследования структуры систем расселения», 1980) [1] и учебные пособия («Математические методы в географии», 1976; «Моделирование территориальных систем расселения», 1988) [4], посвященные математическому моделированию систем расселения. В этот период Ю. Р. Архипов работал в Казанском государственном университете – сначала ассистентом, затем доцентом кафедры экономической географии. Ряд этих работ впоследствии заложил фундамент математико-географических исследований.

Второй этап профессионального пути связан с формированием на базе Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова собственной научной школы, специализирующейся на применении математических методов в географии. В 1995 году Ю. Р. Архипов переезжает в Чебоксары и сначала работает на должности доцента, а после возглавляет кафедру экономической и социальной географии. Находясь на посту декана географического факультета (2003–2006), он совмещал административную работу с развитием научного направления. После переезда тематика исследований ученого значительно расширяется: математические методы остаются главным инструментом, но теперь направлены на решение практико-ориентированных задач. В центре его внимания оказались моделирование и прогнозирование систем расселения, социально-экономическое районирование и география населения.

В 2002 году Ю. Р. Архипов защитил докторскую диссертацию на тему «Системное моделирование регионального расселения» в Институте географии РАН. После защиты начался период наибольшей публикационной активности. Опубликован ряд научных статей, в том числе в журнале «Известия Российской академии наук. Серия Географическая» («Иерархическая структура системы поселений и формула ЗИПФА», 2002) [3]. Также Юрий Романович является автором учебных пособий, которые закрепили математическое направление в подготовке географов в ЧГУ им. И. Н. Ульянова. К ним относятся «Математические методы в географии» (2002), «География населения с основами демографии» (2008) [2] и «Математическое моделирование и прогнозирование географических систем» (2016). В настоящее время труды Ю. Р. Архипова являются базовыми при подготовке студентов-географов на историко-географическом факультете.

Научно-педагогическая деятельность Ю. Р. Архипова не ограничивалась лишь работой со студентами и научными изысканиями. Он внес огромный вклад в развитие географической науки и географического образования в Чувашской Республике, став одним из инициаторов возрождения в 2006 году и первым председателем Чувашского республиканского отделения

РГО. Позднее, в 2011 году, им же было создано Чувашское региональное отделение Ассоциации российских географов-обществоведов. Наследие выдающегося ученого значительно, и оно измеряется не только количеством опубликованных трудов, но и той ролью, которую он сыграл в жизни коллег, учеников и всего географического сообщества Чувашии. Именно поэтому сохранение исторической памяти о Ю. Р. Архипове оказалось неотделимо от преемственности его научной школы. Так, члены Чувашского республиканского отделения РГО и преподаватели историко-географического факультета ЧГУ стали инициаторами установки памятной таблички в честь ученого на здании Красноармейской СОШ. Кроме того, в рамках всероссийской эколого-просветительской акции «Семейный лес» в его честь были посажены кедровые сосны на окраине села Красноармейское. Так память об ученом закрепилась не только в памятной табличке, но и в живом ландшафте родного села.

Ю. Р. Архипов внес значительный вклад в развитие географической науки и образования не только Чувашской Республики, но и России в целом. Его имя по праву занимает достойное место в истории отечественной географии: продолжение его идей в трудах учеников и инициативы по сохранению памяти об ученом подтверждают, что наследие Архипова продолжает жить.

Список литературы

1. Абрамов, П. В. Матричный метод исследования структуры систем расселения / П. В. Абрамов, Ю. Р. Архипов, Н. И. Блажко // Известия Всесоюзного географического общества. – 1980. – Т. 112, № 1. – С. 18–22.

2. Архипов, Ю. Р. География населения с основами демографии : учебное пособие / Ю. Р. Архипов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2008. – 335 с.

3. Архипов, Ю. Р. Иерархическая структура системы поселений и формула ЗИПФА / Ю. Р. Архипов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2002. – № 5. – С. 57–63.

4. Архипов, Ю. Р. Моделирование территориальных систем расселения : монография / Ю. Р. Архипов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1988. – 120 с.

5. Архипов, Юрий Романович (ученый; 06.01.1944–05.03.2024) // Наследие Чувашии : цифровая библиотека чувашского наследия. – URL: https://наследиечувашии.рф/russian/архипов-юрий-романович-ученый-06–01–1944–05–03–2024/ (дата обращения: 08.11.2026). – Текст : электронный.

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» И ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Данилова Анна Ивановна
канд. культурологии, доцент
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
в г. Новороссийске
г. Новороссийск, Краснодарский край

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВЫЗОВЫ В ЕЁ СОХРАНЕНИИ

Аннотация: *в статье историческая память рассматривается как сложный социокультурный феномен, призванный служить консолидации общества. Сохранение исторической памяти сопряжено с противостоянием таким вызовам современности, как искажение и фальсификация прошлого, гетерогенность памяти, разрыв поколений, «информационный шум», социокультурные трансформации.*

Ключевые слова: *историческая память, идентичность, коллективная память, консолидация общества, национальная безопасность.*

В современном мире проблема сохранения исторической памяти стоит как никогда остро. Историческая память предполагает целостное восприятие и интерпретацию исторических событий. Она включает не только факты, но и ценности, символы и образы, эмоции, которые придают смысл опыту народа. Историческая память, способствуя правильному видению прошлого России, достойному оцениванию его и, что немаловажно, столь же достойному отношению к прошлому, обеспечивает целостность и жизнестойкость общества и государства, помогает человеку идентифицировать себя со своим народом.

Одним из первых, кто высказал идею о соотношении социальной идентичности и исторической памяти, был Иоганн Густав Дройзен. Он видел практическое значение исторических исследований в предоставлении «государству, народу, армии и т. д. образ самого себя» [2]. Таким образом, историческая память, будучи сложным социокультурным феноменом, не только представляет некий набор знаний, представлений, оценок о событиях и процессах прошлого, но и служит мощным фактором для развития коллективной памяти общества, что способствует его консолидации [1]. Историческая память и является тем общим фундаментом, без которого консолидация общества невозможна.

Можно выделить основные компоненты исторической памяти, к которым традиционно относят факты (события, даты, герои), нарративы (рассказы о прошлом, которые формируют общественное сознание), мифы (символические аллюзии, которые могут как прославлять прошлое, так и демонизировать его).

Историческая память проявляется в различных формах, которые, взаимодействуя друг с другом, формируют целостный взгляд на историю: монументы и мемориалы, образование (учебные программы, которые формируют представления о прошлом), культура (литература, фильмы и другие медиа проекты, которые интерпретируют исторические события), традиции (праздники и ритуалы, которые сохраняют память о прошлом) [3].

Историческая память – явление междисциплинарное: её изучением занимаются историки, социологи, политологи, культурологи.

Так историки В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев исследуют проблему влияния исторической памяти на формирование гражданской идентичности [5]. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной молодежи, но с позиций социологии, анализирует Н.В. Шумкова [6].

Следует помнить, что историческая память как фактор общественного сознания не является устойчивым феноменом. Она не только подвержена определённым изменениям в процессе исторического развития, но и «выступает в качестве объекта целенаправленного воздействия как со стороны государства, так и ряда других заинтересованных сторон, стремящихся таким образом обеспечить себе либо сохранение ее фундаментальных положений для будущих поколений, либо же, напротив, ее переформатирование в угоду претендующим на власть силам. Вследствие этого сохранение исторической памяти было и остается важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности страны» [4, с. 58].

С какими же современными вызовами приходится сталкиваться, когда речь заходит о сохранении исторической памяти?

Прежде всего – это искажение и фальсификация исторического прошлого, которые становятся мощным средством информационной войны. Если поддержание адекватного представления о прошлом способствует сохранению стабильности общества, то намеренное искажение и фальсификация исторических событий, имеющих важное значение для граждан, представляют реальную опасность для внутренней целостности общества. Девальвация героического прошлого народа может привести к подрыву не только культурных и ценностных основ жизни общества, но и социальных.

Ещё одним вызовом является такое явление, как неоднородность памяти или гетерогенность. Конечно, разные общественные силы могут иметь свои интерпретации прошлого, но когда это касается ключевых исторических событий, например, событий Великой Отечественной войны, то такая «неоднородность» может привести не просто к конфликтам, а к откровенному цинизму. (Автору пришлось столкнуться с высказыванием студента об исторической памяти, которую он назвал «лапшой на уши общества»: если всё время смотреть в прошлое, не увидим будущего. Немного переубедить удалось лишь тогда, когда было предложено назвать девичьи фамилии бабушек; как оказалось, человек даже имён и отчеств не знал, то есть неважными оказались не только масштабные события в истории страны, но и события семьи).

Таким образом, ещё одним вызовом является разрыв поколений. Когда уходят непосредственные участники или свидетели событий, мы лишаемся прямой передачи знаний, опыта от поколения к поколению. Мы думали, что события Великой Отечественной войны никогда не будут забыты. Но… Для современной молодёжи события Великой Отечественной войны – история. Они столь же далеки, как события гражданской войны, Отечественной войны 1812 года и прочие. С уходом поколения фронтовиков и детей войны есть риск разрыва этой живой связи между прошлым и настоящим. В настоящее время этому вызову противостоит такое мощное общественное движение, как «Бессмертный полк», выросшее из регионального до международного. В нашем регионе таким движением является патриотическая операция «Бескозырка», посвящённая высадке легендарного десанта на Малую землю (г. Новороссийск).

Мы остановились лишь на самых мощных вызовах на пути сохранения исторической памяти, хотя их значительно больше. Это и информационные потоки, справиться с которыми может далеко не каждый. «Информационный шум», в который попадает человек, отсутствие критического мышления порой не позволяют отделить правду от откровенной лжи или субъективной трактовки.

Мы живём в стремительно меняющемся мире. Меняется не только образ жизни, медиапредпочтения, но и ценности: то, что было значимым и знаковым для старшего поколения, для поколения молодого может или отойти на второй план, или стать совершенно не интересным. Такие социокультурные трансформации тоже являются серьёзными вызовами для сохранения исторической памяти.

Можно ли не обращать внимание на эти реально существующие вызовы? Думается, это опасный путь. Отказ противодействовать вызовам может привести к тяжёлым последствиям, среди которых размывание и даже исчезновение коллективной идентичности; рост

социальной напряжённости; незащищённость перед манипуляциями, неизбежно возникающей, когда нет твёрдых убеждений, твёрдой опоры на опыт прошлого. Но самое страшное, что может случиться – это повторение трагических ошибок прошлого.

Конечно, в качестве противостояния угрозам можно предложить такие меры, как возвращение приоритета гуманитарным наукам и совершенствование образовательных программ по ним, формировать и развивать критическое мышление, поддерживать музеи, архивы, исторические общества, вести открытый, ответственный диалог о прошлом, уважая разные точки зрения, но сохраняя при этом опору на достоверные источники и т. д.

Но если мы рассматриваем историческую память в качестве фундамента, на котором строится понимание с народом своей сущности, своей идентичности, если историческая память – основа консолидации общества, то не является ли её сохранение общей задачей – и государства, и общества в целом, и каждого человека?

Список литературы

1. Бурштын, Е. А. Историческая память: проблемы терминологии / Е. А. Бурштын, Л. В. Николаева // Гуманитарные дисциплины : сборник материалов 61-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов (Минск, 21–25 апреля 2025 г.) / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2025. – С. 35.

2. Дройзен, И. Г. Историка : лекции об энциклопедии и методо-логии истории / И. Г. Дройзен ; пер. с нем. Г. И. Федоровой ; под ред. Скляднева Д. В.; Фонд Университет. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. – 582 с.

3. Кравченко, Н. Н. Историческая память и её значение в современном обществе / Н. Н. Кравченко. – URL: https://solncesvet.ru/ (дата обращения: 13.11.2026). – Текст : электронный.

4. Мысливец, Н. Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения / Н. Л. Мысливец // Беларуская думка. – 2022. – № 2. – С. 56–62.

5. Тишков, В. А. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2019. – № 4 (40). – С. 62–71.

6. Шумкова, Н. В. Историческая память как интегративный ресурс общероссийской гражданской идентичности студенческой молодежи / Н. В. Шумкова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 140–150.

Идрисов Рустем Анатольевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

БОРЬБА С НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДОЙ В СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: *одним из способов противостояния враждебной фальсификации истории является борьба с пропагандой и попытками идеологического воздействия, направленными на уничтожение собственной национальной идентичности. Примером подобной успешной контрпропагандистской деятельности государства и общества, по мнению автора, является борьба с нацистской пропагандой в годы Великой Отечественной войны. Залогом этого успеха стали широта использовавшихся форм работы, единство и сплоченность общества и высокий уровень мастерства авторов.*

Ключевые слова: *Великая Отечественна война, пропаганда, фальсификация истории, идеология.*

Фальсификация истории, как правило, является одним из базовых методов решения конкретных политических задач. Историю не искажают ради некоего эстетического удовольствия, это делается в определенных целях. Одним из элементов такой фальсификации часто является пропагандистская деятельность. В отличие от фальсификации, претендующей на

некую псевдонаучность, пропаганда имеет более открытый полемический характер, рассчитанный на прямое воздействие на аудиторию. При этом именно пропагандистские ресурсы могут проводить некую апробацию фальсификационных тем, вводимых затем в официальный научный оборот.

О специфике нацистской пропаганды в годы Великой Отечественной войны написано немало работ советских и российских исследователей. В частности, ими отмечается особая роль министра пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса. Его, в том числе «считают основоположником технологии широкого применения всех видов пропаганды: «белой», «серой» и «чёрной» [2, с. 143]. Значение пропаганды неоднократно отмечал и сам нацистский лидер А. Гитлер: «Война ведется всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия» [4, с. 73]. Таким образом, вступая в борьбу с гитлеровской пропагандой, СССР имел дело с профессионально подготовленным врагом, прекрасно понимавшим значимость своих усилий.

На передним крае этой борьбы стояли прежде всего советские средства массовой информации. Особую роль в их числе играло советское информационное бюро. Именно Совинформбюро «осуществляло руководство работой военных корреспондентов, занималось информационным обеспечением посольств и консульств СССР за рубежом, иностранных радиовещательных корпораций и радиостанций, телеграфных и газетных агентств, обществ друзей СССР, газет и журналов различных направлений» [3, с. 123]. Успех работы этой организации в годы войны прежде всего был обусловлен высококвалифицированным составом авторов, сотрудничавших с ней: «Вера Инбер, Валентин Катаев, Евгений Петров, Борис Полевой, Константин Симонов, Николай Тихонов, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Константин Федин, Корней Чуковский, Михаил Шолохов, Илья Эренбург и многие другие» [3, с. 123].

Настоящим символом Совинформбюро стали ежедневные сводки, зачитываемые диктором Юрием Левитаном. Сообщения в советской радиопередаче собирали многомиллионную аудиторию, обладали особыми аудиальными приемами привлечения внимания, например повторяющиеся позывные с определенными промежутками времени, маршевая музыка в середине программы, паузы и многие другие. Одним из распространенных способов пропаганды были радиомонтажи, чаще всего использовавшиеся при освещении информации с фронта.

Высокую степень эмоционального воздействия имели публицистические работы, издававшиеся большими тиражами в центральных изданиях СССР. В печать выходили центральные военные газеты, 19 газет фронтов и флота, сотни многотиражек в дивизиях и бригадах, 20 журналов тиражом около 2 млн экземпляров [1, с. 54]. В этих печатных изданиях уделялось внимание героизму и мужеству советских солдат, ужасающим целям фашизма, а также статьи на военные и исторические темы.

Так, например, в журналах «Большевик», «Пропагандист и агитатор Красной Армии», «Партийное строительство» и многие другие публиковали на своих страницах человеконенавистническую идеологию фашизма, зверства, которые творили немецкие солдаты на оккупированных территориях. Широкую известность в числе других опубликованных в этих изданиях работ на указанные темы получили статьи Ильи Эренбурга, статья А.Н. Толстого «Лицо гитлеровской армии». Там же говорили об укреплении отношений между СССР и государствами, входящими в антигитлеровскую коалицию. Важную роль в идеологическом противостоянии сыграли газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда», «Красный флот» и другие.

Распространенным пропагандистским приемом советской печати стало обращение к высказываниям немецких авторитетов прошлого, таких как Фридрих II Великий и О. Бисмарк. Они в частности неоднократно подчеркивали, что война с Россией и победа над ней невозможна в силу огромного количества социальных, политических и духовных факторов.

Еще одной формой работы стала наглядная пропаганда и агитация в форме плакатной графики. За годы Великой Отечественной войны она существенно развилась и в количественном, и в качественном отношении, став целым видом искусства, которое оказывало

психологическое, поддерживающее и поднимающее дух влияние через символы, карикатуры, короткие и емкие лозунги.

Плакатная графика оказывала настолько сильное влияние на общественное сознание, что ее можно сравнить с воздействием икон или священных текстов для верующих. Она вселяла надежду, побуждала к действию, объединяла все население страны. Плакаты имели текстовое сопровождение, которое придавало еще большую эмоциональную окраску. Авторами текстов являлись известнейшие советские писатели и поэты: С. Маршак, В. Лебедев-Кумач, С. Щипачев, И. Эренбург и многие другие.

Основными издательскими центрами плакатов, располагавшими необходимыми техническими возможностями, являлись Москва и Ленинград, в которых было выпущено 1,5 тысяч плакатов. Однако в целом по стране плакаты выпускались практически повсеместно. Первый советский плакат на тему Великой Отечественной войны появился уже 24 июня 1941 г. под названием «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», где было изображено, как голову Гитлера пронзает штык красноармейца [5, с. 36]. Особой формой плаката стали «Окна ТАСС», получившие широкое распространение по всей стране, так как их можно было изготавливать даже ручным способом (в формате трафаретных плакатов).

Суть героических плакатов была в том, чтобы максимально поднимать дух патриотизма, показать сильные стороны и особые боевые качества солдат Красной Армии, подчеркнуть значимость усилий каждого жителя страны на фронте и в тылу. Очень часто на них изображали матерей, которые просят защитить свою Родину или самих решительных, смелых бойцов, готовые в любой момент отстоять любой рубеж или идти в атаку. Самыми известными плакатами этой категории являются: «Родина – Мать зовет!» И.М. Тоидзе; «Отстоим Москву!» и «Бей насмерть!» Н. Н. Жукова; «За Родину!» А. Кокорекина; «На запад!» В.С. Иванова и многие другие [5, с. 38].

Таким образом, борьба с нацистской пропагандой в годы Великой Отечественной войны включала в себя широкий арсенал мер контрпропаганды. Кроме описанных форм и методов в их число следует включить издание листовок, распространявшихся не только в действующей армии и в тылу, но и на временно оккупированной территории. Большой эмоциональной силой обладали созданные в этот период музыкальные произведения, а также литературные и научные работы. Среди них следует отметить значительное число исторических исследований, посвященных особо значимым событиям истории России, прежде всего эпизодам борьбы ее народов с иноземными захватчиками. Новое звучание приобрели имена выдающихся полководцев прошлого – Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, отразившиеся в появлении особых воинских наград. Такое широкое противодействие нацистской пропаганде, составившее настоящий сплоченный фронт, обусловило конечный успех этого важнейшего направления деятельности государства и общества в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Кондакова, Н. И. Идеологическая победа над фашизмом / Н. И. Кондакова. – Москва : Политиздат, 1982. – 176 с.

2. Кузнецов, А. К. О специфике информационной войны нацистской Германии против СССР / А. К. Кузнецов // Известия АлтГУ. – 2012. – № 4–2 (76). – С. 143–145.

3. Малышева, Е. М. «От советского информбюро... »: к вопросу об информационном противостоянии СССР и Германии в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 годы / Е. М. Малышева, Н. А. Гаража // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 4. – С. 119–128.

4. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / сост. В. И. Дашичев. – Москва : Наука, 1967. – 752 с.

5. Шлык, Е. В. Пропаганда патриотизма в годы Великой Отечественной войны средствами изобразительного искусства (плакат) / Е. В. Шлык // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 1 (30). – С. 35–41.

Колпащиков Максим Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

СОВЕТСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА 1940–1970-х ГОДОВ: ИЗУЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В. ВИЛЬСОНА В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Аннотация: *в статье рассматривается становление советской американистики в 1940–1970-е гг. и её подходы к изучению политики В. Вильсона в Центральной и Южной Америке. На основе историографического анализа показано, что «моральная дипломатия» В. Вильсона оценивалась как прикрытие интервенционализма и экспансии, а движущей силой политики считались экономические интересы монополий. Автор приходит к выводу, что в этот период были заложены классические оценки и исследовательская база для дальнейшего изучения деятельности В. Вильсона.*

Ключевые слова: *советская американистика, историография, Вудро Вильсон, внешняя политика США, Латинская Америка, моральная дипломатия, империализм и экспансия.*

США на сегодняшний день – это один из полюсов международных отношений, который активно продвигает свои интересы. Как и ранее, зоной интересов Соединённых Штатов остаются Латинская Америка и азиатский регион, где они сталкиваются с интересами России и КНР. Инструментарий внешней политики Соединённых Штатов развивается, но уже ранее отработанные силовые и экономические меры всё ещё играют важную роль в американской дипломатии. Именно поэтому интерес к истории дипломатии США всё ещё остаётся. Актуальность заявленной темы состоит в изучении подходов и методов к изучению американской внешней политики советскими учёными периода 1940–1970-х гг. Серьёзным подспорьем для современных историков и не только могут стать не только выводы, сделанные ранее, но и методы, которые могут быть использованы и сегодня.

Хронологические рамки – с 1940-х по 1970-е годы – обусловлены периодом формирования советской американистики. Первые работы, изучающие американскую историю, появляются ещё в дореволюционный период; затем, после 1917 г., в 1920–1930-х гг. выходят ещё несколько работ и начинается систематизация изучения. Великая Отечественная война приостановила научное развитие страны. После войны международная обстановка дала мощный толчок советской американистике – началось противостояние СССР и США. Соперничество двух держав подтолкнуло советскую историческую науку к изучению истории идеологического противника, а также Латинской Америки как региона, находящегося в зоне интересов Соединённых Штатов. 1950-е годы можно отметить как оформление американистики в отдельное историческое направление. Формируются научные школы, отдельные подразделения, занимающиеся исследованием: Центр североамериканских исследований (1953), Институт США АН СССР (1967) и Институт Латинской Америки (1961).

Историография именно этого периода представляет интерес, так как в это время появляется классический взгляд на американскую внешнюю политику и, в частности, на период Вудро Вильсона. По трудам этого периода можно сформировать позицию советской американистики о периоде президентства Вудро Вильсона.

Считаю нужным в первую очередь указать «отцов-основателей» советской американистики. Одним из первых был А. В. Ефимов. Он начал свою исследовательскую деятельность ещё в 1920-х годах, а уже в 1934 году выходит его первая работа – «К истории капитализма в США». Помимо этой работы А. В. Ефимов написал огромное множество работ об американской истории. Он был членом-корреспондентом АН СССР, деканом истфака МГУ, одним из первых профессоров МГИМО, с 1957 года возглавлял сектор Америки Института

этнографии АН СССР. Следующим стоит назвать Л. И. Зубока [11; 13], который стал сооснователем МГИМО. Им было написано множество работ по истории внешней политики США. Важно указать, что вышли они до указанного в заглавии периода, но он закладывает основу для советского изучения международных отношений.

Благодаря усилиям А. В. Ефимова и Л. И. Зубока была сформирована школа МГИМО, которая взрастила таких учёных, как Г. А. Арбатов [3], Н. Н. Болховитинов [4], В. В. Журкин [10], А. А. Громыко [6]. Здесь же начинает формироваться и будущее ядро историков Латинской Америки: М. В. Данилевич [7], Л. Ю. Слёзкин [21], А. Ф. Шульговский [16].

Ещё двумя крупными центрами американистики стали школы Московского и Ленинградского университетов. К первой можно отнести Е. Ф. Язькова [25], Г. Н. Севостьянова [19], И. П. Дементьева [8], Н. В. Сивачёва [20]; она отличалась педагогической направленностью. Из Ленинградской школы стоит упомянуть Р. Ш. Ганелина [5], В. К. Фураева [23], А. А. Фурсенко [24].

Во многом благодаря вышеперечисленным учёным в СССР появились такие центры изучения американской истории, как МГИМО, ИМЭМО, Институт всеобщей истории АН СССР.

Период 1940–1970-х для советской американистики отмечен серьёзными достижениями в деле издания фундаментальных трудов. А. В. Ефимовым были изданы как учебники для среднего и высшего звена, так и обширные монографии, касающиеся ранней истории США. Л. И. Зубок издал несколько книг касательно внешней политики Соединённых Штатов. И. П. Дементьев занимался политическим развитием и идеологическими вопросами американского государства. Н. Н. Иноземцев занимался вопросами американского экспансионизма. Помимо указанных работ было издано множество монографий по разным вопросам американской истории. В это время выходят многотомные коллективные труды, обобщающие достижения исследователей-американистов, например «Очерки новой и новейшей истории США» в 2-х томах под редакцией Г. Н. Севостьянова [18], ставшие основой для дальнейшего углубления знаний по истории США; в дальнейшем, углубив исследования и получив результаты, в 1980 году этот сборник будет переиздан уже в 4 томах. Также были изданы «Очерки истории США. От открытия Америки до окончания Гражданской войны» А. В. Ефимова [9], «Очерки истории США (1877–1918)» Л. И. Зубока [12].

В этот же период начинают появляться исторические журналы, посвящённые американской истории. С 1970-го года печатается журнал «Американский ежегодник», в котором публикуются статьи на разные исторические темы, касающиеся США. Журнал ещё публикует данные о научной жизни, касающейся американистики, какие работы вышли по этой теме, а также названия работ соискателей на научные степени. С 1957 г. начал выходить журнал «Новая и новейшая история», в котором публиковались статьи по всеобщей истории.

На исследования истории США распространялись общие методы и подходы советской исторической науки. Основой изучения стала марксистско-ленинская методология, основанная преимущественно на формационном подходе и экономическом детерминизме. Стоит учитывать государственное влияние на темы исследований. Например, одной из самых частых ссылок являются работы В. И. Ленина [15] и И. В. Сталина [22], а позже и следующих руководителей советского государства.

Для изучения у советских историков была обширная источниковедческая база. В работах присутствуют делопроизводственные документы, опубликованные американскими департаментами, материалы слушаний конгресса, американская пресса и публицистика. Серьёзным подспорьем были работы американских историков, преимущественно прогрессистов (Ч. Бирд, Ф. Д. Тёрнер, В. Л. Паррингтон, Дж. Коммонс, А. М. Шлезингер, М. Джозефсон и др.).

Первые работы касательно президентства Вудро Вильсона появляются именно в этот период. Первая диссертация по внешней политике В. Вильсона была написана в 1947 году аспиранткой МГУ Е. В. Ананновой и называлась «Американо-мексиканские отношения в годы президентства Вудро Вильсона, 1913–1921». Следующей работой стала диссертация В. В. Сергеева «Вудро Вильсон и вступление США в Первую мировую». Авторы в своих

трудах приходят к выводам, впоследствии ставшим классическими: бурное развитие американских монополий оказывало сильное давление на американскую внешнюю политику, и те стремились к проведению действий, отвечавших интересам американского капитализма. Помимо этого, можно отыскать диссертации, в которых разбирается внутренняя политика американского президента.

В основном многих исследователей дипломатии В. Вильсона интересует лишь европейский вектор его политики. Во многих работах, посвящённых исследованию международных отношений в период начала XX века, можно найти эпизоды, посвящённые вкладу США и, в частности, их президента в создание нового миропорядка. Других диссертаций, написанных о внешней политике Вудро Вильсона, не было, лишь только те, которые частично затрагивали его дипломатию или где она была составной частью американского курса или внешней политики определённого периода.

Специальные работы по внешней политике Вудро Вильсона начнут выходить в 1970–1980-х гг., но важно отметить, что основа для их подготовки была подготовлена именно в обозначенный нами период. Одной из работ, относящихся напрямую к президентству В. Вильсона, является «Нейтралитет» США в годы Первой мировой войны» З. М. Гершова, написанная в 1962 году. В дальнейшем историк напишет специальную биографическую работу об американском президенте.

Каковы же основные положения, к которым приходит советская американистика касательно внешней политики В. Вильсона в отношении стран Центральной и Южной Америки?

Во-первых, советские историки называют «моральную дипломатию» лишь прикрытием для интервенции. Исследователи в своих работах отбрасывают риторику президента В. Вильсона о высокой морали и заявления Белого дома о стремлении к всеобщему справедливому миру в Западном полушарии и напрямую исследуют внешнеполитические действия США в Латиноамериканском регионе. «Реальные факты самым решительным образом опровергают официальную версию В. Вильсона <…> относительно «высоких» и «благородных» целей правящих кругов США в войне. В действительности цели эти были неотделимы от всей предшествующей политики американского империализма, отражали его экспансионистскую программу и сводились в конечном счёте к стремлению обеспечить успех в соперничестве с другими державами в борьбе за мировую гегемонию» [14, с. 116]. Такой подход позволил советским авторам полностью сосредоточиться на сделанном Соединёнными Штатами и придать исследованиям более объективное значение.

Хорошим примером они как раз называют его опеку над странами Латинской Америки. Развивая идеи Т. Рузвельта о необходимости порядка в Западном полушарии и «полицейской» функции Америки в регионе, В. Вильсон перешёл к прямому воздействию, призывая выбирать «правильных» людей. Не было сомнений, что «правильные люди» – это те, кто был поддержан Вашингтоном. «…теория непризнания Вильсона была простым и откровенным вмешательством во внутренние дела стран, считавшихся независимыми. Она утверждала за президентом США привилегию решать вопрос о пригодности правительств, избранных для себя народами латиноамериканцев, «права на восстание», а следовательно, и права на самоуправление, являющееся самым элементарным признаком суверенитета» [12, с. 95]. В цитате автор напрямую исследует действия американской дипломатии, которые приходят в противоречие с декларациями президента.

Общим выводом из работ является лицемерность заявлений В. Вильсона, доказанная рассмотрением непосредственных действий американского Госдепартамента и военных ведомств, проводивших военные акции в странах Центральной и Южной Америки. Присутствует явное предосуждение его как продолжателя империалистического курса Мак-Кинли, Рузвельта и Тафта.

Во-вторых, продолжая тему «моральной дипломатии», исследователи пишут о доминировании экономических интересов Америки в странах региона, которые также прикрывались

мотивами распространения американской демократии. В некоторых работах даже можно увидеть некоторое обезличивание политики: авторы пишут о правящих кругах, монополистических объединениях, а не о президенте и его кабинете [18]. Многие советские работы базируют свои исследования именно на анализе американской хозяйственно-финансовой статистики, стремясь при помощи метода экономического детерминизма объяснить политику США [11]. «Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война нарушила традиционные торговые связи Латинской Америки с Европой. Это было ощутимым ударом, особенно из-за монокультурности хозяйства латиноамериканских стран. Уменьшение экспорта, будь то кофе, мясо, медь или селитра, подрывало основы экономики стран, продававших эти товары. Сокращался экспорт – сокращалось производство, росли инфляция и безработица. Так продолжалось около двух лет, пока страны Латинской Америки не ориентировали свою торговлю в значительной степени на рынок США» [1, с. 279].

Исследователи периода начала XX века мало пишут о В. Вильсоне вне вопроса об интервенции в Мексику, но уже в нём ярко проявляется тенденция к экономической причинности внешней политики. В большинстве работ авторы начинают с разбора объёма инвестиций и ведущих для этого отраслей мексиканской промышленности. Таким образом, историки уходят от заявлений правительств к их переписке, в которой обнаруживают дискуссию о том, что произойдёт с нефтяным сектором Мексики вследствие шагов одной или другой державы.

Подобный подход виден и в исследованиях, посвящённых кризису на Гаити. Историки уделяют больший интерес делу Национального банка Гаити, который в результате финансовых проблем страны часто менял своё управление. Главной целью американской дипломатии было не решение проблем Гаити, а стремление помочь National City Bank завладеть контролем над Гаити [12].

Таким образом, советские американисты приходят к выводу о доминировании интересов американских монополий в определении внешнеполитических интересов США. Дипломатические действия были нацелены на установление в странах Латиноамериканского региона лояльных правительств для дальнейшего экономического проникновения.

В-третьих, использование мировой войны как шанса, чтобы вытеснить конкурентов. Акцент делается на стремительно возраставшем противостоянии капиталистических центров. Глобальное противостояние между Великобританией и Германией создало беспрецедентную возможность для американских капиталов. Помимо этого, упор делается на панамериканскую активность США, стремление путём экономического взаимодействия сплотить хозяйства стран региона с лидирующей ролью США. Историк М. В. Антясов, рассматривая проект В. Вильсона по созданию лиги из 21 американской республики, приходит к выводам о его провале. Более того, он пишет о том, что в годы мировой войны латиноамериканские республики пришли к тому, что начали использовать панамериканизм против США [2].

Также не обходят вниманием интервенции США на Гаити, аренду Панамского канала, договор с Никарагуа, которые были совершены с применением давления при принятии решения. Советские историки пишут о том, что война стала предлогом для применения вооружённых методов борьбы в Карибском бассейне с «германским проникновением». Однако борьба затронула и другие европейские державы, что привело к усилению контроля США над регионом.

После изучения напрашивается вывод об активно развернувшейся борьбе за влияние и превосходство в Центральной и Южной Америке. В. Вильсон стремился избавиться от европейского присутствия во время Первой мировой войны, но своей агрессивной политикой, направленной против некоторых стран Центральной Америки, отвернул от США многие страны Латиноамериканского региона.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что именно в период 1940–1970-х гг. формируется советская школа американистики, влияние которой можно прослеживать даже в нынешнее время. Поэтому за основу для анализа стоит взять именно этот период, так как в дальнейшем, в годы «перестройки», советская наука начнёт исследовать многообразие

методов и подходов, но полностью отказаться от выработанной ранее методологии она не сможет. В этот период складываются научные центры и школы, система наставничества и подготовки кадров высшего звена. Оформляются научные коллективы, журналы для распространения достижений американистики и ознакомления с ними по всему Союзу, что послужит толчком к росту интереса к американской истории в регионах.

Дипломатии Вудро Вильсона не уделяли большого внимания, рассматривали её как составную часть американского экспансионистского курса начала XX века, но интерес к ней уже проявлялся. Были написаны первые диссертации, несколько отдельных работ, затрагивающих европейское направление деятельности президента. Но политика американского президента по отношению к странам Центральной и Латинской Америки хоть и несколько завуалированно, но была представлена во фрагментах исторических работ. Характер дипломатии В. Вильсона носит агрессивный, завоевательный характер и вместе с тем лицемерный, прикрываемый идеалами «свободы, равенства и братства». Фундамент для дальнейшего изучения был заложен; в дальнейшем он будет развит, но вновь на тех методах и подходах, которые были развиты в период 1940–1970-х гг.

Список литературы

1. Альперович, М. С. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX века : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / М. С. Альперович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Высшая школа, 1991. – 285 с.

2. Антясов, М. В. Панамериканизм: идеология и политика / М. В. Антясов. – Москва : Мысль, 1981. – 293 с.

3. Арбатов, Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях : доктрина, методы и организация внешнеполит. пропаганды империализма / Г. А. Арбатов. – Москва : Политиздат, 1970. – 349 с.

4. Болховитинов, Н. Н. Доктрина Монро / Н. Н. Болховитинов. – Москва : Изд-во ИМО, 1959. – 336 с.

5. Ганелин, Р. Ш. Россия и США : очерки истории рус.-америк. отношений. 1914–1917 / Р. Ш. Ганелин ; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. – Ленинград : Наука, 1969. – 417 с.

6. Громыко, А. А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60–70-е годы / А. А. Громыко. – Москва : Международные отношения, 1978. – 302 с.

7. Данилевич, М. В. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки / М. В. Данилевич ; Акад. наук СССР, Ин-т экономики. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 384 с.

8. Дементьев, И. П. Идейная борьба в США по вопросам империалистической экспансии на рубеже XIX-XX вв / И. П. Дементьев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 368 с.

9. Ефимов, А. В. Очерки истории США : от открытия Америки до окончания гражданской войны : 1492–1870 гг. / А. В. Ефимов. – Москва : Учпедгиз, 1955. – 328 с.

10. Журкин, В. В. США и международно-политические кризисы / В. В. Журкин ; АН СССР, Ин-т США и Канады. – Москва : Наука, 1975. – 326 с.

11. Зубок, Л. И. Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900–1939 / Л. И. Зубок. – Москва : Изд-во АН СССР, 1948. – 521 с.

12. Зубок, Л. И. Очерки истории США (1877–1918) / Л. И. Зубок. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 606 с.

13. Зубок, Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века / Л. И. Зубок. – Москва : Наука, 1960. – 469 с.

14. Иноземцев, Н. Н. Внешняя политика США в эпоху империализма / Н. Н. Иноземцев. – Москва : Госполитиздат, 1960. – 760 с.

15. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин. – Москва : АСТ, 2023. – 178 с.

16. Марксизм-ленинизм и Латинская Америка. В 2 т. 2 т. / отв. ред. А.Ф. Шульговский ; АН СССР, Ин-т Латин. Америки. – Москва : Наука, 1989.

17. Международные конфликты / под ред. В. В. Журкина, Е. М. Примакова. – Москва : Международные отношения, 1972. – 240 с.

18. Очерки новой и новейшей истории США : в 2 т. Т. II / Академия наук СССР, Институт истории ; под ред. Г. Н. Севостьянова (отв. ред.), И. А. Белявской, А. В. Березкина [и др.]. – Москва : Академия наук СССР, 1960. – 725 с.

19. Севостьянов, Г. Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане / Г. Н. Севостьянов. – Москва : Наука, 1969. – 648 с.

20. Сивачев, Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США / Н. В. Сивачев. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 263 с.
21. Слёзкин, Л. Ю. Испано-американская война 1898 года / Л. Ю. Слёзкин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – 134 с.
22. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 658 с.
23. Фураев, В. К. Советско-американские отношения, 1917–1939 / В. К. Фураев. – Москва : Мысль, 1964. – 319 с.
24. Фурсенко, А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы – 1918 г. / А. А. Фурсенко. – Москва : Наука, 1965. – 496 с.
25. Языков, Е. Ф. Фермерское движение в США (1918–1929 гг.) / Е. Ф. Языков. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 340 с.

Назаров Виктор Андреевич
студент
Крупа Татьяна Альбертовна
канд. социол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
г. Владивосток, Приморский край

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР: ХАРАКТЕР ТРУДА И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

Аннотация: *в статье анализируются сферы занятости японских военнопленных, выделены приоритетные отрасли промышленности, где им приходилось трудиться. Обозначены категории годности военнопленных по степени тяжести работ. Определены факторы влияния на неудовлетворительную выработку (бытовые, климатические, административные).*

Ключевые слова: *японские военнопленные, труд военнопленных, сферы занятости, категории годности к труду, производительность труда, лагеря военнопленных, бытовые условия, климатические условия, административные факторы, промышленность СССР.*

По окончании советско-японской войны 1945 г., в распоряжении Советского Союза оказались японские военнопленные – представители другой культуры, которые были вынуждены адаптироваться к реалиям жизни в СССР. Данный процесс усугублялся необходимостью выживания и тяжестью первых лет пребывания в советском плену, а также статусом военнопленных, который подразумевал определенный уровень подчинения. Военнопленные японской армии в СССР – это одна из «болевых точек» в отношениях между современной Россией и Японией. Изучение темы актуально, так как сохранение социальной памяти позволяет понять, как исторические события формируют отношения между народами и государствами.

Научная литература, посвященная теме, довольно обширна несмотря на то, что распространяется только с 1990-х гг., но нет охвата всего вопроса целиком – вместо этого концентрируется на отдельных деталях. Всю литературу можно разделить на две группы – исследования, рассматривающие деятельность лагерей на определенной территории, и исследования рассматривающие социально-экономические и правовые аспекты пребывания японских военнопленных на территории СССР.

К первой группе можно отнести работы А.В. Шалак «Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945–1949 гг.)» и «Японские военнопленные в Забайкальском крае: проблемы размещения и трудовой деятельности (на примере лагеря №24)» [1; 2]; исследования Е.А. Порошиной «Изучение положения японских военнопленных в сибирских лагерях на примере лагеря в городе Заозерном» [3] и М.А. Кузьминой «Японские военнопленные на Сахалине (историческая справка)» [4].

Ко второй группе можно отнести работы В. Ж. Дорохова «Трудности адаптации японских военнопленных в лагерях НКВД СССР на Дальнем Востоке в первый послевоенный год» [5] рассматривает условия содержания военнопленных в 1945–1946 гг.; В.А. Журавлевой «Образ советской действительности в дневниках-интервью японских военнопленных» [6] и С. И. Кузнецова «Историческая память: послевоенная Сибирь глазами японских военнопленных» акцентируют внимание на восприятии японцами своего времени пребывания в плену [7]; А. А. Кириченко «Военнопленные или интернированные? очерки истории японских военнопленных» делает акцент на юридическом статусе военнопленных [8].

Первичной функцией военнопленных была трудовая. Целью труда – выполнение задач по ликвидации ущерба, причиненного военными действиями. Первоначальное распределение по отраслям было установлено Постановлением ГКО №9898сс. Основные направления: 150 тыс. – построение Байкало-Амурской Магистрали; 85 тыс. – Наркомату угольной промышленности; 59 тыс. – Наркомату лесной промышленности; 37 тыс. – Наркомату цветных металлов; 36 тыс. – Наркомату обороны.

Помимо этого, труд японских военнопленных использовался наркоматами путей сообщения, строительства, нефтяной промышленности, тяжелой промышленности, электропромышленности, флота. Далее перераспределение японских военнопленных осуществлялось согласно потребностям наркоматов. Как можно заметить, труд военнопленных в основном использовался на специальностях, требующих тяжелого физического труда, что, учитывая характер условий, приводило к большому количеству травм и высокой смертности. Характер труда и его осуществление регулировались Положением НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных от 29 сентября 1945 года [9].

По прибытии в лагерь по месту распределения, проводился 21-дневный карантин, в рамках которого проводился медосмотр, выявляются специальности и квалификации, изучается состав контингента. На основе данного карантина, военнопленных определяли в четыре категории. *Первая категория* – военнопленные, годные для любых типов физических работ. *Вторая категория* – военнопленные, годные для работ средней тяжести. *Третья категория* – военнопленные, годные для легкой работы (в первую очередь работе внутри лагеря – уборка территории лагеря или ремонт оборудования). *Четвертая категория* – военнопленные, не годные для любых видов работы (они направлялись в спецгоспиталя, а категория трудоспособности определялась после выздоровления). Переоценка категорий рабочих проводилась каждый месяц.

Норма рабочего дня для военнопленных первых двух категорий составляла 8 часов, норма рабочего для военнопленных третьей категории составляла 4–6 часов. В зависимости от показателей выполнения работы, предприятие имело право оставить военнопленных на сверхурочные работы. Также было 4 нерабочих дня в месяц. Ответственными за выполнение рабочей нормы являлись офицеры из числа военнопленных.

Для военнопленных, перевыполнявших планы, были также предусмотрены преимущества – лучшие условия содержания, паек, лучшее обмундирование. Для не выполнявших нормы, предусматривались выговоры, лишение права на деньги, арест до 20 суток или же перевод в штрафное подразделение с особо тяжелой работой. В период, когда на территории СССР было наибольшее количество военнопленных (1945–1947 гг.), выработка труда была низкой, и лагеря по своей сути были дотационными. В качестве факторов влияния на плохую выработку можно отметить:

Во-первых, тяжелые климатические условия. Японские военнопленные не были готовы к низким температурам, на территориях, где их располагали, что влекло за собой истощение, смертность и травматичность. Впоследствии, часть японских военнопленных были переведены в другие регионы с более умеренным климатом (к примеру, Казахская ССР).

Во-вторых, неудовлетворительные условия труда. В период 1945–1946 годов, в силу неподготовленности к принятию 500 тысяч японских военнопленных, не были созданы

достаточные условия труда для продуктивной работы. Не хватало теплой одежды, инструментов, обуви, а также транспорта для доставки военнопленных на места работы (так как лагерные отделения могли быть на расстоянии вплоть до 5–10 км от места работы). По этой причине, военнопленные были вынуждены добираться до места работы и обратно своим ходом, вследствие чего уже истощенные рабочие с трудом выполняли свою работу.

В-третьих, административные ошибки. Управляющие предприятиями зачастую в ответ на несоблюдение норм, оставляли японцев на сверхурочные работы, что в условиях отдаленности рабочего места от лагеря, приводило к постепенному истощению и уменьшение производительности. Помимо этого, нехватка сотрудников ГУПВИ и охраны формировало низкий уровень дисциплины. Отсутствие переводчиков приводило к непониманию между бригадирами и военнопленными в сфере соблюдения правил безопасности производства. Зачастую японцев устраивали на работы не по их специальности по причине языкового барьера.

В-четвертых, плановые несоответствия. Ошибки в организации рабочих мест приводили к несоответствию планов и действительности. Хозяйственные органы не были готовы к принятию огромной массы военнопленных и обеспечению их работой. Так, к примеру, «Читинский трест» рассчитывал на принятие рабочих мест на 200–250 человек, в то время как к нему было прикреплено 500 человек [2, с. 31]. Следствием этого становилась бытовая неустроенность, что влияло на эффективность производства.

Так, в феврале 1946 г. по данным ГУПВИ из 458 407 человек на работах было задействовано лишь 244 824 человека (53,4%). Производительность труда также была низкой: 41,4% военнопленных выполняли меньше половины производственных норм, 23,9% военнопленных выполняли 50–80% производственных норм, 16,9% военнопленных выполняли 80–100% производственных норм [10, с. 113].

Для улучшения трудоспособности в 1946 г., были приняты меры по переводу части японских военнопленных в более умеренный климат (Средней Азии), запрет оставлять рабочих на сверхурочные, улучшение жилищно-бытовых условий, улучшение организации труда. К 1947 г., процент японцев, выполнявших меньше половины производственных норм, составлял 19%, 50–80% нормы – 22%, 80–100% – 23%, перевыполнявших нормы – 36% [10, с. 120].

С апреля 1947 г. началась репатриация нетрудоспособных, были приняты меры: «особое положение», по которым большинство военнопленных были направлены в оздоровительные учреждения, улучшено материальное положение лагерей. К марту 1949 г., процент японцев, выполнявших меньше половины производственной нормы, составлял 2%, 50–80% нормы – 7%, 80–100% – 13%, перевыполнявших норму – 78% [1, с. 235–237].

Таким образом, основной целью труда военнопленных было восстановление СССР после войны, и в первую очередь труд был задействован в областях с тяжелыми условиями – строительство БАМа, горно- и лесозаготавливающая промышленность. При этом производительность труда в первые два года была низкая – в качестве факторов этого можно отметить тяжелый климат, условия труда и быта, а также административные ошибки. Впоследствии, с 1946 г. были применены меры по улучшению условий труда. Тем не менее, несмотря на рост производительности труда, расходы на содержание были выше, чем общая прибыль за весь период – за счет того, что рост производительности труда происходил вместе с процессом репатриации, в следствие которого общее количество трудоспособных снижалось.

Список литературы

1. Шалак, А. П. Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945–1949 гг.) / А. П. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2011. – С. 225–237.

2. Шалак, А. В. Японские военнопленные в Забайкальском крае: проблемы размещения и трудовой деятельности (на примере лагеря №24) / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2010. – № 3. – С. 29–42.

3. Порошина, Е. А. Изучение положения японских военнопленных в Сибирских лагерях на примере лагеря в городе Заозёрном / Е. А. Порошина // The Newman In Foreign Policy. – 2016. – № 33 (77). – С. 36–47.

4. Кузьмина, М. А. Японские военнопленные на Сахалине (историческая справка) / М. А. Кузьмина // Вестник Сахалинского музея. – 1997. – № 1 (4). – С. 202–206.
5. Дорохов, В. Ж. Трудности адаптации японских военнопленных в лагерях НКВД СССР на Дальнем Востоке в первый послевоенный год / В. Ж. Дорохов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. – 2023. – № 23. – С. 183–185.
6. Журавлёва, В. А. Образ советской лагерной действительности в дневниках-интервью японских военнопленных / В. А. Журавлёва // Лига исследователей МГПУ. – 2026. – № 1. – С. 100–103.
7. Кузнецов, С. И. Историческая память: послевоенная Сибирь глазами бывших японских военнопленных / С. И. Кузнецов // Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. 2015. – С. 31–42.
8. Кириченко, А. А. Военнопленные или интернированные? Очерки истории японских военнопленных / А. А. Кириченко // Российское японоведение сегодня: к 20-летию японоведов. – 2015. – № 3. – С. 329–421.
9. Положение НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных. – Москва, 1945. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/171104-polozhenie-nkvd-sssr-o-trudovom-ispolzovanii-voennoplennyh-moskva-29-sentyabrya-1945-g (дата обращения: 23.06.2026). – Текст : электронный.
10. Ким, С. П. Японские военнопленные на территории советского союза (1945–1956 гг.) : дисс… канд. ист. наук / С. П. Ким. – Москва, 2016. – 291 с.

Рыхтик Михаил Иванович
д-р полит. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: *отмечается, что историческая память занимает важное место в современной исследовательской повестке, посвящённой межнациональным отношениям. Концепция государства-цивилизации, предполагающая готовность к взаимодействию с носителями иных ценностей, может рассматриваться как один из ответов на актуальные риски и вызовы. Ключевыми институтами последовательной реализации политики сохранения исторической памяти выступают армия и школа.*

Ключевые слова: *Историческая память, государство-цивилизация, межнациональные отношения, ценности.*

Изучение проблем памяти уходит своими корнями в античную философию, а термины «историческая память» и «историческое сознание» появляются в XIX веке. В начале XX века проблемы соотношения культуры и памяти получают свое осмысление в работах З. Фрейда, А. Бергсона, Э. Дюркгейма, А. Варбурга, К. Манхейма, В. Беньямина и др. В 1970-е годы возрождается интерес к феномену коллективной исторической памяти, что послужило толчком для появления такого научного объекта как история памяти. На рубеже 1980–90-хх годов растет интерес к особенностям современной массовой исторической памяти. Последнее десятилетие прошлого века ознаменовалось появлением фундаментальных исследований, посвященных исторической памяти – Й. Иерушалми, Э. Хобсбаум, Д. Лоуэнталь, Ж. ле Гофф и др. Сама память становится одной из центральных тем не только общественной науки, но и общественной жизни в разных странах: Германия, США, Франция, Украина, Россия и многие другие. С сожалением должны сказать, что вопросы интерпретаций исторической памяти вырвались на улицы городов и стали «достоянием» толпы. Разрушение памятников и

трагедии на межнациональной и межрасовой почве стали приобретать черты «охранения» вульгарно понимаемой исторической памяти.

В СССР категория «память» получила свое рассмотрение в 1970-е-1980-е годы в рамках в том числе и саратовской школы социально-философских исследований (В.А. Колеватов, В.Б. Устьянцев, Я.К. Ребане), где заметно доминировал информационный подход. Использовалась категория «социальная память», которая рассматривалась как совокупность знаний о прошлом.

Самый заметный рост теоретического интереса к проблемам исторической памяти наблюдается в России в последние десятилетия. Большую роль в этом процессе сыграло формирование и распространение концепции интеллектуальной истории, что нашло отражение в работах Л.П. Репиной и ее коллег. Благодаря их усилиям, удается поддерживать высокий академический уровень осмысления столь актуальной проблемы. Тем не менее, мы стали свидетелями практики политического использования исторического прошлого, с одновременным конструированием антиисторических нарративов с целью легитимизации собственной власти и оправдания принимаемых решений. Придаётся наукообразный характер «политике памяти». Фальсификаторы обосновывают избирательный подход к тем или иным историческим событиям. Специфика восприятия человеком окружающей действительности и особенности функционирования человеческой психики становятся во главу угла.

Как справедливо отмечает В.Л. Воронков: «Неотъемлемым элементом практического осуществления «политики памяти» становится устранение из публичного пространства любых напоминаний об исторических событиях и явлениях, противоречащих ныне отстаиваемым властными кругами в Европе позициям». Проявление «политики памяти» особенно опасно в сфере межнациональных отношений. Как известно профессиональным историкам, этнографам, антропологам и культурологам эта часть общественной жизни требует особой деликатности, профессионализма и такта. С учетом того, что количество участников политического процесса в современном обществе заметно возросло, теперь это не только и не столько государство. Задача сохранения стабильности и обеспечения безопасности усложняется. Экономизация многих процессов заметно повысила риски межнационального напряжения. «Игры с памятью» в этой связи требуют особого внимания специалистов.

Философы давно заметили (Жолнаи Лацло (2017) – «рынки имеют тенденцию господствовать над другими сферами общественной жизни и стимулируют формирование «рыночного общества» (Карл Поланьи, 1940)). После второй мировой войны гиперэкспансия рынка стала всеобъемлющей. Глобализация, приватизация, вездесущность финансов, новые условия, характерные для позднего модерна/современного капитализма, создают препятствия для устойчивого, социально ответственного, то есть подлинно этического поведения акторов в окружающем их мире. Следует согласиться с профессором В.А. Гуторовым, который полагает, что существующая институциональная система и соответствующий ей мир ценностей делает этическое поведение фактически невозможным или, в лучшем случае, спорадическим [1]. Возможный ответ этим рискам – государство-цивилизация, где готовность работать с носителями других ценностей является нормой.

Современные межнациональные отношения характеризуются динамичностью – требуют постоянного участия не только индивида, общества и государства. Сегодня это бизнес, криминальные организованные группы, международные организации, университеты. Вызовы межнациональным отношениям, на которые следует находить ответы с привлечением инструментов сохранения исторической памяти:

− отсутствие единства в подходах к определению этноса и нации (существительные «нация» и «национальность» (этнос) – в русском языке одно прилагательное «национальный»);

− отсутствие однородности культурно-ценностного поля в российском обществе как в горизонтальном (много разновозрастных этносов), так и в вертикальном (разрыв между культурами различных социальных групп);

− усиление региональной идентичности среди нерусского населения (социологические опросы, Л. Дробижева с начала 2000 годов);

− наблюдаемый в последнее время рост националистической активности против нерусского населения обусловлен негативными тенденциями, которые угрожают основным понятиям бытия русского населения. При этом, исследования показывают, что большинство русских – сторонники модели благожелательного этнического и конфессионального взаимодействия;

− образ российского государства несет на себе значительную этнонациональную и этнокультурную нагрузку.

Профессором М.М. Мчедловой справедливо утверждает, что ценностная целостность не менее важна, чем целостность территориальная. Сохранение этой самой целостности напрямую зависит от эффективности и профессионализма охранения и приумножения исторической памяти. Прав был Питирим Сорокин, утверждавший, что: «наличие целостной устойчивой системы ценностей важнейшее условие как внутреннего социального мира, так и мира международного». Сегодня очевидно, что общее ценностное пространство является культурной основой национальной безопасности.

Советские политологи обращали внимание на особую роль двух институтов в становлении и развитии государства и с этим выводом трудно не согласится. Речь идёт об армии и школе. Именно эти институты могут нести ответственность за ценностную составляющую, а значит являются важнейшим пространством реализации политики исторической памяти. Все остальные участники политического процесса, включая СМИ, блогерство, «мозговые центры» и т. п. могут лишь конструировать, но не создавать. Ценностное содержание политической активности – монополия государства. Обеспечивать её могут разные институты, что сегодня уже очевидно, а ведь еще 20 лет назад этот тезис вызывал если не отвержение, то уж точно дискуссию.

Рассуждая о роли исторической памяти в осмыслении межнациональных отношений в нашей стране, важно не забывать преамбулу Конституции Российской Федерации, внести поправки в которую практически невозможно. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем» [2, с. 3].

Список литературы

1. Гуторов, В. А. Неустойчивая ответственность: контуры утопии / В. А. Гуторов // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, Вып. 2. – С. 176–195.

2. Конституция Российской Федерации : в новейшей действующей редакции. – Москва : Проспект, 2025. – 61 с.

3. Основы российской государственности : учеб.-метод. комплекс для медицинских специальностей / М. М. Мчедлова, Д. А. Аникин, С. Б. Зинковский [и др.]. – Москва, 2025.

4. Память о войне и войны памяти. Великая Победа и бои за историю / Институт Европы РАН. – Москва : Весь Мир, 2026. – 344 с.

5. Российский словарь современного политического языка / под ред. А. Ю. Шутова. – Москва : Аспект Пресс, 2025. – 392 с.

Сумкина Наталья Александровна
студентка
Ефремов Евгений Андреевич
ассистент кафедры

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЛИЯНИЕ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕРТВЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Аннотация: *в статье анализируется проблематика выстраивания образа жертвы современными медиа. На примерах освещения резонансных случаев в российском информационном пространстве рассматриваются механизмы прайминга и фрейминга, специфика аудиовизуальной репрезентации, а также значение эффекта «эхо-камер» и эвристики доступности для формирования общественного мнения о пострадавших. Показано, что восприятие человека, пережившего травматичный опыт, как объекта порицания напрямую зависит от стремления медиа к упрощению материала ради рейтингов. Сформулированы рекомендации для производителей и потребителей контента по минимизации вреда жертве.*

Ключевые слова: *жертва, медиа, прайминг, фрейминг, эвристика доступности, медиаграмотность.*

Актуальность данного исследования обусловлена изменением роли медиа в эпоху цифровизации. Если до повсеместного распространения смартфонов и мобильного интернета они выполняли преимущественно функцию оповещения, то сейчас средства массовой информации и блоги являются ключевым инструментом конструирования взглядов, ценностей и поведенческих моделей людей. Особое место в этом процессе занимает освещение катастроф, криминальных происшествий и случаев социальной несправедливости. Поскольку такие сюжеты традиционно генерируют высокий читательский интерес и обеспечивают медиа экономическую выгоду, они часто подаются через призму зрелищности и скандальности, а не взвешенности и полноты картины. Это оказывает противоречивое воздействие на восприятие пострадавшего. Подробное и этически выверенное изложение материала пробуждает эмпатию, а также консолидирует общество в стремлении помочь: поучаствовать в сборе денежных средств, стать волонтёром, оказать юридическую, медицинскую или психологическую поддержку. Искажённая или некорректная подача, напротив, способствует формированию упрощённого или негативного представления о жертве, что ведёт к её вторичной травматизации и порождает культуру оправдания преступников.

Первостепенное значение при конструировании образа жертвы в медиасреде имеет прайминг – эффект, при котором упоминание определенной информации незаметно настраивает аудиторию на соответствующее восприятие события, активируя в памяти людей связанные с ним ассоциации [4]. Использование в заголовке статьи или репортажа о пострадавшем оценочных суждений и пассивного залога, а также упоминание неуместных деталей заставляет читателя или зрителя искать причину случившегося в самой жертве и испытывать к ней враждебность ещё до ознакомления с подробностями дела.

Ещё одним мощным механизмом воздействия на отношение к жертве служит фрейминг – способ подачи материала, при котором одни аспекты произошедшего намеренно подсвечиваются, а другие замалчиваются. Это задаёт жесткие границы осмысления проблемы и предопределяет её интерпретацию [1].

Эпизодический фрейминг рассматривает событие изолированно, с уклоном на эмоции и поступки его участников. Показательно иллюстрирует такой подход то, как в эфире ток-шоу «Пусть говорят» было преподнесено надругательство над несовершеннолетней Дианой

Шурыгиной. Вместо сосредоточения на факте сексуализированного насилия и доказательствах вины преступника ведущий и «эксперты» разбирали поведение потерпевшей (поездка в загородный коттедж ночью, употребление алкоголя в компании малознакомых людей, видео с танцем под музыку, выложенное девушкой через несколько суток после инцидента) и её манеру общения в студии (фривольность, грубость, ухмылки). В результате публика сочла жертву недостойной сочувствия и обвинила во лжи, что спровоцировало массовую травлю Дианы и членов её семьи в интернете и офлайн.

В отличие от эпизодического фрейминга, тематический проводит параллель между единичным случаем и системным кризисом, делая упор на причинно-следственные связи, статистику и профессиональные мнения, что позволяет общественности увидеть полную картину и повышает рациональность оценок. Так, при освещении пожара в торговом центре «Зимняя вишня» журналисты и блогеры не ограничились непосредственным описанием трагедии. В средствах массовой информации и социальных сетях активно обсуждалась причина возгорания и сопутствующие факторы (нарушения при проектировании, реконструкции и эксплуатации здания; недостаточная подготовка персонала), приводились данные о количестве смертей, а также комментарии от специалистов в области пожарной безопасности, представителей МЧС и следователей. Благодаря этому погибшие были восприняты общественностью как жертвы преступной халатности, а не нелепой случайности.

Визуальное и звуковое сопровождение материала в медиаиндустрии всегда было столь же важно, как и его смысловое содержание, однако в нынешнее время оно стало едва ли не главным в процессах репрезентации. Это связано с феноменом «клипового мышления» – человек быстро сканирует информацию, улавливая лишь ключевые моменты и яркие образы, игнорируя при этом менее значимые детали [3]. Формат съёмки, характер кадров, освещение, цветовое оформление, монтаж, музыка – все эти элементы работают в связке, формируя у аудитории определённое восприятие жертвы. К примеру, упомянутый ранее жанр ток-шоу характеризуется демонстрацией пострадавшего общим планом на контрастном фоне, изобилием шокирующих изображений, использованием жёсткого света, ярких тонов, частых склеек и нарочито драматичного аудиоряда. Человек, переживший тяжёлую ситуацию, в такой подаче – объект, а не субъект; его уязвимость эксплуатируется ради рейтингов. В интервью и документальных фильмах жертву, напротив, снимают крупным планом на нейтральном фоне; предпочтение отдаётся снимкам из личного архива, мягкому, рассеянному освещению, сдержанным оттенкам, сглаженным переходам и меланхоличной музыке. Это помогает аудитории проникнуться историей пострадавшего и способствует гуманизации его образа.

Кроме того, серьёзное влияние на восприятие жертвы оказывает эффект «эхо-камер». Цифровые медиаплатформы формируют «информационные пузыри» – персонализированные ленты, которые предоставляют пользователю контент, преимущественно соответствующий уже имеющимся у него ценностям, и ограничивают доступ к альтернативным точкам зрения [2]. В результате человек, занимающий по отношению к жертве обвинительную позицию, систематически получает материалы, легитимизирующие её. Возникает ложное ощущение, что большинство людей думают аналогичным образом, затрудняется объективный анализ сложных социальных проблем.

Данный механизм дополняется когнитивным искажением, известным как эвристика доступности. Его суть заключается в том, что люди оценивают вероятность или частоту события по тому, насколько легко им на ум приходят подходящие примеры [5]. Так, если в информационном поле преобладают новости о преступлениях, совершенных представителями определенной национальности или религии, то при столкновении с жертвой из этой же группы в сознании аудитории мгновенно всплывают стереотипные ассоциации. К примеру, при освещении взрыва в петербургском метро в 2017 году средства массовой информации в условиях отсутствия официальных данных о подозреваемом в первые часы после трагедии распространили запись с камеры видеонаблюдения, на которой видно человека с бородой и

в характерной мусульманской одежде. Поскольку такой внешний вид прочно связан в общественном сознании с угрозой терроризма, мужчину ошибочно приняли за возможного исполнителя теракта. Ильяс Никитин, увидев себя в новостях, обратился в полицию, чтобы дать объяснения и доказать свою непричастность. После этого все подозрения с него были сняты, однако волна паники уже успела нанести мужчине серьёзный урон. Из-за протестов других пассажиров его не пустили на борт самолёта, а работодатель инициировал увольнение. Эта история прекрасно отражает, как эвристика доступности меняет восприятие реальности и приводит к несправедливому осуждению случайного человека.

Резюмируя вышесказанное, влияние медиа на восприятие пострадавшего крайне неоднозначно. Нередко они закрепляют имеющиеся в обществе убеждения о том, какой должна быть «правильная» жертва, превращая тех, кто по каким-то критериям не соответствует данному образу, в объект порицания.

Исследования Герберта Ганса и других медиасоциологов показали, что в условиях рыночной конкуренции медиа вынуждены отбирать события по принципу «новостной ценности» [6].

Известия о насилии, конфликтах и трагедиях изначально обладают высокой новостной ценностью, поскольку вызывают сильную эмоциональную реакцию (страх, возмущение). Однако осмысление их глубинных причин требует от зрителя или читателя определённых когнитивных усилий. Рекламодатели же ориентируются на массового потребителя, поэтому медиа прибегают к упрощению материала и сводят сложную ситуацию к простой и понятной фабуле «сама виновата». Это обеспечивает высокие охваты без необходимости нагружать аудиторию размышлениями.

Возникает закономерный вопрос: как противостоять данной тенденции? Чтобы минимизировать вред для пострадавших, производителям контента следует:

1) проверять достоверность сведений;

2) объективно освещать контекст событий;

3) избегать навешивания ярлыков;

4) использовать визуально-аудиальные элементы медиа языка с целью вызвать сострадание, а не ради сенсационности;

5) сотрудничать с фондами, кризисными центрами и правозащитными организациями, чтобы не просто информировать аудиторию, но и оказывать реальную поддержку пострадавшим.

Со стороны потребителей контента требуется повышение уровня медиаграмотности: способность критически оценивать полученные данные, не поддаваясь на манипуляции, и развитие эмоционального интеллекта.

Список литературы

1. Актуальные вопросы массовой информации и политических коммуникаций : коллективная монография / С. В. Ануфриенко [и др.] ; под общ. ред. д-ра полит. наук, проф. А. В. Атанесяна, канд. полит. наук И. А. Румачик. – Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2017. – 214 с.

2. Водопетов, С. В. Медиаметаморфозы: адаптация аудитории к цифровым реалиям / С. В. Водопетов, И. Н. Перова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2026. – № 4–2 (115). – С. 158–162.

3. Митрофанова, И. И. Клиповое мышление: реальность и перспективы / И. И. Митрофанова // Речевые технологии. – 2019. – № 1. – С. 67–81.

4. Сарна, А. Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве / А. Я. Сарна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, Вып. 2. – С. 218–235.

5. Савченко, В. А. Солидарность и конфликт в информационном обществе / В. А. Савченко // Молодой учёный. – 2020. – № 7 (297). – С. 205–210.

6. Reese, S. D. Managing the symbolic arena : the media sociology of Herbert Gans / S. D. Reese // Wissenschaft mit Wirkung : Beiträge zu Kommunikationswissenschaft als Wissenschaft / ed. by C. Holtz-Bacha, G. Reus, L. B. Becker. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. – P. 279–293.

Тайгильдин Андрей Валерьевич
канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ КАК ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ США

Аннотация: *статья посвящена переосмыслению американцами собственной истории, которое в последнее десятилетие приобрело особенно острый характер. Рассматриваются причины роста общественного и политического интереса к историческому прошлому США, включая поиск групповой идентичности афроамериканцами, коренными народами, выходцами из стран Латинской Америки и иными социальными общностями. Особое внимание уделяется феномену «войны с историей» как форме острого противостояния различных интерпретаций национального прошлого и борьбы за определение содержания американской идентичности.*

Ключевые слова: *США, исторический ревизионизм, историческая рефлексия, конфедератопад, поиск идентичности.*

Борьба вокруг исторической памяти – явление, возникшее не в последние десятилетия, но именно сегодня она приобретает наиболее острый характер. Война за историческую память, которая подразумевает противостояние между сохранением и переосмыслением прошлого или даже попыткой его переписывания, происходит во многих странах мира, в том числе и в США.

Сегодня этот вопрос как никогда актуален, и события, связанные с разрушением памятников конфедератам, деятельностью BLM и движением латиноамериканцев, привлекают многих исследователей. Изучение примера США актуально и для России, поскольку позволяет спрогнозировать негативный сценарий борьбы за историческую память в нашей стране и разрабатывать стратегию сохранения исторической памяти в России.

Отечественные историки-американисты пытаются проанализировать события, происходившие в США. После трагических событий 2015, 2017 годов вышла статья Кузнецова Д. В. «Конфедератопад в США» [5], в которой даётся подробный анализ массовому разрушению памятников, посвящённых Конфедерации и истории Юга. В другой статье известный российский американист Курилла И. И. объясняет этот процесс кризисом американской идентичности [6]. Ещё один исследователь – Кирчанов М. В. – рассматривает движение за сохранение памяти о Конфедерации в США как пример исторического ревизионизма [4].

Вопросы о борьбе за историю как поиске новой идентичности рассматриваются в контексте концепции «Свой – Чужой», которая помогает нам понять причины требований различных социальных групп в США для пересмотра истории. По мнению Кирчанова М., ревизионизм в истории помогает сформировать собственную идентичность в плоскости «Свой – Чужой» [4, с. 279]. Этот тезис мы можем применить к деятельности любой социальной, религиозной и этнической группы; последнее является наиболее актуальным для США. Курилла И. добавляет, что подобные поиски идентичности являются ответом «изнутри», где «мы» – это часть исторического прошлого, и ответом в виде сравнения, где «мы» – это *не* кто-то другой [6, с. 87].

Появление новых групп или активизация старых приводит к исторической рефлексии. Рефлексию над историческим прошлым можно условно разделить на несколько уровней, отличающихся друг от друга по интенсивности, глубине, вовлечённости социальных групп и накалу страстей. Это деление дискуссионно и является попыткой охарактеризовать нынешнее отношение к прошлому в США.

Первый уровень – это ревизионизм, т. е. попытка взглянуть на историю под другим углом, не претендуя на изменение достоверности и не умаляя значения того или иного исторического

события. Как правило, ревизионизмом занимаются профессиональные историки. Ревизионизм помогает поставить вопросы, на которые либо ещё нет ответа, либо ответы слишком упрощены. Историки-ревизионисты не обязательно претендуют на истину, а лишь указывают на пробелы, которые существуют в восприятии прошлого. Подобный ревизионизм на примере истории США хорошо известен: это и появление негритянской истории, и пересмотр места и роли индейцев как в доколумбовой Америке, так и в Америке Нового и Новейшего времени; это и южный ревизионизм – защита истории рабовладельческого Юга и КША.

Второй уровень – переписывание истории. Если ревизионизм не встречает отпора в академической среде, есть угроза переписывания истории, то есть превращения ревизионистского взгляда в новую историческую истину. Такая ситуация может возникнуть ещё и при изменении политических режимов. Переписывание истории не обязательно приводит к искажению фактов, но всегда связано с формированием новых исторических мифов, условных исторических скреп, легитимизирующих новый политический вектор, новую власть или режим. Этим может заниматься уже более широкий круг людей – от учёных до идеологов. В США существует большое количество сообществ (южное, негритянское, индейское), которые создают собственный нарратив.

Третий уровень – война с историей. Самый радикальный способ борьбы с историей. В этот процесс вовлекаются широкие слои общества. Часто побудительные мотивы – это не научный поиск или создание идеологии, а эмоции людей. Война с историей подразумевает полный отказ от привычного исторического нарратива или культурную революцию. Исторический процесс видится в чёрно-белом цвете, события выдёргиваются из контекста, а не рассматриваются как часть сложного процесса взаимоотношений многочисленных, зачастую запутанных и противоречивых факторов. Применимо к последним двум уровням мы можем согласиться с теми историками, которые утверждают, что в постмодернистском подходе изучения истории главным является не анализ исторического источника, а его интерпретация [2, с. 233–234].

Все три уровня связаны с кризисом идентичности разной интенсивности. Возникает необходимость ответа на вопрос «Кто мы?» либо его корректировки.

Попытка ответить на этот вопрос в зависимости от уровня исторической рефлексии влияет на идентичность либо формирует новую.

В современных США вопрос «Кто мы?» стоит, пожалуй, наиболее остро. Ответы, данные в работе С. Хантингтона [7], уже не удовлетворяют нынешних американцев. Да и как тут удовлетворить, если, несмотря на серьёзные изменения в социально-политической и идеологической плоскостях, устаревшая идея WASP (White Anglo-Saxon Protestant) как ядро формирования американской нации всё ещё продолжает занимать значительное место в мировоззрении американцев. Меняется религиозно-этнический состав населения: помимо уже традиционной ревизионистской прослойки – афроамериканцев, индейцев – увеличивается количество выходцев из Латинской Америки, выходцев из стран Азии, Индии; даже негры, сегодня прибывающие из Африки или из других мест, сильно отличаются от афроамериканцев. В 2020 году в интернет-издании CBS NEWS вышла статья, в которой оговаривалась разница между чернокожими и афроамериканцами [8].

И всем этим группам нужен ответ на вопрос: кто они, какое место занимают в обществе американцев, являются ли они американцами?

Однако одним поиском идентичности не объяснить всю остроту борьбы вокруг исторической памяти.

Последствия «исторической политики» мифологизации и идеологизации прошлого стимулируют фрагментацию общества на уровне мемориальных культур [4, с. 267]. Положение для США усугубляется тем, что эти культуры слишком диверсифицированы в этническом и религиозном смысле. Идеология WASP перестала выполнять функцию самоидентификации всех американцев уже в XX веке с развитием движения за гражданские права, женского движения, движения за права афроамериканцев и индейцев. Поэтому нельзя не согласиться с

отечественным историком Гаджиевым К. С. в том, что социальные группы в процессе поиска идентичности испытывают психологическую потребность в установлении и формировании нормативного образа данного общества. Это формирование лучше проходит в наиболее однородных макрогруппах [1, с. 35]. В современных США таких групп достаточно много, и каждая из них находится в процессе поиска идентичности.

Стремление к радикальному переписыванию истории США не возникло с чистого листа. В одной статье описать всю предысторию нынешней войны за память в США не представляется возможным. Но на некоторые явления стоит обратить внимание.

В 1995 году некая Патриция Нельсон Лимерик, сотрудник Университета Колорадо, приравняла слово «фронтир» к таким словам, как N-word («ниггер»), индеец [11]. Теперь это не «фронтир», а F-word. Слово «фронтир» в американской истории имеет двоякое значение. С одной стороны, это обозначение подвижной границы, то есть той кромки американского государства, на которой встречались две культуры: индейская и американская. На протяжении всей истории этот фронтир двигался всё дальше. С другой стороны, термин «фронтир» является олицетворением идеи о прогрессе и постоянном движении американцев вперёд. В этом контексте «фронтир» является местом борьбы с природой, дикостью и варварством. По мнению Патриции Лимерик, слово «фронтир» «пропитано националистическим самовосхвалением и токсичным этноцентризмом» [11].

На другом американском сайте читатель делится историей из личной жизни, в которой священник его церкви попросил не использовать слово «бакс», поскольку в годы рабовладения так называли рабов и ими могли расплатиться. И якобы цену обозначали в «баксах», то есть рабах. На сайте дан ответ, что это утверждение неверно, и даётся этимология слова от названия оленьих шкур – buck [10]. Не будем вдаваться в подробности лингвистических версий, поскольку существует версия, что слово «бакс» – это сокращённое от бумажных денег «greenback» времён Гражданской войны. Но откуда тогда связь с рабами? Дело в том, что по специальной терминологии рабовладельцев словом Buck (Бак) обозначали крепких молодых негров, которых держали специально для сведения их с некоторыми рабынями, чтобы она родила нового крепкого раба. У женщин, которых держали для этих целей, также существовали определения: Fancy girl – молодая негритянка со светлой кожей, Wench – просто обозначение молоденькой рабыни, и др.

Многим известный конфедератопад 2015 и 2017 годов носил стихийный характер [5, с. 36]. Это была реакция американского общества на чудовищное преступление неонациста Дилана Руфа, который расстрелял прихожан в одной из негритянских церквей. В ответ на это по Америке прокатилась волна погромов, жертвами которых стали памятники и монументы, посвящённые КША или связанные с историей Юга. При этом защита исторической памяти воспринималась крайне негативно. 15 мая 2017 г. Палата представителей штата Луизиана приняла законопроект, запрещающий демонтаж памятников без референдума. Это вызвало протест группы законодателей-афроамериканцев, которые на пресс-конференции заявили, что это голосование лишний раз продемонстрировало «глубоко укоренившееся представление о превосходстве белых» [5, с. 48].

Но в декабре 2018 г. журнал Smithsonian Magazine заявил: «За последние десять лет налогоплательщики направили не менее 40 миллионов долларов на монументы Конфедерации – статуи, дома, парки, музеи, библиотеки и кладбища – и на сохранение наследия Конфедерации» [9]. Это было явное нагнетание проблемы. То есть читателям намекали, что вся эта память о Конфедерации держится за счёт их налогов. Постепенно и другие исторические деятели попали под стигматизацию только потому, что они были рабовладельцами, несмотря на их явные заслуги перед США: Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон и др.

В 2021 году разгорелся спор вокруг имени орнитолога Джона Джеймса Одюбона. Интернет-издания пестрели такими заголовками: «Крупнейшая природоохранная организация Округа Колумбия исключит расистское «Одюбон» из своего названия» [14], «Расистское наследие в

названиях птиц» [13] и др. Многие организации в честь Одюбона убрали его имя, а Национальное Одюбоновское общество сохранило имя только после долгих и бурных дебатов [12].

Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) был американским путешественником, натуралистом и орнитологом. Джеймса Одюбона, несомненно, можно считать не только одним из главных американских учёных XIX века, но и мировых. Он проделал колоссальную работу, хоть некоторые его рисунки птиц содержат неточности. Более того, его деятельность привлекла внимание американцев к природе, а птицы стали не только фоном, но предметом пристального внимания, а чуть позже и защиты. Одюбона сегодня принято ругать за то, что он владел рабами и нелестно отзывался об индейцах, но Джон Джеймс Одюбон привил миллионам американцев (и не только американцев) любовь к природе и познакомил их с удивительным миром птиц.

До 2020 года борьба за память проходила в контексте сноса памятников конфедератам, то есть тем, кто, с точки зрения простого обывателя, сражался за рабство. Однако сегодня список неугодных исторических деятелей пополняется неожиданными именами, например Христофора Колумба и даже Авраама Линкольна, памятники которых также оказались демонтированы либо подвергаются вандализму. В процесс борьбы за память включаются новые силы: так, в 2025 году Калифорния стала ареной движения латиноамериканцев, члены которого своим знаменем избрали мексиканский флаг [3]. То есть поиск их идентичности связан с соседней страной, которая до 1848 года владела этими землями.

Переписывание истории и поиск идентичности перечисленных социальных групп связаны с неудовлетворённостью существующими американскими историческими мифами; более того, многие эти мифы вызывают отторжение этих групп: миф о «Проигранном деле» негативно воспринимается негритянским сообществом, миф о «фронтире» – индейским и латиноамериканским, а идея WASP – всеми без исключения американцами неевропейского происхождения.

В войнах с историей можно обратить внимание на то, что современники проецируют на прошлое современную мораль, представление о «добре – зле», совершенно не вдаваясь в причины происходивших в какое-то историческое время событий. Можно это назвать запоздалой реакцией на несправедливость, происходившую в прошлом. Безусловно, рабство – это крайне негативное явление, но разве не в XIX веке возникло движение аболиционизма, причём в среде белого человека; безусловно, американо-мексиканская война носила грабительский характер, но не вызвана ли она была многочисленными причинами, происходившими как в США, Мексике, так и в Техасе? Продолжать подобный перечень примеров можно бесконечно. В связи с этим возникает вопрос: неужели любое нынешнее социальное потрясение можно усугубить или обострить взглядом на прошлое? Пример США даёт нам утвердительный ответ. Тем сильнее актуальность сохранения истории, причём такое сохранение, при котором профессиональные историки со своим методологическим инструментарием занимали бы значительное место.

Список литературы

1. Гаджиев, К. С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России : монография / К. С. Гаджиев. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва : Логос, 2020. – 396 с.

2. Идрисов, Р. А. Право на миф / Р. А. Идрисов, О. Н. Широков // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). – Чебоксары : Среда, 2020. – С. 232–235.

3. Хамова, Е. Воплощение миграции: протесты в Калифорнии усиливают разлад в команде Трампа / Е. Хамова, А. Костина // Известия. – 2025. – URL: https://iz.ru/1901178/ekaterina-khamova-anastasiia-kostina/voploshchenie-migracii-protesty-v-kalifornii-usilivayut-razlad-v-komande-trampa (дата обращения: 06.11.2026). – Текст : электронный.

4. Кирчанов, М. В. Проблемы исторического ревизионизма в мемориальной культуре США / М. В. Кирчанов // Американский ежегодник. – Москва, 2024. – С. 266–280.

5. Кузнецов, Д. В. «Конфедератопад» в США: причины, ход событий, последствия / Д. В. Кузнецов // Американистика на Дальнем Востоке. – 2019. – Вып. 5. – С. 36–58.

6. Курилла, И. И. Переосмысление Гражданской войны и кризис американской идентичности / И. И. Курилла // Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете : сборник докладов XXX Российско-американского семинара (Санкт-Петербург, 17–19 мая 2021 г.). – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2022. – С. 87–92.

7. Хантингтон, С. Ф. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / С. Ф. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2008. – 635 с.

8. Adams, C. Not all black people are African American. Here's the difference / C. Adams // CBS News. – 2020. – June 18. – URL: https://www.cbsnews.com/news/not-all-black-people-are-african-american-what-is-the-difference/ (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

9. Palmer, B. The Costs of the Confederacy / B. Palmer, S. F. Wessler // Smithsonian Magazine. – 2018. – December. – URL: https://www.smithsonianmag.com/history/costs-confederacy-special-report-180970731/ (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

10. Mikkelson, D. Does the Word 'Buck' Derive From a Reference to Black Male Slaves? / D. Mikkelson // Snopes. – 2001. – March 25 (updated Oct. 17, 2022). – URL: https://www.snopes.com/fact-check/passing-the-buck/ (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

11. Reynolds, D. S. Plow in One Hand, Six-Shooter in the Other / D. S. Reynolds // The New York Times. – 1995. – Jan. 22. – URL: https://www.nytimes.com/books/98/11/22/specials/reynolds-race.html (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

12. Audubon Society Keeps Name Despite Slavery Ties, Dividing Birders // The New York Times. – 2023. – March 15. – URL: https://www.nytimes.com/2023/03/15/science/audubon-society-name-change.html (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

13. Fears, D. The racist legacy many birds carry / D. Fears // The Washington Post. – 2021. – June 3. – URL: https://www.washingtonpost.com/climate-environment/interactive/2021/bird-names-racism-audubon/ (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

14. Spiegel, A. Major DC Conservation Group Will Omit Racist «Audubon» From Its Name / A. Spiegel // Washingtonian. – 2021. – October 25. – URL: https://washingtonian.com/2021/10/25/audubon-naturalist-society-will-change-its-name-citing-racist-namesake/ (date of access: 06.11.2026). – Текст : электронный.

Научное электронное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
И ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ,
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
(К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Т.Н. ИВАНОВОЙ)**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(Чебоксары, 20–21 ноября 2026 г.)

Научный редактор *Н. Н. Агеева*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Малышева*

Подписано к использованию 27.11.2026 г.
Объем 5,23 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 32,23.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф.12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
https://phsreda.com